

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ю.А.Смирнов

**МУСТЬЕРСКИЕ
ПОГРЕБЕНИЯ
ЕВРАЗИИ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ПОГРЕБАЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ
И ОСНОВЫ
ТАФОЛОГИИ**

МОСКВА «НАУКА» 1991

ББК 63.4
С50

Ответственный редактор
академик
В. П. АЛЕКСЕЕВ

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
Х. А. АМИРХАНОВ и А. А. ФОРМОЗОВ

Смирнов Ю. А.

С 50 Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. — М.: Наука, 1991 — 341 с., ил.

ISBN 5-02-009437-4

Книга представляет собой первую в мировой литературе попытку монографического исследования древнейших в истории человечества преднамеренных захоронений. Вошедший в работу каталог содержит сведения о всех мустьерских (среднепалеолитических погребениях Старого Света. Особое внимание уделено выявлению общих и специфических законов, действующих в сфере погребальной практики с древности до современности.

Для археологов, этнографов, антропологов.

С $\frac{0504000000-154}{042(02)-91}$ 102-90 (I полуг.)

ББК 63.4

ISBN 5-02-009437-4

© Издательство «Наука», 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Лежащая перед читателем книга в высшей степени актуальна. Это ее свойство определяется двумя обстоятельствами: значительной переоценкой уровня развития мустьерской культуры в последние два-три десятилетия, противостоящей традиционному взгляду на нее как на культуру периода крайней дикости, и большим местом, которое занимает в этой переоценке та или иная трактовка мустьерских погребений.

За исключением не очень многочисленных находок последних двух десятилетий, автор использовал материалы, уже давно фигурировавшие в мировой литературе. В этом и сильная, и слабая сторона его позиции. Слабая — потому что он зависел от литературы, часто относящейся к началу века, и был ограничен в возможности внесения в арсенал фактов своих собственных оригинальных наблюдений, сужен в творческом подходе к предмету рамками существующих интерпретаций. Сильная — потому что каждое из мустьерских погребений, даже предполагаемых, много лет было в центре внимания научной общественности, первичные описания этих погребений многократно комментировались и подвергались придирчивой критике, вокруг каждого из таких погребений создавалась целая библиотека трактовок и мнений, опирающаяся на их реально существующие особенности.

Перед нами практически исчерпывающая сводка тех данных, которые можно было извлечь из литературных источников, просеивая через критическое сито повторные описания одних и тех же обстоятельств погребений, вылавливая неточности и пытаясь реконструировать подлинную ситуацию. Ю. А. Смирнов проделал огромную, неценюмую по своему значению работу, освободив сотни, а может быть, даже тысячи специалистов у нас и за границей от необходимости рыться в первоисточниках и сопоставлять содержащиеся в них противоречивые констатации и оценки.

В интерпретационной части прежде всего бросается в глаза, что автор похвально осторожен и старается (нужно сказать, что это ему полностью удается) скрупулезно следовать за фактами, избегая внесения в эмпирическую ситуацию любых гипотез, которые из нее непосредственно не вытекают. Я имею в виду столь широко распространенные в литературе рассуждения о религии у неандертальцев и ее формах, уровне «духовности» их внутреннего мира и подобные гипотезы, часть из которых даже интересна и имеет право на существование, но носит ярко выраженный умозрительный характер. Автор избегает обращаться и к данным смежных дисциплин, например, результатам изучения эндокранов (слепков мозга) ископаемых гоминид, — сфере, в которой достигнуты на протяже-

нии пары последних десятилетий значительные успехи и предложены довольно убедительные функциональные истолкования макроструктуры мозга, экстраполируемые и на социальное поведение. Это, с моей точки зрения, не недостаток, а огромное достоинство книги: она построена на системе однородных фактов, чиста от подходов *ad hoc*, совокупность объясняющих гипотез вытекает из самих этих фактов и ими же строго доказывается. Логика изложения производит поэтому глубокое впечатление сама по себе, вне зависимости даже от того, имеет ли дело автор с согласным с ним или инакомыслящим читателем.

Объективностью в изложении материала и непредвзятостью его анализа, без опоры на ту или иную из существующих концепций, предопределены убедительность и аргументированность конечных выводов.

После появления этой работы уже невозможно, как мне кажется, два утверждения: а) непреднамеренность захоронения трупа с теми атрибутами, которые его сопровождают; б) объективность действий, в результате которых труп оказывается в земле и сохраняется. Оба этих утверждения должны быть сданы в архив археологической и антропологической наук, и вместо них очевидным и достаточно полно доказанным выглядит противоположный тезис о наличии погребений в мустьерскую эпоху, их конструктивной и атрибутивной сложности и топографическом разнообразии.

Ю. А. Смирнов не ограничился полной и всесторонней аргументацией этого тезиса, а предложил и развил интересную систему понятий, связанных с погребальным комплексом в целом, — систему, с моей точки зрения, заслуживающую обсуждения и дальнейшей разработки.

Из всего сказанного вытекает определенно, что редактор чрезвычайно высоко оценивает книгу, предложенную вниманию читателя, и считает ее крупным вкладом в археологию и палеоантропологию. Она совершенно необходима и при описательном, и при теоретическом изучении начал человеческой истории.

В. Алексеев

ВВЕДЕНИЕ

Предисловие

Мустьерские («неандертальские») погребения¹ представляют собой первые в истории человечества достоверные следы захоронения умерших. Они появляются на территории Евразии в эпоху Раннего Вюрма (примерно 90—80 тыс. лет назад) и знаменуют начало погребальной практики в виде одной из основных форм преднамеренного человеческого погребения — ингумации².

Впервые они были обнаружены столетие назад, и с тех пор проблема древнейших погребений не сходит со страниц как научной, так и научно-популярной печати.

Подобный интерес к мустьерским погребениям вполне естествен, потому что с их возникновением появляется совершенно особый источник знания как о самом человеке, так и о различных сторонах его жизнедеятельности. Более того, феномен погребения и первоначальные формы «культы мертвых» привлекают постоянное внимание исследователей еще и потому, что позволяют судить об истоках и путях развития того в целом уникального для палеолита явления, которое только с мезолитического времени начинает принимать систематический характер и лишь в дальнейшем (в эпоху бронзы) становится нормой, продолжая оставаться таковой для большинства человечества в позднейшие периоды его истории.

Поведение человека до момента возникновения преднамеренных погребений практически не выходит за рамки утилитарной деятельности и может рассматриваться как два дополняющих друг друга типа адаптации: природный и культурный (палеокультурный). Природный тип адаптации включает в себя освоение пространства как вертикальное (переход к прямохождению), так и горизонтальное (освоение первоначального местобитания и выход из него — расселение), стабилизацию и регуляцию размножения, воспитание потомства и т. п. Культурный (т. е. изначально не свойственный данному биологическому виду) тип адаптации включает в себя освоение техники (использование и изготовление орудий), освоение пространства (использование и строительство жилищ), освоение энергии (использование и добыча огня) и т. п., но не более того, по крайней мере, если основываться на археологических данных (рис. 1). Таким образом,

¹ Данные погребения принадлежат различным представителям палеоантропа (в том числе и неандертальцам), который был создателем мустьерского культурного комплекса. Поэтому наименование «мустьерские погребения» более соответствует исторической реальности, сравнительно строго ограниченной временными и культурными рамками, чем наименование «неандертальские погребения»; чаще употребляющееся в отечественной литературе.

² От лат. in-humo — в землю; in-humare — покрывать землей, предавать земле.

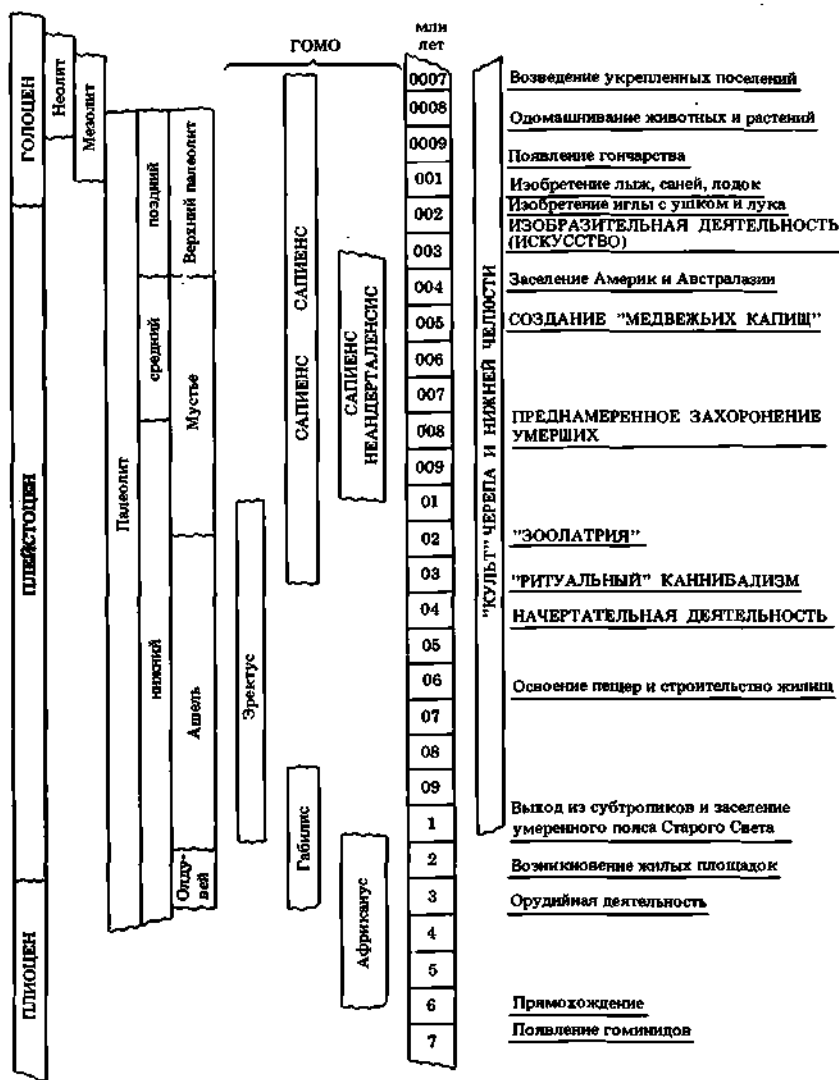

Рис. 1. Соотношение адаптивной и неадаптивной деятельности человека каменного века

речь идет о деятельности, направленной в основном на удовлетворение витальных потребностей, т. е. на приспособление к окружающей среде с целью самосохранения вида, жизнеобеспечения отдельного индивидуума и, по мысли И. И. Шмальгаузена, преемственности его существования в ряду будущих поколений (Шмальгаузен И. И., 1983. С. 91).

В этой связи «смерть, — как писал К. Маркс, — кажется жестокой

победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* и как таковое смертен»³. Безусловно так. И все же с известного момента человек не только осознает единство «рода» и индивидуума, но как существо социальное замечает это (пусть кажущееся) противоречие и пытается его «снять», стараясь удержать умершего сородича в своей среде и в ряде случаев проявляя о нем особого рода заботу, выражающуюся в устройстве для него специального захоронения.

Преднамеренные человеческие погребения — один из ценнейших (перспективных) вкладов палеоантропа в общечеловеческую культуру, ибо их создание позволило разрешить не только коренное противоречие между видом и индивидуумом, но и в определенной степени противоречие между жизнью и смертью: смерть есть прекращение существования индивидуума (Гете), преднамеренное погребение — его продолжение. Иными словами, возникновение погребений можно рассматривать как своеобразную победу рода Номо над смертью.

Подобное обращение с умершими возможно только при достаточно устойчивых и относительно строго определенных социальных связях в первичной (социально малой) группе, ясно осознающей свое единство, что, безусловно, ведет к еще большему укреплению самих социальных связей внутри такой группы.

Конкретные формы погребальных обрядов могли быть порождены различными типами кровнородственных связей, могли зависеть от обстоятельств, места и времени смерти, пола, возраста и социального статуса умершего. Более того, сравнительно сложные формы обращения с умершими, такие, как обезглавливание, снятие с костей мягких тканей, перезахоранивание и др., существовавшие уже на этом этапе развития общества, со всей очевидностью указывают и на достаточно уже сложные идеологические представления, также лежавшие в основе мустьерских погребальных обрядов. Но главную причину возникновения погребальной практики все же следует видеть в усложнении и упрочении социальной организации древнего человека, в смене форм его социального поведения.

Таким образом, возникновением преднамеренных погребений определяется начало особого этапа в развитии человеческого общества, на котором появляются сверхнормативные и к тому же прямо неадаптивные виды деятельности, происходит переход от палеокультурного типа поведения к неокультурному, т. е. свойственному и современному человеку.

Трудно переоценить значение первых погребений в истории развития и человеческого общества, и самого человека, поскольку переход к качественно новой форме обращения с умершими свидетельствует не только об усложнении общественных отношений (базисных и надстроечных), но и о возникновении в среде палеоантропов принципиально нового вида социальных связей, проявляющихся в заботе об умерших сородичах, в выделении им части продуктов производства, в затратах (и порой существенных) времени, мускульной и интеллектуальной энергии и т. п., необходимых для создания погребений.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119.

Вместе с тем возникновение погребальной практики породило, вероятно, одну из самых ранних (и одну из самых фундаментальных) космологических моделей, т. е. позволило человеку впервые создать свой собственный, сугубо искусственный мир — мир мертвых («мир иной» — так называемое потустороннее царство) и таким образом встать на путь окончательного выхода за пределы чисто биологической эволюции, начать творить новую культуру, собственную «мифологизированную» историю.

И действительно, именно соблюдение пиетета по отношению к умершему поставило человека неизмеримо выше других представителей живой природы. А ритуальное погребение — одна из форм выражения такого пиетета — стало всеобщей особенностью человеческой культуры, одним из панкультурных ее элементов.

В истории человечества было немало переломных моментов, приводивших к появлению новых видов деятельности, новых видов общественных отношений. Одним из таких переломных моментов и стал переход от нижнего палеолита к среднему, основным действующим лицом которого был *Homo sapiens neandertalensis*, носитель не только мустьерского, но и верхнепалеолитического индустриального комплекса, творец первых изобразительных композиций, создатель искусственных захоронений людей и животных и соответственно первых мифологических представлений, получивших материальное воплощение в этих погребениях.

Изучение каменного века, раздвинувшее в последние десятилетия пределы человеческой истории по крайней мере на 2,5 млн лет, показывает, что практически за весь этот колоссальный период ни один умерший не был предан земле. Однако это вовсе не означает, что до определенного момента человечество вообще не обращало внимания на своих покойников. Вполне вероятно, что какие-то действия над умершими (помимо чисто каннибальских) совершались и в более раннее время. Но либо они имели иные формы, чему есть определенные свидетельства, например, «культ» черепа и нижней челюсти в раннем палеолите (Wernert P., 1948; Bouyssonie J., 1954; Bergounioux F. M., 1958; Schott L., 1979; Смирнов Ю. А., 19876), и не заканчивались захоронением останков умершего, либо осуществлялись таким образом, что со временем становились недоступными для исследователей.

Как бы там ни было, преднамеренные погребения — в наиболее типичной для человечества форме — захоронение целого или расчлененного тела в земле или под камнями — известны только с эпохи мустье, причем практически в готовом виде, со всеми присущими им атрибутами. Но это вовсе не значит, что до момента их появления на исторической арене существовали какие-то «зародышевые» формы погребений (как об этом писали, да и пишут многие исследователи), поскольку труположение в земле, по определению, не может иметь «зачаточный» характер, так как он во многом задан и строением человеческого тела, и действием общих и специфических законов природы, и, наконец, внутренними закономерностями самой погребальной практики, определяющими пути и линии ее развития. Другими словами, следует помнить, что отдельные виды погребений как бы не имеют «исторического детства», поскольку формы их повторяются с древности до современности и уже с самого начала

известен фактически полный набор их основных вариантов. Этим объясняется и тот хорошо известный факт, что разные формы общественных отношений порождают сходные формы погребений и, наоборот, за разными формами погребений лежат сходные формы общественных отношений. . . Поэтому-то сравнительно развитая морфология мусъерских погребений не должна казаться чем-то сверхъестественным.

В настоящее время известно сравнительно небольшое число достоверных мусъерских погребений. По самым оптимальным подсчетам, в Евразии находится немногим более 50 возможных погребений, среди которых есть одиночные, двойные и коллективные, и соответственно немногим более 60 индивидуумов, захороненных в течение мусъерской эпохи, точнее, за ее последние 50—55 тыс. лет (в среднем один погребенный на тысячелетие!).

Однако, несмотря на столь, казалось бы, незначительное число погребений, структура этих памятников и характер составляющих их компонентов изучены еще совершенно недостаточно. Об этом свидетельствует прежде всего то, что среди исследователей никогда не было согласия относительно числа открытых мусъерских погребений. Далее, материалы одних и тех же памятников не только служат основанием для построения диаметрально противоположных концепций, но и позволяют одним авторам отрицать существование преднамеренных мусъерских погребений или по крайней мере не считать их «настоящими» погребениями, а другим — признавать наличие в мусъе погребальной практики, причем в достаточно развитых формах.

Эти «разночтения», по-видимому, объясняются не столько идеологическими, теоретическими и методологическими разногласиями авторов, сколько состоянием самого материала, отличающегося явно недостаточной информативностью источников, в целом довольно скудных и малочисленных и трудно или, наоборот, слишком уж легко интерпретируемых. Источников, которые по целому ряду причин с самого начала и по сей день остаются чрезвычайно слабо документированными, имеющими огромное число, увы, уже невозможных информационных лагун.

С другой стороны, мусъерские погребения оказались столь притягательным и столь благоприятным источником для всякого рода толкований, что появление этих толкований возрастало в геометрической прогрессии по сравнению с числом открываемых захоронений. Но удивительно, что если интерпретации различных авторов достаточно часто и во многом совпадали, то описания одних и тех же погребений (по крайней мере в деталях) — практически никогда.

Тут, по-видимому, сыграли роковую роль пробелы и разночтения в источниках первичной информации, да и некорректное обращение с ними со стороны многих исследователей. Другими словами, мусъерские погребения за столетие, прошедшее с момента их открытия, превратились из источника информации в источник спекуляции, который из-за некритического отношения к материалу, грубых ошибок в описаниях, самых невероятных измышлений и недоразумений, кочующих из работы в работу, разрастался подобно снежному кому и создавал такой «информационный шум», полностью снять который, вероятно, уже невозможно. Невозможно

не только потому, что из-за неудовлетворительной методики раскопок и фиксации ископаемых остатков (особенно в конце XIX и первой половине XX в.) археологические источники оказались плохо документированными, и не только потому, что на протяжении многих лет информация о них подвергалась различным искажениям, но и потому, что до сих пор не существует ни одной удовлетворительной сводной работы, в которой были бы собраны и критически освещены все источники, связанные с открытием этих захоронений.

Важность проблемы и нескончаемая полемика увеличили потребность написания данной работы. Выполнить эту работу необходимо было еще и потому, что многочисленные исторические интерпретации в этой области плохо обоснованы и страдают предвзятостью порой просто из-за отсутствия одноплановых описаний имеющегося материала. Таким образом, в этой области актуален не столько пересмотр гипотетической части научного наследия, сколько ревизия его фактической базы, ибо неверная исходная информация естественным образом приводит к произвольной исторической интерпретации.

Постановка проблемы

Мустьерские погребения порождают целый комплекс проблем разной степени сложности и разного уровня значимости.

Первый уровень — фактологический, на котором исследователь пытается ответить на вопрос «что?»: что представляют собой памятники такого рода вообще и что представляют собой анализируемые памятники в частности, т. е. выясняется структура и функция изучаемого объекта. Далее, что отбирается в качестве анализируемого материала и каковы принципы отбора. Затем, что было обнаружено в каждом конкретном случае, т. е. был ли установлен факт преднамеренного погребения и исходя из каких оснований, кем и когда этот факт был установлен? И, конечно, что представляют собой формы существования данного явления, нашедшие отражение в вещественных источниках.

Второй уровень — интерпретационный, на котором исследователь стремится ответить на вопрос «почему?». В частности, почему в человеческом обществе появляется такой вид деятельности, как захоронение умерших, ранее неизвестный, во всяком случае в данных формах. Это уровень, на котором делается попытка выявить причины, вызвавшие к жизни данное явление. На этом же уровне по мере возможности дается логическая реконструкция процессов возникновения и формирования изучаемого объекта. (Часть поставленных на интерпретационном уровне проблем по сути не может иметь однозначного решения, или получение такого решения — это проблема времени.)

В предлагаемой работе в основном затронуты проблемы первого уровня, и лишь в отдельных случаях предприняты попытки выхода на второй. Так, автор совершенно сознательно оставляет в стороне стремление реконструировать и интерпретировать формы религиозных представлений палеоантропа, нашедшие отражение в данных памятниках. Отказ от такого рода реконструкций и интерпретаций носит скорее методологический, чем теоретический, характер, так как морфология

мустьерских погребений (в сравнении с морфологией, скажем, погребений верхнепалеолитических) должна неоспоримо свидетельствовать о религиозной окрашенности погребальных обрядов среднего палеолита. Коль скоро мы признаем (а это давно уже стало аксиомой) за погребениями, созданными ископаемым неолитом, развитые религиозные представления, хотя по сути никаких прямых доказательств этому не имеем, то на тех же основаниях — развитые формы обрядности — мы должны признать их и за погребениями, созданными палеолитом. Хотя и в том и в другом случае, пытаюсь объяснить наличие преднамеренных погребений существованием религиозных представлений, а существование религиозных представлений — наличием преднамеренных погребений, мы, по очень точному выражению В. К. Никольского, «попадаем в волшебный круг, где два тезиса пытаются обосновать свою реальность, опираясь один на существование другого» (Никольский В. К., 1923. С. 82). Действительно, следуя по этому пути, мы совершаем весьма частую логическую ошибку — предвосхищение основания, поскольку нет третьего решающего аргумента для однозначного ответа на этот вопрос, «потому что нет „живых“ культурных фаз, строго соответствующих ископаемым древнекаменным» (Никольский В. К., 1923. С. 82). Но даже если до эпохи этнографического изучения первобытных народов и сохранились бы такие фазы, то и в этом случае мы не нашли бы однозначных решений, поскольку, во-первых, любые первобытные народы уже прошли к этому времени значительный путь развития, во-вторых, за одинаковыми формами погребений часто кроются различные формы религиозных представлений и наоборот, а, в-третьих, этнографические параллели, особенно из области идеологических представлений, всегда могут выступать как за, так и против любых реконструкций, основанных только на изучении материальных остатков (Токарев С. А., 1964; Leroi-Gourhan A., 1964; Kroeber A. L., 1927 и др.) А трудность таких реконструкций «вне оценки их собственной вероятности», как верно отметил Ф. Харрольд, «заключается прежде всего в том, что они непроверяемы» (Harrold F. V., 1980. P. 195).

Более перспективными в этом отношении представляются историко-культурные и социологические интерпретации (и тут автор следует по пути, уже намеченному его предшественниками: Binford S. R., 1968; Harrold F. V., 1974; 1980; Quéchon G., 1976), опирающиеся не на общие рассуждения о неандертальских религиозных представлениях, «весьма смутных и неопределенных» (Кривелев И. А., 1975. С. 17), или на размышления о расцвете смутно определимого человеческого духа (Verdoux F. M., 1958. P. 165), а на достаточно объективные данные о хронологии памятников, их культурной принадлежности и половозрастных показателях погребенных, ну и конечно же, на анализ самих погребальных комплексов. Однако и на этом пути имеется большое число трудно преодолимых препятствий, порожденных недостаточной разработанностью вопросов хронологии и типологии памятников (что порой делает их несопоставимыми), расхождениями в оценках половозрастного статуса захороненных индивидуумов, крайней малочисленностью самих памятников и в довершение к тому неадекватным отражением в материальных остатках значительной части реальных форм человеческой деятельности, направленной на захоронение умерших.

Цели и задачи исследования

Данная работа преследует несколько целей. Прежде всего, цель ее состоит в том, чтобы дать возможно полный историографо-источниковедческий обзор, который позволил бы понять, какие именно причины вызывали непрекращающуюся полемику, характерную для этой проблемы. За счет каких обстоятельств возникают несоответствия во взглядах ученых и в какие моменты создается наибольший «информационный шум», препятствующий объективной оценке имеющихся материалов. Затем, автор стремится к тому, чтобы представить настолько полно, насколько это возможно в современных условиях, содержащийся в первоисточниках материал и критически оценить его, главным образом с точки зрения полноты и достоверности имеющихся сведений. Основной акцент в работе делается именно на первоисточники, т. е. на документацию, составленную авторами открытий или наблюдателями, присутствовавшими на раскопках⁴. Однако с целью наиболее полного освещения материала постоянно привлекаются как данные смежных с археологией дисциплин, так и археологические исследования, содержащие ревизию изучаемых материалов и позволяющие давать им более строгие оценки. Наконец, в работе предлагается определение погребения как процесса, как объекта и предмета исследования, выработанное при сопоставлении определяющих признаков преднамеренных и непреднамеренных погребений на основе системного подхода к погребальным обрядам. В дальнейшем на базе этого формулируются и обосновываются принципы отбора данных, послуживших исходным материалом для предлагаемой работы. Эта задача, пожалуй, является одной из самых важных, так как в конечном счете именно от ее решения зависит то, какой материал послужит базой для исследования. Последняя цель работы заключается в том, чтобы представить модель погребального комплекса, которая была положена в основу составления одноплановых описаний отобранного для исследования материала.

Частные задачи исследования состоят в том, чтобы определить характер и степень географических, хронологических, культурных, антропологических и социальных (здесь — половых) изменений и таким образом выявить определяющие факторы формообразования и трансформации структур погребального комплекса.

⁴ К сожалению, следует признать, что с одной стороны, недоступность подавляющего большинства архивных материалов, а с другой — некоторые пробелы в подборке литературы, особенно зарубежной (в частности, периодической) в доступных автору библиотеках СССР и отказы на некоторые издания, полученные из ряда зарубежных библиотек, сделали работу не настолько полной, насколько она могла бы быть, располагай он хотя бы всеми опубликованными материалами. Так, например, автор не имел возможности ознакомиться с обстоятельствами находки скелета женщины на стоянке Шубайюк в Венгрии в 1932 г. (Если в гроте Шубайюк имело место преднамеренное погребение, то оно оказалось бы первым из открытых мустьерских погребений в Центральной Европе, где до сих пор не зафиксировано ни одного памятника подобного рода.)

Географические, хронологические и культурологические рамки работы

Географические рамки работы ограничены территорией Евразии (рис. 2), где к настоящему времени имеется минимум 18 местонахождений, на которых обнаружены остатки минимум 59 преднамеренно захороненных индивидуумов. По частям света весь материал делится соответственно на две большие группы: европейскую — 11 местонахождений с остатками 26 индивидуумов и азиатскую — семь местонахождений с остатками 33 индивидуумов (табл. 1). В работе рассматриваются только мустьерские погребения Евразии по той причине, что для других континентов, кроме Африки, они пока неизвестны. Но африканские материалы этого периода трудно сопоставимы с евразийскими из-за своей специфики и слабой разработанности данной тематики для районов Восточной и Южной Африки (Григорьев Г. П., 1977. С. 169—190), где, возможно, и имеется четыре погребения: 1) взрослый индивидуум — Омо 1 (Кибис) ⁵ — в Эфиопии (Butzer K. W., 1969. P. 1137, 1138; Leakey R. E. F., 1969. P. 1138—1140; Day M., 1969. P. 1140—1143); 2) ребенок 4—5 месяцев — Бордер 3 (Cooke H. B. S. a. o., 1945. P. 6—13); 3) взрослый индивидуум — Боскоп 1 (Fitzsimos F. W., 1915. P. 615, 616); 4) взрослый индивидуум — Фиш Хок 1 (Keith A., 1931. P. 126—142) — в Южной Африке. Причем находки из пещеры Бордер и скального убежища Фиш Хок обычно расцениваются как погребения, а находки из открытых стоянок Омо и Боскоп в принципе могут быть отнесены к преднамеренным погребениям на основании комплектности скелетных остатков (см. ниже), обнаруженных там.

Хронологически все погребения не выходят за нижние пределы последнего вюрмского (валдайского) оледенения и в целом ограничены двумя его первыми стадиялами — Вюрм I и Вюрм II — и соответствующим интерстадиалом — Вюрм I/II (с возможным захватом интерстадиала Вюрм II/III для погребения Амуд 1) ⁶. В абсолютном летоисчислении это соответствует промежутку времени примерно в 60 тыс. лет, в пределах от 90 до 35—33 тыс. лет. (В работе принята альпийская номенклатура, с которой в принципе соотносятся геологические шкалы других рассматриваемых здесь территорий: Woldstedt P., 1962; Gross H., 1963; Иванова И. К., 1965; Долуханов П. М., 1966; 1979; Butzer K. W., 1971; Horowitz A., 1979; Палеогеография. . ., 1982.)

В качестве «мустьерских» для исследования были отобраны только

⁵ Наименование и нумерация погребений (индивидуумов) соответствуют системе обозначений, принятой в Каталоге ископаемых гоминидов (Catalogue. . ., 1971; 1975; 1977), за исключением открытий последних лет, не учтенных в упомянутых изданиях: Ферраси 7, Сен-Сезер, Заскальная VIa, б, в и Кебара 3 (находка 1983 г.). Кроме того, по разным причинам для трех индивидуумов из пещеры Шанидар и двух из грота Кебара принята иная, чем в Catalogue нумерация (см. ниже Каталог мустьерских погребений).

⁶ За сомнительным исключением погребений Кник-Коба 1 и Тешик-Таш 1, которые разными исследователями датируются по-разному и иногда помещаются в пределы рисс-вюрмского и даже миндель-рисского периодов (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; Громов В. И., 1948; Окладников А. П., 1949; Громова В. И., 1949; Суслова П. В., 1949; Иванова И. К., 1965; Klein R. G., 1965; Векилова Е. А., 1971; Сулейманов Р. Х., 1972; Колосов Ю. Г., 1983 и др.).

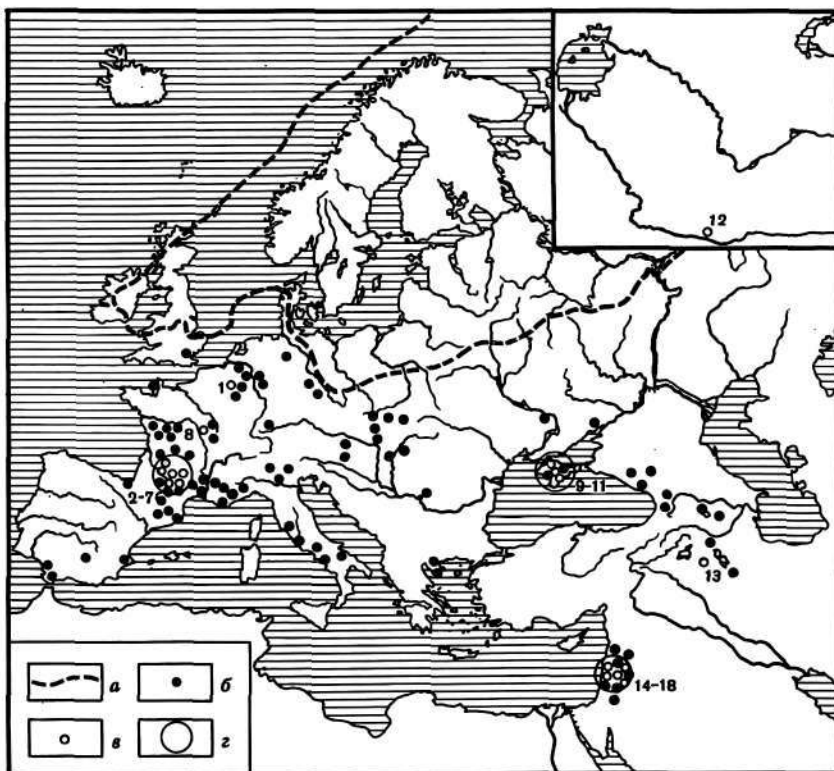

Рис. 2. Распространение среднепалеолитических местонахождений Евразии с костными остатками ископаемых гоминидов

a — граница максимального распространения вюрмского (валдайского) оледенения; *b* — местонахождения без преднамеренных захоронений; *v* — местонахождения с преднамеренными погребениями: 1 — Спи, 2 — Ля Шапель-о-Сен, 3 — Ле Мустье, 4 — Ля Ферраси, 5 — Ля Кина, 6 — Регурду, 7 — Рок де Марсаль, 8 — Арси-сюр-Кюр, 9 — Кник-Коба, 10 — Староселье, 11 — Заскальная VI, 12 — Тешик-Таш, 13 — Шанидар, 14 — Амуд, 15 — Мугарет эт-Табуи, 16 — Мугарет эс-Схул, 17 — Джебел Кафзах, 18 — Кебара (1 — Бельгия, 2–8 — Франция, 9–12 — СССР, 13 — Ирак, 14–18 — Израиль); *z* — очаги тафологической активности

те погребения, которые ассоциировались с мустьерской индустрией в различных ее типологических и технологических вариантах ⁷.

Таксономически все погребенные индивидуумы распределяются по

⁷ В последнее время появились сообщения о находке неандертальского скелета в шатльперонском слое (уровень 5) местонахождения Рош-а-Пьеро в Сен-Сезере (Шарант—Мари-тим, Франция), возможно, являвшегося объектом преднамеренного погребения (Lévêque F., Vandermeersch B., 1980; 1981; Chalm M.-C., 1980). Но данная находка в силу поставленных культурологических ограничений здесь не рассматривается. Помимо этого, предварительный характер публикаций пока не позволяет в необходимой степени судить об археологическом контексте этого открытия. (Это уже второй случай обнаружения костных остатков неандертальцев в верхнепалеолитических отложениях. Речь идет о зубной серии, найденной А. Леруа-Гураном в шатльперонских уровнях грота Северного оленя в Арси-сюр-Кюр. См.: Leroi-Gourhan A., 1959.)

Таблица 1. Мустьерские погребения

№ п/п	Страна и местонахождение	Год открытия и автор раскопок
Бельгия		
1	Спи (2, 3) *	1886 — М. Лоз и М. Пюж
Франция		
2	Ля Шпель-о-Сен (1, 1)	1908 — А. и Ж. Буиссони и Л. Бардон
3	Ле Мустье (1, 1)	1908 — О. Хойзер
	Ле Мустье (1, 1)	1914 — Д. Пейрони
4	Ля Ферраси (6, 7)	1909—1921 — Л. Капитан и Д. Пейрони
	Ля Ферраси (1, 1)	1973 — А. Дельпорт
5	Ля Кина (1,1)	1911 — А. Мартен
6	Регурду (1, 1)	1957 — Р. Констан; 1961 — Э. Бонифе
7	Рок де Марсаль (1, 1)	1961 — Ж. Лафиль
8	Арси-сюр-Кюр (1, 3?)	1946 — А. Леруа-Гуран
СССР		
9	Кник-Коба (2, 2)	1924 — Г. А. Бонч-Осмоловский
10	Староселье (1, 1)	1953 — А. А. Формозов
11	Заскальная VI (1?, 3)	1973 — Ю. Г. Колосов
12	Тешик-Таш (1, 1)	1938 — А. П. Окладников
Ирак		
13	Шанидар (6?, 9)	1953—1960 — Р. Солецки
Израиль		
14	Амуд (1, 1)	1961 — Х. Сузуки
15	Табун (1, 1)	1932(?) — Д. Гаррод
16	Схул (10, 10)	1931—1932 — Т. Маккоун
17	Кафзех (2?, 3)	1934—1935 — Р. Невиль и М. Штекелис
	Кафзех (4, 5)	1965—1973 — Б. Вандермеерш
18	Кебара (2?, 2?)	1964—1965 — М. Штекелис
	Кебара (1, 1)	1983 — Франко-израильская экспедиция

* Первая цифра в скобках указывает на число обнаруженных погребений, вторая — на число погребенных.

двум большим группам. В первую входят западноевропейские, так называемые классические или специализированные неандертальцы (шапельский тип), к которым в целом присоединяются отдельные (более вариabельные) неандертальские формы Крыма, Средней и Передней Азии (Якимов В. П., Харитонов В. М., 1979; Stewart T. D., 1977; История... 1983). В данной работе они выделены в отдельную третью, группу — «неандерталоиды». Во вторую большую группу входят так называемые сапиентные формы из Схул, Кафзех и Староселья — «сапиенсы».

Несмотря на то что вопрос о степени сапиентности отдельных представителей достаточно полиморфной группы «сапиенсы» не решен оконча-

тельно, все же гипотеза, согласно которой часть палеоантропов относится к виду *Homo sapiens sapiens*, приобретает все большее число сторонников. Как известно, в начале 60-х годов Д. Р. Бротвел (Brothwell D. R., 1961), предприняв пересмотр ископаемых антропологических остатков из Схул, предложил для них новую видовую таксономию — *Homo sapiens*. Начиная с 1966 г., Б. Вандермеерш выступил с серией статей (Vandermeersch B., 1966a; 1966b; 1968; 1969), посвященных видовому статусу кафзехских гоминидов, таксономический ранг которых он определял как ранг *Homo sapiens sapiens*. Затем эта точка зрения была принята А. Валюа, который совместно с Б. Вандермеершем опубликовал в 1972 г. исследование черепа Кафзех 6 (Vallois H. V., Vandermeersch B., 1972). В начале 70-х годов новая таксономия была поддержана В. В. Хауэллзом (Howells W. W., 1973; 1974), а в 1979 г. — А.-М. Тилье (Tillier A.-M., 1979), опубликовавшей описание черепа ребенка Кафзех 4 и сближавшей его с ребенком из Староселья и людьми типа Схул, с таксоном *Homo sapiens sapiens*. В 1981 г. вышла в свет монография Б. Вандермеерша, в которой он фундаментально аргументирует свою точку зрения на людей Кафзех и Схул как на представителей вида *Homo sapiens sapiens* и рассматривает их как протокриманьонский тип человека. Как ни относиться к этой таксономии, следует помнить, что сапиентность данных форм признана подавляющим большинством антропологов и выделение их в отдельную группу представляется вполне обоснованным.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

Соотношение тафономии и тафологии

Практика обращения с умершими во всем многообразии ее форм, в том числе и в форме создания погребений, является не только всеобщей, но и особой сферой деятельности человека, во многом независимой от других ее областей. В системе человеческой деятельности практика обращения с умершими, так же как и другие обособленные сферы, может быть выделена за счет наличия в ней собственных целей и средств, определяющих характер протекания процесса, в ходе которого эта деятельность осуществляется, и которые обуславливают его конечный результат. На этом основании представляется логичным ввести особый термин — *тафология*¹, предполагающий, с одной стороны, всю сумму традиционных знаний любого конкретного общества о способах обращения с умершими и, в частности, об их преднамеренном погребении, а с другой — изучение этой сферы деятельности человека.

Выделение тафологии в качестве особого направления знаний кажется разумным и еще с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения соблюдения терминологического единообразия (по аналогии с тафономией)², а, во-вторых, с точки зрения разграничения сфер изучения непреднамеренных (естественно образовавшихся) и преднамеренных (искусственно созданных) погребений. И те и другие виды погребений могут содержать как человеческие остатки, так и остатки флоры и фауны, но закономерности их образования различны, в то время как процессы дезинтеграции и фоссилизации, происходящие в период их существования, во многом сходны, хотя и здесь наблюдаются определенные отличия.

В тафологии, как и в любой сравнительно обособленной области человеческой деятельности, существует не только весь спектр общих и частных законов природы (от закона Ньютона³ до закона Нистена⁴), но и целый ряд внутренних закономерностей погребальной практики, диктующих пути и линии ее развития.

¹ От греческих слов *τάφος* — погребение, похороны, место погребения, могила и *λόγος* — знание, учение.

² От греческих слов *τάφος* — погребение и *νόμος* — закон.

³ Имеется в виду закон всемирного тяготения.

⁴ Согласно закону Нистена, процесс окоченения тела обычно начинается через 4—12 часов после смерти. От нижней челюсти оно переходит на шею и мышцы затылка, затем спускается ниже. Исчезает в том же порядке в течение шести дней, когда начинается процесс разложения. Исходя из этого, следует помнить, что поза погребенного, заданная ритуалом, может быть придана его телу либо до развития окоченения, либо после окончания этого процесса.

Выявить общие и специфические законы, действующие в сфере обращения с умершими, необходимо прежде всего для того, чтобы понять и объяснить тот удивительный, казалось бы, факт, что первые преднамеренные погребения возникают примерно 90 тыс. лет назад во всей своей структурной полноте и практически со всеми присущими им в дальнейшем атрибутами. Необходимо это и для того, чтобы определить внутренние закономерности, которые лежат в основе тафогенеза преднамеренного погребения, так как в нем практически не наблюдается равномерного (линейного) развития от простых форм к сложным:

1. Позы погребенных (обряд труположения) повторяются с древности до современности, и уже в мустье зарегистрирован почти полный набор их основных вариантов.

2. Все погребальные сооружения, так или иначе связанные с литосферой, т. е. созданные в ней или изготовленные из ее элементов, уже с эпохи мустье являются лишь модификацией или сочетанием двух морфологических архетипов: «ямы» и «насыпи» (топологически — полусферы в нижнем полупространстве и полусферы в верхнем полупространстве, где «полусфера» — это вмещающий погребенного объем, а граница «полупространства» — уровень дневной поверхности). Более того, практически все намеренно изготовленные или использованные для сокрытия останков умершего типы вмещающих объемов представляют собой разновидность одного из архетипов или сочетание обоих.

3. Погребальный инвентарь (если он предусмотрен) обычно является частью прижизненного набора предметов (артефактов и неартефактов) и содержит максимум три традиционные категории элементов: а) из сферы производства, б) из сферы быта, в) из сферы идеологии; или же помертный набор не является частью прижизненного и содержит элементы, специально изготовленные или предназначенные для погребения (последнее имеет место и в мустьерских захоронениях). Попутно следует заметить, что элементы разных категорий могут иметь разную семантическую нагрузку, или она может изменяться со временем, а отдельные элементы могут кочевать из одной сферы в другую.

Определить общие законы необходимо, в частности, и для того, чтобы выяснить, каким образом совершенно не схожие формы религиозных представлений или социальных отношений порождают идентичные формы погребений. Для этого, видимо, прежде всего следует определить, что же все-таки представляет собой искусственно созданное погребение и чем оно отличается от естественного, т. е. дать такую дефиницию, которая более подходила бы для поставленных целей, чем та, которая, скажем, гласит, что погребение — это захоронение покойника, или что «погребение — это скелет, могила — это яма, а захоронение — это, когда на дереве...» (Вадецкая Э. Б. — personal communication).

Процесс любого погребения (*сокрытия*) можно представить в виде процесса перехода или переноса органических остатков из среды первичного их окружения в среду вторичного окружения, или из одной геосферы в другую. В результате такого процесса происходит практически полное прекращение свободного взаимодействия остатков, ранее находившихся в одной геосфере, с элементами других геосфер. Термин «геосферы»

употребляется здесь в общепринятом смысле и подразумевает оболочки Земли — взаимодействующие и взаимосвязанные подсистемы: литосферу, гидросферу, атмосферу и биосферу, в совокупности образующие геосистему нашей планеты. На современном уровне представляется целесообразным выделить в системе еще один компонент, а именно *антропосферу*⁵ — область деятельности человека, принципиально отличающаяся от других видов деятельности существующих в геосистеме, своим целенаправленным вторжением во все ее сферы и стремящуюся (в идеале) к построению новой, собственной сверхсферы — ноосферы, или сферы разума (рис. 3).

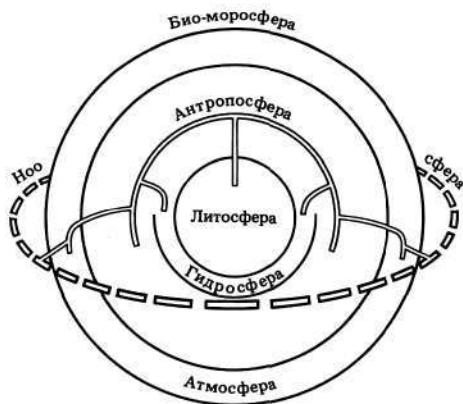

Рис. 3. Модифицированная модель геосистемы

Основные закономерности естественного или непреднамеренного погребения были сформулированы в конце 30-х годов И. А. Ефремовым (1950), создателем особого направления в палеонтологии — тафономии. Согласно тафономии, процесс естественного погребения следует рассматривать как переход органических остатков из биосферы в литосферу. Следовательно, предметом изучения тафономии являются естественные захоронения, которым подвержены в основном остатки флоры и фауны, а до появления систематических следов погребальной практики в антропосфере — очевидно, и человеческие остатки.

Однако, в отличие от захоронения палеонтологических остатков, в основе процессов захоронения определенной части человеческих остатков изначально лежали уже не только природные, но и антропогенные факторы. Эти факторы способствовали образованию культурных отложений, в которых и происходило естественное захоронение антропологических остатков наряду с таким же захоронением фаунистических остатков, отходов производства, орудий труда и пр. Причем такой тип непреднамеренного погребения следует рассматривать как частный случай, за которым в дальнейшем могло происходить естественное погребение всего культурного слоя под природными отложениями — общий случай. С другой стороны, появление искусственно созданных или преднамеренных погребений, конечно, не означает, что естественное погребение человеческих остатков в культурных отложениях повсюду прекратилось, как не означает это и того, что на протяжении всего периода существования человечества не происходило или же не будет происходить в дальнейшем случайных погребений, образующихся в результате стихийных явлений.

В настоящее время считается общепризнанным, что создание преднамеренных погребений относится ко времени Раннего Вюрма, которое с археологической точки зрения ассоциируется с мустьерской индустрией,

⁵ От греческих слов *ἄνθρωπος* — человек и *σφαῖρα* — область.

а с антропологической — с палеоантропом, в основном с неандертальским его видом (*Homo sapiens neandertalensis*). По мнению автора, возникновение преднамеренных погребений представляет собой явление эпохальное. Возникновение погребальной практики, произошедшее на фоне повсеместного распространения мустьерской техники обработки камня при максимальном расселении неандертальских и неандерталоидных форм рода *Homo* и их доминировании над иными формами, знаменует начало новой стадии в истории человечества — среднего палеолита, которую и следует датировать временем существования этой «триады», т. е. первой половиной последнего (вюрмского) оледенения. На другом уровне рассуждения появление преднамеренных погребений может рассматриваться в качестве как раз того «недостающего аргумента», который должен решить наконец спор о правомерности выделения среднего палеолита в качестве самостоятельной стадии (*The Transition. . .*, 1982). Иными словами, получить право на существование на тех же основаниях, на которых безоговорочно всеми выделяется стадия позднего палеолита: максимальное расселение неантропа (*Homo sapiens sapiens fossilis*) и его доминирование над иными видами, повсеместное распространение верхнепалеолитической техники обработки камня и возникновение искусства.

Время создания преднамеренных погребений является принципиально важным этапом в развитии человеческого общества, свидетельствующим о возникновении качественно новой формы человеческой деятельности, неизвестной в раннем палеолите. По крайней мере это касается погребений, совершенных в литосфере, с одной стороны, способствующей сохранению остатков в относительно первоначальном положении — консервирующее свойство литосферы, по сравнению, например, с атмосферой, и, с другой стороны — наиболее доступной для исследователя, по сравнению, например, с гидросферой. Иными словами, исторические эпохи, известные лишь в археологическом освещении, могут предоставить для изучения остатки только таких преднамеренных погребений, которые были совершены в литосфере или на границе литосферы и атмосферы (в последнем случае — при наличии погребального сооружения, созданного опять-таки из элементов литосферы⁶).

Однако по данным этнографии и письменным источникам известно огромное число разнообразнейших видов погребений, совершенных как в атмосфере («воздушное погребение»), так и в гидросфере («водное погребение») или на границе различных сфер (погребение в ладье, спущенной на воду; погребение на нартах, оставленных на поверхности, и т. д. и т. п.), т. е. таких видов, которые по своей природе не способствуют долговременному сохранению остатков. Со временем такие погребения становятся недоступными для изучения в силу природных и антропогенных процессов, протекающих в геосистеме и ведущих к разрушению существующих структур, в том числе и искусственно созданных. Безусловно,

⁶ В эпоху мустье возможное исключение имело место в Эрингсдорфе, где, по мнению Г. Бейм-Бланке, «отдельные части скелетов. . . имеют, вероятно, отношение к эндоканнибальским „похоронным“ обычаям и к культу черепов. Их опускали в болото травертиновой области или складывали в местах, находящихся за пределами поселения» (*Behm-Blancke G.*, 1960. С. 218).

что и погребения, совершенные в литосфере, тоже подвержены действию деструктивных факторов, но все же в гораздо меньшей степени, чем в других сферах геосистемы. Учитывая это обстоятельство и то, что по крайней мере до бронзового века только небольшая часть населения сохранялась в литосфере, можно предположить, что в каменном веке большинство людей либо вообще не подвергалось никакому погребению, либо погребение происходило в других сферах геосистемы и следы этого не сохранились до настоящего времени.

Прежде чем предложить определение преднамеренного погребения следует коснуться момента физической смерти индивидуума. В момент смерти любого организма происходит не только его переход из состояния жизнедеятельности в качественно иное состояние (в качественно иные отношения с окружающей средой), но и переход из биосферы, в которой процессы интеграции доминируют над процессами дифференциации, в качественно иную область, где соотношение этих процессов прямо противоположно. . .

Рассматривая существующую модель геосистемы, необходимо признать отсутствие в ней одного существенного компонента. Недостающий компонент является своего рода оппозицией биосфере и может быть определен как *моросфера*⁷, т. е. сфера распространения смерти. Она же может быть определена и как область посмертного нахождения и распада органических соединений. Данная область первоначально локализуется еще в биосфере и играет определяющую роль в ее обменных и трофических структурах, взаимодействуя с элементами других сфер геосистемы при непосредственном участии космических воздействий. (Очевидно, необходимо признать и то, что наряду с чистыми некрофагами (и антропофагами) всеядные, плотоядные и даже травоядные существа употребляют в пищу уже погибшие организмы, за счет чего, в частности, черпают необходимую жизненную энергию. Более того, даже неплотоядные растения, извлекающие питательные вещества и энергию в основном из неорганической по сути среды, питаются тем не менее продуктами распада погибших животных и растений, т. е. получают энергию из моросферы.) Производными понятиями от моросферы являются соответственно *моротоп*⁸ и *мороценоз*⁹. (Понятие мороценоз шире понятия танатоценоз, предложенного И. А. Ефремовым (1950. С. 118). Понятие танатоценоз общепринято в палеонтологии и тафономии и определяет совокупность умерших животных, находящихся еще в биосфере. Кроме того, понятие танатоценоз охватывает лишь массовые скопления остатков, в дальнейшем обязательно подвергающихся захоронению, и, естественно, не учитывает антропогенный фактор, до определенного периода не значимый для процессов, в ходе которых создается геологическая летопись, но принимающий со временем все более широкие (вплоть до планетарных) масштабы.)

Опираясь на изложенное выше, момент смерти любого организма (в системе предложенных понятий) логично определить в качестве его перехода из биосферы в моросферу. Итак, смерть есть переход из биосферы

⁷ От греческих слов *μόρος* — смерть и *σφαῖρα* — область.

⁸ От греческих слов *μόρος* — смерть и *τόπος* — место.

⁹ От греческих слов *μόρος* — смерть и *κοινός* — общность, совокупность.

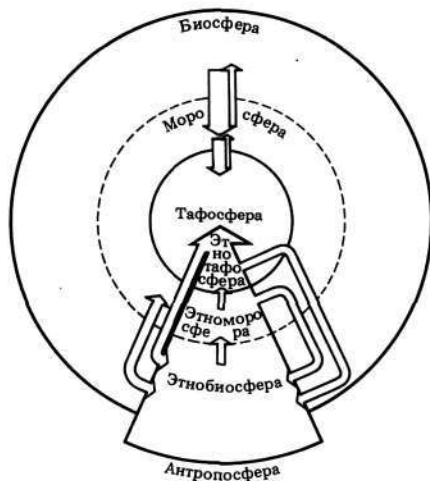

Рис. 4. Модель антропосферы (тафологический аспект)

из биосферы в *тафосферу*, или сферу погребения. На этой ступени происходят частичная деструкция и сортировка органического материала, до его захоронения или полное его разрушение. Следует помнить, что и после попадания в тафосферу погибшая органика также продолжает играть значительную роль в пищевых и обменных структурах биосферы, питая почвенную флору и фауну.

Рассматривая антропосферу под тафологическим углом зрения, можно построить модель (рис. 4). Она будет состоять из трех крупных блоков, которые, дабы подчеркнуть определяющую роль социального фактора и их относительную самостоятельность, можно обозначить теми же терминами, но с добавлением слов этно- или социо-: социобиосфера, социоморосфера и социотафосфера. *Социоморосфера* данной модели — это, с одной стороны, сфера деятельности живых, выражающаяся во всем многообразии способов обращения с покойником и, в частности, в подготовке его к погребению, а с другой — область преднамеренного помещения останков умершего до их захоронения. Может быть локализована в любой части антропосферы. *Социотафосфера* данной модели это также, с одной стороны, сфера деятельности живых, в которой происходит создание преимущественно искусственных сооружений, необходимых человеку для изоляции и/или сохранения останков умерших, обеспечения и поддержания их дальнейшего существования и сбережения о них памяти на протяжении возможно большего числа поколений, ну и, конечно же, для поддержания существующих традиций и для воспитания подрастающего поколения в духе последних, а с другой — это область нахождения останков умершего после их окончательного преднамеренного погребения.

Между блоками данной модели, разграничение которых может быть как формальным, так и фактическим, существуют прямые и обратные

в моросферу. Причем такой переход может носить как ненасильственный, так и насильственный характер, быть своевременным и несвоевременным. В принципе моросферу необходимо рассматривать в качестве самостоятельной части биосферы или, учитывая, что в органическом мире происходит непрерывный обмен веществом и энергией, как двуединую подсистему в модели геосистемы — *био-моросферу*. Действительно, «явление смерти настолько связано с жизнью дифференцированных организмов, что проблема смерти является вместе с тем одним из основных вопросов о сущности жизненных процессов» (Шмальгаузен И. И., 1926. С. III). В круговороте органического вещества моросфера может представлять собой промежуточную ступень в процессе перехода погибших организмов

связи. Первые проявляются, как правило, в погребальной практике. Вторые — а) в трофической практике (всеядность, вплоть до эндоканнибализма); б) в хозяйственно-бытовой практике (добыча ценностей из погребений как искусственно созданных, откуда обычно вынимаются драгоценные вещи, металлы и пр., так и естественные образовавшихся, откуда добывается слоновая кость, строительные материалы и пр.); в) в социально-идеологической практике (покойник: родственник, предок, потенциальный новорожденный, медиатор и т. д.; г) в научно-исследовательской практике (археология, антропология, криминалистика и пр.).

Способы обращения с умершими: Системный подход

Рассмотрение форм и способов обращения с умершими показывает, что все *предваряющие* обрядовые действия протекают по одному из двух разнонаправленных путей. Один путь направлен на возможно полное *сохранение* тела умершего. Итог — разнообразные формы сберегания тела различными способами, вплоть до бальзамирования и/или мумифицирования. Другой путь направлен на возможно полное *уничтожение* тела различными способами, вплоть до измельчения костной ткани и/или полной кремации.

Исходной позицией здесь является оставление тела умершего в том состоянии, в котором оно оказалось в момент смерти. Однако в этой позиции тело может быть подвергнуто действиям промежуточного характера, таким как обмывание, обряжение, раскрашивание и т. п. Такие действия могут иметь как самостоятельное значение, т. е. завершаться *погребением* тела умершего или его *выставлением*, так и подчиненное, т. е. предварять одно из фундаментальных направлений: сохранение/уничтожение.

В то же время в каждом конкретном случае процесс, идущий в одном из основных направлений, может быть остановлен на определенной стадии, и останки умершего в том состоянии, в котором они оказались к этому моменту, могут быть подвергнуты прямо противоположному обращению (например, расчлененное тело мумифицируется, а набальзамированное — кремируется). Кроме того, каждому из названных воздействий может подвергаться не все тело, а лишь отдельные его части.

После того как умерший подвергся установленным (предваряющим) операциям, последующие — *завершающие* — обрядовые действия как бы вновь оказываются в отправной точке, из которой дальнейший процесс обращения с телом умершего или его останками может опять-таки пойти по одному из двух разнонаправленных путей. Один путь ведет к сокрытию умершего — его тело переносится в социотафосферу и изолируется, т. е. помещается в замкнутое пространство, за счет чего лишается соприкосновения с первоначальной (естественной) окружающей средой. Итог — *погребение*. Другой путь не ведет к сокрытию умершего, и его тело в неизолированном состоянии сохраняется в социоморосфере или переносится в социобиосферу. Итог — *выставление*.

Исходной позицией здесь является оставление тела умершего на месте смерти. Однако в этой позиции может происходить формальный перевод умершего и части окружающего его пространства в моро- и/или тафо-

сферу, закрепляемый особыми ритуальными действиями (например, табуирование тела умершего и жилища, в котором оно находится).

В то же время в каждом конкретном случае процесс, идущий в одном из основных направлений, опять-таки может быть остановлен, и останки умершего в том состоянии, в котором они оказались к этому моменту, могут быть подвергнуты прямо противоположному обращению: незахороненные подвергаются погребению, а захороненные эксгумируются и перезахораниваются или переносятся, например, в социобиосферу, где подвергаются выставлению. Кроме того, каждому из описанных действий может подвергаться не все тело, а отдельные его части.

Как погребение, так и выставление могут носить и промежуточный характер, т. е. непосредственно входить в цикл *предваряющих* обрядовых действий в качестве возможных способов обращения с телом умершего: *временное погребение* умершего в земле с целью освобождения его костей от мягких тканей и последующее их *выставление* или, наоборот, *временное выставление* умершего на воздухе с целью освобождения его костей от мягких тканей и последующее их *погребение*.

Помимо этого, во всех трех названных сферах происходят самые разнообразные акции, направленные, во-первых, на создание и/или отбор компонентов, призванных стать частью погребального комплекса, а именно, устраивается наново и/или переоборудуется и подготавливается погребальное сооружение, формируется погребальный инвентарь и т. д., и, во-вторых, на подготовку живых к проведению установленных обрядов, связанных с погребением и происходящих до, в ходе и после погребения.

Таким образом, процесс создания преднамеренного погребения должен быть определен как целенаправленный перенос останков умершего из социоморосферы в социотафосферу. В ходе этого процесса происходит помещение останков умершего в замкнутом пространстве, в результате чего в одной из базовых сфер геосистемы (или на границе двух и более сфер) создается погребальный комплекс, а место, где это происходит, приобретает статус тафосферы. Здесь же следует отметить, что с выходом человека в космос погребальный комплекс может быть организован и за пределами геосистемы.

Итак, для процесса преднамеренного погребения наиболее характерны два определяющих его фактора: 1 — целенаправленный и окончательный перенос останков умершего в тафосферу; 2 — полная их изоляция от среды первоначального окружения.

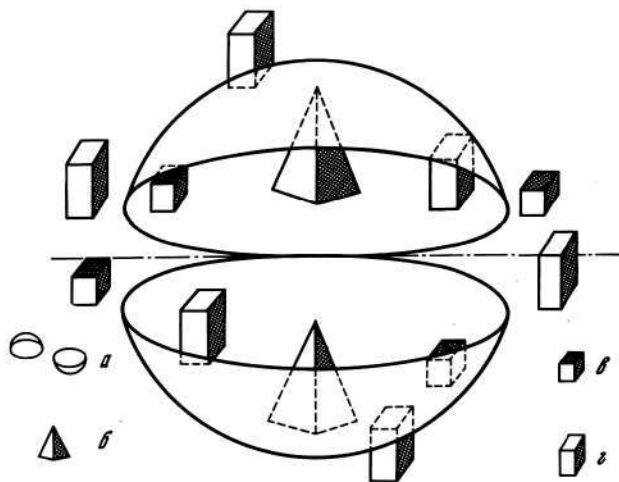
Погребальный комплекс: Формальный анализ

В результате процесса преднамеренного захоронения умершего создается погребальный комплекс, ведущим компонентом которого следует считать погребальное сооружение в связи с тем, что оно несет основную функциональную нагрузку в реальном погребении и смысловую — в меморативном (кенотаф).

Погребальный комплекс (рис. 5) в целом представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимосоположенных элементов, т. е. систему, основным блоком или «ядром» которой являются *останки погребенного*, находящиеся в любом состоянии целостности и образующие внутреннюю

Рис. 5. Модель погребального комплекса

- а — внешняя структура погребального комплекса;
- б — внутренняя структура;
- в — погребальный инвентарь;
- г — дополнительная структура

структуру погребального комплекса. Внешнюю структуру погребального комплекса, или «оболочку» системы, образует погребальное сооружение, которое может представлять собой любой тип вмещающего объема, специально созданного или использованного для сокрытия умершего или его останков. Такой вмещающий объем может иметь различную форму, быть изготовлен из различного материала и существовать в многократном повторении по принципу «матрешка».

В определенных случаях, т. е. возможно, но не обязательно, останки умершего сопровождаются посмертным набором предметов (*погребальный инвентарь*), которые предназначены к захоронению вместе с умершим или отдельно от него. В некоторых случаях предметы посмертного набора, так же как и тело умершего (см. выше), *полностью или частично* подвергаются определенному предваряющему воздействию, которое может совпадать с воздействием, направленным на тело умершего, или быть ему противоположным. (В понятие погребальный инвентарь можно включать также и набор предметов, периодически или даже спорадически использующихся при создании погребений, но не подвергающихся захоронению (археологически, как правило, не фиксируется, см. ниже.))

Помимо этого, но также в определенных случаях, в связи с устройством погребения могут создаваться и дополнительные (сопутствующие)¹⁰ структуры или конструкции, в состав которых входят культовые постройки, надгробные или меморативные памятники и пр. и которые могут находиться как в границах погребального сооружения (комплекса), так и за его пределами (Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А., 1977. С. 16—23).

При необходимости создания более строгой и одновременно более дробной классификации, требующейся для изучения конкретных погре-

¹⁰ Понятие сопутствующая (лучше — дополнительная) структура является базовым в морфологии погребения. Этим термином обозначаются как бы дополняющие погребение сооружения (костры, кладовые и пр.), которые имеют опосредованную связь с самим погребением, но устраиваются в момент его создания или же по его поводу, позднее.

бальных памятников, следует дифференцировать понятие дополнительная структура так же, как и понятие погребальный инвентарь. Такое разграничение внутри понятий можно произвести, опираясь на местонахождение погребального инвентаря и дополнительных структур в погребальном комплексе, т. е. учитывая характер их связи с останками погребенного и с погребальным сооружением:

1. Предметы, находящиеся в пределах могилы, т. е. в непосредственной близости от погребенного (вплоть до соприкосновения с ним), следует определить как *сопровождающий инвентарь*. Предметы, находящиеся за пределами могилы, но в пределах погребального сооружения (скажем, в пределах надмогильной насыпи), следует определять как *сопутствующий инвентарь*. Предметы, находящиеся как за пределами могилы, так и за внутренними пределами надмогильной насыпи, но, скажем, на ее дневной поверхности или у ее подошвы, или в ровике и т. п., следует определять как *сопредельный инвентарь*. Предметы, находящиеся за пределами погребального комплекса, но могущие использоваться (или постоянно используемые) при устройстве погребений (в широком значении слова устройство) или при совершении положенных традицией обрядов (например, поминальных), следует определять как *сопричастный инвентарь*.

2. Конструкции, находящиеся в пределах могилы, но не являющиеся элементами погребального сооружения (т. е. объема или объемов, вмещающих останки погребенного), например, кострище или тайник, следует определять как *сопровождающие структуры*. Конструкции (например, то же кострище или тайник, устроенный в «выбросе» из могильной ямы, или «заупокойный храм» и т. п.), находящиеся за пределами могилы, но во внутренних пределах, скажем, надмогильной насыпи, следует определять как *сопутствующие структуры*. Конструкции, находящиеся за пределами погребального сооружения (например, тот же «заупокойный храм», или дорога, специально проложенная к месту захоронения, или ров (стена) вокруг погребального сооружения (комплекса), или группы комплексов и т. п.), следует определять как *сопредельные структуры*. Конструкции, находящиеся за пределами погребального комплекса (например, памятник павшим, установленный не на месте непосредственного их захоронения, или культовые и другие (морг) сооружения, связанные с погребальными и поминальными обрядами, но не входящие в границы некрополя), следует определять как *сопричастные структуры*.

(К сожалению, состояние источников по мустьерским погребениям не позволяет проводить анализ всего материала на таком уровне разграничения. Однако все выделенные уровни (может быть, только за исключением последнего — сопричастного) зафиксированы в погребальных памятниках мустьерского времени. При этом следует помнить, что для погребений любого времени, связанных с жилой территорией одновременных им поселений, существует принципиальная трудность выделения двух последних уровней анализируемого материала.)

Следовательно, погребальный комплекс — это система, образованная двумя постоянными составляющими (1 — погребальное сооружение и 2 — останки погребенного) и двумя переменными (3 — погребальный инвентарь и 4 — дополнительная/(ые) структуры). Такой погребальный комплекс формируется уже в мустьерское время и не получает в даль-

нейшем ни принципиально новых дополнений, ни принципиально новых конструктивных решений.

Организация внутренней структуры погребального комплекса обусловлена всей совокупностью общественных отношений (базисных и надстроечных), декларирующих ее форму. Помимо этого, она находится в прямой зависимости от того, какое из двух фундаментальных направлений было избрано, — ведущее к сохранению или к уничтожению трупа, и на каком именно этапе процесс был остановлен, и останки умершего были преданы погребению или выставлению, ведущих к окончательному вычленению умершего из социобиосферы. Если целостность тела не была нарушена, то при обряде труположения само строение человеческого тела накладывало жестко определенные ограничения на набор вариантов размещения тела умершего в погребальном сооружении. Отсюда, вероятно, вневременной и внепространственный изоморфизм этого обряда, т. е. бесконечная повторяемость поз погребенных планеты на протяжении последних 90 тыс. лет. Если же целостность тела была нарушена, то морфология внутренней структуры зависит от степени нарушения и/или от того, какие части тела предназначены к захоронению.

Внутренняя структура погребения в большинстве случаев развернута по горизонтали (горизонтальное положение умершего: скорченное или вытянутое). Иногда, в зависимости от особых форм расположения останков, — по вертикали и горизонтали одновременно (вертикальное положение умершего: вытянутое — погребение «стоя» — или скорченное — погребение «сидя»). В случае с погребением двух или более индивидуумов внутренняя структура усложняется, и соположение погребенных может строиться как по горизонтали, так и по вертикали.

Формы организации внешней структуры погребального комплекса также обусловлены совокупностью общественных отношений и уровнем развития производительных сил. Однако морфология внешней структуры, учитывая, что основная ее функция направлена на изоляцию умершего или его останков, в еще большей степени детерминирована законами физического мира. Отсюда наличие только двух морфологических архетипов погребального сооружения — «яма» или «насыпь» — и невозможность получения на этом пути принципиально новых конструктивных решений. Определенные ограничения на формообразование внешней структуры, кроме того, накладывают характер и количество материала, использованного для создания могильного сооружения (обычно для сооружений в верхнем полупространстве), материальные и людские ресурсы, выделенные (имеющиеся) для этой цели, или свойства материала, в котором создается погребальное сооружение (обычно для сооружения в нижнем полупространстве).

Структура погребального сооружения в целом развернута по горизонтали и вертикали одновременно. Как правило, она складывается из отдельных элементов, которые и образуют замкнутое пространство, предназначенное для помещения останков умершего.

Сочетание останков умершего с созданным или использованным для их помещения сооружением придает последнему новое качество: яма с останками умершего — это могила, погребальный комплекс; яма с пищевыми запасами (отбросами) — хозяйственная яма. Позднее, с появлением

некрополей — могильников, курганов, кладбищ и пр. и отделением их от жилого пространства, т. е. вынесением погребений за пределы поселений или отведением им в пределах поселений относительно строго ограниченной территории, погребальное сооружение, не содержащее останков покойника, но соответствующее стереотипу некрополя, обычно расценивается как кенотаф. До этого момента кенотафы археологически не фиксируемы, но могут быть расценены как дополнительные структуры.

Посмертный набор (погребальный, т. е. погребаемый, инвентарь) определяется перечнем предметов (артефактов и неартефактов), предназначенных к погребению вместе с умершим и/или отдельно от него. Посмертный набор, по крайней мере подавляющая его часть, составляется по избирательному принципу из набора прижизненного. Понятие прижизненный набор определяет все множество предметов, которыми пользовался или мог пользоваться человек до попадания в моросферу. Прижизненный набор — исходный комплекс для составления набора посмертного. Именно исходный, а до появления вотивных предметов, возможно, и единственный (это замечание касается в основном артефактов).

В погребальном комплексе инвентарь развернут преимущественно по горизонтали. Но возможны и другие варианты его размещения как во внешней структуре, так и в дополнительной. Причем варианты размещения набора в значительной степени зависят от конструктивных особенностей той или иной структуры. Каждая элементарная единица посмертного набора занимает определенное место в погребальном комплексе и соотносится с элементами самого погребального сооружения, дополнительной структуры (если таковая имеет место) и/или с останками погребенного.

Формы организации дополнительной структуры во многом обусловлены теми же обстоятельствами, которые определяют морфологию внешней структуры погребального комплекса и зависят от функции, выполняемой той или иной дополнительной структурой.

Принципы отбора материала

Итак, преднамеренное погребение в качестве процесса может быть определено как совокупность последовательных действий, направленных на перенесение останков умершего из среды первичного (естественного) окружения в среду вторичного (неестественного) окружения. С формальной точки зрения в ходе этого процесса происходит окончательная изоляция тела умершего или отдельных его частей, ведущая в конечном счете к наиболее полному их сохранению. В геосистеме такое сохранение возможно лишь благодаря созданию или использованию для этой цели определенным образом организованного пространства с последующим его «запиранием» («замыканием») и превращением его таким образом в погребальное сооружение. В отдельных случаях процесс «запирания» останков умершего в естественной полости тождествен процессу создания погребального сооружения. Следовательно, именно акт искусственного «запирания» покойника и свидетельствует в конечном итоге о преднамеренном характере процесса погребения.

Для рассматриваемого материала типичен процесс «предания останков умершего земле» (Даль В., 1980. С. 157), выражающийся в закапывании, зарывании и / или забрасывании, закладывании их землей и / или камнями. Таким образом, случаи «выставления», при которых не происходит полной изоляции тела и/или отдельных его частей, но которые часто и северно принимаются за «погребения», в данной работе не рассматриваются¹¹.

Преднамеренное погребение в качестве объекта реальной действительности может быть определено как искусственно организованная система взаимосвязанных и взаимосвязимых структур: внешней — погребальное сооружение и внутренней — останки умершего. Следовательно, наличие искусственно созданного и/или искусственно «замкнутого» сооружения, в котором находятся человеческие остатки, является определяющим фактором преднамеренного погребения¹².

Существование погребального сооружения следует считать основным индикатором преднамеренного погребения не только потому, что оно отсутствует в погребении непреднамеренном, но и потому, что в погребальном комплексе оно несет основную функциональную нагрузку, направленную на изоляцию и сохранение останков умершего. Для рассматриваемого материала характерно погребение в яме и/или под насыпью.

Наличие останков умершего, находящихся в состоянии относительно хорошей сохранности и анатомической целостности, следует считать дополнительным индикатором существования преднамеренного погребения, так как в противном случае они подвергаются сравнительно быстрому разрушению. Для рассматриваемого материала наиболее характерен обряд группоположения без предварительного нарушения анатомической целостности тела.

Преднамеренное погребение, как и любой археологический источник, в качестве объекта и предмета исследования может быть определено как деформированный фрагмент реальной действительности, данный нам в археологических источниках. Этот «фрагмент» возникает в результате целого ряда трансформаций первоначального состояния структур погребального комплекса. Трансформации происходят в процессе его существования во времени и пространстве и фиксируются в момент вскрытия, т. е. разрушения, как правило, совершающегося в последовательности, обратной ходу его создания.

Трансформация объекта, обычно идущая в направлении нарушения целостности и первоначальной взаимосвязи компонентов, составляющих

В мустье случай ритуального (?) выставления, возможно, имел место в Монте Чирчео (Италия), где А. Гуаттари в 1939 г. на полу погребенного еще в мустьерское время грота обнаружил череп взрослого мужчины, имевший пролом в районе затылочного отверстия и окруженный кольцеобразным сооружением из камней (*Bianc A. C.*, 1939).

¹² Исходя из этого определения, автор не считает возможным рассматривать в качестве погребения случай, зафиксированный Ф. Бордом в Комб-Гренале во Франции. Этот исследователь, обнаружив в 1961 г. яму круглых очертаний, частично заложённую плоскими камнями и заполненную красноватым грунтом, в котором находились кремни и кости животных, счел ее (по аналогии с комплексом из двух ям, открытым Д. Пейрони в Ле Мустье) погребальным сооружением, в котором останки погребенного ребенка, может быть, там находившегося, просто не сохранились (*Bordes F.*, 1972. P. 134—137).

погребальный комплекс, может привести его к любому состоянию, вплоть до нулевого. Рассмотрим с этой точки зрения две постоянные составляющие погребального комплекса.

Если произошло полное разрушение внутренней структуры (при сохранении внешней), то для эпохи палеолита, в связи с отсутствием строго фиксированного стереотипа погребального сооружения и жестко локализованных могильников, исследователь не имеет объективных критериев для оценки того или иного сооружения как погребального.

Если произошло полное разрушение внешней структуры (при сохранении внутренней) или она не была зафиксирована в ходе раскопок (отметим принципиальную трудность выявления земляных сооружений, особенно в случае гомогенности вмещающего и заполняющего слоев), то следует вводить дополнительные критерии оценки преднамеренного характера погребения. Одним из таких критериев может быть полнота представленности (комплектность) ископаемых человеческих остатков.

Костные остатки ископаемых гоминидов и критерии оценки преднамеренного характера погребения

«Чтобы скелеты могли сохранить позвонки и мелкие кости, трупы обязательно должны быть прикрыты сейчас же после смерти. Следовательно, тела могли быть зарыты лишь двумя способами: или путем намеренного погребения, или при обвале», — писали Г. и А. Мортилье (1903. С. 241) и с пристрастием доказывали отсутствие палеолитических погребений. Позднее Э. Картальяк, аргументируя преднамеренность гримальдийских погребений, утверждал, что «достаточно малейшего утвердительного признака, чтобы доказать замысел погребения. Если ничего не сопровождает тело, но это тело невреждимо, значит оно было защищено» (Cartailhac E., 1912. P. 312. Цит. по: Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913. P. 631). Спустя 40 лет А. П. Окладников, обосновывая саму возможность существования преднамеренных погребений в мустье, писал: «В самом деле, как могли бы иначе сохраниться целые костяки как взрослых, так и детей? Оставленные на поверхности трупы были бы съедены хищниками после ухода людей. Хищники, например, гиены или пещерные медведи, растаскали бы кости даже в том случае, если бы трупы уже разложились, но еще сохраняли остатки жира или сухожилий. Целые костяки неандертальцев могли сохраниться до нашего времени только благодаря тому, что они были сознательно предохранены от гибели людьми, принимавшими для этого специальные меры, т. е. закапывавшими их в землю» (Окладников А. П., 1952. С. 164). Еще позднее Ж. Кешон, основываясь на материале костных остатков 364 индивидуумов палеолитической Европы, пытался статистически обосновать гипотезу о сохраняющем воздействии погребений. По его мнению, «погребения, благодаря той защите, которую они обеспечивают скелетам, дают лучшие образцы ископаемых остатков» (Quéchon G., 1976. P. 730).

О сохраняющем воздействии погребений писали и многие другие авторы, и, насколько известно, этот тезис никем и никогда не оспаривался.

Таким образом, можно сказать, что полнота представленности и относительно хорошая сохранность скелетных остатков должны играть особую роль при оценке памятников, в контексте которых отсутствуют «явные» признаки, указывающие на преднамеренный характер захоронения: ямы, каменные заклады, погребальный инвентарь и т. п. Однако костные остатки ископаемых гоминидов совсем не всегда являя собой относительно полно представленные (комплектные) скелеты. В то же время некоторые из таких относительно полно представленных скелетов расцениваются как преднамеренные погребения, а другие, им подобные, к таковым не относятся. Существуют и прямо противоположные оценки, в результате которых к разряду преднамеренных погребений относится лишь небольшой набор разрозненных костей, а комплектные остатки в этот разряд не попадают. При знакомстве с материалом обнаруживается или полное отсутствие критериев, на основе которых следовало бы расценить ту или иную находку, или полный разнобой мнений, или же недостаточное их обоснование.

Необходимость в разработке подобных критериев очевидна, и анализ материала может дать основание для ревизии старых источников и, таким образом, расширить или сузить существующий круг мустьерских погребальных памятников. С другой стороны, на палеолитических местонахождениях открыто значительное число разнопредставленных в видовом и количественном отношении человеческих остатков, большая часть которых имеет неопределенное происхождение, а меньшая — либо имеет ясные следы антропофагии, либо происходит из «явных» погребений.

В данном разделе работы автор не ставит своей целью дать интерпретацию всего разнообразия костных остатков ископаемых гоминидов. Цель его прежде всего в том, чтобы свести воедино весь известный на сегодняшний день материал и, представляя его как относительно однородную общность (ввиду сравнительной малочисленности самого материала, его временной и пространственной разобщенности), проследить возможные изменения (качественные, количественные), связанные с хронологическими, территориальными, возрастными или иными показателями.

Сделать это оказалось возможным благодаря капитальному вкладу Британского музея естественной истории, осуществившего трехтомное издание «Каталога ископаемых гоминидов» под редакцией К. П. Оукли, Б. Г. Кемпбелл и Т. П. Моллесон (Catalogue... , 1971; 1975; 1977).

В тех изданиях, которыми пользовался автор, материал представлен следующим образом: для Африки — известный к 1977 г.; для Европы — к 1971 г.; для Азии, Америки и Австралии — к 1975 г. Естественно, что после указанных сроков было сделано определенное число новых открытий, частично уже опубликованных. Кроме того, был проведен ряд ревизий старого материала или более подробно изучены относительно современные находки, за счет чего можно было бы внести какие-то исправления в данные, опубликованные в Catalogue. Помимо этого, между сведениями, имеющимися в этих изданиях, и сведениями в работах, посвященных исследованиям отдельных памятников, в частности мустьерских, имеются некоторые расхождения относительно количества и вида обнаруженных человеческих остатков (например, в Каминеро, Ля Шез

(грот Буржуа-Делоне), Ортю, Араго и др.) или не точно указано число обнаруженных индивидуумов (Шанидар), но, дабы не увеличивать ошибки искажения, автор для решения конкретной задачи пользовался только теми сведениями, которые представлены в Catalogue. Для подсчетов брались данные, считающиеся авторами и редакторами надежными. Сомнительные случаи (они указаны в Catalogue) в расчет не принимались.

Здесь же следует сказать, что, к сожалению, материал представлен не равноценно: достаточно подробно для Африки и Европы нижнего и среднего палеолита и для Азии нижнего палеолита; материалы более поздних эпох для этих континентов, а также для Америки и Австралий даны в более обобщенном плане, часто без указания на виды обнаруженных остатков (скелет, посткраниальные остатки и т. п.), что, конечно, не отвечает целям сопоставления.

Имеющиеся данные были сведены в таблицы по группам и для каждой группы получены процентные соотношения действительного числа костей человеческого скелета к числу костей каждой идентифицированной особи, упомянутой в Catalogue.

В данной работе учтено 388 памятников, иногда многослойных (разновременных, разнокультурных), и соответственно этому — 571 местонахождение с остатками ископаемых гоминидов. Причем 80 местонахождений (т. е. 15 % от общего числа) не ассоциировались с археологическими материалами. К указанному времени в Catalogue были учтены остатки примерно 1986 индивидуумов, среди которых 1560 (79 %) взрослых субъектов и 426 (21 %) детей и подростков до 14 лет.

Прежде чем перейти к изложению итогов, следует сделать несколько замечаний.

Во-первых, в связи с принципиальной трудностью отождествления разрозненных остатков с той или иной особью числовые данные всегда носят приблизительный характер. Во-вторых, в связи с малочисленностью материала и трудностями возрастного разграничения индивидуумов, находящихся в «переходном» возрасте, дети и подростки были объединены в одну группу — «дети». В-третьих, в связи с крайней фрагментарностью, «некомплектностью» и плохой сохранностью многих находок, а также отношением многих костей к разряду заведомо недиагностируемых по половому признаку, в расчетах половые показатели не принимались во внимание. В-четвертых, изолированные и некомплектные зубы в расчетах не участвовали из-за невозможности точно определить их принадлежность тому или другому индивидууму и большой, вероятно, доли случайности их попадания в слой. (Возможно, характер распределения изолированных зубов тоже подчиняется каким-то законам, выявление которых требует отдельной работы.) В-пятых, расчеты могли быть произведены только по данным, касающимся 1539 (77 % от известного) индивидуумов, среди которых находилось 1245 (80 % от известного) взрослых субъектов и 294 (69 %) ребенка и подростка. Но при этом пропорциональное соотношение между числом взрослых и детей изменилось незначительно: взрослые составили 81 %, а дети — 19 % от общего числа особей (рис. 6).

На каждом графике (рис. 6—19) цифры в скобках дают представление о реальном числе индивидуумов и соответствующих процентных соот-

ношениях, а цифры вне скобок — о числе индивидуумов, данные по которым позволили включить их в расчеты. (В отдельных случаях размах колебаний в соотношении обнаруженного числа костей к действительному имеет несколько искусственный характер, очевидно, за счет незначительной величины выборки.)

Хронологически материал охватывает приблизительно 3,5 млн лет и делится на три периода: нижний палеолит, средний и верхний.

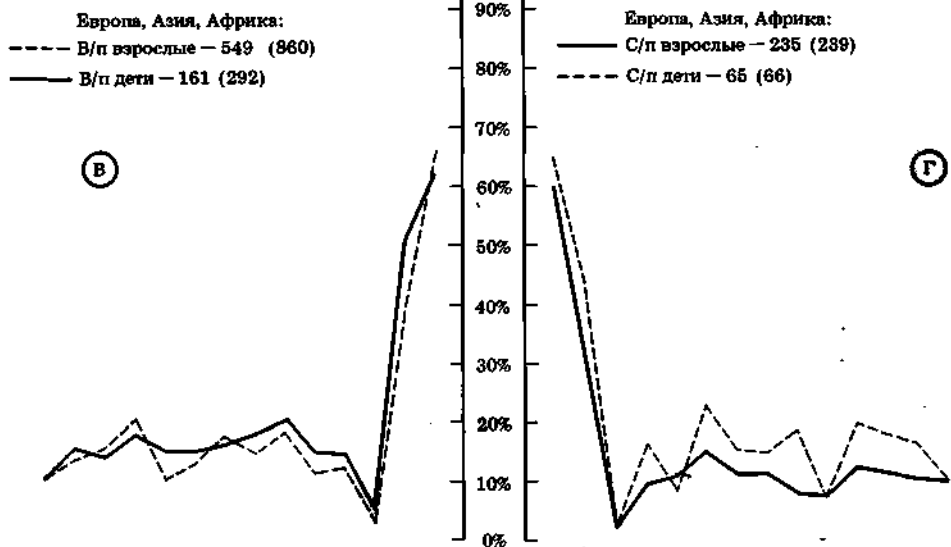
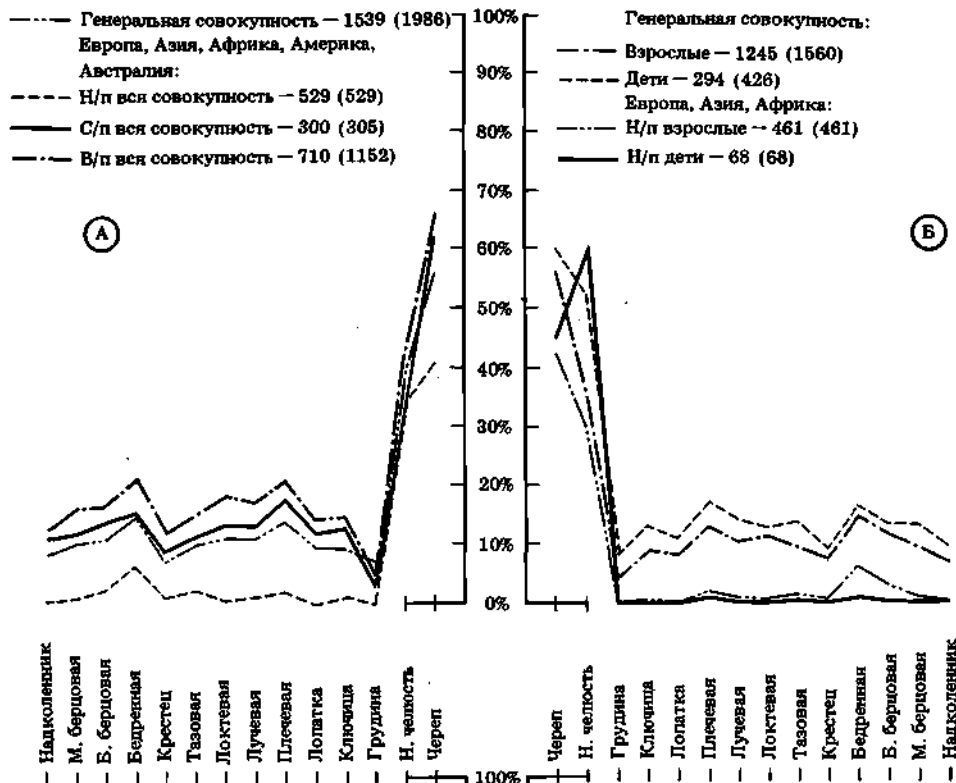
Следует сразу подчеркнуть, что костные остатки гоминидов являются чрезвычайно редкой категорией находок, особенно в сравнении с числом открытых местонахождений. Так; для одной из самых, пожалуй, хорошо изученных областей Европы — территории Франции (по данным 1976 г. См.: *La Préhistoire Française*, 1976) — было известно 293 нижнепалеолитических памятника, а костные остатки гоминидов обнаружены только на 10 (3,4 %) памятниках; если же исключить два памятника, на которых найдены только зубы, то в процентном отношении памятники с костными остатками гоминидов составят лишь 2,7 %. Среднепалеолитических памятников на той же территории было известно 362, а скелетные остатки гоминидов найдены на 36 (9,9 %) памятниках, исключив же из этого числа 10 памятников, с которых происходят только зубы, получим 7,1 %. Для верхнего палеолита Франции тогда насчитывалось 406 памятников, из них только 91 (22 %) дал человеческие остатки, а с изъятием из этого числа 16 памятников, где имелись только зубы, окажется, что всего на 18 % памятников открыты костные остатки людей¹³.

Другой момент, который необходимо подчеркнуть, заключается в том, что от целого скелета (разумно полагать, что в большинстве случаев до перехода из биосферы в тафосферу каждый субъект обладал полным набором костей) до нас дошло разное число скелетных остатков и в общем гораздо меньше, чем, казалось бы, можно ожидать¹⁴. Если принять во внимание, что в посткраниальном скелете взрослого индивидуума имеется около 200 костей (вариационный разброс невелик, в основном за счет большего или меньшего числа позвонков и ребер) (Воробьев В. П., Иванов Г. Ф., 1935. С. 113, 142—172), то получается, что все виды некомплектных остатков гоминидов нижнего и среднего палеолита дают только 0,2—0,3 % костей всего скелета, а верхнего — 0,6 %. Комплектные остатки в среднем составляют 40—70 % костей всего скелета, но никогда не достигают 90 % в общем ни у одного индивидуума.

На основании изложенного можно заключить, что первоочередной в плане сформулированной задачи является проблема сохранности кости в слое, которая оказывается фактически неразработанной. Ни у нас, ни за рубежом вопросами сопротивляемости именно человеческой кости разрушающему действию времени и слоя практически никто не занимался

¹³ Конечно, здесь необходимо было бы внести поправки на полноту раскопанности каждого памятника и степень изученности материала (иногда фрагменты человеческих костей, чаще всего аморфные, обнаруживаются в процессе исследования фаунистических коллекций), но подобные данные почти не публикуются, и автор ими не располагает.

¹⁴ Случаи травматизма, связанные с уменьшением числа костей того или иного отдела человеческого скелета, особенно зубов и мелких костей, конечностей, учесть практически невозможно.

вплотную. Во всяком случае автору не удалось обнаружить зарубежных публикаций на этот счет. Что же касается работ отечественных исследователей, то по этому поводу было оставлено несколько фраз Г. Ф. Дебецем, который скорее в предположительной, чем в утвердительной форме писал о том, что, поскольку в «толстых костях доля органических веществ больше, а доля минеральных соответственно меньше...», постольку «костное вещество толстых костей должно, по-видимому, скорее разрушаться» (Дебец Г. Ф., 1966. С. 15). Он же писал и о возможности «посмертного отбора» костей, за счет которого в коллекции могли отбираться наиболее крепкие кости (Дебец Г. Ф., 1966. С. 10). Кроме того, имеются некоторые указания в судебно-медицинской и остеологической литературе, чаще всего сугубо специальные и, увы, совершенно недостаточные (Рубежанский А. Ф., 1978; Касавина Б. С., Торбенко В. П., 1979). Некоторые общие моменты проблемы сохранности кости разработаны тафономическим направлением палеонтологии. Но оно, как правило, касается вопросов образования и разрушения аллювиальных типов захоронений. Проблемы же седиментации и деструкции пещерных отложений, насколько это известно автору, практически не затрагиваются этим направлением. Также и причины большего разрушения одних видов костей по сравнению с другими тафономией, как кажется, не обсуждаются.

Итак, в основу проблемы зачастую приходится вкладывать чисто логические основания или построения эмпирического характера, связанные с личным опытом разных исследователей¹⁵. Так, считается, что общая сохранность кости зависит или должна зависеть от: 1) типа местонахождения; 2) времени пребывания в слое; 3) литологии слоя; 4) мощности и характера слоев, перекрывающих костеносный участок; 5) общего влияния климатических, атмосферных, тектонических и прочих геогенных факторов, в том числе и цикла явлений (почвенных и подпочвенных), препятствующих или благоприятствующих фоссиллизации кости; 6) биогенных и, в частности, антропогенных факторов (в последнем случае имеется в виду непреднамеренное воздействие); 7) видовой принадлежности индивидуума; 8) его половозрастного статуса; 9) морфофункциональных характеристик самой кости; 10) величины компактного слоя кости и пропорционального его соотношения с губчатым веществом; 11) наличия / отсутствия патологических нарушений структуры костной ткани; 12) ка-

←

Рис. 6. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

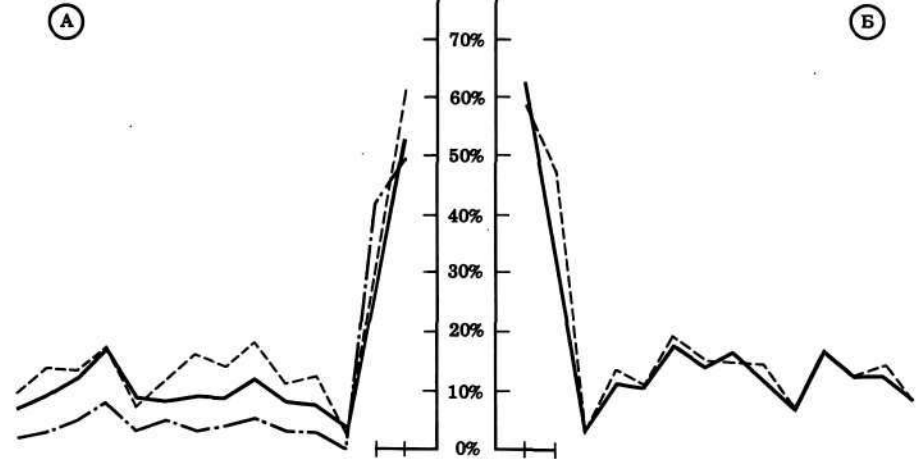
Цифра в скобках дает представление об известном числе индивидуумов и соответствующих процентных соотношениях, цифра вне скобок — о числе индивидуумов, данные по которым позволили включить их в расчеты: *Н* и — шиклий палеолит; *С* и — средний палеолит; *В* и — верхний палеолит; *В* — взрослые; *Д* — дети до 14 лет; *Е* — Европа; *А* — Азия. Эти же обозначения относятся к рис. 7—19

¹⁵ По ряду затронутых вопросов автор консультировался с антропологами И. В. Перевозчиковым, Г. П. Романовой, М. И. Урысоном, В. М. Харитоновым; судебными медиками В. Н. Звягиным, В. К. Ивановым; палеонтологами В. И. Жегалю, А. Ф. Шером; остеологом В. П. Давыльченко; геологами, географами и почвоведом М. Х. Годининым, С. М. Цейтлиным, А. М. Грином, А. Н. Геннадиевым, за что и приносит им самую искреннюю признательность.

- - - - Европа: вся совокупность — 717 (746) Европа: — взрослые — 539 (560)
 ————— Азия: вся совокупность — 265 (298) ————— дети — 178 (186)
 - - - - Африка: вся совокупность — 511 (876)

А

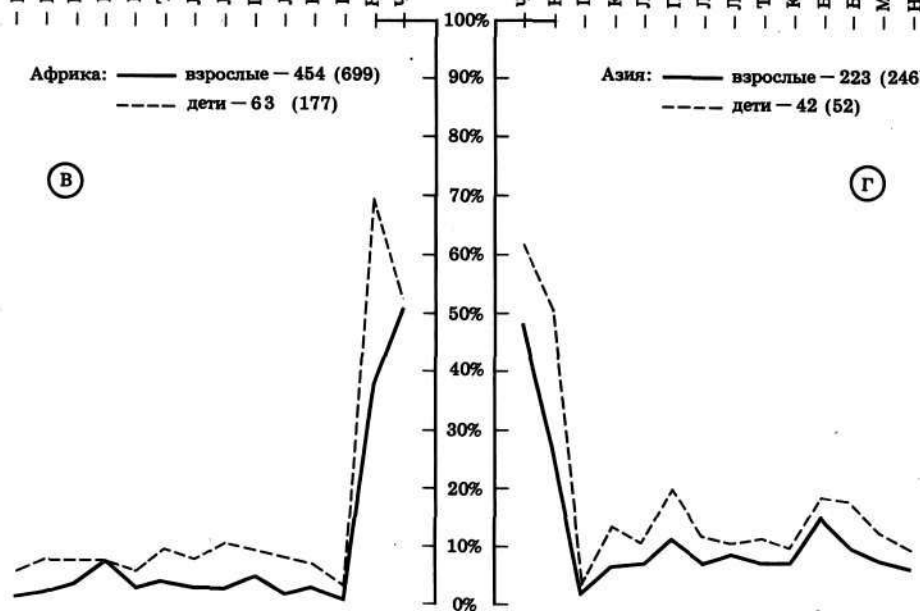
Б

————— Африка: взрослые — 454 (699) Азия: — взрослые — 223 (246)
 - - - - дети — 63 (177) - - - - дети — 42 (52)

В

Г

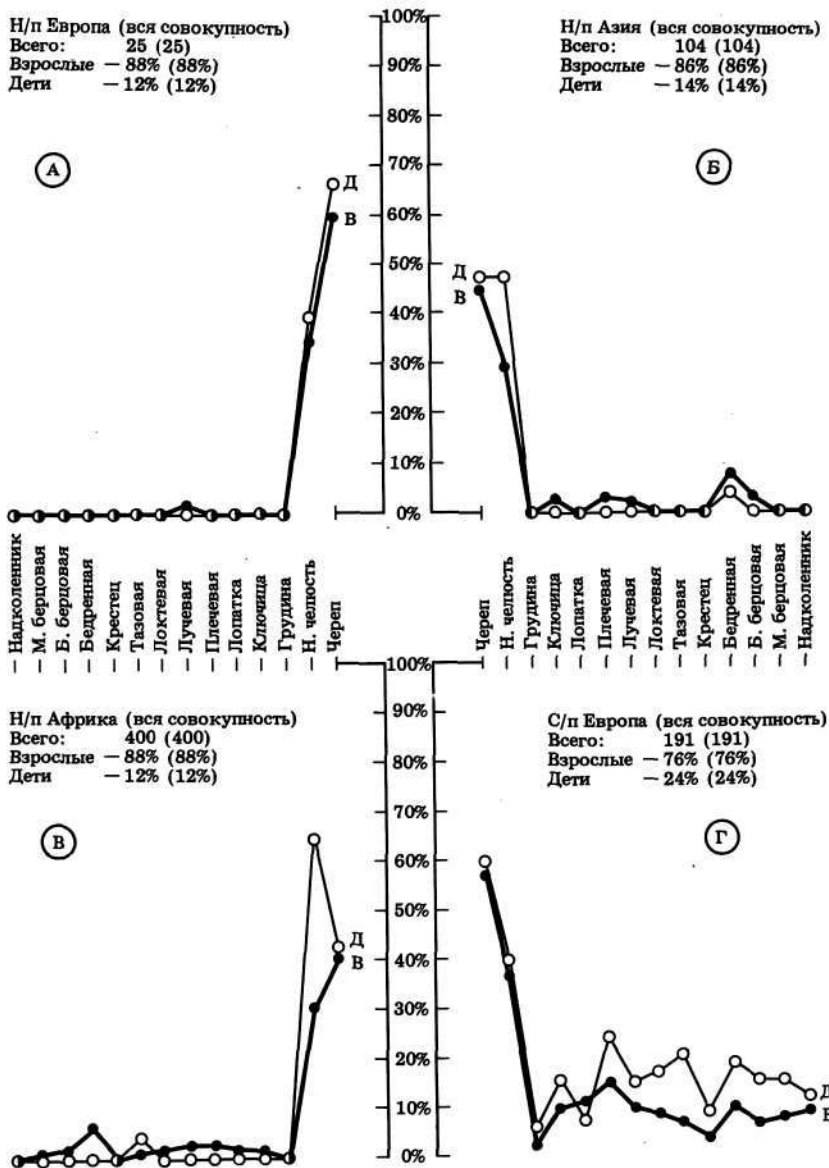

Рис. 8. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

Рис. 7. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

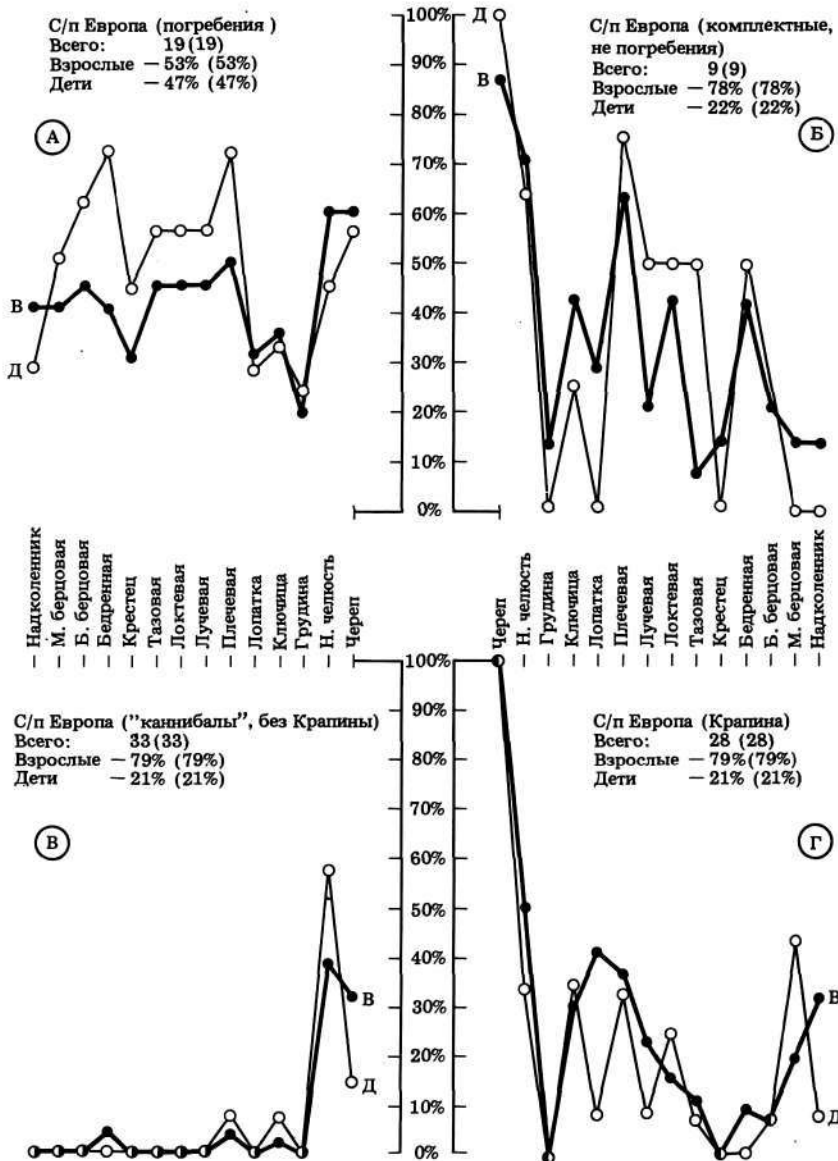

Рис. 9. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

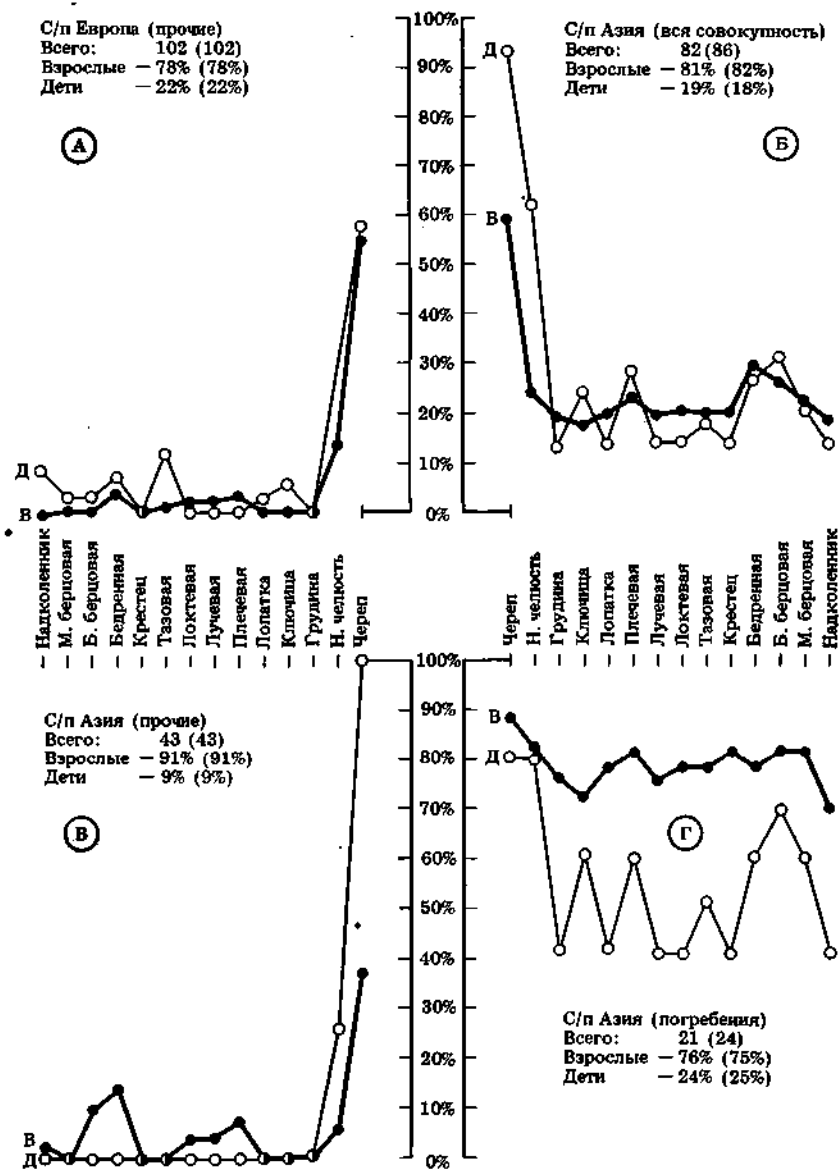

Рис. 10. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

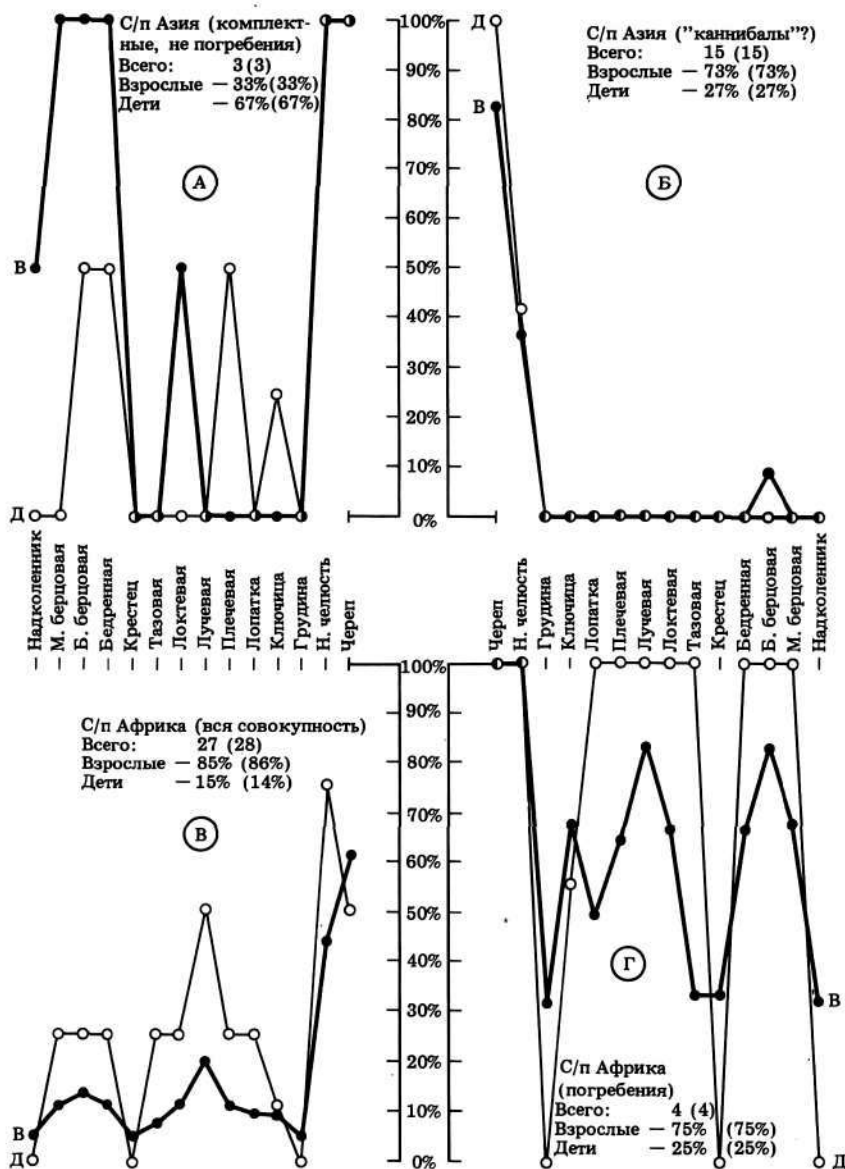

Рис. 11. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

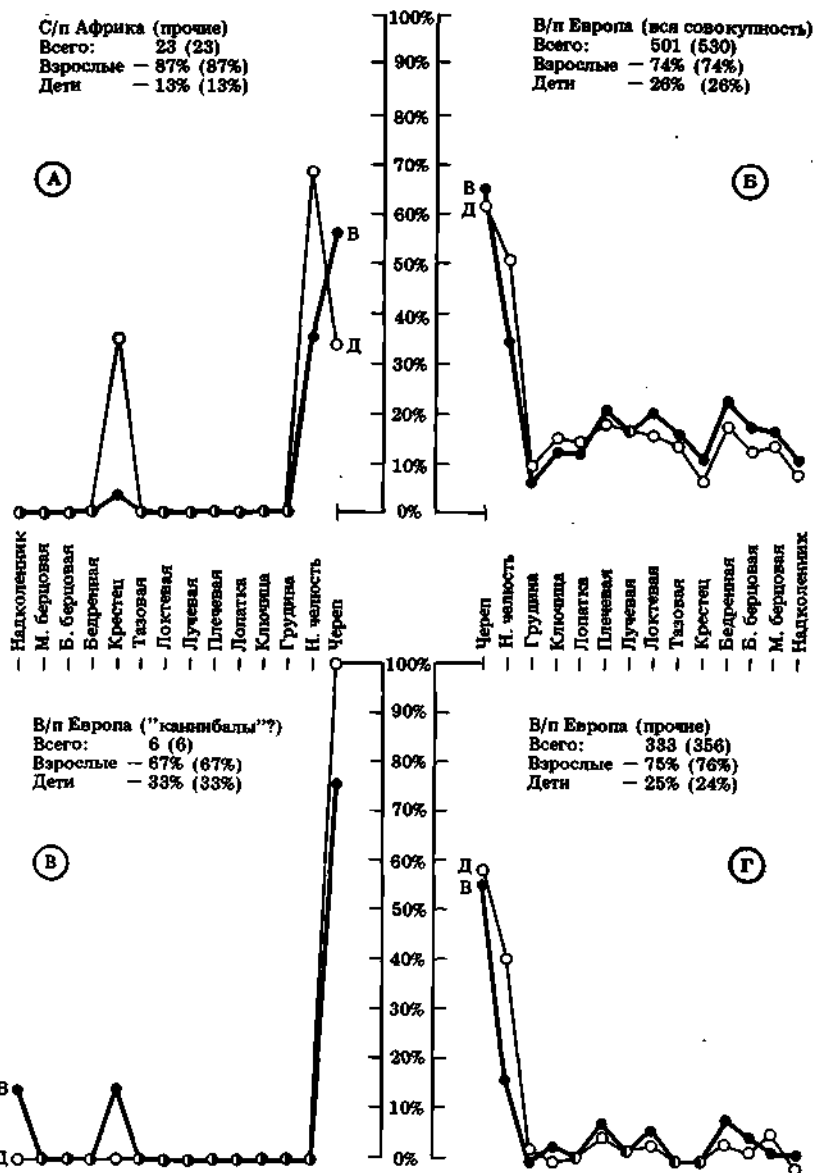

Рис. 12. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков доисторического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

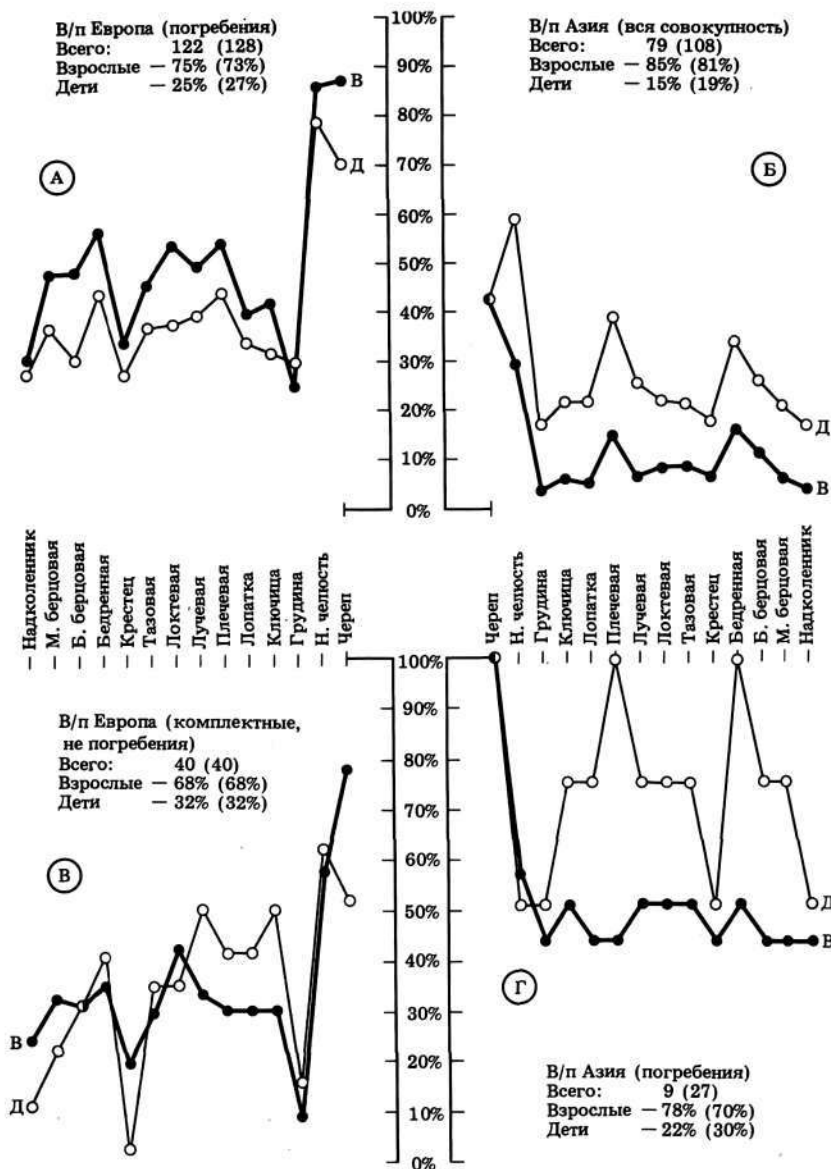

Рис. 13. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

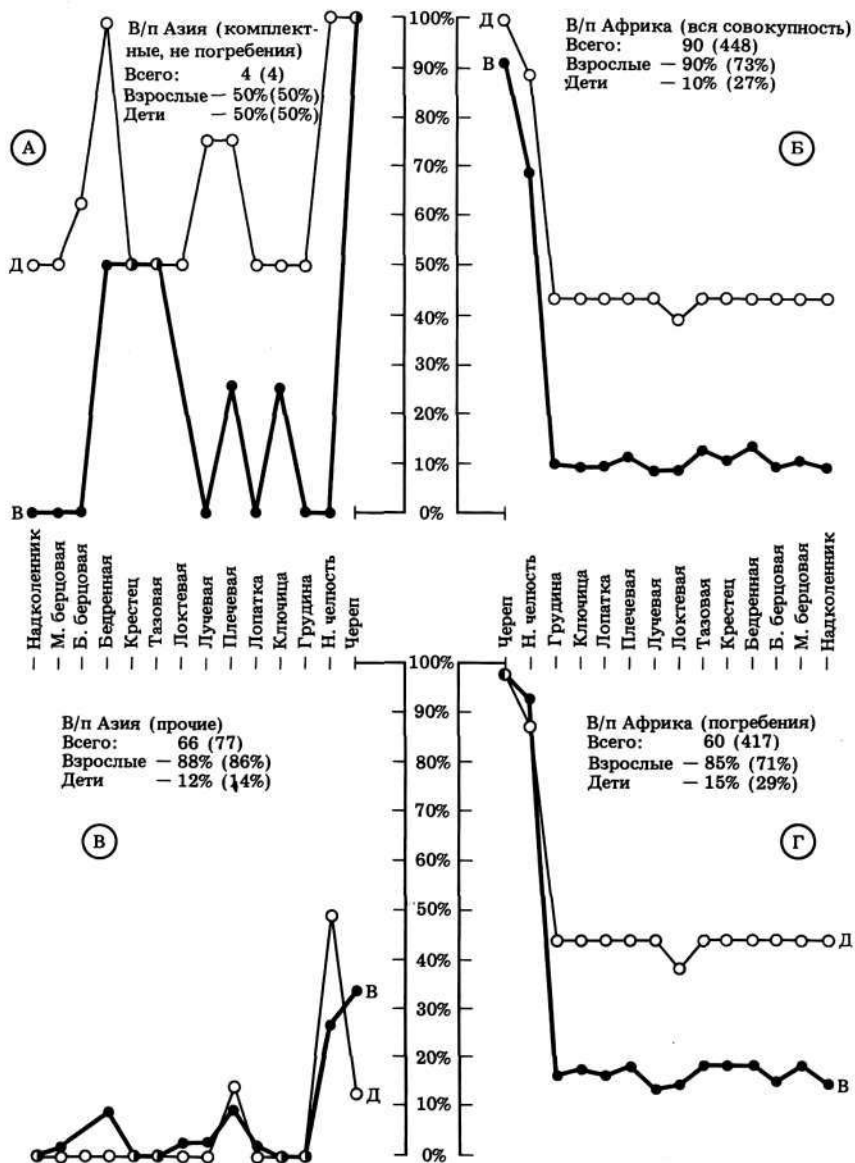

Рис. 14. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

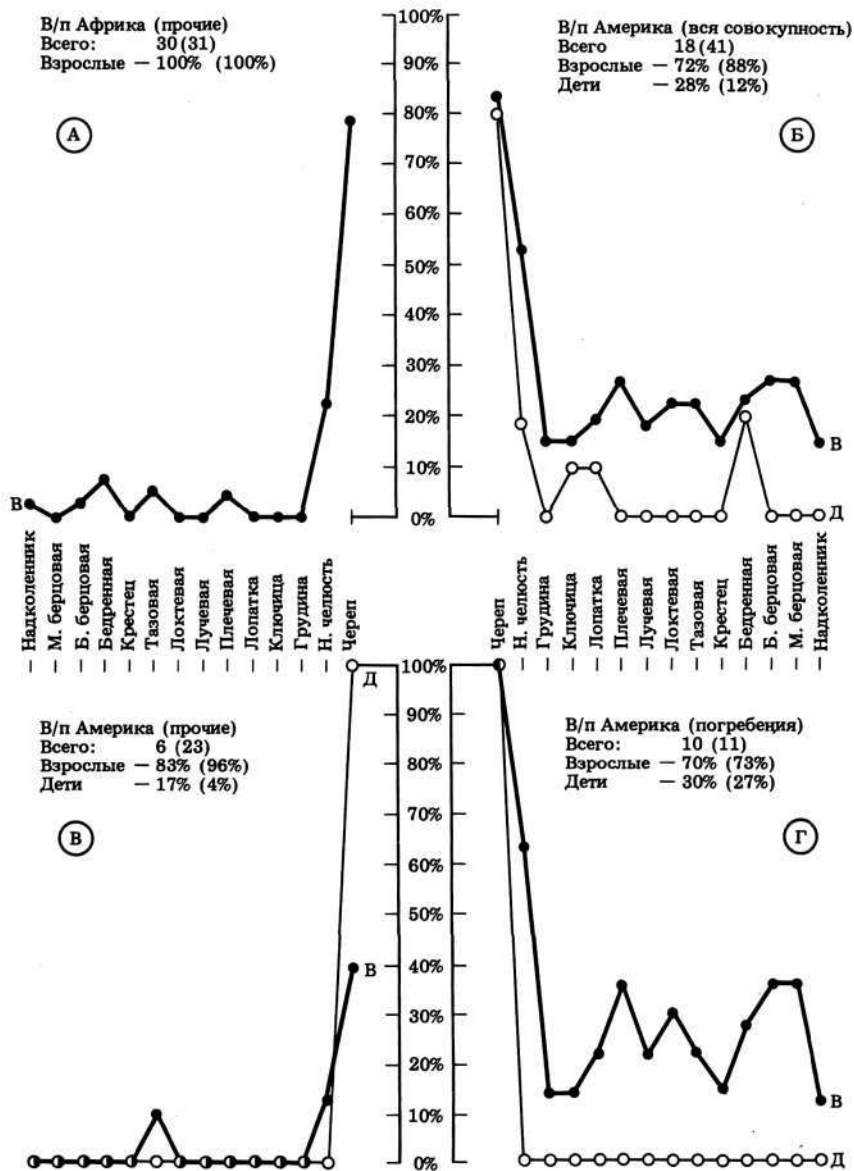

Рис. 15. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

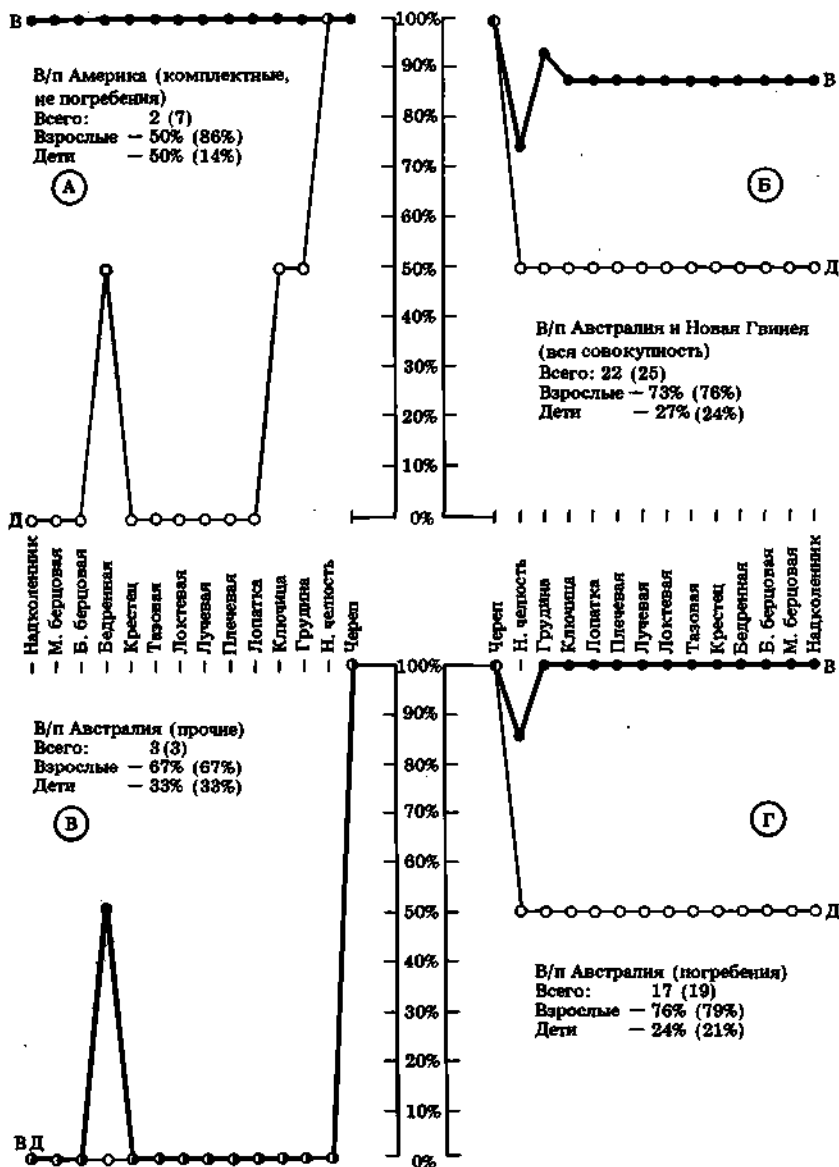

Рис. 16. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

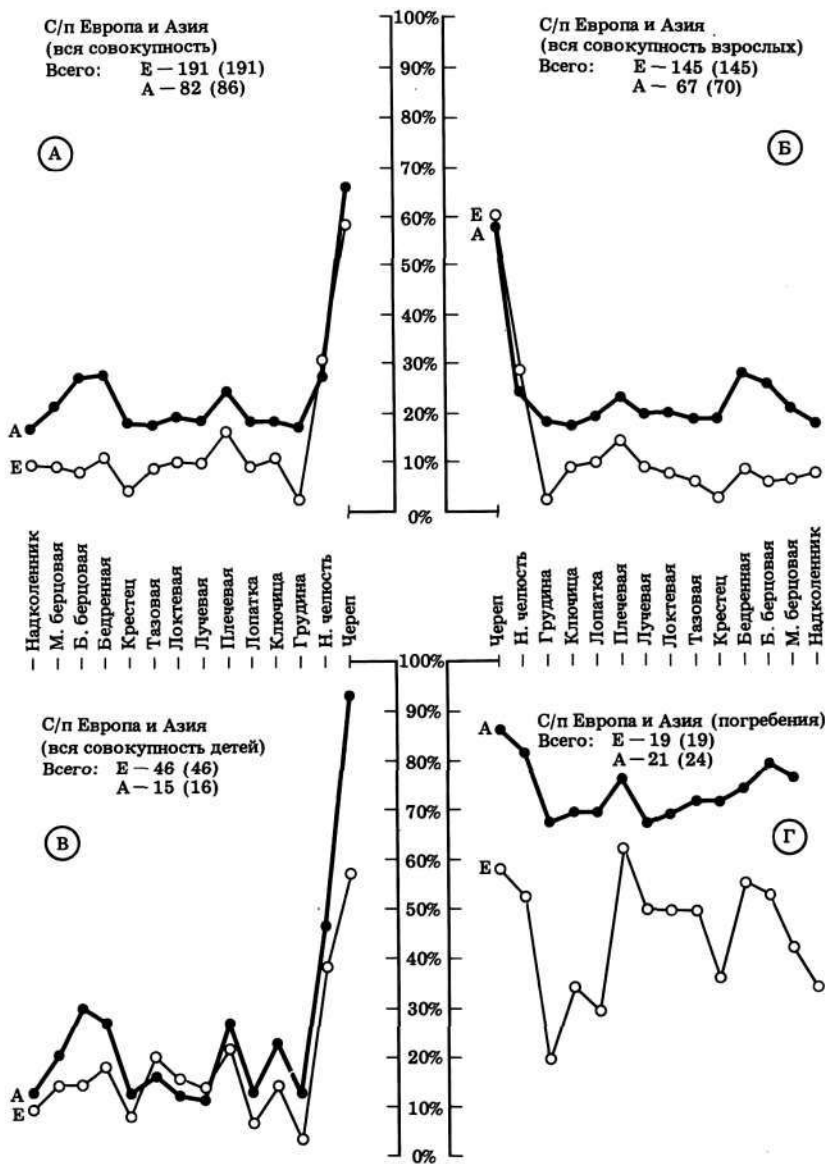

Рис. 17. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

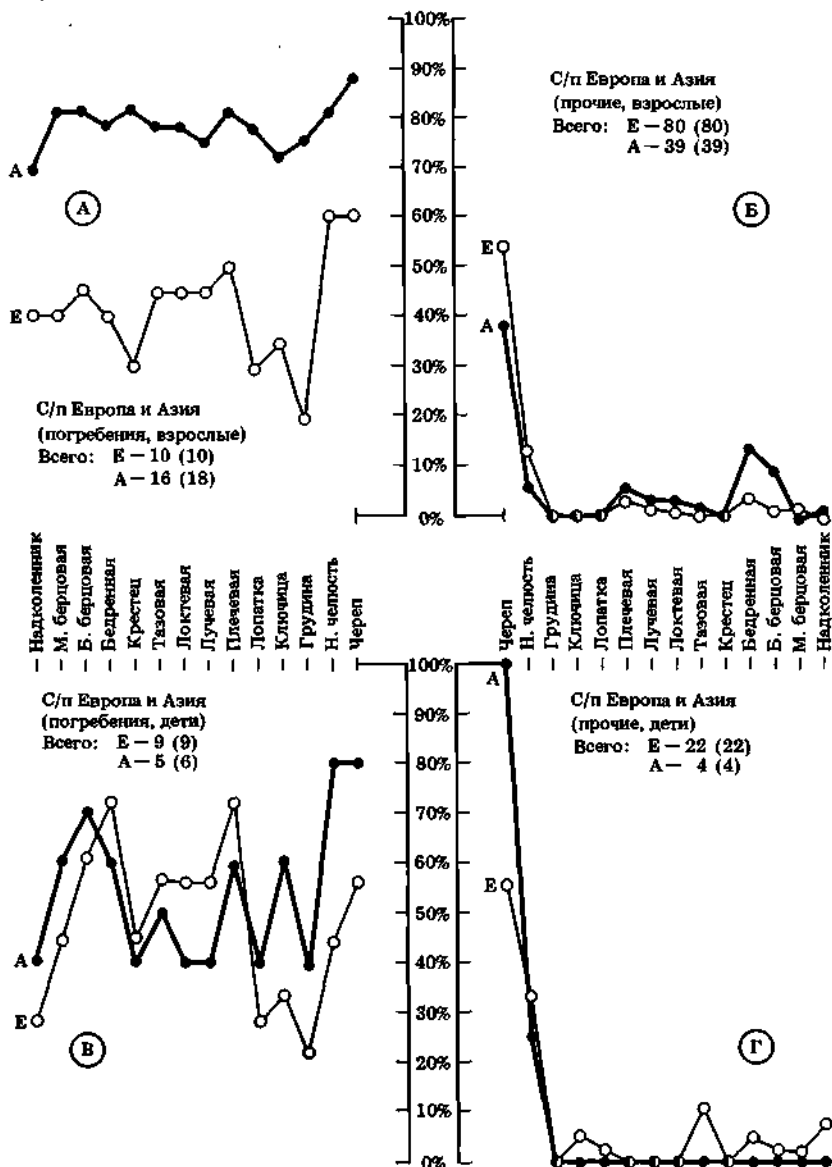

Рис. 18. Графики (А—Д) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

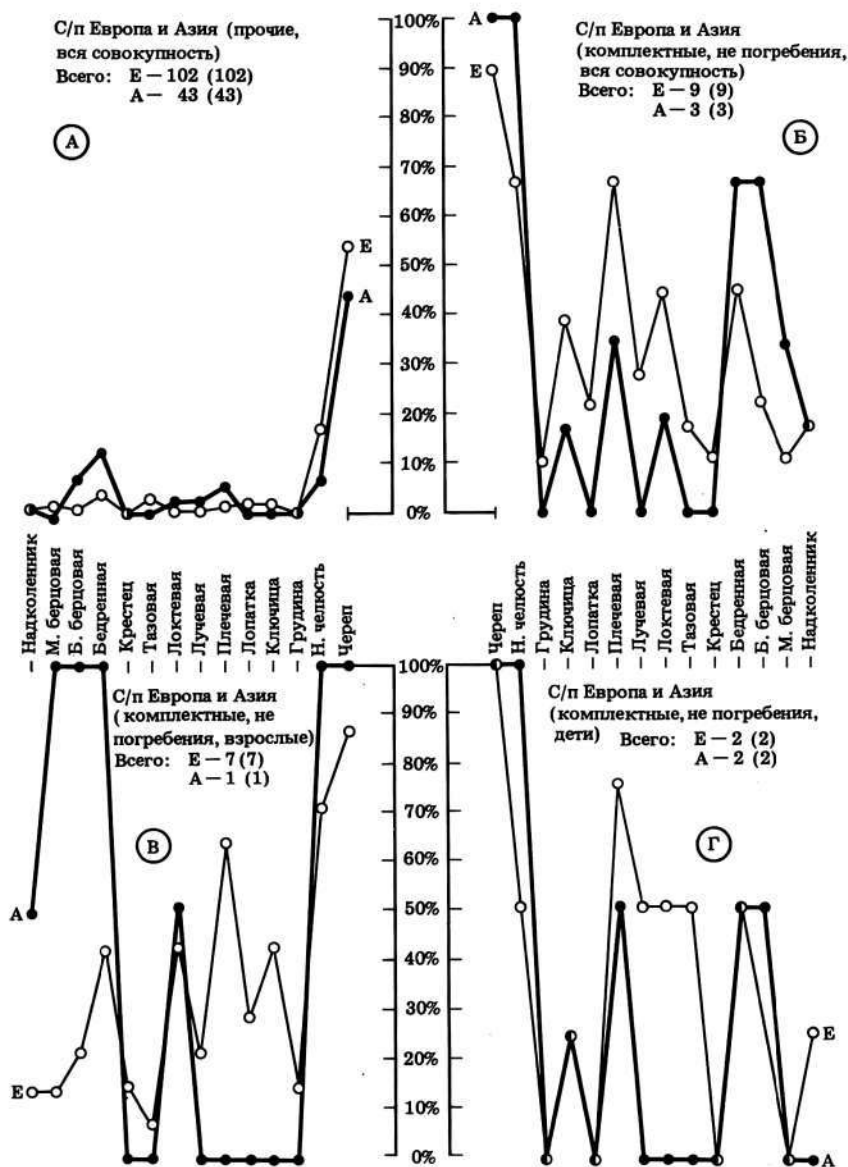

Рис. 19. Графики (А—Г) соотношения числа ископаемых остатков палеолитического человека с реальным числом костей каждой идентифицированной особи

чества и регулярности прижизненного питания; 13) наконец, от квалификации исследователя, обнаружившего и препарировавшего (в поле, лаборатории) костный материал.

Если каждое из перечисленных оснований применять к имеющимся материалам, то в результате получаются довольно противоречивые показания, а устойчивых связей практически не оказывается. Выясняется, что кости сохраняются в местонахождениях различных типов и почти независимо от времени пребывания в слое. Кости сохраняются как в глине, так и в песке, в разного рода и состава супесях и суглинках, как брекчированных, так и небрекчированных, в различного рода туфах и почвах, перекрытых мощными отложениями или почти не перекрытых, в слоях, накопившихся в теплые и холодные периоды, в сейсмически активных и пассивных районах. Детские скелеты сохраняются не хуже, а иногда лучше и полнее взрослых даже в пределах одного слоя (известны, например, костяки недоношенных младенцев из погребений и остатки новорожденных с поселений, где отмечены явные следы антропофагии), а кости стариков, уже подверженные патологическим изменениям, часто сохраняются опять-таки лучше и полнее, чем кости субъектов среднего возраста. Скелетные остатки археоантропов и палеоантропов порой сохраняются хуже, чем остатки неолитов, хотя из-за массивности костей и большей величины компактной субстанции должно было бы быть иначе, впрочем, известно и обратное. Человеческие кости изоморфных очертаний встречаются отнюдь не чаще, и сохранность их бывает ничуть не лучше, чем у костей, имеющих сложный рельеф, как это характерно для палеонтологических остатков и в некоторой степени для фаунистических остатков, происходящих с мест поселений. Не «улучшается» (по крайней мере явно) сохранность костных остатков и не «возрастает» их комплектность по мере приближения даты открытия к настоящему времени, т. е. по мере объективного возрастания уровня квалификации раскопок: раскопки специалистов приносят не всегда большее количество костей лучшей сохранности, чем случайные открытия¹⁶.

По всей видимости, данная ситуация может объясняться, с одной стороны, индивидуальным генезисом каждого местонахождения, а с другой — чрезвычайно сильным воздействием антропогенных факторов, как непреднамеренных (позднейшие нарушения местонахождений скелетных остатков), так и преднамеренных (погребальные обряды, ведущие к сохранению или нарушению целостности тела, антропофагия и др.).

В ходе работы весь материал был расписан по группам, каждая из которых соответствовала одному из шести отделов человеческого скелета (Воробьев В. П., Иванов Г. Ф., 1935; Синельников Р. Д., 1978; Международная анатомическая номенклатура, 1980): I — кости головы; II — кости торса; III — кости пояса верхней конечности; IV — кости

¹⁶ В связи с этим в работе учитывались не степень сохранности скелетных остатков, а именно их комплектность или степень представленности скелета одного индивидуума. Присутствие любого определяемого обломка, в каком бы ужасающем состоянии, с точки зрения сохранности, он не находился, засчитывалось за присутствие всей кости, поэтому в 14 позициях, по которым производились подсчеты (рис. 6—19), присутствуют как целые формы, так и фрагменты.

свободной верхней конечности; V — кости пояса нижней конечности; VI — кости свободной нижней конечности¹⁷.

В процессе анализа материала были сделаны следующие наблюдения:

I. Все ископаемые остатки гоминидов по полноте представленности и целостности скелетов каждого индивидуума можно делить на пять видов: 1) изолированные остатки (одна кость)¹⁸; 2) некомплектные разрозненные остатки одного индивидуума (несколько костей — как правило, менее 10, анатомическая связь между которыми нарушена); 3) некомплектные согласованные остатки (несколько костей, анатомическая связь между которыми — прямая или опосредованная — сохранена); 4) комплектные разрозненные остатки одного индивидуума (относительно большое количество костей — как правило, более 10, сравнительно полно представляющих скелет, обычно не менее четырех его отделов, анатомическая связь между костями нарушена); 5) комплектные согласованные остатки (анатомическая связь сохранена).

II. Генеральная совокупность оказалась неравномерно представленной отдельными элементами скелетов. Она содержит только 57 % черепов, 37 % нижних челюстей и 11,9 % длинных костей свободных конечностей (рис. 6, А). При этом от возможного числа костей взрослых субъектов, по которым имеются данные, уцелели 56 % черепов, 34 % нижних челюстей и 11,3 % длинных костей свободных конечностей (рис. 6, Б). А от возможного числа костей детей и подростков — 60 % черепов, 52 % нижних челюстей и 14,3 % длинных костей свободных конечностей (рис. 6, В), т. е. в целом больше, чем от скелетов взрослых субъектов.

III. Собранный материал, независимо ни от каких показателей (временных, территориальных, видовых, возрастных и пр.), всегда давал двувершинное распределение остатков, причем практически без переходных позиций:

1. Остатки, представляющие один, редко два, отдела человеческого скелета. Они составляют около 75 % всей совокупности — изолированные и некомплектные остатки. 2. Остатки, представляющие четыре—шесть отделов скелета. Они составляют около 25 % всей совокупности — комплектные остатки. 3. Переходные случаи составляют менее 2 % находок и дают соотношение пяти—восьми костей на три отдела. Эти находки представляются как бы нижней границу комплектности и, видимо, должны быть отнесены к категории комплектных остатков.

IV. Далее весь материал можно разделить на две группы. В первую входят те категории остатков, семантическая значимость которых известна: остатки, являющиеся либо объектами погребений, либо пищевыми отбросами. Их попадание в эту группу определяется такими показателями,

¹⁷ Ввиду отсутствия данных по некоторым видам костей торса и конечностей (позвонок, ребра, кости запястья, кисти, предплечья и стопы) они не принимались во внимание при расчетах.

¹⁸ Понятие «изолированные остатки» часто употребляется и в отношении небольшой, как правило, группы костей, особенно отдельных зубов, подразумевая изолированность их от остального костяка или от ряда других костей одной особи. Во избежание путаницы с понятием «некомплектные остатки», отражающим тот же факт нахождения всего нескольких костей, в данной работе понятие «изолированные остатки» вводится только для единичных находок.

как, например, нахождение в типичном погребальном сооружении, либо наличием на них следов продольного раскалывания, огня и т. п. Во вторую группу входят костные остатки, семантическая значимость которых не определена. Здесь в результате внутри и межгруппового анализа было установлено следующее:

1) Характер распределения изолированных и некомплектных остатков (группа «прочие»; рис. 10, А, В; 12, А, Г; 14, В; 15, А, В; 16, В; 18, Б, Г; 19, А) в целом сходен с характером распределения пищевых отходов (группа «каннибалы»; рис. 9, В, Г; 11, Б; 12, В). Это не значит, что все индивидуумы, от которых сохранились только изолированные и некомплектные остатки, пали жертвами каннибализма или эндоканнибализма. Скорее речь должна идти о том, что эти индивидуумы не были подвергнуты захоронению или во всяком случае целостность их тел «изначально» была нарушена. С другой стороны, большая в общем и целом представленность остатков детей и подростков, особенно их нижних челюстей и черепов (в частности, на местонахождениях раннего палеолита), по сравнению с теми же остатками взрослых индивидуумов (рис. 6—19), заставляет склоняться к мысли о том, что данные остатки не подверглись разрушению на уровне моросферы, т. е. как-то сохранялись в биосфере. Возможно, здесь и имел место так называемый культ черепов и нижних челюстей, на существование которого указывали некоторые исследователи (Wernert P., 1948; Bergounioux F. M., 1958 и др.).

2) Часть некомплектных остатков, вероятно, можно рассматривать как следы разрушенных погребений, особенно если тому же слою принадлежит серия сравнительно целых погребений или же их можно рассматривать как погребения, совершенные по принципу часть вместо целого, как это было, например, в Пржедмости, где наряду с комплектными согласованными остатками, находившимися в коллективном погребении, были найдены изолированные нижние челюсти; оттуда же происходит и погребение нижней челюсти, обнаруженной в золе под бедром мамонта (Catalogue... , 1971. P. 57—60), или в Арси-сюр-Кюр (Грот Волка), где в яме находились изолированные остатки черепа и зубов.

В свое время небезынтересное наблюдение было сделано С. Р. Бинфорд, которая писала, что «Ближний Восток и Западная Европа различались по характеру частей тела, которые были обнаружены на местах обитания» (Binford S. R., 1968. P. 143), указывая на то, что в Европе чаще встречаются черепа, а на Ближнем Востоке — посткраниальные остатки, в основном кости ног, и на основании этого наблюдения делала следующий вывод: «Такого рода распределение действительно показывает, что части трупа не встречаются случайно, а выбирались по-разному в двух рассматриваемых районах» (Binford S. R., 1968. P. 143). Данное наблюдение, хотя и сделанное на небольшом в количественном отношении материале, нашло полное подтверждение в настоящей работе, проведенной на материале, в три раза превышающем тот, которым располагала С. Р. Бинфорд (рис. 18, Б, Г; 19, А). Интересно, что такое расхождение происходит за счет остатков взрослых субъектов, в то время как остатки детей дают прямо обратное распределение. Но разграничить эти категории без дополнительных показателей в настоящее время не представляется возможным.

3) Характер распределения комплектных остатков в целом сходен с характером распределения остатков, представленных в достоверных преднамеренных погребениях (рис. 9, А, Б; 10, А; 11, А, Г; 13, А, В; 14, А, Г; 15, Г; 16, А, Г). Здесь встречаются как раз те виды костей, которые отсутствуют или встречаются крайне редко среди некомплектных остатков, а именно кости торса и кости поясов свободных конечностей. Помимо этого, в данной группе пропорции краниальных и посткраниальных остатков находятся в большем равновесии, так же как и в погребениях. Наконец, среди преднамеренно захороненных остатков и комплектных остатков, семантический статус которых не определен, наличие костей правой и левой сторон — явление типичное, в то время как среди некомплектных остатков это не встречается¹⁹.

V. Процентное соотношение детей и взрослых в группе «погребения» распределяется следующим образом в среднем палеолите: Европа — 47/53, Азия — 25/75, Африка — 25/75; в верхнем палеолите: Европа — 27/73, Азия — 30/70, Африка — 29/71, Америка — 27/73, Австралия — 21/79, т. е. пропорция детей и взрослых (примерно $\frac{1}{3}$) всегда одинакова, за исключением Европы, где в среднепалеолитических погребениях детей немногим меньше, чем взрослых (по: Catalogue... , 1971).

Таким образом, полученные результаты, как кажется, позволяют сделать вывод о том, что при отсутствии следов естественного захоронения (обвалов, оползней и пр.) комплектность скелетных остатков (как согласованных, так и несогласованных) действительно может служить одним из критериев оценки преднамеренного характера любого человеческого погребения (в том числе и мустьерского), особенно в тех случаях, когда другие критерии неприменимы. Следовательно, если в жилом слое поселения, где влияние антропогенных (деструктивных) факторов весьма значительно, обнаружены комплектные остатки человека, то с большой долей вероятности можно утверждать, что они происходят из преднамеренного погребения. В данном случае могут быть применены и некоторые дополнительные критерии: 1 — величина площади концентрации остатков; 2 — комплектные остатки других индивидуумов в том же слое; 3 — наличие хотя бы еще одного захоронения с признаками существования погребального сооружения; 4 — остатки двух или нескольких индивидуумов, расположенных в непосредственной близости друг от друга; 5 — случаи наложения остатков одного индивидуума на остатки другого с учетом возможности разрушения предыдущего последующим (в этих случаях остатки предыдущего индивидуума могут оказаться и некомплектными); 6 — нахождение остатков в стерильном слое, подстилающем жилой горизонт (в этом случае в качестве преднамеренно погребенных могут быть расценены не только комплектные остатки, но и некомплектные, и даже изолированные остатки, например, черепа).

Если комплектные остатки обнаружены за пределами поселения, то доля вероятности их преднамеренного погребения уменьшается, и необходимы какие-то дополнительные критерии.

¹⁹ Данное явление не отмечено и среди «жертв антропофагии» повсюду, за исключением Краины. Но материалы этой стоянки показывают вообще ни на что не похожее видовое распределение человеческих остатков, впрочем, может быть, она-то как раз и есть наиболее «людоедски типичный» памятник (рис. 9, Г).

На основании изложенного представляется, что в качестве преднамеренно погребенных могут быть расценены следующие скелетные остатки мустьерского времени, в отношении которых не были зафиксированы следы погребальных сооружений или не было отмечено иных признаков (см. ниже), указывающих на преднамеренное попадание их в слой: Спи 1—3, Мустье 1, Кина 5, Ферраси 2, 7, Киик-Коба 2, Староселье 1, Табун С1, Схул 4—10, Кафзех 3, 6, 7, 15, Амуд 1, Шанидар 2, 3, 5, 9 («беби»), 6—8, Кебара 1. В то же время в число преднамеренно погребенных нельзя без дополнительных оснований включать комплекты остатков неандертальца из грота Фельдгофер (Неандерталь 1, Германия), не содержащего культурных отложений. В число погребенных также не были включены и следующие остатки, происходящие из местонахождений с погребениями: Староселье 2, Табун С2—7, Амуд 2—4, а также 16 нумерованных остатков из грота Схул, ввиду их некомплектности и изолированности и, вероятно, случайного нахождения в слоях с погребениями.

Но самый трудный вопрос заключается, пожалуй, в оценке семантической значимости изолированных целых и сравнительно целых черепов, особенно тех, которые были обнаружены в слоях, содержавших остатки преднамеренно погребенных индивидуумов, например, в Мустье (Le Préhistoire Française, 1976. P. 582) и Кафзех: Кафзех 4, 5, 12—14 (Vandermeersch B., 1981). Кроме этих находок, существует и многочисленная серия черепов, не связанных со слоями, откуда происходят погребения, или обнаруженных на памятниках, где погребения не зафиксированы: Кина 18, Пеш де ль'Азе 1, Брокен Хил 1, Эль-Зуттие 1 и многие другие. Находки подобного рода, насколько известно автору, никогда не были зафиксированы в структурах, которые могли бы быть расценены в качестве погребальных сооружений (исключение — череп Монте Чирчео 1). В связи с этим находки изолированных черепов не были включены в данную выборку. На тех же основаниях в выборку не попали и изолированные нижние челюсти, и изолированные посткраниальные кости. Как представляется, рассмотрение этой категории находок требует отдельной работы и, видимо, с учетом всего материала, а не только среднепалеолитического.

Позиции погребенных и критерий оценки преднамеренного характера погребения по способу «ритуального» размещения тела умершего

Данный критерий употребляется в подавляющем числе исследований, касающихся мустьерских погребений. Обычно он формулируется как случаи «определенного» (читай «ритуального») размещения тела (Tillier A.-M., 1982. P. 24), хотя совершенно не ясно, что следует понимать под определенным размещением и что — под неопределенным; или как случаи скорченного положения тела, которое, по мнению разных авторов, должно свидетельствовать о том, что эти тела «были объектом погребения» (Bouyssonie J., 1954. P. 112, 113). «Во многих погребениях тело находится

в искусственной позе (например, сильно скорчено), которая подразумевает (? — Ю. С.) преднамеренное посмертное размещение» (Harrold F. B., 1974. P. 5, 6).

По мнению автора, данный критерий практически не пригоден или по крайней мере сомнителен, когда речь идет о положении тела, целостность которого не была искусственно нарушена, т. е. все его части занимали естественное анатомическое положение.

Для введения данного критерия необходимо было бы провести два типа сопоставлений:

1. Внутригрупповое сопоставление между положением скелетов в «достоверных» погребениях (т. е. погребениях, где комплектные согласованные остатки находились в погребальном сооружении) и положением скелетов в вероятных погребениях. Но совокупность мустьерских погребений не позволяет провести подобное сопоставление, так как в ней практически отсутствуют повторяющиеся позиции (см. ниже рис. 112).

2. Межгрупповое сопоставление между положением скелетов в достоверных преднамеренных погребениях и положением скелетов в достоверных непреднамеренных погребениях, т. е. сравнение первых с позами жертв стихийных бедствий или несчастных случаев, при которых происходит захоронение. Другими словами, следовало бы пытаться моделировать, как это делается, например, в современной тафономии (Fossils... , 1980), что, как понятно, в данной области крайне затруднительно.

Поэтому такой критерий пока вводить некорректно, и в настоящей работе он не применяется. Иначе этот вопрос разрешается, когда речь идет о размещении тела с преднамеренно нарушенной анатомической связью, например, в области опорно-двигательного аппарата умершего (Рок де Марсаль 1), или о размещении экскарнированного покойника (Тешик-Таш 1), или о вторичном захоронении (Схул 2?), или о погребении части вместо целого (Арси 5—7), или о погребении умершего с отчлененным черепом (Ферраси 6, Кебара 3) и т. п. В таких случаях вероятность непреднамеренного положения останков умершего в могилу снята полностью, и критерий «определенного» размещения вполне корректен.

При описании позиций некоторых погребенных встает еще одна сложная проблема: каково соотношение первоначальной позы погребенного с позой, зарегистрированной в момент вскрытия погребения. Имеются в виду случаи нахождения погребенных в «переходных» позициях: от латеральной к дорзальной и вентральной, т. е. о возможном переворачивании корпуса или вытянутых конечностей погребенного (к примеру, под воздействием отлагающихся выше слоев) из положения «на боку» в положение «на спине» (Табун С1), или в положение «на животе» (Мустье 1?), или о «расхождениях» между положением корпуса и положением конечностей: корпус «на спине» — ноги «на боку» (Шапель 1, Схул 5), или череп и корпус «на боку» — таз и ноги (?) «на спине» (Староселье 1).

В ряде случаев решение этой проблемы представляется невозможным, так как мы не в состоянии не только достоверно реконструировать первоначальную позу, но и наметить возможные пути такой реконструкции, которая бы имела под собой реальные основания, особенно если нет

таких-то дополнительных указаний. Поэтому в данной работе в качестве анализируемой (учитываемой) позиции погребенного рассматривается та, которая была зафиксирована в ходе раскопок²⁰. При этом автор ясно сознает, что в одном ряду могут оказаться как погребенные, позы которых близки к первоначальному, так и погребенные, положение тел которых претерпело изменения²¹.

Погребальный инвентарь и критерии оценки его преднамеренного нахождения в погребении

При решении вопроса о наличии посмертного набора в погребении, обнаруженном в культурном слое, практически всеми исследователями учитывается элемент случайности. Вероятность случайного попадания в захоронение различных предметов, в том числе и предметов из культурного слоя, в процессе создания погребального сооружения, а также при совершении и в особенности при завершении («замыкании») погребения действительно должна приниматься во внимание для всех находок подобного рода. Видимо, поэтому большинство исследователей скептически относится к самой возможности отделения преднамеренного погребального инвентаря от случайных предметов в мусьерских погребениях.

Попробуем рассмотреть некоторые критерии, при помощи которых эту операцию все же производить возможно. Начнем с того, что принципиальная возможность наличия преднамеренного погребального инвентаря обосновывается существованием ряда «безынвентарных» среднепалеолитических погребений наряду с погребениями, достоверно снабженными инвентарем.

Оценки преднамеренного характера сопровождающего инвентаря в мусьерских захоронениях могут базироваться на следующих основаниях:

1. Размеры предметов относительно размеров погребального сооружения или останков погребенного: процент случайного попадания крупных предметов (скребел, остроконечников) в детское погребение, совершенное в маленькой ямке (Ферраси 3—6), должен быть, вероятно, меньшим, чем процент случайного попадания небольшого отщепы в просторную могильную яму (Шпель 1).

2. Состояние предметов — необожженные кремни в очажном заполнении могильной ямы (Ферраси 3, 4а, б).

3. Местоположение предметов: вплотную с корпусом погребенного, в углу, образованном правым плечом и левым предплечьем (Схул 5); между кистями рук (Схул 4); непосредственно на костях скелетов (Ферраси 1, б (к тому же, в последнем погребении, кроме остроконеч-

²⁰ Исключения: Мустье 1, Староселье 1, Схул 1, 4 (см. ниже).

²¹ Естественно, при отсутствии явных позднейших нарушений погребения, которые следует рассматривать отдельно (Заскальная VIa, б, в, Шанидар 5, Тешик-Таш 1 и др.).

ника и двух скребел, других — «случайных» — предметов не обнаружено), 5 (в этом погребении три скребла располагались в одной плоскости и были ориентированы одинаковым образом)); под скелетом — вместе с изделиями другого культурного горизонта, затронутого могильной ямой (Ферраси 2); в «закрытом» комплексе — в яме, перекрытой известняковыми блоками (Марсаль 1); под насыпью из камней и внутри этой насыпи (Регурду 1).

4. Нахождение предметов в стерильном слое заполнения ямы (Арси 5—7, Тешик-Таш 1, Заскальная VIa, б, в)²².

5. Характер самих предметов — в ряде случаев в связи с погребениями зафиксированы такие кости животных, которые вряд ли могут относиться к «пищевым запасам» или «отходам погребальных пиршеств», как их подчас называют. Это прежде всего рога, зубы и нижние челюсти животных, а также такие кости (например, предплюсна и плюсна птицы), на которых мягкие ткани практически отсутствуют, а других костей этого вида фауны в связи с погребением не отмечено (Марсаль 1, Регурду 1, Шанидар 1 и 5, Схул 5, Кафзех 11, Тешик-Таш 1, Шапель 1 (?))²³.

Наряду с наличием «инвентарных» и «безынвентарных» погребений для рассматриваемого материала характерна еще одна особенность. В некоторых случаях на участках с погребениями отмечалась значительная концентрация кремней и/или костей, а в других — следы такой концентрации находок не отмечены. Например, концентрация костей зарегистрирована в связи с погребениями Ферраси 1, Киик-Коба 1, а в связи с рядом расположенными погребениями Ферраси 2 и Киик-Коба 2 такая концентрация отмечена не была. Кроме того, известны случаи значительного сосредоточения *только костей* (Шапель 1, Киик-Коба 1, Шанидар 1, 5, 4, 6—8) или *только кремней* (Ферраси 2, Кебара 3, Амуд 1, Кина 5; в последнем случае — в сравнительно бедном находками уровне). Помимо этого, имеются случаи большой концентрации отщепов: Мустье 1 (>70 шт.), Ферраси 2 (50 шт.), Киик-Коба 1 (40 шт.; здесь — в неразрушенной части ямы, уничтоженной более чем на $\frac{2}{3}$ более поздним сооружением), Киик-Коба 2 (48 шт.), Схул 1 (более 21 шт.), Кебара 3 (многочисленные отщепы), что, возможно, не является случайным, особенно в сравнении с одним отщепом в Ферраси 3 (при наличии орудий, как и в Ферраси 2), двумя отщепами в Шанидар 1 (при полном отсутствии орудий и большом количестве костей, в том числе и «костей-фетишей») и 10 отщепами в Амуд 1 (при одной кости и нескольких орудиях в этом погребении).

Кроме того, в связи с мустьерскими погребениями наблюдается повторяемость определенных видов изделий — остроконечников (12 или 13 слу-

²² На стоянке Заскальная VI была отмечена несколько необычная ситуация. Там в связи с погребением, обнаруженным в стерильном слое, были выявлены значительная концентрация находок (кости и зубы животных, орудия и отщепы) и несколько ям, сосредоточенных на площади примерно в 4 кв. м, что заставило автора раскопок Ю. Г. Колосова выделить данный участок в самостоятельный культурный слой (IIIa), а автору работы дает возможность с определенной долей вероятности связать все эти находки с захоронением и расцепить их как сопутствующий и сопредельный инвентарь и дополнительные структуры.

²³ Такие кости (в данной работе они условно названы «фетишами»), вероятно, могли быть «охотничьими трофеями» или иметь отношение к каким-то идеологическим представлениям, связанным с погребениями умерших.

шев) и скребел (13 случаев), часто в сочетании друг с другом, и при этом редкость остальных видов изделий: ножи (четыре или пять случаев), скребки (три), пластины и орудия на пластинах (три), проколки (два), диски (два), резцы (один). Вероятно, такая дифференциация видов изделий, сопровождающих погребенных, тоже не случайна, т. е. указывает на некоторую избирательность в выборе видов орудий, отводимых для погребения.

К сожалению, на данном материале нельзя проверить гипотезу о выделении инвентаря по избирательному принципу, так как, во-первых, в большинстве случаев слои, ассоциирующиеся с погребениями, раскопаны не полностью, а, во-вторых, статистические данные относительно обнаруженных предметов, как правило, не опубликованы, и мы не можем судить о наиболее часто/редко встречаемых предметах инвентаря на самом поселении. В тех редких случаях, когда такие данные имеются (например, Шапель-о-Сен, Схул, Амуд, Киик-Коба), мы не можем ими воспользоваться, потому что в Шапель-о-Сен фактически неизвестно, какие именно виды изделий найдены в могильной яме; в Схул раскопщик почти не обращал внимания на предметы, окружавшие погребения, отметив только, что в связи с погребениями находились те же предметы, что обычно встречались и в слое, — фрагменты костей, изделия из камня, нуклеусы и отщепы (т. е. без чего-либо необыкновенного), и соответственно принадлежащие только слою, а не погребениям (Gagrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 104), и только скребло между кистями рук в Схул 4 и челюсть кабана с обломанными клыками в Схул 5 привлекли его внимание; в Амуд мустьерский горизонт с погребением был в значительной степени уничтожен более поздними сооружениями; в Киик-Кобе погребение взрослого разрушено на $\frac{2}{3}$, а в связи с погребением ребенка упомянуты только одно скребло, возможно, имевшее отношение к погребению, и «кремни нижнего слоя» (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 146).

Рассматривая возможные случаи присутствия погребального инвентаря, необходимо обратить внимание еще на два вида находок. Прежде всего это предметы со следами начертательной деятельности — редчайшая категория находок для среднепалеолитической эпохи, обнаруженные на трех памятниках из 14, где вообще такие находки зафиксированы (История... 1983. С. 400—402) и в основном именно в связи с погребениями: Ферраси 1 (кость с регулярными нарезками), 6 (плита с чашевидными углублениями); Кина 5 (сфероид с регулярными насечками); Заскальная VIa, б, в (костяная проковка с регулярными нарезками). И хотя «достоверно» с погребением связана только плита с чашевидными углублениями, такая «концентрация» следов «неутилитарной» деятельности в связи с погребениями, может быть, не случайна.

Ассоциируются с мустьерскими погребениями также круглые и уплощенные гальки (Шапель 1, Ферраси 1, Заскальная VIa, б, в — здесь как галечная, так и половинки) — категория, достаточно характерная и для верхнего палеолита (например, в погребениях Гримальди. Григорьев Г. П., Леонова Н. В., 1977. С. 15, 16). Кроме того, в Регурду, но уже в одной из «сопутствующих» погребению структур, был обнаружен камень с отверстием.

И, наконец, не менее редкая для мустьерских отложений находка — охра как в кусках (отмечена в связи с погребениями Шапель 1, Заскальная VIa, б, в, Кафзех 8, 11; и вне связи с ними, но в слоях, корреспондирующих с погребениями на стоянках Ле Мустье, Ля Кина, Ля Ферраси, Киик-Коба), так, вероятно, и в виде охристой подсыпки (в погребениях Ферраси 1, 3, 4а, б, 6 и Кина 5, см. ниже).

Оценивая материал с целью установления наличия/отсутствия достоверного погребального инвентаря в палеолитических погребениях, исследователи обычно исходят из сравнения имеющихся данных с материалами позднейших по времени погребений, невольно привлекая для сравнения либо «устойчивые» образы «средненормальных» погребений, либо наиболее яркие, впечатляющие примеры. Следуя традиционным путем, можно выделить и среди мустьерских погребений «типичные» образцы (например, безынвентарные погребения и погребения, снабженные «обычными» для эпохи предметами, — три скребла в детском погребении Ферраси 5) и образцы «нетипичные» (например, детское погребение Кафзех 11, в котором находились рога и эпифиз большеберцовой кости лани, обожженная скорлупа страусового яйца и кусок охры, или коллективное погребение Шанидар 4, 6—8, в котором отмечена подстилка или покрытие погребенного(ых?) ветвями и цветами). Другими словами, в мустье мы видим ту же картину, которая наблюдается и в верхнепалеолитических погребениях, и позднее, например, наличие безынвентарных погребений и погребений со «скудным» инвентарем (отщепы в мужском погребении из Барма Гранда. Григорьев Г. П., Леонова Н. Б., 1977. С. 16, 17, 20) или сравнительно «богатых» погребений (кремневые орудия и отщепы, травертиновая галька, украшения (оголовье, браслеты) из просверленных раковин в погребении так называемых негроидов Гримальди (Григорьев Г. П., Леонова Н. Б., 1977. С. 15). В то же время детское погребение из Сунгиря (Badet O. N., 1970) вообще не имеет аналогий, как не имеет их и погребение из Регурду — само по себе экстраординарное, которое было связано с уникальным «медвежьим комплексом», состоящим из насыпей и каменных кладок, содержавших черепа и кости медведя и других животных, а также ямы-каменного ящика, перекрытого колоссальной (850 кг) плитой и содержавшего полный, но расчлененный скелет медведя, «различные части других медведей и камень, снабженный отверстием(ями?)» (Bonifay E., 1962. P. 139).

С другой стороны, все перечисленные случаи нахождения различных категорий инвентаря непосредственно в мустьерских погребениях или в связи с ними в целях более строгого анализа все же следует разделить на две группы.

1) Достоверные случаи обеспечения погребенных инвентарем (Ферраси 5, 6, Регурду 1, Марсаль 1, Арси 5—7, Схул 5, Кафзех 11, Тешик-Таш 1, Кебара 2). 2) Возможные случаи их обеспечения (Сли 1—3, Мустье 1, 2, Шапель 1, Ферраси 1—4а, б, 7, Кина 5, Киик-Коба 1, 2, Заскальная VIa, б, в, Шанидар 1, 2, 5, 9, Амуд 1, Табун С1, Схул 1, 4, Кафзех 8, Кебара 3). Причем среди случаев возможного обеспечения погребенных инвентарем необходимо выделить два вида «приношений»: 1. Приношения, находящиеся в непосредственном соприкосновении с останками погребенного или в пределах погребального сооружения

«Спи 1—3, Мустье 1, 2, Шапель 1, Ферраси 1, 2, 7, Кина 5, Клик-Коба 1, 2, Заскальная VIa, б, в, Шанидар 1, Амуд 1, Табун С1, Кафзах 8(?), Кебара 3), — «сопровождающий» и «сопутствующий» инвентарь. 2. Приношения, находящиеся за пределами погребального сооружения как в соприкосновении с ним (например, многочисленные кости животных, в том числе и «кости-фетиши» на поверхности насыпи из камней в погребении Шанидар 1), так и в непосредственной близости от него (например, комплекс находок в связи с погребением Заскальная VIa, б, в в стерильном горизонте стоянки), — «сопредельный» инвентарь. Такого рода находки могут как представлять собой собственно инвентарь, предназначенный к «погребению» вместе с умершим (точнее, отдельно от него, но по случаю данного погребения), так и являться остатками «приношений на могилу» после совершения погребения, но в то же время и остатками «тризн» и/или «погребальных пиршеств» (позднее — венков, поминальных предметов и пр.). Однако на данный, по крайней мере, момент мы не всегда располагаем критериями, которые позволили бы разграничить эти виды остатков, как подчас не располагаем мы и критериями, позволяющими отделить предметы, случайно оказавшиеся в погребении, от намеренно туда положенных.

Дополнительные структуры и критерии оценки их связи с погребениями

Для данного материала характерны два вида повторяющихся структур — ямы и кострища — и два вида неповторяющихся — насыпи и каменные кладки. Но, как справедливо писал Б. Вандермеерш (Vandermeersch B., 1976a. P. 727), в тех случаях, когда такие структуры отмечены в связи с погребениями, немедленно встает проблема синхронности зафиксированной дополнительной структуры и погребения (добавим — не столько синхронности, сколько взаимосвязанности). Действительно, только в ряде случаев можно с достаточной уверенностью говорить о том и другом: в Регурду кострище находилось на вершине погребального сооружения, а ниже, под покровом насыпи из камней, лежал рог оленя; на бедре погребенного Мустье 1 имелся след воздействия огня, возможно, от соприкосновения с кострищем; кострище над погребенным Шанидар 2, вероятно, было засыпано в процессе горения; пепел и следы обожженности имелись и на костях скелета Кебара 3; некоторые погребенные располагались прямо (?) на слое кострища (Ферраси 1, 2, Схул 3 (?), Шанидар 1, Шанидар 9?); холмик над ямой погребения Ферраси 5 был по форме и размерам идентичен другим восьми холмикам, под которыми не содержалось ни могильных ям, ни человеческих остатков; погребение в Регурду находилось между боковой стенкой грота и различными структурами (ямы, насыпи, каменные кладки), содержащими преимущественно остатки медведей.

Основываясь на этих наблюдениях, можно с определенной долей вероятности отнести к разряду дополнительных структур и кострища, зарегистрированные в непосредственном соседстве и с другими погребениями.

ниями: по два рядом с погребениями Шатель 1, Заскальная VIa, б, в, Шанидар 1, Кебара 3(?), и по одному — Шанидар 2, Шанидар 3(?) и Тешик-Таш 1.

Проблема соотношения погребений и ям, заполненных стерильным слоем (отмечены в связи с погребениями Ферраси 3, 4а, б и Заскальная VIa, б, в) или культурным слоем (?), т. е. содержащих орудия и кости, в том числе «кости-фетиши» (отмечены в связи с погребениями Ферраси 3, 4а, б, в, Заскальная VIa, б, в, Киик-Коба 1, Шатель 1, Мустье 2), практически неразрешима. Однако некоторая повторяемость данного рода находок, на которую уже давно обратил внимание ряд исследователей (Bouyssonie A. et J., Vardon L., 1913; Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; Реугоу D., 1930), может служить аргументом в пользу связи таких ям с погребальным ритуалом.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ МУСТЬЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

История изучения

Проблема изучения мустьерских погребений имеет уже более чем столетнюю историю и обширнейшую библиографию. Так или иначе она затрагивается в огромном количестве разнохарактерных работ: здесь и учебные пособия, и обобщающие труды по истории первобытного общества, и археологические исследования, и работы в области истории религии (в особенности ранних ее форм), исследования по общим и частным вопросам палеоантропологии, палеогеологии, палеохронологии и т. п., научно-популярные и популярные издания и, наконец, работы, специально посвященные мустьерским погребениям.

Фактически все исследования по мустьерским погребениям можно разделить на две группы. В первую входят работы, содержащие описания конкретных памятников и принадлежащие авторам соответствующих открытий. В этих трудах с той или иной полнотой публикуются описания добытых в ходе раскопок материалов и результаты, полученные в процессе камеральных исследований. Эти же работы, как правило, содержат и обобщенные описания сравнительного материала. Во вторую группу входят общие и региональные обзоры мустьерских погребений, данные под разными углами зрения и проводимые с разными целями, но всегда содержащие описания конкретных погребений, на основе которых базируются построения того или другого автора. Именно эта часть историографического наследия и будет здесь рассмотрена.

Первые, по всей вероятности, преднамеренные мустьерские погребения, о которых у нас имеются некоторые сведения, были обнаружены в Спи (Бельгия) в 1886 г.

К этому времени неандерталец и его сравнительная древность были уже признаны большинством авторитетов. Обнаруженные в Спи остатки были расценены как неандертальские, а геологический и археологический контексты стоянки не допускали сомнений в их относительной древности. Причем эти находки впервые позволили определить неандертальца в качестве носителя именно мустьерской индустрии, а не ашельской, как до этого предполагалось. Что же касается индивидуумов, обнаруженных в Спи, то авторы публикации полагали, что скорее всего люди эти погибли под обвалами, так как возможность преднамеренного погребения казалась им слишком гипотетичной (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 668). Поэтому только 22 года спустя, во Франции, в связи с открытием погребения в Ля Шапель-о-Сен, авторами раскопок аббатами А. и Ж. Бунссони и Л. Бардоном был, можно сказать, впервые поставлен вопрос о

существовании в мустьерскую эпоху преднамеренных человеческих захоронений, и документация, связанная с контекстом этого памятника, введена в научный оборот (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908a; 1908b). Именно тогда, по-видимому, был как бы заново сформулирован тезис о прямой связи факта преднамеренного погребения умершего с наличием религиозных представлений у людей, его совершивших (Bouyssonie A. et J., 1909. P. 14). Тогда же шалельское погребение, оказавшись в поле зрения доисториков и других специалистов, вызвало бурную и большей частью негативную (судя по откликам в печати. Bouyssonie A. et J., 1909) реакцию на открытие и его интерпретацию, данную авторами раскопок.

Это открытие вновь оживило полемику между сторонниками и противниками гипотезы о существовании палеолитических и тем более среднепалеолитических (неандертальских!) погребений. А для этого времени, как справедливо отмечает Ж. Рош (Roche J., 1976. P. 21), такое положение дел было вполне естественным, ибо тогдашние представления о физическом и психическом складе неандертальца и некоторые археологические находки входили в явное противоречие. Такие авторитеты, как Г. Мортилье и М. Буль, считали неандертальского человека слишком примитивным, чтобы интересоваться своими покойниками. И эта точка зрения имела широчайшее распространение. По мнению Ж. Роша, влияние ее было настолько велико, что отрицательно сказалось и на ориентации некоторых анатомических реконструкций, в том числе и на реконструкции самого шалельского человека (Roche J., 1976. P. 21).

Существование такого рода «априорной гипотезы» влияло не только на анатомические реконструкции, ее пагубное влияние, очевидно, сказывалось и на качестве ряда археологических исследований, в процессе которых возможные указания на преднамеренность попадания в слой тех или иных человеческих остатков просто оставались за рамками восприятия археологов, поскольку они полагали, что имеют дело с жертвами несчастных случаев. Так в общем считали раскопщики из Спи, так полагал А. Мартен, обнаруживший почти полный неандертальский костяк на стоянке Ля Кина (Martin H., 1911b), да и многие другие исследователи конца XIX—начала XX в. Впрочем подобная интерпретация некоторых мустьерских погребений сохранилась и до последнего времени. Так, Р. С. Солецки объявил остатки первых трех взрослых индивидуумов, открытых им в Шанидаре, остатками людей, погребенных под обвалами, чем ввел в заблуждение многих специалистов, и только спустя 10 лет попытался исправить свою ошибку (Solecki R. S., 1960; 1971).

Небезынтересно, что в начале XX в. имел место случай, так сказать, обратной реакции. Г. Обермайер приводит сведения о том, что открытие О. Хойзером неандертальского скелета в Нижнем гроте Ле Мустье «побудило» Э. Ривьера сообщить Парижской Академии наук, что им на том же самом месте в пещере Буже еще осенью 1905 г. был также найден скелет, ассоциировавшийся с мустьерскими культурными остатками (Обермайер Г., 1913. С. 160). Однако из-за того, что на черепе отсутствовали следы его отношения к неандертальскому виду, эта находка была оставлена без внимания и, насколько известно, к ней уже никогда не возвращались позднее.

Итак, на рубеже XIX—XX вв. большинство специалистов скептически относилось к возможности существования мустьерских преднамеренных погребений.

Однако еще одно открытие 1908 г. (Ле Мустье) и серия находок в последующие годы (Ля Ферраси), с одной стороны, укрепили позиции сторонников идеи о возможности существования преднамеренных погребений у неандертальского человека и, в частности, поощрили братьев А. и Ж. Буйссони и Л. Бардона теснее связать находки из грота Ля Шапель-о-Сен с обнаруженным там погребением, а с другой — позволили им с еще большими основаниями повторить свой ранее опубликованный тезис: «В той степени, в какой показано философией и наукой, что акт погребения мертвых предполагает религиозные верования и чувства, в той же степени здесь можно утверждать, что в мустьерский период у человечества была религия» (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913. P. 634).

Таким образом, тезис о прямой зависимости между существованием преднамеренных погребений и религиозными представлениями, никем, как кажется, не оспариваемый в XIX в., оказался (в связи с открытием неандертальских погребений) основным камнем преткновения в веке XX. В зарубежной историографии его пытались оспорить в первой четверти нашего столетия, а в советской такие попытки имели место вплоть до последнего времени¹. Причем и здесь и там антитеза строилась в основном по следующим схемам:

1. Погребений не было, потому что у столь примитивного существа, каким тогда представлялся неандерталец, не могло быть столь развитых воззрений, которые, как известно, порождают столь сложную форму человеческой деятельности, именуемую захоронением умерших.

Возможные основания: А) анатомические и палеоневрологические реконструкции начала века, свидетельствующие о примитивном физическом и умственном строении неандертальского человека; Б) этнографические данные, свидетельствующие о чрезвычайной сложности и разнообразии способов обращения с умершими у самых «примитивных» народов (ингумация, кремация, экскарнация и т. д., погребения в хижине, в лодке, на нартах, на дереве и пр.) и «стоящих за ними» представлений; В) археологические данные, свидетельствующие, с одной стороны, о чрезвычайной сложности и разнообразии погребальных обрядов (труположение, трупосожжение, расчленение и т. д., в кургане, в пирамиде, в склепе, в срубе, в саркофаге и пр.) у народов бронзового и железного веков и «стоящих за ними» представлений, известных по этнографическим наблюдениям и письменным источникам, а с другой — о крайне примитивном облике материальной культуры палеолитического человека, о его слабой технической вооруженности; Г) общие представления о развитии человеческого общества (линейная эволюция от простого к сложному во всех сферах общественных отношений) и, в частности, представления

¹ Примечательно, что логика построения самого тезиса, кажется, никем, кроме В. К. Никольского (1923), не оспаривалась (см. выше).

о примитивном характере социальной организации палеолитического (в том числе и верхнепалеолитического) человека, об отсутствии у него «религиозности».

Интерпретация — жертвы несчастных случаев (Мортилье Г. и А., 1903; Mortillet P., 1914 и др.).

2. Погребения были, но имели не религиозный, а социальный или иные подтексты, потому что на столь ранней стадии развития человеческого общества религии быть не могло, так как для этого необходим соответствующий уровень культурного развития (материального и духовного), к тому времени еще не достигнутый.

Возможные основания: А) анатомические и палеоневрологические реконструкции (см. выше); Б) этнографические данные (см. выше); В) археологические данные (см. выше первую точку зрения, а что касается второй, то в ней присутствуют те же акценты, но уже смещенные в сторону культуры мустьерца, достаточно примитивной в сравнении с культурой «кроманьонца», в частности, «примитивный», «зачаточный» характер мустьерских погребений по сравнению с погребениями верхнепалеолитическими); Г) общие представления (см. выше, но акценты смещены в сторону мустьерского и шельского человека).

Интерпретации — инстинкт опрятности и социальной привязанности (Токарев С. А., 1956; 1964); инстинкт материнства (Зыбковец В. Ф., 1956; 1967); обуздание зоологического индивидуализма (Никольский В. К., 1923; Окладников А. П., 1952; Семенов Ю. И., 1962; 1966); страх перед мертвыми (Семенов Ю. И., 1962; 1966); усложнение социальной организации, проявляющейся в заботах о сочленах коллектива — живых и мертвых (Никольский В. К., 1923; Окладников А. П., 1952; Семенов Ю. И., 1962; 1966; Толстов С. П., 1931; Герасимов М. М., 1955; Ефименко П. П., 1953 и др.).

Приведенные «основания» требуют некоторых комментариев:

А. Анатомические и палеоневрологические реконструкции начала века позднее были подвергнуты пересмотру и признаны ошибочными (Hrdlička A., 1930; Agambourg C., 1955; Кочеткова В. И., 1973; Констэбл Д., 1978).

Б. Этнографические данные не могут быть здесь приняты во внимание по двум причинам: во-первых, одна часть обрядов, засвидетельствованная этнографически, не способствует долгосрочному сохранению материальных остатков и, таким образом, не может служить материалом для сравнения, а другая не имеет фактических отличий от погребений позднего и среднего палеолита; во-вторых, этнографические данные могут свидетельствовать с одинаковой степенью достоверности как в пользу, так и во вред любых интерпретаций, базирующихся только на материальных остатках (Уско Р. J., 1969).

В. Аргументация на основе археологических данных у сторонников первой точки зрения некорректна, так как те же данные свидетельствуют о чрезвычайном однообразии и простоте погребений (например, лишенные инвентаря труположения в грунтовой яме) и об отсутствии принципиально новых форм обрядов в позднейшие времена, за исключением, пожалуй, мумификации (посредством бальзамирования) и кремации, кото-

рая, впрочем, археологически фиксирована верхним палеолитом². Что же касается представлений, стоящих за археологически изучаемыми погребениями позднейших эпох, то интерпретация погребений, созданных бесписьменными народами, настолько же «обоснована», насколько «обоснована» интерпретация погребений каменного века.

Аргументация на основе археологических данных у сторонников второй точки зрения также не имеет под собой прочных оснований, поскольку материальная культура мустьерского времени оказалась гораздо более дифференцированной, чем это представлялось (Bordes F., Bourgon M., 1951). А тезис о «примитивном», «зачаточном» характере мустьерских погребений (Герасимов М. М., 1955) и «о разительном контрасте в характере захоронений мустьерской и верхнепалеолитической эпох» (Замятин С. Н., 1961а; 1961б. С. 33, 34) никак не подтверждается археологическими данными (Смирнов Ю. А., 1981).

Г. Общие представления постоянно корректируются за счет накопления фактических данных, но в силу некоторой консервативности человеческого мышления смена их запаздывает в сравнении с развитием науки в конкретных областях знания.

В 20—30-х годах и позднее, в связи с появлением все новых и новых фактов, доказывающих существование преднамеренных мустьерских погребений, и выходям в свет ряда обобщающих публикаций (Peugony D., 1921b*; Vreuil H., 1921*; Hrdlička A., 1930)³, тезис об отсутствии погребальной практики в среднем палеолите был снят, а большая или меньшая религиозная их окрашенность признана, насколько это известно автору, большинством зарубежных исследователей.

В то же время в советской историографии имели место попытки доказать отсутствие в мустье преднамеренных захоронений (Плисецкий М. С., 1952; 1957; Косвен М. О., 1957) или декларировать «зачаточный», «зародышевый» их характер (Ефименко П. П., 1953; Герасимов М. М., 1955; Смирнов С. В., 1982).

С другой стороны, ряд отечественных исследователей не только признавал факт преднамеренных погребений у мустьерцев, иногда даже в относительно развитых формах (Борисковский П. И., 1935; Равдоникас В. И.,

² 1. На стоянке Мунго в Австралии обнаружены кремированные остатки двух индивидуумов (Bowler J. M., Rhys Jones, Harry Allen, Thorne A. G., 1970. P. 39—60) позднплейстоценового возраста. Абсолютный возраст: 1) 24710 ± 1270 (ANU-618B) — кость скелета Мунго; 2) 26250 ± 1120 (ANU-375B) — уголь из кострища, находящегося на том же уровне, что и скелет (Catalogue. . ., 1975. P. 204).

2. В гроте Кебара на Ближнем Востоке обнаружены обожженные фрагментированные остатки примерно 18 индивидуумов: взрослые и дети (Turville-Petre F., 1932. P. 271—276). Слой С — поздняя фаза последнего пловвала, кебарьен (верхний палеолит VI. Catalogue. . ., 1975. P. 138. 139).

Более того, не исключено, что кремация появляется уже в мустьерское время: «В горизонте, относящемся к поздней фазе среднего палеолита, в 1957 г. были обнаружены обожженные фрагменты человеческого черепа и несколько зубов» (Stekelis M., 1977. P. 702). Эти остатки происходят из того же грота Кебара (Ближний Восток). По всей видимости, они залегают в верхнем горизонте слоя F — плейстоцен. Возможный абсолютный возраст: 1000 ± 1000 (GrN-2561) и 35300 ± 500 (GrN-2551) — образцы угля с глубины 2,50 м (Catalogue. . ., 1975. P. 136—140). К сожалению, контекст этой находки неясен.

³ Знак* при упоминании публикации означает, что автор не имел возможности с ней ознакомиться.

1939; Замятнин С. Н., 1961а; 1961б), но в той или иной степени наделял их, помимо социальной подосновы, подосновой религиозной (Окладников А. П., 1952; 1958; Францев Ю. П., 1959; Герасимов М. М., 1964). Правда, в подавляющем большинстве случаев речь шла о приписывании мустьерцам «зачаточных», «зародышевых» форм религиозного сознания (Окладников А. П., 1952; Герасимов М. М., 1964). Тут необходимо отметить, что основания, на которых строились суждения о «рудиментарной религиозности» мустьерца были в основном те же, что и при построении суждений об отсутствии у него религиозного чувства (см. выше). Причем в том случае, когда автор признавал существование развитых форм обрядности в среднем палеолите и в то же время констатировал «зачаточные» формы религиозных представлений, возникали значительные противоречия (Окладников А. П., 1952. С. 167, 170, 177—179; 1955. С. 47).

В настоящей работе автор не ставит целью привести все имеющиеся трактовки мустьерских погребений и тем более выявить все содержащиеся в них противоречия по той простой причине, что поправки к умозрительным рассуждениям, в силу их собственной спекулятивности, — бесполезны. Здесь были приведены лишь обобщенные схемы обоснования тех или других тезисов и даны ссылки на наиболее показательные примеры.

Итак, оставляя в стороне рассмотрение гипотез о религиозном содержании мустьерских погребений, попробуем проследить, как складывались представления о формах погребения в эту эпоху.

Как уже упоминалось, вопрос о существовании достоверных мустьерских захоронений впервые был поставлен братьями А. и Ж. Буиссоном и Л. Бардоном в связи с открытием ими погребения в Ля Шапель-о-Сен⁴. Более того, характер находок в гроте был таков, что позволил раскопщикам выявить погребальный комплекс во всей его, так сказать, структурной полноте (погребальное сооружение, останки погребенного, сопровождающий инвентарь и дополнительные структуры), т. е. всю систему взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, из которых и складывается наиболее полный вариант преднамеренного человеческого захоронения (см. выше). Однако открытие столь сложного комплекса (искусственно вырытая могильная яма; остатки «напутственной», согласно раскопщикам, пищи; «лучшие в гроте орудия» и кусочки охры, положенные в могилу; одно или два кострища — непосредственно у края могильной ямы; наконец, ямка с рогом бизона и другими костными остатками того же животного, перекрытая известняковыми блоками и, возможно, «устроенная с целью магического предохранения погребенного» (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908b. P. 513—518)), никак не вязавшееся с тогдашними представлениями о крайне примитивном облике неандертальца и его культуры, вызвало массу сомнений в научной среде относительно правильности наблюдений и выводов, сделанных в ходе раскопок, и интерпретации находок.

Но последующие открытия в этой области доказали не только саму возможность существования преднамеренных мустьерских погребений, но

⁴ О. Хойзер расценивал открытое им погребение в Ле Мустье в 1908 г. как ашельское (Klaatsch H., Hauser O., 1909).

и всю сложность их форм, подтвердив правильность наблюдений аббатов А. и Ж. Буиссони и Л. Бардона, а также продемонстрировав и аналогичные шапельскому погребению комплексы находок. Таким образом, авторы раскопок в Ля Шапель-о-Сен, в силу счастливого стечения обстоятельств и благодаря сравнительной тщательности раскопок и наблюдательности, которая была им присуща, оказались первыми исследователями, фактически очертившими весь основной круг вопросов, связанных с формами мустьерских погребений.

Тем не менее, еще довольно долго основным камнем преткновения оставалась проблема существования искусственно созданных погребальных сооружений, поскольку многие специалисты скептически отнеслись к заявлению раскопщиков об искусственном характере могильной ямы на этом памятнике (Bouyssonie A. et J., 1909; Boule M., 1909). Действительно, наличие погребального сооружения является одним из важнейших критериев, на основе которого оценивается преднамеренный характер захоронения (см. выше), а грот Ля Шапель-о-Сен долгое время оставался единственным памятником, где такое сооружение было обнаружено: раскопки в Спи не выявили никаких сооружений; раскопки 1908 г. в Мустье — тоже; не были отмечены погребальные сооружения и во время вскрытия двух первых погребений в Ля Ферраси (1909—1910 гг.); ничего подобного не обнаружил и А. Мартен на стоянке Ля Кина в 1911 г. И только новые раскопки в Ля Ферраси в 1912 г. и позднее открыли целую серию разнотипных погребальных сооружений⁵. Еще позднее погребальные сооружения были выявлены в Ле Мустье, Киик-Кобе, Арси-сюр-Кюр, Регурду и Рок де Марсаль, а также в Шанидаре, Кафзех и на Заскальной VI.

Гораздо сложнее решался вопрос о нахождении в мустьерских погребениях сопровождающего инвентаря и тем более о существовании сопутствующих погребениям структур. Основная трудность решения этого вопроса заключалась в том, что все среднепалеолитические погребения (кроме погребения в Регурду) совершены на территории поселений и так или иначе связаны с культурными отложениями. Поэтому почти всегда могут возникнуть сомнения относительно преднамеренного попадания предметов в погребение и относительно строго определенной связи между погребением и каким-то другим объектом (например, кострищем или ямой с культурными остатками), расположенным вблизи могилы и расцененным в качестве сопутствующего погребению. Видимо, поэтому некоторые исследователи вообще не касаются этого вопроса (Окладников А. П., 1952) или считают его слишком проблематичным (Замятнин С. Н., 1961а; 1961б; Vandermeersch B., 1976а).

⁵ «8 августа 1912 г. (в связи с открытием погребений Ферраси 3 и 4. — Ю. С.) доисторик, которые присутствовали при раскопках, подписали следующую декларацию: „Нам удалось установить в нижней части мустьерского уровня существование двух небольших ям. . . очень четко вырытых в форме полусферы в глинистом желто-красном подстилающем шевне и заполненных смесью. . . черной земли мустьерского очага. . . и подстилающего щебня. Существование искусственно вырытых ям не вызывает никакого сомнения. . . Этот вопрос до сих пор являлся предметом дискуссии. Данные раскопки решили его таким образом, который уже не оставляет никаких сомнений“: П. Пари, Л. Бланк, Г. Обермайер, аббаты Брейль и Буиссони, граф Бегуан, Л. Капитан, Д. Пейрони» (*Peyrony D.*, 1934. P. 30; *Bergounioux F. M.*, 1958. P. 1951).

Вопрос о присутствии достоверного сопровождающего инвентаря в Шапель-о-Сен действительно спорен, поскольку довольно просторная могильная яма была там заполнена культурным слоем, где наряду с обычными для слоя стоянки предметами находились и «лучшие орудия грота», а также метатарзальная кость быка с двумя фалангами в сочленении и часть позвоночника оленя, — единственные, по словам раскопщиков, костные остатки, не имеющие следов раскалывания. Вот эти два наблюдения в основном и послужили основанием для вывода о сопровождающем погребении инвентаре. Очевидно, что в данном случае оснований для безусловного отнесения данного погребения к числу снабженных инвентарем явно недостаточно. Другое дело, что достоверный сопровождающий инвентарь в мустьерских погребениях все же имеется, и в частности, есть ряд «чистых» случаев его обнаружения: Ферраси 5, 6, Арси 5—7, Регурду 1, Марсаль 1, Схул 5, Тешик-Таш 1, Кафзех 11, Кебара 2, т. е. инвентарь найден в таком контексте, который не позволяет усомниться в преднамеренной связи тех или других предметов и остатков погребенного.

Проблема соотношения шапельского погребения и дополнительных структур (кострище и яма с рогом бизона) первоначально, т. е. в 1908—1909 гг., решалась в предположительной форме. Но последовавшие затем открытия позволили авторам раскопок утвердиться и в этом предположении. В Ля Ферраси была обнаружена целая серия структур (ям и насыпей), часть которых была достоверно связана с погребениями (например, девять небольших земляных холмиков, идентичных друг другу по форме и размерам, один из которых полностью перекрывал могильную ямку с остатками ребенка — Ферраси 5). Далее, рядом с могильной ямкой погребения Мустье 2 была обнаружена аналогичная по форме и размерам ямка, не содержащая человеческих остатков. Рядом с могильными ямами погребений Ферраси 3 и 4а, б была обнаружена небольшая пустая ямка, а несколько дальше — еще три ямки, идентичные по форме и размерам могильным ямкам этих погребений. Более тесная связь с искусственными сооружениями прослежена в Регурду, но, по мнению Э. Бонифе (Bonifay E., 1962), не «медвежий комплекс сопутствовал» погребению, а погребение «сопутствовало» ему, другими словами, было сооружено в последнюю очередь в этом ансамбле (впрочем в подобных случаях речь, видимо, должна идти не о последовательности сооружения погребения и дополнительной структуры, а об их связи, которая в Регурду бесспорна). Что же касается связи погребений и кострищ, то таковая была отмечена в Ля Ферраси, где оба взрослых были положены прямо на слой кострища. Тесная связь костра и погребения была отмечена и в Мустье 1, где, по-видимому, горевший огонь оставил след на бедре погребенного, и в Регурду, где слой кострища зафиксирован прямо на вершине каменной насыпи, перекрывавшей костные остатки погребенного. Кострища отмечены и в связи с погребениями Шанидар 1, 2, 9, Тешик-Таш 1 и Заскальная VIa, б, в.

Таким образом, уже очень ранние находки (Шапель 1, Мустье 1, Ферраси 1—6) давали определенную возможность получить ясное представление о вполне сложившемся характере мустьерских погребальных комплексов и о сравнительно (по крайней мере, в сопоставлении с верхне-

палеолитическими погребениями) развитой их морфологии. Однако, как видно из предшествующего разбора, в научных кругах этого не произошло. Причем, как уже говорилось, в начале века в западной историографии (Mortillet P., 1914), а в середине века — в советской (Плисецкий М. С., 1952 и др.) предпринимались даже попытки доказать отсутствие у неандертальцев обычая преднамеренного захоронения умерших, а вплоть до 80-х годов просуществовало представление о крайне примитивных формах среднепалеолитических погребальных обрядов и резком их морфологическом отличии от позднепалеолитических, и эта точка зрения поддерживалась и западными, и советскими исследователями (Окладников А. П., 1952; Замятин С. Н., 1961а; 1961б; Смирнов С. В., 1983; Binford S. R., 1968; Harrold F. V., 1974; 1980).

Рассмотрим поэтому обзоры мустьерских погребений, т. е. попробуем продемонстрировать фактологическую основу имеющихся построений и показать, на каком собственно качественном и количественном уровне базируются существующие по данной проблеме выводы, реконструкции и интерпретации.

Зарубежная историография

Г. Обермайер был, вероятно, первым автором, обобщившим самые ранние находки ископаемых людей неандертальского вида (Спи 1, 2, Мустье 1, Шапель-о-Сен 1 и Ферраси 1, 2), положившие начало целой эпохе, которую впоследствии назовут «эпохой большого открытия неандертальца» (Delporte H., 1976. P. 9, 10), и представившим их в качестве объектов преднамеренного погребения. Сделано это было в его обобщающем труде «Доисторический человек» (Obermaier H., 1912; Обермайер Г., 1913), и хотя этот труд к настоящему времени сильно устарел в некоторых разделах, но долгое время он был, да и продолжает оставаться одним из краеугольных камней в фундаменте доисторической науки.

Несомненная заслуга Г. Обермайера в истории изучения рассматриваемой нами проблемы состоит в том, что он, правильно оценив характер упомянутых погребений, противопоставил в своем основополагающем труде эту точку зрения господствовавшему тогда в доистории взгляду Г. Мортилье, который отрицал саму возможность существования преднамеренных палеолитических погребений⁶. Здесь следует отметить, что для Г. Обермайера существование погребальной практики в палеолите было фактом непреложным, базировавшимся не только на археологических материалах, с которыми он был прекрасно знаком, но и вытекающим из всей логики развития первобытной культуры, постепенно эволюционирующей, по его мнению, от простых форм к все более и более сложным.

Г. Обермайер, описывая первые из обнаруженных мустьерских погребений, приводит о них наивозможно полную для того времени

⁶ Г. Мортилье, полагая, что религиозное чувство порождено рефлекторным страхом перед смертью и в соответствии с этим существует тесная связь между возникновением религиозных идей и появлением погребений, доказывал, что палеолитический человек, лишенный, по определению, всякой религиозности, не мог иметь погребальной практики, появляющейся только в эпоху неолита (Mortillet G., 1885. P. 390—476; Мортилье Г. и А., 1903. С. 233—264).

и сравнительно точную информацию, допуская при этом лишь некоторые неточности. Так, он считает, что могильная яма в Ля Шапель-о-Сен имела естественный характер (Обермайер Г., 1913. С. 159), в то время как она была искусственно вырыта в полу грота (Bouyssonie A. et J., 1909). Далее он отчасти сам, а отчасти из-за ошибки авторов раскопок неправильно оценивает характер грота, полагая, что в нем «справлялись лишь тризны по покойным и остатки тризн образовали толстый покровный слой, располагавшийся над костяком» (Обермайер Г., 1913. С. 160). На самом деле речь идет об обычном жилом гроте (Замятнин С. Н., 1961б. С. 37; Vandermeersch V., 1965а. Р. 113—116). Две неточности, за которые, по-видимому, ответствен сам Г. Обермайер, допущены им и при описании первых двух погребений, найденных в Ля Ферраси. Так, он сообщает, что скелет 2 располагался на расстоянии 1 м от скелета 1, тогда как расстояние это равнялось 0,50 м (Capitan L., Peyrony D., 1911. Р. 148). Кроме того, он пишет, что возле правой руки погребенного 2 «находилось превосходно сделанное каменное сверло» (Обермайер Г., 1913. С. 162). О кремневых орудиях, связанных с этим погребением, авторы раскопок ничего не сообщают. Однако некоторое их количество, в том числе и три проколки, было обнаружено Ж.-Л. Хеймом в процессе расчистки двух монолитов, содержавших костные остатки Ферраси 2 (Heim J.-L., 1976b. Р. 28). Возможно, Г. Обермайер имел какой-то дополнительный источник информации⁷.

В целом же роль Г. Обермайера как провозвестника существования преднамеренных погребений у человека неандертальского вида попросту неопределима, ибо своим авторитетом крупного ученого он поддержал сторонников позитивной точки зрения, несмотря на скептическое отношение к этому вопросу большинства европейских ученых того времени.

Видимо, обзор надо было бы продолжить рассмотрением статьи Д. Пейрони 1921 г. «Хоронили ли люди эпохи мустье своих покойников?» (Peyrony D., 1921*. Цит. по: Boule M., 1922; Binford S. R., 1968), в которой содержался положительный ответ на вопрос, вынесенный в заглавие и имелся описание части открытых к тому времени погребений. Но, к сожалению, эта работа известна автору только по рецензии М. Буля.

Третья работа, на которой необходимо было бы остановить внимание, — это заметка А. Брейля «По поводу мустьерских погребений», вышедшая тоже в 1921 г. и тоже оказавшаяся для автора недоступной (Breuil H., 1921*. Цит. по: Замятнин С. Н., 1961б). Как представляется, данная публикация должна была бы содержать много ценных наблюдений, поскольку А. Брейль присутствовал при вскрытии нескольких мустьерских погребений и в отдельных случаях делал собственные заметки. В частности, Ж.-Л. Хейм опубликовал фототипию страницы из дневника

⁷ В обзоре Г. Обермайера содержится и еще несколько неточностей, но вина за них целиком лежит на авторах раскопок, которые впоследствии вносили исправления или дополнения в свои ранние наблюдения. Так, например, Д. Пейрони, сообщивший вначале, что оба первых погребения в Ля Ферраси были совершены на поверхности слоя, позднее пришел к выводу, что они все-таки имели ямы, им не замеченные (Boule M., 1922. Р. 535).

В дальнейшем рассмотрении обзоров мустьерских погребений, естественно, будут указываться только ошибки, носящие субъективный характер.

А. Брейля, на которой имеются описание (к несчастью, не поддающееся полному прочтению) и схематический рисунок положения погребенного Ферраси 1 (Heim J.-L., 1976b. Fig. 13). Этот документ уникален тем, что в нем содержится еще и схематическое изображение углубления (с указанием параметров), в котором находился этот захороненный, точно нигде более не зафиксированного (во всяком случае, не публиковавшегося авторами раскопок). Кроме того, на текст А. Брейля часто ссылаются, давая описание погребений Ферраси 3 и 4, при вскрытии которых он также присутствовал. Например, С. Н. Замятнин сообщает об интересном наблюдении, сделанном А. Брейлем, который заметил, что мустьерские кремни, происходившие из заполнения могильных ям этих погребений, отличались от кремней из слоя как по размерам, так и по обработке, а главное, не были обожженными, несмотря на нахождение их в зольном слое (Замятнин С. Н., 1961б. С. 41). Такое наблюдение, очевидно, свидетельствует о неслучайном попадании этих предметов в могильные ямы, что не было отмечено авторами раскопок. Возможно, что в этой публикации содержались и другие наблюдения подобного рода.

Один из самых добротных обзоров мустьерских погребений содержится в монографии А. Хрдлички «Скелетные остатки раннего человека», вышедшей в свет в 1930 г. (Hrdlička A., 1930). Несмотря на то что этот труд был посвящен антропологическому изучению ископаемых человеческих остатков, А. Хрдличка приводит достаточно полные и всегда точные сведения об обстоятельствах открытия каждой рассматриваемой им находки. (А. Хрдличкой не только была изучена большая часть открытых к тому времени антропологических остатков, но и осмотрена, описана и сфотографирована известная часть самих местонахождений, давших такие остатки. За счет последнего, в частности, мы имеем возможность видеть некоторые местонахождения, по отношению к которым это было упущено авторами открытий, например, Спи, Ля Кина, Неандерталь и др.)

Следует особо подчеркнуть, что в тех рамках, в которых А. Хрдличка дает описания конкретных находок и приводит их тафологические характеристики, он безукоризненно точно передает информацию, содержащуюся в первоисточниках, что на фоне путаницы и неразберихи, существующих в этой области, является случаем исключительным. (Единственная ошибка, допущенная А. Хрдличкой, состояла в том, что он «помещал» могильную яму шапельского погребения на метр дальше от входа в грот, чем она в действительности находилась.)

Помимо прочего, несомненным достоинством данного исследования являются и попытки автора дать более объективные оценки как самим памятникам, так и материалам, полученным из них. Так, А. Хрдличка был, видимо, первым исследователем, который с недоверием отнесся к заключениям А. Мартена относительно случайного попадания женского скелета из Ля Кина (Кина 5) в отложения р. Вультрон и который на основании собственных многочисленных наблюдений над случайными и намеренными погребениями (Hrdlička A., 1930. P. 284, 285) расценил данное захоронение как преднамеренно совершенное. Более того, слой, в котором находился скелет, А. Хрдличка оценивал в качестве места обитания неандертальца на высохших отложениях Вультрона, а не как место

протекания этого ручья, куда с более высоких точек сбрасывались пищевые и производственные отходы, как полагал А. Мартен.

Наконец, А. Хрдличка был первым антропологом, который на основе изучения эндокрана пришел к выводу, что мозг неандертальца был развит достаточно, чтобы он интересовался своими умершими. «Невероятно, — писал А. Хрдличка, — что человеческие существа с такими мозгами, какими уже обладали неандертальцы, просто выбрасывали тела своих покойников перед собственным жильем и оставляли их там со всеми вытекающими отсюда последствиями» (Hrdlička A., 1930. P. 285).

В послевоенные годы интерес к мустьерским погребениям в зарубежной историографии несколько обостряется, видимо, в связи со столетней годовщиной открытия первого признанного наукой неандертальца, чему и был посвящен Международный неандертальский симпозиум в Дюссельдорфе в 1956 г. Двумя годами ранее увидела свет статья Ж. Буиссони «Мустьерские погребения» (Bouyssonie J., 1954), а двумя годами позже — фундаментальный том трудов этого симпозиума.

Небольшая статья Ж. Буиссони (одного из авторов открытия в Ля Шапель-о-Сен) посвящена в основном описанию собственной находки и открытий в Ля Ферраси. Кроме того, в ней содержится довольно беглый и неравноценный (с точки зрения качества и количества приводимой информации) обзор мустьерских погребений, обнаруженных к этому времени. Описывая погребения в Ля Ферраси, Ле Мустье и Ля Шапель-о-Сен, Ж. Буиссони пересказывает уже опубликованные сведения, не искажая их и не прибавляя к ним ничего нового, помимо того что погребение Мустье 2 находилось «вблизи от местонахождения» погребения Мустье 1 (Bouyssonie J., 1954. P. 108), что интересно, поскольку иные указания о топографии этих погребений отсутствуют. Любопытные сведения приводит Ж. Буиссони и о находках в Спи, где «подпольные копатели нашли по крайней мере еще один скелет, но не смогли сохранить его для науки; это было до войны 14—18 гг.» (Bouyssonie J., 1954. P. 112).

За исключением описаний погребений Шапель 1, Ферраси 1—6 и Мустье 2, описания остальных погребений носят слишком суммарный характер (вплоть до простого упоминания) и не могут служить в качестве источника информации. Но так или иначе автор касается материалов 30 погребений и приводит о них достаточно точные данные во всех случаях, кроме сведений о погребении Кник-Коба 2. Об этом погребении (со ссылкой на М. Буля. Boule M., 1925 *) сказано, что могильная яма «содержала скелетные остатки ребенка, плохо сохранившиеся, за исключением (sauf) черепа» (Bouyssonie J., 1954. P. 112). Впрочем фраза построена так, что, возможно, Ж. Буиссони указывает не на хорошую сохранность черепа, по сравнению с плохой сохранностью остального скелета, а на отсутствие черепа. Однако в более поздней по времени работе Ф. М. Бергунью (Bergounioux F. M., 1958) (со ссылкой на ту же работу М. Буля) строит данную фразу таким образом, что сомнения относительно ее двусмысленности исчезают, т. е. говорит о наличии черепа (см. ниже).

В заключение надо сказать, что работа Ж. Буиссони содержит многочисленные толкования смыслового содержания различных погребений, порой совершенно фантастичные и, видимо, не нуждающиеся в коммента-

рях. К примеру, о погребении Ферраси 6 он пишет: «Рискнем предложить гипотезу: ребенок был жестоко искусан зверем; его искалеченная голова была положена в верхней части скелона (Могила). — Ю. С.) таким образом, как будто после магического восстановления челюсти (в котором слита с чашевидными углублениями могла играть определенную роль) она (Видимо, голова. — Ю. С.) снова составит скелет, соскользнув вниз» (Bouyssonie J., 1954. P. 110, 111) и т. п.!

В трудах неандертальского симпозиума, помимо обзора неандертальских находок в разных странах, исследований по проблемам палеолита и публикации результатов изучения отдельных памятников, была опубликована статья Ф. М. Бергунью «„Духовность“ неандертальского человека» (Bergounioux F. M., 1958. P. 151—166), содержащая описание известных к тому времени находок. Работа Ф. М. Бергунью, в общем безупречная с точки зрения полноты и точности передачи информации, касающейся французских материалов, оказалась менее точной и информативной в разделе описания азиатских и восточноевропейских памятников и имеет некоторое количество неверно приведенных сведений. В отношении французских материалов все же следует указать на неточное описание положения камней на скелете Ферраси 1, которые не окружали (entourer) голову погребенного, а находились один — в области головы, а два других — в области рук покойника (Heim J.-L., 1976b. P. 46. Fig. 13).

О погребении Киик-Коба 2 (со ссылкой на М. Буля. Boule M., 1925*) сообщается, что останки ребенка были «сильно повреждены, за исключением головы» (Bergounioux F. M., 1958. P. 157). Однако, как известно, никаких следов головы этого погребенного Г. А. Бонч-Осмоловским обнаружено не было (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 146).

Неточно указано положение погребенной Табун С1, поскольку оно описывается как положение на левом боку (Bergounioux F. M., 1958. P. 158), а не на спине с легким разворотом на левый бок (Gagrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 64). То же касается и описания положения левой руки, находившейся, по Ф. М. Бергунью, под прямым углом к грудной клетке (см. ниже).

В описании погребения Тешик-Таш 1, данном со ссылкой на Х. Л. Мовиуса (Movius H. L., 1953*), говорится: «Дно могилы было фактически составлено серией длинных костей козла, расположенных параллельными рядами» (Bergounioux F. M., 1958. P. 159), что явно не соответствует описаниям А. П. Окладникова: «В нижней части первого слоя было встречено несколько расколотых поперек и вдоль трубчатых костей козла, лежащих параллельно друг другу... Рядом... но несколько глубже (Курсив мой. — Ю. С.) и был обнаружен человеческий череп» (Окладников А. П., 1949. С. 32). Судя по словам А. П. Окладникова и схематическому чертежу погребения (приведенному и Ф. М. Бергунью), речь идет о восьми маленьких косточках, шесть из которых располагались примерно параллельно друг другу, занимая площадь максимум 15×10 см.

Оставляя в стороне оценку степени гипотетичности авторской интерпретации «духовности» неандертальца, стоит отметить, что с появлением статей Ф. М. Бергунью и Ж. Буиссони как бы завершился этап опре-

деленного уровня развития зарубежной историографии вопроса. Уровня, на котором происходило усиленное толкование религиозного содержания мустьерских погребений. Уровня, за которым последовал новый этап более конструктивного подхода к материалу, выразившийся в стремлении получить от него только то, что он действительно может дать, «а не навязывать ему собственных фантазий» (Harrold F. B., 1974. P. 29), т. е. отказаться от интерпретаций религиозного характера и не одаривать ни палеоантропа, ни ископаемого неантропа чужими представлениями о «загробном» существовании (Vandermeersch B., 1965a; 1976a; Quéchon G., 1976; Binford L., 1971; Binford S. R., 1968; Harrold F. B., 1974; 1980). Этот период начался примерно с середины 60-х годов и, видимо, продлится еще какое-то время.

Очевидно, изыскания в этой области перешли на качественно новый, более объективный уровень обращения с источниками. Данному периоду зарубежной историографии присущ и поиск в области дефиниций погребения вообще и мустьерского погребения, в частности (Binford S. R., 1968; Harrold F. B., 1974; Vandermeersch B., 1976a). Это весьма примечательный факт, ибо до того времени под погребением само собой подразумевалось... погребение. Однако, несмотря на то что все, казалось бы знали, что такое погребение, точного его определения не существовало или по крайней мере не существовало общепринятого определения. Вероятно, отсюда и разноречивые во мнениях относительно числа открытых мустьерских погребений. Характерно и то, что каждый автор дает собственную дефиницию, что, с одной стороны, подтверждает мысль об отсутствии общепринятого (хотя бы и с поправками) определения, а с другой — приводит опять-таки к разночтениям относительно числа открытых среднепалеолитических погребений.

В 1965 г. была опубликована работа Б. Вандермеерша «Стратиграфическая позиция и относительная хронология человеческих остатков среднего палеолита Юго-Западной Франции» (Vandermeersch B., 1965a). Автор не ставил целью давать тафологические характеристики памятников. Его работа была посвящена уточнению хронологического положения ископаемых человеческих остатков (в том числе и намеренно погребенных) и сопоставлению их с определенными типами индустрий. Однако характер материала обусловил обращение к некоторым памятникам именно с интересующих нас позиций.

Б. Вандермеерш много внимания уделяет выявлению стратиграфического положения и обстоятельствам обнаружения погребения Мустье 1. В этом разделе он ссылается на заметки Г. Вирхова (одного из членов экскурсии Франкфуртского антропологического конгресса, присутствовавшей при вскрытии данного погребения), опубликованные в 1939 г. и приводимые Б. Вандермеершем в пересказе А. Валюа (Vallois H. V., 1939). Заметки, которые «бросают грустный свет на» (Vandermeersch B., 1965a. P. 73) О. Хойзера (Ю. С.). Действительно, О. Хойзеру можно было высказать и высказывается много справедливых упреков за его раскопачную деятельность, но не меньшее количество упреков по тем или иным поводам можно высказать и его современникам, например, братьям А. и Ж. Буиссонни и Л. Бардону, не сфотографировавшим погребение

• Ля Шапель-о-Сен; А. Мартену, ночью (!) (Martin A., 1911b) извлекавшему из слоя монолит с костяком женщины в Ля Кина: Л. Капитану и Д. Пейрони, практически никак не зафиксировавшим положение погребенных Ферраси 3, 4, 6, да и другим археологам. Тем не менее предубеждение, согласно которому только О. Хойзер был недобросовестным исследователем, до сих пор остается в силе. И нет почти ни одного автора, не отметившего «ужасающих условий», в которых этот торговец древностями производил свои раскопки, и не обвинившего бы его во всех смертных грехах вплоть до прямой фальсификации находок и на этом основании просто не вычеркнувшего погребение Мустье 1 из списка достоверных или во всяком случае анализируемых погребений⁸. В частности, так поступает и Б. Вандермеерш в более поздней работе (Vandermeersch B., 1976a), а здесь после перечисления «уточнений» Г. Вирхова, т. е. все же как-то рассмотрев ситуацию, пишет: «Погребение, если оно и существовало, не может быть засвидетельствовано вследствие непрерывного ряда перемещений, осуществленных на уровне скелета» (Vandermeersch B., 1965a. P. 73).

Такое утверждение представляется излишне категоричным, и если 1) положение остроконечника и скребла у левой руки погребенного проблематично (но вовсе не прямо фальсифицировано); 2) «позиция сна» и вправду не установлена (хотя никто точно не знает, что это такое); 3) положение некоторых костей, оставленных на месте, может быть действительно было нарушено; 4) пластина ориньякского облика, замеченная Ф. Бордом у черепа, вероятно, не имела отношения к погребению (могла случайно попасть во время предохранительных засыпок оставшихся на месте костей; 5) индустрия неверно атрибутирована как ашельская (впрочем о существовании мустье с ашельской традицией тогда еще никто не подозревал); 6) «кремневая подушка» под головой погребенного представляла собой (со слов А. Валоа. Vallois H. V., 1939. P. 778), по воспоминаниям Г. Вирхова, «кучу мелких кремней», все же сбрасывать со счетов данное погребение явно не следует.

По отношению к погребениям из Ля Ферраси Б. Вандермеерш приводит в основном точную информацию, большей частью цитируя описания, составленные авторами раскопок. Единственное недоумение вызывает сообщение о костях, которые якобы находились на скелете погребенного

⁸ Справедливости ради следует сказать, что о неандертальском погребении, открытом О. Хойзером, известно гораздо больше, чем о многих других погребениях, раскопанных позднее, и тем более о втором погребении из этого грота, обнаруженном Д. Пейрони в 1914 г. (Peurton D., 1930). К чести О. Хойзера надо сказать, что он работал довольно профессионально: существуют добротные (по тому времени) планы вскрытой им стоянки, наложенные на планы местности в разных масштабах; имеются относительно подробные описания находки, из которых можно узнать, при каких обстоятельствах был обнаружен костяк, и его положение при частичном и полном вскрытии; имеются хоть какие-то фотографии и рисовки обнаруженных остатков. Более того, О. Хойзер был, видимо, первым раскопщиком, пригласившим компетентную комиссию с тем, чтобы она присутствовала при окончательном вскрытии погребения. Уже на основании изложенного данный источник может считаться сравнительно полноценным и после соответствующей критики (а критике, естественно, должен подвергаться любой исторический источник) может быть использован при изучении погребальных обрядов неандертальцев, а не сбрасываться за недоброкачеством. как это происходит и поныне.

Ферраси 6 (Vandermeersch В., 1965а. Р. 86) и о которых авторы раскопок ничего не сообщали.

Что же касается остальных погребений, то сведения о них переданы достаточно точно в тех случаях, когда Б. Вандермеерш включает в текст подробные описания (не описано положение погребенного в Регурду и в Рок де Марсаль). Но здесь следует отметить некоторые числовые неточности, возникшие при описании «приношений» в погребении Регурду 1: в имеющихся публикациях основного автора раскопок Э. Бонифе всегда речь идет об одном скребле и одном роге оленя (Bonifay Е., 1962. Р. 139; 1964. Р. 61), а не о нескольких, как у Б. Вандермеерша (Vandermeersch В., 1965а. Р. 91).

Наконец, об остатках женщины из Ля Кина Б. Вандермеерш сообщает, что «никаких следов погребения обнаружено не было» (Да ночью их и нельзя было обнаружить. — Ю. С.) и, возможно, индивидуум «был сброшен с гряды или с нее соскользнул» (Vandermeersch В., 1965а. Р. 97), т. е. повторяет малоубедительный вывод автора раскопок А. Мартена.

В 1976 г. Б. Вандермеерш опубликовал статью (Vandermeersch В., 1976а), специально посвященную неандертальским погребениям Франции. В этой небольшой, но сравнительно информативной и стремящейся к объективности публикации с разной степенью полноты были приведены сведения о 12 погребениях. При этом за рамками статьи остались некоторые находки: Кина 5, Арси-сюр-Кюр 5—7 (Грот Волка) и Ля Ферраси 7. Такое отношение автора к перечисленным памятникам кажется странным, так как находится в явном противоречии с основным тезисом, на базе которого обосновывается его выборка. Так, Б. Вандермеерш начинает статью со следующей дефиниции: «Термин „погребение“ обычно определяется как „место, где погребают (закапывают, зарывают в землю — enterrer) мертвых“. Чтобы доказать в ходе раскопок, что имело место погребение, необходимо, таким образом, привести доказательства того, что труп не был брошен, но положен намеренно в такое место — яму или естественное углубление, где он был бы защищен, т. е. намеренно покрыт насыпанием камней или отложений» (Vandermeersch В., 1976а. Р. 725). Под такую дефиницию вполне подходят перечисленные находки. Ибо, если бы в отношении останков Кина 5 и Ферраси 7 не было бы предпринято никаких мер для их защиты, то практически невероятно, чтобы они могли сохраниться в жилых отложениях в той полноте, в которой были зафиксированы. А по отношению к остаткам из Грота Волка позиция Б. Вандермеерша тем более странна, поскольку там была обнаружена яма, в которой и находились человеческие кости.

Вообще в статье имеются некоторые ошибки и противоречия. Например, в явном противоречии находятся вышеприведенная дефиниция и утверждение о том, что в принципе наличие целого скелета не позволяет говорить о погребении (Vandermeersch В., 1976а. Р. 726). Или, описав (со слов Э. Бонифе. Bonifay Е., 1962; 1964) ситуацию, выявленную при вскрытии человеческого захоронения в Регурду, и теперь уже верно сообщив, что рядом с погребенным были положены нуклеус, скребло, отщепы и плечевая кость медведя, а в холме над погребением находились другие кости медведя и олений рог, Б. Вандермеерш резюмирует: «Проблема жертвоприношений имеет два аспекта: речь может идти об

объектах — орудиях или костных остатках, положенных либо в погребение, либо в связанную с ним структуру. Положение приношений в погребения, даже если оно возможно в некоторых случаях, ни в одном (? — Ю. С.) из проанализированных примеров не доказано. . . Чтобы можно было говорить о приношениях, нужно, чтобы эти объекты носили исключительный характер по своим размерам, по своему отношению к археологическому содержанию слоя и расположению в погребении» (Vandermeersch В., 1976а. Р. 727). Это не только противоречивое, но и во многом неверное заключение, потому что, во-первых, приношения из Регурду вполне удовлетворяют поставленным требованиям, а во-вторых, исключительный характер размеров погребального инвентаря, его отношения к археологическому слою и его расположения в погребении — случай сам по себе исключительный, а не ординарный.

С другой стороны, в работе немало и положительных моментов. Так, Б. Вандермеерш совершенно справедливо рассматривает Ля Шапель-о-Сен в качестве обычной стоянки, а не «погребального грота», как это делали авторы раскопок. Он же верно замечает, что в остатках пресловутой ноги быка из этого погребения «трудно видеть запас пищи для умершего» (Vandermeersch В., 1976а. Р. 725). Как кажется, правильно им ставится и вопрос о взаимоотношении между погребениями и ближайшими структурами, с его точки зрения, наиболее трудно разрешимый, поскольку часто раскопки действительно не предоставляют «никаких данных, которые позволили бы утверждать, что между структурами и погребениями была строгая синхронность» (Vandermeersch В., 1976а. Р. 727).

В целом же, как упоминалось выше, статью Б. Вандермеерша следует оценивать как один из примеров перехода на качественно новый уровень обращения с рассматриваемыми материалами.

Такой оценке несомненно подлежат и работы двух американских исследователей, опубликованные за последние 20 лет. Речь идет о статье С. Р. Бинфорд «Структурное сравнение захоронения умерших в мустье в верхнем палеолите» (Binford S. R., 1968) и о двух работах Ф. Б. Харрольда «Обзор и формальный анализ средне- и верхнепалеолитических погребений Европы и Юго-Западной Азии» (Harrold F. B., 1974) и «Сравнительный анализ палеолитических погребений Евразии» (Harrold F. B., 1980)⁹. Данные исследования занимают особое место в историографии темы. Являясь единственными публикациями такого рода (не считая ранней, 1933 г., и потому еще слабо фундированной заметки С. Н. Замятина (1961а), опубликованной к тому же с большим опозданием), они представляются опорными для трудов, затрагивающих проблемы, связанные

⁹ Первая работа Ф. Б. Харрольда была представлена в Отдел антропологии Чикагского университета на соискание степени бакалавра, а вторая является сильно сокращенным и несколько видоизмененным вариантом первой. В работе 1980 г. до некоторой степени изменена структура текста и значительно сокращен список использованной литературы, хотя в него и включены издания последних лет. Что же касается изменений частного характера, то они свелись лишь к пертурбации находок из Староселья и Тешик-Таша (см. ниже), но не оказали никакого воздействия на выводы. По этой причине более подробно будет рассмотрена первая из упомянутых работ Ф. Б. Харрольда, которая, в отличие от второй, дает возможность оценить и источниковедческую часть исследования, на чем и будет заострено основное внимание.

с палеолитическими погребениями. По этой причине данным работам необходимо уделить наиболее пристальное внимание, а поскольку поставленные в них задачи сходны между собой, то целесообразнее всего рассматривать эти работы совместно.

Исследование С. Р. Бинфорд было предпринято «с двумя кардинальными целями: первая — установить степень географической и временной изменчивости, характеризующей погребальную практику внутри каждого рассматриваемого периода; вторая — провести сравнение между мустьерским и верхнепалеолитическим обращением с умершим с учетом его пола и возраста на основании предположения о том, что различия в погребальном ритуале означали различия, осознаваемые при жизни» (Binford S. R., 1968. P. 139).

Цель работы Ф. Б. Харрольда — «развить такой вид научного изыскания, который был предложен» его предшественниками и «в особенности С. Р. Бинфорда» (Harrold F. B., 1974. P. 1). Более же специфические цели его исследования состояли в том, чтобы: «1. Рассмотреть настолько тщательно, насколько это возможно, те остатки средне- и верхнепалеолитической Европы и Юго-Западной Азии, которые уверенно могут быть определены в качестве погребений, включая данные о возрасте и поле, могильной обстановке (grave furnishings), положении тела, датировке, ассоциирующейся индустрии и т. д. 2. Представить обобщения, статистически подтвержденные, когда возможно, формальных характеристик этих погребений, с рассмотрением вероятных культурных связей, сконцентрированном на сравнении средне- и верхнепалеолитических погребений и внутри каждой группы» (Harrold F. B., 1974. P. 2).

Оба исследователя методически верно подходят и к проблеме изучения погребальной практики в целом, и к проблеме изучения погребальной практики в эпоху палеолита, в частности. Представляются обоснованными и принятые в этих работах оценки исследовательских возможностей относительно получения надежной информации, заложенной в материальных остатках, и ее интерпретации. Более того, в первой работе Ф. Б. Харрольда правильно поставлен вопрос о соотношении материального и нематериального в погребальных обрядах и о целесообразности привлечения этнографических данных для интерпретации древнейших погребений. К такой возможности он относится довольно скептически, опираясь в своих рассуждениях (и вполне справедливо) на неоднозначность этнографических свидетельств и предлагая брать от материала только то, что в нем действительно содержится, не навязывая археологическому материалу собственных «фантазий», особенно из сферы понятий о религиозных представлениях, подкрепленных этнографическими параллелями, которые могут «выступать как за, так и против любых утверждений» (Harrold F. B., 1974. P. 29). Такую постановку вопроса можно приветствовать, так как нельзя не согласиться с автором в том, что трудности в интерпретации идеологических представлений, реконструируемых только по материальным остаткам, заключаются прежде всего в невозможности их проверки.

В чем-то схожи и вводимые авторами дефиниции, на основе которых происходит отбор исходного материала: «Случаи, трактующиеся как погре-

бения в исследованном ряду примеров, включают наличие выкопанной могилы и (или) расположение в определенном порядке тела или частей его. что, по-видимому, устраняет [мысль о воздействии] (Ю. С.) естественного фактора. Следовательно, термин „погребение“ означает преднамеренный погребальный обряд и необязательное помещение останков в закрытую могилу», — говорится у С. Р. Бинфорд (Binford S. R., 1968. P. 140, 141). Ф. Б. Харрольд дает более развернутое определение. Он пишет, что при решении вопроса о том, образует ли набор остатков погребение, наиболее важными необходимо считать следующие факторы: «1. Степень комплектности тела: в случаях ингумации тело имеет больше шансов сохраниться неповрежденным, чем тело оставленное (На поверхности. — Ю. С.), хотя разрушения тоже возможны. 2. Положение тела: во многих погребениях тело находится в искусственной позе (например, сильно скорчено), которая подразумевает преднамеренное посмертное размещение. 3. Присутствие могильных предметов (Погребального инвентаря — grave goods. — Ю. С.) или обстановки; однако может возникнуть проблема отделения погребального инвентаря от разбросанных в беспорядке предметов, которые оказались по соседству с телом из-за хаоса на местах обитания. 4. Связь с ямами или другими остатками человеческой деятельности. Однако ямы иногда трудно проследить; эта проблема особенно значима при оценке раскопок XIX и начала XX в. При рассмотрении приведенных факторов и учитывая сопутствующие им трудности, не всегда было возможно составить абсолютно точное суждение и принять абсолютно точное решение. И если я не был достаточно уверен в том, что рассматриваемый случай является погребением, он не включался в данное исследование» (Harrold F. B., 1974. P. 5, 6).

Здесь необходимо еще раз вспомнить, что в процессе изучения археологических памятников с ископаемыми человеческими остатками эпохи палеолита вопрос о том, какие же из них считать *преднамеренно погребенными*, а какие — нет, является кардинальным, так как в конечном счете от его решения зависит, какой материал послужит базой для исследования. В связи с этим следует сказать, что в общем и целом оба представленных критерия можно признать верными. Хотя, очевидно, подход Ф. Б. Харрольда более обоснован и дифференцирован, что позволяет ему сравнительно строго и аргументированно оперировать исходным материалом и делает его работу более качественной по сравнению с работой С. Р. Бинфорд. Однако надо отметить и то, что в формулировках обоих исследователей присутствуют некоторые элементы авторского произвола. Так, довольно общая дефиниция, представленная С. Р. Бинфорд, предполагает «необязательное помещение останков в закрытую могилу», давая основания объявить *погребением* фактически любые из обнаруженных человеческих остатков, что может быть и вероятно, хотя совершенно недоказуемо. В противоположность этому введение в дефиницию расплывчатого тезиса о «расположенном в *определенном* (Курсив мой. — Ю. С.) порядке теле или отдельных частей его», что, как кажется С. Р. Бинфорд, устраняет действие естественных факторов, во-первых, оставляет совершенно неясным, что же относить к «определенному расположению», а что — нет; а во-вторых, позволяет одни человеческие остатки априорно считать преднамеренно погребенными, а другие — нет. Сходную позицию

заял в конце концов и Ф. Б. Харрольд, оставив за собой, хотя и неотъемлемое, но ничем не обоснованное в данном контексте авторское право включать или не включать те или иные остатки в число погребений, если в этом не было достаточной, но, судя по его работе, *субъективной* уверенности, а не объективно оцененных оснований.

И это, разумеется, не преминуло сказаться на материале, т. е. на числе и характере памятников, отобранных для исследования в рассматриваемых работах, и на качественных и количественных признаках, анализируемых авторами, и соответственно на полученных выводах.

В качестве признаков, выделенных для анализа погребений С. Р. Бинфорд учитывает следующие: «1) *положение тела*; 2) ориентировка тела; 3) взаимоотношение погребений или частей тела с характеристиками стоянки; 4) *погребальный инвентарь*; 5) *пол и возраст индивидуумов*; 6) *культурная принадлежность*» (Binford S. R., 1968. P. 141). Список признаков, вводимых Ф. Б. Харрольдом, включает: «1) *пол и возраст*; 2) коллективность захоронения; 3) датировку; 4) *погребальный инвентарь*; 5) другие погребальные характеристики (связь с кострищем, каменные и (или) костяные сооружения на или вокруг могилы, ассоциирующиеся, близко расположенные ямы, структуры и пр.); 6) *положение тела*; 7) особое обращение с остатками (кремация и др., например, изолированные черепа); 8) *культурную принадлежность*» (Harrold F. V., 1974. P. 42, 43)¹⁰. Как видно, круг анализируемых признаков у Ф. Б. Харрольда несколько шире, чем у С. Р. Бинфорда. Но, в отличие от нее, он почему-то упускает из вида такие признаки, как ориентировка и взаимоотношение погребения с характеристиками стоянки, под которыми С. Р. Бинфорд понимает расположение погребения в том или ином месте памятника — его центр, периферия и т. д. С другой стороны, оба автора вводят только обобщенные характеристики описываемых признаков. Единственное отличие состоит в том, что признаки, введенные С. Р. Бинфордом для описания положения тела, имеют достаточно дробное деление: отдельно рассматриваются некоторые варианты положения головы, рук и ног, но при этом положение корпуса почему-то не принимается во внимание. В работе Ф. Б. Харрольда эти признаки сведены к четырем характеристикам: «вытянутое положение тела, слабосогнутое, сильносогнутое и прочие» (Harrold F. V., 1974. P. 42), что кажется явно недостаточным, так как далеко не исчерпывает того разнообразия поз, которое зафиксировано в палеолитических погребениях¹¹.

Рассмотрим группу среднепалеолитических погребений (табл. 2), Выборка С. Р. Бинфорд представлена 13 местонахождениями с «погребениями», где имеется 37 полных или частично сохранившихся «неандертальских» индивидуумов (Binford S. R., 1968. P. 140—144. Tabl. 3)¹².

¹⁰ Выделены совпадающие признаки.

¹¹ В связи с тем, что в статье С. Р. Бинфорд для читателя остается неясным, какими именно признаками обладает, с ее точки зрения, то или другое конкретное погребение, придется ограничиться разбором реальных признаков, приведенных Ф. Б. Харрольдом в таблице исходного материала (Harrold F. V. 1974. P. 43, 44).

¹² В статье С. Р. Бинфорд имеются некоторые числовые несовпадения. В табл. 3 ее работы случаи, расцененные как погребения (там они отмечены звездочкой), представлены 32 индивидуумами из 10 местонаждений. Видимо, в ходе публикации несколько таких поме-

Таблица 2. Мустьерские погребения *

По С. Р. Бинфорд (1968)	По Ф. Б. Харрольду (1974)	По Ф. Б. Харрольду (1980)
Франция		
Ля Кина (2)	—	—
Пеш де ль'Азе (1)	Пеш де ль'Азе (1)	Пеш де ль'Азе (1)
Ля Ферраси (6)	Ля Ферраси (6)	Ля Ферраси (6)
Ля Шпель-о-Сен (1)	Ля Шпель-о-Сен (1)	Ля Шпель-о-Сен (1)
	Ле Мустье (2)	Ле Мустье (2)
	Регурду (1)	Регурду (1)
	Рок де Марсаль (1)	Рок де Марсаль (1)
Бельгия		
—	Спи (2)	Спи (2)
Италия		
Монте Чирчео (1 погребение и 2 в обломках)	Монте Чирчео (1)	Монте Чирчео (1)
СССР		
Тешик-Таш (1)	—	Тешик-Таш (1)
—	Староселье (1)	—
—	Киик-Коба (2)	Киик-Коба (2)
Израиль		
Амуд (1)	Амуд (1)	Амуд (1)
Схул (10 погребений плюс фрагменты от 16)	Схул (7)	Схул (7)
Табун С (2 плюс фрагменты)	Табун (1)	Табун (1)
Шукба (7)	—	—
—	Кафза (4)	Кафза (4)
Ирак		
—	Шанидар (5)	Шанидар (5)

* Цифра в скобках указывает число «погребенных» индивидуумов. Все погребения, кроме обнаруженных в Джебел Кафзах (здесь Кафза 1965—1969 гг.), открыты и опубликованы до 1962 г.

ток было утрачено. По всей вероятности, не были отмечены следующие местонахождения: Спи в Бельгии, Регурду во Франции и Киик-Коба в СССР, как правило, включающиеся в сводки мустьерских погребений. В общей сложности они дают как раз пять индивидуумов, недостающих до указанного в тексте числа. Помимо погребений, С. Р. Бинфорд анализирует еще «по крайней мере 39 дополнительных индивидуумов, чьи остатки обнаружены в культурных отложениях» (Binford S. R., 1968. P. 141. Tabl. 3). Исследовательница не рассматривает эти остатки в качестве погребений, но все же устанавливает существование разницы между теми частями тела, которые были обнаружены в отложениях мустьерских стоянок Европы и Ближнего Востока, и находит эту разницу не случайной. Согласно ее данным, между некомплектными остатками в указанных регионах имеются существенные качественные различия, ибо европейские памятники представлены в основном краниальными остатками, а ближневосточные — посткраниальными (Binford S. R., 1968. P. 143). К сожалению, эти выводы базируются на весьма шатких в количественном отношении основаниях, поскольку некомплектные остатки палеоантропов являют собой гораздо более внушительную серию, чем та, которая была использована в работе С. Р. Бинфорд. Кроме того, цифра 39, указывающая на число проанализированных «дополнительных индивидуумов», никак не совпадает с табличными данными.

Выборку Ф. Б. Харрольда составляют 36 индивидуумов из 15 местонахождений (Hargrold F. B., 1974. P. 6—13, 43—44; 1980. P. 199, Tabl. 1).

Как видно из табл. 2 данного текста, авторы иногда расходятся во мнениях относительно того, какие мустьерские памятники с человеческими остатками включать в число содержащих преднамеренные захоронения, а какие — нет.

Здесь еще раз следует вспомнить, что, пожалуй, не существует ни одной оригинальной работы, которая совпала бы с другой по числу мустьерских погребений, рассматриваемых в качестве преднамеренных, даже в пределах одного памятника (слоя). Создавшееся положение вызвано несколькими обстоятельствами: 1. По общему признанию, мустьерские погребения представляют собой первые в истории человечества следы погребальной практики, а формы любого исторического явления, находящиеся в процессе становления, трудно распознаваемы и принципиально трудно оцениваемы. 2. Ретроспективный путь исследования такого явления всегда ведет к созданию слишком жестких или, наоборот, слишком пластичных критериев, на основе которых происходят отбор и оценка анализируемых материалов. 3. Более чем полувековая история признания среднепалеолитических погребений (Смирнов Ю. А., 1985в) ясно показывает, что отсутствие «априорной гипотезы» о возможности существования погребального ритуала в среднем палеолите вело к абсолютно не удовлетворительной (с точки зрения современных требований) фиксации не только археологического контекста, но и самих человеческих остатков. Внимание уделялось лишь факту нахождения костей в слое, а их археологическое окружение фиксировалось не более чем с позиции подтверждения или неподтверждения древности ископаемых остатков. В связи с этим указания на преднамеренность захоронения, возможно, и существовавшие в контексте памятника, оставались за рамками восприятия исследователей, ибо, как уже говорилось, доминировала гипотеза естественного погребения. Поэтому в ходе раскопок не отмечались ни система расположения найденных человеческих остатков, ни обстановка, их окружавшая. С другой стороны, уже в первой четверти XX в. возникла парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что для исследователей, признававших факт существования погребальной практики в палеолите, достаточно было даже одного признака (к примеру, могильной ямы), чтобы остальные признаки (например, положение костей погребенного) оставались без внимания или фиксировались явно недостаточным образом, как это было, скажем, в Ле Мустье (Peugny D., 1930) или в Ля Ферраси (Peugny D., 1934).

А теперь рассмотрим подробнее предложенные авторами выборки мустьерских погребений, уделив основное внимание имеющимся в них различиям и ошибкам.

С. Р. Бинфорд включает в число погребений комплектные остатки женщины и изолированный череп ребенка, обнаруженные на стоянке Ля Кина (Martin H., 1911a; 1911b; 1913). Включение в выборку женского скелета (Кина 5), который обычно не рассматривается как преднамеренно погребенный, С. Р. Бинфорд обосновывает следующим образом: «Публикация по Ля Кина показывает, что скелет был найден в убежище со многими костями в сочленении. По А. Мартену, это были остатки затонувшего неандертальца, тело которого было случайно вымыто на середину

мустьерской стоянки. Эта формулировка, — пишет она, — была отвергнута по аксиоме „бритвы Оккама“» (Binford S. R., 1968. P. 140). Очевидно, что это лишь одно из возможных оснований для введения данной находки в число погребений, но недостаточное. Другие же автором не приводятся. Введение в работу С. Р. Бинфорд черепа ребенка из Ля Кина (Кина 18) никак не обосновывается. По-видимому, вместе с находками из Монте Чирчео и Пеш де ль'Азе (см. ниже) он автоматически попадает в ряд изолированных черепов, которые исследовательница рассматривает в качестве погребений. Но так как основания для подобного рассмотрения остались за рамками статьи (исключение составляют только аргументы в пользу введения в выборку черепа из Монте Чирчео), этот факт вызывает некоторое недоумение и свидетельствует только о непоследовательности в принципах отбора материала, ибо среди «дополнительных 39 индивидуумов», остатки которых, по С. Р. Бинфорд, не есть погребения, указаны и изолированные черепа, происходящие из таких местонахождений, как Девилс Тауэр (Гибралтар 2), Форбс Квери (Гибралтар 1), Саккопасторе 1, Энгис 2 и Зуттие 1 (Binford S. R., 1968. Tabl. 3).

Ф. Б. Харрольд не включал в свою сводку женский костяк Кина 5 на основании «его специфического положения в том месте, которое А. Мартен определил как старое русло потока, и в связи с тем, что раскопщик не упоминал ямы, могильных приношений и других явных признаков погребения, а Б. Вандермеерш отмечал, что отложение, наклонно накопленное у основания 11-метровой скалы, все же не похоже на место погребения» (Harrold F. B., 1974. P. 13). Но, во-первых, у Б. Вандермеерша речь идет не о месте, не подходящем для погребения, а о месте, не подходящем для поселения, а во-вторых, и он не приводит достаточных оснований для того, чтобы объявить отложения стоянки нежилыми слоями (Vandermeersch B., 1965a. P. 95)¹³.

Для включения в выборку изолированного черепа из Пеш де ль'Азе у С. Р. Бинфорд, видимо, имелись те же основания, что и для включения в нее черепа ребенка из Ля Кина (Кина 18). Пеш де ль'Азе (Франция, департамент Дордонь, в 5 км к югу от Сарла) — пещера, разрезающая крайнюю оконечность скального выступа, расположенного над маленькой сухой долиной. Пещера имеет два входа, соединенных в глубине коридором с перемешанными слоями. Она условно разделена на два местонахождения: Пеш де ль'Азе 2 — северо-западное и Пеш де ль'Азе 1 — юго-восточное (так называемое классическое). В последнем, археологически известном уже с 1815 г., Д. Пейрови обнаружил в 1909 г. раздавленный череп ребенка (Capitan L., Peyrony D., 1909). Точное стратиграфическое положение черепа осталось неизвестным, поскольку единственная публикация об открытии черепа почти не содержит стратиграфических указаний. Стратиграфия этого участка была реконструирована Ф. Бордом, открывшим совместно с М. Бургоном Пеш де ль'Азе 2 и производившим раскопки на площадке Пеш де ль'Азе 1, недалеко от местонахождения черепа. Предположительно череп был обнаружен в слое 4, характеризующемся

¹³ Изолированные черепа, кроме черепа из Монте Чирчео (Чирчео 1), окруженного кольцеобразным сооружением из камней, не рассматриваются в работах Ф. Б. Харрольда, вероятно, по причине отсутствия связанных с ними искусственных конструкций.

мустьерской индустрией с ашельской традицией (Vandermeersch В., 1965а. Р. 78—80).

Ф. Б. Харрольд включает данную находку в свои работы на иных. чем С. Р. Бинфорд, основаниях, так как для него нахождение изолированного черепа еще не служит показателем существования преднамеренного погребения (Harrold F. В., 1974. Р. 13, 14). Он просто-напросто неверно полагает, что Д. Пейрони «нашел там погребение (Курсив мой. — Ю. С.) маленького ребенка» (Harrold F. В., 1974. Р. 7, 43), а не его изолированный череп.

То, что оба автора относят человеческие остатки из Ля Феррасси к числу погребений, кажется вполне правомерным, так как там присутствуют все «традиционные» признаки погребений: ямы, элементы перекрытий, инвентарь и т. п. Напомним, что в Ля Феррасси, в основании нижнего мустьерского слоя, Д. Пейрони и Л. Капитан на протяжении 1909—1921 гг. вскрыли шесть мустьерских погребений (Peugony D., 1934). Как выяснилось позднее, одно из погребений (4а, b) оказалось парным (Heim J.-L., 1968), а в 1973 г. А. Дельпорт обнаружил в том же слое остатки еще одного индивидуума (Delporte H., 1976. Р. 10). Таким образом, в Ля Феррасси найдено восемь, а не шесть субъектов, как неверно указывает Ф. Б. Харрольд (Harrold F. В., 1974. Р. 7, 13; 1980. Р. 200). Кроме того, вряд ли можно признать верным и его утверждение о том, что все женские среднепалеолитические погребения были безынвентарными (Harrold F. В., 1974. Р. 33, 43, 44, 47), поскольку именно с женским костяком из Ля Феррасси (2), вероятно, было связано несколько предметов из камня и кости, а также зубы и кости полорогих животных (Heim J.-L., 1976b. Р. 28. Fig. 10). По крайней мере, их можно было бы ввести в сводку на тех же основаниях, на которых Ф. Б. Харрольд вводит орудия и кости животных, ассоциирующиеся с мужским костяком из Ля Феррасси (1), т. е. в качестве предметов, возможно, сопутствовавших этому погребению (Harrold F. В., 1974. Р. 43). Помимо этого, есть основания полагать, что и детские погребения 3 и 4а, b тоже были снабжены инвентарем (Peugony D., 1934. Р. 29; Heim J.-L., 1976b. Р. 28; Breuil H., 1921 * Р. 344. Статья А. Брейля цит. по: Замятнин С. Н., 1961б. С. 41). Относительно же других детских погребений (5, 6) Ф. Б. Харрольд верно отмечает, что они сопровождались инвентарем.

Что же касается положения погребенных, то, видимо, не следует расценивать как «сильно согнутое» положение скелета Феррасси 1, ибо поза этого погребенного скорее среднескорченная — сходная с позами погребенных Шапель-о-Сен и Схул 5 (положение которых также неверно указано как сильно скорченное). Во всяком случае их нельзя ставить в один ряд с такими действительно сильно скорченными костяками, как Феррасси 2, Шанидар 4, Шанидарский младенец и другими, упоминающимися у Ф. Б. Харрольда (Harrold F. В., 1974. Р. 43, 44). Едва ли можно назвать вытянутой и позу погребенного Мустье 1 (Harrold F. В., 1974. Р. 43), которая, по всей вероятности, чем-то напоминала позу погребенного Схул 4, т. е. была среднескорченной. И последнее указание на «сильно согнутое положение погребенного Феррасси 5» (Harrold F. В., 1974. Р. 43) проблематично. Дело в том, что положение скелетных остатков в этом погребении не было зафиксировано на месте, и Д. Пейрони высказал мнение

● сильной скорченности тела предположительно, «на основании небольших размеров ямы» — 40×32 см (Peugony D., 1934. P. 31, 32). Но так как погребение принадлежало 7—8-месячному зародышу, то в могильной яме с такими параметрами оно могло находиться как в сильно-, средне-, так и в слабоскорченном положении.

С. Р. Бинфорд исключает из рассуждений погребение юноши, открытое О. Хойзером в Ле Мустье (Klaatsch H., Hauser O., 1909). Второе погребение (Мустье 2) было обнаружено в том же гроте Д. Пейрони шесть лет спустя (Peugony D., 1930). Точное стратиграфическое положение скелета Мустье 1 осталось неизвестным. (Все же, опираясь на данные, опубликованные О. Хойзером, его можно было бы отнести к слою Н — мустье с ашельской традицией, при условии, конечно, отсутствия интрузии из слоя J — типичное мустье, зафиксированной Д. Пейрони для погребения Мустье 2. Но О. Хойзер не отметил ни ямы, ни каких бы то ни было нарушений слоев, поэтому данный вопрос так и останется нерешенным.) По словам С. Р. Бинфорда, юноша из Ле Мустье был «несомненно похоронен своими современниками, но был вскрыт и перезахоронен несколько раз раскопщиками», вследствие чего «положение скелета и связанных с ним вещей было нарушено» (Binford S. R., 1968, P. 140). С этим тезисом в целом трудно согласиться, поскольку многие данные, приводимые О. Хойзером, все-таки могут быть использованы для получения определенной доли информации о погребении. Суть заключается в том, что в ходе раскопок были случайно сняты и не зафиксированы только кости левого предплечья и нижних конечностей, а все остальные кости остались на месте и не перезахоронивались. Они были лишь трижды частично расчищены в целях демонстрации посетителям, которые должны были засвидетельствовать и, судя по протоколам (Klaatsch H., Hauser O., 1909), свидетельствовали положение костей *in situ*, после чего кости вновь засыпались землей. Окончательно расчистка, фиксирование положения обнаруженных остатков и их снятие были произведены 10—12 августа того же (1909) года антропологом Г. Клаачем в присутствии членов экскурсии Франкфуртского антропологического конгресса, подтвердивших ненарушенность позиции погребенного, которого, кстати, из-за плохой сохранности костей туловища и таза (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 290) невозможно было перезахоронить не только несколько, но и один раз. Впрочем сам факт перезахоронения относительно целого человеческого скелета без нарушения анатомической связи, особенно между костями корпуса, представляется совершенно фантастичным. Детское погребение (Мустье 2), поза которого, кстати сказать, не была никак зафиксирована, а сами кости утрачены, в статье С. Р. Бинфорд не упоминается. А для Ф. Б. Харрольда введение этого погребения в круг исходных памятников само собой разумеется, так как оно было совершено в яме (Peugony D., 1930. P. 159—161). Что же касается погребения Мустье 1, то Ф. Б. Харрольд, процитировав приведенные слова С. Р. Бинфорда, касающиеся недоброкачественности данного источника, не счел нужным, как это ни странно, ничего к ним добавить и включил его в свою выборку. Правда, остается неясным, какие основания были у него для того, чтобы обозначить позу этого погребенного как вытянутую, поскольку во время раскопок положение нижних конечностей точно зафиксировано не было, но отмечалось, что

правая рука была согнута, левая — вытянута, а Г. Клаач «констатировал положение погребенного в позе спящего» (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 287, 289, 290), тоже ничего не сообщив о положении ног покойника. Кроме того, возраст данного индивидуума, определявшийся в 15—18 лет (Catalogue . . ., 1971. P. 150), вряд ли можно расценивать как детский (Harrold F. B., 1974. P. 43).

Погребение из Рок де Марсаль, обнаруженное Ж. Лафилем в 1961 г. (Bordes F., Lafille J., 1962), осталось за рамками работы С. Р. Бинфорд. Ф. Б. Харрольд вводит данное погребение в число рассматриваемых им памятников, но допускает при этом несколько ошибок. Так, индустрию слоя, к которому относилось погребение, он слишком обобщенно определяет как «западное мустье», в то время как, по сообщению Ж. Лафиля (Bordes F., Lafille J., 1962. P. 715), индустрия слоя V, из которого, по всей видимости, погребение было впущено в нижележащий слой I, оценивается как мустье типичное. Далее, в связи с устройством могильной ямы Ф. Б. Харрольд упоминает камни и кострища (Harrold F. B., 1974. P. 43). О маленьких песчаниковых блоках, «окружавших яму», говорится в работе Р. Жюльена (Jullien R., 1965. P. 168), на которую и ссылается Ф. Б. Харрольд, хотя в авторской публикации речь идет лишь о слое желтого разложившегося песчанистого известняка, перекрывавшего могильную яму, заполненную черной землей (Bordes F., Lafille J., 1962. P. 715). А откуда взята информация о кострищах, якобы связанных с погребением, остается только догадываться. Помимо этого, у Ф. Б. Харрольда в графе «положение тела» поставлен вопросительный знак, что странно, так как положение тела этого погребенного, правда, крайне своеобразное — на правом боку, с согнутыми и заведенными за спину ногами, было зафиксировано, и его можно отнести к числу сильно согнутых позиций.

По традиции, сложившейся более полувека тому назад и восходящей, по-видимому, к Г. Обермайеру, который одним из первых расценил погребения в Спи как преднамеренные (Обермайер Г., 1913. С. 166), костные остатки, обнаруженные перед щелью (Frapont J., Lohest M., 1887), включаются в обзоры мустьерских погребений. Вероятно, по традиции и С. Р. Бинфорд должна была ввести в свою сводку находки из Спи, как это сделал и Ф. Б. Харрольд, т. е. в общем, не аргументируя свою точку зрения. В данном случае, действительно, трудно приводить аргументы (они практически отсутствуют) как против, так и в пользу данной гипотезы. Единственным, но вполне весомым доводом может быть только комплектность и сравнительно хорошая сохранность обнаруженных остатков, вероятнее всего, свидетельствующие о том, что в Спи все-таки были открыты преднамеренные погребения, так как сохраняющее воздействие погребальных сооружений на останки умерших в жилом слое было несомненно значительным, а следы обвала, который мог законсервировать эти останки, раскопщики не отметили. Так что включение остатков из Спи в ряд преднамеренно погребенных представляется правомерным, но с одной поправкой, касающейся числа раскопанных субъектов. В начале 50-х годов стало известно, что в Спи в 1886 г. были обнаружены кости не двух, как полагали первооткрыватели и как сообщают С. Р. Бинфорд и Ф. Б. Харрольд, а трех индивидуумов (Boule M., Vallois H., 1952. P. 41, 208; Genovés S., 1954. P. 133, 134). Третьим оказался ребенок, два

дуба и фрагменты правой большеберцовой кости которого (Catalogue. . ., 1971. P. 12, 13) были идентифицированы среди неопределенных раскопчиками, а потом, увы, уже сильно разрозненных и частично утраченных к моменту идентификации костей взрослых субъектов. Таким образом, можно полагать, что в Спи, помимо одиночного, было открыто и парное погребение, в котором ребенок был захоронен с одним из взрослых индивидуумов.

С. Р. Бинфорд включает в свою работу находку из грота Тешик-Таш (Окладников А. П., 1949), обозначая ее как погребение. В первой работе Ф. Б. Харрольда погребению из Тешик-Таша посвящена всего одна фраза: «Наконец, погребение неандертальского ребенка из Тешик-Таша в Узбекистане, Центральная Азия, было исключено как слишком отдаленное (as too far afield. Harrold F. B., 1974. P. 14). И тут, как говорится, комментарии излишни. Однако в публикации 1980 г. Ф. Б. Харрольд вводит Тешик-Таш в свою сводку, но зато исключает из нее Староселье (см. ниже), чем сохраняет и число представленных в работе памятников, и количество рассмотренных погребений (Harrold F. B., 1980. P. 200). А как подмена одного памятника другим влияет на распределение материала и полученные результаты, а также какие именно признаки погребения из Тешик-Таша анализируются в новой работе, остается неясным.

В статье С. Р. Бинфорд старосельская находка (Формозов А. А., 1958) никак не фигурирует. В своей первой работе Ф. Б. Харрольд анализирует погребение из Староселья, допуская при этом единственную ошибку. Он считает, что поза погребенного не была установлена (Harrold F. B., 1974. P. 43). Такая точка зрения вызывает недоумение, так как из чертежа в монографии А. А. Формозова (1958. Рис. 37), на которую и ссылается Ф. Б. Харрольд, ясно следует, что поза погребенного ребенка была вытянутой¹⁴. В статье же 1980 г. Ф. Б. Харрольд не рассматривает погребение из Староселья на том основании, что якобы существуют сомнения относительно намеренной (rigor mortis) связи между человеческими остатками и мустьерским уровнем (Harrold F. B., 1980. P. 199). При этом он ссылается на статью Р. Г. Клейна (Klein R. G., 1965), отчего создается весьма превратное представление, ибо в работе 1974 г. Ф. Б. Харрольд вводит находку из Староселья в ряд анализируемых мустьерских погребений со ссылкой на ту же самую статью Р. Г. Клейна (Harrold F. B., 1974 P. 10). Что же касается «сомнений», то, по-видимому, необходимо было приложить значительные усилия для того, чтобы найти их (сомнения) в недвусмысленном тексте Р. Г. Клейна: «Он (А. А. Формозов. — Ю. С.) и несколько его сотрудников убедительно установили геологическую связь скелета с костями животных и мустьерскими артефактами» (Klein R. G., 1965. P. 48).

Число подобных примеров можно было бы продолжить, но это не изменило бы уже общей картины, из которой явствует, что источниковедческий анализ большинства европейских среднепалеолитических погре-

¹⁴ То же касается и позы ребенка Киник-Коба 2, которая, по Ф. Б. Харрольду, была не установлена (Harrold F. B., 1974. P. 43). При этом он ссылается на книгу Г. А. Бонч-Осмоловского, из которого явствует, что костяк ребенка находился в среднескорченном положении (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 145, 146).

бений и, соответственно, базирующиеся на нем выводы в работах американских исследователей нельзя признать достоверными. То же касается и ближневосточных среднепалеолитических погребений. Чтобы показать это, достаточно привести один-два примера.

В ряду ближневосточных мустьерских погребений С. Р. Бинфорд упоминает семь погребений из пещеры Шукба (Binford S. R., 1968. P. 148). В тексте об этом памятнике у нее сказано следующее: «Также необходимо отметить, что только одно коллективное погребение, зафиксированное в мустье (Шукба), встречено на Ближнем Востоке» и «следует отметить, что описание семи погребений из Шукбы (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1942) слишком кратко» (Binford S. R., 1968 P. 144). Деревня Шукба (Израиль), в полумиле к югу от которой находится данная пещера, расположена в 17,5 милях к северо-западу от Иерусалима. Пещера локализована в наиболее северной точке поворота Вади эн-Натуфи и лежит на 22 м выше ложа долины. В 1923 г. пещера была частично раскопана Д. А. Е. Гаррод (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1942). Согласно Д. А. Е. Гаррод, в мустьерском слое «было обнаружено несколько человеческих фрагментов, а именно: небольшая часть височной кости и коренной зуб, фрагмент лобной кости, два дистальных конца бедренной кости и таранная кость» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1942). Что же касается погребений, то по Д. А. Е. Гаррод (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1942. P. 4) все они находились в расположенном выше слое В натуфийской культуры. Каким образом они оказались у С. Р. Бинфорд в списке мустьерских погребений, неизвестно, так как она опирается только на указанную публикацию Д. А. Е. Гаррод и Д. М. А. Бейт.

Второй пример касается оценки, данной Ф. Б. Харрольдом половому статусу погребенных из Схул (McCown T. D., 1937a; McCown T. D., Keith A., 1939)¹⁵. Ф. Б. Харрольд, считая (кстати, совершенно бездоказательно), что «из десяти индивидуумов только семь могут быть уверенно расценены как погребения», а именно: Схул 1, 3—5, 7—9 (Harrold F. B., 1974. p. 11, 44; 1980. P. 200), дает им те половые характеристики, которые, по всей видимости, были приняты в полевых условиях и опубликованы в первом томе трудов англо-американской экспедиции¹⁶, проводившей раскопки на горе Кармел (эс-Схул, эт-Табун, эль-Вад). Однако впоследствии статус обнаруженных индивидуумов был пересмотрен уже в лабораторных условиях, и после тщательного анализа по всем имевшимся признакам (не все погребенные были представлены комплектами остатками) половые характеристики некоторых из них были уточнены (табл. 3).

Подобного рода неточности нельзя признать несущественными, поскольку не только в работе Ф. Б. Харрольда, но и в любой работе, посвященной анализу погребальных обрядов, половозрастные показатели по-

¹⁵ Половые признаки наряду с погребальным инвентарем являются для Ф. Б. Харрольда самыми характерными из признаков, распределение которых он анализирует (Harrold F. B., 1974. P. 29).

¹⁶ Исключение составляет погребенный Схул 9, пол которого у Ф. Б. Харрольда обозначен как женский (Harrold F. B., 1974. P. 44), тогда как по Т. Д. Маккуну (определение в полевых условиях) он — мужской (McCown T. D., 1937a. P. 103).

Таблица 3. Мугарет эс-Схул. Пол погребенных

Индивидуумы	По Т. Д. Маккоуну (1937а)	По Т. Д. Маккоуну и А. Киту (1939)	Индивидуумы	По Т. Д. Маккоуну (1937а)	По Т. Д. Маккоуну и А. Киту (1939)
Схул 1	Женский	Мужской ?	Схул 6	Женский ?	Мужской
Схул 2	Женский ?	Женский	Схул 7	Женский	Женский
Схул 3	?	Мужской	Схул 8	?	Мужской ?
Схул 4	Мужской	Мужской	Схул 9	Мужской	Мужской
Схул 5	Мужской	Мужской	Схул 10	Мужской?	Мужской ?

гребенных играют особую роль в связи с тем, что основные выводы большей частью базируются именно на половых и возрастных различиях погребенных. Помимо этого, следует постоянно учитывать и то, что при столь малой выборке, которую представляют собой мустьерские погребения в целом, и при отсутствии бесспорных половых определений почти для половины всех известных к настоящему времени погребенных индивидуумов ошибочные данные могут не только исказить общую картину, но и привести к совершенно неверным заключениям.

Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что несомненно важные с точки зрения поставленных проблем и в целом методически верные работы оказались во многом неудовлетворительными с точки зрения надежности источниковедческой базы исследования среднепалеолитических погребений, что отрицательно сказалось на достоверности большинства сделанных на этой основе выводов.

В 1979 г. в польской археологической печати появляется статья К. Муравски «Генезис погребальных обрядов», посвященная специально рассмотрению мустьерских погребений (Murawski K., 1979). В этой работе содержится информация о 10 погребениях, «почти неизвестных в польской литературе предмета» (Murawski K., 1979. S. 22)¹⁷.

Что касается описаний представленных К. Муравски погребений, то они требуют некоторых корректив.

Скелет мужчины из грота Амуд вряд ли соответствует по времени «началу Вюрма в Европе» (Murawski K., 1978. S. 22), поскольку принадлежит Вюрму II или, что скорее, Вюрму II/III (The Amud Man... P. 120).

Погребенного Кафзах 11 накрывало не несколько блоков известняка (Murawski K., 1979. S. 22), а всего лишь один (Vandermeersch B., 1970. P. 299).

В связи с погребением Мустье 2 Д. Пейрони все-таки сообщает не о «типичных мустьерских орудиях» (Murawski K., 1979. S. 23), находив-

¹⁷ С разной степенью подробности и точности автор, исключив погребение Мустье 1 из-за «хищнического характера исследований Хойзера» (Murawski K., 1979. S. 23), описывает следующие погребения: Амуд 1, Кафзах 11, Мустье 2, Регурду 1, Шанидар 1, 4, 6, 7 и Арсиюр-Кюр 5—7. (Появление в сводке мустьерских погребений последнего памятника весьма показательно, так как обычно данное погребение, вероятно, совершенное по принципу часть вместо целого, не включается в обзоры среднепалеолитических захоронений. Отметим, что это не единственное мустьерское погребение такого рода, и К. Муравски не без оснований вводит его в свою работу.)

шихся со скелетом ребенка, а о разных предметах (объектах), относящихся к мустье, увы, никак не конкретизируя находки (Peugony D., 1930. P. 160).

Как уже упоминалось, в связи с погребением в Регурду не может идти речи о «многочисленных кремневых орудиях, костях и рогах оленя» (Murawski K., 1979. S. 24).

Что же касается заключений общего характера, то следует отметить, что вывод о «потрясающем отсутствии случаев ориентирования скелетов головой на юг» (Murawski K., 1979. S. 22) не имеет под собой реальных оснований, так как, во-первых, на юг безусловно был ориентирован погребенный Киик-Коба 2 и, возможно, Мустье 1, Шанидар 6 и Заскальная VIa, а во-вторых, мы ничего не знаем об ориентировке примерно $1/3$ погребенных мустьерцев. Безосновательным является и вывод о дифференциации могильных сооружений в зависимости от пола. Согласно К. Муравски, для мужчин характерно наличие вымоستок и отсутствие могильных ям, а для женщин — обкладки из камней и могильные ямы, что не подтверждается конкретным материалом (Смирнов Ю. А., 1981). Нельзя согласиться и со слишком категоричным заявлением К. Муравски об отсутствии каннибализма, «а тем более ритуального», как в нижнем. так и в среднем палеолите (Murawski K., 1979. S. 21, 22). Следы повреждений на костях он объясняет неумелым исследованием скелетов и виновниками объявляет не каннибалов, а археологов. Также слишком декларативными (хотя и со ссылкой на статистический анализ, правда, неясно кем, когда и на каком материале проведенный) представляются и его заявления о том, что существование «культур» нижних челюстей детей и стариков «можно отнести уже в область сказок» (Murawski K., 1979. S. 21). Имеющиеся на этот счет данные (см. выше текст и рис. 6—19) прямо указывают на факт доминирования нижних челюстей (в частности, детских) и особенно в раннем палеолите, что нельзя объяснить причинами естественного характера.

Относительно теоретических выкладок К. Муравски надо сказать, что его замечания о преобладании у неандертальца галлюцинирующих форм мышления, отсутствии у него языка (или не более чем рудиментарное его развитие), «обрекавшем палеоантропа на духовное одиночество». и вместе с тем замечания о существовании у неандертальца представлений о душе и могиле как ее вместилище и т. п., видимо, следует оставить на совести автора.

В начале 80-х годов во Франции выходит в свет работа А. Дефлер-Тану «Новый пересмотр французских неандертальских погребений» (Defleur-Tanoux A., 1982). Своим появлением она как бы подчеркивает постоянное обращение французских исследователей к проблеме древнейших погребений и внесение в ее разработку серьезных вкладов как теоретического. так и фактологического характера. Так в работе А. Дефлер-Тану содержатся описания всех 15 неандертальских захоронений (а именно представлению фактического материала и посвящена рассматриваемая публикация), обнаруженных к настоящему времени во Франции на памятниках мустьерского возраста. На настоящий момент это — самая полная сводка. поскольку в предшествующей работе Б. Вандермеерша, также специально посвященной французским неандертальским захоронениям, не анализировались такие погребения, как Кина 5, Арси-сюр-Кюр 5—7 и Ферраси 7.

а погребение Мустье 1 не рассматривалось «за недоверенностью» (Vandermeersch B., 1976a).

А. Дефлер-Тану публикует описания местонахождений, их планы, разрезы и чертежи погребений, в частности, впервые представляя графические материалы раскопок грота Рок де Марсаль 1962 г.: планы местонахождений и погребения. В его работе описана стратиграфия памятников (иногда в уточненном по сравнению с предыдущими данными виде, например, дополнены характеристики отложений Нижнего грота Ле Мустье), приведены списки фаунистических остатков, дан краткий анализ сопутствующих погребениям каменных индустрий и, наконец, описаны сами погребения (как правило, посредством цитирования авторов раскопок). Итак, перед нами безусловно нужная и своевременная работа. Однако, к сожалению, в ней содержится сравнительно большое число фактических ошибок (особенно в сводной таблице, не только обобщающей собранный материал, но и дополняющей словесные описания).

Обратимся непосредственно к сведениям, приводимым А. Дефлер-Тану.

В графе «Устройство погребения» не отмечен слой разложившегося известняка над ямой погребения в Рок де Марсаль (Bordes F., Lafille J., 1962. P. 715), который, по всей видимости, перекрывал могилу.

В графе «Сопровождающий инвентарь» для погребения Ферраси 2 не отмечен ряд находок, о которых сообщает Ж.-Л. Хейм (Heim J.-L., 1976b. P. 28). То же не сделано и для погребения Рок де Марсаль 1, в связи с которым автором раскопок отмечены мустьерские кремни и кости животных, находившиеся в могильной яме (Bordes F., Lafille J., 1962. P. 715).

В графе «Камень», где перечисляются конструктивные элементы погребальных сооружений, для погребения Шпель-о-Сен 1 не указано наличие в области черепа плоских плиток известняка (Bouyssonie A. et J., 1909. P. 12). То же касается и погребения Мустье 1, череп которого находился на «подушке» из кремневых отщепов (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 288) и возле которого располагался еще один (? — Ю. С.) камень (Klaatsch H., 1909. S. 543).

В графе «Ориентировка» для погребений Ферраси 1 и 2 указаны ориентировки, прямо противоположные тем, которые были зафиксированы раскопщиками (Peugny D., 1934. P. 25 Fig. 26. P. 28). Кроме того, не стоило, по-видимому, указывать ориентировки для погребенных Ферраси 3 и 4, 4bis, так как их положение не было точно зафиксировано в процессе раскопок. В то же время для погребения Кина 5 можно было указать ориентировку головой на северо-восток (или, как по более обобщенному у А. Дефлер-Тану направлению, — на восток), которая сравнительно легко выводится из текста А. Мартена (Martin H., 1911b. P. 619).

В графе «Положение скелета» для погребения Ферраси 2 неправильно указана поза: «горизонтальная скорченная на спине», тогда как погребенная располагалась на правом боку (Peugny D., 1934. P. 26. Fig. 31). В той же графе, очевидно, перепутаны характеристики положения погребенных Ферраси 5, для которого указано «скорченное на боку положение и отчленение черепа от скелета», и Ферраси 6, для которого указано положение «сжавшееся (приседающее — assroupie)». К тому же, положение погребенного Ферраси 5 не было точно установлено, и Д. Пейрони в предположительной форме высказал мысль о возможно скорченной

позе этого погребенного. В примечании к описанию положения погребенной Кина 5, представленного как «вытянутое или скорченное», сказано, что «скорченная поза определяется размерами монолита, извлеченного д-ром А. Мартеном, — 1,10×0,65 м, и заключавшего в себе полный скелет». Это утверждение верно только с одной стороны. Да, действительно, размеры монолита определялись изначально площадью, занимаемой костями скелета. Но дело в том, что скелет был неполным — отсутствовали кости голени и стоп (Martin H., 1911b. P. 616, 619, 624, Pl. 1), а вот были ли ноги погребенного согнуты в бедрах, об этом у А. Мартена прямо ничего не говорится, но расстояние 1,10 м, если оно и вправду соответствовало длине, занимаемой скелетом, как раз указывает на то, что бедренные кости были вытянуты.

В графе «Человеческие остатки» указано, что в погребении Мустье 1 находился неполный скелет. Это не совсем так, поскольку скелет был частично разрушен уже в процессе раскопок (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 287—290, 296).

И последняя из неточностей, которые необходимо отметить, состоит в том, что на продольном разрезе грота Ля Шапель-о-Сен не показана яма с рогом бизона и другими остатками, зафиксированная раскопщиками при входе в убежище (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908b. Fig. 2).

В заключение, видимо, следует сказать, что отмеченные неточности недопустимы в любой работе, касающейся мустьерских погребений, а тем более в работе, преследующей такие цели, как представление фактического материала, его ревизию и более современное освещение.

Советская историография

В советской историографии довоенного периода обзоры материалов мустьерских погребений фактически отсутствуют¹⁸. Как правило, работы, касающиеся этой темы (независимо от позитивного или негативного отношения к проблеме со стороны автора), не содержат описаний конкретных находок (Богаевский Б. Л., 1931; Толстов С. П., 1931; Равдоникас В. И., 1939 и др.), либо содержат очень краткие, суммарные описания одного — пяти памятников (обычно это Спи, Ля Шапель-о-Сен, Ле Мустье, Ферраси и Квик-Коба), причем не всегда даже упоминаются все находки, там обнаруженные (Никольский В. К., 1923; Борисковский П. И., 1935; Ефименко П. П., 1938 и др.).

В 50-х годах проблема мустьерских погребений оказалась в центре внимания советских историков. Поводом к этому во многом послужила статья М. С. Плисецкого «О так называемых неандертальских погребениях», в которой была сделана попытка доказать отсутствие преднамеренных погребений в эпоху мустье (Плисецкий М. С., 1952). В своей работе М. С. Плисецкий на основе весьма поверхностного и несколько тенденциозного рассмотрения ряда западноевропейских и отечественных памятников, содержащих костные остатки палеоантропов, пришел к выводу, что останки неандертальцев, обнаруженные на мустьерских

¹⁸ Исключение составляет не публиковавшаяся до 1961 г. работа С. Н. Замятнина (см. ниже).

стоянках и «выдаваемые» за преднамеренные погребения, являются случайно сохранившимися и никакого отношения к погребениям не имеют¹⁹. М. С. Плисецкий старался показать, что материалы рассмотренных им памятников во всех случаях представляют собой столь разнохарактерные находки, что только авторы раскопок и «реакционно настроенные интерпретаторы» могли их принимать за неоспоримые свидетельства погребального культа в среднем палеолите²⁰.

На статью М. С. Плисецкого тут же откликнулся А. П. Окладников (автор раскопок в гроте Тешик-Таш), и его отклик был напечатан в следующем же номере того же журнала (Окладников А. П., 1952). В статье А. П. Окладникова был предложен более детальный и более объективный анализ рассматриваемых М. С. Плисецким памятников, в число которых были присоединены и другие материалы: Спи 1, 2, Кимк-Коба 2, Ферраси 3, 4, 5; Схул 1, 4—6 и Табун С1. Таким образом, более детальный анализ и расширение круга источников (18 находок) уже сами по себе являлись своего рода ответом на критику М. С. Плисецкого, с одной стороны, и представляли новую попытку обосновать наличие преднамеренных мустьерских погребений — с другой.

Не останавливаясь подробно на позициях обоих авторов, рассмотрим те материалы, которыми они оперировали, т. е. ту информацию о самих памятниках, которая использовалась в споре в качестве аргументов. Причем обратимся только к сведениям, приводимым А. П. Окладниковым, которые своей полной с лихвой перекрывают данные, опубликованные М. С. Плисецким. Кроме того, информация, представленная последним, не требует детального разбора еще и потому, что большинство приведенных им сведений либо поданы в неверном свете, либо попросту неточны. А справедливая критика, содержащаяся в ответной статье А. П. Окладникова, совершенно снимает эту необходимость.

С другой стороны, проанализировать работу А. П. Окладникова с точки зрения ее информативности необходимо по той причине, что до 1961 г. в отечественной литературе она была единственным и наиболее полным сводом мустьерских погребений, данными которого постоянно пользовались многие советские исследователи, в особенности этнографы и философы²¹. Так, например, на данные, опубликованные А. П. Окладниковым,

¹⁹ Свои выводы М. С. Плисецкий строил на основании рассмотрения семи находок: Мустье 1, Шпель 1, Ферраси 1, 2, 6, Кимк-Коба 1, Тешик-Таш 1.

²⁰ Позднее к точке зрения М. С. Плисецкого присоединился М. О. Косвен, который примерно на тех же основаниях отрицал существование преднамеренных погребений в мустьерскую эпоху: «Вся эта конструкция (в частности, утверждение о существовании у неандертальцев обряда погребения. — Ю. С.) основывается на совершенно произвольном, обильно снабженном фантазией археологов толковании некоторых мустьерских памятников», — писал он (Косвен М. О., 1957. С. 35).

²¹ В 1961 г. было опубликовано (посмертно) несколько статей С. Н. Замятина, две из которых специально посвящены палеолитическим погребениям и были когда-то подготовлены для публикации во «Всемирной истории». В статье «Мустьерские погребения» содержались очень добротная подборка материалов по погребениям Франции и Бельгии, открытым до 1922 г., и критический анализ источников, их освещающих. Основной материал, опубликованный в этой статье, был представлен С. Н. Замятым в виде доклада на заседании ГАИМК 5 ноября 1933 г., и до выхода в свет он был, видимо, мало известен специалистам (Замятин С. Н., А1933), хотя упоминание об этом докладе и ссылка на него как на важный

ссылаются либо приводят их в той или иной форме: В. Ф. Зыбковец (1959), Ю. И. Семенов (1962; 1966), С. А. Токарев (1964). Упомянутые авторы, правда, несколько расширяют круг источников, дополняя сводку А. П. Окладникова некоторыми вновь найденными или ранее известными, но не принятыми им во внимание материалами. Так, В. Ф. Зыбковец вносит в этот список находку детского погребения на стоянке Староселье в 1953 г.: С. А. Токарев, помимо последней, дополняет его находкой черепа в гроте Гуаттари (Монте Чирчео 1); Ю. И. Семенов вводит в оборот погребения Схул 7, 9, 10 (Зыбковец В. Ф., 1959. С. 204; Токарев С. А., 1964. С. 159; Семенов Ю. И., 1966. С. 382—392). Однако сводка А. П. Окладникова является основным источником, откуда упомянутые авторы заимствуют информацию.

Что касается целей заимствования, то фактический материал, подготовленный А. П. Окладниковым (особенно информация о зарубежных памятниках), используется другими авторами как фундамент для многоплановых исторических построений. Сюда входят и попытки объяснить причины появления погребальной практики в столь раннюю эпоху, рассмотреть ее формы и ее содержательные моменты, реконструировать идеологические представления и/или социальные отношения в среде неандертальского человека. Другими словами, мы сталкиваемся здесь с обычным для науки явлением — интерпретацией известных ей фактов. И это, конечно, не должно вызывать недоумений. Суть приведенного замечания сводится к другому — правильность и устойчивость интерпретации находится в прямой зависимости от полноты и качества (в рамках известного) интерпретируемых данных. Ибо каким образом или насколько верно историк сумеет ответить на вопросы «как» и «почему», если он весьма смутно представляет себе «что», т. е. что именно ему приходится интерпретировать, или, хуже того, пользуется заведомо неверными сведениями, пытается осмыслить недоброкачественную информацию?!

В этой связи приходится с сожалением констатировать, что сводные данные по мустьерским погребениям, опубликованные А. П. Окладниковым, тоже во многом неточны. Причин тому, должно быть, существовало несколько, и первой из них, вероятно, явилась чрезвычайная спешка, вызванная, по-видимому, необходимостью сразу же ответить на резкую и в целом незаслуженную критику М. С. Плисецкого. Возможно, именно это обстоятельство повлекло за собой лишь беглое со стороны А. П. Окладникова ознакомление с некоторыми источниками первичной информации²² и, очевидно, недобросовестную редакторскую правку. Последнее бросается в глаза, ибо между данными, приведенными в тексте и в сводной таблице, имеются существенные расхождения (ср. Шапель 1, Мустье 1. Феррасси 2, 5, 6, Схул 1). Имеются несовпадения и в самом тексте (ср.

источник информации по этой теме имелись в работе П. И. Борисковского (*Борисковский П. И.*, 1935. С. 29). Статья «Палеолитические погребения» носит более общий характер, но в сравнении с предыдущей дополнена описаниями двух находок из Палестины (Схул 4 и 5). В общей сложности и с разной степенью дробности и критического отношения к источникам С. Н. Замятинным были охарактеризованы 13 мустьерских погребений: Спи 1, 2, Мустье 1, 2, Шапель 1, Феррасси 1—6, Схул 4 и 5 (*Замятин С. Н.*, 1961а; 1961б).

²² Часть источников (Спи, Шапель, Феррасси, Киик-Коба, Схул) рассмотрены А. П. Окладниковым ранее (*Окладников А. П.*, 1949).

описание погребений Схул 4 и 5. Окладников А. П., 1952. С. 162, 163). Неверны и некоторые подписи под рисунками: так, под рис. 1 (Окладников А. П., 1952. С. 161), изображающим продольный и поперечный разрезы грота Ля Шпель-о-Сен, стоит подпись «Ля Феррасси», и этот рисунок соотнесен с текстом. Под рис. 2 (Окладников А. П., 1952. С. 163), представляющим прорисовку положения погребенного Схул 4, отмечено «Мугарет эс Схул. Костяк № 6», ошибка повторена и в тексте. Помимо этого, в статье помещена и неверная графическая реконструкция (выполнена в свое время М. М. Герасимовым) погребения Киик-Коба 1. Неверная потому, что по описаниям Г. А. Бонч-Осмоловского в могильной яме здесь были обнаружены кости правой голени и стопы и левой стопы (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 136—145). В этом случае согнутой должна быть правая нога, а не левая, как на реконструкции²³.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, связан с некоторыми характеристиками погребений и теми формулировками, с помощью которых они подаются. Особенно это касается весьма расплывчатых описаний положения тел покойников. К несчастью, подобные описания кочуют из издания в издание и дают превратное представление о том, в какой позе обнаружен тот или иной погребенный. Речь идет о весьма популярном термине «поза спящего», который и на заре археологической науки, может быть, был способен отразить не более чем некоторую согнутость тела. Но первоначальная его нагрузка, характеризующая положение тела на боку, с сильно согнутыми в суставах костями свободных конечностей, была, судя по всему, утрачена еще в первой половине XIX в., благодаря чему в общем ряду оказывались погребенные, распластавшиеся на спине, боку или животе и, как правило, с согнутыми в разной степени конечностями. Столь же неудачен и термин «утробная поза», встречающийся не реже, чем термин «поза спящего», и иногда в качестве его синонима. В статье А. П. Окладникова, видимо, вслед за Г. А. Бонч-Осмоловским, термин «утробная поза» был применен в отношении погребения Киик-Коба 2, хотя положение погребенного, судя по остаткам в средней степени согнутых нижних конечностей и вытянутых или очень слабо согнутых верхних (Бонч-Осмоловский Г. А., 1941. С. 6), абсолютно не соответствовало общему представлению об «утробной позе».

Не более точны и данные по ориентировкам погребенных, так как характеристики типа «с востока на запад» (особенно без чертежей) не дают ясного представления о том, что же все-таки было ориентировано по этой оси — могильное сооружение или погребенный, и если последний, то куда — на восток или на запад — была направлена его голова. К тому же, большинство указанных А. П. Окладниковым ориентировок слишком обобщено (либо восток, либо запад) и не учитывает иных существующих в погребениях палеоантропов направлений, имеющих тот или другой угол склонения.

²³ Реконструкция, кстати, обошла массу изданий, в том числе была опубликована и самим Г. А. Бонч-Осмоловским (Бонч-Осмоловский Г. А., 1941. Рис. 1), и только в 1974 г. исправлена Э. Влчком (Вачек Э., 1974. Рис. 2).

Переходя к более подробному анализу данных, приводимых А. П. Окладниковым, обратим внимание лишь на допущенные неточности, не рассматривая интерпретационную часть, многие тезисы которой находятся в непосредственной связи с излагаемыми фактами.

Информация о погребении в Ля Шапель-о-Сен во многом ошибочна (Смирнов Ю. А., 1979а).

Давая описание погребения Мустье 1²⁴, автор допускает ошибку, свойственную многим исследователям, — описывает положение ног погребенного. Со слов самого О. Хойзера известно, что к его приходу на раскоп кости ног погребенного были полностью вынуты из земли и в таком виде продемонстрированы ему рабочим (Klaatsch H., Hauser O. 1909. S. 287, 289). А Г. Клаач, который спустя несколько месяцев производил вскрытие законсервированных до приезда авторитетной комиссии остатков, добавляет к этому, что к его появлению «большая часть конечностей (кости ног и кости левого предплечья. — Ю. С.) была выбрана» (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 293), но при этом он почему-то «констатировал положение погребенного в „позе спящего“» (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 290).

Для погребенных Ферраси 1 и 2 указана одна и та же ориентировка «с востока на запад», в то время как они лежали черепами друг к другу, примерно на одной оси (Peugony D., 1934. P. 24—28. Fig. 26). И если быть точным, то следовало бы указать, что погребенный Ферраси 1 был ориентирован головой на северо-запад, а Ферраси 2 — на юго-восток.

Отсутствует указание на существование могильной ямы, созданной для погребения Ферраси 4 (Peugony D., 1934. P. 28—31).

Не отражает действительности и одна деталь в описании ситуации, выявленной при раскопках погребения Ферраси 6. А. П. Окладников пишет, что «костяк был перекрыт известняковой плитой» (Окладников А. П., 1952. С. 161, 170). Согласно Д. Пейрони получается, что сам костяк не попадал под плиту, а под ее краем находился череп, отделенный от туловища покойника и расположенный на расстоянии более 1 м от тела (Peugony D., 1934. P. 33—36. Fig. 34).

Исходя из данных, помещенных и в тексте, и в таблице, получается, что погребенный Схул 1 лежал на спине в скорченном положении (Окладников А. П., 1952. С. 162, 167, 168). Однако, если следовать описанию, составленному автором раскопок Т. Д. Маккоуном, то выходит, что кости лежали в таком соотношении, «как если бы ребенок был погребен в коленопреклоненной позе, с левой стороной, опирающейся на стенку могилы» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 97). Если же следовать чертежам и некоторым другим указаниям Т. Д. Маккоуна, например, о возрасте погребенного (3—4,5 года) и размерах пространства, занимаемого черепом и посткраниальным скелетом (примерно 30 куб. см), а также учитывать неполноту представленных костных остатков, то получается, что обнаруженные кости либо были захоронены (или перезахоронены) уже после того, как мягкие ткани практически разложились (кстати, такую возможность допускал и сам А. П. Окладников (1952. С. 162), либо

²⁴ Погребение Мустье 2, обнаруженное Д. Пейрони в этом гроте в 1914 г., в сводке А. П. Окладникова не фигурирует.

покойник был экскарнирован, после чего большая часть его костей была компактно уложена в относительном анатомическом порядке. Впрочем Т. Д. Маккоун не допускает такой возможности (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 97, 98. Tabl. LII, 1; McCown T. D., Keith A., 1939. P. 2, 3, 299—302. Fig. 213—216).

Небезоговорочно и то, что «в пещере Мугарет эс Схул третий костяк неандертальца тоже (Как и погребенный из Тешик-Таша. — Ю. С.) лежал прямо на слое кострища» (Окладников А. П., 1952. С. 170). Автор раскопок сообщает, что, «если бы там и находилось нижележащее, специально приготовленное кострище, на которое это тело (Схул 3. — Ю. С.) было положено, то оно (Кострище. — Ю. С.) уже давно стало бы неотличимым от обычной брекчи» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 104)²⁵.

Погребенный Схул 4 действительно был найден «в своеобразном положении» (Окладников А. П., 1952. С. 162). Тем более его позиция, описанная А. П. Окладниковым как «на правом боку, ... но не прямо, а слегка вниз животом» (Окладников А. П., 1952. С. 162), требует некоторого уточнения. Дело в том, что весь торс погребенного, начиная от костей плечевого пояса и кончая костями таза, располагался в совершенно ясно выраженной позиции «на животе», т. е., как верно отметил и сам А. П. Окладников, его «позвоночник и крестец, а соответственно и другие кости спины были обращены кверху» (Окладников А. П., 1952. С. 162). Но затем он почему-то (может быть, вслед за Т. Д. Маккоуном (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 99)) сводит на нет это наблюдение, и в таблице позиция данного погребенного описана просто как «на правом боку». Неточно указано и местоположение рук покойника, каковые находились не справа, а слева от торса (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. Tabl. LI, I, 2; LIII, 1).

При описании погребения Схул 5 допущено две ошибки. Во-первых, дважды данное описание положения правой руки не соответствует действительности. В одном месте говорится, что правая рука была согнута «точно так же, как и руки костяка № 4» (Окладников А. П., 1952. С. 162). Но из приведенных в тексте статьи рисунков (рис. 2; 3) этого не следует, и, хотя погребение Схул 4 на рис. 3 ошибочно обозначено как «костяк № 6», сути дела это не меняет. В другом месте (Окладников А. П., 1952. С. 163) по тому же поводу неверно приведен отрывок из текста Т. Д. Маккоуна: «Правая рука, плотно согнутая вместе с левой, лежала поперек тела»; на самом деле Т. Д. Маккоун пишет: «Правая рука была сильно согнута, а левая лежала поперек тела» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 100). И во-вторых, не совсем точно указано местоположение челюсти кабана, обнаруженной в этом погребении. У А. П. Окладникова говорится, что «в углу между левым плечом и правой плечевой костью лежала челюсть очень большой дикой свиньи» (Окладников А. П., 1952. С. 163). Но это не совсем так, ибо плечевые кости скелета располагались параллельно друг другу, а угол, который, очевидно, имелся в виду, был образован правой плечевой костью и костями левого предплечья.

²⁵ Вообще о кострищах в Схул у Маккоуна сказано следующее: «Только в двух местах имелось сосредоточение культурных и фаунистических остатков, которые могли бы быть местами очагов, но ни в том, ни в другом случае тому не было решающих доказательств» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 95).

Описание погребения Схул 6, видимо по недоразумению, замещено описанием погребения Схул 7, данным по Т. Д. Маккоуну, а описание погребения Схул 6 отсутствует.

Погребенный Табун С1 лежал «слегка вверх» не левым, как пишет А. П. Окладников (1952. С. 163), а правым боком (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 64). Не вполне отражает зафиксированную при вскрытии погребения ситуацию и характеристика положения левой руки: «Левая рука была согнута вправо» (Окладников А. П., 1952. С. 163). В действительности кости левой руки, располагавшиеся в горизонтальной плоскости, были немного отставлены от торса (абдукция руки) и согнуты в локтевом суставе под углом 110° (плечевая кость составляла с позвоночным столбом острый угол, а кости предплечья — прямой (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. Tabl. XXXII)).

Вряд ли в отношении позы погребенного Киик-Коба 2 следует утверждать, что там присутствовала «настоящая скорченность» (Окладников А. П., 1952. С. 167). По крайней мере, это погребение (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 145, 146) не стоило помещать в один ряд с таким погребением, как Ферраси 2, где действительно присутствовала «настоящая» скорченность.

Заканчивая критический обзор представленных в сводке данных, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на допущенные неточности, работа А. П. Окладникова явилась для отечественной науки своевременным и несомненным вкладом в решение проблемы неандертальских погребений и послужила как бы отправной точкой для дальнейших исследований в этой области. Помимо этого, ценность работы безусловно заключалась и в своевременном выражении позитивного отношения к проблеме в целом и, конечно же, в критике совершенно не состоятельных взглядов М. С. Плисецкого.

Спустя пять лет после окончания дискуссии была опубликована (посмертно) еще одна статья М. С. Плисецкого, освещающая ту же тему (Плисецкий М. С., 1957). В ней практически отсутствовали попытки ответить на критику А. П. Окладникова, а тенденция собственной критики в адрес А. П. Окладникова и негативное отношение к дискутировавшейся теме сохранились полностью и выражались в еще более непримиримой форме. Сохранилось в новой работе и столь же тенденциозное освещение источников, круг которых, правда, был несколько расширен за счет введения в него находок из Спи и Староселья. Но работа эта так и не внесла ничего нового в решение проблемы.

На этом дискуссия как бы окончилась, поскольку сторонников точки зрения М. С. Плисецкого в общем не оказалось, и вопрос об обосновании тезиса о существовании преднамеренных среднепалеолитических погребений в полном объеме не поднимался. Тем не менее, сводки по мустьерским погребениям продолжали появляться в печати, сохраняя старые и пополняясь новыми данными²⁶.

Как упоминалось выше, в 1961 г. наконец увидели свет две статьи С. Н. Замятина (1961а; 1961б), которые по информативности и строгости

²⁶ Здесь и далее освещаются только те работы, в которых приводятся описания конкретных находок.

анализа представляемого материала выгодно отличаются от целого ряда публикаций по данной проблеме. В связи с этим исследование С. Н. Замятнина требует только нескольких уточнений в отношении находок из Ля Ферраси и Мугарет эс-Схул.

Погребения Ля Ферраси неточно соотнесены с верхнемустьерским (по С. Н. Замятнину) слоем — шарантское мустье типа Ферраси, тогда как они были связаны с основанием слоя С (индустрия та же) и в некоторых случаях затрагивали стерильную прослойку — слой В, или были врезаны в горизонт глины и щебня — слой А — мустье с ашельской традицией²⁷.

Вряд ли есть основания утверждать, что «фотография (Погребения Ферраси 2. — Ю. С.), приложенная к работе Л. Капитана и Д. Пейрони, дает картину, существенно отличающуюся от описания» (Замятнин С. Н., 1961б. С. 41). Взаимное положение бедер, зафиксированное на фотографии (Peugony D., 1934. P. 31), действительно подразумевает соответствующее описанию положение таза и верхней части тела и вовсе не опровергает мнения авторов раскопок о том, что скелет лежал на боку, а наоборот, подтверждает его. Здесь, видимо, как и в некоторых других случаях, сыграла свою роль неверная установка С. Н. Замятнина на то, что многие погребенные неандертальцы первоначально располагались на спине с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, что в большинстве случаев не соответствовало действительности и о чем ясно свидетельствует взаиморасположение костей в обнаруженных погребениях. Кроме того, судя по положению частей тела, как раз о погребенном Ферраси 2 следует говорить, что, вероятно, он был связан перед захоронением или помещен в очень тесную могилу, на что указывает его сильная скорченность, а не отрицать этого обстоятельства, как С. Н. Замятнин (1961б. С. 41).

Скелетные остатки Ферраси 5 лежали в углублении не «на поверхности слоя» (Замятнин С. Н., 1961б. С. 41), а были впущены из мустьерского слоя (С) в «желтоватый грунт убежища» и залегали в «глине основания» — слой А (Peugony D., 1934. P. 31—33).

Размеры могильной ямы погребения Ферраси 6 указаны неверно. Согласно Д. Пейрони, они были следующими: длина 145 см, максимальная ширина 120 см, минимальная ширина 40 см, максимальная глубина 35 см (Peugony D., 1934. P. 34, 35). Кремни (остроконечник и два скребла), рассматриваемые Д. Пейрони в качестве инвентаря в данном погребении, находились не просто в заполнении ямы, как писал С. Н. Замятнин (1961б. С. 42), а располагались непосредственно на костных остатках, что и является возможным доказательством их причастности к данному погребению. Наконец, не совсем ясно, на каком основании С. Н. Замятнин считал произвольным утверждение Л. Капитана и Д. Пейрони о том, что голова погребенного Ферраси 6 была отделена от туловища и положена на некотором расстоянии от него. Судя по описанию, составленному Д. Пейрони, череп погребенного, лишенный лицевой части и нижней

²⁷ На эту неточность в свое время указал и Г. П. Григорьев (1968. С. 92), но он не принял во внимание, что ямы погребений Ферраси 3, 4 и 5 были частично врезаны в слой А (Peugony D., 1934). (Согласно Ф. Борду, индустрия слоя А прежде всего относится к зубчатому мустье, а присутствие рубил заставляет выделить другую, т. е. еще одну, индустрию. Helm. J.-L., 1976b. P. 13).

челюсти, находился в той же яме, но в 1,25 м от посткраниальных остатков и примерно на 25 см выше них по наклонному дну ямы. Он залегал под краем известняковой плиты, находившейся в заполнении, и опирался на дно могилы (Reugony D., 1934. P. 33—36). Именно эти наблюдения автора раскопок и свидетельствуют в пользу гипотезы о намеренном отчленении черепа и положении его в определенное место в могиле (под плиту с чашеобразными углублениями), ибо никаких позднейших нарушений здесь зафиксировано не было, а исследования, по отзывам современников и новейшим данным, велись в Ля Ферраси достаточно тщательно (Смирнов Ю. А., 1979б).

Если в отношении позы погребенного Схул 5 и можно предполагать, что первоначально она соответствовала положению на спине коленями вверх, то по отношению к позе погребенного Схул 4 (Замятнин С. Н., 1961а. С. 31) это совершенно невероятно, так как погребенный Схул 4 располагался на животе (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. Tabl. LI, 1, 2; LIII, 1).

В 1964 г. М. М. Герасимовым была опубликована хорошо иллюстрированная подборка по мустьерским погребениям (Герасимов М. М., 1964). Правда, она имела искусственные рамки, поскольку автор приводил описания только тех находок, которые были им реконструированы²⁸. Таким образом, в книге имелись хотя и неравноценные по информативности, описания семи мустьерских погребений: Мустье 1, Ферраси 1, Шапель 1, Табун С1, Схул 4, 5, Тешик-Таш 1 и Староселье 1. Кроме того, были упомянуты находки: Ферраси 2—6, Табун С2, Схул 7—9 и Кафзех²⁹. В качестве возможно погребенных названы (но не описаны) скелетные остатки из Ля Кина (Кина 5).

При описании указанных семи погребений М. М. Герасимовым был допущен ряд неточностей. Погребения в Ля Ферраси неточно соотношены с верхнемустьерским горизонтом, поскольку они принадлежали нижнему. В подписи под «Схематическим планом расположения палеолитических стоянок Ля Ферраси» (Герасимов М. М., 1964. С. 64) неверно пронумерованы погребения двух взрослых индивидуумов: указано, что погребение, отмеченное знаком 1, принадлежало женщине, а погребение, отмеченное знаком 2, — мужчине, а на самом деле — наоборот. В подписи под фотографией погребения Ферраси 1 (Герасимов М. М., 1964. С. 64), видимо произвольно, перепутаны указания на положение правой и левой рук, которое было обратным, как это явствует из самой фотографии.

Слой С пещеры Табун (индустрия — нижнее леваллуа—мустье), к которому, по мнению Д. А. Е. Гаррод, относилось погребение Табун С1, неверно охарактеризован как «поздний этап своеобразного мустье» (Герасимов М. М., 1964. С. 94), поскольку выше слоя С располагался более поздний по облику верхнелеваллуаский горизонт В (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 62—65). Не полностью соответствует действительности и упоминание о черепе Табун С2 (Герасимов М. М., 1964.

²⁸ То же имело место и в более ранней работе М. М. Герасимова (1955), где были даны реконструкции трех индивидуумов: Ля Шапель-о-Сен 1, Тешик-Таш 1 и Староселье 1.

²⁹ Первыми раскопками в Кафзех было обнаружено не три черепа (Герасимов М. М., 1964, С. 92), а краниальные и посткраниальные остатки пяти мустьерцев (Newville R., 1951).

С. 92), так как под этой находкой всегда описываются только шесть фрагментов нижней челюсти, к тому же, кроме черепа, принадлежавшего Табун С1, других черепов в этой пещере (в ее палеолитических отложениях) не обнаружено (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 9—11).

Умерший Схул 4 был положен не на правый бок (Герасимов М. М., 1964. С. 99), а на живот. Небезусловно, что «никаких заведомо положенных с умершим вещей не обнаружено» (Герасимов М. М., 1964. С. 99), так как «между двумя кистями (Погребенного. — Ю. С.), но ближе к правой, чем к левой, находилось скребло» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 99). Комплектность скелетных остатков этого индивидуума была гораздо более полной (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 3—5), чем это представлено у М. М. Герасимова (1964. С. 99, 100).

Нижняя челюсть кабана в погребении Схул 5 была найдена не «на груди» (Герасимов М. М., 1964. С. 100) погребенного, а с правой стороны от его грудной клетки, о чем свидетельствуют приводимые там же в тексте (Герасимов М. М., 1964. С. 100) фотография и прорисовка с фотографии данного погребения.

Требуется уточнения и указание на то, что «найденные в Схул скелеты все, кроме 8-го, лежали в скорченном положении» (Герасимов М. М., 1964. С. 100). Вытянутое погребение 8 по недоразумению считают многие исследователи. Это недоразумение строится, очевидно, на недостаточно внимательном чтении авторского текста. Давая описание погребения 8. Т. Д. Маккоун сообщает, что кости правой ноги (От левой сохранились только голень и стопа. — Ю. С.) были незначительно согнуты в коленном суставе (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 102). А двумя страницами далее, в обобщающей части, говорится: «Нижние конечности, за исключением их у № VIII, всегда были *сильно* (Курсив мой. — Ю. С.) согнуты» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 104). Так что здесь речь должна идти о степени согнутости конечностей, а не о вытянутом костяке, тем более что, кроме остатков нижних конечностей, в этом погребении других костей не обнаружено.

Погребение Схул 9 было найдено не в углублении скалистого дна пещеры (Герасимов М. М., 1964. С. 100), а над ровным полом убежища, который только несколько дальше начинал понижаться наклонно к западу (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 102).

Верхний горизонт (слой А) в гроте Схул содержал не «остатки культуры раннего ориньяка» (Герасимов М. М., 1964. С. 97 — текст и разрез), а представлял собой мешаный горизонт, содержащий как мустьерские материалы, так и более поздние, вплоть до арабской керамики, причем первые составляли более 90 % всего материала. Неточно атрибутированы и нижележащие горизонты В и В¹. Так, Т. Д. Маккоун полагал, что обе фации были вариантами одной и той же индустрии (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 94—96). Знаком С на разрезе должна обозначаться отнюдь не скала, а песчаные карманы в полу убежища³⁰.

Погребение в Староселье было обнаружено не под обвалом кровли навеса (Герасимов М. М., 1964. С. 106, 107), а в надобвальном горизонте

³⁰ Современная ревизия схульской стратиграфии проведена А. Роненом (Ronen A., 1976).

(Формозов А. А., 1958. С. 61). Поза погребенного, описанная М. М. Герасимовым как вытянутая на спине (Герасимов М. М., 1964. С. 107), не отвечает действительности, так как положение черепа, а главное, положение костей корпуса, зафиксированные на фотографиях и чертежах, указывают на позицию на правом боку с незначительным разворотом на спину. Причем последний, вероятно, произошел уже в процессе нахождения погребенного в слое, под воздействием осыпей и смылов с поверхности плато, но в основном под воздействием водных потоков, периодически проходивших по балке, где расположен навес, и производивших некоторую подвижку материалов как раз в том направлении (Формозов А. А., 1958. С. 41, 42), в котором и развернут корпус погребенного.

Информация о погребении в Ля Шапель-о-Сен, опубликованная М. М. Герасимовым, требует ряда уточнений (Смирнов Ю. А., 1979а).

Следующая работа, содержащая некоторые сведения о мустьерских погребениях, была подготовлена И. К. Ивановой к VII Конгрессу ИНКВА, проходившему в США в 1965 г. (Иванова И. К., 1965).

Погребения не являются предметом специального рассмотрения в данной монографии, но отдельные сведения о них все же имеются и иногда требуют уточнений.

В отношении погребения Киик-Коба 1 ошибочно сообщается о находке голени (Иванова И. К., 1965. С. 73). Как известно, там была обнаружена только одна (правая) голень взрослого человека (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; 1941). Вероятнее относить погребение взрослого индивидуума к нижнему очажному слою (слой VI — зубчатое мустье. Klein R. G., 1965), а не к верхнему (слой IV — микромустье двустороннее. Гладиллин В. Н., 1976), на что вначале указывал и сам Г. А. Бонч-Осмоловский (1940. С. 136—145).

В легенде к схематическому разрезу местонахождения Ля Шапель-о-Сен (Иванова И. К., 1965. С. 93. Рис. 28) спутана нумерация слоев. Согласно авторам раскопок и соблюдая нумерацию И. К. Ивановой, слои должны быть охарактеризованы следующим образом: 1 — песчано-глинистая рыхлая почва; 2 — аргиллиты; 3 — культурный слой; 4 — скала (свод, обвалившиеся блоки. Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908b. P. 515. Fig. 2). Вряд ли возможно говорить о том, что погребенный в Ля Шапель-о-Сен был «прикрыт известняковыми блоками» (даже со ссылкой на разрез) и что вместе с ним находились *roga* (Курсив мой. — Ю. С.) бизона» (Иванова И. К., 1965. С. 93), поскольку в авторских публикациях никаких сообщений на этот счет не имеется, а схематический разрез оснований для утверждения о наличии каменных перекрытий над погребением не дает.

Как уже говорилось, монография И. К. Ивановой не ставила целью дать описание всех мустьерских погребений, и поэтому в тексте тафологические характеристики большинства находок отсутствуют. Тем не менее, данная работа выгодно отличается от современных ей исследований полной анализированной материала. Так или иначе И. К. Иванова упоминает все известные (т. е. опубликованные) к 1965 г. среднепалеолитические погребения, за исключением погребения Мустье 2. Публикация столь полного свода источников является несомненной заслугой автора, поскольку и на сегодняшний день в советской научной литературе подобные сводки отсутствуют.

В 1968 г. вышла в свет монография Г. П. Григорьева «Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens» (Григорьев Г. П., 1968), в которой имеется особая глава, посвященная хронологии вариантов мустье и неандертальских погребений во Франции. В этой части работы автор на основе детального анализа стратиграфии некоторых стоянок, где были найдены человеческие остатки, пытался установить их относительное хронологическое положение. Надо сказать, что эта попытка оказалась весьма удачной, поскольку выводы Г. П. Григорьева подтверждаются и последними исследованиями (Catalogue. . . , 1971).

С другой стороны, выборка анализируемых Г. П. Григорьевым местонахождений вызывает некоторые вопросы, а описание ряда памятников нуждается в отдельных уточнениях. Во-первых, почему в число «погребений» попали памятники, явных «погребений» не представлявшие; по крайней мере, отнесение их к таковым требует весомых аргументов (это Фонтешевад, Грот Гиены в Арси-сюр-Кюр, Пеш де ль'Азе и Суар). Во-вторых, почему действительные погребения из Грота Волка в Арси-сюр-Кюр и грота Рок де Марсаль остались за рамками работы?

Следует также отметить, что автор не всегда правильно указывает виды обнаруженных человеческих остатков. Так, у него говорится только о черепе Кина 5 (Григорьев Г. П., 1968. С. 95), нижней челюсти из Регурду (Григорьев Г. П., 1968. С. 96, 126), нижней и верхней челюстях взрослого индивидуума из Шубайюк (Григорьев Г. П., 1968. С. 126) и никак не упоминаются посткраниальные остатки этих индивидуумов, так что создается впечатление, что, кроме названных Г. П. Григорьевым костей, там больше ничего обнаружено не было.

Кроме того, совершенно верно и, видимо, первым высказав две равновероятные версии о стратиграфической позиции погребения Мустье 1, которое действительно могло быть связано как со слоем Н — мустье с ашельской традицией, так и со слоем J — типичное мустье, к которому относилось и погребение Мустье 2 (Григорьев Г. П., 1968. С. 94—96), Г. П. Григорьев далее, противореча себе, пишет, что «лишь с типичным мустье не были найдены остатки неандертальцев» (Григорьев Г. П., 1968. С. 126). Это явно неверное утверждение, так как, хотя детский скелет Мустье 2 и был утрачен вскоре после раскопок и не был изучен с антропологической точки зрения, костные остатки неандертальцев все же ассоциируются с типичным вариантом мустье, а именно: Англъ сюр ль'Англин, Бо де ль'Обезье, Ортю (?), Верри де Макассарг, Рок де Мараль (?) (Catalogue. . . , 1977. P. 73, 83, 84, 121—123, 135, 136, 167, 168).

Две неточности допущены Г. П. Григорьевым при описании местоположения погребения Мустье 1, которое находилось не в глубине грота, а на площадке перед ним, точнее, под самым краем кровли, и на глубине не 45 см от поверхности, а примерно 1,30 м, что, согласно О. Хойзеру (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 288, 289; Hauser O., 1909. P. 1) и стратиграфии, установленной Д. Пейрони (Peugny D., 1930. P. 49), указывает на уровень Н. Но, как совершенно справедливо заметил Г. П. Григорьев, погребение могло быть впущено и из слоя J (Григорьев Г. П., 1968. С. 95).

Последняя работа, в которой приводятся описания конкретных памятников, — «Палеолит Ближнего и Среднего Востока», вышла в 1978 г. Этот труд содержит обзоры палеолитических местонахождений данной

территории и описания соответствующих антропологических находок: израильских — выполнены И. И. Коробковым и иракских — В. А. Рановым (Коробков И. И. 1978; Ранов В. А., 1978). Поскольку В. А. Ранов не приводит никаких тафологических характеристик находок из пещеры Шанидар, то здесь будут рассмотрены только палестинские материалы.

В разделе «Палеолит Восточного Средиземноморья» И. И. Коробков приводит описание практически всех погребений, открытых на этой территории, за исключением находок из грота Кебара, обнаруженных М. Штекелисом в 1964—1965 гг. Таким образом, данная сводка является сейчас самой полной и, надо сказать, наиболее точной из всех существующих для данной территории в советской историографии. Однако и этот обзор требует ряда уточнений. В первую очередь они связаны с кармельскими погребениями, причем отдельные имеющиеся неточности, видимо, вызваны разночтениями и путаными формулировками в тексте Т. Д. Маккоуна (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937), на которые отчасти уже было указано выше.

Скелет Схул 8 действительно залегал глубже остальных, если исходить из замеров, сделанных от нулевой отметки (3,75 м). Но, во-первых, он залегал на склоне (угол падения приблизительно 23°), что вносит значительные коррективы в подобную оценку, тем более что глубина его залегания от внешней поверхности над местом нахождения костей (1,75—1,85 м) была примерно такой же, как Схул 1 и 6, а Схул 7, 9 и 10 находились ниже, что при примерно равномерной толще отложения (от 2 до 2,70 м) является более точным указанием на глубину залеганий (см. ниже рис. 90), а во-вторых, большая глубина захоронения сама по себе вряд ли является надежным показателем относительной древности погребений. С другой стороны, указание на вытянутую позицию погребенного Схул 8 — недоразумение, поскольку, как уже говорилось, у Т. Д. Маккоуна речь шла не о вытянутом положении правой нижней конечности, а об ее слабой (по сравнению с остальными зафиксированными позициями погребенных) согнутости. К тому же, о положении данного индивидуума на спине у Т. Д. Маккоуна ничего не сказано, так что попытка И. И. Коробкова выделить данное погребение в качестве особого типа и, в частности, на этом строить предположение о его сравнительной древности не имеет под собой достаточных оснований. Нет оснований (хотя бы и с поправкой на вероятность) и для прямого соотнесения Схул 8 со слоем С. Остатки слоя С (один из песчаных карманов) и расположенный над этим карманом брекчированный участок окатанных кремней действительно были обнаружены «немного западнее от того места, где был вскрыт один из индивидуумов (№ VIII)» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 95), но никакого другого отношения к этому индивидууму они не имели.

У скелета Схул 9 в большей степени сохранилась не правая, а левая безымянная кость.

Мысль о существовании в Схуле парного погребения (7 и 10) более проблематична, чем она могла бы быть, если бы перед черепом взрослого погребенного 7 были обнаружены комплектные, а не разрозненные остатки ребенка 10 (фрагменты нижней челюсти и дистальный конец правой плечевой кости), которые, по мнению Т. Д. Маккоуна, оказались в таком

состоянии из-за разрушений, произведенных более поздним погребением взрослого. (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 103).

Прямые указания на глубину залегания скелета Схул 4 у Т. Д. Маккоуна отсутствуют, но, суммируя данные, он пишет, что скелеты 4 и 5 находились на одном и том же уровне (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 105), т. е. на глубине от поверхности 1,25 м и от базовой линии — 2,40 м (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 100), а не на глубине 2 м от поверхности (Коробков И. И., 1978. С. 59). Как отмечалось, погребенный Схул 4 был захоронен не на правом боку, а на животе. Что же касается кремневого скребла, то оно не было зажато между ладонями (Коробков И. И., 1978. С. 59), а находилось подле (near) кистей рук (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 100), которые не были сцеплены.

Независимо от того, была ли нарушена анатомическая целостность скелета Схул 1 (см. выше) или нет, и был ли этот погребенный, как полагал Т. Д. Маккоун, захоронен в коленопреклоненной позе, утверждать, что погребения Схул 1, Схул 3 (остатки согнутой в колене левой ноги), Схул 4 (полный скелет в позиции на животе), Схул 6 (разрозненные кости скелета: фрагменты черепа, диафиз правого бедра, часть левого предплечья и остатки согнутой в колене левой ноги) и Схул 7 (относительно полный скелет в позиции на правом боку) были «однородны... по обряду захоронения» (Коробков И. И., 1978. С. 60), совершенно неправомерно.

Таким образом, попытка создания относительной хронологии скульских погребений, предпринятая И. И. Коробковым на основе их археологических и тафологических характеристик, кажется недостаточно обоснованной и требует дополнительной аргументации³¹.

Информация о погребениях Кафаех, приведенная И. И. Коробковым, в целом очень точна и требует лишь нескольких исправлений.

Погребенный 9 ориентирован головой на север, а не на юг.

В ближайшем соседстве со скелетом 8 были обнаружены не «известняковый блок со следами утилизации» и «кусочки красной охры» (Коробков И. И., 1978. С. 71), а «фрагменты красной охры, один из которых, достаточно больших размеров, носил следы использования» (Vandermeersch В., 1969. P. 2563).

Руки погребенного 11 не были «скрещены» или «крепко переплетены друг с другом» (Коробков И. И., 1978. С. 72). Его руки «были прижаты к грудной клетке; предплечья были сильно согнуты таким образом, что три кости: плечевая, лучевая и локтевая, оказались рядом и лежали параллельно друг другу; кисти, таким образом, оказались притянутыми (как бы возвращенными назад — *gathered*) к обеим сторонам головы» (Vandermeersch В., 1970. P. 299). Описанное положение рук можно видеть на фотографии и чертеже (Vandermeersch В., 1970. P. 300), хотя точнее было бы сказать, что кисти находились у плечевых суставов, на сторонах, соответствующих конечностям. Следует еще отметить, что в тексте Б. Вандермеерша допущена явная опечатка, повторенная И. И. Коробковым.

³¹ Не будучи специалистом-антропологом, автор воздерживается от обсуждения палеоантропологических характеристик, также приводимых И. И. Коробковым для обоснования относительной хронологии кармельских погребений.

При описании сопровождающего инвентаря Б. Вандермеерш сообщает: «Вместе с жертвоприношением, состоящим из рогов лани, находился верхний (? — Ю. С.) диафиз большеберцовой кости животного той же разновидности» (Vandermeersch В., 1970. Р. 299), а на чертеже и фотографии показан эпифиз этой кости. Кроме того, у Б. Вандермеерша речь все же идет о большеберцовой кости, а не о метатарзальной, как у И. И. Коробкова (1978. С. 72).

Заканчивая обзор, необходимо отметить, что в целом вопрос о существовании преднамеренных мустьерских погребений решался отечественной наукой положительно. Однако все же недостаточное владение источниками привело к тому, что большинство исследователей склонялось к неверному представлению о резко выраженном контрасте между средне- и верхнепалеолитическими погребениями, что не соответствует реальному положению дел (Смирнов Ю. А., 1981).

Тезис о существовании разительного контраста между средне- и позднепалеолитическими погребениями, по всей видимости, основывался еще и на неверном представлении о том, что морфология мустьерских погребений имела неоформившийся характер, а морфология позднепалеолитических погребений — вполне сложившийся. Причем речь шла в основном о морфологии обряда трупоположения. Как уже было показано в теоретическом разделе (см. выше), у обряда трупоположения не может быть формы зачаточной и формы развитой по той простой причине, что она задана. Даже беглое ознакомление с обрядами, зафиксированными для этих эпох, позволяет заключить, что нет эволюции от простых форм к сложным, а есть повторение относительно устойчивых форм (хотя каждая поза индивидуальна), в то время как редкие формы обряда не повторяются.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на то что к настоящему времени в области изучения мустьерских погребений достигнуты немалые результаты: во многом выяснены и уточнены датировки как давно известных, так и недавно открытых памятников; отдельные погребения соотнесены с выделенными типами мустьерских индустрий; заново определено или уточнено стратиграфическое положение некоторых скелетных остатков, обнаруженных еще в начале XX в.; выявлены и критически оценены формы обрядов большого числа захоронений — погребения эпохи мустье до сих пор остаются источником, изученным еще совершенно недостаточно, о чем недвусмысленно свидетельствует историографический обзор данной работы. Вероятно, в этом кроется источник значительного уровня «информационного шума», оказывающего непосредственное влияние на качественный уровень исследований. Отсюда в значительной степени и происходят разногласия мнений, «колеблющееся» число погребений, декларации о зачаточном их характере и даже попытки отказать мустьерцам в существовании у них погребальной практики. Отсюда же прямо вытекающее заключение о том, что значительную часть существующих по данной проблеме выводов следует считать предварительной.

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Мустьерские погребения как археологический источник

Археологический источник — сложное (многоуровневое) понятие (Камеенецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975; Клейн Л. С., 1978; Григорьев Г. П., 1981; Захарук Ю. Н., 1981 и др.). Попробуем рассмотреть его с точки зрения исследуемого материала, отметив наиболее характерные из присущих ему черт. Прежде всего следует подчеркнуть двойственную природу археологического источника, которая выражается в отношении: *объект — автор* или *вещественный источник — письменный источник*. В процессе исследования «вещественный» источник — главным образом контекст памятника и отдельные его компоненты (вещающие слои, недолговечные структуры и пр.) — частично трансформируется в письменный, продолжая существовать в преобразованном виде в дневниках, отчетах, публикациях и т. п., содержащих как полевую документацию, так и результаты камерального изучения, т. е. в виде авторской или первичной информации (здесь — *первоисточник*).

Собственно «вещественную» часть археологического источника можно разделить на две сравнительно обособленные категории: «полевую» и «камеральную». В категорию «полевых» источников в основном входят разного вида предметы и структуры: а) разрушающиеся в ходе раскопок (насыпи, перекрытия и т. п.); б) разрушающиеся после вскрытия (грунтовые ямы, нестойкая органика и т. п.); в) неразрушающиеся после вскрытия, но остающиеся на месте раскопок (каменные ящики и др.). В категорию «камеральных» источников соответственным образом попадают транспортабельные и долговечные объекты и предметы (как отдельные компоненты погребального комплекса: останки погребенного, элементы погребального сооружения, предметы сопровождающего инвентаря, так и связанные его компоненты: монолит с останками умершего и др.).

«Письменную» часть археологических источников также следует разделить на две категории: «нарративную» и «документальную»¹. К категории «нарративных» следует относить все виды авторского текста (словесные описания материала, как полевые, так и камеральные), а к категории «документальных» — различные виды параметрической, графической и фотографической фиксации археологических объектов.

«Письменная» часть археологического источника может считаться сравнительно полноценной лишь в том случае, если «нарративные»

¹ Термины «нарративные» и «документальные» источники заимствованы автором из историколингвистической науки и подразумевают источники, различающиеся по степени привнесения субъективного фактора в передаваемую информацию.

и «документальные» данные дублируют и дополняют друг друга. А полноценный анализ первоисточника может быть проведен только на базе изучения и сопоставления этих двух его сторон. Как будет показано, значительная часть первоисточников по мустьерским погребениям, с этой точки зрения, не может расцениваться как полноценная, так как словесные описания (часто — малоинформативные) крайне редко дополняются чертежами и фотографиями. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет анализ данных источников, а пробелы в информации не позволяют проводить полноценные сопоставления между памятниками.

В историографическом разделе было показано, насколько неравноценны, а порой и просто неудовлетворительны, с точки зрения современных требований, существующие обзоры мустьерских погребений. К сожалению, в еще большей степени это касается самих первоисточников. Такая неравномерность проявляется прежде всего в том, что некоторым памятникам и погребениям, на них обнаруженным, посвящены солидные исследования (Киик-Коба, Амуд и др.), другим — серии статей (Шалпель-о-Сен, Регурду, Кафзех и др.), третьим — краткие заметки (Кина 5, Рок де Марсаль), а четвертые пока практически не опубликованы (Мустье 2, Кафзех 3, 6, 7, 15, Заскальная VIa, 6, в) ². Более того, даже монографические исследования неравномерны с точки зрения объема и качества информации о разных погребениях, найденных на описываемом памятнике (например, Шанидар). Часто «нарративная» и «документальная» стороны первоисточников несоотносимы друг с другом по объему содержащейся в них информации (в отношении Спи 1, 2, Ферраси 3—6. Мустье 2, Шанидар 6—8 фактически отсутствуют словесные описания: погребения Схул 2, 3, 6—8, 10, Спи 1, 2, Шанидар 6—8, Кафзех 8—10 не получили никакого отражения в документальной части первоисточников, а погребения Ферраси 3—6, Мустье 2, Регурду получили его лишь частично). Иногда же «нарративная» и «документальная» стороны противоречат друг другу, так, например, погребальное сооружение Ферраси 6 согласно описанию было ориентировано длинной осью по линии север—юг (Peugny D., 1934. P. 35), а согласно схематическому плану стоянки — примерно по линии запад—восток (см. ниже рис. 33) ³.

Наконец, практически все первоисточники имеют лакуны в информации, касающейся отдельных характеристик обряда того или иного погребения (не указаны ориентировки, не описаны погребальные сооружения, не описаны или описаны слишком обобщенно позы погребенных, не указаны виды сопровождающих изделий и/или их местонахождение в погребении и т. д.) ⁴, от чего прямое получение определенной доли информации становится невозможным и ее приходится получать путем косвенным ⁵.

² Пользуясь случаем, автор искренне благодарит Ю. Г. Колосова за любезно предоставленную возможность воспользоваться неопубликованными материалами. (Во время подготовки данной работы к печати увидела свет монография Ю. Г. Колосова, вышедшая в 1986 г.)

³ К тому же, на разных схемах (см. ниже рис. 33; 39) контуры этого сооружения имеют разные очертания.

⁴ Имеются в виду только случаи «субъективной» потери информации, а не «объективного» (например, в силу плохой сохранности материала) отсутствия данных.

⁵ К примеру, описывая положение погребенного Ферраси 6, Д. Пейрони сообщает только, что костяк находился в скорченной позе на боку, ногами к западу (Peugny D., 1934. P. 36, 36). т. е. не указывает, на каком именно боку лежал погребенный. В то же время он пишет, что

а часть информации (иногда значительная), видимо, утрачена навсегда.

История изучения и публикации материалов, связанных с рассматриваемой проблемой, показывает, что каждому мустьерскому памятнику, в слоях которого было обнаружено погребение (погребение), может быть посвящено объемистое исследование (Тешик-Таш... , 1949; Формозов А. А., 1958; The Amud Man... , 1970) или даже несколько таких исследований (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937; McCown T. D., Keith A., 1939; Peurony D., 1934; Heim J.-L., 1976b; 1981—1982; Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; 1941; 1954) в зависимости от того, с какой тщательностью и в каком объеме изучаются обнаруженные на памятнике материалы. Более того, даже выяснение обстоятельств открытия того или иного погребения и обстоятельств фиксации найденных материалов (что порой имеет существенное значение для получения объективных данных о погребении)⁶, а также изучение истории признания каждой находки (протоколы комиссий, воспоминания очевидцев, иногда негативные, и т. д.)⁷ и описание тех перипетий, которым подвергались обнаруженные материалы в частных собраниях или музеях, а порой и прямо на раскопках⁸, а также выявление причин расхождения «нарративной» и «документальной» сторон отдель-

скелет располагался в самом глубоком, узком и тесном секторе ямы и «некоторые части были положены во впадине стены» (Peurony D., 1934. P. 35), на основании чего можно предположить, что в соответствии с указанными ориентировками (в тексте: север—юг—могильная яма, восток—запад — костяк) и при анатомической целостности посткраниального скелета (Peurony D., 1934. P. 35) «во впадине» находились кости конечностей, и тело ребенка располагалось на правом боку.

Описывая погребение Мустье 1, О. Хойзер не указывал его ориентировку, но, судя по имеющимся описаниям и разрезу (см. ниже рис. 27), погребение было обнаружено в тот момент, когда после раскопок в гроте (ориентирован входом на юго-запад) приступили к вскрытию отложенной террасы, двигаясь в направлении выхода. Причем первое, на что натолкнулись рабочие, были нижние конечности погребенного, а далее располагался остальной скелет (Klaatsch H., Hauser O., 1909; Hauser O., 1909), из чего с некоторой долей вероятности можно заключить, что погребенный был ориентирован головой в южном направлении. Некоторое подтверждение данному выводу можно получить и из разреза, опубликованного О. Хойзером в 1925 г., где дано схематическое изображение скелета, лежащего черепом по направлению к выходу из грота (Hauser O., 1925. S. 119).

⁶ Например, в Ля Кина скелет обнаружили вечером, а монолит с остатками человека вырезали той же ночью (Martin H. 1911b), после чего автор раскопок констатировал отсутствие «очевидных» (!) следов преднамеренного погребения; или: во время обнаружения погребения Ферраси 1 были сняты все кости правой ноги (Capitan L., Peurony D., 1909), и ее положение осталось неизвестным; или: в Ле Мустье в момент открытия первого погребения были сняты все кости нижних конечностей и кости левого предплечья (Klaatsch H., Hauser O., 1909), и их положение осталось не зафиксированным; или: в Староселье (Формозов А. А., 1954; 1958; Герасимов М. М., 1954) не было точно зарегистрировано положение стоп погребенного, что мешает с полной определенностью установить его позу; или: в Киик-Кобе в самом начале раскопок был, возможно, разрушен череп ребенка (Vlček E., 1976); или: в Шанидаре в ходе открытия «цветочного погребения» (4, 6—8) не были зафиксированы позиции трех из четырех обнаруженных индивидуумов (Solecki R. S., 1971; Stewart T. D., 1977), а остатки пятого (?) индивидуума, находившегося по соседству (Solecki R. S., 1971. P. 243), остались на месте обнаружения... и т. д., и так — в отношении подавляющего большинства среднепалеолитических погребений.

⁷ Например, расхождение во взглядах членов комиссий на возраст погребений в Киик-Кобе (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940) и Староселье (Формозов А. А., 1954; Герасимов М. М., 1954) или воспоминания Г. Вирхова о посещении Ле Мустье (Virchow G., 1939).

⁸ Например, утрата части антропологической коллекции из Спи (Genovés S., 1954): или возможность утрат в антропологической коллекции из Ля Ферраси (Heim J.-L., 1976b); не ясен вопрос и с посткраниальными остатками ребенка из Староселья, которых не оказалось

ных первоисточников и установление «внутренних» противоречий той и другой стороны, что тоже порой имеет место в первоисточниках⁹, потребовали бы солидных по объему монографий почти для каждого из рассматриваемых памятников¹⁰. По этой причине критика источников автором, разумеется, проведенная и частично опубликованная (Смирнов Ю. А., 1979а; 1979б; 1981; 1983; 1985в; 1987а), оказалась в основном за рамками работы. Весь же материал, имеющийся в его распоряжении, после соответствующей критики был сведен в таблицу (см. ниже табл. 20), куда помещена значимая для работы информация, которую только можно было извлечь из различных источников¹¹. По этой же причине далее будут приведены только краткие описания памятников с указанием источников информации и со ссылкой на документальные материалы, опубликованная часть которых собрана в работе практически полностью, а неопубликованная представлена некоторым количеством архивных материалов: Заскальная VI (Колосов Ю. Г., А1973а; А1973б), Клик-Коба (Бонч-Осмоловский Г. А., А1924а; А1924б; А1924в; А1925а; А1925б), Староселье (Формозов А. А., А1953)¹², Тешик-Таш (Окладников А. П., А1938а), Регурду¹³. Сокращая до минимума информацию о памятниках (см. ниже Каталог. . .), автор будет уделять внимание только тем моментам, которые либо носят спорный характер, либо вообще не получили отражения в литературе, либо, с его точки зрения, были освещены недостаточно.

в Музее антропологии МГУ, куда, согласно А. А. Формозову (1958) они были переданы; или похищение части постраниального скелета младенца с места раскопок в Рок де Марсаль (*Bordes F.*, 1962) и т. д.

- ⁹ Например, в публикациях по Ля Шапель-о-Сен даны несколько отличающиеся друг от друга сведения о расположении камней в области черепа погребенного (*Bouyssonie A. et J., Bardon L.*, 1908а; 1908б; 1913; *Bouyssonie A. et J.*, 1909; *Смирнов Ю. А.*, 1979а), а на схеме (см. ниже рис. 25) показано, что они находились только под головой; или в документации о Тешик-Таше расстояние между останками погребенного и рогами козла по фотографии представляется заметно большим, чем это показано на чертежах (см. ниже рис. 68; 69).
- ¹⁰ Если же включить в работу все существующие (опубликованные) точки зрения по проблемам общего характера (например, по датировкам кармельских погребений. *Ronen A.*, 1976; *Смирнов Ю. А.*, 1979б; *The Transition. . .*, 1982; *Boutié P.*, 1979; *Bada J. L., Masters Helfman P.*, 1976 и многие другие), или по частным проблемам каждого памятника (например, расхождение в оценках половозрастного статуса погребенных: Спи (*Genovés S.*, 1954), Мустье и Регурду (*Helin J.-L.*, 1981—1982), Староселье (*Alexeyev V. P.*, 1976), Тешик-Таш (*Алексеев В. П.*, 1978) и др.), или по оценкам характера корреспондирующей с погребениями индустрии: Спи (*Bordes F.*, 1959; 1981; *Ulrix-Closset M.*, 1975), Староселье (*Формозов А. А.*, 1977; *Bordes F.*, 1981; *Гладилин В. Н.*, 1976), Тешик-Таш (*Ранов В. А.*, 1978; *Сулейманов Р. Х.*, 1972), Клик-Коба (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940; 1941; 1954; *Klein R. G.*, 1965; *Гладилин В. Н.*, 1976; *Праслов Н. Д.*, 1984 и др.), то объем текста превысил бы всякие разумные пределы.
- ¹¹ В связи с издательской политикой Института археологии АН СССР и практикой Издательства «Наука», считающих возможным «обезглавливать» некоторых авторов, из табл. 20 публикуется только $\frac{1}{16}$ часть (см. ниже).
- ¹² Автор выражает искреннюю признательность А. А. Формозову за любезное разрешение воспользоваться частично неопубликованным материалом.
- ¹³ В данном случае имеются в виду два рисунка Э. Бонифе (*Смирнов Ю. А.*, А1985. С. 285), любезно предоставленных им в распоряжение автора данной работы, за что последний сердечно благодарит французского коллегу.

Здесь и далее при ссылке на список архивных материалов перед указанием года ставится буква А.

Описание памятников

Спи 1—3 и 4 (?) ¹⁴

Костные остатки из Спи (Бельгия, провинция Намюр, в 460 м по прямой на юго-восток от ст. Онос, на левом берегу р. Орно), обнаруженные в 1886 г. М. Лоз и М. Пюи (рис. 20; 21), были расценены в качестве объектов преднамеренного захоронения только через 27 лет после их открытия — в первой половине XX в., по аналогии с погребениями в Ля Шапель-о-Сен, Ле Мустье и Ля Ферраси (Bouyssonie A. et J., Bardou L., 1913). Человеческие остатки ¹⁵ были найдены на площадке террасы перед входом в грот (слой F — мустье с ашельской традицией? (Ulrix-Closset M., 1975; Bordes F., 1981), Вюрм I). Установлено только положение индивидуума Спи 1: «Он лежал поперек оси грота, головой на восток. . . , на боку ¹⁶, с кистью, прижатой к нижней челюсти» (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 662). Погребальных сооружений и дополнительных структур не отмечено. Наличие инвентаря проблематично — два остроконечника, пластина, отщепы, утилизированная кость найдены, по одному варианту, «на уровне и по бокам от скелетов» (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 665), по другому — «от черепов» (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 677).

Шапель 1

Погребение на стоянке «Буффиа (пещера) Бонневаль» (Франция, департамент Коррез, в 40 км от г. Брива у селения Ля Шапель-о-Сен, в долине р. Сурдуар, притока р. Дордонь) было открыто А. и Ж. Буиссоны и Л. Бардоном в 1908 г. (рис. 22—25) и расценено ими как преднамеренное на основании могильной ямы и окружающей обстановки в гроте, которую они интерпретировали как погребальную. Погребение мужчины 40—45 лет находилось в гроте (слой 1 — шарантское мустье типа Кина, Вюрм II; 60 000—64 000 лет? См. Каталог. . .). Погребенный располагался в яме прямоугольных (?) очертаний (примерно 1,45×1,00×0,30 м, ориентирована по линии запад—восток) на спине, головой на юго-запад. Голова подперта несколькими камнями, выше головы — несколько больших фрагментов кости. Правая рука сильно согнута, кисть — у правого плеча; левая рука вытянута или слабо согнута, кисть — у левого тазобедренного сустава. Ноги сильно согнуты в суставах, подтянуты вверх и лежат справа от корпуса. Наличие инвентаря проблематично (яма заполнена культурным

¹⁴ На возможное существование четвертого погребенного (?) из Спи указывал (см. выше) Ж. Буиссоны (Bouyssonie J., 1954).

¹⁵ Скелетные остатки ребенка (Спи 3), идентифицированные в XX в. среди костей взрослых индивидуумов (Genovès S., 1954; Catalogue. . . 1971), вероятно, происходят из двойного погребения взрослого и ребенка и условно приписаны автором работы к погребению Спи 2. Поскольку пол обоих взрослых из Спи большинством антропологов расценивается как мужской (Спи 1 — примерно 35 лет, Спи 2 — 25 лет), то отнесение костей ребенка к тому или иному погребению не принципиально.

¹⁶ Указание на положение Спи 1 именно на правом боку, отсутствующее в доступных автору первоисточниках (Fraipont J., Lohest M., 1886; 1887), имеется в работах А. и Г. Мортилье (1903), С. Н. Замяткина (1961а; 1961б) и др.

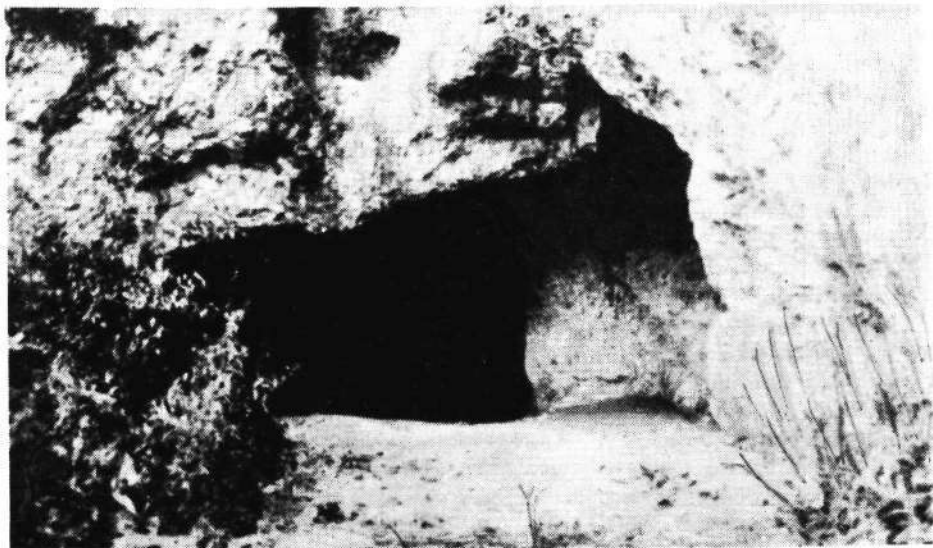
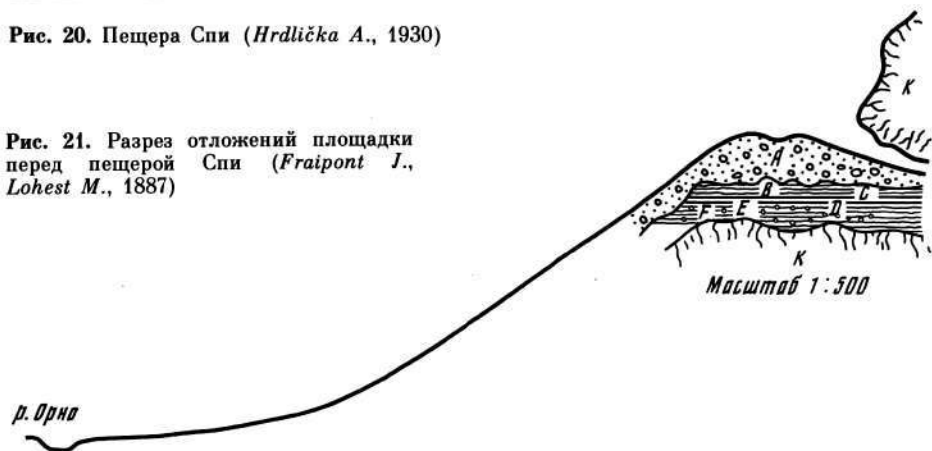

Рис. 20. Пещера Спи (Hrdlička A., 1930)

Рис. 21. Разрез отложений площадки перед пещерой Спи (Fraipont J., Lohest M., 1887)

A — осыпь и коричневая глина, мощность 2,90 м; *B* — желтый глинистый туф с примесью известняковых блоков, мощностью 0,80 м (в этот слой едва можно было воткнуть лопату); *C* — зона мощностью 0,15 м, сильно окрашенная в красный цвет, содержащая многочисленные обработанные кремни, угловатые куски известняка, кусочки древесного угля и остатки бивней мамонта; *D* — желтая известняковая глина, переходящая в туф той же природы, что и в (слое) *B*; в основании — прослойка древесного угля; мощность 0,15 м; *E* — человеческие кости и обработанные кремни; *F* — коричневая глина, местами черная, наполненная угловатыми кусочками известняка, многочисленными костями и обработанными кремнями; *K* — карбонный известняк, выветренный

слоем). В связи с погребением отмечены «различные кремневые отщепы. . ., отщепы кварца, горного хрусталя, более или менее ретушированные (особенно прекрасные скребла и скребок); несколько фрагментов песчаника, очень насыщенного железом, но не охры в полном смысле этого слова; небольшая округленная и уплощенная галька» (Bouyssonie A. et J..

Рис. 22. План грота Ля Шапель-о-Сен (Bouyssonie A. et J. Bardon L., 1908b)

AB, CD, EF — направления разрезов;
H — яма, где был найден скелет;
a, b, c — граница раскопок и археологического слоя

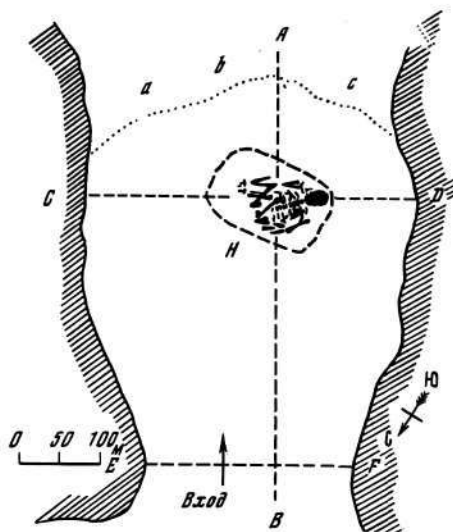
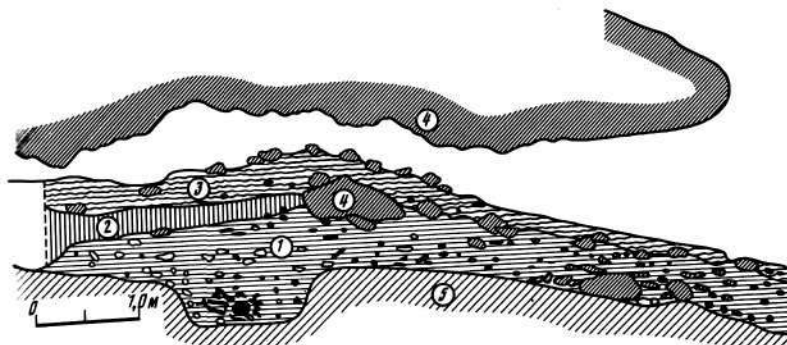
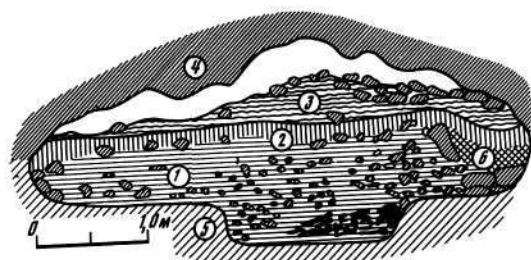

Рис. 23. Продольный и поперечные разрезы грота Ля Шапель-о-Сен (Bouyssonie A. et J. Bardon L., 1908b)

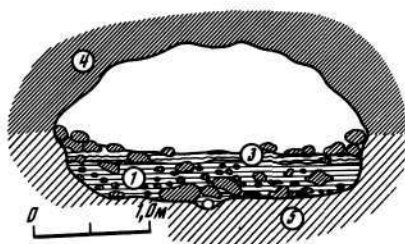
- 1 — археологический слой;
- 2 — глина;
- 3 — рыхлая песчано-глинистая почва;
- 4 — скала (свод, обвалившиеся блоки);
- 5 — естественная почва (известняки и зеленоватые глины среднего лейаса);
- 6 — слой обожженной земли

Разрез А-В

Разрез С-Д

Разрез Е-Ф

Bardon L., 1913. P. 631, 632), дистальный конец метатарзальной кости быка с тремя фалангами в сочленении. Наличие дополнительных структур проблематично. Возможно, с погребением связаны одно или два кострища, располагавшихся примерно в 0,50 м от юго-западного края могилы, и яма во входной части грота, перекрытая плоскими обломками известняка и со-

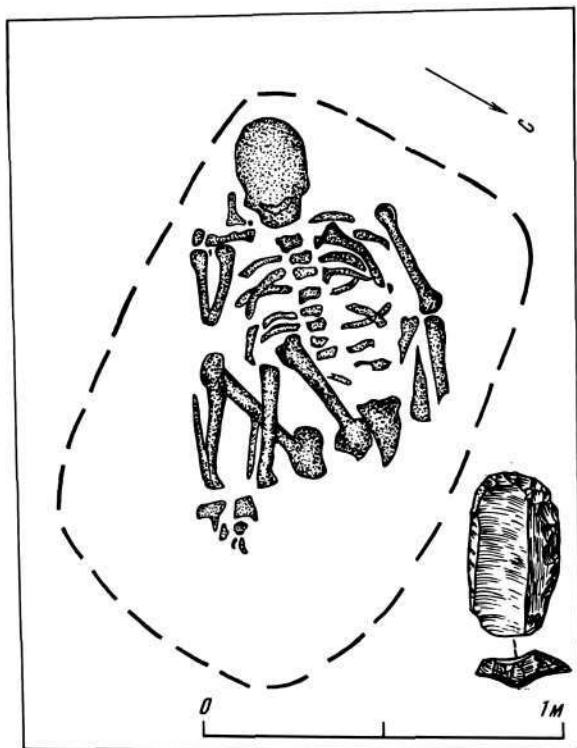
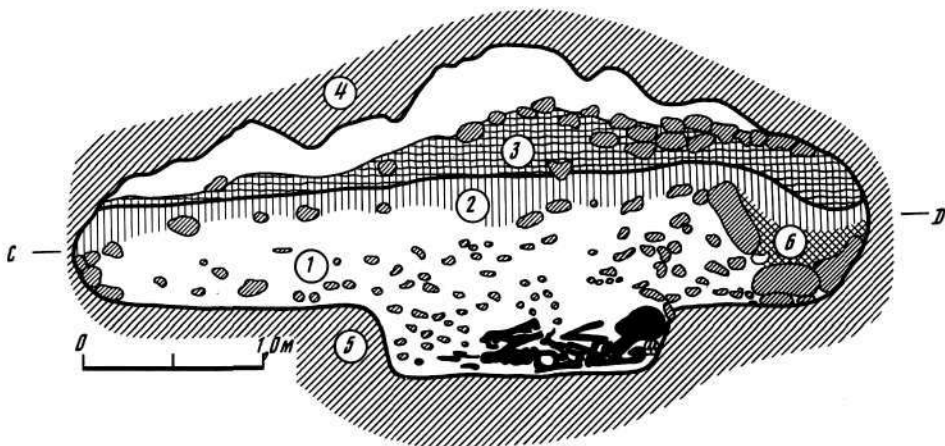

Рис. 24. Схематический план расположения костей скелета в погребении Ля Шпель-о-Сен (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913)

Увеличено. В левом верхнем углу — скребок (6,6×3,6 см) верхнепалеолитического облика — единственное из найденных в могильной яме орудий, опубликованное авторами раскопок как прямо связанное с погребением

Рис. 25. Продольный разрез CD грота Ля Шпель-о-Сен через могильную яму с погребением (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908b)

Увеличено. Условные обозначения см. рис. 23.

державшая рог бизона, «другие крупные кости, принадлежавшие черепу и позвоночному столбу» этого же (?) животного, и т. д.; «ниже находился красивый остроконечник из кремня» (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913. P. 633).

Мустье 1 и Мустье 2

Первое погребение в Нижнем Гроуте Ле Мустье (Франция, долина р. Везер, в 37 км к юго-востоку от г. Перигё, коммуна Пейзак в Дордони) было открыто О. Хойзером в 1908 г. (рис. 26—32). Преднамеренность захоронения определялась им на основании «позы спящего» и следов «заботы» об умершем: «подушка» из отщепов кремня под головой, остроконечник (у О. Хойзера — рубило) и скребло у левой руки, кости животных, следы огня и т. п. (Klaatsch H., Hauser O., 1909; Hauser O., 1909). Погребение мужчины (?) (Heim J.-L., 1981—1982) 16—18 лет находилось под краем кровли грота (связано либо со слоем Н — мустье с ашельской традицией, и в этом случае вероятна дата Вюрм I, либо со слоем J — типичное мустье, Вюрм II. Слой Н: $42\,500 \pm 2000$ и $46\,300 \pm 3000$; слой J: $40\,300 \pm 2600$ лет до современности — термолюминесцентные даты. Valladas H. e. a., 1986. P. 31, 32).

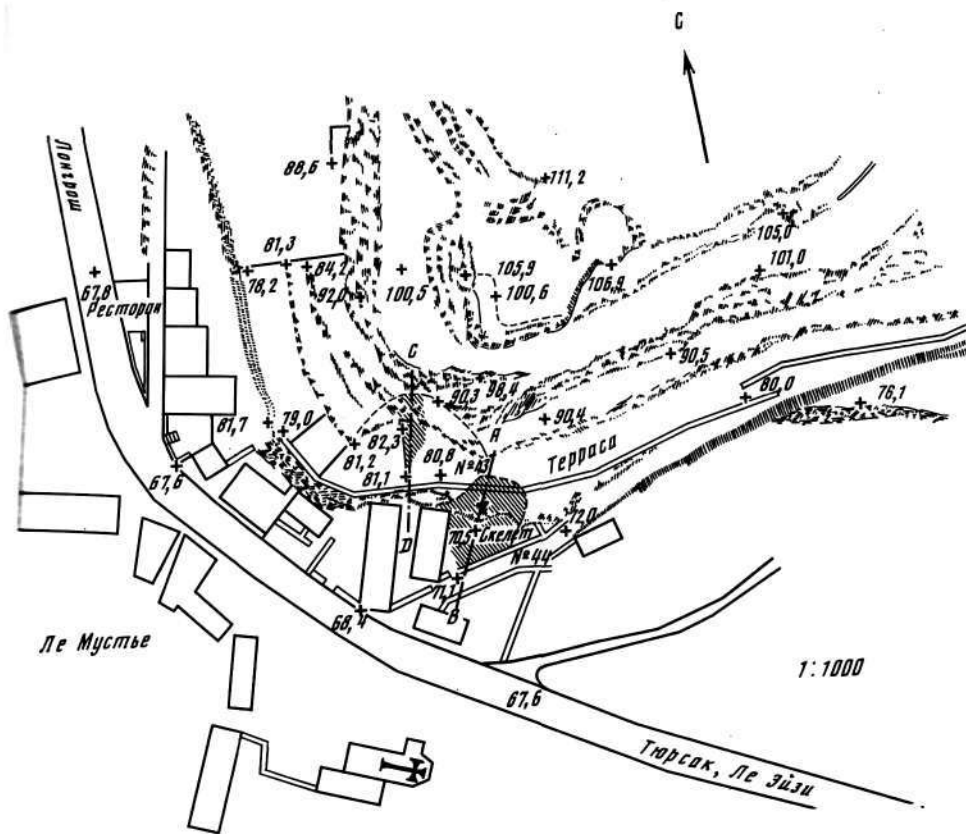

Рис. 26. Палеолитическая стоянка Ле Мустье. Долина р. Везер, департамент Дордонь. План (Hauser O., 1911)

Нижний грот — заштрихованный участок (№ 44); разрезы А—В и С—D не показаны; см. ниже рис. 27 (Ю. С.)

Рис. 27. Вертикальный разрез через нависающую скалу Ле Мустье, показывающий местонахождение скелета в культурном слое Нижнего грота. Выполнен 10 апреля 1908 г. швейцарским инженером и землемером Т. Баумгартнером (Klaatsch H., Hauser O. 1909)

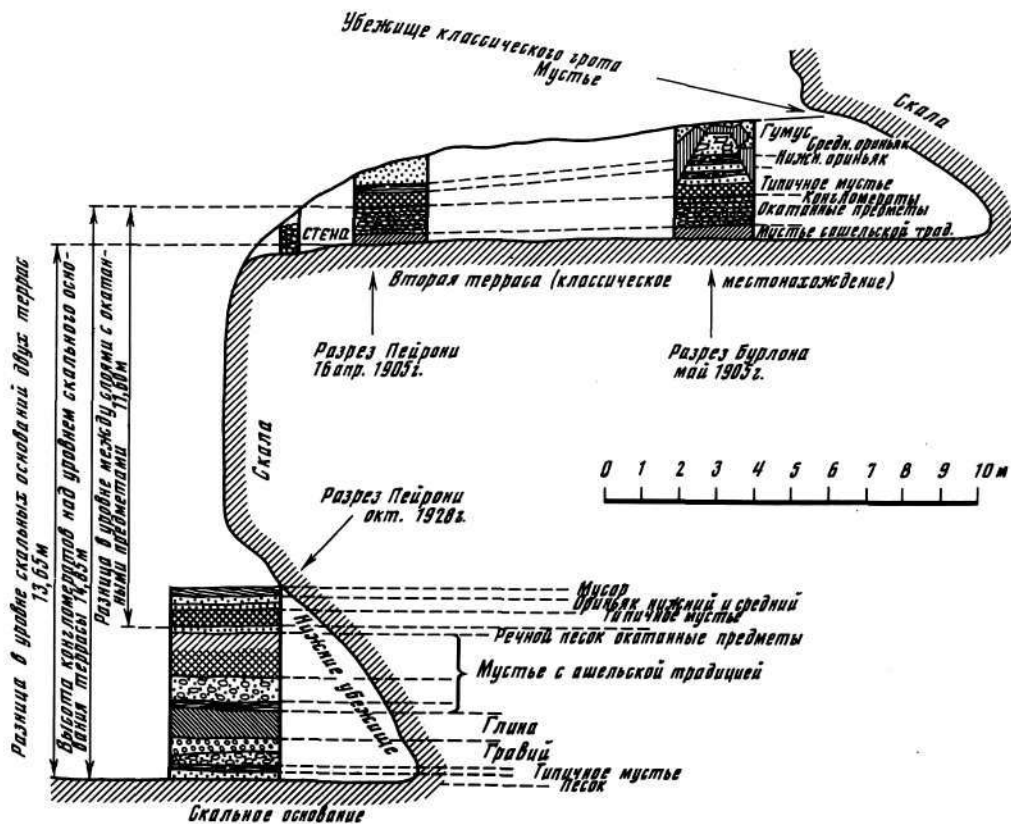

Рис. 28. Разрез отложений Верхнего и Нижнего гротов Ле Мустье (Peirony D., 1930)

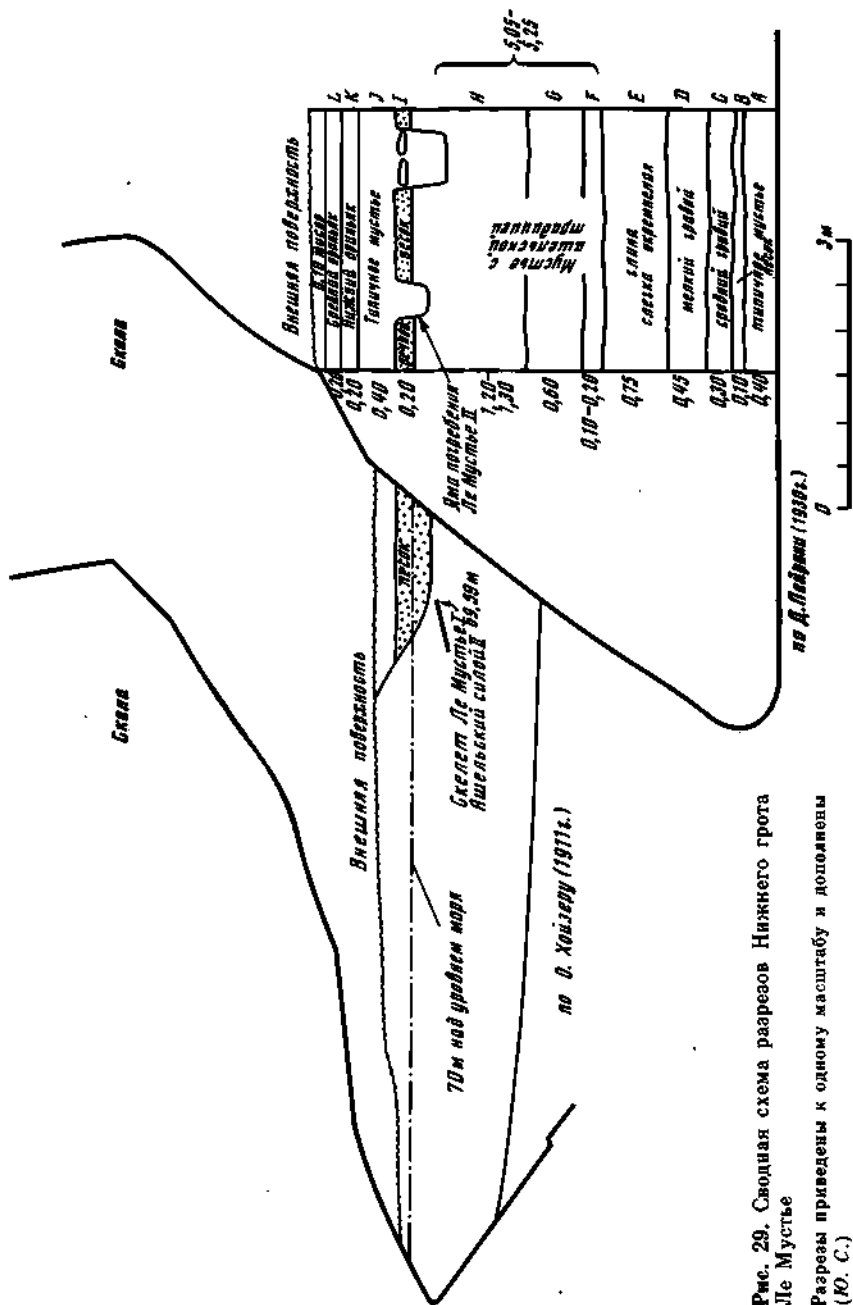

Рис. 29. Сводная схема разрезов Нижнего грота Ле Мустье

Разрезы приведены к одному масштабу и дополнены (Ю. С.)

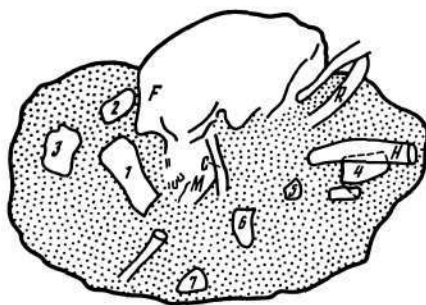
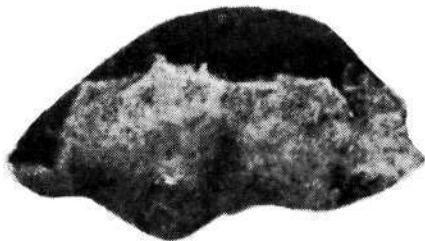
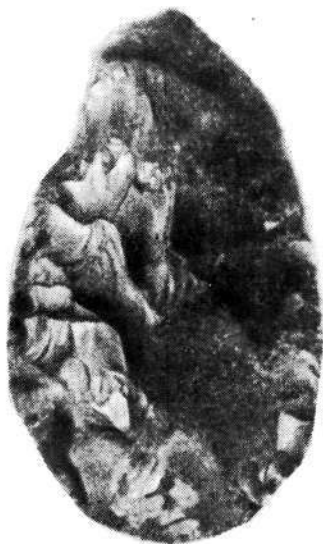

Рис. 31

Рис. 32

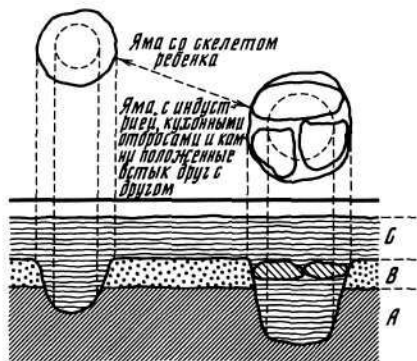

Рис. 30. Ручное рубило (длина 17 см; остриеконечник. — Ю. С.) и скребло (длина 13 см), обнаруженные непосредственно у левой руки погребенного Мустье 1 (Hauser O., 1909)

Рис. 31. Мустье 1. Эскиз, сделанный Клаачем 12 августа 1908 г., показывающий расположение основных обработанных кремней, которые непосредственно окружали череп (Hauser O., 1909)

1—7 — кремневые отщепы; С — левая ключица; F — лобная кость; H — правая плечевая кость; M — нижняя челюсть; R — правая лучевая кость

Рис. 32. План и разрез ямы и погребения мустьерца; $1/2$ натуральной величины (Peugny D., 1930)

Погребение Мустье 2: расстояние между ямами 1 м; С — слой; J — типичное мустье; B — слой I — речной песок; A — слой H — мустье с ашельской традицией (Ю. С.)

Погребальное сооружение не прослежено¹⁷. Судя по фотографии и указаниям О. Хойзера на то, что «спина была повернута наружу» (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 290), корпус погребенного, вероятно, располагался в вентральной позиции; череп — лицом вниз на $\frac{2}{3}$. Правая рука сильно согнута, кисть — «на затылке», левая рука вытянута, кисть — у левого локтевого сустава (?). Положение ног не установлено. Ориентировка головой, по-видимому, южная. Наличие инвентаря проблематично. О. Хойзером отмечены скребло и остроконечник у левой кисти; два остроконечника, скребло, два скребка, нож, пластина, выемчатое орудие, четыре отбойника, более 70 отщепов, кости животных. На правом бедре имелся след обожженности (?), возможно, от костра, соприкасавшегося с останками умершего.

Погребение 2 — ребенок. Было открыто Д. Пейрони в 1914 г. (см. ниже рис. 32). Преднамеренность обоснована Д. Пейрони на основании существования могильной ямы. Местоположение погребения — на террасе (?) (вблизи погребения 1. Bouyssonie J., 1954). Впущено в слой N из слоя J — типичное мустье, Вюрм II (Vandermeersch B., 1965a). Погребение принадлежало ребенку, находилось в яме, выкопанной в форме опрокинутого усеченного конуса (верхний диаметр 0,50 м, глубина 0,40 м). Положение скелета не зафиксировано. Кости утрачены вскоре после раскопок. Рядом со скелетом найдены «различные предметы, относящиеся к мустье» (Peugny D., 1930. P. 160). В качестве дополнительной структуры отмечена сходная по форме яма (верхний диаметр 0,70—0,80 м, глубина 0,60 м), находившаяся в 1 м к северо-востоку от ямы с погребением. «Она была заполнена разбитыми костями. . . , на которых было сложено несколько прекрасных мустьевских орудий. . . и земель из слоя. . . (J. — Ю. С.). Все было перекрыто тремя плотно пригнанными друг к другу камнями» (Peugny D., 1930. P. 159).

Ферраси 1—3, 4а, б, 5, 6 и Ферраси 7

Первые шесть погребений были обнаружены Л. Капитаном и Д. Пейрони в 1909—1921 гг., во время раскопок Большого Навеса в Ля Ферраси (Франция, департамент Дордонь, в 40 км к юго-востоку от г. Перигё) — юго-восточное укрытие (рис. 33—41). Преднамеренность захоронений обосновывалась авторами раскопок по мере обнаружения человеческих остатков на основании нахождения их в погребальных сооружениях — ямах (Ферраси 3—6) и под насыпью (Ферраси 5), а также на основании наличия погребального инвентаря¹⁸. Погребения связаны со слоем С (точнее С/D — шарантское мустье типа Ферраси, фация леваллуа (Bordes F., 1981), Вюрм II; 68 000—75 000 лет? См. Каталог. . .). Все погребения,

¹⁷ Г. Клаач указывает на наличие в погребении обожженного камня (Кремневого отщепа? — Ю. С.) в области головы погребенного (Klaatsch H., 1909. S. 543).

¹⁸ Разбирая остатки монолитов, в которых были взяты кости Ферраси 1—4, Ж.-Л. Хейм также обнаружил некоторое количество предметов, связанных (?) с этими погребениями (Heim J.-L., 1976b. P. 26—28). (Правда, в его тексте имеется путаница, из-за которой нельзя понять, к чему относятся находки из «блока В». — к погребениям детей или яме без человеческих костей.)

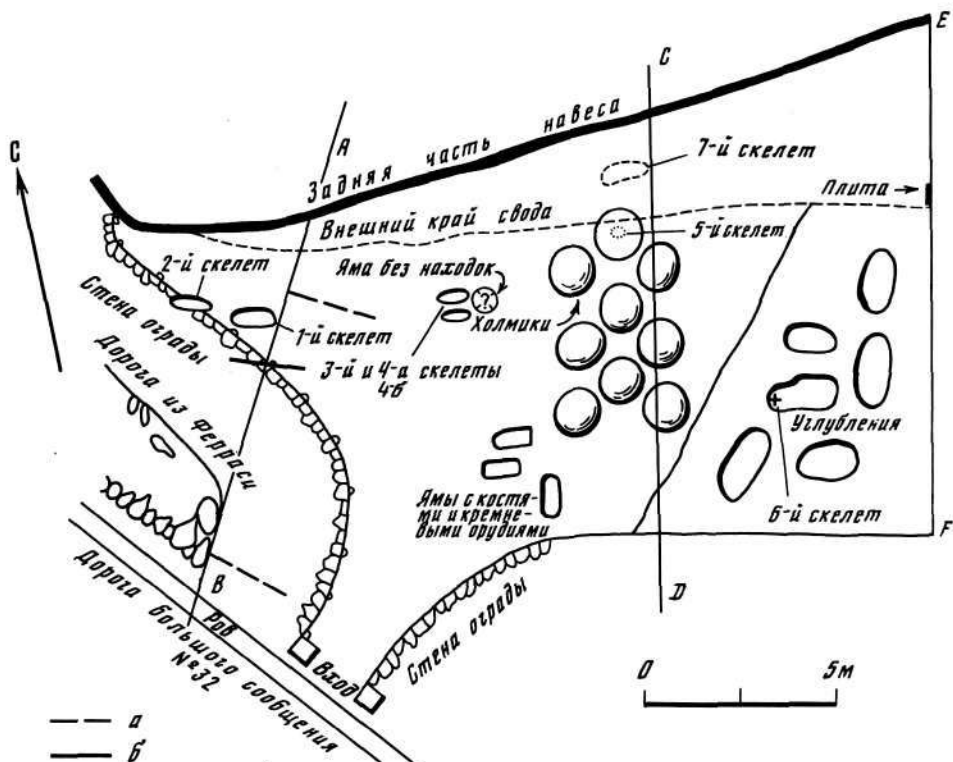

Рис. 33. Ля Феррасси, Большое убежище. План раскопанной части местонахождения (Peuony D., 1934; дополнен: Heim J.-L., 1976b; Ю. С.)

а — граница вымостки по разрезу А—В; б — граница обвала навеса по разрезу А—В

кроме Феррасси 6, первоначально находились под кровлей навеса (?).

Погребение 1 — мужчина примерно 45 лет. На спине, головой на запад. Череп на левом боку. Правая рука сильно согнута, кисть — у правого плеча; левая — вытянута, кисть — у левого тазобедренного сустава. Левая нога согнута в средней степени, повернута вправо (рис. 33—36). Погребальное сооружение не зафиксировано¹⁹. Под костяком — кострище. Над костяком — три плоских камня: над черепом, снаружи от левого предплечья, между правым локтем, правым бедром и торсом. Вероятно использование охры²⁰. Наличие инвентаря проблематично. В связи с погребением

¹⁹ Осмысливая все находки из Феррасси, Д. Пейрони пришел к выводу о том, что, возможно, погребения взрослых (Феррасси 1 и 2) тоже имели ямы, им не замеченные (Boule M., 1922). Существование углублений под двумя первыми скелетами отмечено и наблюдателями, присутствовавшими на раскопках, — А. Брейлем (Heim J.-L., 1976b. P. 46), Л. Бардоном и др. (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913). Их искусственный характер может быть подтвержден фактом смещения индустриального слоя С/Д и нижележащего слоя А (промежуточный слой В стерилен) (Peuony D., 1934).

²⁰ Возможное существование охристой подсыпки (засыпки?) у погребения Феррасси 1 впервые, как кажется, отметил Ж.-Л. Хейм (Heim J.-L., 1976b. P. 47), но он не обратил внима-

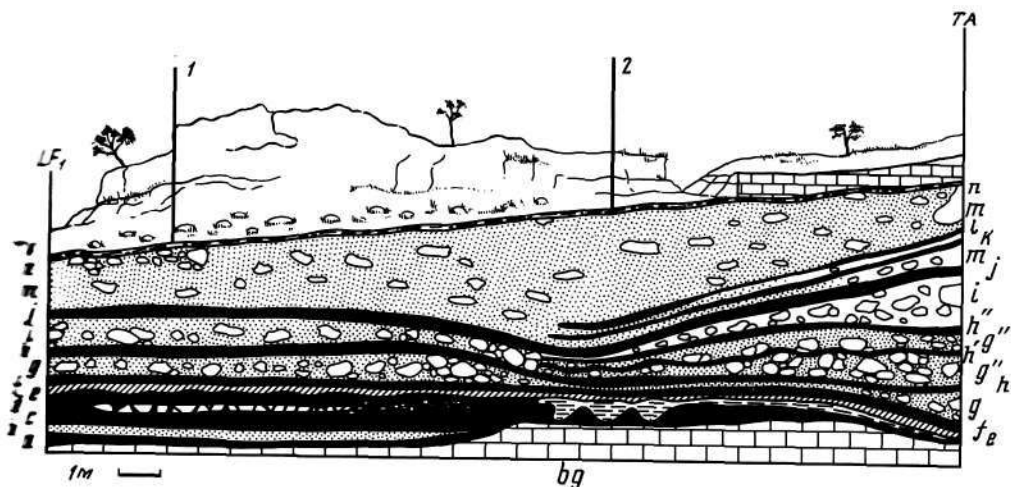

Рис. 34. Теоретический продольный разрез Большого убежища Ля Феррасси (Heim J.-L., 1976b)

- a — мустье с ашельской традицией или зубчатое мустье;
- b — стерильные пески;
- c, d — мустьерские уровни типа феррасси;
- e — шательперон;
- f — ориньяк I;
- g, g', g'', i, m, n — осыпи;
- h — ориньяк II;
- h' — ориньяк III;
- h'' — ориньяк IV;
- j — перигордьен VI;
- k — перигордьен V2;
- L — перигордьен V3;
- TU — гумус;
- 7A — «контрольная колонка»;
- bg — скальное основание;
- LF₁ — местоположение скелета мужчины, открытого в 1909 г.

Рис. 35. Феррасси 1. Первый мустьерский скелет в тот момент, когда он только что был расчищен (Peyrony D., 1934)

ния на то, что та же ситуация, т. е. окрашенность почвы в красный цвет, была зафиксирована Д. Пейрони еще в нескольких местах, а именно — на дне ям погребений Феррасси 3, 4а, б и 6 (Peyrony D., 1934. P. 28, 33, 35), где розовато-желтые, розовато-коричневые, красно-коричневые и просто красные или красноватые цвета контрастировали с желтым, желтоватым и коричневым цветом слоя В, на уровне которого и находились придонные части могильных ям.

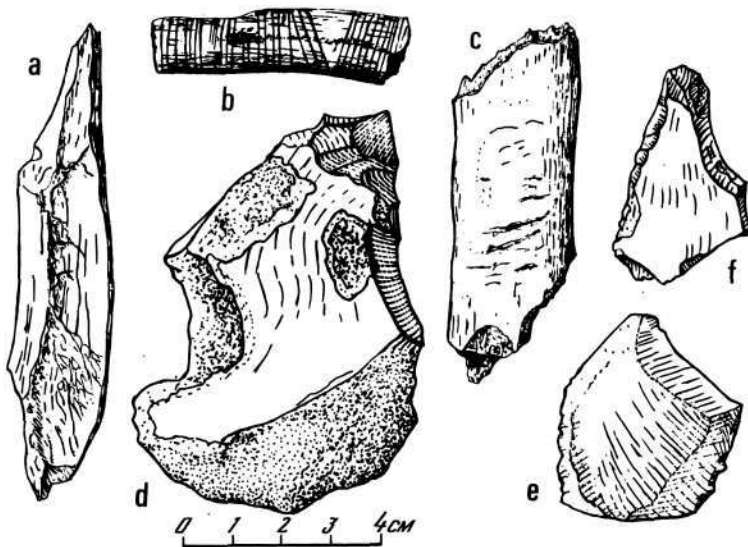

Рис. 36. Предметы, окружавшие погребенного Феррасси 1 (Heim J.-L., 19766)
a — обработанный осколок кости; *b* — фрагмент кости, имеющий серию тонких нарезок, возможно нанесенных намеренно; *c* — фрагмент ребра полорогого, со следами отделения мяса; *d* — куклеус
e — леваллуаский отщеп; *f* — маленькое вогнутое скребло

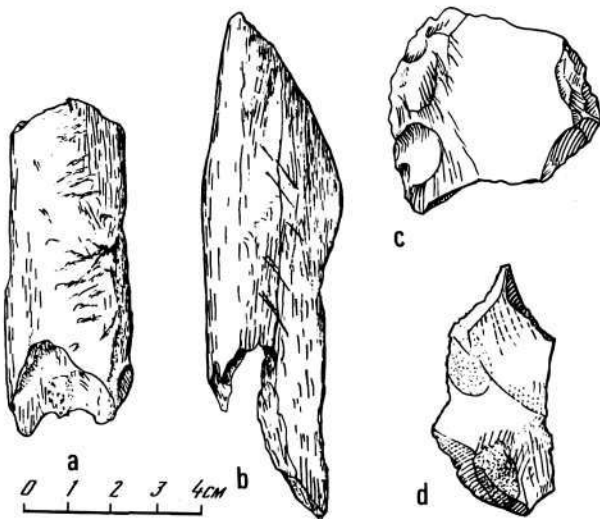

Рис. 37. Предметы, окружавшие погребенного Феррасси 2 (Heim J.-L., 1976b)
a — «ретушер» со следами деформации; *b* — фрагмент длинной кости со следами отделения мяса
c — двояковогнутое скребло; *d* — резец или проковка

Рис. 38. План и разрез основания углубления, в которое был положен скелет 5 Ферраси (Peugony D., 1934; Ферраси 5 — Ю. С.)

Длина углубления 0,40 м, ширина — 0,32 м, прослеженная глубина — 5 см; А, В, С — мутьерские кремни (Скребла. — Ю. С.), положенные сверху (На кости. — Ю. С.)

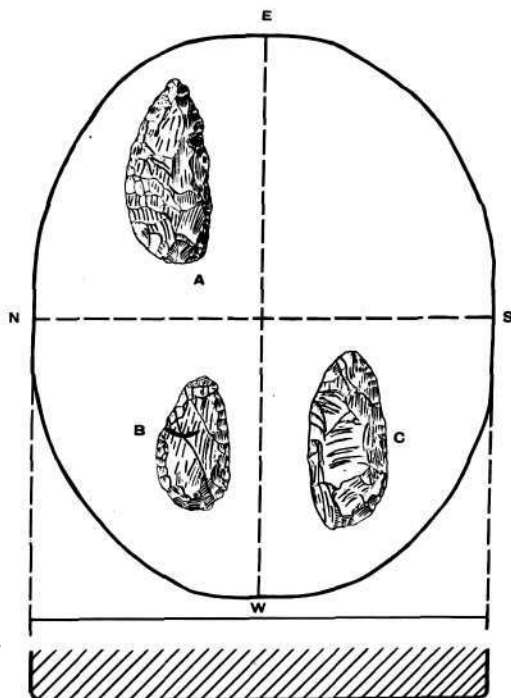
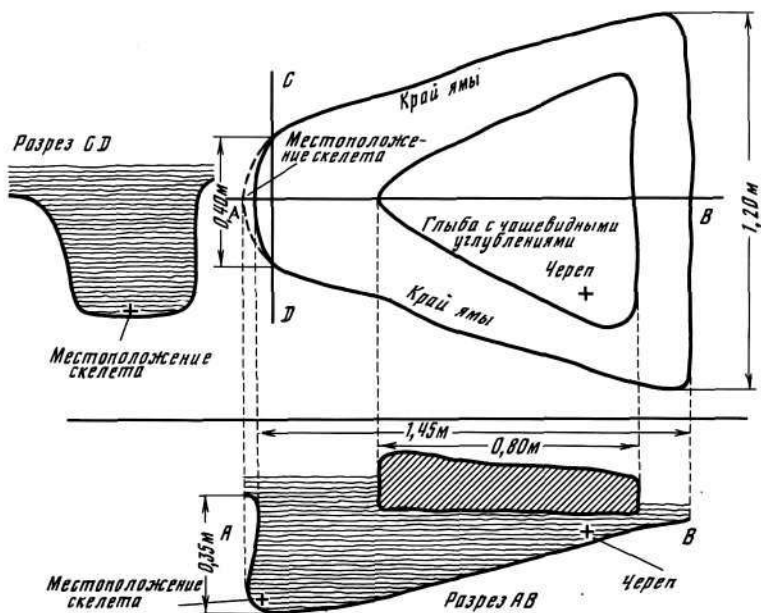

Рис. 39. План и разрез ямы, содержащей скелет Ферраси 6 (Peugony D., 1934)

Чертеж дополнен (Ю. С.)

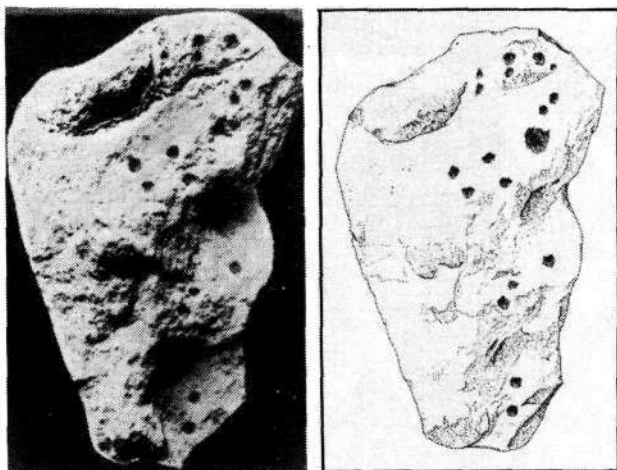

Рис. 40. Плита с чашевидными углублениями, положенная на погребение Ферраси 6 (Столяр А. Д., 1985)

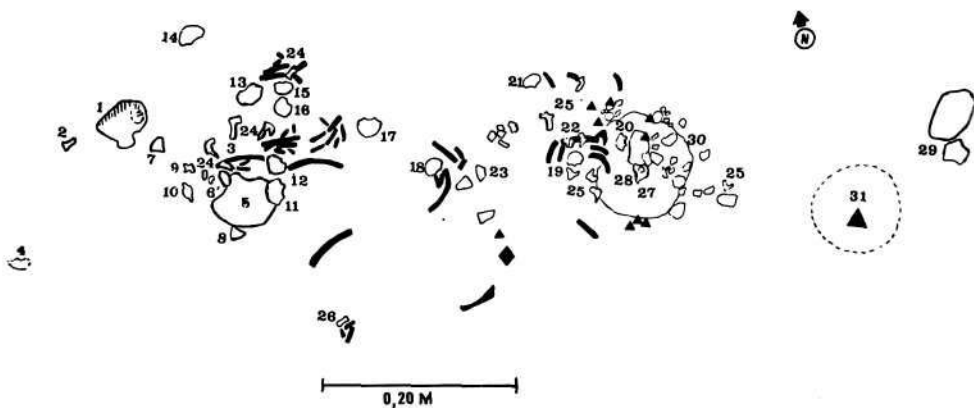

Рис. 41. План расположения остатков погребенного Ферраси 7 (согласно Ж.-Л. Хейму (Heim J.-L., 1984), Ферраси 8)

1 — подвздошная правая кость; 2, 3 — лобковые правая и левая; 4 — седалищная левая; 5 — подвздошная левая; 6 — первый сакральный позвонок; 7-9 — фрагменты крестца; 10 — второго или третьего сакрального позвонка; 11-15 — пятый — первый поясничные позвонки; 16, 17 — 12-й, 11-й грудные позвонки; 18 — средние грудные позвонки; 19 — верхние грудные позвонки; 20 — грудные позвонки верхние или шейные нижние; 21 — нижние шейные позвонки; 22, 23 — фрагменты осевого позвонка; 24 — дуги поясничных позвонков; 25 — дуги грудных и шейных позвонков; 26 — фаланги; 27 — затылочная кость; 28 — кость Ворма; 29 — фрагменты теменной кости; 30 — фрагменты мозговой части черепа; 31 — 10 зубов, обнаруженных в ходе просеивания (1970 г.). Черным цветом обозначены фрагменты ребер; нумерованные и незалитые части — фрагменты черепа; черные треугольники — зубы; черный ромб — куски камней. План дан с несущественными сокращениями (Ю. С.)

отмечены остроконечники, скребла, ножи, диски, нуклеусы (число неизвестно), гальки (ударники), костяная проколка (?), кость с регулярными нарезками (отжимник?), отщепы, масса костей животных. Большая часть перечисленных предметов находилась на корпусе погребенного; почти все кости несут следы утилизации и/или декарнизации (Capitan L., Peyrou D., 1909; Peyrou D., 1934; Heim J.-L., 1976b).

Погребение 2 — женщина 25—30 лет. На правом боку, головой на восток. Ноги сильно согнуты, колени — на уровне груди. Руки сильно согнуты, кисти — перед лицом (рис. 33; 37). Погребальное сооружение не зафиксировано (см. выше). Под костяком — кострище. Наличие инвентаря проблематично. В связи с погребением отмечены три скребла, нож, три резца, три проколки, четыре зубчатых орудия, четыре нуклеуса, костяной ретушер, примерно 50 отщепов, кости животных (Peyrou D., 1934; Heim J.-L., 1976b).

Погребение 3 — ребенок примерно 10 лет. Погребенный находился в яме, выкопанной в форме полусферы (ширина 0,70 м, глубина от 0,30 до 0,40 м)²¹. Положение погребенного не зафиксировано. Присутствие инвентаря: «остроконечники и скребла» (Peyrou D., 1934. P. 29), «отщеп, проколка, скребло» (Heim J.-L., 1976b. P. 28), вероятно, — предметы не были обожжены, несмотря на нахождение в зольной части заполнения. Вероятно использование охры.

Погребение 4а, б: 4а — доношенный зародыш и 4б — 15-дневный ребенок. Кости обоих детей находились в яме, выкопанной в форме полусферы (ширина 0,70 м, глубина от 0,30 до 0,40 м). Положение погребенных не зафиксировано²². Наличие инвентаря («остроконечники и скребла») вероятно — основания те же, что и для погребения Ферраси 3. Вероятно также и использование охры (см. выше).

Существование дополнительных структур, связанных с погребениями 3 и 4а, б, проблематично. Д. Пейрони соотносил с этими погребениями три, точнее четыре, ямы, но прямой связи между ними и погребениями 3 и 4а, б не прослежено. Первая яма находилась «совсем рядом (С погребениями. — Ю. С.) и была заполнена просто землей мустьерского слоя» (Peyrou D., 1930. P. 160). Вторая яма находилась в 3 м к югу от погребения детей. Яма овальной формы, ориентирована по линии восток—запад, верхний диаметр 0,60—0,65 м, нижний — в среднем 0,35 м, глубина 0,50 м. Яма содержала «многочисленные расколотые кости, сходные между собой, — все семейства бычьих (быки или бизоны), множество больших обломков кости со штрихованными зонами (отжимники или ретушеры), остроконечники, скребла, диски и т. д.» (Peyrou D., 1934. P. 30) Третья яма находилась в 0,25 м к северу от второй, расположена параллельно ей. Длина 0,80 м,

²¹ Ямы обоих погребений (3 и 4а, б) были заполнены «смесью почти в равных долях черной земли мустьерского очага, находящегося сверху, и подстилающего гравия» (Capitan L., Peyrou D., 1912. P. 439).

²² По мнению Ж.-Л. Хейма (Heim J.-L., 1976b. P. 40), все скелеты, кроме Ферраси 6, в момент погребения были полными. Но учитывая относительную полноту скелета 4б (15-дневный ребенок) и присутствие в том же погребении совершенно некомплектных остатков (правая плечевая и правая бедренная) скелета 4а (зародыш), можно допустить, что в погребение последний попал уже неполным.

ширина 0,65 м по верхнему контуру, глубина 0,50 м. Материал сходный. Четвертая яма находилась в 1,25 м к юго-востоку от второй. Ориентирована по линии север—юг. Длина 0,75 м, ширина 0,65 м по верхнему контуру, глубина 0,50 м. Материал сходен с материалом из двух предыдущих (Peugony D., 1934. P. 30, 31).

Погребение 5 — ребенок 7—8 месяцев. Находился в яме овальной формы, ориентированной по линии восток—запад. Длина 0,40 м, ширина 0,32 м, прослеженная глубина 0,05 м. Яма была полностью перекрыта полусферической насыпью из отложений мустьерского уровня (примерные размеры: 1,30 м — основание, 0,60 м — высота). Сходные по форме, материалам и размерам холмики (всего девять), сгруппированные по три и располагающиеся в три ряда, один возле другого, по линии север—северо-восток — юг—юго-запад, вероятно, представляли собой сопровождающие данное погребение структуры (рис. 33; 34; 38). Положение погребенного не зафиксировано. Наличие инвентаря вероятно. В яме обнаружены «скребло, плоско положенное на маленькие человеческие остатки», а также «остроконечник и второе скребло в разных точках ямы, на том же уровне, что и первое» (Capitan L., Peugony D., 1921a. P. 540, 541)²³. Все три орудия (длина от 10 до 15 см) были ориентированы вдоль длинной оси ямы.

Погребение 6 — ребенок примерно 3 лет. Обнаружен в яме трапециевидной формы, ориентированной вершиной на север (длина 1,45 м, наибольшая ширина 1,20 м, наименьшая — 0,40 м; дно наклоненное с юга на север, глубина от 0 до 0,35 м). Большая часть ямы перекрыта известняковой плитой, на «внутренней» поверхности которой нанесены чашевидные углубления. Плита залегала в заполнении, располагаясь горизонтально и не перекрывая посткраниальный скелет погребенного (рис. 33; 39; 40). Он залегал в самой глубокой и узкой части ямы, в скорченном положении на правом (?) боку, головой на восток. Череп, лишенный нижней челюсти и лицевой части, в раздавленном состоянии находился в 1,25 м к югу от скелета и выше него по наклонному дну ямы, под краем плиты с чашевидными углублениями. Вероятно использование охры (см. выше) и наличие инвентаря: «У почти отвесной поверхности края (Ямы. — Ю. С.) в углу были тщательно положены на человеческие кости... остроконечник и два скребла» (Peugony D., 1934. P. 33). Существование дополнительных структур проблематично. Д. Пейрони соотносил с погребением пять ям нерегулярной формы с пологими стенками, которые окружали могильную яму и были заполнены «мустьерскими культурными остатками» (Peugony D., 1934. P. 33), но прямая связь между ними отсутствует.

Погребение 7 — ребенок около 2 лет. Обнаружено А. Дельпортом в 1973 г. (рис. 33; 41). Находилось между стеной навеса и погребением 5. Содержало разрозненные, но достаточно полно представляющие скелет остатки, сосредоточенные на площади 0,80 (по линии восток—запад) × 0,35 (по линии север—юг) м. Зона нахождения остатков сильно потревожена. Кости были перемешаны с многочисленными обломками костей животных (некоторые носят следы декарнизации) и несколькими кремневыми отще-

²³ По другой версии, очевидно (рис. 38) более верной, в погребение было положено три скребла (Peugony D., 1934. P. 31).

и (Heim J.-L., 1976b. P. 39). Кроме того, после расчистки погребения в нижележащем уровне собрано «значительное число скребел» (Delporte H., 1976. P. 11), но связь их с погребением проблематична²⁴.

Кина 5

Остатки относительно полного человеческого скелета на стоянке Кина — так называемое скальное убежище верховья (Франция, департамент Шаранта, в 25 км к югу от г. Ангулем, на левом берегу р. Вульрон) — были обнаружены А. Мартеном в 1911 г. (рис. 42—44). Преднамеренность погребения впервые (?) попытался обосновать А. Хрдличка (Hrdlička A., 1930. P. 282—285). Сам А. Мартен, исходя из соотношения (Неточного. — Ю. С.) времени отложений ручья и характера накопления археологических остатков, а также по причине отсутствия над скелетом «значительного блока» (Martin H., 1911a. P. 728), указывавшего бы, по его мнению, на преднамеренность погребения, считал скелет остатками утонувшего индивидуума.

Погребение женщины 30—35 лет, вероятно, находившееся на площадке перед навесом, связано со слоем 3 (шарантское мутье типа Кина, Вюрм I II — ранее 35 250±530 лет до современности (GrN-2526) — образец из вышележащего слоя 1; 64 000—68 000 лет? См. Каталог. . .). Погребальное сооружение не проследено (размеры монолита, содержащего обнаруженные остатки, — 1,10×0,65×0,60 м). Костяк некомплектен²⁵. Располагался в горизонтальной плоскости на правом боку (?), головой на северо-восток (?). Правая плечевая кость вытянута вдоль корпуса. Левая рука сильно согнута, кисть — у (на?) нижней челюсти. Бедренные кости вытянуты. Присутствие инвентаря проблематично: «Вокруг скелета и выше его. . . несколько осколков длинных костей со следами утилизации. . ., скребла, остроконечники и сфероид 12 см в диаметре из кремнистого известняка. . ., покрытый насечками (Martin H., 1911b. P. 619). Возможно использование охры²⁶.

²⁴ А. Дельпорт (Delporte H., 1976) с сомнением относился к преднамеренности этого захоронения. Введено в данную работу на основании комплектности скелетных остатков, весьма ограниченной зоны их распространения, существования сильных геогенных нарушений в этом секторе раскопок и наличия еще семи погребенных, корреспондирующих с тем же мутьерским уровнем.

²⁵ Отсутствие костей стоп и голеней (Martin H., 1911b. P. 616), так же как и некоторых других костей скелета, позволяет предположить доингумационное нарушение целостности тела покойника (полное отсутствие костей пояса нижних конечностей при наличии бедер; полное отсутствие костей корпуса — грудины, ребер и грудных позвонков — при наличии обеих ключиц и лопаток, и шейных — с первого по шестой — позвонков). Отсутствие костей правого предплечья и правой кисти можно, по-видимому, объяснить, исходя из патологического развития правого плеча (Vandermeersch B., 1976b. P. 585) и, в этом случае, вероятной утраты (ампутации?) предплечья.

²⁶ Исходя из сообщений А. Мартена о существовании «коричнево-красных тонких. . . распыленных. . . частиц, продолжавших примерно на метр регион черепа» и нигде больше не наблюдавшихся в местонахождении (А. Мартен принял их за остатки «грудины, ребер и других неопределенных частей»). Martin H., 1911b. P. 619), есть определенные основания предполагать наличие охристой подсыпки в области головы и верхней части туловища погребенного.

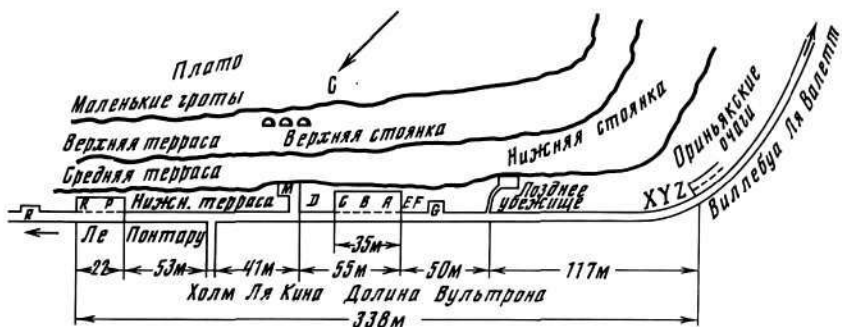

Рис. 42. Генеральный план местонахождения Ля Кина (Henri-Martin G., 1958)

Погребение обнаружено между отметками А и В. См. разрез местонахождения, зафиксированный в секторе В (Ю. С.)

Рис. 43. Разрез местонахождения Ля Кина (Martin H., 1911b)

Сг — местонахождение черепа погребенной. Подразделы 8, 9 опущены А. Мартеном (Ю. С.)

Рис. 44. Местонахождение Ля Кина. Состояние раскопа на 18 октября 1911 г. после изъятия из слоя третьего блока, содержавшего человеческий скелет. Человеческие кости представлены на фотографии схематично господином Е. Юэ; он показывает точную позицию фрагментов, обнаруженных или видимых в блоке (Martin H., 1911b)

1, 2 — археологические слои развитого мустье; 3 — глинистый песок с более простой мустьерской индустрией

Регурду

Погребение в гроте Регурду (Франция, коммуна Монтиньяк-сюр-Везер, в 50 км к востоку от г. Перигё, в Дордони, на левом берегу р. Везер) было открыто и частично раскопано Р. Констаном в 1957 г. С 1961 г. работы проводились под руководством Э. Бонифе (рис. 45—50). Преднамеренность захоронения обоснована Э. Бонифе, исходя из наличия безусловно искусственных сооружений из земли и камней, в одном из которых и находилось погребение. Погребение мужчины (?) (Heim J.-L., 1981—1982) примерно 20 лет находилось внутри, очевидно, сакрального по назначению грота, в котором обнаружены структуры из камней, щебня, золы и песка (каменные ящики, насыпи и скопления камней — *piegrier*), содержавшие преимущественно скелетные остатки медведей. Погребение связано со слоем 4 — шарантское мустье типа Кина, Вюрм I — $45\ 500 \pm 1800$ лет до современности (GrN-4308) — образец слоя 4. Погребение располагалось между стенкой грота и несколькими структурами: «каменным ящиком — 4С», перекрытым колоссальной плитой и содержавшим полный, но «расчлененный скелет медведя, различные части других медведей и камень, снабженный отверстиями», скоплением камней — 4В, в котором находились «многочисленные кости медведей от пяти—семи особей (все кости со следами расчленения), скоплением камней — 4В¹ — с костями одного медведя и скоплением камней — 4D — с многочисленными костными остатками

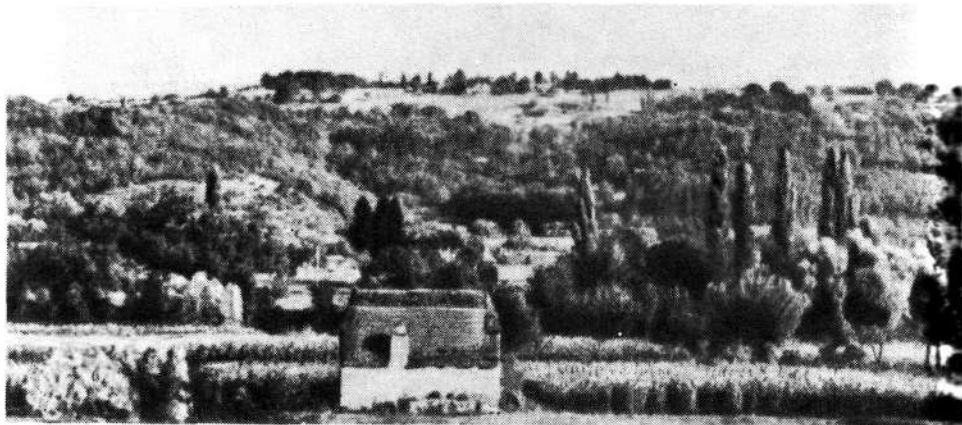

Рис. 45. Общий вид Пегурду (Piveteau J., 1963)

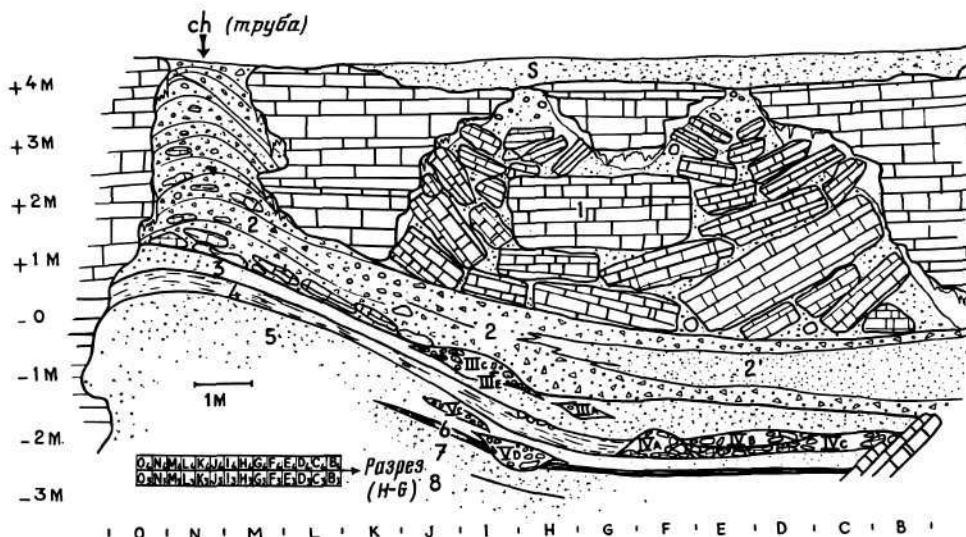

Рис. 46. Стратиграфия грота Пегурду (Bonifay E., 1964)

Разрез сделан вдоль входа. Ch — труба, дававшая доступ в грот во времена Вюрма I и II

(Bonifay E., 1962. P. 139). Кроме костей медведя, в этих структурах обнаружены «рога и стержни рогов оленя и косули, нога быка, клыки кабанов» (Bonifay E., Vandermeersch B., 1962. P. 1636). Погребенный находился в яме (ориентирована по линии запад—восток?), дно которой выложено плоскими камнями. На корпусе лежал значительный блок известняка. Все вместе было перекрыто насыпью из камней, золы и песка. На вершине

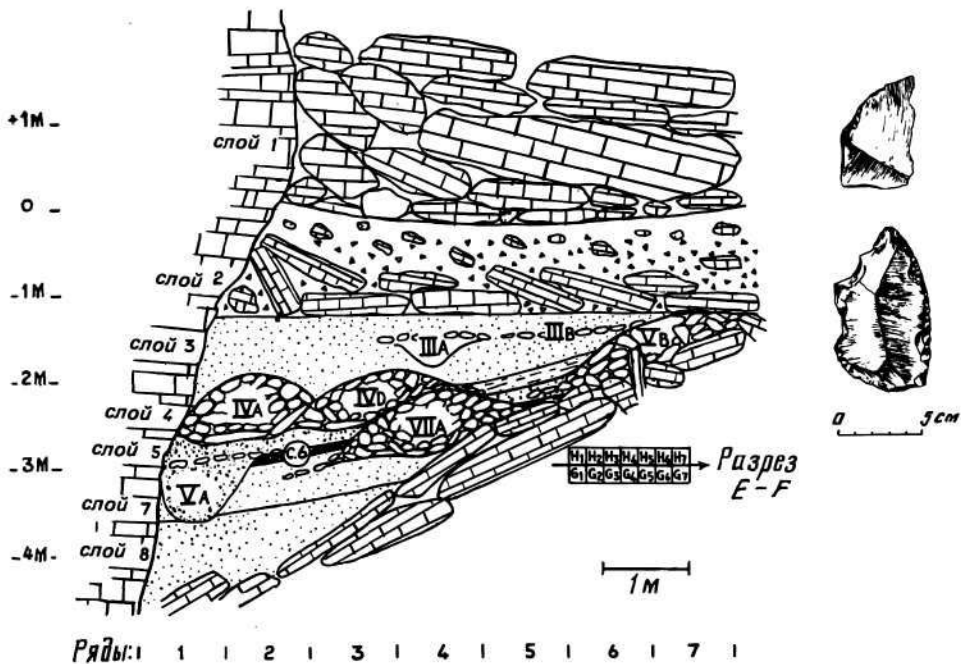

Рис. 47. Стратиграфия грота Регурду (Bonifay E., 1964)

Разрез, перпендикулярный разрезу на рис. 46; структуры, которые встречаются в этом поперечном сечении, изображены условно, так же как и на предыдущем разрезе. В правом верхнем углу — отщеп и скребло кина, происходящие из человеческого погребения (Ю. С.)

сооружения находилось кострище. Костяк некомплектный²⁷. Погребенный располагался на левом боку в сильно скорченном положении, головой на запад (?). Наличие инвентаря вероятно: на уровне скелета (две большеберцовые (бедренные? плечевые?) кости медведя); над плитой, покрывавшей костяк (кости медведя и кремни: скребло, нуклеус и два отщепа); в верхней части насыпи (рог оленя). Погребение, по-видимому, совершено в этом комплексе в последнюю очередь, но, возможно, скопление 4В сооружено уже после создания человеческого захоронения (Bonifay E., 1962. P. 138).

²⁷ Отсутствие костей нижних конечностей в антропологической коллекции, по-видимому, объясняется чрезвычайно плохой сохранностью скелета, кости которого были сильно разрушены, «оказавшись зажатыми между двумя каменными насыпями» (Vandermeersch B., 1965a. P. 91) (Точнее, между камнями, на которых они лежали, — вымостка, с одной стороны, плита и каменная насыпь над погребенным — с другой. — Ю. С.). Причины отсутствия черепа при наличии нижней челюсти не совсем ясны. Согласно Б. Вандермеершу, череп не был обнаружен (Vandermeersch B., 1965a. P. 91), не исключено его ритуальное отчленение и удаление из погребения.

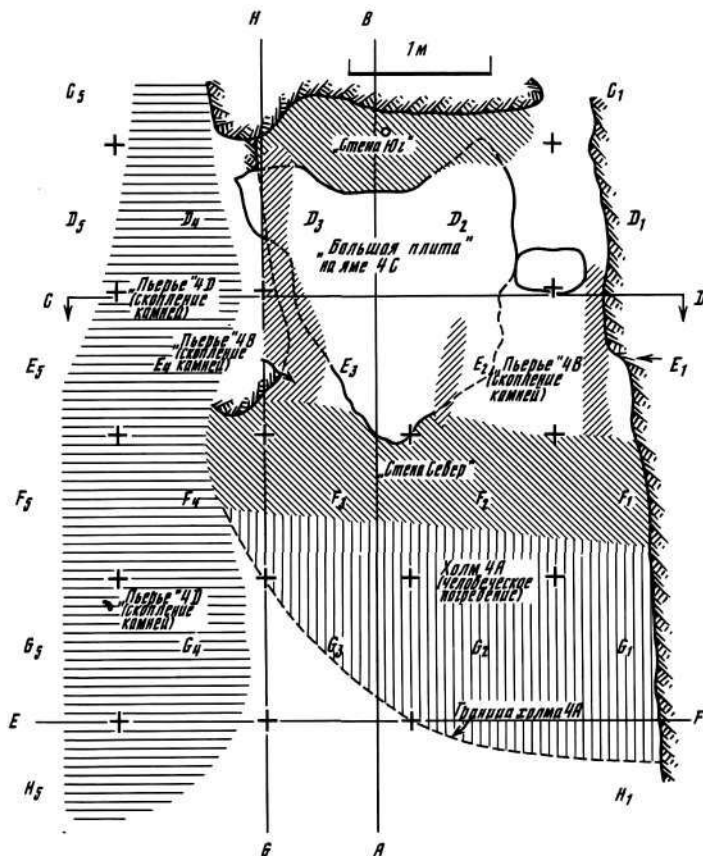

Рис. 48. Регурду. Схематический план мустьерских сооружений в зоне человеческого погребения (Bonifay E., 1962)

Рок де Марсаль

Погребение грота Рок де Марсаль (Франция, коммуна Шампань дю Бюг в Дордони, в 40 км к юго-востоку от г. Перигё) было обнаружено Ж. Лафилем в 1961 г. (рис. 51; 52). Преднамеренность его совершения определяется наличием могильной ямы, перекрытой известняковыми блоками (блоком?). К моменту раскопок известняк разложился. Погребение ребенка примерно 3 лет находилось внутри грота. Предположительно связано со слоем 5 (типичное мустье, конец Вюрма I/II или начало Вюрма II). Погребенный находился в яме (длина 0,90 м, ширина 0,70 м, глубина ?). Яма ориентирована по линии север—юг. Погребенный располагался на правом боку, головой на север. Согласно сообщению А.-М. Тилье, которое дается со ссылкой на авторов публикации археологического контекста данного памятника Ф. Борда и Ж. Лафиля, хотя в их заметке приводимых ею сведений не со-

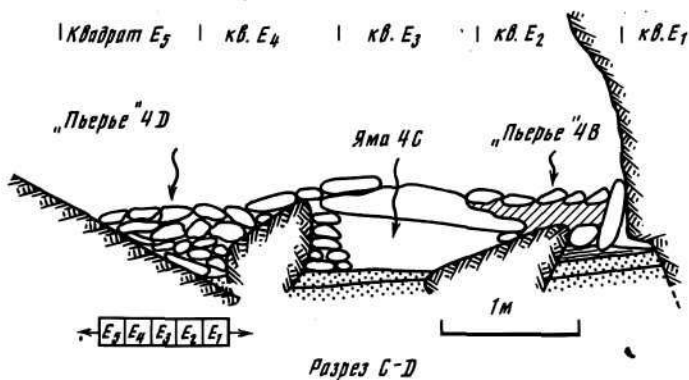
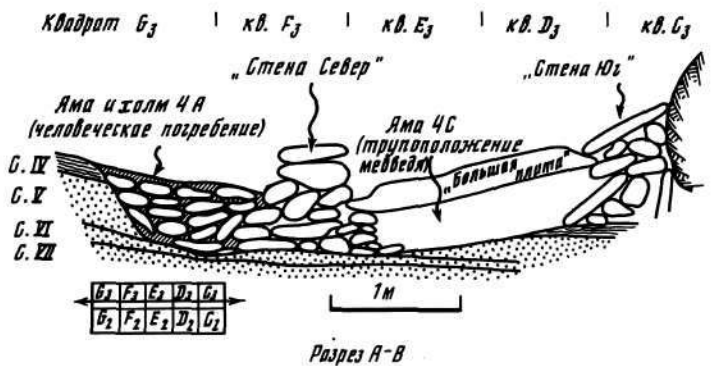

Рис. 49. Схематические разрезы мусьеьских сооружений в гроте Регурду, в зоне человеческого погребения (Bonifay E., 1962)

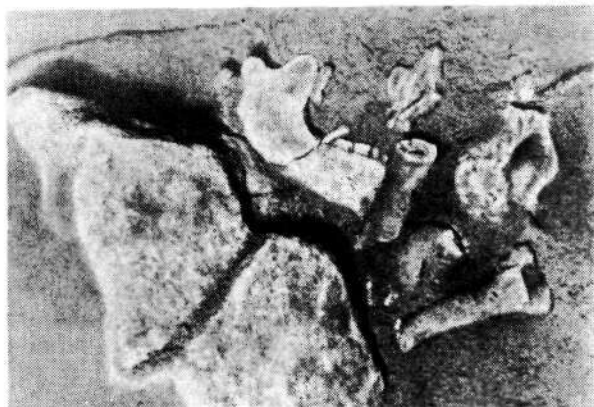

Рис. 50. Нижняя челюсть и другие костные остатки человека из Регурду в момент нахождения (Piveteau J., 1963)

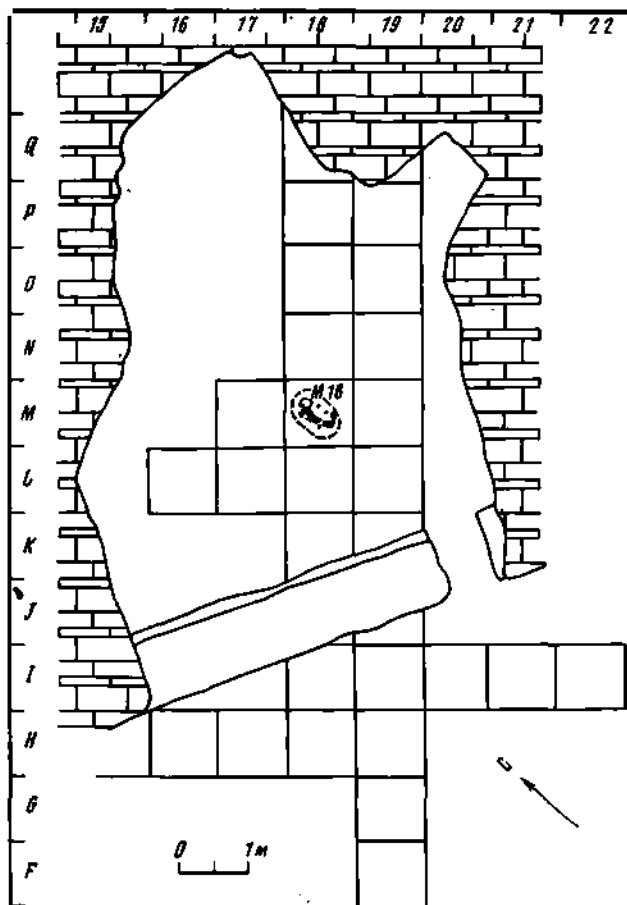

Рис. 51. План грота Рок де Марсаль с местонахождениями ямы и скелета (Defleur-Tanoux A., 1982)

держится, «голова ребенка из Рок де Марсаль покоилась на „подушке“ из костей млекопитающих, происхождение которых не было уточнено» (Tillier A.-M., 1982. P. 22). Одна рука согнута, кисть — «на уровне черепа, лицевые кости которого были обращены к земле. Два бедра, лежавшие в одной горизонтальной плоскости, образовывали с позвоночным столбом угол 135° , открывавшийся назад; большеберцовая и малоберцовая кости располагались под прямым углом к бедрам и тоже назад»²⁸. . . . Многочисленные мустьерские кремни и остатки животных, в том числе зубы северного оленя

²⁸ Странная позиция погребенного, ноги которого были заведены за спину, вряд ли объясняется только положением тела на наклонном дне ямы и давлением отложений на скелет (Border F., Lajille J., 1962. P. 715). Возможно, имело место рассечение связок в области тазобедренных суставов или поясничных позвонков.

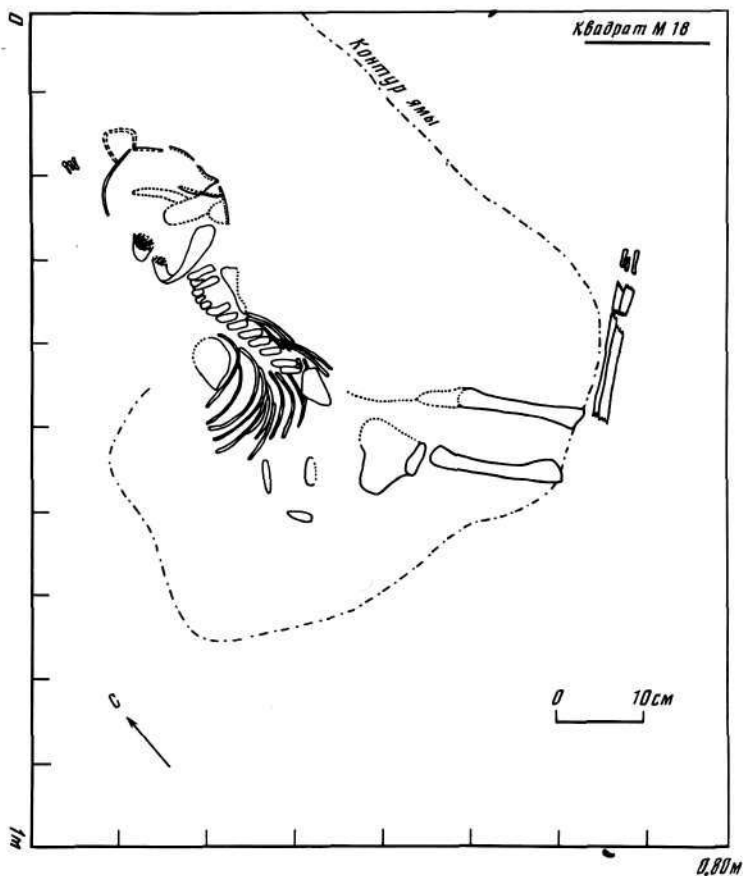

Рис. 52. План погребения ребенка в гроте Рок де Марсаль (Defleur-Tanoux A., 1982)

и лошади, находились в яме. Из них только длинная кость и нижняя челюсть гиены были целыми» (Bordes F., Lafille J., 1962. P. 175). Кроме того, «около изолированной (? — Ю. С.) плечевой кости ребенка были обнаружены предплюсна-плюсна птицы прекрасной сохранности... Кеклик дикий — предполагает сравнительно жаркое мустьерское лето» (Van Sampo M., Bouchud J., 1962. P. 899). Не исключено, что эта находка указывает и на время совершения захоронения.

Арси-сюр-Кюр 5—7

В 1946 г. в Гроте Волка Арси-сюр-Кюр (Франция, департамент Йона, в 35 км к юго-востоку от г. Осер) А. Леруа-Гураном была вскрыта яма (рис 53; 54), заполненная стерильным слоем и содержавшая изолированные остатки (трех?) взрослых индивидуумов: два фрагмента теменной кости (Арси 6), очень стертый нижний левый первый или второй моляр

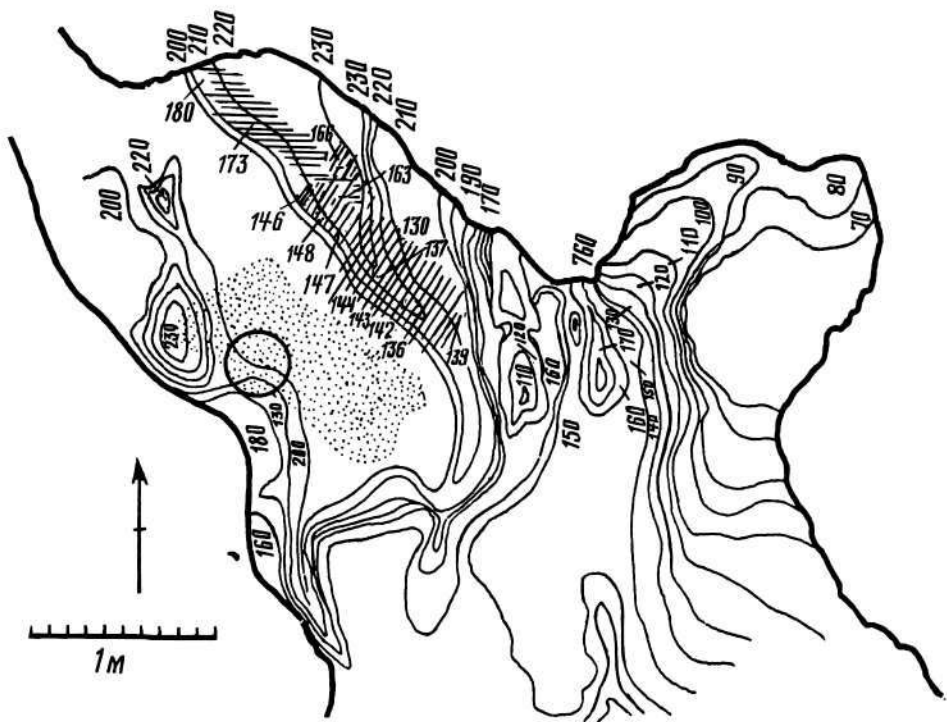

Рис. 53. Арси-сюр-Кюр, Грот Волка. План в кривых скального дна (*Leroi-Gourhan A.* 1950)

Круг — местонахождение человеческих останков; точки — приблизительные контуры ямы; косая штриховка — слой V; горизонтальная штриховка — слой VI

(Арси 5) и два резца (Арси 7), а также несколько отщепов и несколько фрагментов кости (Костей? — Ю. С.). Существование преднамеренного погребения обосновано А. Леруа-Гураном, исходя из наличия ямы, выкопанной в стерильном слое, и существования лакуны в вымостке над местом погребения²⁹. Могильная яма находилась внутри грота (связана со слоем 3 — зубчатое мутье (*Girard C.*, 1976. Р. 1117), Вюрм I/II) и была ориентирована примерно по линии северо-запад—юго-восток.

²⁹ По мнению А. Леруа-Гурана, в яме «с неправильными контурами размерами приблизительно $1 \times 0,50$ м и глубиной 0,35 м» (*Leroi-Gourhan A.*, 1950. Р. 276) или 0,20 м (*Leroi-Gourhan A.*, 1949. Р. 191) находился либо полный скорченный скелет (В этой версии — совершенно разрушившийся, за исключением части черепа и трех зубов, что при наличии такого рода остатков и концентрации их почти в центре ямы представляется совершенно невероятным. — Ю. С.), либо изолированный череп. Вторая версия была бы сравнительно более вероятной, если бы череп и зубы безусловно принадлежали одному субъекту, а это не так (?) (*Catalogue...*, 1971. Р. 75). Но даже если эти остатки и принадлежали одному индивидууму, то, следуя за идеей А. Леруа-Гурана о погребении «головы», мы стали бы свидетелями опять-таки невероятного случая исчезновения 29 зубов данного индивидуума из непотревоженной, согласно А. Леруа-Гурану, могильной ямы! Поэтому независимо от

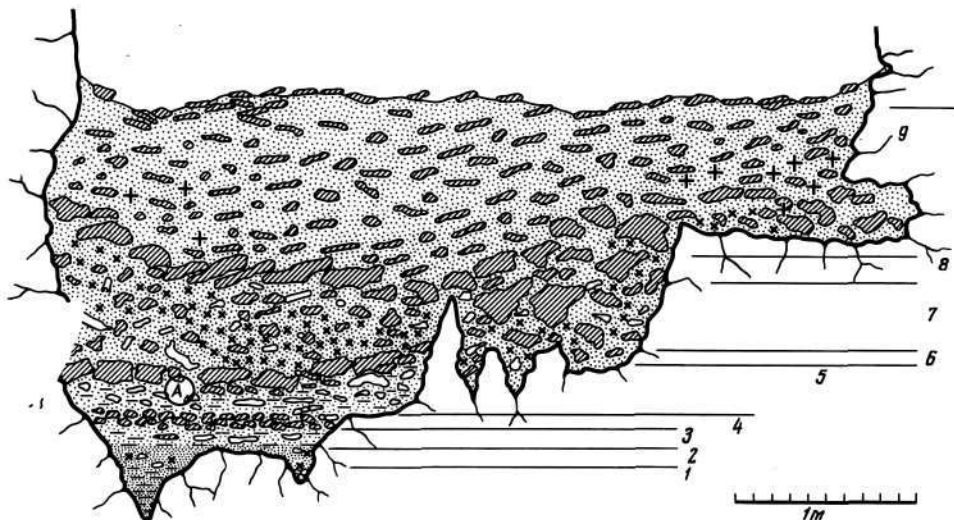

Рис. 54. Арси-сюр-Кюр, Грот Волка. Разрез (Leroi-Gourhan A., 1949)

Знак + — ориньякская индустрия; X — мустьевская индустрия; А — человеческий моляр; 1 — декальцинированная глина в трещинах; 2 — иллювиальный песок — первый мустьевский уровень; 3 — затвердевшая глина, стерильная; 4 — рорасьенский щебень, в среднем 0,10 м; 5 — желтая глина, почти стерильная; 6 — крупный рорасьенский щебень, от 0,30 до 0,40 м; 7 — желтая глина с холодолюбивой фауной и мустьевской индустрией; 8 — крупный рорасьенский щебень, от 0,30 до 0,70 м — свод убежища; 9 — рорасьенские плитки; от 0,10 до 0,20 м, гумус, ориньяк

Киик-Коба 1, 2

Оба погребения в гроте Киик-Коба (СССР, Крым, в 25 км к востоку от г. Симферополь, на правом берегу р. Зуя) были открыты Г. А. Бонч-Осмоловским в 1924 г. (рис. 55—58). Преднамеренность погребения взрослого обоснована Г. А. Бонч-Осмоловским, исходя из наличия могильной ямы; преднамеренность второго погребения, по-видимому, была обоснована «по аналогии» с первым.

Погребение 1 — мужчина (?) 40—45 лет. Находилось в гроте (связано с нижним очажным слоем (VI) — микромустье зубчатое (Klein R. G., 1965; Гладиллин В. Н., 1976), ранний Вюрм). Погребенный покоился в могильной яме овальных очертаний (2,10×0,80×0,45 м, ориентирована по линии северо-восток—юго-запад). Погребение более чем на $\frac{2}{3}$ разрушено глубокой ямкой верхнего очажного слоя (слой IV). Судя по сохранившимся остаткам, погребенный располагался на правом боку со слегка подогнутыми

того, какое число индивидуумов представляют данные остатки, речь, видимо, должна идти об изначальном погребении части вместо целого, а не о сказочной пропаже почти трех десятков зубов, тела нижней челюсти и массивных частей черепа. (Учитывая, что вопрос о числе индивидуумов, остатки которых были здесь погребены, не решен однозначно, автор, не желая увеличения возможной ошибки, при расчетах возрастного состава погребенных условно принимал данное погребение за погребение одного взрослого.)

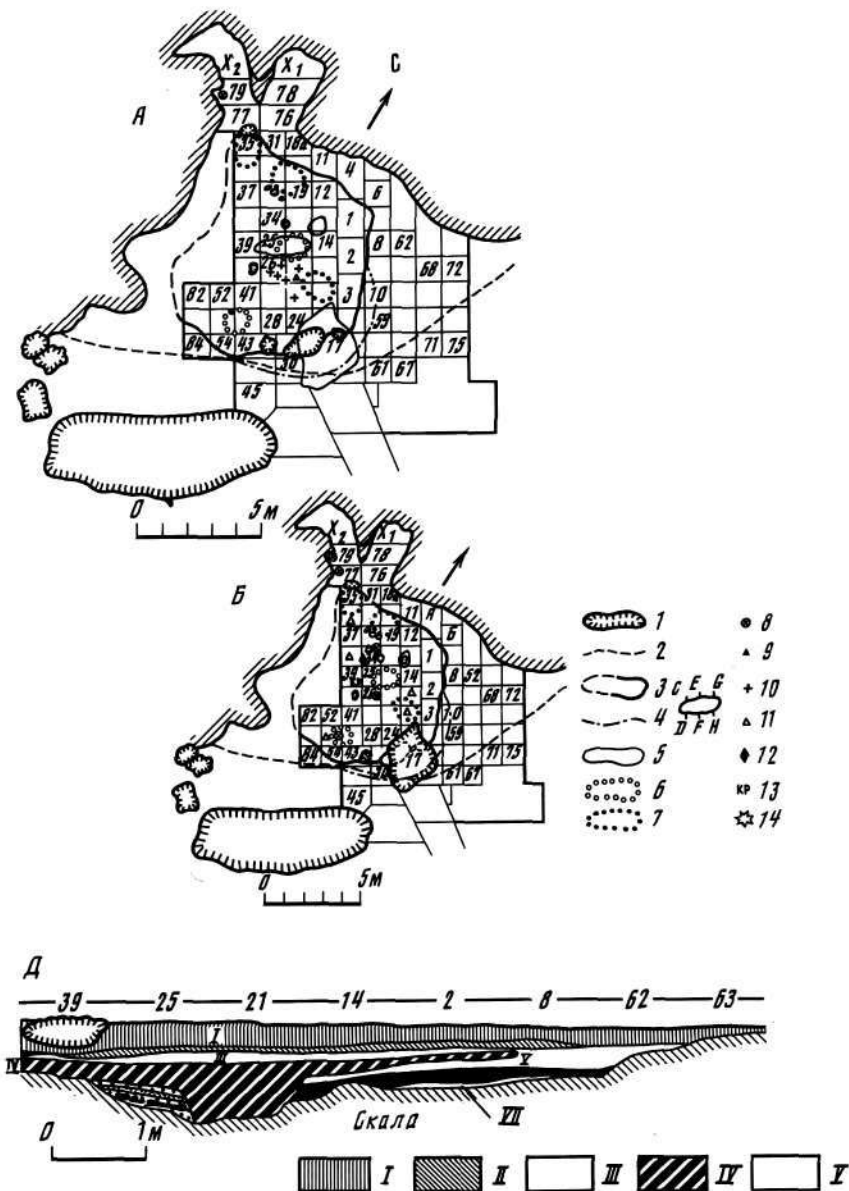
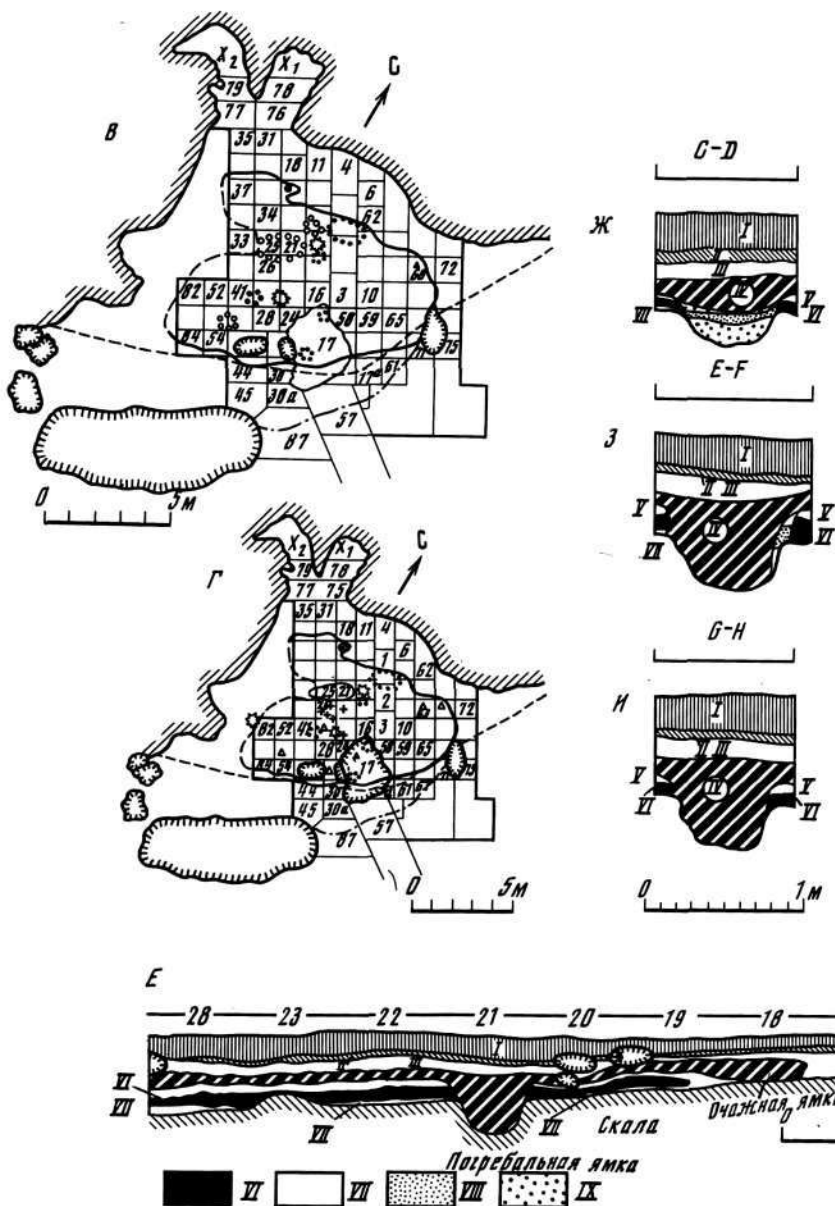

Рис. 55. Планы очажных слоев IV (слева) и VI (справа) грота Киик-Коба

А, В — Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; Б, Г — исправлено и дополнено (Ю. С.); 1 — обломки скалы в толще верхнего (IV) очага; 2 — граница навеса; 3 — очертания верхнего очага (слой IV); 4 — граница отдельных находок; 5 — погребальная ямка; 6 — глубокие ямки; 7 — очажные ямки; 8 — скопление целых костей; 9 — зуб взрослого человека; 10 — фаланги кисти взрослого человека; 11 — скопление кремневых осколков; 12 — охра; 13 — кротовина; 14 — повышение дна грота; Д — поперечный разрез (северо-восток—юго-запад) площадки грота через погребение взрослого (Киик-

Коба 1; дополнен. — Ю. С.). Вид с юга; Е — продольный разрез (северо-запад—юго-восток) площадки грота через середину погребения (Киик-Коба 1; дополнен. — Ю. С.). Вид с востока; Ж—И — поперечные разрезы могильной ямки погребения взрослого киик-кобинца (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940); I — черный современный слой; II — бурый слой; III — надочажный желтый слой; IV — верхний очажный слой; V — межочажный слой; VI — нижний очажный слой; VII — подочажный слой

Рис. 56. Продольный разрез грота Киик-Коба и склона с северо-запада на юго-восток по средней линии (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940)

ногами и был ориентирован головой на северо-восток (рис. 55—57). Правая рука, вероятно, была вытянута, кисть — в районе коленных суставов; левая — возможно, согнута, кисть — в области черепа. Наличие инвентаря проблематично. В связи с погребением отмечены сломанное орудие на пластине, 40 отщепов и осколков, несколько мелких обломков кости. В районе стоп прослежена прослойка волокнистой структуры — остатки органики (?). Существование дополнительных структур проблематично: в 20 см к востоку от могилы — ямка (диаметр 0,20 м, глубина 0,15 м) без «каких-либо характерных находок» (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 96). В 1 м к северо-востоку от края могилы имелось кострище.

Погребение 2 — ребенок 5—8 месяцев. Находилось в гроте (возможно, связано с верхним очажным слоем (IV) — микромустье двустороннее (Гладилин В. Н., 1976), средняя или заключительная фаза Раннего Юр-ма?)³⁰. Контуры могильной ямы не прослежены (предположительные размеры — «до 1 м в диаметре, глубиной до 70 см». Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 36). Погребенный располагался на левом боку, головой на юг (рис. 55; 57; 58). Кости ног были согнуты в суставах в средней степени. Руки, по-видимому, были вытянуты или очень слабо согнуты и несколько отставлены от корпуса таким образом, что левая кисть попадала под левое колено, а правая — в состоянии пронации, лежала на левом бедре у колена, с фалангами, вывернутыми в сторону таза. Над погребенным лежал крупный блок известняка. В ходе раскопок череп погребенного обнаружен не был (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 146), но, возможно, его остатки были идентифицированы в процессе реконструкции (Vlček E., 1976. P. 297). Наличие инвентаря проблематично: «Несколько выше скелета находилось большое треугольное орудие. . . У самого скелета найдены только кремни

³⁰ Погребение ребенка, вероятно, относилось к верхнему очажному слою, поскольку единственное место, где отсутствовала стерильная прослойка, разделявшая оба жилых горизонта, прослежено над погребением, и разумно полагать, что это связано с существованием ямы, впущенной из верхнего очажного слоя в нижний (Смирнов Ю. А., 1987а).

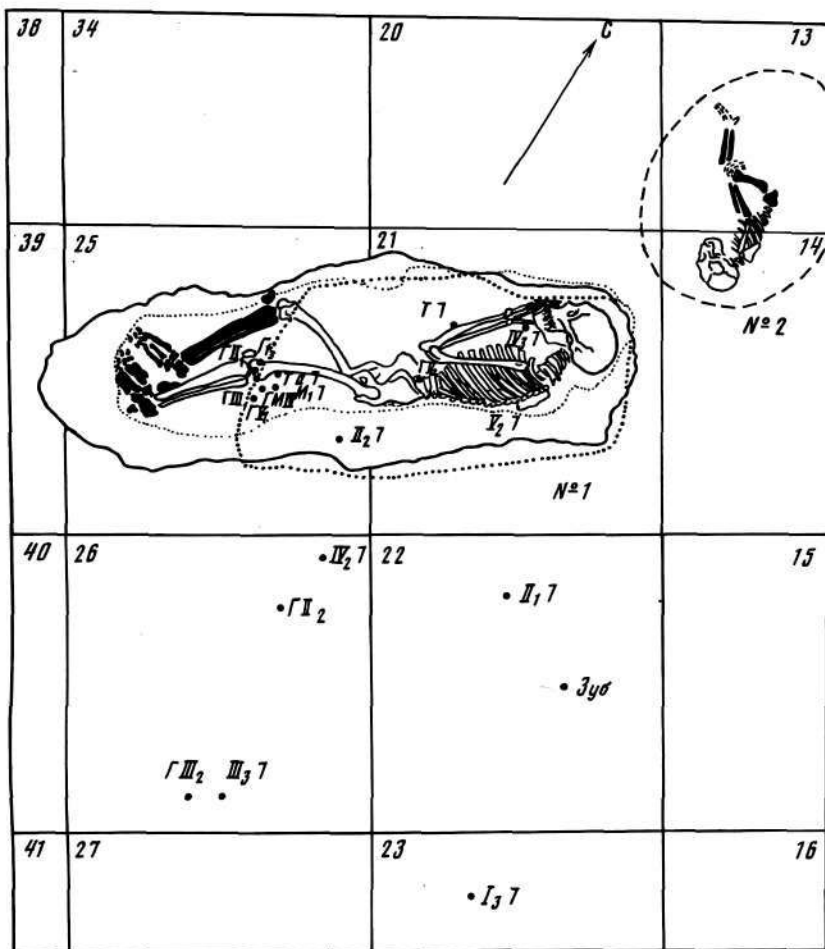

Рис. 57. План погребения взрослого и ребенка в гроте Киик-Коба (Бонч-Осмоловский Г. А., 1941; дополнен и изменен Э. Влчekom (Влчек Э., 1974); исправлен в некоторых деталях и дополнен. — Ю. С.)

1 — нижний контур ямы погребения Киик-Коба 1; 2 — верхний контур ямы погребения Киик-Коба 1; 3 — контур ямы, разрушившей погребение Киик-Коба 1; 4 — разрозненные кости кистей (Т — левой; Г — правой) погребенного Киик-Коба 1; 5 — предполагаемый контур ямы погребения Киик-Коба 2

нижнего слоя» (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 146). В коллекции ЛОИЭ (отдел археологии) имеется 48 нумерованных осколков кремня, происходящих из погребения, но преднамеренность их нахождения там не очевидна. В описи Г. А. Бонч-Осмоловского (5390-961) упоминается и группа мелких костей (Животных? — Ю. С.), найденных вблизи скелета ребенка (В коллекции ЛОИЭ не обнаружены. — Ю. С.).

Присутствие дополнительных структур проблематично: рядом с погре-

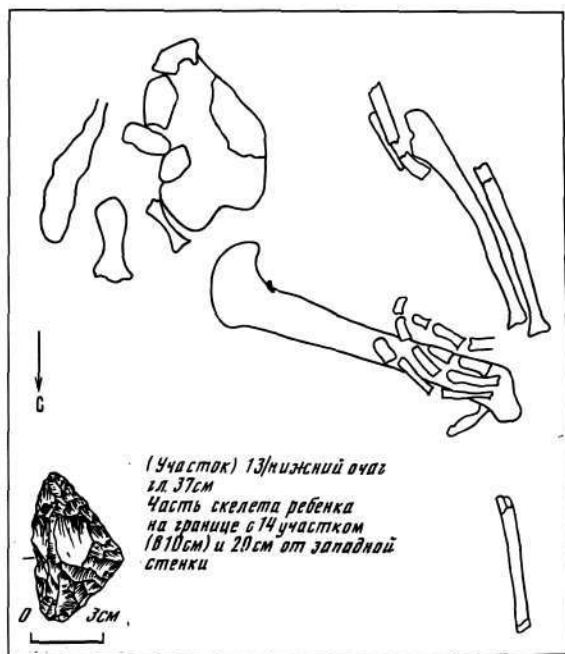

Рис. 58. План сохранившихся на месте костных остатков погребенного ребенка Киик-Коба (Бонч-Осмоловский Г. А., А1924а)

В левом нижнем углу — двустороннеобработанное треугольное орудие (5,5×3,1 см), возможно, связанное с данным погребением

бением находилась яма прямоугольной формы с одной скошенной стороной и почти вертикальными стенками (длина 1,40 м, ширина 0,80 м, глубина 0,60 м). Заполнена культурным слоем. Содержала большое количество (15 кг) крупных костей животных, в том числе обломки трубчатых костей с эпифизами, фрагмент челюсти, кости стопы крупных жвачных. Кроме того, в ней имелись кремневые орудия и осколки (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 134).

Староселье 1³¹

Погребение навеса Староселье (СССР, Крым, восточная окраина г. Бахчисарай, левый берег р. Чурук-су) было раскопано А. А. Формозовым в 1953 г. (рис. 59—63). Преднамеренный характер погребения обосновывался А. А. Формозовым на основе совершенной анатомической целостности и практически полной (хотя и в плохом состоянии) комплектности скелетных остатков. Погребение — ребенок примерно 1,5 лет. Обнаружено на

³¹ Староселье 2. Кости второго индивидуума были выявлены позднее Н. К. Верещагиным среди фаунистических остатков, относящихся к тому же слою, что и погребение Староселье 1. Они представляли собой фрагмент переднего отдела нижней челюсти, фрагмент плечевой кости и фрагмент лучевой кости. Вероятно, принадлежали пожилой женщине (Формозов А. А., 1958. С. 75). Судя по имеющимся остаткам, можно с некоторой долей вероятности, основанной на сопоставлении с другими палеолитическими памятниками (см. раздел «Костные остатки ископаемых гоминидов и критерии оценки преднамеренного характера погребения»), предполагать, что остатки Староселье 2 могли происходить из разрушенного погребения.

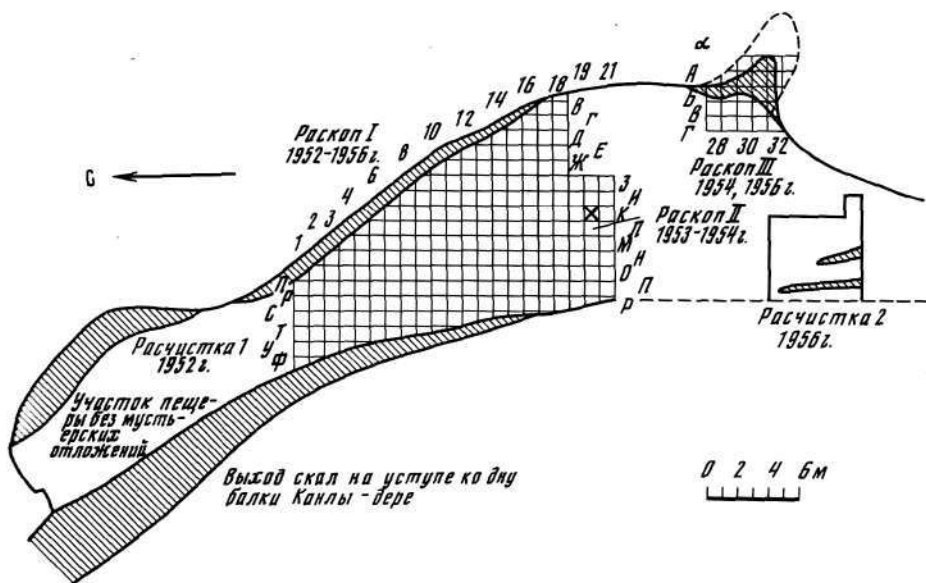

Рис. 59. План разбивки площади пещеры Староселье на квадраты (Формозов А. А., 1958; дополнен. — Ю. С.)

Крестик обозначает местонахождение погребения Староселье 1

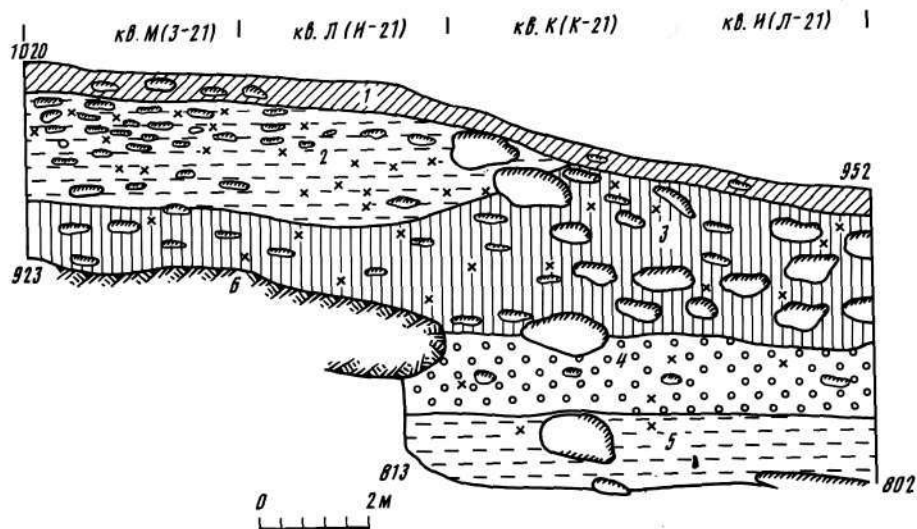

Рис. 60. Профиль южной стенки шурфа 1 (Где обнаружено погребение. — Ю. С.) на стоянке Староселье (Формозов А. А., А1953)

1 — гумусированные отложения конуса выноса; 2 — глинистая линза в культурном слое с находками; 3 — мустьерский культурный слой с большим числом плит камня; 4 — ожелезненный гравий с отдельными находками; 5 — плотная красная глина с отдельными находками; 6 — плита обвала карниза навеса

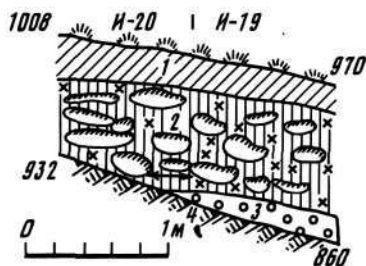

Рис. 61. Профиль шурфа 1 в Староселье к востоку от погребения, посредине квадратов И19, И20 (Формозов А. А., 1953)

- 1 — гумусированные отложения конуса выноса с поверхности плато без находок;
- 2 — мустьерский культурный слой с большим числом плит, упавших с потолка пещеры, цементированных щебенкой;
- 3 — слой стерильного гравия;
- 4 — плита известняка, упавшая с потолка пещеры;
- 5 — уровень погребения

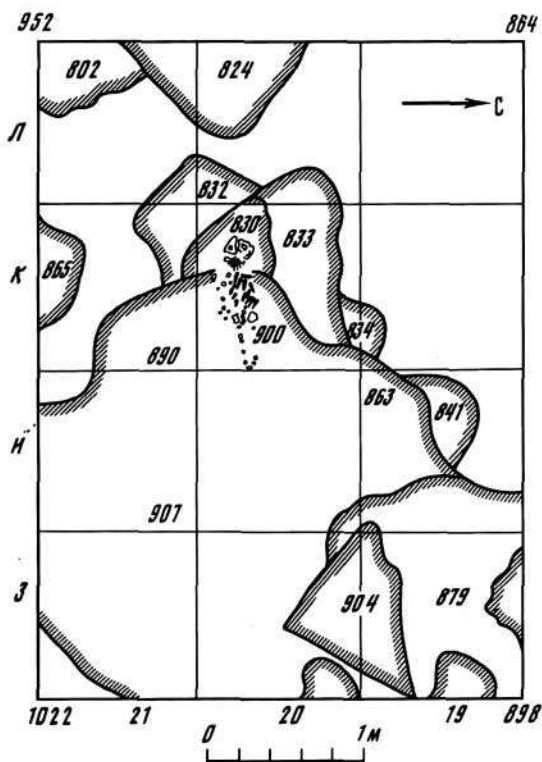

Рис. 62. Положение скелета ребенка в раскопе II на стоянке Староселье (Формозов А. А., 1958)

Изображены плиты обвала карниза навеса, лежавшие ниже погребения. Цифры показывают высотные отметки плит

Рис. 63. План расположения скелета ребенка, найденного в раскопе II в Староселье, после расчистки перед вырезкой монолита (Формозов А. А., 1958)

площадке перед нишей навеса (связано с надобвальным горизонтом — мустье с апельской традицией (Формозов А. А., 1977. С. 34); мустье двустороннее (Гладилин В. Н., 1976 С. 97, 98) аккайское (?), поздняя фаза Вюрма I или Вюрм II (?)). Погребальное сооружение не прослежено. Предположительно — насыпь над погребенным, созданная из стерильного известнякового гравия и глины. Погребенный располагался на правом боку (по М. М. Герасимову, расчищавшему погребение, — на спине, но этому противоречит положение корпуса — см. выше), в вытянутом положении, головой на запад. Руки согнуты в незначительной степени, кисти — в области таза.

Заскальная VIa, б, в ³²

Погребение детей грота или навеса Заскальная VI (СССР, Крым, в 7 км к северу от г. Белогорск (Карасу-Базар), правый берег р. Большая Карасевка (Биюк-Карасу)) было открыто Ю. Г. Колосовым в 1973 г. (рис. 64; 65). Существование преднамеренного погребения обосновывалось Ю. Г. Колосовым, исходя из наличия ямы и скелетных остатков, часть которых располагалась в анатомической связи. В погребении были обнаружены некомплектные остатки трех детей: Заскальная VIa — 2—3 года, Заскальная VIб — 1 год и Заскальная VIв — 5—6 лет (Данилова Е. И., 1983; Колосов Ю. Г., 1986). Погребение, по всей видимости, находилось примерно в центре стоянки, под краем кровли убежища. Оно было связано со слоем III (IIIa) — мустье двустороннее (аккайское), средняя фаза Раннего Вюрма, старше 45 000 лет до современности (КИ-856) — образец из вышележащего горизонта. Погребение совершено в яме (ямах?), контуры которой нечетко прослеживались из-за позднейших нарушений (судя по чертежам и фотографиям, яма имела прямоугольные очертания и приблизительно следующие размеры: 1,75×0,75×0,25 м) ³³. Яма была примерно

³² К настоящему времени на стоянке Заскальная IV обнаружены некомплектные остатки семи индивидуумов: 1972 г. Слой III, участок 32-Д, глубина 183—184 см — обломок нижней челюсти с тремя зубами и 14 разрозненных зубов того же индивидуума — девочки 10—12 лет; пять фаланг кисти — подросток 14—15 лет. 1973 г. Слой III (IIIa), участок 30-ГД, глубина 2,24—2,57 м — описываемое здесь погребение — дети 1 года, 2—3 и 5—6 лет. 1978 г. Слой III, участок 35-Г, глубина ? — правая большеберцовая кость — ребенок 2—3 лет; дистальная часть правой плечевой кости — ребенок 5—6 лет; обломок нижней челюсти с четырьмя зубами — подросток 12 лет (Данилова Е. И., 1980. С. 124); подросток 14—15 лет (Данилова Е. И., 1983. С. 82, 85).

Согласно Ю. Г. Колосову (1987. С. 61—63), все эти находки являются коллективными расчлененными захоронениями. Однако приводимые им данные явно недостаточны для того, чтобы с уверенностью расценить остатки, обнаруженные в 1972 и 1978 гг., как происходящие из преднамеренных погребений. Хотя расположение перечисленных костных остатков на ограниченной полосе длиной 6 м и шириной 2 м, вытянутой по линии северо-запад—юго-восток, и может указывать на какие-то намеренные действия древнего населения стоянки, но также это может быть и случайным совпадением.

³³ Основной вопрос, связанный с данным памятником, заключается в следующем. Имело ли здесь место двойное (тройное?) погребение, впоследствии нарушенное ямой, или же погребение детей — годовалого и пяти-шестилетнего возраста (остатки которых были в основном сосредоточены в южной, нарушенной части скопления человеческих остатков) — разрушило предшествующее погребение двух-трехлетнего ребенка и уже в свою очередь было нарушено более поздней ямой размерами 0,50×0,45×0,20 м. Последняя, возможно, пред-

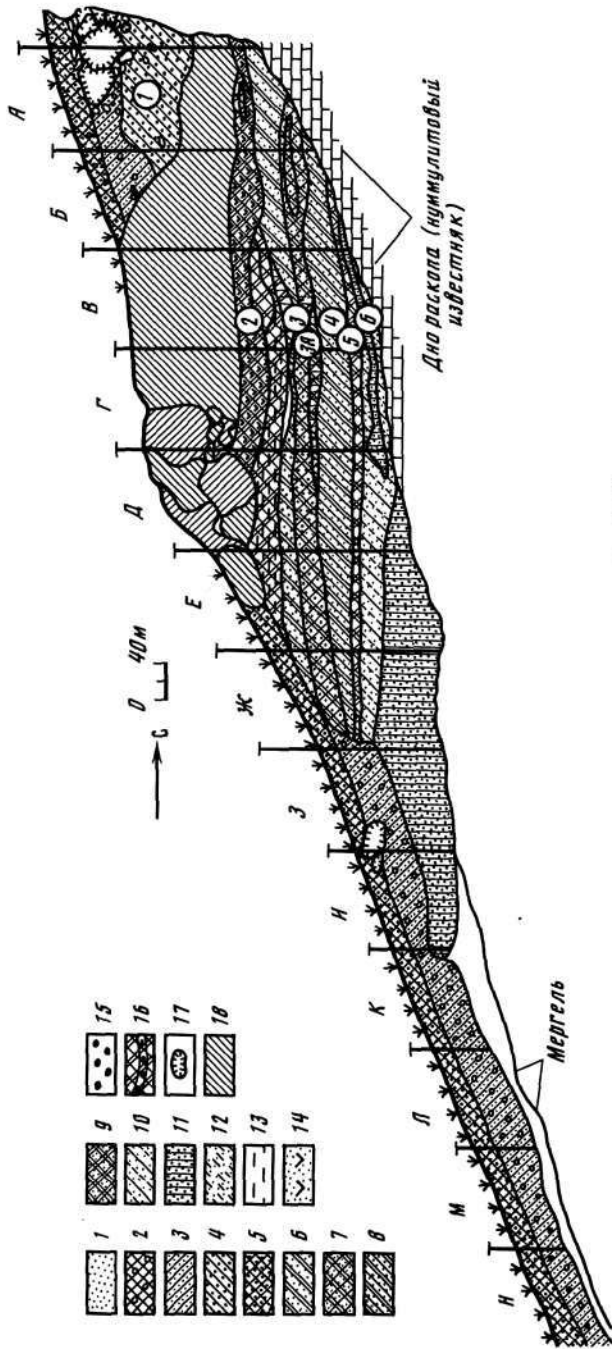

Рис. 64. Заскальная VI. Профиль западной стенки раскопа (Колосов Ю. Г., 1986)

1 — детритусовый песок; 2 — гумус с вкраплениями мелкой щебенки; 3 — сильно гумусированный детритусовый песок; 4 — слой 1 — желтый детритусовый песок; 5 — слой 2 — очажный пепельно-серый; 6 — слой 3 — желтый детритусовый песок с вкраплениями гравия; 7 — слой 3А — желтый детритусовый песок; 8 — слой 4 — углисто-черный; 9 — слой 5 — желтый детритусовый песок; 10 — слой 6 — жел-

товато-зеленый детрито-глауконитовый песок; 11 — детрито-глауконитовый песок зеленого оттенка; 12 — прослойка желтого детритусового песка в слоях 2 и 4; 13 — прослойка буроватого оттенка в слое 2; 14 — зола; 15 — костный уголь; 16 — очажные линзы в основании слоя 2; 17 — глыбы нуммулитового известняка; 18 — глыбы основного обвала

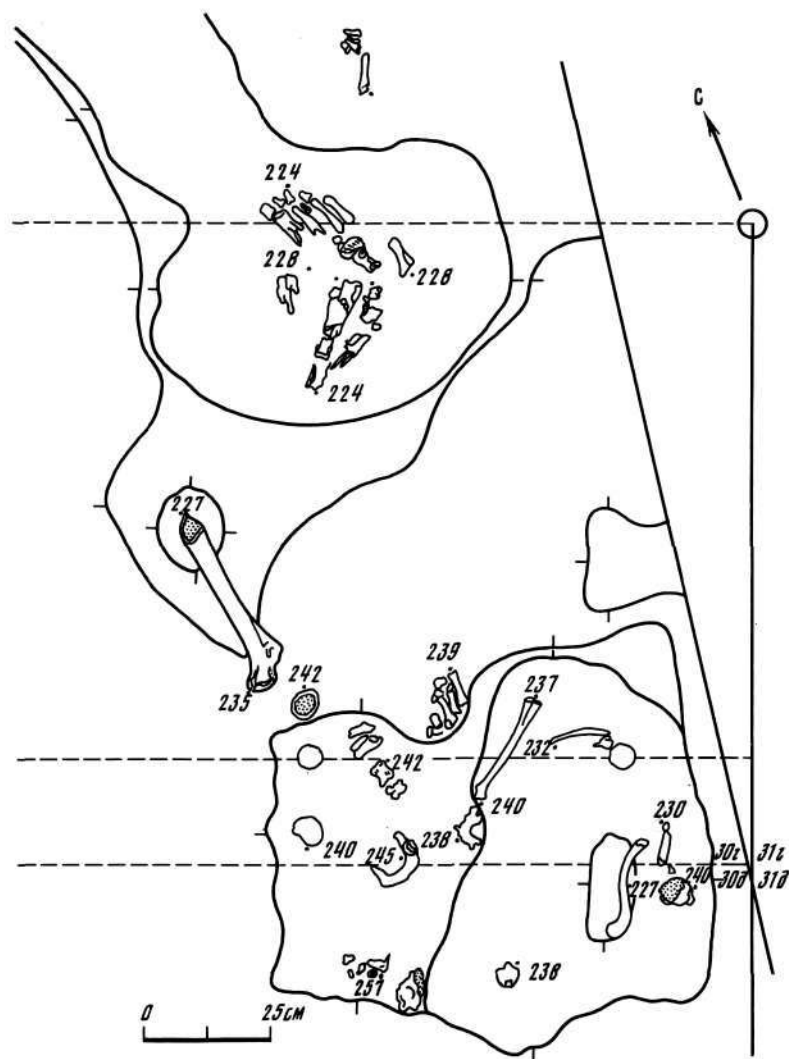

Рис. 65. Заскальная VI. План расположения костных остатков детей (Погребение а, б, в. — Ю. С.) в слое За (Колосов Ю. Г., 1975)

ставляла собой нору грызуна, отдельные кости которого были найдены здесь среди человеческих остатков. Следует сказать, что и характер расположения человеческих костей на этом участке, т. е. характер произведенных нарушений, в большей степени указывает на следы деятельности землероя, чем на антропогенное воздействие. Впрочем, не исключено и последнее, о чем писал Ю. Г. Колосов (1979. С. 44, 45). В настоящую работу данное погребение условно введено как тройное.

ориентирована по линии север—юг. Непосредственно над погребением (на 6 см выше верхнего уровня залегания человеческих костей) отмечено скопление костей животных. Оно имело овальные очертания и следующие размеры: длина 72 см, ширина 50 см, толщина 2—4 см (по чертежу 120×85×6 см. Колосов Ю. Г., 1986. С. 69. Рис. 6). Скопление состояло из многочисленных костей животных (трубчатые кости, ребра, позвонки и пр.), часть которых обожжена. Среди скопления обнаружены два орудия, кремневые сколы и несколько в основном «перебитых» плоских песчаниковых галек. Здесь же находились два небольших (диаметр до 7 см) пятна, состоявших из черного порошкообразного костного угля. Согласно Ю. Г. Колосову, на 3—4 см выше нижнего «этажа» скопления, залегал верхний «этаж», несколько больший по размеру и немного смещенный к востоку, по сравнению с нижним. Однако по глубинным отметкам на чертеже, верхний «этаж» располагался на 57 см выше нижнего (Колосов Ю. Г., А1973а; 1973б). Из верхнего скопления определены кости осла, отдельные пластинки зуба мамонта, обломки костей лошади. Кости залегали вперемежку с костным углем и кремнем.

Ребенок 2—3 лет, представленный наиболее полным набором костей посткраниального скелета (остатки его голеней и стоп находились в относительном анатомическом порядке), возможно, был похоронен первым и располагался на «горизонте». Судя по остаткам ног, он мог лежать на левом боку в согнутом положении, ногами на север. В отношении остатков всех индивидуумов на данном участке стоянки отмечено полное отсутствие костей черепов, что вероятно, указывает на доингумационное нарушение целостности тел погребенных (см. ниже). Наличие дополнительных структур и погребального инвентаря вероятно. На одном уровне с погребением, совершенным, видимо, до начала образования культурного слоя III, в прослойке относительно стерильного песка зафиксированы следующие объекты. Пять небольших (диаметр до 0,50 м) ям, три из которых практически примыкали к погребению, а две располагались не далее чем в 0,60 м от него. Две ямы заполнены песком (в одной из них — несколько кремневых сколов, а на дне — скопление мелких раковин; обе ямки, возможно, водного происхождения. Колосов Ю. Г., 1986. С. 52). Три ямки заполнены культурными остатками (в одной из них — кости животных, в том числе несколько костей нижней конечности лошади в анатомическом порядке). Здесь же обнаружены две очажные ямки: одна — непосредственно вблизи погребения, другая — в 0,50 м от него. Одна из таких ям заполнена пеплом и небольшими обожженными костями животных. Весь этот комплекс находок (считая и погребение), располагавшийся на площади около 5 кв. м, и был первоначально выделен Ю. Г. Колосовым в самостоятельный горизонт — культурный слой IIIа (Колосов Ю. Г., А1973а; 1973б; 1974. С. 287—288; 1979. С. 44, 45), но позднее (Колосов Ю. Г., 1986. С. 52, 53) автор раскопок по непонятным причинам отнес все описанные объекты, кроме собственно погребения, к культурному слою IV. Среди человеческих остатков и на одном уровне с ними были найдены также расколотые обожженные и необожженные кости животных, клык хищника, костные угольки, отщепы кремневый скол и чешуйки, несколько каменных изделий, в том числе односторонний нож с площадкой для упора пальца, два костяных изделия (носик закругленной лопаточки из ребра животного, сломана в древности:

зроколка с пятью параллельными насечками на нижней части стержня), плоская овальная галька, округлый кусок известняка шириной 5 см и высотой 8 см, кусок охры. Кроме того, в некотором отдалении (как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении) от человеческих остатков находились два клыка хищника и другие кости животных (некоторые расколоты и обожжены), утилизированная кость (ретушер³⁴), кремневые отщепы и чешуйки (Колосов Ю. Г., А1973а; 1973б; 1974; 1979; 1986; 1987; Данилова Е. И., 1983). Связь по крайней мере большинства перечисленных предметов с погребением вполне вероятна, так как данный участок стоянки (слой IIIa) в большей степени сходен с погребальным комплексом, вынесенным за пределы жилья или же устроенным до начала нового заселения стоянки, чем с собственно жилым слоем.

Тешик-Таш

Погребение в гроте Тешик-Таш (СССР, Средняя Азия, в 18 км к северо-западу от г. Байсун, долина р. Тургандарья) было раскопано А. П. Окладниковым в 1938 г. (рис. 66—71). Преднамеренность погребения обосновывалась А. П. Окладниковым, исходя из обнаружения пяти-шести пар рогов горного козла, расположенных вокруг скелетных остатков человека. Погребение — ребенок 8—10 лет. Находилось под кровлей грота в культурном слое I — мустье (оби-рахмат) (Сулейманов Р. Х., 1972), вероятно, Ранний Вюрм. Контуры погребального сооружения не прослежены, но, судя по стратиграфии, имелась яма глубиной не менее 0,30 м, выкопанная частично в культурном слое, но в основном в подстилающей стерильной глине. Среди и вокруг погребенного — не менее 16 небольших (длина до 21 см) обломков известняка. Присутствие здесь этих обломков было литологически не характерно для стерильной глины, подстилающей культурный слой, поскольку в ней встречались лишь сильно окатанные обломки размером с горошину и меньше. Костяк некомплектный³⁴. Останки погребенного были сосредоточены на площади примерно 1,10×0,80 м. Человеческие остатки залежали в слое на разных уровнях с перепадом 15—25 см. Нижняя челюсть находилась под черепом, располагавшимся затылочным отверстием вверх. Останки позвонков и ребер залежали в беспорядке вокруг черепа на разных глубинах. Останки длинных костей конечностей были сосредоточены преимущественно в 20 см к северу—северо-востоку от черепа. Первоначальное расположение костей не устанавливается (погребение потревожено грызуном), однако нахождение основной части нижних конечностей к северо-востоку от черепа дает некоторое право предполагать существование определенного порядка положения остатков при погребении и, может быть, даже имитацию такой позы, при которой череп был направлен в сторону задней стенки грота, т. е. на юго-запад, а кости ног — по направлению к выходу. Наличие инвентаря вероятно: «Несколько

³⁴ Согласно исследованиям Г. Ульриха (1982), в гроте изначально были погребены череп, нижняя челюсть и отдельные кости посткраниального скелета, предварительно очищенные от мягких тканей, на что «ясно указывают следы резания на диафизах и в особенности на диафизе левой большеберцовой кости» (Ульрих Г., 1982б; Ulrich H., 1986. P. 227—236).

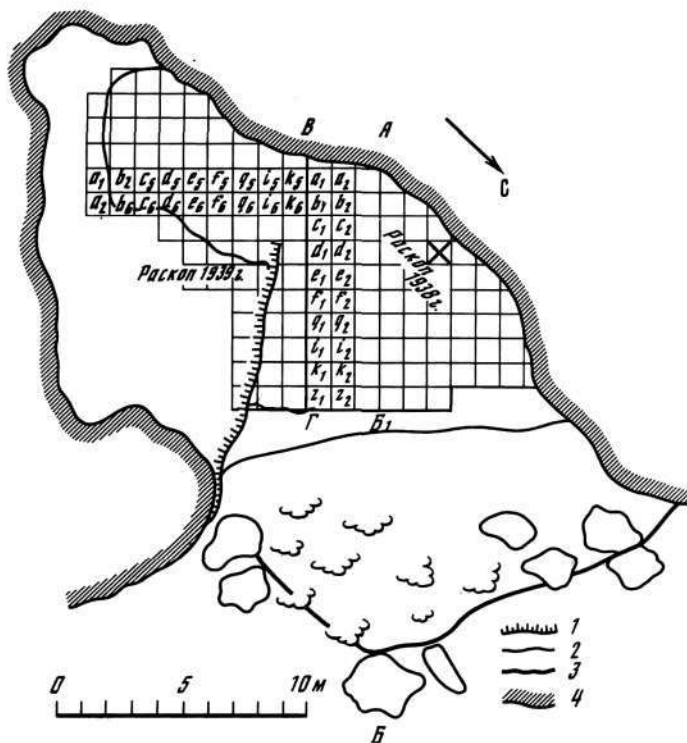

Рис. 66. Тешик-Таш. Общий план грота и раскопок 1938 и 1939 гг. (Окладников А. П., 1949; дополнен. — Ю. С.)

Крестик обозначает местонахождение погребения Тешик-Таш 1; 1 — линия барьера; 2 — линия навеса; 3 — граница площадки; 4 — скала

расколотых поперек и вдоль трубчатых костей козла, лежавших рядом и параллельно друг другу. . . и между ними — костяная поделка (орудие типа шила)»³⁵ (Окладников А. П., 1949. С. 32); «рядом с черепом ребенка — фрагмент черепа козла (?)» (Окладников А. П., 1949. С. 65); рядом с одним из ребер ребенка — «ребро животного, разбитое на три части»³⁶ (Окладников А. П., 1949. С. 35); «вместе с костями человека и единичными костями животных. . . тут же находилось несколько отщепов» (Окладников А. П., 1949. С. 35), кроме того, здесь было обнаружено шесть пар рогов горного козла. В расположении рогов и обломков известняка заметна определенная система (рис. 68)³⁷, позволяющая предположить создание

³⁵ Связь перечисленных предметов с погребением предположительна — они находились в нижнем горизонте культурного слоя.

³⁶ Связь этих предметов с погребением более вероятна, чем у вышеперечисленных, так как, в отличие от последних, они находились уже не в основании культурного слоя, а в стерильной глине заполнения.

³⁷ Как уже отмечалось, на одной из фотографий (рис. 69) расстояние между рогами козла и костями ребенка представляется большим, чем на чертежах (минимум на 0,20 м). Кроме

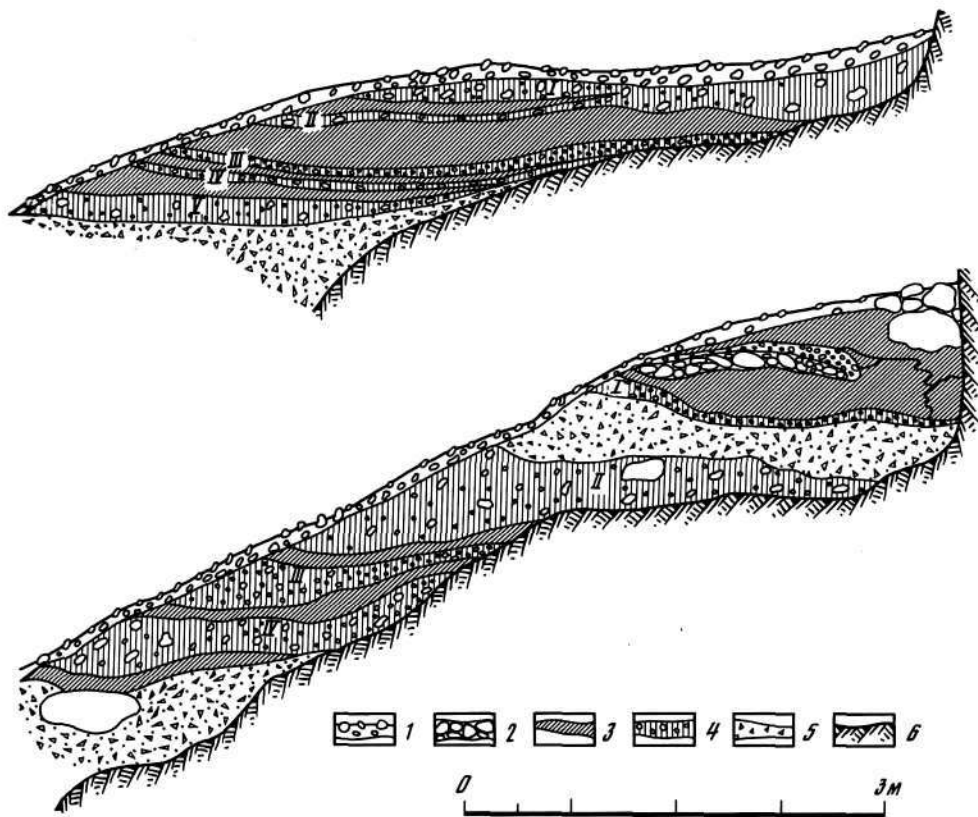

Рис. 67. Продольные профили отложений на дне грота Тешик-Таш (Окладников А. П., 1949)

Верхний — по линии А—Б, нижний — по линии В—Г (см. рис. 66); I—V — нумерация культурных слоев; 1 — почвенный слой; 2 — валуны; 3 — стерильная глина; 4 — культурный слой; 5 — щебень; 6 — скала

кольцеобразного сооружения вокруг человеческих остатков. Судя по положению сохранившихся остатков, рога, соединенные «в вилку» частями черепных крышек, были помещены в могилу вертикально, острыми концами вниз или по крайней мере в сторону черепа и посткраниальных остатков ребенка. И рога, и обломки известняка, возможно, играли двоякую роль — конструктивных элементов погребального сооружения и предметов сопровождающего инвентаря. Присутствие дополнительных структур проблематично: рядом с погребением обнаружено кострище (Окладников А. П., 1949. С. 21, 22).

того, несколько странным кажется умолчание о круге из рогов козла, «внутри которого заключался череп и отчасти другие кости человеческого скелета» (Окладников А. П., 1949. С. 34), в самом первом сообщении о находке, где сказано лишь о том, что «около костей (Ребенка. — Ю. С.) найдены в культурном слое крупные рога козлов (пять пар, из них три целиком)» (Окладников А. П., 1939а. С. 8).

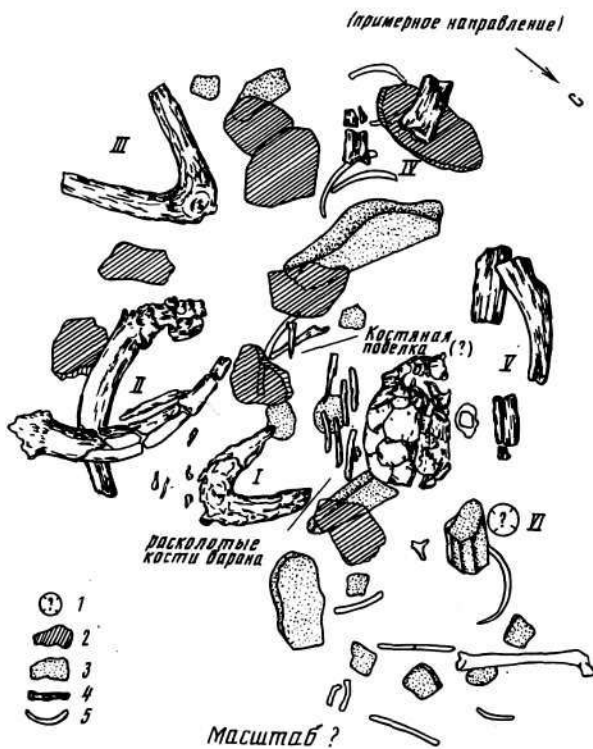

Рис. 68. Сводный план погребения ребенка Тешик-Таш 1. составленный Ю. А. Смирновым по данным А. П. Окладникова (1949)

- I—VI — рога горного козла;
 I — возможное местоположение шестой пары рогов горного козла;
 2 — камни верхнего уровня;
 3 — камни нижнего уровня;
 4 — кости верхнего уровня;
 5 — кости нижнего уровня (нижний уровень — конец расчистки, после удаления черепа ребенка и рогов козла)

Рис. 69. Череп ребенка-неандертальца и рога козла в начале расчистки (Окладников А. П., 1949)

Рис. 70. Череп, ребра и длинные кости ребенка-неандертальца; слева, вплотную у черепа —
литка известняка (Окладников А. П., А1938)

Рис. 71. Кости ребенка-неандертальца. Вид сбоку (Окладников А. П., А1938)

Шанидар 1—9 и 10 (?)³⁸

Погребения в пещере Шанидар (Ирак, Курдистан, в 17 км на юго-восток от г. Зибар, левый берег р. Большой Заб) были открыты Р. С. Солецки в 1953, 1957—1960 гг. (рис. 72—80). Преднамеренность погребений в целом была обоснована, что называется, задним числом, спустя примерно 10 лет по окончании раскопок (Solecki R. S., 1971), в основном на почве открытия так называемого цветочного погребения — Шанидар 4, 6—8. До этого времени была сделана настолько робкая попытка сказать о возможно преднамеренном характере погребения 1 (Solecki R. S., 1960. P. 613, 619), что ее не заметили даже соотечественники Р. С. Солецки (Binford S. R., 1968: Haggold F. V., 1974; 1980). Все погребения локализованы в средней части пещеры и принадлежат слою D, залегая в его верхнем подразделе — мутье; Ранний Вюрм — первая половина Вюрма. Исходя из стратиграфического положения погребенных, выделяются примерно три-четыре фазы захоронений: 1) погребение 9—70 000 лет?, 2) погребения 2, 4, 6—8 — 60 000 лет?, 3) погребение 1 — $46\ 900 \pm 1500$ лет до современности (GrN-2527) или $50\ 600 \pm 3000$ лет до современности (GrN-1495), погребение 5 — 46 000 лет? и 4) погребение 3 — 46 000? лет до современности. Но, возможно, все погребения, кроме 4, 6—8 и, может быть, 1, 5, разделены значительными промежутками времени³⁹.

Погребение 1 — мужчина 30—45 лет. Совершено на «горизонте» (поверхность жилого слоя с уклоном (перепад от стоп к черепу 15—20 см) от востока к западу под насыпью (наброской) из камней и земли?). Используются камни обвального горизонта. Форма сооружения нерегулярная. четкие контуры отсутствуют (не зафиксированы?). Вытянуто с севера на юг (примерные размеры $2,50 \times 1,50$ м). Погребенный располагался вытянуто на спине, с некоторым разворотом на правый бок, перпендикулярно оси сооружения, головой на запад (рис. 72—76). Ноги вытянуты, стопы сближены. Правое предплечье и дистальный конец плеча отсутствуют (возможна прижизненная ампутация). Левая рука сильно согнута в локте. кисть в состоянии пронации, могла находиться в районе правой ключицы. Череп, смещенный к югу, покоился на своем основании. Нижняя челюсть, сдвинутая к северу — северо-востоку, располагалась вверх восходящими ветвями и заходила правой ветвью под череп. Причины несогласия в расположении краниальных и посткраниальных остатков неясны («кусочек известняка отсоединял (От черепа. — Ю. С.) шейные позвонки в районе четвертого» (Solecki R. S., 1960. P. 611)). Под нижней челюстью находился

³⁸ На возможное существование остатков десятого индивидуума указывал Р. С. Солецки (Solecki R. S., 1971. P. 243, 244) (см. выше).

³⁹ На основании многочисленных нарушений целостности скелетов, все индивидуумы, кроме 4; 6—9, расценены Р. С. Солецки как жертвы обвалов, естественным образом захороненные на месте смерти (только для индивидуума Шанидар 1 первоначально допускалась возможность преднамеренного погребения после гибели). В принципе многочисленные следы нарушений на шанидарских скелетах могли быть произведены обвалами и после того как была совершена ингумация. Это отмечал и Т. Д. Стьюарт (Stewart T. D., 1977. P. 152). Позднее, однако, Р. С. Солецки (Solecki R. S., 1971) пересмотрел свою точку зрения о случайном характере захоронений, кажется для всех индивидуумов, кроме 3, и таким образом, снял целый ряд противоречий между характером отложений над скелетами, совершенно не схожими, по его же наблюдениям, с отложениями обвальных горизонтов и, следовательно, указывающими на преднамеренное вмешательство.

Рис. 72. План пещеры Шанидар и раскопа с указанием местонахождения погребений (Solecki R., 1957a, 1960)

Дополнения и изменения Т. Стюарта (Stewart T. D., 1977) и Ю. С.

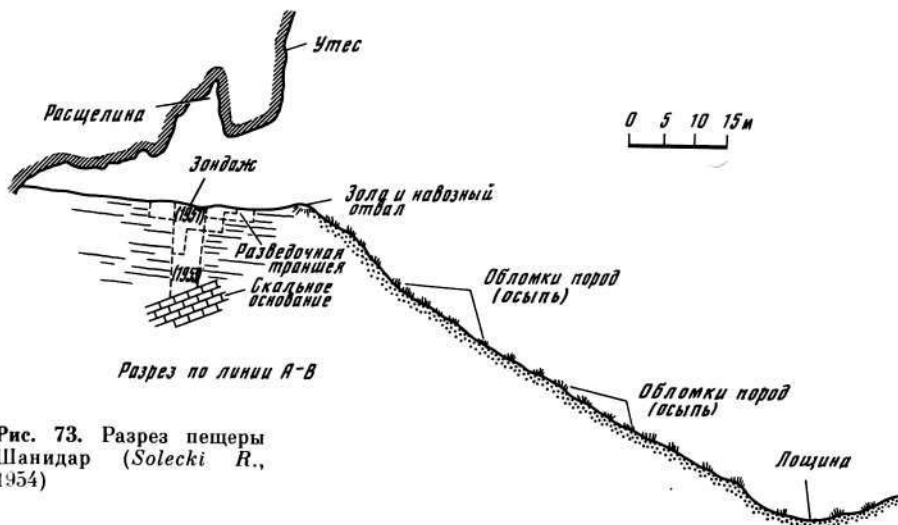
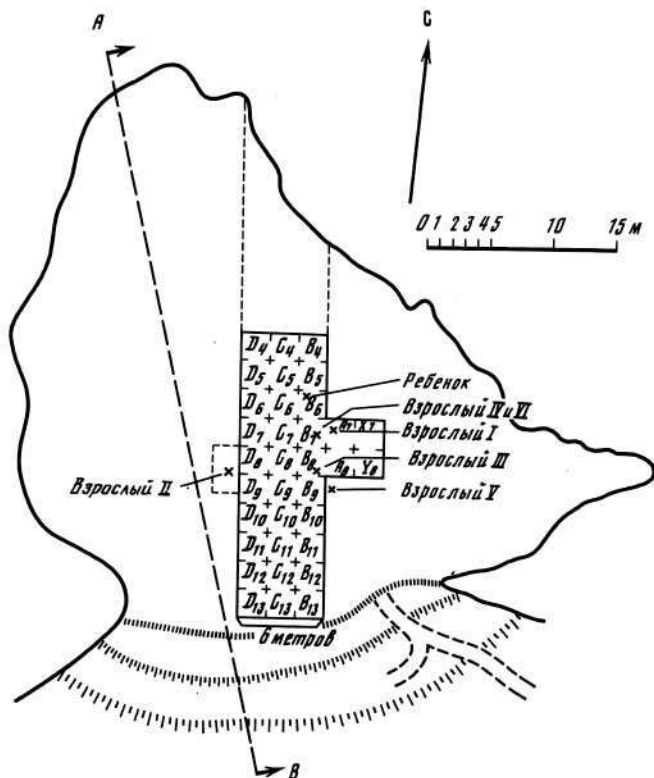

Рис. 73. Разрез пещеры Шанидар (Solecki R., 1954)

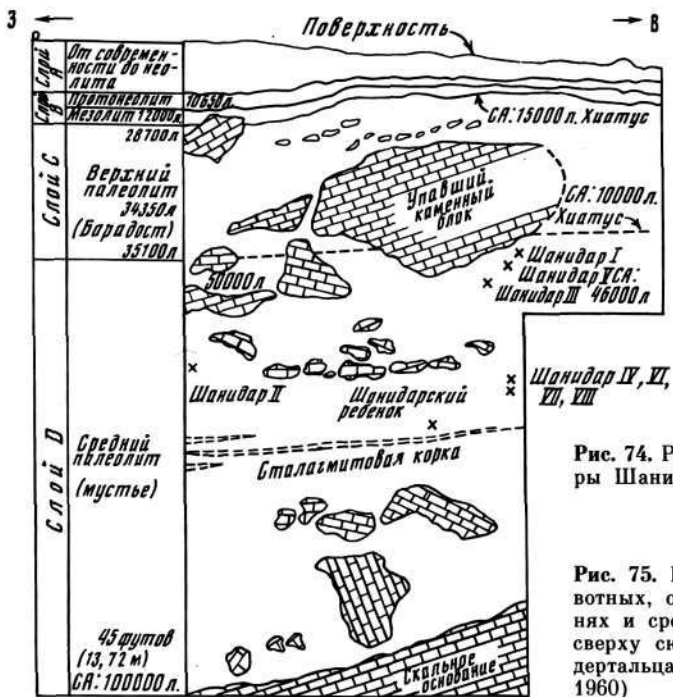
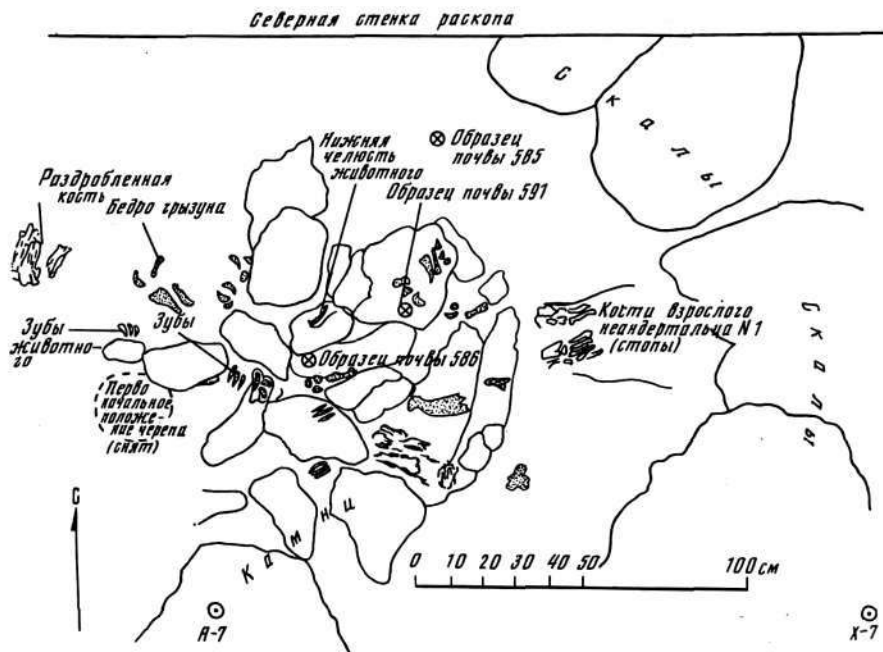

Рис. 74. Разрез отложений пещеры Шанидар (Solecki R., 1971)

Рис. 75. Положение костей животных, обнаруженных на камнях и среди камней, лежавших сверху скелета взрослого неандертальца Шанидар 1 (Solecki R., 1960)

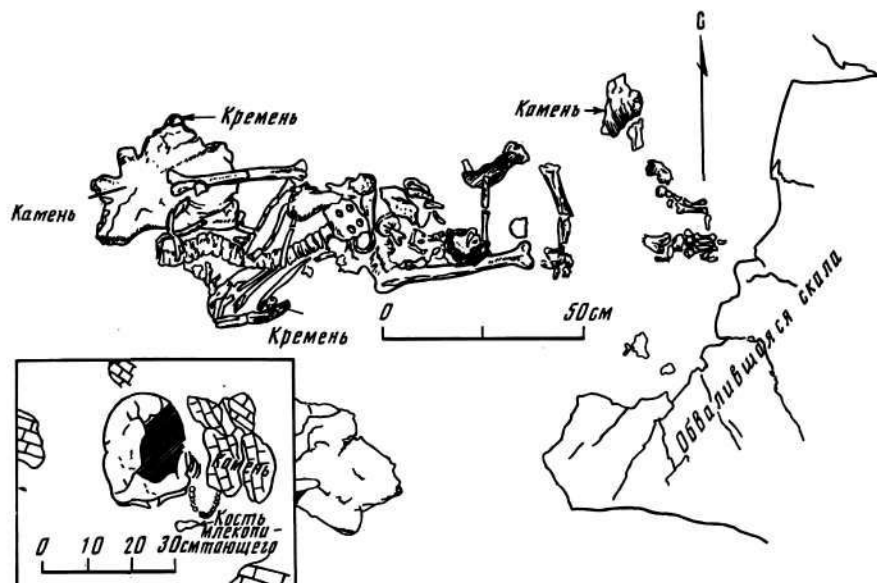

Рис. 76. Посткраниальный скелет взрослого неандертальца Шанидар 1 (Solecki R., 1960)
 На врезке — положение черепа Шанидар 1. Вид сверху (Solecki R., 1960)

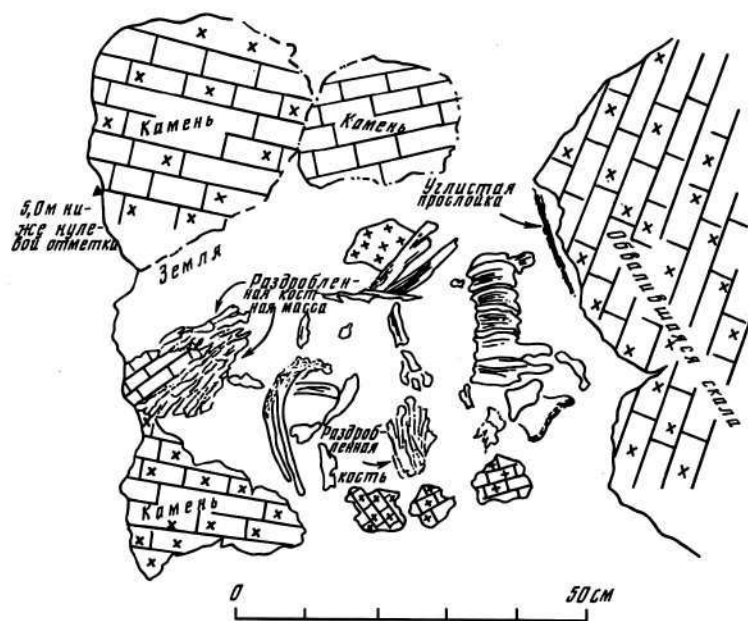

Рис. 77. Скелетные остатки туловища взрослого неандертальца Шанидар 3 (Solecki R., 1960)

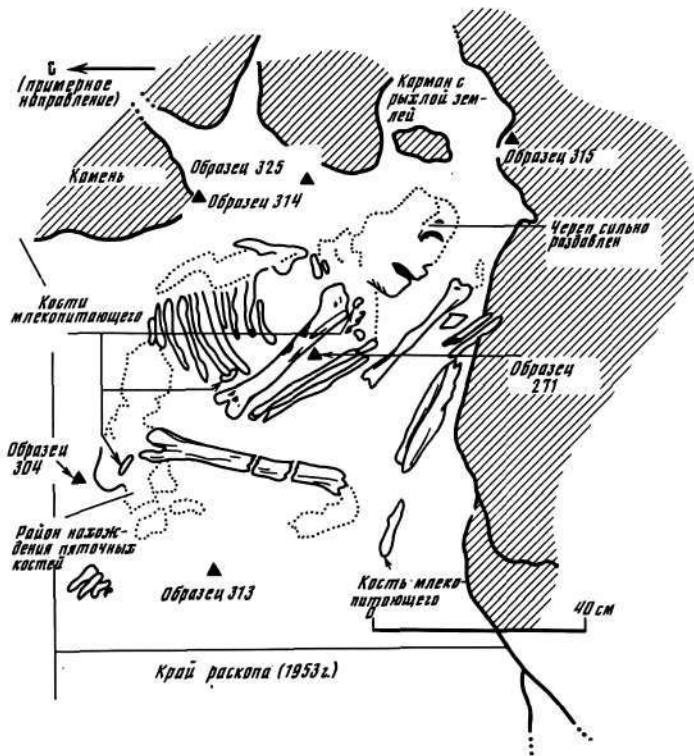

Рис. 78. Взрослый неандерталец Шанидар 4 (Solecki R., 1971)

Кости Шанидар 6 (предплечье) можно видеть правее костей левого предплечья Шанидар 4 (Ю. С.)

плоский камень, под левым плечом — большой плоский камень; «два очага были обнаружены прямо под скелетными остатками: один — под правой голенью, другой — точно к северу от левого предплечья» (Solecki R. S., 1960. P. 613, 614). Наличие инвентаря проблематично: в возможной связи с погребением отмечены два отщеп (один ретуширован) и многочисленные кости млекопитающих (часть обожжена), которые находились как под сооружением из камней, на уровне скелета и частью в соприкосновении с ним, так и выше него, среди камней и рыхлой почвы насыпи (здесь же найдено и несколько отщепов), а также на ее внешней поверхности. Эти кости расценены Р. С. Солецки как «остатки заупокойного пира» (Solecki R. S., 1960. P. 619).

Погребение 2 — мужчина 20—30 лет. Погребение совершено «на горизонте», возможно, под насыпью из камней. «Исходя из некоторых признаков казалось, что как будто невысокая кучка камней была положена сверху на тело и над ним разведен большой костер, . . . который, похоже, был засыпан землей, когда огонь еще горел» (Solecki R. S., 1971. P. 225, 226). Еще одно кострище находилось в 30 см к югу от черепа. Положение скелетных остатков фактически не зафиксировано (рис. 72; 74). Отмечено только неес-

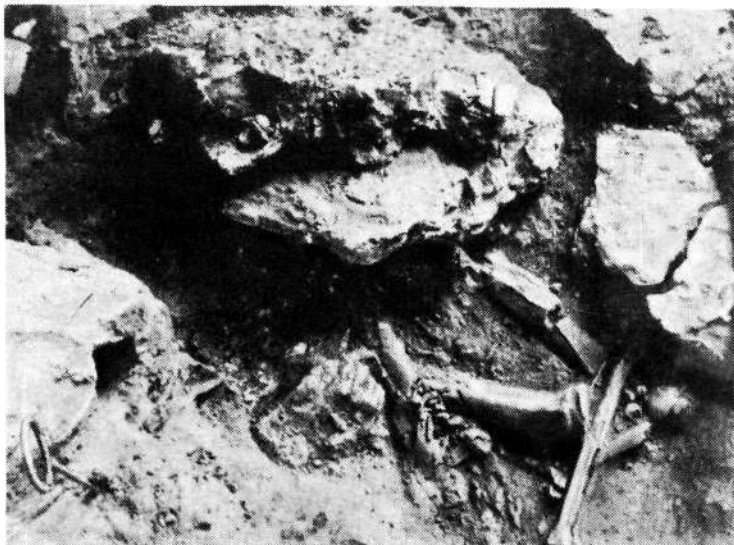

Рис. 79. Череп (вверху слева) и разбитые кости Шанидар 5 (*Solecki R.*, 1954)
Внизу справа — кости левой ноги (*Ю. С.*)

Рис. 80. Детский скелет Шанидар 9
после расчистки (*Solecki R.*, 1954)

тественное положение позвоночного столба и левой лопатки, загибавшихся на затылок и левый висок. «Рассматривая такое положение, кажется, что череп должен был быть сильно сдвинут назад, на туловище, таким образом, что затылок пришелся как раз между левой лопаткой и спинными отростками грудных позвонков» (Stewart T. D., 1977. P. 145). Череп располагался на правом боку. Погребенный ориентирован на северо-восток (?). Под черепом — камень. Костяк некомплектный. Кроме черепа, нижней челюсти, двух лопаток, шейных, ряда грудных и поясничных позвонков, обломков трех ребер и левых большой и малой берцовых костей, ничего не найдено. Но поскольку на костях имеются следы погрызов, неполнота скелета, возможно, вызвана только естественными причинами, хотя Т. Д. Стьюарт, расчищавший, реставрировавший и изучавший эти остатки, высказывает сомнения на этот счет (Stewart T. D., 1977. P. 145); не исключен и «пост-эксгумационный» отбор по причине того, что кости были оставлены в слое на три года (Solecki R. S., 1971. P. 224). Наличие инвентаря проблематично. В связи с погребением отмечены кости — «остатки похоронного пиршества» (Solecki R. S., 1971. P. 255). В кострище над могилой — «несколько мустьерских остроконечников. В одном случае один остроконечник найден прямо над другим и в соприкосновении с ним» (Solecki R. S., 1971. P. 225). В том же кострище — кости. Некоторые камни обожжены.

Погребение 3 — мужчина 34—50 лет. Скелетные остатки, за исключением костей ног, частично (торс и череп?) находились в естественно образованной (?) нише (примерные размеры 0,70×0,55 м; длинная ось — север—юг). Вероятно, была заполнена землей и некоторым количеством камней. Часть остатков анатомически не согласована (рис. 72; 74; 77). Череп и нижняя челюсть, возможно, были «замещены» (Ю. С.) двумя верхними и двумя нижними зубами⁴⁰. Костяк располагался на наклонной поверхности, поперек оси «ниши», «головой» на восток (?). Лежал на правом боку, с согнутыми (?) в суставах ногами. Присутствие инвентаря и дополнительных структур проблематично. В возможной связи с погребением находились кости и два (?) кострища.

Погребение 5 — мужчина 30—50 лет. Скелетные остатки располагались среди, над и под камнями (некоторые камни обожжены). Костяк некомплектный — возможно постингумационное вмешательство (Solecki R. S.,

⁴⁰ Обращает на себя внимание наличие всех грудных и поясничных позвонков, к тому же, в сравнительно хорошем состоянии, и полное отсутствие шейных, что может свидетельствовать по крайней мере об отчленении черепа. Что же касается возможности его «замещения» отдельными зубами, то она остается под вопросом. Кроме четырех изолированных зубов, разбросанных, согласно Р. С. Солецки (Solecki R. S., 1960. P. 626), около (среди, в районе — in the vicinity of) костей скелета, ни в одной из работ, кроме работы Т. Д. Стьюарта (Stewart T. D., 1977. P. 123), остатки черепа не упоминаются. Если антрополог не ошибся в идентификации костей черепа, находившихся, по его словам, в размельченном состоянии, то, естественно, можно говорить о присутствии черепа в этом погребении. Однако Е. Тринкау, инвентаризовавший человеческие остатки из пещеры Шанидар и долгое время работавший в контакте со Т. Д. Стьюартом, ничего о них не сообщает. Более того, в итоговой работе 1983 г. он, анализируя четыре упомянутых зуба, подчеркивает отсутствие костей черепа, в том числе и альвеол (Trinkaus E., 1983a. P. 159, 160, 414). Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что зубы и остатки нижней части туловища (примерно до поясницы) были вскрыты и вывезены в 1957 г., а остатки верхней части туловища (в частности, верхняя часть торса, часть правой руки и правой лопатки. Solecki R. S., 1971. P. 227) — в 1960 г.

1971. P. 241, 242) и постэкзгумационный отбор (Solecki R. S., 1961b. P. 696; Trinkaus E., 1977a. P. 34). Часть остатков анатомически не согласована. Череп лежал на правом (?) боку (Stewart T. D., 1977. P. 161). Судя же по положению костей левой ноги, вероятно, сохранивших позицию, близкую к первоначальной, умерший располагался на левом боку в скорченном положении (рис. 72; 74; 79). Кисти находились над коленями (Solecki R. S., 1971. P. 242). Наличие инвентаря и дополнительных структур проблематично. В возможной связи с погребенным находились остроконечник, отщепы, кости. «Нижняя челюсть большого млекопитающего (по размерам похожая на челюсть оленя) была найдена плотно примыкающей к фрагментам черепа Шанидар 5, располагаясь близко к кострищу. Индивидуум умер незадолго перед тем как кострище было разведено на этом месте. Некая разновидность пиршества могла иметь место поблизости от Шанидар 5» (Solecki R. S., 1971. P. 242).

Погребение 4, 6—8 (4 — мужчина 30—45 лет, 6 — женщина примерно 25 лет, 7 — женщина (?) 20—40 лет, 8 — ребенок около 1 года). Погребение коллективное, хотя неясно — последовательное или единовременное. Структура погребения развернута по вертикали (сверху вниз: 4, 6, 7, 8? Solecki R. S., 1971. P. 232—236, 238). Погребение находилось в продолговатой нише между камнями, вытянутой по линии северо-запад—юго-восток (северо-западная сторона открыта; примерные размеры: 1,20×0,70 м). Над скелетом — камни маленьких размеров (Solecki R. S., 1961. P. 695), сама же ниша заполнена рыхлой землей культурного слоя (Solecki R. S., 1971. P. 238). Положение тела точно установлено только для погребенного 4 — сильно скорченное на левом боку, головой на юго-восток (рис. 72; 74; 78). Правая рука погребенного 4 сильно согнута, кисть — на средней части левого предплечья, охватывает его (?). Левая рука согнута в средней степени, кисть — у лобной кости. Ноги сильно согнуты в коленных суставах и в средней степени — в тазобедренных, стопы — у ягодиц (? — Ю. С.). Костяк комплектный (отсутствие некоторых костей объясняется плохой сохранностью костного вещества; кости стоп срезаны раскопом 1953 г. Stewart T. D., 1977. P. 154)⁴¹. «Основываясь на положении костей рук Шанидар 6, кажется, что он был похоронен в позиции, сходной с положением Шанидар 4, а именно, в полускорченной позе на левом боку, немного юго-западнее и ниже Шанидар 4» (Trinkaus E., 1983a. P. 28), и, вероятно, был ориентирован головой в южном направлении. Костяк 6 был сравнительно комплектный, и, по воспоминаниям Т. Д. Стьюарта, скелетные остатки Шанидар 6 находились в основном в анатомической связи (Stewart T. D., 1977. P. 161, 162). Скелетные остатки погребенного Шанидар 7 не были комплектными и не находились в анатомической связи. Остатки погребенного Шанидар 8 представляли собой часть позвоночного столба, позвонки которого находились в анатомической связи, но цементированные в две отдельные «секции»: первая содержала четыре позвонка — от пятого шейного до первого грудного; вторая — от второго до шестого грудного (Trinkaus E., 1983a. P. 29, 30). «Возможно, что женщины

⁴¹ В ходе разбора антропологической коллекции для погребенного 4, Е. Тринкаузом были идентифицированы почти все кости стоп. Вероятно, раскопом 1953 г. были частично уничтожены кости стоп погребенного 6, а возможно, и какие-то кости погребенных 7 и 8.

Шанидар 6 (7) были частью вторичного погребения» (Solecki R. S., 1971. P. 238). Если погребение было единовременным, то это предположение Р. С. Солецки должно скорее относиться к остаткам женщины Шанидар 7 и ребенка Шанидар 8, но не менее вероятно и то, что погребение ребенка (Шанидар 8) было нарушено при погребении женщины (Шанидар 7), а погребение женщины (Шанидар 7) было в свою очередь нарушено при совершении погребения другой женщины — Шанидар 6. Наличие инвентаря (в виде каменных изделий и остатков животных) для данного погребения (Шанидар 4, 6—8) проблематично. В возможной связи с погребением отмечены «некоторое количество кремней (кремневые орудия и не обработанные отщепы». Solecki R. S., 1961b. P. 695) и «большое число костей млекопитающих» (Solecki R. S., 1971. P. 229). В то же время практически безусловно, что по крайней мере погребенный Шанидар 4 был либо покрыт настилом, либо покоился на подстилке из ветвей хвойных и лиственных растений и луговых цветов (Solecki R. S., 1971. P. 227—251; Leroi-Gourhan Arl., 1975. P. 562—564; Vernet J. L., 1981. P. 141—144). Не исключено, что этот растительный «ковер» относился ко всем четырем погребенным. Время сбора растений и соответственно возможное время совершения погребения — поздний май — ранний июнь. (Все нижеперечисленные травянистые растения, кроме виноградного гиацинта, до сих пор используются в Ираке в народной медицине. Эфедра же, кроме прочего, содержит и сильные алколоиды.)

Цветочная пыльца и остатки древесины обнаружены в трех почвенных образцах, взятых из слоя, заполняющего нишу позади скелета Шанидар 4 и примерно на уровне его залегания: 1) образец 304 — в районе нахождения тазовых и пяточных костей; 2) образец 313 — в районе расположения голеней; 3) образец 314 — за спиной погребенного (два последних образца были наиболее насыщенными пылью). Среди цветов выявлены следующие роды: 1 — тысячелистник обыкновенный, 2 — золототысячник (чертополох св. Барнаби), 3 — однолетний крестовник, 4 — гиацинт (виноградный), 5 — эфедра, 6 — алтей (розовый, или шток-роза). Кроме того, имелось еще два вида цветов, которые невозможно было атрибутировать даже на уровне ботанического семейства. Древесные породы были представлены хвойными: 1 — алепская сосна, 2 — можжевельник (предположительно), 3 — ель?, 4 — неопределенного рода; лиственные: 1 — неопределенного рода.

Погребение 9 — ребенок примерно девяти месяцев. Погребальное сооружение не зафиксировано. На левой стопе — маленький блок известняка. Костяк располагался на правом боку в сильно скорченной позе, головой на север (рис. 72; 74; 80). Кисть (кисти) — в районе коленных суставов (?). Череп — лицом вверх. Р. С. Солецки не исключает, что первоначально тело было положено на спину с согнутыми ногами и притянутыми к груди коленями и лишь впоследствии, под давлением отложений, нижние конечности сместились вправо (Solecki R. S., 1971. P. 137). Наличие инвентаря проблематично. В возможной связи с погребением находились маленькая каменноугольная конкреция, большой кремль (flint), две кости (одна обожжена). Под скелетом в 7,6 см находилось кострище. Второе кострище обнаружено в 40,6 см над скелетом, связь их с последним неясна.

Амуд 1

Погребение в гроте Амуд (Израиль, около 5,3 км выше северо-западной оконечности Тивериадского озера, на правом берегу Вади Амуд) обнаружено Х. Сузуки (?) в 1961 г. (рис. 81—84; 111). Преднамеренность захоронения обосновывалась Х. Сузуки на основе наличия комплектного костяка в его скорченной позиции. Погребение — мужчина примерно 25 лет — связано с верхним уровнем формации В (самая верхняя часть горизонта В₁). Индустрия переходная от леваллуа (?) — мустье к верхнему палеолиту. Вероятная относительная дата — межледниковая фаза («между Ранним и Основным Вюрмом в Европе». *The Amud Man. . .*, 1970. P. 120), которая в целом коррелируется с серией абсолютных дат: 30 000—35 000 лет по содержанию марганца в лучевой кости скелета: 27 000±5000 лет (ионий); 28 000±35% лет (уран); 18 300±400 лет (или скорректированная 25 900 лет ВР — карбон) — все три даты — по фауне (для последней подозревается контаминация. *The Amud Man. . .*, 1970). Погребение находилось на площадке перед убежищем, череп заходил (?) под край кровли грота. Погребальное сооружение не прослежено. В районе проксимальной части левой голени — небольшой обломок известняка и около 20 мелких камешков — вдоль голени и у стопы. Погребенный располагался на левом боку в среднескорченной позе, головой на север. Правая рука сильно согнута, кисть — недалеко от нижней челюсти. Левая рука согнута в средней степени, отставлена от корпуса, кисть — перед верхней частью грудной клетки. Левая нога согнута в средней степени, положение правой не установлено. Костяк практически комплектный⁴². Наличие инвентаря проблематично. Возможно, какое-то отношение к скелету имели кремни, обнаруженные в непосредственном соприкосновении с ним: несколько (четыре?) остроконечников, один (?) нуклеус, около 10 отщепов и обломок кости.

⁴² Привлекает внимание отсутствие базальной части черепа (нижняя челюсть — на месте!), что, при почти полной сохранности скелета головы (хотя и очень фрагментированного) и совершенном отсутствии фрагментов, составляющих основание черепа, дает возможность предполагать доингумационное нарушение, сходное с типом нарушения у черепов из Штайнхайма и Монте Чирчео (см. ниже рис. 111, А, Б), для которых на основании сравнения с этнографически известными образцами предполагается нарушение с целью извлечения мозга (*Blanc A. C.*, 1958). Конечно, для полной уверенности (как и в случае с черепом Кафаех 6. См. ниже) следовало бы под этим углом зрения изучить следы самого нарушения («Неровный (ломаный) край затылочной кости указывал на значительную утрату кости вокруг затылочного отверстия». *The Amud Man. . .*, 1970. P. 124) с тем, чтобы установить их характер, как следовало бы обратить внимание и на следы, имеющиеся (как кажется по фотографиям. *The Amud Man. . .*, 1970. Fig. 20; 25) и на теле нижней челюсти у данного индивидуума. Обращает на себя внимание и полное отсутствие шейных позвонков у этого субъекта, чем, вероятно, подтверждается искусственное нарушение целостности скелета. (Позднейшее нарушение слоя, видимо, частично уничтожившее дорзальный отдел скелета (*The Amud Man. . .*, 1970. P. 119, 120. Fig. IV, 16, 17; VI, 2), не затронуло область нахождения шейных позвонков.)

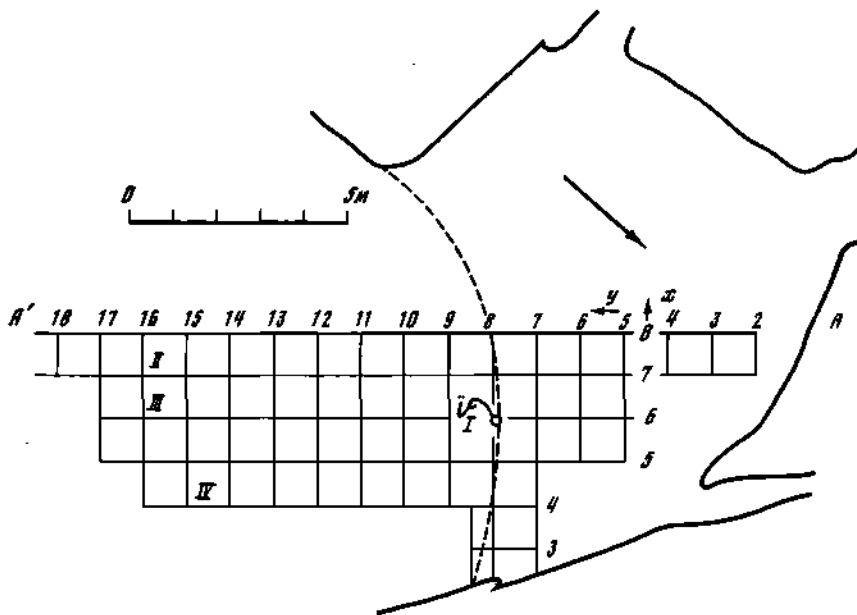

Рис. 81. Грот Амуд. План раскопанной площади с указанием местоположения погребения Амуд 1 (The Amud Man...)

I—IV — местонахождение скелетных остатков человека; пунктирной линией показана граница кровли навеса

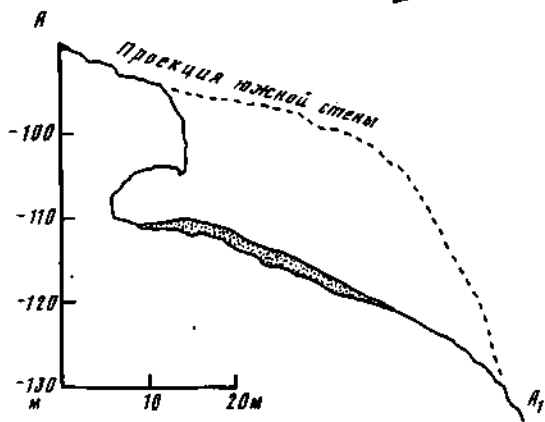

Рис. 82. Вертикальный разрез местонахождения Амуд (The Amud Man...)

Пунктиром показаны археологические отклонения

Табун С1

Погребение пещеры Табун (Израиль, в 19 км к югу от г. Хайфа, юго-западная оконечность горы Кармел, в Вади эль-Мугара) раскопано Д. А. Е. Гаррод в 1932 г. (рис. 85—87). Преднамеренность погребения декларирована (?) А. Китом и Т. Д. Маккоуном (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 9). Погребение принадлежало женщине примерно 30 лет и было связано с верхними горизонтами слоя С — леваллуа — мустье; конец последнего интерплювиала (Boutié P., 1979); 51 000/53 000 лет — по рацемизации аминокислот (дата калибрована) в кости Табун С1 — и $40\,900 \pm 1000$ до современности (GrN-2729) — по C_{14} — кость животного из гори-

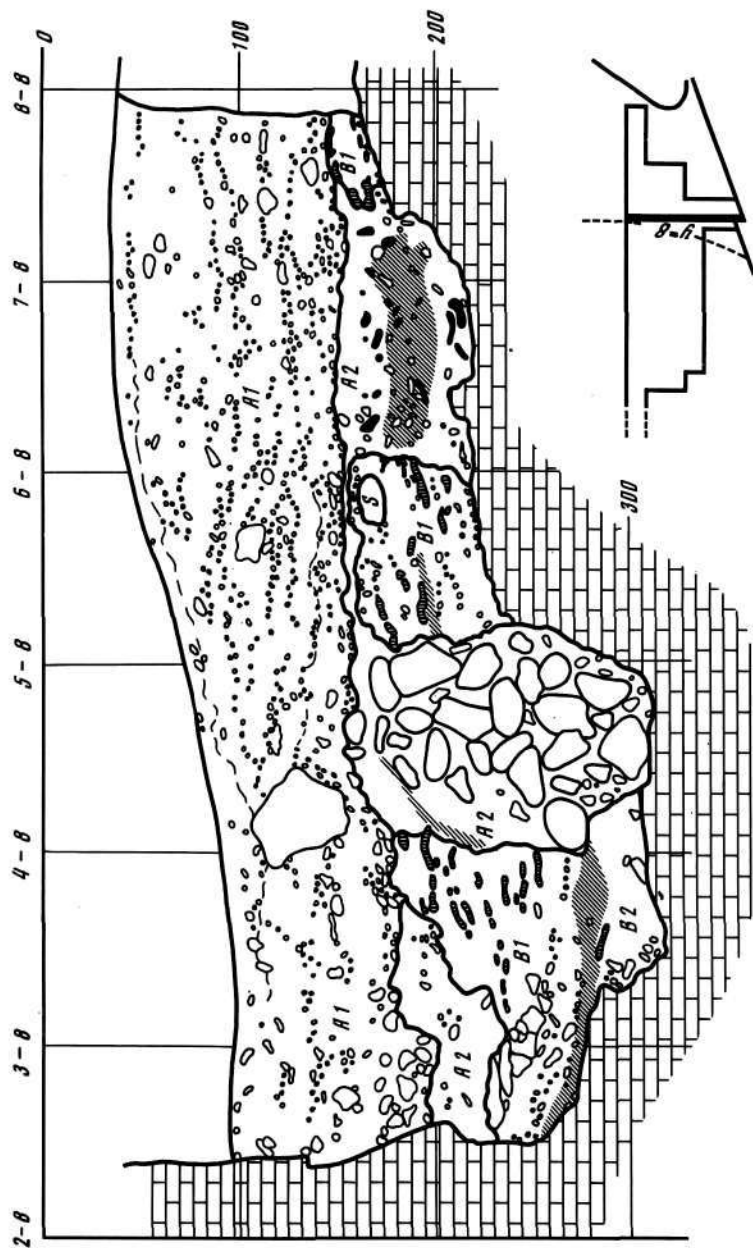

Рис. 83. Вертикальный разрез отложенный грота Амуд по линии $x, y=8$ (The Amud Map. . .)
 A1, A2 (Бронза. — Ю. С.), B1, B2 (Верхний палеолит — мустье. — Ю. С.) — археологические уровни; S — место
 нахождение черепа погребенного Амуд 1

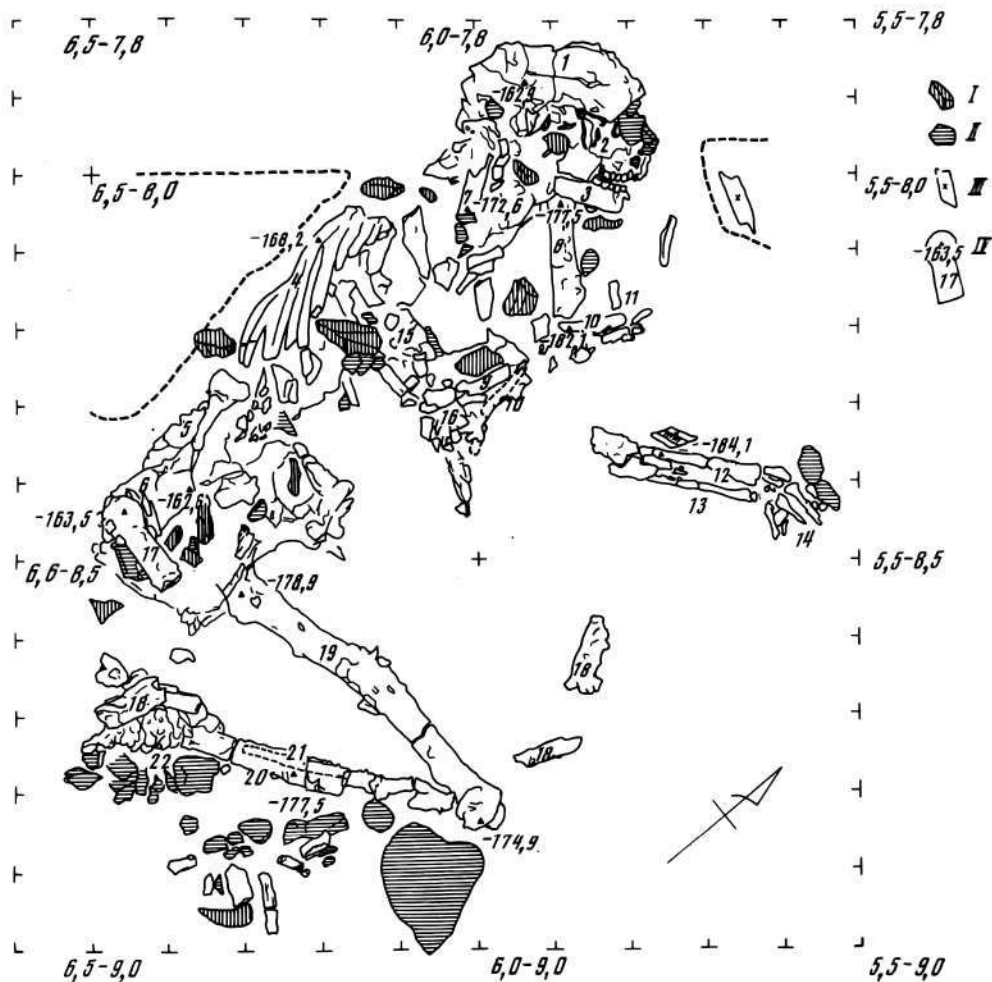

Рис. 84. План расположения скелета Амуд 1 после расчистки (The Amud Man...)

I — кремневые изделия; II — камни; III — кость животного; IV — человеческие кости; 1 — свод черепа; 2 — правая скуловая кость; 3 — нижняя челюсть; 4 — ребра; 5 — крестец; 6 — таз; 7 — правая плечевая; 8 — левая плечевая; 9 — правая локтевая; 10 — правая лучевая; 11 — правая кисть; 12 — лучевая левая; 13 — левая локтевая; 14 — левая кисть; 15 — блок, содержащий ключицу и пястные кости правой руки; 16 — пястные кости и фаланги правой руки; 17 — проксимальная часть правого бедра; 18 — фрагменты правого бедра; 19 — левое бедро; 20 — левая большеберцовая; 21 — левая малоберцовая; 22 — блок, содержащий кости левой стопы

зонта С, но на 65 см ниже погребения. Захоронение находилось в начале пологого склона террасы в приустьевой части пещеры. Погребальное сооружение не зафиксировано⁴³. Погребенная располагалась на спине с небольшим разворотом на левый бок, головой на запад. Череп опирался

⁴³ Видимо, из-за гомогенности слоя.

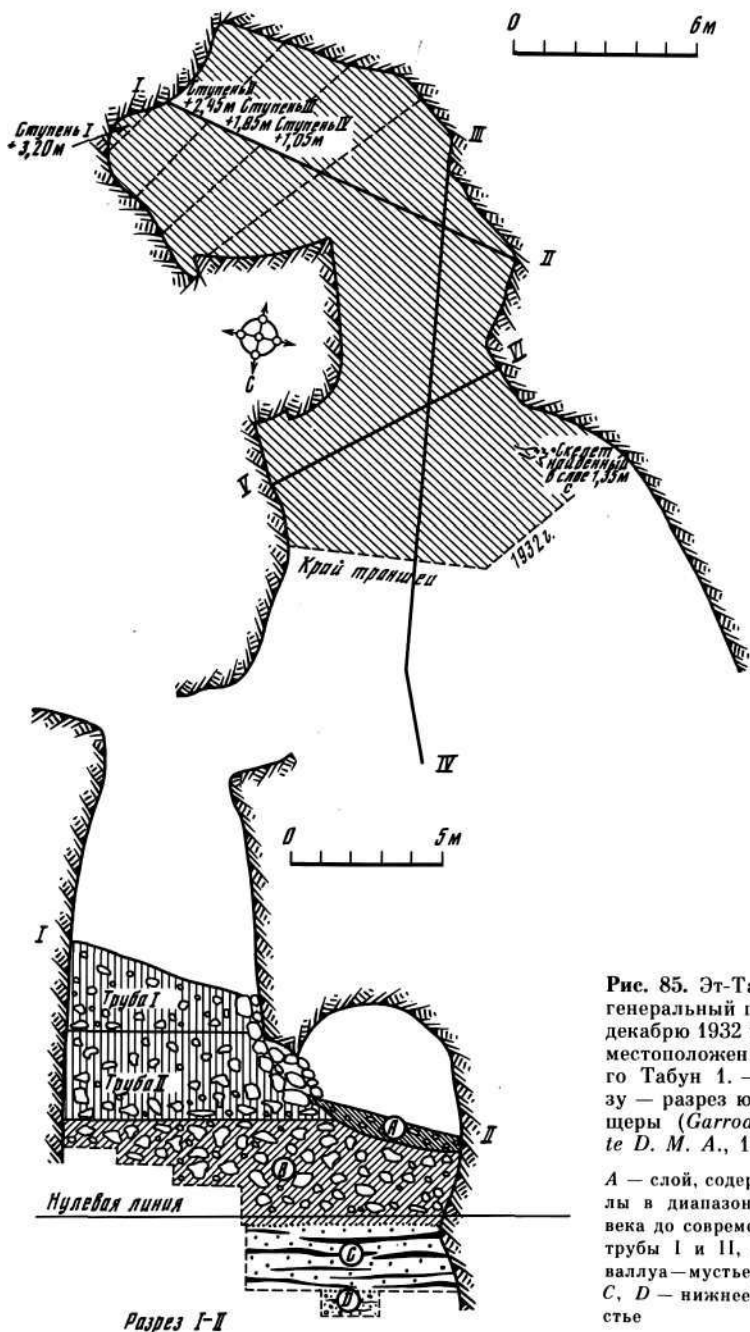

Рис. 85. Эт-Табун. Вверху — генеральный план раскопок к декабрю 1932 г. (С указанием местоположения погребенного Табун 1. — Ю. С.). Внизу — разрез южной части пещеры (Garrod D. A. E., Vate D. M. A., 1937)

A — слой, содержащий материалы в диапазоне от бронзового века до современности; трубы I и II, *B* — верхнее леваллуа—мустье; *C*, *D* — нижнее леваллуа — мустье

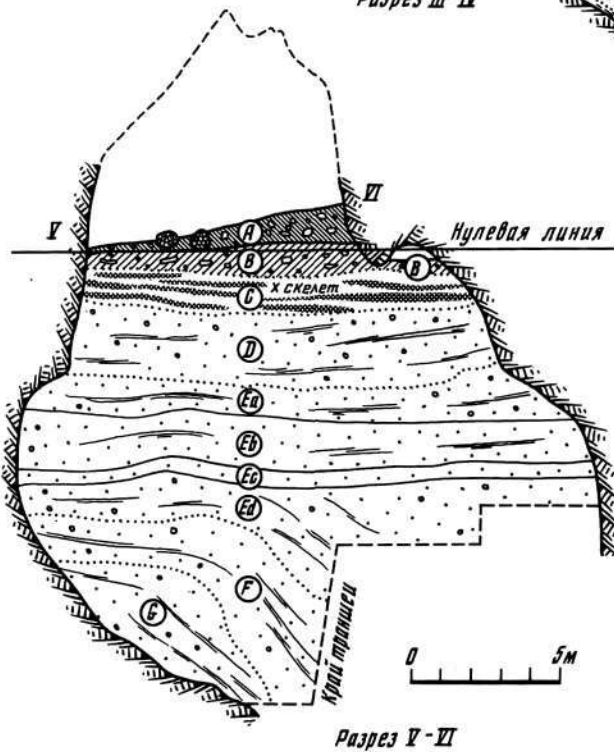
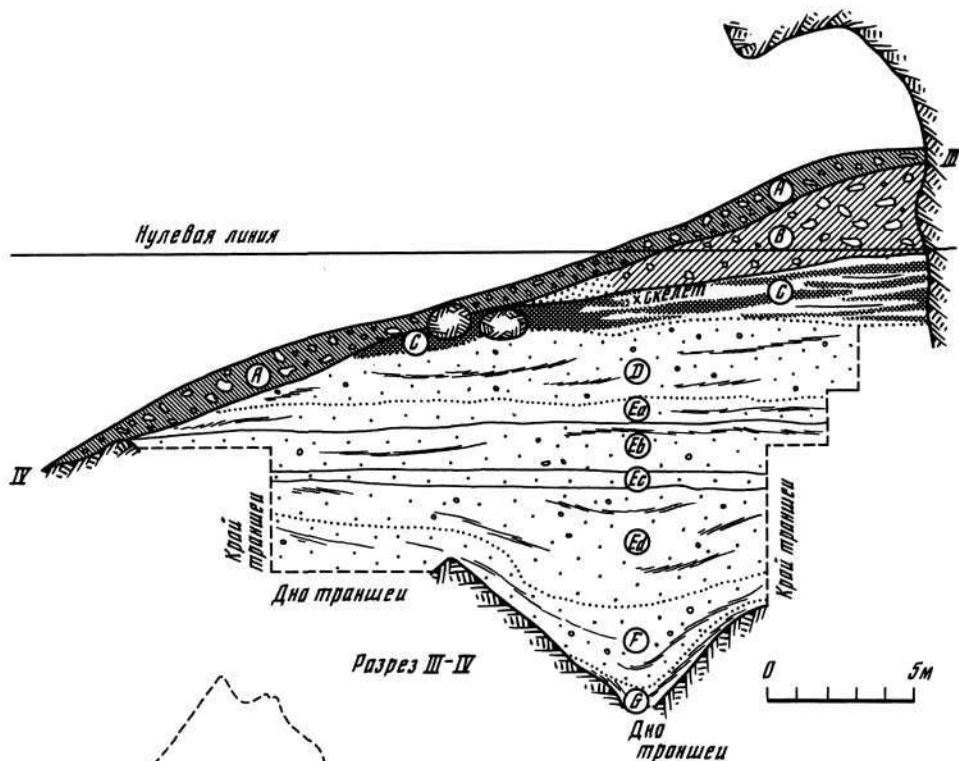

Рис. 86. Эт-Табун. Разрезы средней и северной части пещеры (Garrod D. A. E., Vate D. M. A., 1937)

A — слой, содержащий материалы в диапазоне от бронзового века до современности; B — верхнее леваллуа—мустье; C, D — нижнее леваллуа—мустье; Ea—Ed — верхний ашель (микок); F — верхний ашель; G — тейяк

Рис. 87. Эт-Табун. Слой С, нижнее леваллуа—мустье. Человеческий скелет in situ (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)

на свое основание. Правая рука плохо сохранилась; вероятно, была вытянута вдоль туловища (или слабо согнута), кисть (?) — у правого тазобедренного сустава (?). Левая рука была согнута в средней степени, плечо и предплечье отставлены от корпуса, кисть — на уровне средней части грудной клетки. Правая нога была слабо согнута в суставах, левая согнута в средней степени. Наличие инвентаря проблематично. В возможной связи со скелетом «находилось значительное количество обожженных и сломанных костей и кусочки древесного угля» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 64). «Непосредственно к югу от скелета располагался очень большой блок известняка, который упал с отвесной стенки устья пещеры. Его вершина возвышалась примерно на 1 м над уровнем залегания тела, но он, должно быть, уже находился на месте, когда было совершено погребение, так как его основание глубоко внедрилось в слой D» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 64). Возможно, погребение было не случайно пристроено к этому камню.

Схул 1—10

Погребения грота Схул (Израиль, в 19 км к югу от г. Хайфа, юго-западная оконечность горы Кармел, в Вади эль-Мугара, в 170 м к северо-востоку от пещеры Табун) были обнаружены Т. Д. Маккоуном в 1931—1932 гг. (рис. 88—97). Преднамеренный характер погребений обосновывался Т. Д. Маккоуном исходя из комплектности некоторых остатков (Схул 1, 4, 5, 7, 9) и их «ритуальной» скорченности. Остальные погребения (гораздо менее «комплектные») были, по «анalogии» с первыми, признаны остатками разрушенных захоронений. Все погребения (кроме 3, которое, вероятно, первоначально попадало под кровлю убежища) совершены на площадке перед гротом и связаны со слоем В — леваллуа—мустье; интерстициал первой половины Вюрма (Вюрм I/II?). Слой В условно поделен

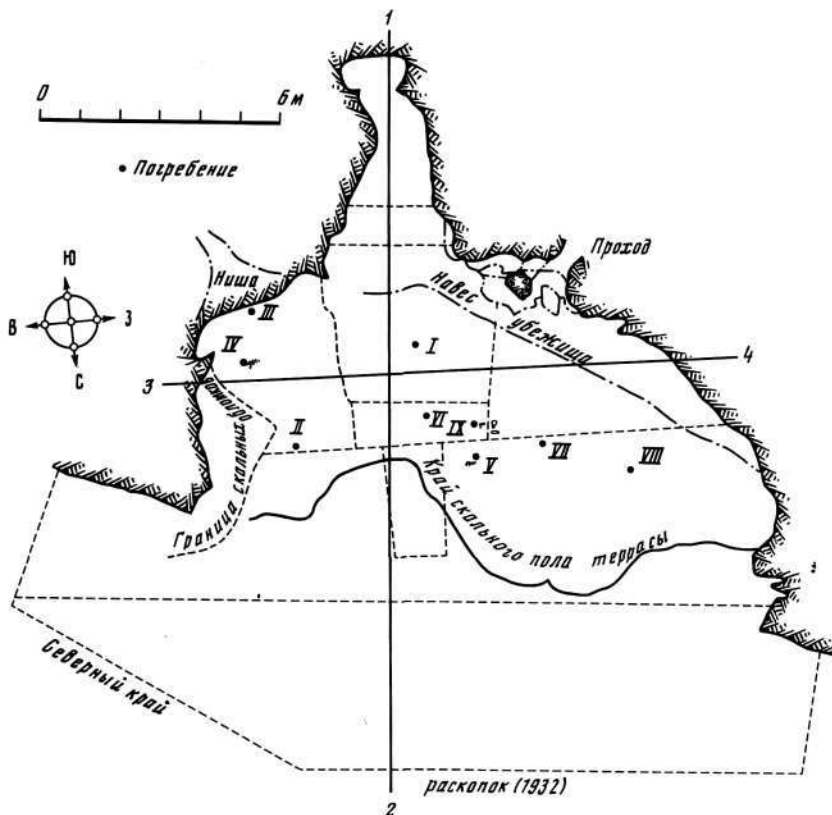

Рис. 88. Мугарет эс-Схул. Генеральный план раскопок (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)

Указано местоположение обнаруженных погребений и внесены несущественные изменения. — Ю. С.: I—IX — номера погребений

на два горизонта: V_1 — верхний и V_2 — нижний. Стратиграфически погребения в основном привязаны к горизонту V_2 (?)⁴⁴.

Погребение 1 — ребенок 3—4, 5 лет (рис. 88—93). Погребальное со-

⁴⁴ По Т. Д. Маккоуну, погребения 3(?), 6—10 принадлежат к более древней группе захоронений, чем 1, 4 и 5. Его аргументы, основанные на сравнительно большей глубине залегания погребений древней группы и на отличиях в цвете, минерализации и степени сохранности остатков (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 105), могут в какой-то степени подтверждаться и морфологическими особенностями индивидуумов: «Схул 1—5 смещены в сторону современности, в то время как Схул 6—9 приближаются к Табун 1» (Ronan A., 1976. P. 33. 34). В определенной степени подтверждение данной гипотезе представляют и новые (калиброванные) даты по рацемизации аминокислот в человеческих костях: Схул 5 — 39 000/40 000 лет, Схул 6 — 52 000/54 000 лет, Схул 7 — 45 000/46 000 лет, Схул 9 — 53 000/55 000 лет до современности (Masters P. M., 1982. P. 43—53). Новые даты указывают и на то, что по крайней мере часть схульских захоронений может быть древнее погребения Табун 1, но вопрос о хронологическом соотношении отложений и погребений в Схул и Табун все же остается открытым (The Transition... , 1982).

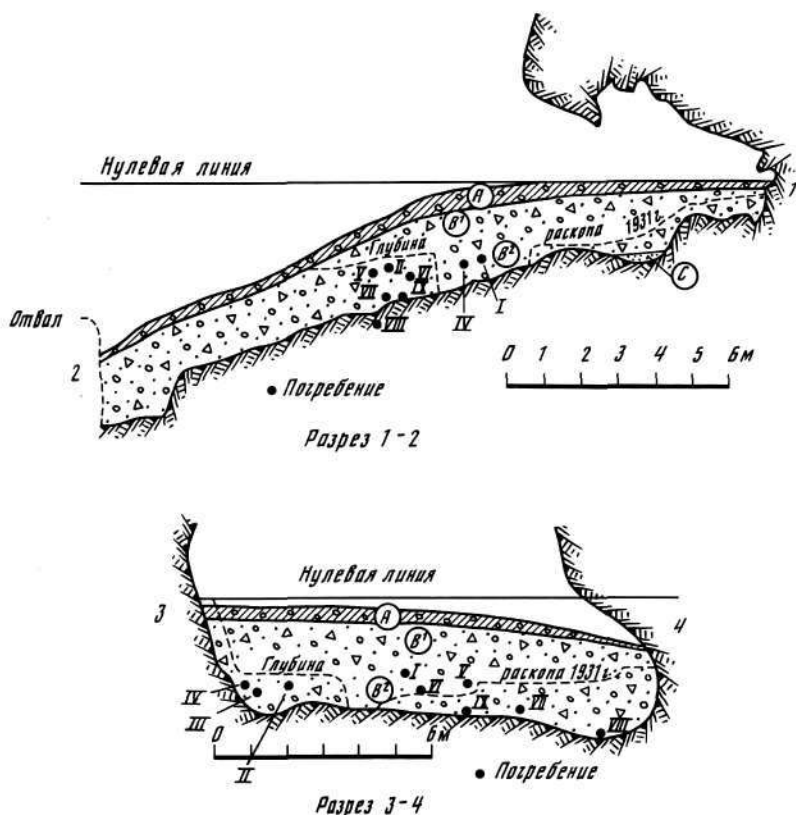

Рис. 89. Мугарт эс-Схул. Продольный и поперечный разрезы (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)

А — мешаный слой, содержащий материалы в диапазоне от мустье до современности; В¹, В², С — нижнее леваллуа — мустье; I—IX — номера погребений; 1—4 — разрезы

оружие не зафиксировано⁴⁵. Согласно Т. Д. Маккоуну, все кости скелета «лежат в естественном соотношении, как если бы ребенок был погребен в скорченной (коленипреклоненной) позе, причем его левая сторона покоится против восточной стенки могилы; левая рука согнута, локоть впереди, а предплечье и кисть — под головой (Вероятна ориентировка на юго-восток. — Ю. С.). Правая рука и кисть, которая была сильно фрагментирована, находились, по всей видимости, в более высоком положении, чем рука и кисть левой» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 97). В противовес Т. Д. Маккоуну, автор данной работы (исходя из соположения костей, изображенных на имеющихся чертежах, и крайне малого пространства, занятого остатками погребенного («В вертикальном направлении

⁴⁵ Характер отложений, весьма гомогенных по составу, не позволил проследить погребальных сооружений ни в одном случае.

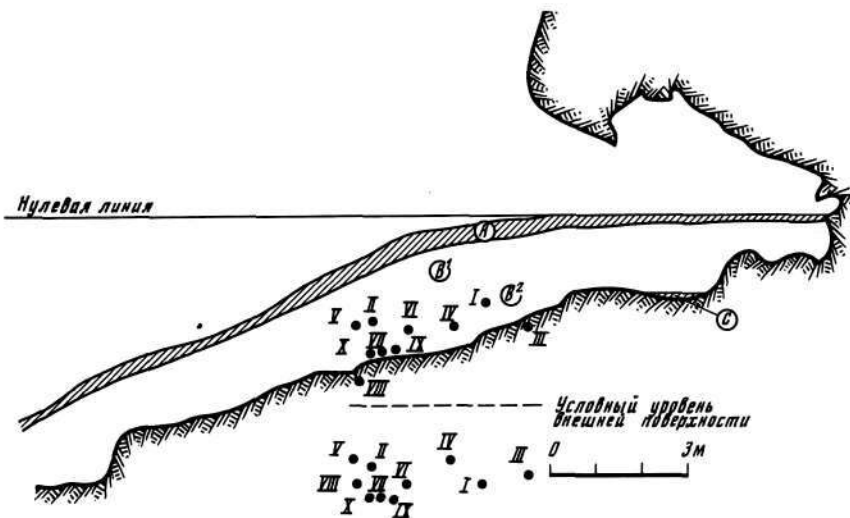

Рис. 90. Мугарет эс-Схул. Схема, показывающая соотношение уровней залегания погребений в отложениях грота от нулевой линии и от современной поверхности

Составлена Ю. А. Смирновым по данным Т. Маккоуна (*McCown T. D.*, 1937); А, В¹, В², С — археологические уровни; I—X — погребения

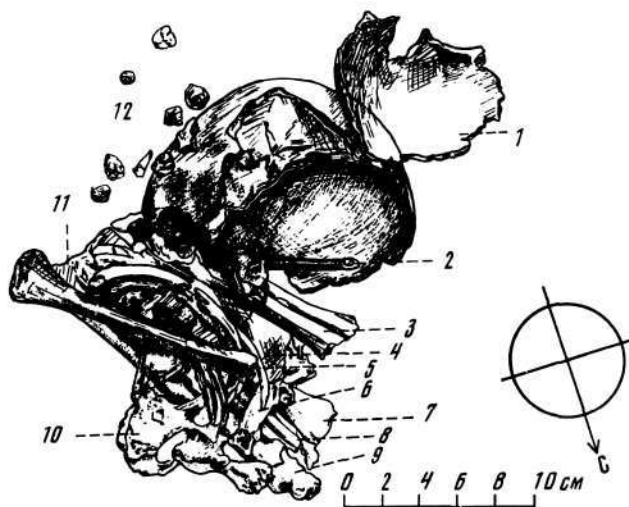

Рис. 91. Мугарет эс-Схул. Погребение 1. Вид сверху (*Garrod D. A. E., Bate D. M. A.*, 1937)

1 — лобная кость; 2 — левая лучевая; 3 — правые большие и малоберцовые; 4 — правая подвздошная; 5 — левая плечевая; 6 — первый крестцовый сегмент (Основание крестца? — Ю. С.); 7, 8 — левые больше- и малоберцовые; 9 — левая бедренная; 10 — левая подвздошная; 11 — левое колено; 12 — анатомически несвязанные зубы верхней челюсти

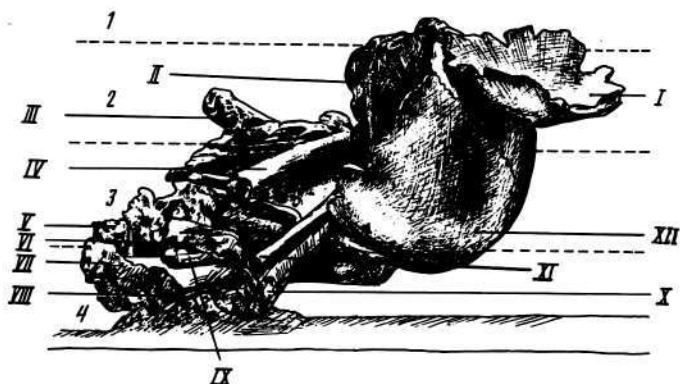

Рис. 92. Мугарет эс-Схул. Погребение 1. Вид с правой стороны (McCown T., Keith A., 1939) (С запада. — Ю. С.)

1—4 — пятисантиметровые горизонты, по которым производилась расчистка монолита с погребением; I — лобная кость; II — левая лучевая; III — проксимальный конец левой плечевой; IV — диафиз правой бедренной; V — левая подвздошная; VI — крестец; VII — проксимальный конец левой бедренной; VIII — дистальный конец левой большеберцовой; IX — левая малоберцовая; X — дистальный конец правой большеберцовой; XI — правая малоберцовая; XII — левая теменная (Условные обозначения костей скелета исправлены и дополнены. — Ю. С.)

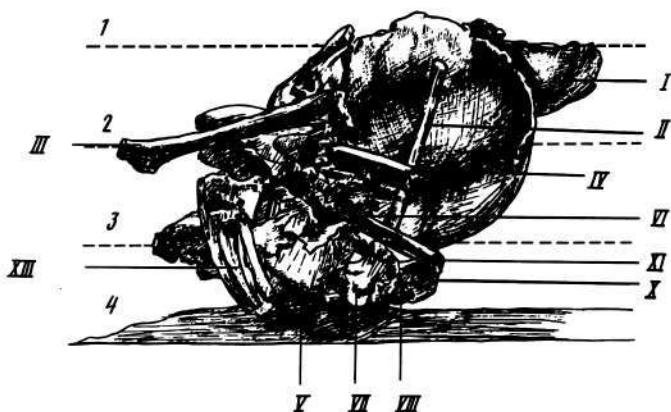

Рис. 93. Мугарет эс-Схул. Погребение 1. Вид с левой стороны (McCown T., Keith A., 1939) (С востока. — Ю. С.)

1—4 — пятисантиметровые горизонты, по которым производилась расчистка монолита с погребением; I — лобная кость; II — левая лучевая; III — дистальный конец левой плечевой; IV — диафиз правой бедренной; V — левая подвздошная; VI — крестец; VII — проксимальный конец левой бедренной; VIII — дистальный конец левой большеберцовой; X — дистальный конец правой большеберцовой; XI — правая малоберцовая; XIII — левые ребра (Условные обозначения костей скелета исправлены и дополнены. — Ю. С.)

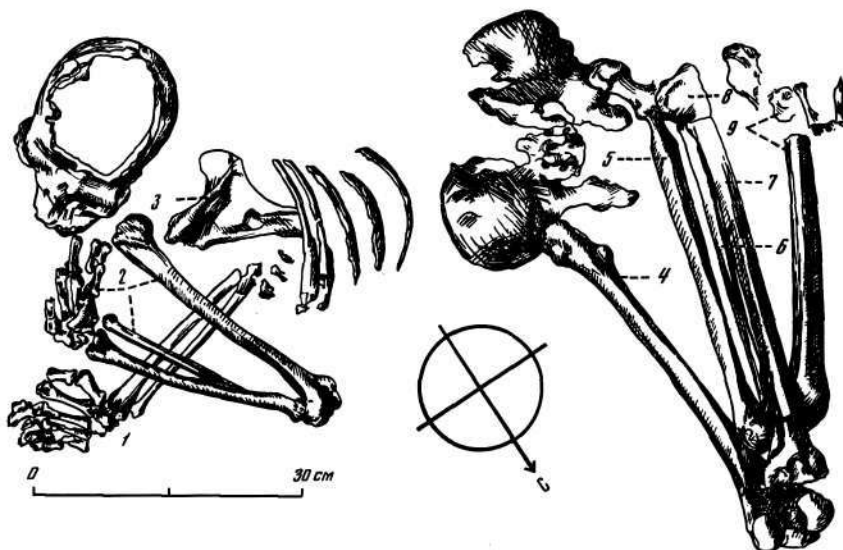

Рис. 94. Мугарет эс-Схул. Погребение 4. План (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)

1 — правые предплечье, запястье и кисть; 2 — левые рука и кисть; 3 — левая лопатка; 4 — левое бедро; 5 — правое бедро; 6, 7 — левые мало- и большеберцовые; 8 — левая пяточная; 9 — правая большеберцовая и часть предплюсны

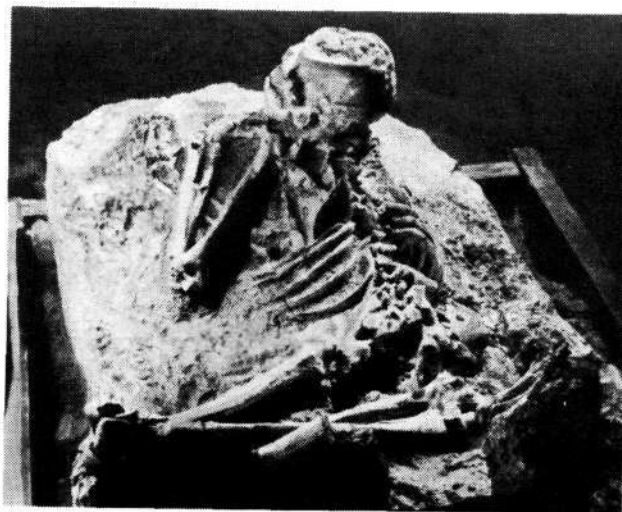

Рис. 95. Мугарет эс-Схул. Погребение 4 (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)
 Полностью расчищено в лабораторных условиях (Ю. С.)

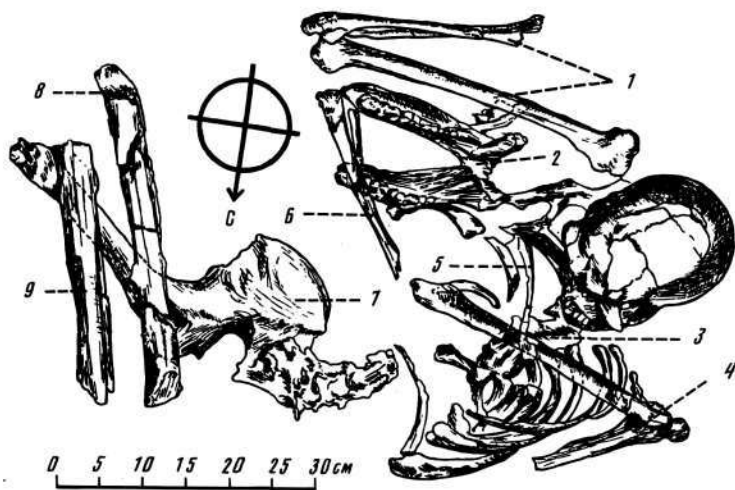

Рис. 96. Мугарет эс-Схул. Погребение 5. План (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)

1 — правая рука; 2 — нижняя челюсть кабана; 3 — спинные позвонки; 4 — левые лопатка и плечевая кость; 5 — левая ключица; 6 — левая лучевая кость; 7 — правая подвздошная; 8 — левое бедро; 9 — левые больше- и малоберцовые кости

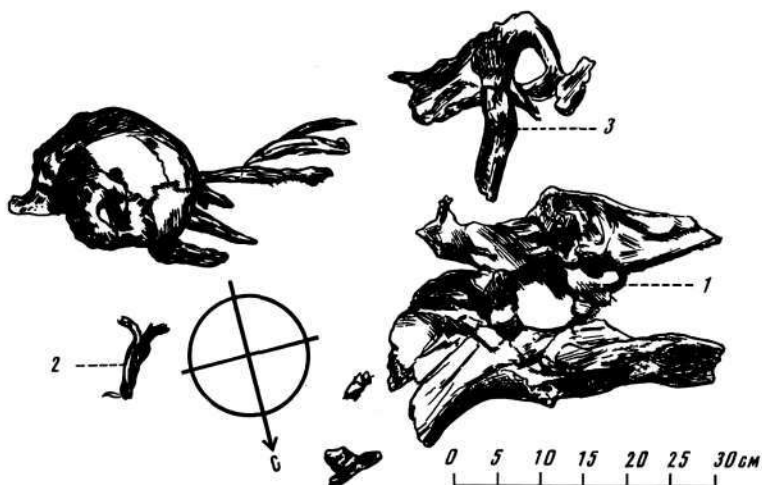

Рис. 97. Мугарет эс-Схул. Погребение 9. План (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937)

1 — раздавленный череп быка и его верхняя челюсть; 2 — ость левой лопатки; 3 — левое бедро с примыкающими частями левой тазовой кости

участок, занятый костями скелета, измеряется 14 см; в горизонтальном (краниально-каудальном) направлении — 28 см; в поперечном — справа налево — направлении — 27 см». McCown T. D., Keith A., 1939. P. 302), что совершенно не естественно даже для тела четырехлетнего ребенка, если целостность его сохранена в момент захоронения, а этому противоречит отсутствие практически всего грудного отдела позвоночного столба, левой лопатки, обеих локтевых и некоторых других костей) считает, что по крайней мере между большей частью скелетных остатков ребенка Схул 1 отсутствует естественная анатомическая связь (см. выше). Вероятно, здесь было совершено или частично расчлененное и, по всей видимости, экскарнированное погребение, или перезахоронение костей, еще не полностью освободившихся от мягких тканей. В последнем варианте, вероятно, кости были компактно уложены в небольшую могильную яму, соответственно с частичным сохранением анатомического порядка. Верхняя часть погребения была дважды потревожена в древности — обитателями стоянки и небольшим грызуном. Наличие инвентаря проблематично: в непосредственном соприкосновении с костями и между ними (в блоке монолита (30 куб. см) с погребением) обнаружено несколько кремневых осколков и более 20 отщепов без ретуши (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 299, 300)⁴⁶.

Погребение 2 — женщина 30—40 лет — состояло из фрагментированных скелетных остатков, не находившихся в анатомической связи, имевших старые изломы и создававших впечатление, что они были собраны в «маленькую кучку» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 98) и в таком состоянии подверглись погребению. По предположению Т. Д. Маккоуна, вторичное погребение было непреднамеренным, однако маловероятно, чтобы сравнительно компактное скопление костей, располагавшееся на краю террасы, оказалось захороненным естественным образом.

Погребение 3 — взрослый мужчина. Остатки погребения обнаружены в естественно образованной нише юго-восточного угла террасы. «Тело должно было лежать частично в нише, но большая часть несомненно находилась снаружи и была нарушена и уничтожена» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 98). Сохранившиеся остатки находились под несколькими камнями средних размеров (вероятно, конструктивные элементы могильного сооружения) и указывали на то, что у погребенного была согнута левая нога и он, может быть, был похоронен головой на юго-восток (?). Возможно, с этим погребением связано кострище (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 104).

Погребение 4 — мужчина 40—50 лет. Погребенный располагался на животе в скорченной позе, головой на юго-восток (по Т. Д. Маккоуну, на правом боку, но этому противоречит положение позвоночного столба и тазовых костей (рис. 88; 89; 94; 95), развернутых дорзальной стороной

⁴⁶ В связи с тем что погребения совершены в культурном слое, Т. Д. Маккоун очень осторожно высказывался о возможности существования преднамеренного погребального инвентаря в Схул: «Фрагменты костей, артефакты, кремневые отщепы и нуклеусы обычно встречаются среди и вокруг человеческих костей, но никогда их концентрация здесь не отличалась в достаточной степени от того же повсюду на стоянке» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A. 1937. P. 104), т. е. он никак не конкретизировал находки в отношении того или другого погребения, что в настоящее время не позволяет, к сожалению, проверить намечающиеся в этом плане тенденции (см. ниже).

вверх). Череп опирался на собственное основание⁴⁷. Правая рука была, вероятно, согнута в средней степени (плечевая кость — под корпусом; более точно ее положение не зафиксировано), кисть — на расстоянии 15 см от лицевых костей; левая рука сильно согнута, находилась перед корпусом (перекрывая по диагонали правое предплечье), кисть заходила под нижнюю челюсть до проксимальных фаланг. Кости ног в средней степени согнуты в тазобедренных суставах и сильно — в коленных, стопы притянуты к тазу. На основании позы Т. Д. Маккоун предполагал наличие мелкой узкой и короткой могильной ямы: стопы залегали на 10 см выше колен и, возможно, располагались на бортике ямы (или упирались в него), а колени — на 20 см выше уровня залегания верхней части таза и опирались на северо-восточную стенку могилы. Череп опирался на юго-восточный борт ямы, и его основание находилось на том же уровне, что и стопы. Наличие погребального инвентаря проблематично: «Находясь между двумя кистями, но ближе к правой, чем к левой, лежало вполне обычное кремневое скребло» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 99).

Погребение 5 — мужчина 30—40 лет. Погребенный располагался на спине с небольшим наклоном вправо, в скорченном положении, головой на юго-запад (рис. 88; 89; 96). В области ног имеются следы древнего нарушения — уничтожены эпифизы костей левой ноги, дистальный конец правого бедра, правая голень и обе стопы. Череп пригнут к груди. Правая рука сильно согнута в локте и отставлена от корпуса, кисть — на уровне плеча; левая рука согнута в локте в средней степени, плечевая кость по диагонали пересекает грудную клетку, кисть — под правым локтем. Правая нога была слабо согнута в тазобедренном суставе; левая — в средней степени — в тазобедренном суставе и сильно — в коленном. На основании позы Т. Д. Маккоун предполагал существование непропорционально маленькой могильной ямы. Наличие инвентаря не вызывает сомнений: «В углу, образованном левым предплечьем и правой плечевой костью, находилась нижняя челюсть очень большого кабана. Восходящие ветви на обеих сторонах были отломаны, но зубная аркада с корнями клыков сохранилась. . . Исходя из ее положения и на основании того факта, что левое предплечье покоится на сломанных задних концах челюсти, не может быть сомнений в том, что ее включение в могилу было преднамеренным» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 100, 101).

Погребение 6 — мужчина 30—35 лет — состояло из разрозненных скелетных остатков, имевших старые сломы и, возможно, происходивших из разрушенного в древности захоронения. Остатки концентрировались на площади около 1 кв. м. Согласно Т. Д. Маккоуну, обломки черепа находились на некотором расстоянии от фрагментированных конечностей

⁴⁷ По сообщению Т. Д. Маккоуна (написанному, по-видимому, еще до полной расчистки скелета в лабораторных условиях), «череп круто развернут (наклонен — *inclined*) к левому плечу, располагаясь непосредственно над местом, когда-то (*once*) занятым правой лопаткой и головкой правого плеча» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 99). Здесь явная натяжка, так как из фотографий и прорисовки этого не следует. К сожалению, отсутствие правой лопатки и головки проксимального конца правой плечевой кости, отмеченное в антропологическом исследовании (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 131, 179) никак не комментируется.

и не составляли с ними естественной анатомической связи (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 101). К сожалению, указания на возможную причину такого смещения костей отсутствуют; «также не было возможности сделать уверенные выводы относительно ориентировки и положения данного индивидуума, за исключением некоторых выводов о положении костей левой руки и левой ноги» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 101). Отсутствие в доступных автору публикациях каких бы то ни было чертежей и фотографий еще более затрудняет эту задачу⁴⁸.

Погребение 7 — женщина 35—40 лет — представлено также неполными остатками, но их положение все же давало возможность определить позу погребенной. Она лежала «на правом боку, головой на восток (? — Т. Д. Маккоун всегда приводит слишком обобщенные ориентировки. — Ю. С.), с согнутыми руками и кистями, положенными около лица (в то время как ноги были согнуты в бедрах), и коленями, подтянутыми к телу» (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 102).

Погребение 8 — ребенок 8—10 лет — представляло собой также разрушенное в древности захоронение (возможная причина разрушения — водосток по ложбине, имевшейся в этой части террасы. Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 102), от которого сохранились только небольшой фрагмент таза и кости свободных нижних конечностей. Кости правой ноги находились в анатомической связи и указывали на незначительную согнутость этой ноги в коленном суставе.

Погребение 9 — мужчина примерно 50 лет. Погребение сильно нарушено в древности: 1) на черепе, в районе теменно-затылочной части, имелось отверстие, сделанное каким-то «пробивающим инструментом» (состояние краев повреждения предполагает возможность того, что это повреждение было нанесено посмертно, но до минерализации остатков. McCown T. D., Keith A., 1939. P. 281); 2) в области нахождения посткраниальных остатков уничтожена большая часть скелета, вероятно, несколько более поздней по времени ямой, выкопанной с целью помещения в нее большого бычьего черепа (череп предварительно был лишен затылочной части, рогов и нижней челюсти, что в какой-то степени перекликается с повреждениями на нижней челюсти кабана в погребении 5). Остатки тазовых костей и проксимальный конец левого бедра, головка которого находилась в вертлужной впадине, располагались анатомически согласованно с рядом ребер левой стороны грудной клетки. Остальные части скелета (череп, левая лопатка и несколько плюсневых косточек) располагались несогласованно. Исходя из положения сохранившихся остатков (рис. 88; 89; 97), можно предполагать, что погребенный был положен на правый бок или на спину, с ногами, уложенными вправо, и был ориентирован на северо-восток (?).

Погребение 10 — ребенок 5—5,5 лет — разрушено (?) более поздним погребением 7. Остатки индивидуума 10 обнаружены во время раскрытия монолита, содержавшего погребение 7. Остатки Схул 10 находились

⁴⁸ В настоящее время нельзя с уверенностью говорить о характере нарушения этого погребения. И только изучение самих костных остатков (как это было, например, сделал Г. Ульрихом в отношении костей Тешик-Таш 1) позволит ответить на вопрос о том, была ли целостность этого скелета нарушена до захоронения или уже после его совершения.

«немного впереди черепа взрослого индивидуума» (Gaggod D. A. E., Vate D. M. A., 1937. P. 103) и были представлены «обломками нижней челюсти с зубами, клыком верхней челюсти и нижней половиной правой плечевой кости» (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 8).

Кафзех 3, 6, 7 и Кафзех 8—11, 15

Погребения грота Кафзех (Израиль, в 2,5 км к югу от г. Назарет) были раскопаны Р. Невилем и М. Штекелисом (3, 6, 7) в 1934—1935 гг. и Б. Вандермеершем (8—11, 15) в 1965—1973 гг. (рис. 98—103; 111). Р. Невиль не успел опубликовать материалов, связанных с открытием человеческих остатков⁴⁹, а археологическая сторона исследований Б. Вандермеерша опубликована еще в очень недостаточной степени. Преднамеренный характер погребений для гоминидов 8—11 обоснован Б. Вандермеершем, исходя из наличия ям и анатомической целостности скелетов. Все обнаруженные погребения (кроме Кафзех 11 — слой XXII) происходят из слоя L, по нумерации Р. Невиля, который соотносится со слоем XVII, по нумерации Б. Вандермеерша, — леваллуа—мустье; плювиал Раннего Бюрма, чему в целом соответствуют абсолютные даты по радиоизотопии аминокислот (даты калиброваны) в костях индивидуумов Кафзех 3 — 39 000/45 000 лет и Кафзех 6 — 40 000/46 000 лет до современности (Masters P. M., 1982. P. 43—56). Все рассматриваемые погребения были обнаружены под кровлей грота в его привходовой части, так называемый Вестибюль.

Погребение Кафзех 3⁵⁰ — женщина старше 50 лет. Об этом погребении пока известно только, что скелет «был почти полностью вытянут и лежал на левом боку» (Vandermeersch B., 1981. P. 32)⁵¹.

Погребение Кафзех 6 — мужчина 20—40 лет. В погребении находились череп без нижней челюсти и разрозненные остатки посткраниального скелета⁵².

⁴⁹ Но, возможно, какие-то данные содержатся в довоенных изданиях. (Neville R., 1934a*; 1934b*. Цит. по: Bouyssonie J., 1954; Köppel R., 1935*). В настоящее время этот пробел, хотя и в очень незначительной степени, восполнен Б. Вандермеершем, опубликовавшим отдельные сведения Р. Невиля и М. Штекелиса (Vandermeersch B., 1981). В 1934 г. были открыты и извлечены черепа 3, 6, а в 1935 г. расчищены их посткраниальные остатки и обнаружен скелет 7.

⁵⁰ Материалы Р. Невиля, касающиеся погребений 3, 6, 7, практически не опубликованы. ⁵¹ Обращает на себя внимание отсутствие нижней челюсти у погребенного 3, что при наличии черепа, относительно комплектного скелета и сохранении анатомической его целостности может указывать на намеренное вычленение и удаление челюсти из погребения. Здесь возможен и случай «замещения» нижней челюсти, которая была «представлена» левыми М₁ и М₂, а также еще одним коренным — М₃ (Vandermeersch B., 1981. P. 171, 172).

⁵² Привлекает внимание характерное («каннибальское») нарушение базальной части черепа погребенного 6 (рис. 111, В), а из письма М. Штекелиса к М. Булю следует, что в этом случае речь может идти о наличии перезахороненного или опять-таки расчлененного и/или экскарнированного погребенного: «Что касается Гомо VI, то я обнаружил в месте предполагаемого расположения скелета кучу (груды — amas) костей, трудную для понимания» (Vandermeersch B., 1981. P. 32), т. е., по всей видимости, скопление костных остатков, анатомическая связь между которыми была нарушена. Для данного погребения не исключен и постэксгумационный отбор остатков, так как отмеченные в описи посткраниальные кости (две левые плюсневые, две бедренные, и шесть фаланг левой стопы) вряд ли являли собой «груды костей».

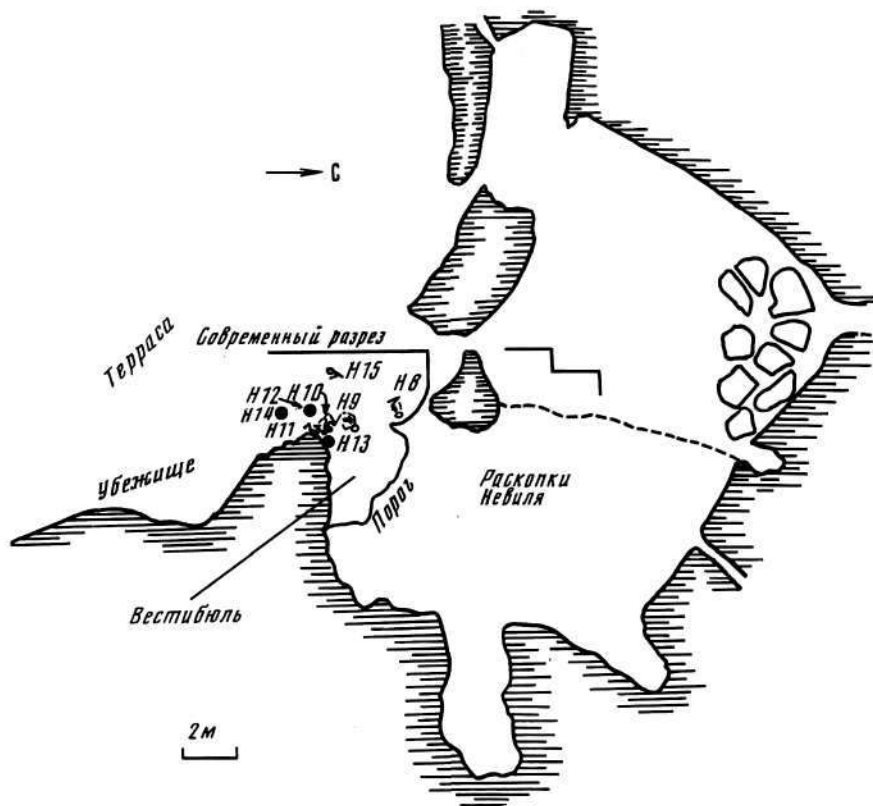

Рис. 98. Джебел Кафзех. План расположения человеческих скелетов, раскопанных экспедицией Б. Вандермеерша (Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976)

Некоторые исправления в нумерации находок, соответственно рис. 101 (Ю. С.); H8—11, 15 — погребения; H12—14 — остатки изолированных черепов

Погребение Кафзех 7 — взрослый индивидуум 40—50 лет. В погребении находились череп с нижней челюстью и остатки посткраниума, в основном от правой части скелета. «Индивидуум Кафзех 7 был обнаружен... совсем рядом с Кафзех 6, в ходе расчистки предполагаемого местонахождения последнего» (Vandermeersch B., 1981. P. 32). Возможно, здесь имело место двойное погребение.

Погребение Кафзех 8 — мужчина примерно 40 лет. Для погребения использовано естественное углубление («ниша») в скале. Тело располагалось на наклонной поверхности, занимая пространство $1 \times 0,80$ м, а голова находилась в наиболее углубленной части ниши. Стопы погребенного покрывала «довольно большая» известняковая плита (Vandermeersch B., 1969. P. 2563). «Он лежал на правом боку головой на восток (На северо-восток. — Ю. С.). Бедра были перпендикулярны оси тела, а большебер-

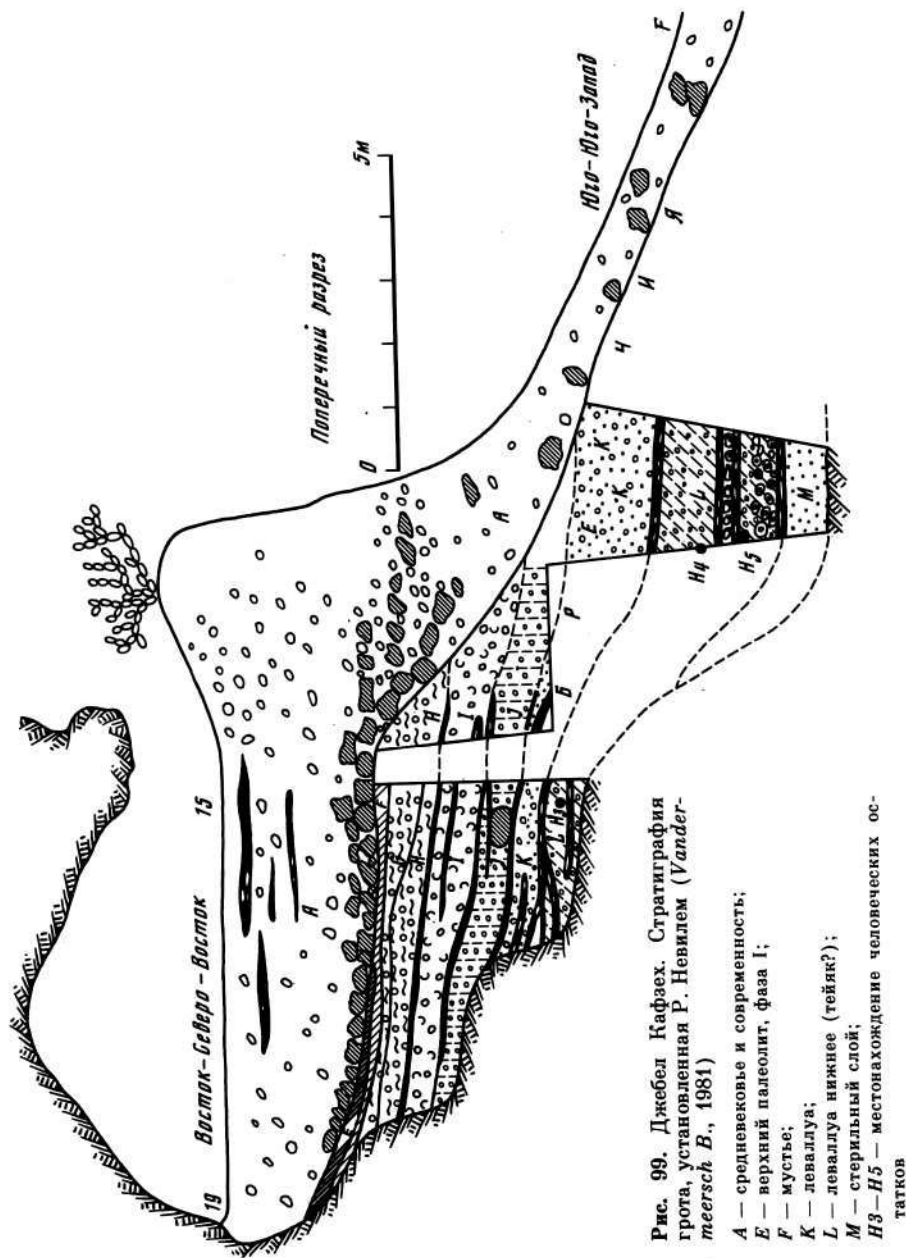

Рис. 99. Джебел Кафзех. Стратиграфия грота, установленная Р. Невилем (Vandermersch B., 1981)

- А — среднепалеолит и современность;
- Б — верхний палеолит, фаза I;
- В — мустье;
- К — леваллуа;
- Л — леваллуа нижнее (тейлак?);
- М — стерильный слой;
- Н₃—Н₅ — местонахождение человеческих остатков

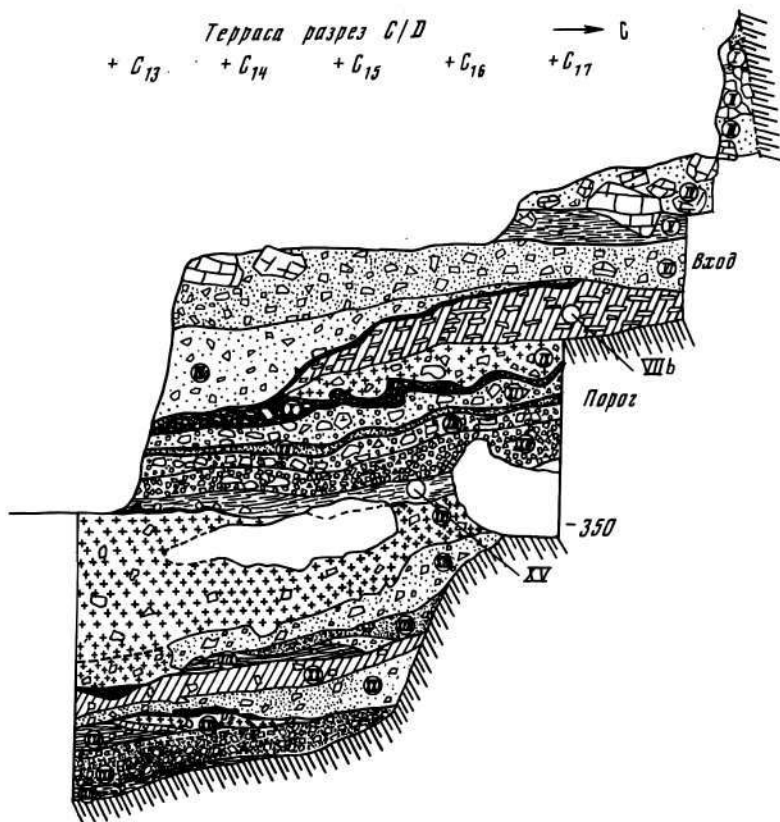

Рис. 100. Джебел. Кафзах. Стратиграфия мустьерских отложений на террасе (Vandermeersch В., 1981)

I—III — брекчированный натек; IV—VIIa, b — мустьерские слои, перекоп; VIII — серый слой — единственный, позволяющий установить твердую корреляцию между гротом и террасой (малораспространенный — примерно 1 м — в этом спектре; не был раскопан и не показан на разрезе); IX — беловато-серая брекчия; X — черный слой: разрушившийся известняк, следы очагов; XI — коричневое илистое отложение в плотном щебне; XII — плотный щебень, заполнитель — коричневое илистое отложение; XIII — тот же состав, что и в XI, но с более крупными известняковыми элементами; XIV — желтоватый слой мелкой щебенки и песка; XV — глинистое иловатое отложение со щебенкой; XVa — тот же состав, что и в XV, но темнее, щебень более плотный и мелкий; XVI — брекчированная часть слоев с XV по XVIII; XVII — щебень с прослойками темно-коричневого глинистого ила, следы очагов; XVIII — желтый известняк, стерилен; XIX — коричневое илистое отложение с разложившимся щебнем; XX — сильно разложившаяся известняковая осыпь; XXI — мелкий щебень в коричнево-серых отложениях, очаги; XXII — мелкий щебень в сероватых отложениях; XXIII — желтая осыпь; XXIV — щебень в коричневатом илистом отложении, следы очагов

цовые — параллельны бедрам» (Vandermeersch В., 1966а. Р. 268). «Руки вытянуты вдоль тела» (Vandermeersch В., 1969. Р. 2563). Голова была сильно склонена на грудь. Наличие инвентаря проблематично: «В ближайшем соседстве (С телом. — Ю. С.) мы обнаружили прекрасные предметы из кремня, в особенности один очень хороший скребок (grattoir), а также

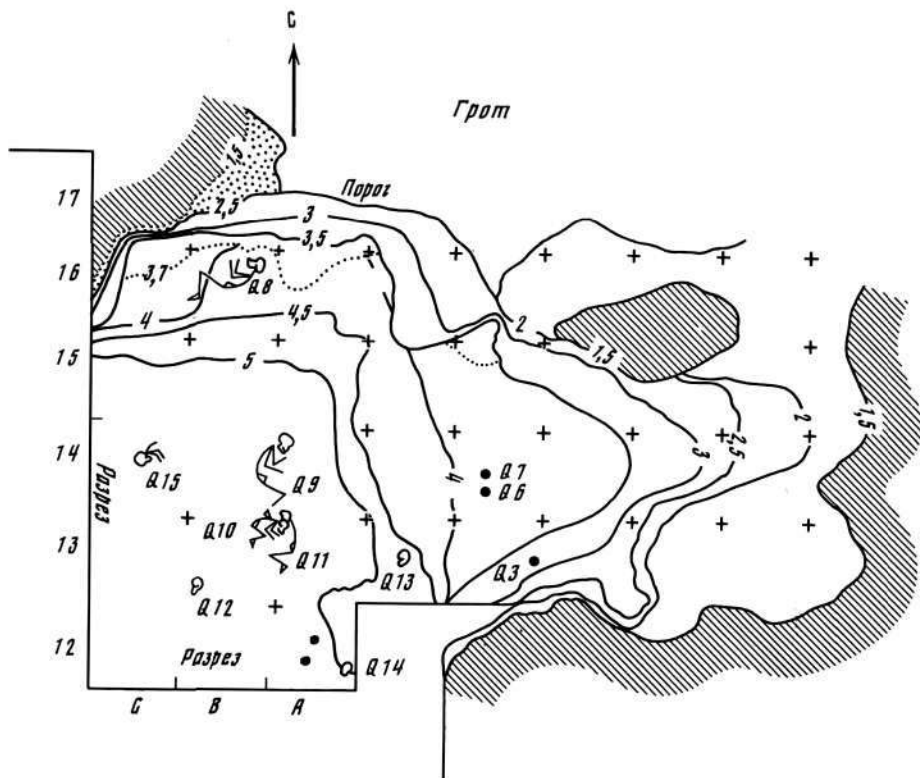

Рис. 101. Джебел Кафзах. План «Вестибюля» грота, показывающий положение скелетных остатков мустьерских людей (Vandermeersch B., 1981)

Местоположение скелетов, раскопанных Р. Невилем (Q3, 6, 7), указано приблизительно, на основании рукописных заметок, оставленных этим автором. Две черные точки рядом с Q14 указывают местонахождение изолированных зубов (Положение скелетов Q8—11 и Q15 дано схематично — позы не соответствуют действительно обнаруженным позициям погребенных. — Ю. С.)

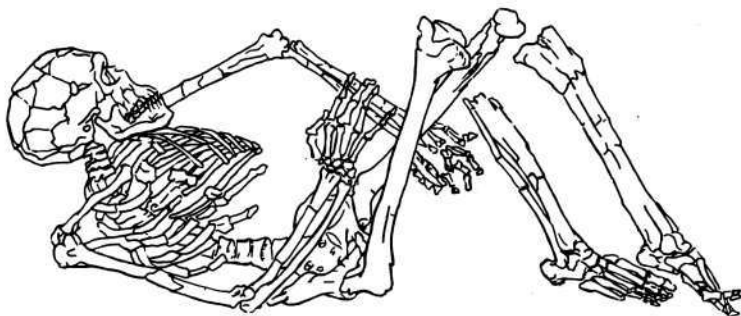

Рис. 102. Джебел Кафзах. Прорисовка положения костей погребенного 9(?) (Vandermeersch B., 1981)

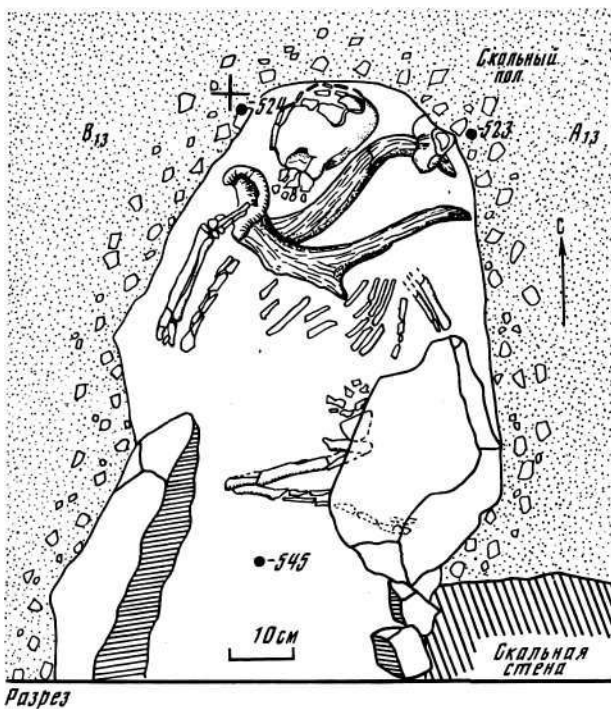

Рис. 103. Джебел Кафзех. План погребения ребенка (Гомо 11), показывающий общее расположение тела, принесенные известняковые блоки и приношения (Vandermeersch B., 1970)

фрагменты красной охры, один из которых, достаточно больших размеров. носил следы использования» (Vandermeersch B., 1969. P. 2563)⁵³.

Погребение (двойное) Кафзех 9 и 10: 9 — женщина примерно 20 лет; 10 — ребенок примерно 6 лет. Погребение находилось в яме, ориентированной по линии север—юг (размеры не указываются) и имевшей искусственно выровненное дно. Скелеты занимали пространство 1,40×0,50 м. Взрослый располагался на левом боку в среднескорченной позе, головой на север (рис. 98; 101; 102). Правая рука согнута в локте в средней степени, предплечье — на тазовых костях, кисть — на средней части левого предплечья. Левая рука, немного отставленная от корпуса, согнута в локте в средней степени, кисть — в состоянии супинации, под средней частью левого бедра. Правая нога согнута в тазобедренном суставе в средней степени и сильно — в колене, колено опирается на дистальную треть диафиза левого бедра. Левая нога слабо согнута в тазобедренном суставе и средне — в коленном. Голени лежат параллельно друг другу, стопы оттянуты (?). Ребенок располагался у ног взрослого, в нескольких сантиметрах от них. Костяк некомплектный — полностью отсутствуют стопы (Tillier A.-M., 1982. P. 19—22). «Ребенок был очень сильно согнут, с коленями, подведенными к грудной клетке. Голова покоилась на своем основании, в сильно согнутом

⁵³ По другой версии — «два очень хороших кремневых орудия и два куса охры, на одном из которых видны следы использования» (Vandermeersch B., 1966a. P. 268); по третьей — «прекрасные кремневые орудия и один кусок охры со следами использования» (Vandermeersch B., 1972. P. 11).

состоянии по отношению к туловищу. Тело было предельным образом скато само-в себя и занимало в длину такое же пространство, какое взрослый занимал в ширину» (Vandermeersch В., 1969. Р. 2563). Лежал на левом боку (Vandermeersch В., 1981. Fig. 8), с некоторым разворотом на спину, левая рука положена под голову, правая параллельна телу (Tillier А.-М., 1982. Р. 22); был ориентирован на восток.

Погребение Кафзех 11⁵⁴ — ребенок 13—14 лет. Погребенный находился в яме овальных (?) очертаний (1×0,50—0,60×0,25 м), вытянутой по линии север—юг. Яма впущена в скальное основание (известняк, разложившийся до состояния щебня). По стенкам яма была укреплена известняковыми блоками, поставленными на ребра. На костях таза и ног лежал известняковый блок. Погребенный располагался на спине (?) в среднескорченной позе (ноги повернуты направо), головой на север (рис. 98; 101; 103). «Череп был прижат к северному краю ямы и слегка наклонен вправо. Нижняя челюсть сползла вперед и не находилась в анатомической связи» (Vandermeersch В., 1970. Р. 299). Руки были сильно согнуты в локтевых суставах и немного отставлены от корпуса, кисти размещались у плечевых суставов. Ноги были сильно согнуты в коленных суставах и в средней степени — в тазобедренных. Наличие инвентаря очевидно: на грудной клетке, у черепа, лежали рога лани с частью лобной кости. Правая кисть находилась в контакте с лобной костью лани (Vandermeersch В., 1982. Р. 14). На (?) правом роге лежал эпифиз большеберцовой кости лани, причем кость, возможно, была «намеренно разделена на границе эпифиза и диафиза» (Vandermeersch В., 1970. Р. 299). На груди — фрагменты обожженной скорлупы яйца страуса. Отмечено и присутствие «большого числа кусков красной охры, иногда достаточно крупных размеров» (Vandermeersch В., 1970. Р. 300, 301).

Погребение Кафзех 15 — ребенок 8—10 лет. Материал практически не опубликован. Известно только, что у костяка отсутствовала вся нижняя половина посткраниального скелета. Кости верхней половины сохраняли анатомическую связь. Ребенок лежал на правом боку (?), головой на юго-запад. Руки были согнуты (?), кисти — перед нижней челюстью (Vandermeersch В., 1981; 1982. Р. 10—14. Fig. 1). Положение рук определяется по схеме и фотографии. Однако в подрисуночной подписи у В. Вандермерша говорится о нахождении только части верхних конечностей (Vandermeersch В., 1982. Fig. 1).

Кебара 1, 2 и Кебара 3

Погребения грота Кебара (Израиль, в 30 км от г. Хайфа, на южной оконечности горы Кармел, в 15 км к югу от Схул и Табун) были раскопаны М. Штекелисом (1 и 2) в 1964 и 1965 гг. и сотрудниками Французско-Израильской комплексной экспедиции (погребение 3) — в 1983 г.

⁵⁴ Вероятно, погребение Кафзех 11 является наиболее ранним из обнаруженных на памятнике. Оно происходило из слоя XXII и залегало на 0,60 м глубже двойного погребения Кафзех 9—10, которое частично его перекрывало. Для слоя XXII имеется дата на основе рацемизации аминокислот в кости животного: 68 000/78 000 лет до современности (Masters P. M., 1982. Р. 43—56).

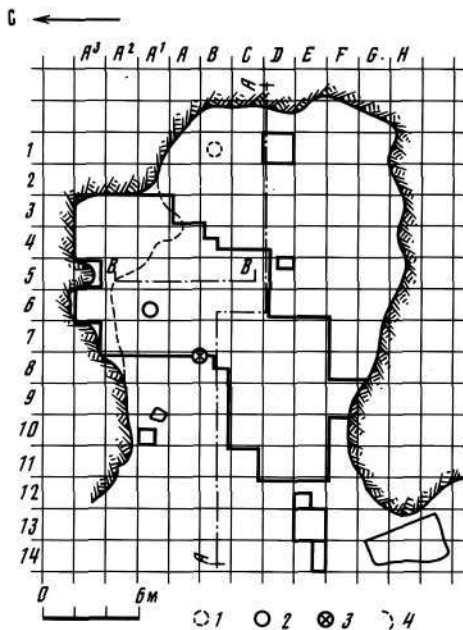

Рис. 104. Кебара. План грота и координатная сетка с указанием раскопанных участков (Schick T., Stekelis M., 1977) и погребений (Ю. С.)

- 1 — возможное местонахождение погребения Кебара 1;
 2 — местонахождение погребения Кебара 2;
 3 — местонахождение погребения Кебара 3;
 4 — граница стены грота до начала раскопок

(рис. 104—107). Погребение 1 практически не опубликовано. Погребение 2 освещено в печати в основном с антропологической стороны. О погребении 3 имеются предварительные сообщения, раскрывающие в основном тафологический контекст. Преднамеренный характер погребения 1 пока обосновывается только наличием сравнительно комплектных человеческих остатков. Погребения 2 и 3 находились в могильных ямах, содержащих сравнительно полные

скелеты. Все погребения совершены внутри грота. Происходят из пачки мустьерских отложений (слой F, подразделенный на несколько горизонтов). Индустрия — верхнее леваллуа—мустье. Для слоя имеется ряд датировок: 41 000×1000 лет (GrN-2561), 42 000±100 лет (GrN-2552) и 35 300±500 лет до современности (GrN-2551) — на основе радиоуглеродной датировки древесного угля из слоя F с глубины 2,5 м от поверхности мустьерского слоя; >30 000 лет до современности (L-336D) — на основе радиоуглеродной датировки древесного угля из верхнего леваллуа—мустьерского горизонта (Глубина, с которой был взят образец, не указана. — Ю. С.).

Погребение 1 — ребенок 6—9 месяцев. Материал не опубликован. Погребение находилось у северо-восточной стены грота, в мустьерских отложениях, вскрытых на глубину 4,5 м (Catalogue..., 1975. P. 136. 137)⁵⁵.

Погребение 2 — ребенок 7—9 месяцев. Погребение располагалось под кровлей грота, в средней его части, у боковой стенки. «Оно было найдено возле очага в неглубокой яме, покрытой тремя камнями» (Stekelis M., 1977. P. 702). Скелетные остатки ребенка были обнаружены вместе с каменными изделиями (Smith P., Arensburg B., 1977. P. 164), там же находился и зуб носорога (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 103). Погребение было обнаружено в квадрате A¹⁶ на глубине 6,83—6,90 м, т. е. «ниже уровня жилого

⁵⁵ В этом издании информация о данном погребении давалась со ссылкой на тогда еще не опубликованную работу Т. Шика и М. Штекелиса в журнале Израильского исследовательского общества (Schick T., Stekelis M. [о. J.]), в котором автор, к сожалению, не обнаружил никаких сведений об этом погребении (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 97—149).

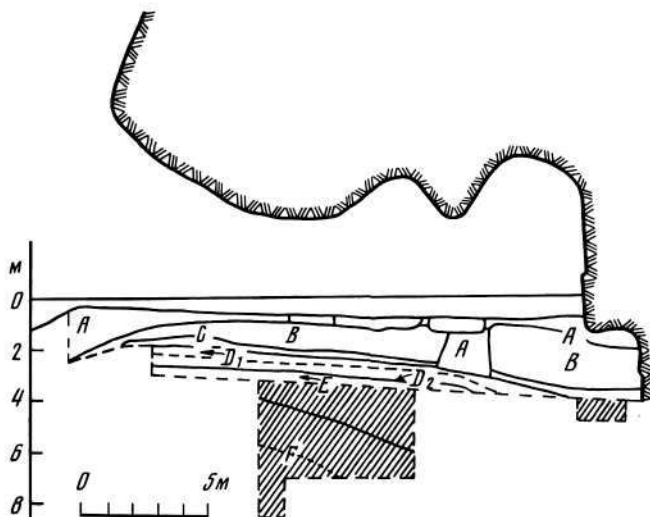

Рис. 105. Кебара. Разрез А—А (раскопки Тервилл-Питри и Штекелиса; заштрихованная зона — раскопки Штекелиса)

А — современность;
 В — натufийский слой;
 С — кебарьен;
 D1, D2, E — ориньяк;
 F — мустье (Schick T., Stekelis M., 1977)

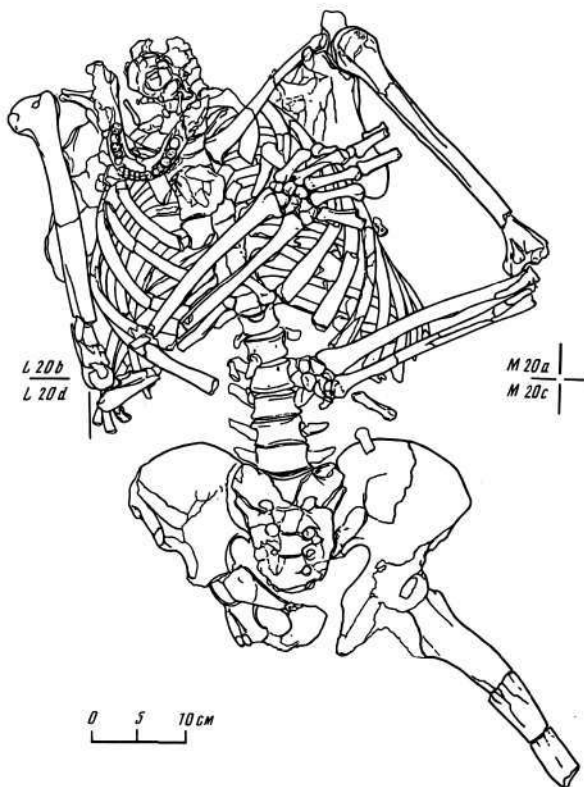

Рис. 106. Кебара. Положение скелета погребенного 3, план (Arensburg V. e. a., 1985)

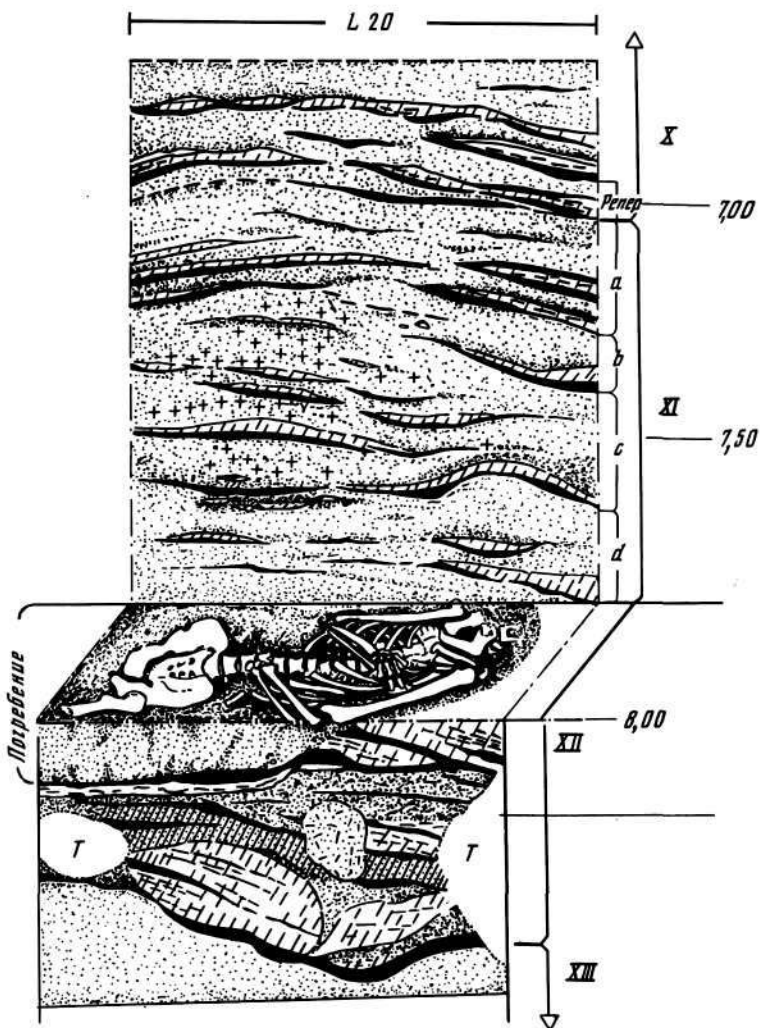

Рис. 107. Кебара. Положение скелета погребенного 3, разрез; скелет показан в аксонометрической проекции (Bar-Yosef O. e. a., 1988)

горизонта» (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 136)⁵⁶. Над погребением ребенка, в квадрате А¹, «время от времени возникали зоны скопления костей, находившихся либо внутри очага, либо вне связи с ним» (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 110. Fig. 7; 8). Возможно, скопления, находившиеся

⁵⁶ В статье П. Смит и Б. Арэнсбурга, напечатанной в этом же сборнике (Smith P., Arensburg B., 1977. P. 164), сказано, что погребение находилось в юго-западном углу грота, тогда как, согласно чертежу и указаниям автора раскопок М. Штекелиса (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 100, 103, Fig. 2), оно находилось в 4 м против примерного центра северной боковой стенки грота, в северо-западном углу квадрата А¹б.

же очага, и имели какое-то отношение к погребению, но установить это, во крайней мере до полной публикации материалов, не представляется возможным.

Погребение 3 — молодой мужчина. Погребение обнаружено на глубине 7,75—7,80 м в слое 12, согласно новому стратиграфическому делению (слой 12 — нижние уровни вскрытой к настоящему времени пачки мустьерских отложений F старой номенклатуры)⁵⁷. Погребение обнаружено в ходе расширения зондажа, проведенного М. Штекелисом. Погребенный находился в неглубокой яме, вытянутой по линии восток—запад. Размеры: ширина на уровне грудной клетки 0,60 м, прослеженная длина 1,20 м, глубина 0,20—0,25 м. Судя по положению костей и нивелировочным отметкам, череп первоначально упирался в восточный бортик ямы, а корпус располагался вплотную к северной стенке; погребенный покоился на горизонтальной поверхности. «Многочисленные кремневые отщепы были найдены вокруг скелета залегающими без явного порядка. . . Горизонт плотного белого пепла был раскопан в 4 см выше нижней челюсти. Следы нагрева (горения — chauffe) вообще отмечают местоположение скелета, но более всего заметны на атласе, на передней поверхности последних ребер правой стороны и на дистальной части диафиза правой плечевой кости» (Bag- Yosef O. e. a., 1986a. P. 137). Погребенный располагался на спине (рис. 104; 106; 107). В области залегания костей левой ноги имеются следы дровяного (?) нарушения; уничтожены стопа, голень и дистальная часть бедра. Край разрушения доходит до левой подвадошной кости. Левое бедро отставлено от туловища. Угол в тазобедренном суставе ~135°. Кости правой ноги отсутствуют полностью, хотя никаких разрушений в этой части не наблюдается. Череп погребенного также отсутствовал, в то время как нижняя челюсть залегала *in situ* (Arensburg B. e. a., 1985. P. 230). Предположительно череп был изъят из погребения после того как мягкие ткани уже разложились, но перед тем как кости были покрыты грунтом (Weaver K. F., 1985. P. 612). Возможно, кости правой ноги были удалены из погребения так же, как и череп. Нижняя челюсть покоилась на своем основании и была слегка смещена к правому плечевому суставу. Первый шейный позвонок лежал между ветвями нижней челюсти. Остальные позвонки сохраняли анатомическую связь. Напротив вестибулярной стороны третьего правого нижнего моляра находился третий правый верхний моляр. Правая рука сильно согнута в локтевом суставе. Плечевая кость прижата к корпусу. Правая кисть, в состоянии пронации, находилась на левой стороне грудной клетки, на уровне лопатки. Кисть не флексирована. Левая рука согнута в локтевом суставе в средней степени. Плечевая кость отставлена от корпуса. Левая кисть, судя по положению костей предплечья, находилась в состоянии пронации над грудной клеткой, на уровне второго и третьего поясничных позвонков.

⁵⁷ «В общем было определено 12 основных горизонтов: 6 для верхнего палеолита и 6 для среднего» (Arensburg B. e. a., 1985. P. 228). В более ранней публикации, представленной теми же авторами, речь идет об установлении 13 стратиграфических единиц: пяти для верхнего палеолита и перехода от среднего палеолита к верхнему, а также восьми для среднего палеолита (Découverte. . . , 1983. P. 54).

Анализ источников

Все значимые для работы данные о мустьерских погребениях были сведены в таблицу (см. ниже табл. 20), построенную по принципу фиксирования для каждого погребения наличия (знак +) или отсутствия (знак —) выделенного признака, его качественной или количественной характеристики. После составления таблицы для части реализовавшихся признаков был проведен анализ с целью выявления возможной хронологической, географической и социальной изменчивости, имеющей место в представленной совокупности. Именно для части признаков, потому что материал оказался не адекватным целям сравнения в силу чрезмерной фрагментарности сведений, содержащихся в первоисточниках. Попытки автора провести сопоставление между значимыми признаками с применением элементов математической статистики тоже во многом потерпели неудачу как по причине отсутствия информации в отношении того или иного погребения, так и по причине крайней малочисленности самих памятников. что при дифференцированном подходе к сопоставлению по определенным показателям (например, распределение признаков по половозрастным группам) естественно приводило к сокращению числовых данных для сравниваемых групп. Несмотря на это, ряд расчетов все же был произведен и на этом основании получены некоторые выводы и обнаружены определенные тенденции, намечающиеся в распределении материала.

В работе была сделана попытка установить характер распределения материала в основном по следующим показателям: пространственному, половозрастному и антропологическому. Для удобства работы с последним показателем все мустьерское население рассматриваемой территории было поделено на три таксономические группы, исходя из некоторой разницы в морфологии его представителей, установленной современными палеоантропологическими исследованиями: «неандертальцы» — Западная Европа; «неандерталоиды» — Крым, Ближний Восток и Средняя Азия; «сапиенсы» — Крым, Ближний Восток.

С целью определения степени сходства/различия в распределении выделенных признаков применялся критерий χ -квадрат с использованием формулы для двух рядов разного объема (Зайцев Г. Н., 1973).

Территориально-хронологическое деление памятников

В географическом отношении все мустьерские погребения Евразии (49 погребений → 59 (57?)⁵⁸ индивидуумов) традиционно делятся на две большие группы: условно Западную (далее «Запад») — западноевропейские погребения — и условно Восточную (далее «Восток») — погребения Ближнего Востока, Крыма и Средней Азии. С точки зрения более частного регионального деления, 16 погребений → 20 (18?) индивидуумов из восьми местонахождений происходят с территории Западной Европы, где 2 погребения → 3 индивидуума обнаружены на одном местонахождении в Бель-

⁵⁸ Цифра и знак ? в скобках указывают на то, что в Арси-сюр-Кюр, возможно, имело место погребение отдельных частей не трех разных, а одного или двух индивидуумов.

гии, а остальные — во Франции: семь местонахождений — 14 погребений → 17(15?) индивидуумов, и в основном сосредоточены в небольшом по площади районе юго-западной Франции, объединяющем три соседних департамента (Шаранта: 1 местонахождение — 1 погребение → 1 индивидуум; Коррез: 1 местонахождение — 1 погребение → 1 индивидуум; Дордонь: 4 местонахождения — 11 погребений → 12 индивидуумов). Одно местонахождение расположено в департаменте Йона, несколько севернее Шаранты — 1 погребение → 3 (1?, 2?) индивидуума.

На территории Восточной Европы все известные сейчас погребения сосредоточены в Крыму, в центральной части небольшого по площади района Горного Крыма, и расположены примерно вдоль границы второй гряды Крымских гор: 3 местонахождения — 4(?) погребения → 6 индивидуумов.

С территории СССР происходит и единственное среднеазиатское погребение → 1 индивидуум.

Остальные местонахождения с погребениями расположены на Ближнем Востоке, причем пять местонахождений, давших 22 погребения → 23 индивидуума, сконцентрированы на северо-западе Израиля и одно местонахождение с 6 погребениями → 9 индивидуумами находится в Ираке (рис. 2; табл. 1). Таким образом, складывается довольно диспропорциональная картина распространения памятников данного типа на обширнейшей территории Евразии вообще и непропорционального сосредоточения их на территории отдельных регионов Евразийского континента, в частности. Очевидно, что столь разную концентрацию памятников подобного рода уже нельзя объяснить только исследовательской активностью (Nargold F. B., 1974; 1980), скажем, на территории Франции или на территории Израиля. Конечно, данные районы изучены сравнительно хорошо, однако в послевоенные годы не менее интенсивно исследуется и территория Центральной и Восточной Европы, а погребения обнаруживаются в единичных случаях, при этом до сих пор неизвестно ни одного центрально-европейского погребения⁵⁹ и ни одного погребения (исключая относительно небольшую территорию Крымского полуострова) с территории Восточной Европы, не говоря уже о Среднем и Дальнем Востоке, хотя изолированные человеческие остатки этого времени здесь довольно многочисленны. Более того, за последние 55 лет (с 1935 г.) — период наиболее интенсивных раскопок как на территории Франции, так и на территории Израиля, — там было обнаружено 12 погребений → 13 индивидуумов: 4 и 8 погребений соответственно. Причем 5 погребений из 12 были найдены на стоянках, где к тому времени уже были открыты серии погребений: 1 — в Ля Ферраси и 4 — в Кафзах. Характерно, что за тот же период и

⁵⁹ Возможно все же, что на территории Центральной Европы имеется одно мустьерское погребение. Речь идет о находке костяка 40—50-летней женщины Шубайюк 1, обнаруженной Ж. Данкзой в пещере Шубайюк (быв. пещера Муссолини) в Венгрии в 1932 г. (Kadić O., 1933*. S. 11—17; Die Mussolini-Höhle. . ., 1940*. S. 49—112). Правда, сам Ж. Данкза, да и последующие исследования не рассматривали остатки этого индивидуума в качестве преднамеренно погребенных. Однако комплектность костяка с учетом его нахождения в жилом слое может указывать на преднамеренность его захоронения. К сожалению, для автора данной работы, как уже говорилось, указанные источники информации, содержащие описание этого открытия, оказались недоступными.

в Крыму было найдено еще 2 погребения (4 индивидуума), помимо двух погребений (2 индивидуума), обнаруженных в 1924 г.

Вероятно также, что с территории Франции происходит еще не менее трех мустьерских погребений. К такому выводу можно прийти, основываясь на критерии комплектности обнаруженных там ископаемых остатков палеоантропов (см. выше).

1. Комплектные остатки подростка были найдены в гроте Ля Маск (Ля Маск 1) А. Николасом в 1886 или 1887 г., но находки не опубликованы. и обстоятельства их обнаружения неизвестны (Catalogue. . ., 1971. P. 141).

2. Сравнительно комплектные остатки взрослого индивидуума открыты Л. Дюпортом в гроте Каминеро (Каминеро 1) после 1962 г. (Duport L. 1966*; Catalogue. . ., 1971. P. 90). Обстоятельства находки неясны.

3. По сообщению Б. Вандермеерша, из грота Рене Симар происходят костные остатки, принадлежавшие «по крайней мере трем индивидуумам (Рене Симар 1—3): «подростку в возрасте приблизительно 12 лет и двум очень маленьким детям» (Vandermeersch B., 1965a. P. 108); обнаружены Л. Дюпортом после 1958 г. Но распределение костных остатков по особям не произведено, и указания на возможно преднамеренный характер захоронения в литературе, доступной автору, отсутствуют. (Странно, правда, что в капитальном труде по доистории Франции, в разделе, посвященном неандертальцам Шаранты, где расположен грот, написанном Б. Вандермеершем (Vandermeersch B., 1976b. P. 584—587), находки из Рене Симар вообще не фигурируют.)

Интересно заметить, что, за исключением грота Ля Маск и грота Волка в Арси-сюр-Кюр (Арси 5—7), все остальные памятники Франции, где имеются как достоверные мустьерские погребения, так и возможные, сосредоточены в одном и том же районе Шаранта — Дордонь.

Примечательно и то, что грот Кебара (Израиль), где с 1964 г. уже обнаружено три (два?) мустьерских погребения, расположен в районе хребта Кармел (13 км к югу от Табун), т. е. опять-таки в зоне концентрации среднепалеолитических местонахождений с погребениями.

Необходимо подчеркнуть и то, что палеолитические местонахождения с остатками гоминидов, в том числе и мустьерские, хотя и встречаются достаточно редко, но при этом относительно равномерно распределены по территории Евразии (да и вообще по территории Старого Света). А местонахождения с преднамеренными среднепалеолитическими погребениями не только встречаются гораздо реже, но и сосредоточены в основном в трех сравнительно небольших районах: I — Шаранта—Дордонь; II — Крым; III — Палестина, что позволяет предложить гипотезу о тафологической (в известных нам формах) активности только определенных сообществ палеоантропов и в основном уже в известных местах, т. е. предположить наличие своеобразных «очагов» формирования и развития погребальной практики в мустьерское время⁶⁰.

⁶⁰ Представление об «очагах» тафологической деятельности в принципе можно сопоставить с представлением об «очагах» первобытного искусства (Формозов А. А., 1969; 1983), поскольку оба отражают неравномерность распространения памятников определенного рода и не исключают возможность существования той же деятельности, но в иных (археологи-

В связи с отсутствием жесткой хронологической шкалы для рассматриваемых памятников временной фактор оказывается нестабильным и поэтому мало значимым в анализе данного материала. В настоящее время в общем и целом можно говорить только о возможно большей древности погребений восточного региона по сравнению с подавляющим большинством погребений западного региона, так же как и об относительной древности погребений «сапиенсов» в сравнении с погребениями «неандерталов» и «неандертальцев»⁶¹. В соответствии с этим при оценке распределения признаков по выделенным показателям географический и антропологический показатели будут представлены и с хронологической точки зрения.

Половозрастной статус погребенных

Как уже указывалось, к настоящему времени на территории Евразии открыто минимум 49 мустьерских погребений, содержащих остатки 59 (57?)⁶² захороненных индивидуумов, 34 из них были взрослыми, а 25 — детьми до 14 лет. Возрастной статус был сравнительно точно определен для 29 взрослых индивидуумов в диапазоне от 16—18 до 50—55 (?) лет⁶³. Возрастной статус сравнительно точно был определен и для 23 детей в диапазоне от утробного возраста («вполне доношенный зародыш») до 13—14 лет.

Половой статус сравнительно определенно указан для 30 взрослых субъектов, 21 из которых общепризнано считается мужчинами и девять — женщинами⁶⁴. Однако все же существуют некоторые сомнения в правильности общепринятых оценок для четырех погребенных, признанных мужчинами (Спи 1, Мустье 1, Регурду 1 и Киик-Коба 1), и для одного погребенного, половой статус которого оценен как женский? (Шанидар 7). Приняв во внимание крайний (так сказать, не в пользу мужчин) вариант этих возможных поправок в распределении погребенных по половым признакам, получим следующее соотношение: 17 мужчин и 13 женщин, т. е. даже в этом случае сохраняется некоторая диспропорция в числе мужчин и женщин, подвергшихся в мустьерскую эпоху преднамеренному захоронению в земле)⁶⁵.

Половой статус детей, как правило, достоверно не определяется. И все же для пяти из 25 индивидуумов существуют предположительные

чески не фиксируемых) формах в других местах как в то же, так и в другое время, может быть, даже более раннее, чем мустьерское.

⁶¹ Новые данные, полученные сравнительно недавно, указывают на возможный приоритет кафаэской группы «сапиенсов» в этой области человеческой деятельности. Возраст коррелирующих с погребениями слоев здесь определяется теперь более чем в 90 000 лет до современности (*Valladas H. a. o.*, 1988. P. 614—616; *Schwarz H. a. o.*, 1988. P. 733—737).

⁶² Повторим: цифра в скобках со знаком ? указывает на возможность поправки, возникающей за счет того, что остатки Арси 5—7 принадлежали не трем, а одному или двум индивидуумам.

⁶³ Возрастной статус не определен для пяти взрослых субъектов (или для трех, если принять остатки Арси 5—7 за остатки одного индивидуума): Арси 5, Арси 6, Арси 7, Схул 3 (мужчина), Кебара 3 (молодой мужчина), и для двух детей (Спи 3 и Мустье 2).

⁶⁴ Половой статус не определен для четырех (?) взрослых индивидуумов: Арси 5—7 и Кафаэх 7 (40—50 лет).

⁶⁵ При дальнейших подсчетах будут использоваться цифровые значения, полученные на основе общепринятых оценок — 21 мужчина и 9 женщин.

определения пола: Староселье 1: 1,5 года — мужской или, согласно В. П. Алексееву (1985, С. 30), женский; Тешик-Таш 1: 8—10 лет — мужской или, согласно В. П. Алексееву (1985, С. 14), женский; Схул 1: 3—4 года — мужской; Схул 8: 8—10 лет — мужской; Схул 10: 5—5,5 лет — мужской.

Возрастное распределение (по количеству индивидуумов)

<i>Мужчины:</i>	<i>Женщины:</i>	<i>Дети:</i>
15—25 лет — 5	15—25 лет — 2	0—1,5 года — 10
25—35 лет — 4	25—35 лет — 4	1,5—3 года — 5
35—45 лет — 7	35—45 лет — 2	3—5 лет — 1
45—50 лет — 5	50—55 лет — 1	5—6 лет — 3
		8—10 лет — 4
		13—14 лет — 1

Половозрастное деление по принятым в работе показателям и соответственные соотношения демонстрирует табл. 4.

Таким образом, на «Востоке» и соответственно в более ранний период погребения взрослых доминируют над погребениями детей, а соотношение мужских и женских погребений при явном доминировании мужских не зависит ни от временных, ни от пространственных показателей. При этом «восточная» тенденция к проявлению большей заботы к умершим взрослым

Таблица 4. Распределение по полу и возрасту

Пол и возраст	«Запад»	«Восток»	Пол и возраст	«Запад» + Крым *	«Восток» — Крым
Взрослые	11	23	Взрослые	12	22
Дети	9	16	Дети	14	11
	$P^{**}=0,23$			$P=0,88$	
Мужчины	6	15	Мужчины	7	14 ***
Женщины	2	7	Женщины	2	7

«Неандертальцы»	«Неандерталоиды»		«Сапиеусы»	«Неандертальцы» + «Неандерталоиды»	
Взрослые	11	11	Взрослые	12	22
Дети	9	9	Дети	7	18
	$P=0$			$P=0,44$	
Мужчины	6	8	Мужчины	7	14
Женщины	2	3	Женщины	4	5
				$P=0,49$	

* В некоторых случаях производилась подгруппировка крымских погребений с западноевропейскими на том основании, что по некоторым показателям (большое число детских погребений и др.) они больше тяготеют к западной группе памятников. При такой подгруппировке тенденции, прослеживающиеся в западноевропейских погребениях, получали подтверждение, а соотношения в погребениях восточной группы либо не нарушались, либо нарушались в незначительной степени.

** Р есть числовое выражение различия сравниваемых соотношений. Значение Р, приближающееся к 1, показывает наличие значимых различий (например, $P=0,88$). Значение Р, удаляющееся от 1, показывает отсутствие значимых различий (например, $P=0,23$).

*** Соотношение признаков не поддается оценке по данному критерию, если хоть один признак реализован менее четырех раз.

одинакова и для неандерталоидных форм палеоантропа на Ближнем Востоке, и для сапиентных. В то же время (точнее, несколько позже) классические неандертальцы Западной Европы примерно в одинаковой степени погребали детей и взрослых, а палеоантропы Крыма, в целом, может быть, несколько более ранние, предпочитали чаще хоронить детей.

Если опираться на существующую хронологию, т. е. считать, что «восточные» погребения в целом древнее «западных», то разное возрастное распределение в погребениях этих регионов, вероятно, свидетельствует не только о заметных изменениях, произошедших в возрастном составе погребенных «Запада» (что, видимо, было связано с определенными изменениями в общественных отношениях палеоантропов), за счет которых детей стали хоронить не реже, а возможно, и чаще, чем взрослых, но и о феномене исчезновения погребений, точнее, о затухании традиции преднамеренного захоронения умерших в земле, в восточном регионе и о возрастании ее — в западном. Если это так, то разный возрастной состав погребенных двух регионов может свидетельствовать как о разнице, существовавшей в системах общественных отношений, так и о самостоятельном возникновении погребальной практики на «Западе». Интересно и то, что в случае, если будет окончательно доказано, что погребения «сапиенсов» на «Востоке» древнее погребений «неандерталоидов», то мы будем свидетелями нарушения традиции предпочтительного погребения взрослых. Правда, если будет доказано, что все детские относительно целые, но изолированные черепа, обнаруженные на мустьерских памятниках Ближнего Востока (например, серия Кафзах)⁶⁶, являлись объектами преднамеренного погребения, то возрастные распределения «Запада» и «Востока», может быть, станут похожими; социальных изменений на этом уровне анализа не обнаружится, а временной фактор окажется здесь несущественным.

Что же касается различий в соотношении мужских и женских погребений в трех выделенных антропологических группах, то они не значимы.

Сопутствующая индустрия

Данный признак совершенно не реализуется на имеющемся материале. Одной из возможных причин этого является отсутствие общей классификации каменных изделий для всей рассматриваемой зоны, что объясняется либо чрезмерной сложностью самой задачи, либо принципиальной несопоставимостью (на уровне варианта/типа) материалов «Востока» и «Запада», которые сейчас сравнимы только на уровне фации. Но поскольку обе фации — и леваллуаская, и нелеваллуаская — представлены примерно равным числом погребений, то и этот признак оказывается нерепрезентативным. В то же время для Западной Европы, где, с одной стороны, сравнительно много погребений, а с другой — имеются достаточно дробные клас-

⁶⁶ Кафзах 4 — ребенок 6—8 лет: фрагменты черепа, верхняя и нижняя челюсти; 1934 г., слой XVII (по Б.Вандермершу) или L (по Р.Невилю). Кафзах 12 — ребенок 5—6 лет: череп; 1969 г., слой XVII. Кафзах 13 — зародыш; череп; 1969 г., слой XVa. Кафзах 14 — зародыш или новорожденный; фрагменты черепа в слое кострища; 1973 г., слой XVII (Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1097—1100).

сификации как раз для региона местонахождений с погребениями, существующая картина такова, что почти для каждого выделенного варианта индустрии имеется некоторое количество погребений, и даже «Золушка мустье» (Bordes F., 1981) — мустье зубчатое — имеет свое собственное погребение — Арси 5—7 (Girard C., 1976; Defleur-Tanoux A., 1982). Иными словами, полагаясь на авторитет Ф. Борда, можно сказать, что лишь Асинипод и Баскон («эти еще очень слабо изученные индустрии». Bordes F., 1981. P. 79, 80) остались без погребения, а все остальные имеют одно—три захоронения на вариант. И только шарантское мустье, особенно его феррасийский тип, превалирует над остальными, благодаря могильнику в Ля Ферраси. Таким образом, деление материала на уровне наличие/отсутствие погребения в том или ином варианте мустье (по крайней мере, в Западной Европе, как это когда-то пытался сделать Ф. Борд (Григорьев Г. П., 1968. С. 90—97), теперь уже неправомерно, а в силу отсутствия унификации в погребальных обрядах мустьерской эпохи, где каждое погребение фактически индивидуально, невозможно и деление на уровне тип погребения — вариант (тип) индустрии.

Тип местонахождения

Признак в целом сомнительный для данного материала, так как погребения находятся во всех трех подтипах памятников так называемого закрытого типа, т. е. в навесах, гротах и пещерах. Единственное наблюдение, которое здесь можно сделать, это то, что погребения чаще встречаются на памятниках подтипа «грот» — 11 местонахождений, и реже на других: подтипа «навес» — 4, подтипа «пещера» — 2. Одно захоронение встречено в нежилом уровне (слой 4) грота Регурду и входило в комплекс медвежьего капища, остальные связаны с типичными местами поселений. (На памятниках открытого типа погребения мустьерского времени пока не обнаружены.)

Соотношение местоположения погребения с конфигурацией поселения

В 1968 г. С. Р. Бинфорд была высказана гипотеза о существовании зависимости между половозрастным статусом погребенного и нахождением его в той или иной точке поселения (в центре, на периферии и т. п. Binford S. R., 1968), но ни последующее исследование Ф. Б. Харрольда (Haggrold F. B., 1974), ни данная работа не подтвердили ее гипотезу. Существующие на этот счет данные показывают (рис. 108), что такой зависимости не прослеживается. Не прослеживается зависимости и между полом и возрастом погребенного или другими показателями в ориентировке головой и/или лицом погребенного по направлению к «входу»/«выходу», задней стенке убежища или его боковым сторонам, и погребенные располагаются как вдоль и поперек условной линии входа, так и под углом к ней, при этом независимо от ориентировки «входа» в ту или иную сторону света доминирует все же поперечное ему расположение погребенных, как это отметил еще А. П. Окладников (1952). Если же за точку отсчета принять антропологический тип погребенного, то в этом случае можно на-

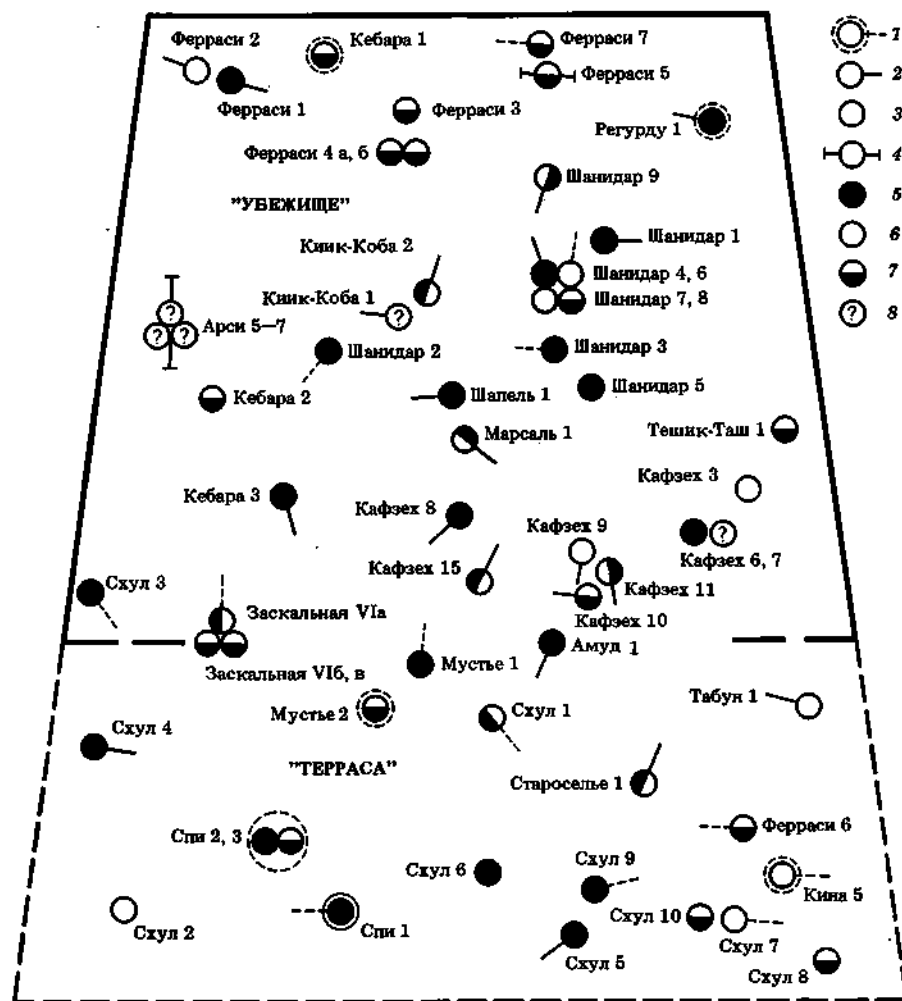

Рис. 108. Схема расположения мустьерских погребений на поселении

1 — местоположение погребенного и его ориентировка точно не определены; 2 — ориентировка погребенного относительно задней стенки «убежища»; 3 — ориентировка неизвестна; 4 — ориентировка погребального сооружения; 5 — мужчины; 6 — женщины; 7 — дети до 14 лет; 8 — пол не определен.

метить некоторые тенденции: «неандертальцы» и «неандерталоиды» в целом больше «привязаны» к убежищу, т. е. чаще находятся под его кровлей, а «сапиенсы» — к площадке перед ним. Причем «неандертальцы» в основном стремились хоронить умерших ближе к задней стенке убежища и/или примерно параллельно ей, а «неандерталоиды» — в его центре, в то время как «сапиенсы» предпочитали район «входа—выхода». Наконец, если погребения «неандертальцев» «тяготеют» к боковым сторонам поселения

(чаще — к левой), а погребения «неандерталоидов» концентрируются в середине, то захоронения «сапиенсов» — в середине или в правой (по линии «входа») части поселения⁶⁷.

Ориентировка погребений

Долгое время в литературе предмета считалось, что в ориентировках мустьерских погребений существовало только два направления — восточное и западное при явном преобладании восточного. И поскольку объяснение лежало, что называется, на поверхности, такое «наблюдение» всех устраивало (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913; Peyrony D., 1934; Bouyssonie J., 1954; Bergounioux F. M., 1958; Замятнин С. Н., 1961a; 1961b и др.)⁶⁸. Возможно, поэтому и авторы раскопок, и авторы обзоров указывали либо на обобщенное направление (видимо, полагая, что мустьерцев вряд ли интересовался более чем примерным ориентиром на восход или заход солнца) и не придавали значения точности замеров, либо оставляли этот момент вовсе без внимания (Klaatsch H., Hauser O., 1909; Martin A., 1911b; Peyrony D., 1930; Binford S. R., 1968; Harrold F. B., 1974; 1980 и др.).

Накопление новых данных и более пристальное рассмотрение материала позволяют установить, что в ориентировках погребенных, помимо четырех основных направлений, в том числе северного и южного, существует и ряд промежуточных, а именно: на северо-восток, юго-восток и юго-запад (рис. 109; 110). При этом следует иметь в виду, что кроме 21 погребенного, ориентировку которого можно установить с точностью до 5—10°, имеется шесть погребенных, ориентировка которых устанавливается на уровне одного направления (сектор в 45°), семь — на уровне трех смежных направлений (сектор в 135°), а ориентировка 14 погребенных неизвестна⁶⁹. Такой уровень информации, естественно, не позволяет получить достоверные выводы. На основании имеющихся данных можно говорить лишь о том, что на уровне одного направления намечается незначительное преобладание в северном и западном секторах при несколько странной пустоте в северо-западном⁷⁰, а на уровне трех смежных (северо-восток, восток и юго-восток) — в восточном. Последнее, может быть, действительно связано с восходами и заходами луны и солнца. Интересно

⁶⁷ Конечно, обнаруживающиеся тенденции следует принимать с некоторой поправкой на внутреннюю организацию таких сравнительно больших и, вероятно, одновременных могильников как Ля Ферраси (семь погребений) и Джебел Кафаех (минимум шесть погребений).

⁶⁸ И только А. П. Окладников, тоже полагая, что все погребенные «обращены головой или на восток, или на запад, но не на юг и не на север», пытался найти этому более «прозаическое» объяснение, предположив, что, «возможно, это зависит от того, что покойники всегда лежат поперек гротов, а гроты эти преимущественно открыты на юг, т. е. на солнечную сторону» (Окладников А. П., 1952. С. 167).

⁶⁹ В расчетах не принято во внимание положение изолированных, разрозненных и таких некомплектных остатков, ориентировка которых по определению не может быть установлена: Спй 3, Ферраси 4а; Арси 5—7, Заскальная VIб, в, Шавидар 8, Схул 2, 6, 8 и 10.

⁷⁰ Впрочем, погребение в Регурду, в отношении которого пока известна только обобщенная ориентировка «на запад», может после получения о нем дополнительных сведений занять этот пустующий сектор.

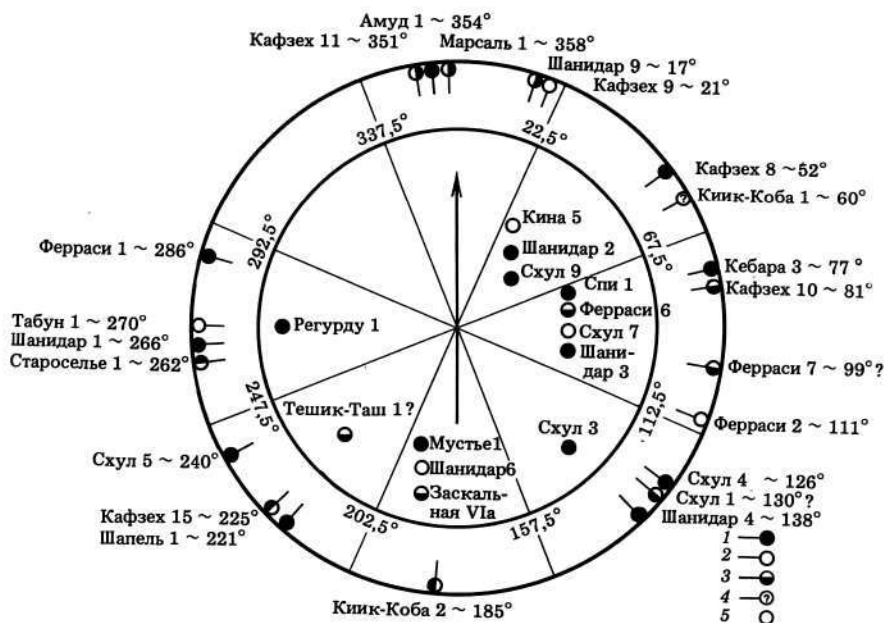

Рис. 109. Схема ориентировок погребенных (ось: таз—череп), зафиксированных в мустьерских погребениях

- 1 — мужчины;
- 2 — женщины;
- 3 — дети до 14 лет;
- 4 — пол не определен;
- 5 — азимут в градусах неизвестен

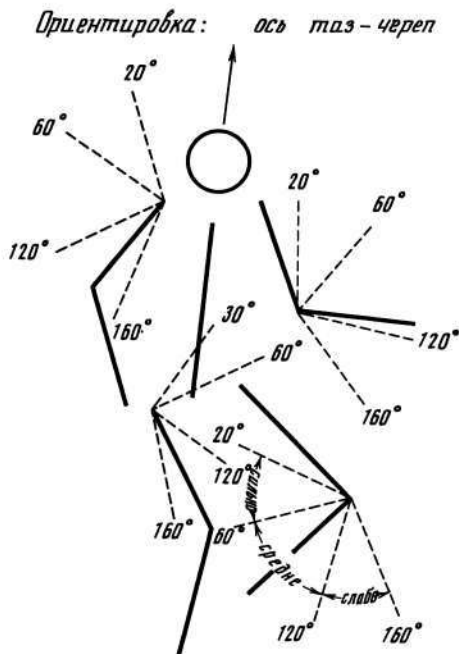

Рис. 110. Схема определения ориентировки головой в направлении той или иной стороны света и степени согнутости (углы скорченности) верхних и нижних конечностей

отметить, что для единственного погребения, время года совершения которого примерно известно (Шанидар 4), был, возможно, выбран лунный ориентир — восход луны в летнее время (координаты стоянки 36°50' Север, 44°13' Восток; вероятная дата погребения 60 000 лет до современности; ориентировка погребенного 135°)⁷¹.

К сожалению, неопределенность, вызванная отсутствием строго установленной даты для большинства погребений и тем более отсутствием указаний на время года их совершения, сделала невозможным установить предпочтительную ориентировку на то или другое светило (если именно они играли тут первостепенную роль?)⁷². Но все же можно сказать, что для западноевропейских погребений ориентировка на солнце кажется более вероятной, так как большинство направлений в ориентировке погребенных указывает на его восходы и заходы в разное время года. При всем этом и, опять-таки к сожалению, все подобные выводы следует принимать с поправкой на то, что никем не установлено (и это касается всех памятников без исключения), позволяют ли природное окружение изучаемых памятников и их внутренняя конфигурация вести сейчас (и тем более в древности) непосредственные наблюдения за восходами/закатами даже таких основных светил, как солнце и луна.

Никакой зависимости между ориентировкой погребенных и иными показателями, учтенными автором, не наблюдается.

Характер погребения: Количество особей в одном захоронении

Мустьерская эпоха представлена в основном одиночными захоронениями. При этом существуют три достоверных двойных захоронения (погребение взрослого мужчины (?) и ребенка в Спи, погребение двух детей (4а, б) в Ля Ферраси и погребение взрослой женщины и ребенка (9, 10) в Кафзах). Кроме того, возможно, имело место погребение двух взрослых там же, в Кафзах: 6 — мужчина и 7 — пол не определен, и погребение двух (трех?) детей на стоянке Заскальная VI. Вероятен случай захоронения изолированных остатков трех индивидуумов в Арси-сюр-Кюр. Возможно все же, что и на стоянке Заскальная VI тоже было тройное погребение. Наконец, коллективное (но неясно, последовательное или одновременное?) захоронение встречено в Шанидар: мужчина (Шанидар 4), женщина (Шанидар 6), женщина (?) (Шанидар 7) и ребенок (Шанидар 8).

Количество захоронений с двумя и более погребенными слишком мало для того, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы. Тем не менее, уже сейчас можно сказать, что такие погребения появляются на раннем этапе среднего (в терминологии автора) палеолита и создаются как генерализованным неандертальцем («неандертальцы» + «неандерталоиды»), так и «сапиенсом».

⁷¹ Все расчеты по точкам восходов и заходов луны и солнца для каждого местонахождения были произведены Л. В. Верещинским, за что автор весьма ему признателен.

⁷² Если провести подсчеты по обобщенным направлениям типа «север»: северо-восток + север + северо-запад, т. е. объединить по три сектора = 135°, то получится следующее соотношение: «восток» — 17 погребенных, «юг» — 12, «север» — 10, «запад» — 9.

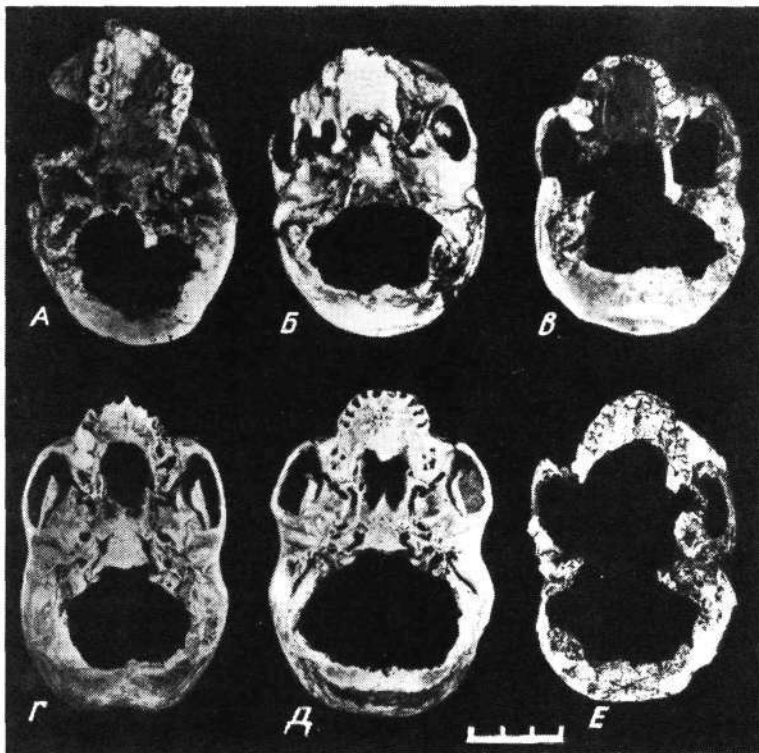

Рис. 111. Черепа, вероятно, имеющие преднамеренные нарушения в базальной области (Blanc A., 1958; дополнено. — Ю. С.)

А — Штайнхайм; В — Монте Чирчео; В — Кафзах 6; Г, Д — современная Меланезия; Е — Амуд 1

Примечательно и то, что, вероятно, почти во всех неодиочных погребениях имело место изначальное (?) нарушение анатомической целостности тела по крайней мере одного из захораниваемых субъектов⁷³. На возможность существования такой формы обращения с умершими в данном случае указывают следующие наблюдения:

1. Ферраси 4а, б — дети почти одного возраста (вполне доношенный зародыш и 15-дневный ребенок) находились в маленькой полусферической ямке диаметром 0,70 м и глубиной 0,30—0,40 м, т. е. в одинаковых условиях, влиявших на их сохранность, но были при этом совершенно по-разному представлены костными остатками: 4а — правые плечевая и бедренная; 4б — череп и относительно полный посткраниум, в котором имелись и

⁷³ Два зуба и правая большеберцовая кость ребенка, идентифицированные среди уже частично потерянных скелетных остатков взрослых из Спи, не могут по причине постэкзгумационного отбора служить предметом рассмотрения. Нет никаких сведений и о полноте представленности скелета ребенка Мустье 2.

обычно сравнительно редко сохраняющиеся кости: позвонки, ребра, лопатка, ключица, таз.

2. Кафзах 9 и 10 — женщина примерно 20 лет и ребенок 6 лет — при совершенно комплектном состоянии обоих скелетов у ребенка полностью отсутствовали кости обеих стоп.

3. Кафзах 6 и 7 — возможно, двойное погребение двух взрослых: Кафзах 7 представлен относительно полным скелетом, кости которого находились в анатомической связи; Кафзах 6 представлен кучей костей за черепом, на том месте, где должен был находиться посткраниальный скелет. К тому же, череп погребенного Кафзах 6 был лишен нижней челюсти и при прекрасной сохранности (прекрасной, естественно, с точки зрения на ископаемые остатки) черепного свода и лицевых костей у этого черепа совершенно отсутствовала базальная часть (рис. 111, В).

4. Заскальная VIa, б, в — дети: 1 год, 2—3 года и 5—6 лет. Несмотря на разрушенное состояние погребения, обращает на себя внимание полное отсутствие остатков черепов и зубов погребенных при наличии более мелких хрупких и быстрее разрушающихся (чем кости черепов) костей. как-то ребер, позвонков, ключицы, костей таза и костей стоп и кистей. в том числе и целого набора ядер окостенения костей запястья.

5. Шанидар 4, 6, 7 и 8 — коллективное погребение трех взрослых и ребенка. Опять-таки обращает на себя внимание некомплектное и анатомически несогласованное состояние остатков 20—40-летнего взрослого Шанидар 7 (женщины?) и годовалого ребенка (Шанидар 8) при комплектном и анатомически связанном состоянии остатков двух других взрослых.

Формы и способы нарушения анатомической целостности тела умершего

В теоретическом разделе работы было показано, что существуют две основные традиции в обращении с телом умершего. Развитие первой традиции ведет к возможно полному сохранению тела или по меньшей мере к ненарушению его анатомической целостности в отношении как сомы, так и скелета, а развитие второй — к нарушению целостности тела в различных формах и в различной степени. Имеющиеся на этот счет данные показывают, что обе традиции появляются уже в мустьерское время. И хотя часто о нарушении целостности тела того или другого погребенного можно говорить лишь в предположительной форме по причинам отсутствия необходимых для подобного суждения сведений или плохой сохранности материала, все же ряд погребений, где целостность тела была явно нарушена, выделить возможно, а остальные нуждаются в проверке на конкретных образцах.

В отдельных случаях уже авторы соответствующих открытий обращали внимание на погребения, в которых целостность тела была явно нарушена: отделение черепа в Ферраси 6; случаи нахождения в погребении анатомически не согласованных остатков (Схул 2 и Схул 6); случаи отсутствия черепов (Киик-Коба 2 (?), Заскальная VIa, б, в и Кебара 3); случаи отсутствия костей голени и стоп (Кина 5, Кафзах 10 и др.). Свидетельствовали о некомплектности обнаруженных остатков и данные существующих каталогов ископаемого человека. Но несмотря на все это, вопреки о существова-

нии в мустье погребений с искусственно нарушенной целостностью тела умершего в общем объеме не поднимался⁷⁴.

Анализируемый материал позволяет выделить несколько (иногда повторяющихся) видов нарушения анатомической целостности скелетов в последующего с ними обращения:

1. Полная или частичная экскарнация (т. е. освобождение костей от мягких тканей) путем декарнизации, т. е. механического срезания, — Тешик-Таш 1.

2. Полная или частичная экскарнация (способ неизвестен), или расчленение тела по линии суставных поверхностей, или же реингумация — Схул 1, 2, 6, Кафзех 6, 10, 15(?), Кебара 3, Шанидар 2(?), 7, 8, Кина 5⁷⁵.

3. Обезглавливание (декапитация):

А. Отделение головы с последующим (полным или частичным) ее удалением из погребения: а) удаление из погребения черепа и нижней челюсти — Шанидар 8 (?), Ферраси 4а (?), Киик-Коба 2(?), Заскальная VIа, б, в(?), б) удаление из погребения только черепа — Регурду 1(?), Кебара 3, в) удаление из погребения только нижней челюсти — Ферраси 4б (?), б, Шанидар 5, 7(?), Схул 9(?), Кафзех 3(?), 6.

В ряде погребений череп и нижняя челюсть или только нижняя челюсть «представлены» отдельными зубами (Кебара 3 — одним верхним, Шанидар 3 — двумя верхними и двумя нижними, Шанидар 6 — пятью нижними, Ферраси 4б — двумя нижними, Кафзех 3 — тремя нижними). Данное обстоятельство кажется странным и труднообъяснимым, если исходить только из предположения о естественном разрушении костей и дентина, особенно в случае Кафзех 3, где при сравнительно хорошо сохранившихся остатках весьма массивного черепа и наличии шести (!) шейных позвонков от нижней челюсти сохранилось всего три моляра, корень одного из которых был обломан в области шейки и в погребении отсутствовал (Vandermeersch B., 1981. P. 172). Характерно и то, что у данного черепа фактически отсутствовали лицевая и базальная части (Vandermeersch B., 1981. P. 119—128. Fig. 30; 32; 33), а среди шейных позвонков недоставало атланта, что может косвенным образом свидетельствовать в пользу гипотезы об отчленении этого черепа. Все сказанное, а также аналогия с характером остатков Арси 5—7 позволяют предположить существование обряда *замещения* черепа и/или нижней челюсти отдельными зубами.

⁷⁴ За исключением того, что некоторые авторы (Wernert P., 1948; Bouyssonie J., 1954; Bergonioux F. M., 1958; Harrold F. B., 1980 и др.) писали о возможном существовании погребений изолированных черепов, а С. Р. Бинфорд верно, как теперь представляется (см. выше), указывала на вероятность погребения не только изолированных черепов, но и других изолированных костей скелета.

На возможность наличия скелета с нарушенной анатомической связью в погребении Схул 1 и на вероятность его частичного перезахоронения обратил внимание А. П. Окладников, который писал, что это обстоятельство (Факт перезахоронения. — Ю. С.), «если бы оно подтвердилось, разумеется, было бы не менее интересно, чем факт заботы о сохранности трупа как такового» (Окладников А. П., 1952. С. 162). Таким образом, А. П. Окладников был первым, кто акцентировал внимание на данной сфере обращения с останками умершего, подчеркнув важность ее фиксирования при изучении погребальных обрядов мустьерского времени.

⁷⁵ За исключением комплекстных остатков погребенного Кебара 3 (отсутствуют только череп и кости правой ноги) и погребенного Схул 1 (отсутствуют некоторые кости кистей и стоп), во всех остальных погребениях имеется лишь сравнительно небольшая часть скелета.

Б. Отделение головы без последующего ее удаления из погребения: а) отделение головы без разрушения базальной части черепа — Тешик-Таш 1, Схул 1, 2(?), 6(?); б) отделение головы с разрушением базальной части черепа — Амуд 1, Кафзех 6, 3(?); в) отделение головы с разрушением лицевой части черепа — Ферраси 6, Кафзех 3(?).

Итак, среди мустьерских погребений выделяется особая группа, в которой скелетные остатки умерших находятся в анатомически несогласованном состоянии и/или представлены заведомо неполным набором костей. Такие погребения, очевидно, свидетельствуют об особых формах обращения с телом умершего или его костными остатками и позволяют говорить как о существовании в эту эпоху различных обрядов нарушения анатомической целостности *тела* умершего до или в ходе его захоронения, так и о попытках сохранения его *костных остатков* до или в ходе их перезахоронения.

Разнообразный характер нарушений (рассечение, снятие покровных тканей, расчленение⁷⁶, вычленение нижней челюсти, удаление основания черепа), а также наличие вторичных захоронений и захоронений части вместо целого, указывающих на бытование сложных форм обращения с умершими, требующих дополнительных (по сравнению по крайней мере с простым закапыванием мертвеца) и, вероятно, значительных усилий. т. е. затрат времени, мускульной и интеллектуальной энергии и т. п. заставляют предположить существование достаточно сложного комплекса общественных отношений в среде палеоантропа, реализовавшихся в тафологической сфере его деятельности и получивших отражение в материальных остатках. Во всяком случае, гораздо более сложного комплекса, чем это представлялось до сих пор или чем это можно было бы представить. если бы в то время хоронили умерших, не нарушая анатомическую целостность их тел. В последнем случае мы, учитывая объективные законы тафогенеза (см. выше), можем быть, и имели бы право говорить о зачаточном характере погребальных обрядов в мустье, об их примитивных формах и соответственно о таких же формах общественных отношений и даже о закапывании мертвых просто из гигиенических соображений.

Сейчас, уже только на основании рассматриваемой группы погребений, этого делать нельзя. Однако можно попытаться понять, почему сравнительно редкие и достаточно сложные формы обращения с телом умершего имели относительно широкое распространение в ту эпоху: пятая часть погребенных была подвергнута в разной степени описанному выше обращению, если учитывать только явные случаи, и около половины, если учитывать и возможные, но требующие проверки случаи такого обращения. Кажется, это сделать довольно легко, если вспомнить, что подобному обращению подвергались не только погребенные мустьерцы. В наиболее сходных формах это проявлялось в обращении с животными, предназначенными к захоронению вместе с людьми или к захоронению (хранению) отдельно от них: расчлененный скелет целого медведя в Регурду; отделенные черепа, вычлененные нижние челюсти, изъятые зубы, выломанные

⁷⁶ Искусство «расчленения», которым, по всей видимости, прекрасно владел мустьерец, проявилось, в частности, в ампутации предплечья индивидуума Шанидар 1 (Steward T. D., 1977) и, возможно, Кина 5.

или вырубленные из черепов рога, расчлененные конечности и т. д. на таких памятниках, как Регурду, Шапель, Схул, Кафзех, Шанидар, Тешик-Таш и во многих иных местах, в том числе не связанных с местами человеческих погребений, и за всем этим — древнейшая традиция разделки охотничьей добычи? В обращении с людьми это, видимо, тоже очень давняя традиция, если вспомнить многочисленные изолированные нижние челюсти раннего палеолита (особенно детские. См. выше рис. 6; 8). И здесь уместно заметить, что, по-видимому, уже с древнейших времен существовали как бы две разнохарактерные традиции нарушения целостности тела — или отдельных его частей, будь то тело человека или тело животного. Первую можно условно назвать «бессистемной» и охарактеризовать как беспорядочное разрушение плоти, результатом которого являются искаленные части тела, обломки, осколки костей и пр.; вторую, «систематическую», можно охарактеризовать как упорядоченное нарушение, в результате которого остаются сравнительно целые «вычлененные» части. Обе традиции хорошо прослеживаются на таких человеческих остатках, как черепа, расценивающиеся в качестве объектов антропофагии. Первая традиция указывает на отсутствие определенности в выборе вскрываемой части черепа, в результате чего происходило значительное его разрушение и от самого черепа оставались в основном лишь небольшие фрагменты, или черепные крышки, или в исключительных случаях — части лицевого скелета (Араго, Ортюс, Крапина и подобные им памятники, как более ранние, так и более поздние). Вторая традиция демонстрирует строго определенный выбор — район затылочного отверстия, а в результате — практически целый череп. Данная традиция возникает еще в позднеашельское время, около 300 000 лет назад — возраст черепа Штайнхайм 1 (Lumley M.-A., 1976. P. 548). Примечательно, что три (на всю мустьерскую эпоху) черепа с характерным для данной традиции нарушением базальной части оказались либо объектами погребений (Амуд 1, где анатомическая целостность посткраниального скелета сохранена (!), исключая шейный отдел позвоночника (что естественно при таком обращении с черепом), и Кафзех 6, где анатомическая целостность посткраниального скелета нарушена полностью), либо объектом выставления (Монте Чирчео 1).

На этом основании можно попробовать предложить гипотезу о существовании в мустьерское время двух форм каннибализма: «*ритуального*», в результате которого череп не превращался в пищевой оброс, а захоранивался или оставлялся на поселении, играя, по-видимому, определенную (скорее всего не утилитарную) роль в социальных отношениях и/или идеологических представлениях, и «*бытового*», в результате которого череп, точнее его обломки, шли в пищевые отходы или выполняли какую-то утилитарную функцию.

Положение тела погребенного

Описывая позицию погребенного (рис. 112), автор выделяет три ряда признаков:

1 — *позвоопределяющие признаки* указывают: а) на тип расположения (вертикальный/горизонтальный) останков погребенного по отношению к основной «несущей (базовой) поверхности» — дну погребального соору-

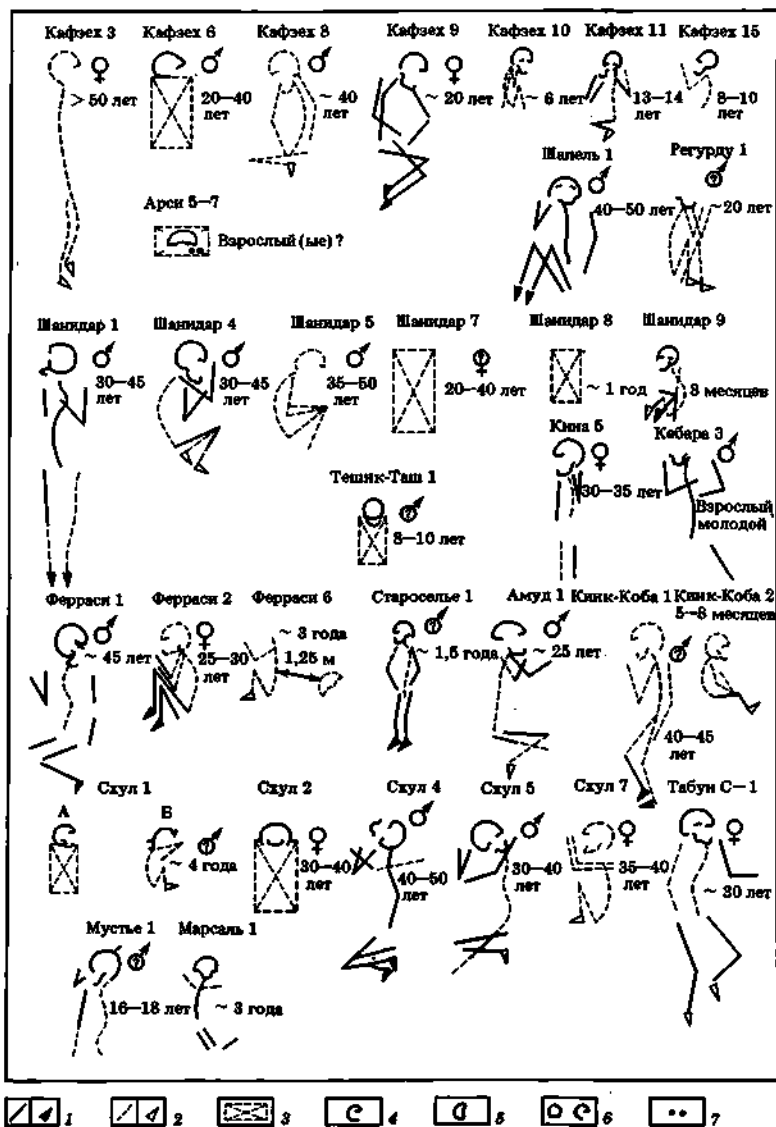

Рис. 112. Схема позиций погребенных, зафиксированных в мустьевских захоронениях

1 — положение частей скелета показано точно; 2 — положение частей скелета показано приблизительно; 3 — целостность тела погребенного нарушена до захоронения; 4 — череп погребенного лишен базальной части; 5 — череп погребенного лишен лицевой части; 6 — череп погребенного лишен нижней челюсти; 7 — изолированные зубы. Положение погребенного Схул 1: А — согласно Ю. А. Смирнову; В — согласно Т. Д. Маккоуну

Таблица 5. Положение корпуса погребенного *

	Дор- зальное	Лате- ральное		Дор- зальное	Лате- ральное
«Запад»	2	6	«Запад» + Крым	2	10
«Восток»	5	17	«Восток» — Крым	5	13
Взрослые	6	15	Мужчины	5	9
Дети	1	8	Женщины	1	6
«Неандертальцы»	2	6	«Неандертальцы»	5	15
«Неандерталоиды»	3	9	+ «Неандерталоиды»		
«Неандерталоиды»	3	9	«Сапиеисы»	2	8
«Сапиеисы»	2	8			

* Вентральное положение корпуса отмечено только у двух погребенных: Мустье 1? (мужчина) и Схул 4 (мужчина).

Таблица 6. Латеральное положение корпуса

	Правое	Левое		Правое	Левое
«Запад»	5	1	«Запад» + Крым	7	3
«Восток»	8	9	«Восток» — Крым	6	7
Взрослые	8	7	Мужчины	5	4
Дети	5	3	Женщины	3	3
«Неандертальцы»	5	1	«Неандертальцы» +	8	7
«Неандерталоиды»	3	6	+ «Неандерталоиды»		
«Неандерталоиды»	3	6	«Сапиеисы»	5	3
«Сапиеисы»	5	3			

жения; б) на подтипы расположения остатков погребенного в погребальном сооружении — I) вертикальное вытянутое (погребение в положении стоя, т. е. с вытянутыми нижними конечностями) и II) вертикальное скорченное (погребение в положении сидя, т. е. с согнутыми нижними конечностями), III) горизонтальное вытянутое и IV) горизонтальное скорченное (погребение в положении лежа);

2) — *позообразующие признаки* указывают на тип положения корпуса погребенного: а) дорзальное, б) правое латеральное, в) левое латеральное, г) вентральное⁷⁷⁻⁷⁸.

⁷⁷⁻⁷⁸ Следует помнить, что при сохранении анатомической целостности тела, находящегося в дорзальной и вентральной позиции, возможно несовпадение в положении корпуса и в положении черепа и нижних конечностей, например, положение корпуса дорзальное, черепа — левое латеральное, а нижних конечностей — правое латеральное (например, Ферраси 1). А в том случае, когда анатомическая целостность нарушена, такое несовпадение возможно в любой позиции и в любом варианте.

3 — *позохарактеризующие признаки* указывают на типы и подтипы расположения головы и конечностей (для последних — по отношению к корпусу, голове и друг другу): а) положение головы (на правом/левом боку, на затылке и т. д.); б) положение рук (приведены к корпусу или отставлены от него, вытянуты/согнуты, местонахождение кистей (у головы, у колена и пр.) и их состояние: пронация/супинация/ротация, флексия/нефлексия и пр.; в) положение ног (приведены к корпусу или отставлены от него, вытянуты/согнуты: вверх, вправо или влево от корпуса и пр.)⁷⁹

К сожалению, еще раз приходится отметить, что материал в силу уже неоднократно указывавшихся причин совсем не всегда позволяет анализировать позы погребенных по всем трем рядам выделенных признаков. Более того, для 25 из 59 индивидуумов позы вообще не зафиксированы. Причем из этих 25 случаев они не зафиксированы по объективным причинам (разрозненное состояние и/или анатомическая несогласованность костных остатков) для 15 индивидуумов, а для 10 — ввиду каких-то субъективных причин. Далее, среди оставшихся 34 случаев (из 59), где положение захороненного тела могло быть как-то установлено, имеется только 17 случаев, в которых поза погребенного зафиксирована на уровне всех трех рядов признаков, 15 случаев, в которых положение тела зафиксировано на уровне позообразующих признаков и 3 — на уровне позоопределяющих. Суммируя имеющиеся данные (табл. 5; 6), можно сказать, что мустьерцы предпочитали хоронить умерших в положении на боку и с согнутыми в той или иной степени ногами и руками⁸⁰.

В случаях несовпадения положения корпуса и нижних конечностей (шесть или семь погребений) примечательно преобладание правой латеральной позиции нижних конечностей при дорзальном (Ферраси 1, Шапель 1, Схул 5, Кафзах 11) или вентральном (Схул 4) положении корпуса. При положении корпуса «на спине» положение ног на левом боку зафиксировано у погребенных Табун 1 и Кебара 3. Причем последний случай несколько сомнителен, так как влево повернуто левое бедро, а левая голень со стопой и все кости правой ноги отсутствовали.

Соотношение признаков показывает ясное преобладание латеральной позиции, которое подкрепляется такой же позицией нижних конечностей при других вариантах положения корпуса. Кроме того, можно заметить, что «неандертальцы» отдавали предпочтение правой стороне, «неандерталоиды» — левой, а «сапиенсы» примерно в равной степени использовали

⁷⁹ Характер положения (пронация, супинация, ротация) и состояния (флексирована, не флексирована) кисти учитывался на уровне сбора информации (см. Каталог), но не рассматривается в этом разделе по причине плохой сохранности материала и/или отсутствия необходимых данных. Местонахождение кисти не рассматривается по тем же причинам и в связи с почти полным отсутствием повторяющихся вариантов. Все же можно сказать о некотором преобладании краниального направления в местоположении кисти (и в основном правой) над каудальным.

⁸⁰ Учитывая, что идентичные позы фактически отсутствуют, а варианты согнутости свободных конечностей в силу крайнего их разнообразия не дают почвы для интерпретаций, формальный анализ этого признака был оставлен за рамками данного текста, поскольку не выявил никаких значимых различий, может быть, за исключением «склонности» генерализованного неандертальца («неандертальцы» + «неандерталоиды») сгибать левую ногу погребенного сильнее и чаще, чем правую.

■ ту и другую сторону, но все же с некоторым предпочтением правой. Наконец, погребение женщины и детей в положении «на спине» является крайне редким (по одному на группу)⁸¹.

Погребальное сооружение

В рассматриваемую эпоху имели распространение погребальные сооружения двух основных типов: «яма» и «насыпь», иногда встречавшиеся в сочетании (в Ля Ферраси (Ферраси 5) грунтовая насыпь перекрывала грунтовую яму, а в Регурду каменная насыпь была возведена внутри несколько более просторной и мелкой грунтовой ямы). Ямы создавались как в относительно мягком грунте культурных и стерильных отложений, так и в сравнительно твердом грунте скальных (известняковых) оснований (Шапель 1, Кник-Коба 1). А материалом для создания насыпей служили те же сравнительно рыхлые отложения или камни (Шанидар 1, 2).

Интересно отметить, что в «грунтовых ямах» (насыпях?) часто присутствуют «жесткие элементы» (табл. 7), как то, кости (Шапель 1, Ферраси 1, Заскальная VIa, б, в) или камни (Ферраси 1, б, Шапель 1, Мустье 1?, Марсаль 1, Кник-Коба 2, Заскальная VIa, Шанидар 3, 5, 9, Амуд 1, Схул 3, Кебара 2, Кафзех 8, 11), иногда несшие явно конструктивную нагрузку как перекрытия (Ферраси 6, Марсаль 1, Заскальная VIa, б, в (?), Кебара 2) или опоры стенок могильной ямы (Кафзех 11), а иногда игравшие какую-то иную роль, находясь в области черепа и пояса верхних конечностей (Шапель 1, Мустье 1?, Ферраси 1, Марсаль 1 (?), Регурду 1, Шанидар 1, 2, 5, Тешик-Таш 1) или в области таза и ног (Регурду 1, Заскальная VIa, Шанидар 3 (?), 9, Амуд 1, Схул 3, Кафзех 8, 11), а также на (над) корпусе погребенного (Регурду 1, Кник-Коба 2).

Таким образом, оказывается, что жесткие элементы чаще встречаются в погребениях «неандерталоидов», примерно равным образом распределяются по погребениям детей и взрослых, а в погребениях взрослых отмечены только у мужчин⁸².

⁸¹ Возможно, дорзальная позиция корпуса в некоторых мустьерских погребениях вторична. Тогда, приняв положение нижних конечностей за первоначальное, следует говорить об абсолютном преобладании обряда захоронения «на боку». Возможен и другой вариант — дорзальное положение корпуса фиксирует его первичное положение, а латеральная позиция нижних конечностей (которые первоначально должны были бы располагаться коленями вверх, в незаполненном (!) пространстве могилы) — вторична. Второй вариант все же менее вероятен, так как в четырех случаях из шести ноги, находившиеся в разной степени скорченности, так сказать, заваливались почему-то на одну и ту же сторону. (До некоторой степени меньшую вероятность второго варианта подтверждает и положение погребенного Ферраси 1, корпус которого был развернут влево, а ноги — вправо.) Так что этим вариантом либо следует пренебречь, либо предположить, что ноги ставились не вертикально, а с наклоном опять-таки в одну и ту же (правую) сторону. Как указывалось выше, в работе принят третий вариант: положение, зафиксированное при вскрытии, принимается за положение, приданное во время захоронения. Это сделано еще и потому, что иначе пришлось бы предположить два пока фактически неподтвержденных варианта: либо в мустье существовали деревянные перекрытия над могильными ямами (глубина >50 см для взрослых); либо могила оставалась незаасыпанной до окончания процесса раскошения тела, что вело к «заваливанию» согнутых ног.

⁸² Характерно, что традиции положения камней в области головы и ног погребенного сохраняются и в верхнем палеолите (Григорьев Г. П., Леонова Н. Б., 1977), а преимущественное

Таблица 7. Жесткие элементы в погребальных сооружениях *

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	6	14	«Запад» + Крым	10	16
«Восток»	15	24	«Восток» — Крым	11	22
	P=0,47			P=0,31	
Взрослые	11	23	Мужчины	11	10
Дети	10	15	Женщины	0	9
	P=0,45				
«Неандертальцы»	6	14	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	18	22
«Неандерталоиды»	12	8	«Сапиеенсы»	3	16
	P=0,94				

* За точку отсчета принято число индивидуумов.

Принимая во внимание тот факт, что более чем в половине случаев тип погребального сооружения неизвестен, производить какие бы то ни было подсчеты бессмысленно. То же касается и формы погребального сооружения, которая, как кажется, была достаточно разнообразной. Среди мустьерских погребений отмечены сооружения как симметричные — прямолинейные, так и асимметричные — криволинейные, имеющие ровное или неровное, горизонтальное или наклонное дно. Все же существование в мустье симметричных — прямолинейных могильных сооружений — вопрос спорный, поскольку все они были выявлены лишь в начале века, фотографии их отсутствуют, а оставшиеся от того времени чертежи крайне схематичны ⁸³.

Те несколько редких случаев, когда в «нарративных» или «документальных» источниках было зафиксировано местоположение погребенного в погребальном сооружении, показывают, что умерший мог быть помещен в центре сооружения (чаще всего, но с поправкой на почти полное отсутствие информации для подавляющего большинства погребений) или на его периферии и располагаться как вдоль и поперек линии сооружения, так и по диагонали к ней.

Погребальный инвентарь

Выше были приведены основания, опираясь на которые можно говорить о присутствии в мустьерских погребениях достоверного погребального (сопровождающего) инвентаря. В то же время по отношению к целому ряду погребений речь может идти о сопутствующем, в терминологии автора,

нахождение камней в мужских погребениях прослеживается и в неолите (Смирнов Ю. А., 1972. С. 350).

⁸³ Единственная фотография такого сооружения (могильная яма в Ля Шатель-о-Сен) не дает полного представления о его форме из-за несколько неудачного ракурса. К тому же, она была сделана почти год спустя после открытия, а кроме того, авторы раскопок писали, что им пришлось подрезать стенки ямы, чтобы не повредить скелет (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1913. P. 631).

в сопредельном инвентаре, принципиальное существование которого возможно, но пока нет жестких критериев его отделения от предметов из культурного слоя, случайно оказавшихся в связи с погребением. По этой причине данный признак был рассмотрен отдельно для случаев сравнительно достоверного наличия инвентаря и для случаев возможности его наличия, а поскольку повторяющиеся предметы редки, необходимо было произвести подгруппировку, объединив весь инвентарь в несколько групп (табл. 8—17).

Таблица 8. Орудия (в том числе и отщепы) — достоверные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	7	13	«Запад» + Крым	7	19
«Восток»	2	37	«Восток» — Крым	2	31
Взрослые	4	30	Мужчины	1	20
Дети	5	20	Женщины	0	9
	P=0,61				
«Неандертальцы»	7	13	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	9	31
«Неандерталоиды»	2	18	«Сапиевцы»	0	19

Таблица 9. Орудия (без учета отщепов) — достоверные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	4	16	«Запад» + Крым	4	22
«Восток»	1	38	«Восток» — Крым	1	32
Взрослые	1	33	Мужчины	1	20
Дети	4	21	Женщины	0	9
«Неандертальцы»	4	16	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	5	35
«Неандерталоиды»	1	19	«Сапиевцы»	0	19

Таблица 10. Орудия (без учета отщепов) — все возможные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	17	3	«Запад» + Крым	22	4
«Восток»	16	23	«Восток» — Крым	11	22
				P=0,99	
Взрослые	17	17	Мужчины	12	9
Дети	16	9	Женщины	4	5
	P=0,71			P=0,47	
«Неандертальцы»	17	3	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	31	9
«Неандерталоиды»	14	6	«Сапиевцы»	2	17

Таблица 11. Орудия (в том числе отщепы) — все возможные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	20	0	«Запад» + Крым	25	1
«Восток»	20	19	«Восток» — Крым	15	18
<hr/>					
Взрослые	22	12	Мужчины	15	6
Дети	18	7	Женщины	4	5
	P=0,58			P=0,74	
«Неандертальцы»	20	0	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	37	3
«Неандерталоиды»	17	3	«Сапиеисы»	3	16

Таблица 12. Кости животных (пищевые запасы/отбросы?) — достоверные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	5	15	«Запад» + Крым	5	26
«Восток»	1	38	«Восток» — Крым	1	32
<hr/>					
Взрослые	4	30	Мужчины	1	20
Дети	2	23	Женщины	0	9
<hr/>					
«Неандертальцы»	5	15	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	6	34
«Неандерталоиды»	1	19	«Сапиеисы»	0	19

Таблица 13. Кости животных (пищевые запасы/отбросы?) — все возможные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	15	5	«Запад» + Крым	19	7
«Восток»	15	24	«Восток» — Крым	11	22
	P=0,99			P=0,99	
Взрослые	19	15	Мужчины	11	10
Дети	11	14	Женщины	5	4
	P=0,63			P=0,12	
«Неандертальцы»	15	5	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	30	10
«Неандерталоиды»	15	5	«Сапиеисы»	0	19
	P=0				

Рассматривая достоверные случаи наличия погребального инвентаря в мустьерских погребениях (Ферраси 5, 6, Регурду 1, Марсаль 1, Арси 5—7, Схул 5, Кафзех 11, Тешик-Таш 1, Кебара 2), можно утверждать, что западная и восточная группы погребений ясно отличаются друг от друга за счет того, что в западноевропейских погребениях инвентарь встречается гораздо чаще, к тому же, в целом он «обильнее» и разнообразнее.

Таблица 14. Кости животных («фетиши») — достоверные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	2	18	«Запад» + Крым	2	24
«Восток»	4	35	«Восток» — Крым	4	29
Взрослые	2	32	Мужчины	2	19
Дети	4	21	Женщины	0	9
«Неандертальцы»	2	18	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	4	36
«Неандерталоиды»	2	18	«Сапиенсы»	2	17

Таблица 15. Кости животных («фетиши») — все возможные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	4	16	«Запад» + Крым	7	19
«Восток»	9	30	«Восток» — Крым	6	27
	$P=0,21$			$P=0,57$	
Взрослые	6	28	Мужчины	6	15
Дети	7	18	Женщины	0	9
	$P=0,65$				
«Неандертальцы»	4	16	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	11	29
«Неандерталоиды»	7	13	«Сапиенсы»	2	17
	$P=0,71$				

Таблица 16. Инвентарь (орудия, кости, «кости-фетиши») — достоверные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	7	13	«Запад» + Крым	7	19
«Восток»	4	35	«Восток» — Крым	4	29
	$P=0,97$			$P=0,86$	
Взрослые	5	29	Мужчины	2	19
Дети	6	19	Женщины	0	9
	$P=0,63$				
«Неандертальцы»	7	13	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	9	31
«Неандерталоиды»	2	18	«Сапиенсы»	2	17
«Неандертальцы» дети	3	6	«Сапиенсы» дети	1	6
«Неандертальцы» взрослые	4	7	«Сапиенсы» взрослые	1	11

Таблица 17. Инвентарь (орудия, кости, «кости-фетиши») — все возможные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Запад»	20	0	«Запад» + Крым	25	1
«Восток»	22	17	«Восток» — Крым	17	16
Взрослые	23	11	Мужчины	15	6
Дети	19	6	Женщины	5	4
	P=0,51			P=0,60	
«Неандертальцы»	20	0	«Неандертальцы» + + «Неандерталоиды»	37	3
«Неандерталоиды»	17	3	«Сапленсы»	5	14
«Неандертальцы» дети	9	0	«Неандерталоиды»	8	1
«Неандертальцы» взрослые	11	0	дети		
			«Неандерталоиды» взрослые	9	2
«Сапленсы» дети	2	5			
«Сапленсы» взрослые	3	9			

разнее, чем инвентарь восточной группы погребений. В распределении инвентаря между погребениями детей и взрослых заметны небольшие различия. Что касается соотношений в других рассматриваемых группах, то можно говорить о существовании определенных различий. Так, в женских погребениях инвентарь вообще не встречается, а «неандертальские» дети и взрослые в равной мере им обеспечены, в то время как в группе «сапиенсов» безинвентарные погребения преобладают. В группе «неандерталоидов» погребения с достоверным инвентарем принадлежат только детям. Однако, если к категории инвентаря относить «приношения» в виде цветов, то в группе «неандерталоидов», обеспеченных инвентарем, окажутся и погребения взрослых⁸⁴.

Рассматривая все возможные случаи наличия в погребениях сопровождающего инвентаря, т. е. все перечисленные погребения, а также: Спн 1—3, Мустье 1, 2, Шапель 1, Ферраси 1—4а, б, 7, Кина 5, Киик-Коба 1, 2, Заскальная VIа, б, в, Шанидар 1, 2, 5, 9, Амуд 1, Табун С1. Схул 1, 4, Кафзех 8, Кебара 3, можно видеть, что в некоторых группах различия остались неизменными, хотя характер распределения и изменил-

⁸⁴ Упоминание «цветочного погребения» (Шанидар 4, б—8) вызвало необходимость затронуть сразу несколько проблем. Как известно, данное погребение было коллективным. Останки погребенных располагались в нем друг над другом (Stewart T. D., 1977: Solecki R. S., 1971). Образцы для палинологического анализа брались Р. С. Солецки из почвы, окружающей Шанидар 4, причем, с какой глубины брались эти пробы, точно неизвестно. Таким образом, цветочные связки могли представлять собой либо покрытие погребенного Шанидар 6, либо покрытие или подстилку Шанидар 4, но также могли относиться и ко всем четырем погребенным. Примерно та же проблема отделения инвентаря, предназначенного одному погребенному, от инвентаря, сопровождающего другого, встает при анализе любого неодионого захоронения. В том случае, если какой-то предмет или предметы не «привязаны» жестко к одному из индивидуумов (а в отношении мустьерских погребений такие данные вообще отсутствуют), инвентарь в коллективном погребении, по-видимому, должен признаваться общим. Поэтому при подсчете случаев наличия/отсутствия инвентаря во внимание принималось не число погребений, а число погребенных.

ся (например, в группе «сапиенсы»), или произошедшие перемены изменили многие соотношения на противоположные (например, в группах взрослые—дети, «неандерталоиды», «неандертальцы» + «неандерталоиды»); также существенно изменилась картина в соотношении мужских и женских погребений, так как диспропорция между женскими погребениями с инвентарем и без инвентаря исчезла. Произошли заметные изменения и в группе «Восток»—Крым. Там пропорции безинвентарных погребений и погребений, снабженных инвентарем, оказались одинаковыми. Произошедшие изменения кажутся достаточно существенными (особенно в случае с возможным наделением инвентарем погребенных женского пола), так как естественным образом приводят к иной интерпретации материала⁸⁵. Принимая во внимание это обстоятельство и учитывая неопределенность сведений о наличии / отсутствии инвентаря в анализируемых погребениях, следует быть крайне осторожным в суждениях или (что лучше) до пополнения источников отказаться от интерпретаций данной стороны погребального обряда.

Дополнительные структуры

Дополнительные структуры (ямы, насыпи, кострища) отмечены только в связи с погребениями «неандертальцев» и «неандерталоидов» (табл. 18; 19)⁸⁶.

Таблица 18. Дополнительные структуры — достоверные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Неандертальцы»	6	14	Взрослые	7	15
«Неандерталоиды»	3	17	Дети	2	16
«Неандертальцы» дети	2	7	«Неандерталоиды» дети	0	9
«Неандертальцы» взрослые	4	7	«Неандерталоиды» взрослые	3	8
«Неандертальцы» мужчины	3	3	«Неандерталоиды» мужчины	3	5
«Неандертальцы» женщины	1	1	«Неандерталоиды» женщины	0	3

⁸⁵ Если в дальнейшем подтвердятся предположение о возможно одинаковом снабжении инвентарем как мужских, так и женских мустьерских погребений, а диспропорция погребенных мужчин и женщин сохранится, то создастся картина, аналогичная той, которую Ф. Б. Харрольд наблюдал в погребениях верхнего палеолита (Harrold F B., 1974. P. 35, 36).

⁸⁶ Все сделанные наблюдения необходимо принимать со следующими поправками: 1) отсутствие дополнительных структур в погребальных комплексах «сапиенсов» может объясняться, во-первых, гомогенность вмещающих слоев эс-Схул, где не прослеживались ни ямы, ни насыпи, ни даже кострища (исключение составляет сомнительный случай наличия кострища в связи с погребением Схул 3), и, во-вторых, отсутствием информации об археологическом контексте погребений Джебел Кафаех; 2) почти полное отсутствие структур, дополняющих женские погребения «неандертальцев» и «неандерталоидов», может объясняться тем, что археологические контексты погребений Кина 5 и Шанидар 4, 6—8 полностью не прослежены.

Таблица 19. Дополнительные структуры — все возможные случаи

	Есть	Нет		Есть	Нет
«Неандертальцы»	11	9	Взрослые	11	11
«Неандерталоиды»	12	8	Дети	12	6
	$P=0,25$			$P=0,71$	
«Неандертальцы» дети	6	3	«Неандерталоиды» дети	6	3
«Неандертальцы» взрослые	4	7	«Неандерталоиды» взрослые	6	5
«Неандертальцы» мужчины	4	2	«Неандерталоиды» мужчины	6	2
«Неандертальцы» женщины	1	1	«Неандерталоиды» женщины	0	3

Давая оценку данному распределению материала по группам, можно с учетом перечисленных поправок на неясность некоторых контекстов говорить об относительном количественном преобладании дополнительных структур в погребальных комплексах, созданных «неандертальцем» (достоверные случаи), и о таком же преобладании структур, дополняющих погребения мужчин и детей, независимо от их принадлежности к антропологическому типу. Более того, если учитывать, что все возможные случаи устройства дополнительных структур (см. гл. первую) отражают реально существовавшую тенденцию, то выходит, что дополнительные структуры в связи с погребением детей устраивались чаще, чем в связи с погребением взрослых.

Основные выводы

Обобщая изложенное, попробуем подвести основные итоги, которые, учитывая состояние материала, будут в определенной мере носить предварительный характер.

1. Количество местонахождений с погребениями, их ареал и число примерно одновременных захоронений на каждом памятнике указывают на существование своего рода «очагов тафологической активности» древнего человека (основные: Шаранга—Дордонь, Крым, Палестина), где к настоящему времени обнаружено 79,5 % погребений → 73,8 % индивидуумов.

Изученный материал свидетельствует о том, что ингумация практиковалась далеко не всем населением мустьерской ойкумены, и даже в «очагах тафологической деятельности» такому захоронению подвергались совсем не все умершие. Другими словами, в основе создания мустьерских преднамеренных погребений лежали явно *избирательные принципы*. Надо заметить, что их существование прослеживается и в более поздние эпохи, для большей части населения — до эпохи бронзы.

2. Современные палеоантропологические исследования показывают, что в среднепалеолитической Евразии обитало морфологически различное

население, вероятно, сосуществовавшее во времени, а возможно, и в пространстве. В Европе доминировали типичные неандертальцы, а в Крыму и на Ближнем Востоке примерно одновременно существовали неандерталоидные и сапиентные формы рода Гомо. Что же касается обряда захоронения умершего в земле, то он был всем им знаком в совершенно равной степени. Таким образом, мустьерское население эпохи Вюрма погребало своих умерших независимо от «принадлежности» к специализированному, слабоспециализированному или неспециализированному морфотипу, что свидетельствует о стадийном характере данного культурного явления.

3. Абсолютная, но, увы, пока еще очень «относительная» хронология позволяет с некоторой долей вероятности полагать, что первые погребения в той разновидности, которая обычно именуется ингумацией, появились приблизительно 90—60 000 лет назад и примерно одновременно во всех трех антропологически отличных группах населения: у классических неандертальцев Западной Европы (Ля Ферраси — в диапазоне 68—76 000 лет?), в группе неандерталоидного населения Шанидара (Шанидар 9, «ребенок» — примерно 70 000 лет?) и у сапиенсов Кафзеха (Кафзех 11 — в диапазоне 68—98 000 лет?)⁸⁷. Абсолютные даты имеются для следующих погребений: Шпель 1 (в диапазоне от 60 000 до 64 000?), Мустье 1 (либо $40\,300 \pm 2600$, либо в диапазоне от $42\,500 \pm 2000$ до $46\,300 \pm 3000$), Мустье 2 ($40\,300 \pm 2600$), Ферраси 1—7 (в диапазоне от 68 000 до 75 000?), Кина 5 (ранее $35\,250 \pm 530$, возможно, в диапазоне от 64 000 до 68 000?), Регурду 1 ($45\,500 \pm 1800$), Заскальная VIa, б, в (ранее 45 000), Шанидар 1 (в диапазоне от $46\,900 \pm 1500$ до $50\,600 \pm 3000$), Шанидар 2 (около 60 000?), Шанидар 3 (около 46 000?), Шанидар 4, 6, 7, 8 (около 60 000?) Шанидар 5 (около 46 000?), Шанидар 9 (старше 60 000), Амуд 1 (в диапазоне от $27\,000 \pm 5000$ до 35 000), Табун С1 (в диапазоне от $40\,900 \pm 1000$ до 53 000), Схул 5 (39 000/40 000), Схул 6 (52 000/54 000), Схул 7 (45 000/46 000), Схул 9 (53 000/55 000); слои с погребениями грота Кафзех в целом (в диапазоне от 39 000 до 98 000) и в частности: Кафзех 3 (39 000/45 000), Кафзех 6 (40 000/46 000), Кафзех 11 (68 000/78 000?), Кебара 1—3 (в диапазоне от 30 000 до $42\,000 \pm 1000$ лет до современности).

4. Если предположить, что, так сказать, общепринятые (но не всеми антропологами разделяемые) половозрастные определения погребенных соответствуют исторической реальности, то оказывается, что мужчин независимо ни от каких (учтенных автором) показателей повсюду хоронили в два раза чаще, чем женщин, а взрослых в целом — в 1,5 раза чаще, чем детей, причем такое положение дел сохраняется и в дальнейшем (например, в неолите лесной полосы Восточной Европы. Смирнов Ю. А., 1972. С. 348—352), по крайней мере до эпохи бронзы. Это может свидетельствовать о ведущей роли в жизни общества средне-

⁸⁷ Если в перещер Бордер (Южная Африка) действительно имело место преднамеренное погребение (Cooke H. B. S. a. o., 1945; Catalogue... 1977. P. 96, 97) и если возраст корреспондирующего с ним слоя действительно составляет 90 000 лет, то и на Африканском континенте, погребальная практика возникла примерно тогда же, когда и в Евразии. Впрочем, некоторые датировки указывают на более молодой возраст этого памятника (Berger R., 1975. P. 177; Protsch R., 1975. P. 314, 315).

возрастной группы населения вообще и мужчин среднего возраста, в частности, конечно, при условии прямого отражения материальными остатками реальной действительности, прошедшего сквозь призму погребальных обычаев. В то же время интересно отметить, что если сапиентная группа палеоантропов чаще хоронила взрослых (~ 1,5/1), то «неандертальцы» и «неандерталоиды» в целом одинаково часто хоронили и взрослых и детей, но все же мужчин чаще, чем женщин. Экстраполируя на детские погребения половую диспропорцию, существующую среди взрослых погребений, можно предположить, что и большая часть детских мустьерских погребений принадлежала особям мужского пола. Возможно также, что пол умершего ребенка до определенного возраста (примерно до 14 лет не был значим для мустьерцев, т. е. не исключено, что они уже выделяли некий «инициационный» возраст.

5. Существующие классификации каменных индустрий позволяют произвести деление рассматриваемого материала только на уровне фацис. В этом случае погребения оказываются равнопредставленными в количественном отношении в местонахождениях (слоях) с леваллуаской и нелеваллуаской индустриями. Другими словами, погребения нельзя связывать как с определенными типами каменных индустрий (археологическими культурами?), так и вообще с прогрессом в технологии изготовления каменных орудий мустьерской эпохи. Это опять-таки подтверждает мысль о стадильном характере данного явления. Впрочем, учитывая несовпадение морфологического и технологического прогресса, не раз отмечавшееся исследователями (Григорьев Г. П., 1972; Vandermeersch В., 1972а; 1972б; 1984; Arensburg В. е. а., 1985), *феномен погребения следует либо рассматривать как надкультурное явление, либо признать отсутствие взаимообусловленности трех основных составляющих исторического процесса — морфологии, технологии и культуры.*

6. Все мустьерские погребения так или иначе связаны с культурными слоями поселений. Единственное исключение составляет погребение в Регурду, устроенное в «медвежьем капище» (слой IV — наиболее сложный комплекс искусственно созданных структур, включающих и человеческое захоронение, — не имеет следов постоянного обитания).

7. Погребения «неандертальцев» и «неандерталоидов» чаще находятся под кровлей скальных убежищ (пещер, гротов, навесов), а погребения «сапиенсов» в равной степени распределены между убежищем и площадкой перед ним. При этом «неандертальцы» в большей степени «тяготеют» к задней стенке убежища или к его левой (по условной линии входа) стороне, а «неандерталоиды» — к его центру, в то время как погребения «сапиенсов» чаще сосредоточены в районе входа в убежище, занимая середину этого пространства или находясь в его правой стороне. Независимо от того, в какую сторону света ориентирован вход в убежище, преобладает поперечное ему расположение погребенных.

8. Ориентировка погребенных головой в ту или иную сторону света кажется независимой от пола и возраста и других более или менее однозначно понятных нам характеристик погребенных. Имеющиеся сведения в предварительной форме позволяют говорить о некотором преобладании ориентировки в сторону *севера* (Марсаль 1, Амуд 1, Шанидар 9, Кафзах 9, 11) и *запада* (Ферраси 1, Регурду 1(?), Табун С1, Шанидар 1

Староселье 1). Остальные распределяются следующим образом: *северо-восток* (Кина 5(?), Киик-Коба 1, Шанидар 2(?), Схул 9(?), Кафзех 8); *восток* (Спи 1(?), Ферраси 2, Ферраси 6(?), 7(?), Шанидар 3(?), Схул 7(?), Кафзех 10, Кебара 3); *юго-восток* (Шанидар 4, Схул 1(?), Схул 3(?), Схул 4); *юг* (Мустье 1(?), Заскальная VIa(?), Шанидар 6(?), Киик-Коба 2); *юго-запад* (Шапель 1, Тешик-Таш 1(?), Схул 5, Кафзех 15). Несколько странным кажется отсутствие ориентировок на северо-запад. Итак, имеющиеся сведения указывают на преобладание ориентировки в сторону севера, запада (в пределах сектора в 45°) и востока (в пределах сектора в 135°). Ориентировка в западном и восточном направлениях, возможно, указывает на выбор направления на точки восхода и захода луны и солнца в разное время года в соответствии с расположением местонахождений.

9. Среди мустьерских погребений встречаются *одиночные*, *двойные* (Спи 2, 3(?), Ферраси 4а, б, Кафзех 6, 7(?), Кафзех 9, 10), *тройные?* (Заскальная VIa, б, в(?), Арси 5—7(?)) и *коллективные* (Шанидар 4, б, 7, 8). Характерной особенностью большинства неиндивидуальных погребений является наличие в них по крайней мере одного индивидуума, анатомическая целостность тела которого была искусственно нарушена до захоронения (Ферраси 4а, Заскальная VIa, б, в(?), Кафзех 6, 10, Шанидар 7, 8).

10. Состояние скелетных остатков, происходящих из погребений (разная степень комплектности, характерные следы нарушений целостности скелетов, например, нарушения в районе затылочных отверстий у черепов Кафзех 6 и Амуд 1(?) и т. д.), указывают, во-первых, на существование таких форм и способов обращения с умершими и их останками, как декапитация в самых различных вариантах (Ферраси 6, Регурду 1(?), Шанидар 8(?), Амуд 1(?), Кафзех 6, Кебара 3), декарнация или экскарнация (Тешик-Таш 1, Схул 1(?)), реингумация (Схул 2) и др., а, во-вторых, на два типа погребений, одни из которых совершались по принципу *захоронение целого*, а другие — *захоронение части вместо целого* (Арси 5—7, Кина 5, Регурду 1, Шанидар 7, 8, Схул 2, 6(?), Кафзех 6, 10, 15, Кебара 3). Характерным является отсутствие у ряда погребенных нижней челюсти (Ферраси 6, Шанидар 5, Схул 9(?), Кафзех 3(?), 6). Вероятно и существование обряда замещения (?) черепа и/или нижней челюсти отдельными зубами (Ферраси 2(?), 4б, Шанидар 3, б, Кебара 3, Кафзех 3). При этом уже со времени Раннего Вюрма указанные виды обращения с умершими и типы погребения существовали у разных в антропологическом отношении групп населения, и им в равной мере подвергались представители разного пола и возраста.

11. Мустьерские погребения демонстрируют разнообразный набор поз захороненных индивидуумов, среди которого встречаются позиции *на спине* (вытянутое — Шанидар 1, Кебара 3(?); скорченное — Шапель 1, Ферраси 1, Табун С1, Схул 5, Кафзех 11); *на животе* (Мустье 1(?), Схул 4 — скорченное); *на правом боку* (Спи 1(?); вытянутое — Кина 5(?), Киик-Коба 1(?), Староселье 1; скорченное — Ферраси 2, 6(?), Марсаль 1, Шанидар 3(?), 9, Схул 7, Кафзех 15(?), 8); *на левом боку* (вытянутое — Кафзех 3(?); скорченное — Регурду 1, Киик-Коба 2, Амуд 1, Шанидар

4—6, Кафзех 9, 10)⁸⁸. В той мере, в какой позиции захороненных были документально зафиксированы авторами раскопок или их возможно было воссоздать, опираясь на имеющиеся описания, можно говорить о явном преобладании латеральной и согнутой позы среди других вариантов труположения. Кроме того, можно заметить, что «неандертальцы» и «неандерталоиды» чаще размещали умерших на правом боку, а сапиентная группа населения в равной степени использовала и ту и другую сторону.

12. В мустьерскую эпоху умерших захоранивали в углублении и/или под возвышением, т. е. в это время были распространены два основных типа погребального сооружения: «грунтовая яма» и грунтовая и/или каменная «насыпь», которые иногда встречаются в сочетании и употреблялись для захоронения разнополых взрослых и детей с самого начала и у всех антропологически различных групп населения. Типичные могильные ямы зафиксированы в Шапель 1 (прямоугольная (?) — $1,45 \times 1 \times 0,30$ м), Мустье 2 (усеченноконическая — верхний диаметр 0,50 м, глубина 0,40 м), Ферраси 3 и 4а, б (полусферические — диаметр 0,70 м, глубина 0,30—0,40 м), Ферраси 6 (трапециевидная — длина 1,45 м, максимальная ширина 1,20 м, минимальная ширина 0,40 м, дно наклонное от 0 до 0,35 м, частично перекрыта известняковой плитой с чашевидными углублениями), Марсаль 1 (овальная — $0,90 \times 0,70$ м, глубина ?, полностью (?) перекрыта известняковыми (ым?) блоками), Арси 5—6 (прямоугольная (?) — примерно $1 \times 0,50 \times 0,36$ м), Киик-Коба 1 (овальная (?) — $2,10 \times 0,80 \times 0,45$ м), Заскальная VIa, б, в (прямоугольная (?) — примерно $1,75 \times 0,75 \times 0,25$ м), Кафзех 11 (овальная (?) — $1 \times 0,55 \times 0,25$ м), Кебара 2 (перекрыта тремя камнями, размеры не публиковались), Кебара 3 (овальная (?), $\sim 1,50 \times 0,60 \times 0,25$ м). В сочетании с насыпью могильные ямы зафиксированы в Ферраси 1 (?), Ферраси 5 (овальная (?) яма — $0,40 \times 0,32$ м, прослеженная глубина 0,05 м, полностью перекрыта насыпью из культурных отложений, диаметр насыпи у основания $\sim 1,30$ м, высота $\sim 0,60$ м), Регурду 1 («насыпь» — примерно $2,70 \times 1,50$ м, высота 0,50 м — из камней, песка и золы была возведена внутри более мелкой и просторной ямы, дно которой выложено плоскими камнями). Иногда для погребения использовалась естественная ниша в скале (Кафзех 8, Шанидар 3 — примерно $0,70 \times 0,55$ м, Схул 3), а иногда пространство для размещения умерших выкапывалось в бортике отложений или между крупными каменными глыбами (Шанидар 4, 6—8 — примерно $1,20 \times 0,70$ м). В двух случаях над умершим, положенным на «горизонт», была возведена каменная насыпь (Шанидар 1 — примерно $2,50 \times 1,50$ м — и Шанидар 2). Грунтовые насыпи из культурных и/или стерильных отложений, вероятно, были созданы над погребениями Ферраси 2 и Староселье 1. В погребениях этой эпохи отмечены отдельные камни и крупные каменные блоки, иногда специально доставленные для погребения и порою выполнявшие, судя по имеющимся данным, не только конструктивную, но и обрядовую роль.

⁸⁸ Вертикальные вытянутые погребения, т. е. «стоячие», и вертикальные скорченные погребения, т. е. «сидячие», в мустье неизвестны, за одним возможным, хотя и весьма сомнительным, исключением — Шанидар 3 первоначально, может быть, находился в вертикальном скорченном положении (Solecki R. S., 1960. P. 626).

13. Существование безинвентарных погребений (явление, характерное в основном для «восточного мустье») наряду с погребениями, снабженными инвентарем, а также присутствие в одних погребениях «разнообразного» и «обильного» инвентаря, а в других — «скудного» и «невзрачного» набора, состоящего из нескольких предметов, или наличие в погребении лишь одного предмета наталкивают на мысль о дифференцированном подходе мустьерцев и к этой стороне обряда. Судя по всему, такой подход проявлялся независимо от пола (?) и возраста погребенного, что позволяет предполагать воздействие не столько социальных, сколько идеологических факторов. Выделяется ряд сравнительно достоверных случаев снабжения погребенных инвентарем: 1) Ферраси 5 (три скребла); 2) Ферраси 6 (остроконечник, два скребла; охристая подсыпка?); 3) Арси 5—7 (отщепы и кости (кость?) животных); 4) Регурду 1 (скребло, нуклеус, отщепы, кости медведя, рог оленя); 5) Марсаль 1 (кремни и кости, в том числе зубы северного оленя и лошади, нижняя челюсть и длинные кости гиены, предплюсна-плюсна кеклика); 6) Схул 5 (нижняя челюсть кабана); 7) Кафзех 11 (рога и эпифиз большеберцовой кости лани, обожженная скорлупа яйца страуса, кусок (куски?) охры); 8) Шанидар 4 (цветы и ветви⁸⁹ — может быть, не столько «инвентарь», сколько подстилка и/или покрытие?); 9) Тешик-Таш 1 (костяная проколка, отщепы, кости животных, пять-шесть пар рогов горного козла — может быть, конструктивные элементы погребального сооружения?); 10) Кебара 2 (каменные изделия, зуб носорога). Кроме перечисленных, имеются ситуации, расцененные автором (на уровне сегодняшнего знания о материале) как ряд возможных случаев надления умерших инвентарем: 1) Спи 1—3 (орудия, отщепы, кость); 2) Шапель 1 (орудия, отщепы, галька, кости, кусочки охры); 3) Мустье 1 (орудия, отщепы, кости, скопление кремневых отщепов под черепом погребенного — «подушка?»); 4) Мустье 2 (кремни, кости); 5) Ферраси 1 (орудия, отщепы, нуклеус, галька, кости, кость с регулярными нарезками; охристая подсыпка?); 6) Ферраси 2 (орудия, отщепы, нуклеусы, кости); 7) Ферраси 3 (орудия, отщеп; охристая подсыпка?); 8) Ферраси 4а, б (орудия; охристая подсыпка?); 9) Ферраси 7 (орудия? кости); 10) Кина 5 (орудия, кости, сфероид с регулярными насечками; охристая подсыпка?); 11) Киик-Коба 1 (орудие на пластине, кости, отщепы); 12) Киик-Коба 2 (орудие?, отщепы); 13) Заскальная VIа, б, в (орудия, отщепы, галька, половинки галек, проколка с нерегулярными нарезками, обломок костяной лопаточки, кости, кусок охры); 14) Шанидар 1 (два отщепа, кости); 15) Шанидар 2 (орудия, кости); 16) Шанидар 5 (орудие, отщепы, нижняя челюсть оленя); 17) Шанидар 9 (орудие, две кости, конкреция); 18) Амуд 1 (орудия, отщепы, нуклеус?, одна кость); 19) Табун С1 (кости); 20) Схул 1 (отщепы); 21) Схул 4 (орудие); 22) Кафзех 8 (орудия, два куса (один утилизирован) охры); 23) Кебара 3 (отщепы).

Сравнительно «чистыми» случаями отсутствия инвентаря в мустьерских погребениях являются Староселье 1, Кафзех 3(?), 6(?), 7(?), 9, 10, 15, Кебара 1(?), Схул 2, 3, 6—10. Правда, несколько сомнительны

⁸⁹ Особенно интересно здесь присутствие эфедры — одного из аналогов позднейшего «сомы».

в этом ряду погребения из Схул, поскольку Т. Д. Маккоун почти не обращал внимания на предметы, возможно, сопровождавшие погребения. Он отметил только, что в связи с погребениями встречались те же предметы, что обычно находились и в слое: «фрагменты костей, артефакты, кремневые отщепы и нуклеусы» (McCown T. D., 1937. P. 104), т. е., по его мнению, лишённые чего-либо необыкновенного и соответственно принадлежавшие только слою (? — Ю. С.), а не погребениям. Лишь скребло между кистями рук в Схул 4 и челюсть кабана в Схул 5 привлекли его внимание. Необходимо также помнить и то, что археологический контекст погребений в Кафзах и в Кебаре еще недостаточно полно опубликован. Но даже если во всех погребениях Джебел Кафзах и в Кебаре «обнаружится» инвентарь, это не опровергнет факта существования в мустье безынвентарных погребений. Интересно, что случаи явного отсутствия инвентаря в основном характерны для погребений «сапиенсов».

14. Наличие ассоциирующихся с мустьерскими погребениями дополнительных структур, которые представлены кострищами (Шапель 1(?), Мустье 1(?), Ферраси 1, 2, Регурду 1, Заскальная VIa, б, в(?), Шанидар 1, 2, 3(?), 9, Тешик-Таш 1(?), Кебара 2, 3), ямами (Шапель 1(?), Мустье 2, Ферраси 3, 4а, б, 6(?), Регурду 1, Киик-Коба 1(?), 2(?), Заскальная VIa, б, в) и насыпями (Ферраси 5, Регурду 1), часто содержащими культурные остатки, сходные с предметами погребального инвентаря, свидетельствует о достаточно сложных идеологических представлениях, нашедших отражение в усложненном характере погребального комплекса. (Для погребений «сапиенсов» присутствие дополнительных структур не характерно.) Традиционно данные структуры интерпретируются как меморативные сооружения. Но учитывая то, что ямы и насыпи содержат костные остатки животных, а иногда и орудия, можно предположить, что они связаны с какими-то погребальными жертвоприношениями.

Рассмотренные факты свидетельствуют, по всей видимости, как об отсутствии выработанных стереотипов, так и о сложности и значительной дифференцированности самих обрядов, особенно если принять во внимание, что разнообразные их варианты часто зафиксированы в пределах сравнительно одновременной группы погребений (в одном «очаге тафологической активности») и тем более в пределах одного могильника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги работы, попытаемся ответить на некоторые из поставленных вопросов.

Отвечая на вопрос, как мустьерский человек хоронил умерших, следует подчеркнуть, что в настоящее время известен только один вид мустьерского погребения — «труположение» в литосфере, т. е. такое погребение, которое прямо и непосредственно связано с земной поверхностью. Характерным признаком этого вида погребения является размещение умершего и сопутствующего ему набора в пределах литосферы, как естественно существующих и при этом узко ограниченных, так и искусственно созданных преимущественно из ее элементов. Очевидно и то, что палеоантроп различал два основных типа организации пространства для помещения умершего: «яму» и «насыпь», т. е. погребение в углублении или под возвышением, так как оба типа появляются примерно одновременно, сосуществуют на одном памятнике и иногда встречаются в сочетании.

Погребая умершего, мустьерцы довольно часто нарушали анатомическую целостность его тела, вычлняя порой определенные части (например, нижнюю челюсть), необходимые им для каких-то других целей, и уже в таком виде хоронили останки.

В зависимости от того, была ли сохранена или нарушена естественная связь между частями тела умершего, и от того, в какой степени было произведено нарушение, происходило то или иное размещение останков в погребальном сооружении. В случае незначительных нарушений или при отсутствии таковых захораниваемого укладывали либо в вытянутом положении (на спине или на боку), либо в скорченном (на спине, на боку и на животе). В случае значительных нарушений останки умершего укладывали различными способами, изредка с имитацией одной из «традиционных» поз.

В процессе погребения, а иногда, видимо, и после совершения обряда мустьерский человек снабжал умерших различными предметами своего обихода или объектами, специально приготовленными для погребения: каменными и костяными орудиями, а также сырьем и инструментами, необходимыми для их изготовления (ядрища, отбойники и пр.); предметами из камня и кости, несущими на себе следы начертательной деятельности (?); мясными и немясными (рога, нижние челюсти и пр.) частями животных, а то и просто их костями (в том числе и испытывавшими воздействие огня), с которых уже были удалены мягкие ткани или извлечен костный мозг; минеральными красками, цветами и тому подобными приношениями.

И наконец, в связи с погребением отдельных индивидуумов палеоантроп создавал какие-то сопутствующие захоронению сооружения (ямы и насыпи), разжигал костры рядом с погребением или прямо над ним, а порой и внутри погребального сооружения, укладывая затем тело умершего на кострища, и даже, возможно, устраивал погребальные и/или поминальные трапезы.

Следовательно, среднепалеолитическое погребение по всем признакам, свойственным любому погребению данного вида любой последующей эпохи, представляет собой полноценный погребальный комплекс, состоящий из четырех компонентов (погребальное сооружение, останки погребенного, погребальный инвентарь и дополнительная структура), очевидно, уже окончательно сформировавшийся в рассматриваемую эпоху. Другими словами, мустьерский погребальный комплекс — это настолько сложившаяся и уравновешенная система, что в дальнейшем, в ходе создания погребений, видимо, не возникает необходимости в принятии каких-то новых конструктивных решений или во введении принципиально новых дополнений. Вероятно, поэтому вся история развития и формообразования погребений указывает на отсутствие качественных изменений в данной системе, демонстрируя либо минимальное (до одного) сужение числа компонентов погребального комплекса (например, присутствие только дополнительной структуры — памятник погибшему, останки которого не могли быть преданы погребению, или только погребального сооружения — кенотаф, лишенный инвентаря и дополнительных структур и т. п.), либо максимальное (до четырех) его расширение. Что же касается введения дополнений, то оно оказалось возможным лишь за счет дублирования все тех же четырех компонентов (например, устройство ложного погребения наряду с погребением настоящим или создание многочисленных меморативных сооружений и т. д.).

Опираясь на изложенное, можно утверждать, что в мустье уже были намечены и в значительной мере реализованы не только почти все основные формы и способы обращения с телом умершего до его захоронения, но и почти все формы и способы его погребения в литосфере, т. е. все фундаментальные пути развития «культы мертвых», структуру которого во многом определяет принцип бинарной оппозиции, хорошо прослеживающийся уже в мустьерских погребениях:

1) погребение умершего или оставление его в незахороненном состоянии («выставление») — две основополагающие формы обращения с умершим;

2) погребение умершего, анатомическая целостность тела которого была предварительно нарушена или сохранена, — два основных способа обращения с телом умершего до его захоронения;

3) погребение всего тела умершего или его части — два основных вида захоронения;

4) погребение тела в вытянутой или скорченной позе — два основных типа размещения тела в погребальном сооружении (и при этом на спине или на животе, на правом или левом боку, с вытянутыми нижними и согнутыми верхними конечностями, либо с согнутой/вытянутой одной конечностью и вытянутой/согнутой другой и т. д.);

5) погребение в углублении или под возвышением — два архетипа могилы (два пути развития погребального сооружения);

6) погребение умершего в сопровождении помертного набора предметов или без такого сопровождения — два рода погребений: «инвентарные» и «безынвентарные»;

7) погребение умершего с сооружением дополнительных структур или без их создания и т. д. вплоть до оппозиции в ориентировках, и все это — в пределах одной эпохи, одной группы населения, одного местонахождения, одного могильника и даже одной могилы.

Прослеживается в мустьерских погребениях и заметная оппозиция полов (мужчины — женщины), характерная для захоронений взрослых индивидуумов, в то время как возрастная оппозиция (взрослые — дети), кажется, отсутствует. Поэтому, учитывая существование дихотомии мужских и женских погребений, можно предположить, что либо большая часть детских погребений принадлежала особям мужского пола, либо половые различия индивидуумов, которые умирали, не успевая достигнуть определенного возраста и подвергались захоронению, были не значимы для мустьерцев.

Ясно выраженные противопоставления, зафиксированные в погребальной практике мустьерского человека, приводят к закономерному выводу о существовании у палеоантропа дуалистического мировосприятия, лежащего в основе чуть ли не всей последующей культуры.

На основании всего сказанного можно с уверенностью говорить о переходе мустьерского населения или по крайней мере отдельных («социально продвинутых») его групп от палеокультурных форм деятельности к неокультурным¹. Такой переход носил явно стадийный характер, поскольку происходил сравнительно одновременно и независимо у разных в антропологическом отношении групп населения, на фоне относительного индустриального континуума, и повсюду осуществлялся в одинаковых формах, в целом не зависящих от географических, хронологических или иных показателей.

Обращаясь к вопросу о том, почему мустьерский человек стал хоронить умерших, следует сразу сказать, что в настоящее время ответ может быть дан только в самой общей форме. Видимо, к началу Вюрмского периода социальные отношения и идеологические представления палеоантропов настолько усложнились, что человек мустьерской эпохи перешел на качественно новый уровень обращения с умершими, заключая их в специально создаваемые для этой цели сооружения и выделяя им определенную часть предметов из различных областей своей деятельности. Таким образом, в мустьерскую эпоху складывается новый (тафологический) тип

Поразительно, что на последнем Международном конгрессе доисториков, специально посвященном проблеме перехода от нижнего палеолита к среднему (The Transition. . . , 1982), за палеоантропом на основе крайне медленной эволюции его индустрии и массивности его чрезвычайно медленно эволюционирующего посткраниального скелета был признан палеокультурный тип поведения, мало отличающийся от поведения Гомо эректуса. Причем в попытках участников Конгресса подойти к решению поставленной проблемы факт возникновения в мустье погребальной практики не фигурировал ни в качестве индикатора появления нового типа поведения, ни в качестве возможного показателя начала рассматриваемого перехода.

культурного поведения, археологически зафиксированные формы которого получают в дальнейшем максимальное распространение и становятся одной из самых употребительных форм человеческого погребения.

И наконец, следует обратить внимание на тот примечательный факт, что благодаря сохраняющему воздействию погребальных сооружений создатели первых преднамеренных захоронений воистину обессмертили их обладателей: по прошествии десятков тысячелетий они снова были включены в социальный и культурный контексты — человеческое общество смогло приступить к их изучению, и теперь уже они, так сказать, пребудут в социуме до скончания веков.

Итак, феномен погребения, свидетельствующий о возникновении в антропосфере принципиально нового вида деятельности, освещает данный период истории человеческого общества как один из важнейших этапов развития древнего человека, следующего по пути дальнейшей гуманизации, создающего общечеловеческие непреходящие ценности.

* * *

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить самую искреннюю признательность всем, кто еще не был упомянут и кто словом и делом оказывал ему постоянную и неоценимую помощь в работе. А именно В. П. Алексееву, Х. А. Амирханову, М. В. Андреевой, И. А. Аржанцевой, А. Г. Асмолову, Н. О. Бадеру, Н. А. Боковенко, П. И. Борисковскому, Л. И. и А. И. Верещинским, Ю. Г. Виноградову, О. С. Гадзянской, М. Д. Гвоздовер, Н. И. Гиджрати, И. И. Гохману, Г. П. Григорьеву, Д. В. Деопику, П. Г. Держизу, Т. В. Добраницкой, Н. Е. Долматовской, М. Н. Елистратовой, В. И. Жегало, В. И. Исаевой, М. В. Исаевой, В. Р. Кабо, С. М. Каликову, А. М. Карапетьянцу, М. А. Карповской, А. В. Кашкину, Е. И. Кобахидзе, В. Б. Ковалевской, Ю. Г. Колосову, И. И. Коробкову, Д. А. Крайнову, Ю. А. Краснову, Г. П. Кулаковой, В. И. Кулакову, Н. Б. Леоновой, Л. В. Летниковой, А. М. Лопухову, Н. Я. Мерперту, Т. Н. Мишиной, Г. П. Романовой, Н. Н. Ропан, Н. А. Самойлович, В. И. Сарияниди, К. А. Смирнову, Тань Ао-шун, В. С. Титову, Б. Г. Тихонову, И. Г. Травкиной, К. В. Угер, А. А. Узянову, М. И. Урысону, А. А. Формозову, Э. Е. Фрадкину, В. М. Харитонову, А. Д. Хлопину и Т. Э. Шумиловой, а также поблагодарить моих иностранных коллег: E. Bonifay, A. Brown, A. E. Close, A. Defleur-Tanoux, M. Lenoir, O. Soffer, T. D. Stewart, E. Trinkaus, H. Ullrich и всех сотрудников Отдела неолита и бронзы Института археологии АН СССР и Отдела палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, неоднократно обсуждавших данную работу и внесших в нее много ценных замечаний, а также всех сотрудников библиотек, фотолaborаторий и архивов Института археологии АН СССР, Института этнографии АН СССР (Москвы и Ленинграда) и Института и музея антропологии МГУ, способствовавших ее выполнению. И конечно же, особую признательность хотелось бы адресовать моему первому учителю — И. К. Цветковой.

Таблица 20. Мустыркине негребени *

№ п/п памятников	№ п/п погребения	Наименование погребенного		Пол		Возраст		Морфотип		Хронология				Абсолютная (в годах)	
		мужчина	женщина	возраст	ребенок	дни, месяцы, годы	«взрослая»	«детская»	«свиная»	Ворм	Ворм I	Ворм I/II	Ворм II		Ворм II/III
1	1	+	?	+	-	~35 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	$T \sim 46\ 300 \pm 3000$ BP $T \sim 42\ 500 \pm 2000$ BP $T \sim 40\ 300 \pm 2600$ BP $C_{14} \sim 35\ 000$ (?) BP
	2	+	-	+	-	~25 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	3	+	-	+	-	40-50 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
2	4	+	?	+	-	16-18 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
3	5	+	-	+	-	Новорожденный?	-	+	-	-	-	-	-	-	
	6	+	-	+	-	~45 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
4	7	+	-	+	-	25-30 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	8	+	-	+	-	~10 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	9	-	-	-	-	8 м. (зародыш)	-	+	-	-	-	-	-	-	
	10	-	-	-	-	15 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	11	-	-	-	-	7-8 м.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	12	-	-	-	-	~3 г.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	13	-	-	-	-	~23 м.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	14	-	-	-	-	30-35 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
5	15	?	?	+	-	~20 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
6	16	+	-	+	-	~3 г.	-	+	-	-	-	-	-	-	
7	17	+	-	+	-	~40-45 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
8	18	-	-	-	-	5-8 м.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	19	-	-	-	-	15-19 м.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	20	-	-	-	-	~2-3 г.	-	+	-	-	-	-	-	-	
9	21	+	?	+	-	~1 г.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	22	-	-	-	-	~5-6 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
10	23	+	-	+	-	~40-45 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	24	+	-	+	-	5-8 м.	-	+	-	-	-	-	-	-	
11	25	-	-	-	-	15-19 м.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	26	-	-	-	-	~2-3 г.	-	+	-	-	-	-	-	-	
	28	-	-	-	-	~1 г.	-	+	-	-	-	-	-	-	
		-	-	-	-	~5-6 л.	-	+	-	-	-	-	-	-	

* + — присутствие признака; — — отсутствие признака; ? — присут. д — дней; BP — до современности; C_{14} — радиоуглерод; А. — аминокислота/отсутствие признака равновероятно; +? — присутствие признака кислоты; Т — термояднородина; ЗПР — электронно-парамагнит-вероятно; > — больше; ~ — примерно; л. (г.) — лет; м. — месяцев; ный резонанс; М — марганец.

Таблица 20 (продолжение)

№ п/п ПАКЕТНОК	№ п/п №№ погребения	Наименование погребенного		Пол		Возраст			Морфотип		Хронология			
		мужчина	женщина	взрослый	ребенок	дни, месца, годы	«неандерталец»	«неандерталец»	«сальменс»	Бюмм I	Бюмм I/II	Бюмм II	Бюмм II/III	Абсолютная (в годах)
12	27	+	?	-	+	8-10 л.	-	-	-	-	-	-	-	$C_{11} \sim 46\ 900 \pm 1500\ BP$
13	28	+	-	+	-	30-45 л.	-	-	-	-	-	-	-	$C_{11} \sim 50\ 600 \pm 3000\ BP$
	29	+	-	+	-	20-30 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	30	+	-	+	-	42 ± 8,2 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	31	+	-	+	-	35-50 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	32	+	-	+	-	30-45 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	33	+	+	+	-	~25 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	34	+	+	+	-	Молодая	-	-	-	-	-	-	-	
	35	+	-	+	-	6-12 м.	-	-	-	-	-	-	-	
	36	+	-	+	-	6-9 м.	-	-	-	-	-	-	-	
14	37	+	-	+	-	~25 л.	-	-	-	-	-	-	-	$M \sim 30\ 000 - 35\ 000\ BP$
15	38	+	-	+	-	~30 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 51\ 000 / 53\ 000\ BP$
16	39	?	-	+	-	3-4,5 г.	-	-	-	-	-	-	-	$C_{11} \sim 40\ 900 \pm 1000\ BP$
	40	+	-	+	-	30-40 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	41	+	-	+	-	Взрослый	-	-	-	-	-	-	-	
	42	+	-	+	-	40-50 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	43	+	-	+	-	30-40 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 39\ 000 / 40\ 000\ BP$
	44	+	-	+	-	30-35 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 52\ 000 / 54\ 000\ BP$
	45	+	-	+	-	35-40 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 45\ 000 / 46\ 000\ BP$
	46	?	-	+	-	8-10 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 53\ 000 / 55\ 000\ BP$
	47	+	-	+	-	~50 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 39\ 000 / 45\ 000\ BP$
	48	+	-	+	-	5-5,5 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 40\ 000 / 46\ 000\ BP$
17	49	+	-	+	-	>50 л.	-	-	-	-	-	-	-	$T \sim 92\ 000 + / - 5000\ BP$
	50	+	-	+	-	20-40 л.	-	-	-	-	-	-	-	$\Phi П \sim 98\ 000\ BP$
	51	+	-	+	-	>50 л.	-	-	-	-	-	-	-	$A_{11} \sim 68\ 000 / 78\ 000\ BP$
	52	+	-	+	-	~40 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	53	+	-	+	-	~20 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	54	+	-	+	-	~6 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	55	+	-	+	-	13-14 л.	-	-	-	-	-	-	-	
	56	+	-	+	-	8-10 л.	-	-	-	-	-	-	-	$C_{11} > 30\ 000\ BP$
18	57	-	-	-	-	6-9 м.	-	-	-	-	-	-	-	$C_{11} \sim 35\ 300 \pm 500\ BP$
	58	-	-	-	-	7-10 м.	-	-	-	-	-	-	-	$C_{11} \sim 41\ 000 \pm 1800\ BP$
	59	-	-	-	-	Младший	-	-	-	-	-	-	-	

КАТАЛОГ МУСТЬЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЕВРАЗИИ

Предварительные замечания

Как правило, погребальные памятники не представляют в виде каталогов. Иными словами, устойчивой традиции каталогизирования погребений в археологии в общем и целом не существует. Поэтому, ставя задачу создания «Каталога мустьерских погребений», автор не имел перед собой удовлетворительных примеров. Однако в антропологической литературе традиция составления каталогов существует уже более 100 лет, и там легко можно было найти примеры для подражания. Кажется, что оптимальная форма подачи сходного материала была выбрана редакторами-составителями «Каталога ископаемых гоминидов» (далее — *Catalogue...*), выпущенного Британским музеем под редакцией K. P. Oakley, B. G. Campbell, Th. I. Molleson (*Catalogue of fossil hominids. Pt 1: Africa. London, 1977; Pt 2: Europe. London, 1971; Pt 3: Americas, Asia, Australasia. London, 1975*). Этот «Каталог» по простоте формы представляемого материала и полноте приводимых сведений является пока непревзойденным образцом такого рода издания, содержащим, помимо всего, и прекрасный библиографический аппарат. Поэтому форма подачи материала, принятая в *Catalogue...*, и была выбрана автором данной работы. Более того, из *Catalogue...* была заимствована часть содержащейся в нем информации, а в отдельных случаях некоторые из его разделов были целиком перенесены в работу (см. ниже)¹.

Кроме того, в целях наиболее полной представленности материала из *Catalogue...* заимствовалась информация (может быть, даже и избыточная, с точки зрения непосредственных целей, преследуемых при создании «Каталога мустьерских погребений») об остатках флоры и фауны, но не прямо извлеченных из погребений, а обнаруженных в синхронных с ними слоях.

Помимо этого, практически полностью из *Catalogue...* были заимствованы данные, касающиеся местонахождения памятников (в том числе и их географические координаты), затем — данные об абсолютной и относительной датировке памятников и ископаемых остатков, обнаруженных на них, в том числе и датировки, проведенные редакторами-составителями *Catalogue...* на основе содержания в человеческих костях фтора, магния и других элементов, и наконец, сведения о современном местонахождении самих ископаемых остатков.

¹ Несмотря на сравнительную полноту и точность опубликованных в *Catalogue...* сведений, информация в отношении отдельных памятников все же требует некоторых исправлений и дополнений, которые касаются в основном следующих пунктов: 1 — числа обнаруженных на памятнике индивидуумов; 2 — числа сохранившихся ископаемых человеческих остатков; 3 — тафологического контекста памятника. Все подобные случаи оговорены в тексте.

Система описания

Ключ

1. Местонахождение памятника
2. Геоморфология памятника
3. Число открытых погребений, годы и автор раскопок
4. Стратиграфия памятника
5. Археологический контекст памятника
6. Палеонтологический контекст памятника
7. Датировки:
 - Стратиграфическая дата
 - Относительная дата
 - Абсолютная дата
8. Наименование погребения
9. Дата открытия и извлечения остатков, автор
10. Тафологический контекст памятника:
 - Внешняя структура погребального комплекса
 - Внутренняя структура погребального комплекса
 - Погребальный инвентарь
 - Дополнительная структура
11. Первая публикация доклада об открытии
12. Монографическое исследование памятника
13. Антропологическое описание
14. Тафологическое описание
15. Адрес хранилища полевой документации
16. Адрес хранилища коллекции

1. Местонахождение памятника. В этом разделе даются географические (в том числе долгота и широта) и административные (район, область, провинция и пр.) координаты памятника.

2. Геоморфология памятника. В этом разделе сообщается, что представляет собой тот или иной памятник в геоморфологическом отношении (скальный навес, грот, пещера), и приводятся его параметрические характеристики и характеристики вмещающих пород. Указывается ориентировка входа.

3. Число мустьерских погребений, обнаруженных на памятнике, годы открытий и автор раскопок.

4. Стратиграфия памятника. В этом разделе дается обобщенная стратиграфия памятника с указанием стратиграфической и исторической (в случае их несовпадения) позиции погребения.

5. Археологический контекст памятника. В этом разделе указываются тип сопутствующей погребению индустрии и фация (леваллуаская), т. е. обозначается тип каменной индустрии того слоя, к которому относилось погребение.

6. Палеонтологический контекст памятника. В этом разделе перечисляются виды флоро- и фаунистических остатков, сопутствующих слою и/или погребению. Этот раздел, возможно, важный для уточнения относительной хронологии памятника (слоя, к которому относилось погребение), не игра-

ет здесь существенной роли, поскольку определяемые палеонтологические остатки непосредственно в погребениях встречаются крайне редко. Этот раздел практически целиком заимствован из Catalogue. . . : «Фауна приводится в стандартном порядке — млекопитающие: приматы, насекомоядные, рукокрылые, плотоядные, грызуны, непарнокопытные (например, лошадь, носорог), парнокопытные (кабан, олень, бык), хоботные (слон); птицы; рептилии; амфибии; рыбы; беспозвоночные» (Catalogue. . . , 1971, P. IX). (В связи с незначительным числом палеонтологических исследований для памятников с остатками ископаемых гоминидов стандарты представления остатков флоры еще не выработаны.)

7. Датировки. В этом разделе приводятся несколько видов датировок (обозначены — 7_I , 7_{II} и 7_{III} AI—III), существующих для памятников (слоев), на которых обнаружены мусьерские погребения. Большая часть датировок заимствована непосредственно из Catalogue. . . Исключения составляют несколько датировок по C_{14} и даты по рацемизации аминокислот, полученные в последние годы. Из Catalogue. . . была практически полностью заимствована и форма подачи данного материала:

7_I — стратиграфическая дата. Стратиграфические датировки даются по временной шкале последнего (вюрмского) оледенения, следуя альпийской номенклатуре: Вюрм; Вюрм I (стадиал); Вюрм I/II (интерстадиал); Вюрм II (стадиал); Вюрм II/III (интерстадиал).

7_{II} — относительная дата. «Система относительного датирования костей, рога и дентина. . . комбинирует фторовые анализы с урановыми оценками, полученными радиометрическим количественным анализом (выраженным как эквивалент урана eU_{308} в части на миллион), и азотное определение, полученное микрохимическим анализом. В случаях, когда это было возможно, анализы гоминидных образцов были сравнены с анализами костей животных из тех же или смежных слоев. . . Фторовый анализ (по возможности) сопровождался фосфорным анализом. Если сравнение дается между F/P отношением, а не между действительным фторовым содержанием в образцах, то усложняющий фактор загрязнения случайными минеральными веществами снимается. Отношение обычно выражается как $\frac{F\%}{P_{2}O_5\%} \times 100$. Для удобства в Каталоге это формулируется как 100 F/P205 (Catalogue. . . , 1971, P. IX).

7_{III} — абсолютные даты. «Абсолютные даты выражены в годах до современности. Обычно принимается 1950 г. и показатель BP — before present (Т. е. до современности. — Ю. С.). Три класса абсолютных датировок различаются следующим образом:

7_{III} AI даты. Непосредственное определение возраста погребения по его собственным данным (либо на основании анализа человеческих остатков, либо на основании анализа костей животных или углей, происходящих из погребения).

7_{III} AII даты. Непосредственное определение возраста слоя, который связан с погребением (на основании анализа углей или костей животных, происходящих из того же слоя, что и погребение).

7_{III} AIII даты. Опосредованное определение возраста слоя, с которым связано погребение (на основании анализа образцов из других выше

или ниже лежащих слоев того же памятника или сходных отложений на другом близрасположенном и однокультурном памятнике).

(Радиоуглеродные даты цитируются без ссылок на литературный источник, но образцы снабжены первоначальными индексами соответствующих лабораторий: ANU — Австралийский национальный университет (Канберра); G1F — Жиф-сюр-Иветта (Франция); GгN — Гронинген (Нидерланды); КИ — Киев; L — Ламонт (Нью-Йорк, США). Следует подчеркнуть, что по соглашению между датирующими лабораториями опубликованные результаты базируются на полураспаде Либби — 5570 ± 30 лет.)

8. Наименование погребения. Как правило, оно соответствует названию памятника. В том случае, если на памятнике обнаружено несколько погребений, то они имеют порядковые номера, присвоенные им авторами раскопок по мере открытия, от первого к последующим. Исключения составляют находки в пещере Шанидар, где первому открытому там погребению автором данной работы (см. ниже) присвоен последний по порядку номер (Шанидар 9 — «беби»), и в гроте Киик-Коба, где порядок обнаружения погребений обратный порядку их номеров. В нескольких случаях некоторое нарушение порядка нумерации имело место и тогда, когда костные остатки одного из погребенных обнаруживались в ходе расчистки (как в поле, так и в камеральных условиях) костей другого индивидуума (например, в Ля Ферраси), или порядковые номера были последовательно присвоены и погребениям более поздних эпох (например, в Джебел Кафзех). Как правило, номер погребения совпадает с номером, опубликованным в *Catalogue...*, исключения оговорены в тексте. Описания находок даются в последовательности «порядковых» номеров.

9. Дата открытия погребения. В этом разделе указываются дата открытия погребения и дата полной расчистки и извлечения остатков из земли (если эти даты не совпадают и если последнее известно). Здесь же указывается и непосредственный автор открытия погребения, если он известен.

10. Тафологический контекст памятника. В этом разделе приводятся всевозможные сведения о каждом погребальном комплексе в отдельности. Погребальный комплекс, по мысли автора (Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А., 1977; Смирнов Ю. А., 1985а; 1985б; 1985в; 1985г), в целом представляет собой искусственно организованную совокупность взаимосвязанных и расположенных в определенном порядке элементов, т. е. систему, основным блоком которой являются останки умершего, образующие внутреннюю структуру погребального комплекса. Внешнюю структуру погребального комплекса образует погребальное сооружение, которое может представлять собой любой тип вмещающего объема, специально созданного или использованного для размещения останков умершего с последующим его «замыканием». Умерший может быть снабжен погребальным инвентарем (артефакты и/или неартефакты), который либо захоронен вместе с ним, либо находится отдельно от него, но прямо или косвенно с ним связан. Кроме того, в связи с захоронением могли создаваться какие-то сопутствующие ему дополнительные структуры, в состав которых входят куль-

товые сооружения, «надгробные» памятники, костры, кладовые и пр., находящиеся как в границах погребального сооружения, так и за его пределами, но в непосредственной или опосредованной с ним связи.

Итак, погребальный комплекс это система, образованная двумя поставянными (обязательными) составляющими: 1 — внешняя структура (погребальное сооружение); 2 — внутренняя структура (останки погребенного), и двумя переменными составляющими (т. е. не обязательно присутствующими в системе): 3 — погребальный инвентарь; 4 — дополнительная структура (структуры).

10₁ — внешняя структура погребального комплекса. В этом подразделе описывается погребальное сооружение в том случае, если оно прослежено, или дается его гипотетическая реконструкция на основе косвенных данных².

10_{1а} — тип погребального сооружения (яма и/или насыпь; в нескольких случаях имело место погребение в естественно образовавшейся или искусственно созданной (?) нише).

10_{1б} — форма погребального сооружения и его параметры.

10_{1в} — материал, из которого или в котором создано погребальное сооружение и/или которым оно заполнено (для могильных ям). Жесткие конструктивные элементы, входящие в состав погребального сооружения.

10_{1г} — местонахождение погребального сооружения на поселении и его ориентировка относительно поселения и сторон света.

10_{1д} — внутренняя структура погребального комплекса. В этом подразделе описываются человеческие остатки, находящиеся в погребальном сооружении, т. е. приводятся их антропологические и тафологические характеристики — от половозрастного статуса умершего до его положения в могиле.

10_{1да} — пол погребенного.

10_{1дб} — возраст погребенного.

10_{1дв} — антропологический тип (в первых трех подразделах приводятся как общепринятые оценки, так и полученные в результате современных ревизий материала).

10_{1дг} — виды, число и сохранность обнаруженных остатков (состояние костей, там, где оно известно, приблизительно обозначено в следующих сокращениях (даны в скобках): (н) — практически не повреждены; (ф) — фрагментированы; (фф) — сильно фрагментированы).

10_{1дд} — патологические нарушения или изменения на костных остатках.

10_{1де} — местонахождение погребенного в погребальном сооружении (в центре, на периферии, в том или ином углу, у той или иной стенки и пр.). Соположение с другим погребенным в неодионочном погребении.

10_{1дж} — ориентировка погребенного относительно основной (длинной) оси погребального сооружения.

10_{1да} — ориентировка погребенного головой (ось: таз—череп) относительно сторон света (в тех случаях, когда приведен азимут, — в основе деления — сектор в 45°; ориентировки устанавливались по чертежам).

² В случае отсутствия сведений о той или иной характеристике погребального комплекса (о том или ином его элементе) очередной раздел или подраздел данного Каталога опускается.

10_{IIa} — ориентировка погребенного корпусом, головой и лицом относительно поселения (поперек «входа» в убежище, в сторону задней стенки. «выхода» и пр.).

10_{IIк} — характер погребения (целое, расчлененное и пр.).

10_{IIл} — положение погребенного: 1 — позоопределяющие признаки (общее расположение погребенного): а) горизонтальное вытянутое; б) горизонтальное скорченное; 2 — позообразующие признаки (положение корпуса погребенного): а) на спине (дорзальное); б) на правом боку (правое латеральное); в) на левом боку (левое латеральное); г) на животе (вентральное); 3 — позохарактеризующие признаки (положение черепа и свободных конечностей погребенного): а) положение черепа (на правом/левом боку, на затылочной части и пр.); б) положение костей рук (вытянуты, согнуты (в этом случае указываются углы скорченности), прижаты к корпусу, отставлены от него, кисти флексированы или не флексированы, в положении супинации или пронации и пр.) и местоположение кисти (у тазобедренного сустава, у нижней челюсти и пр.); в) положение костей ног (вытянуты, согнуты (углы скорченности), прижаты к корпусу и пр.) и местонахождение стоп (прижаты к тазовым костям и пр.).

10_{III} — погребальный инвентарь. В этом подразделе перечисляются предметы — как артефакты (орудия, полуфабрикаты, отходы производства и пр.), так и неартефакты (кости животных, остатки растений и пр.) находившиеся в границах погребального сооружения или за его пределами, но в непосредственной к нему близости (например, на поверхности насыпи, возведенной над умершим). Здесь же, если известно, указывается местоположение предметов относительно погребенного и погребального сооружения.

10_{IV} — дополнительная структура. В этом подразделе перечисляются кострища, ямы и насыпи, расположенные в границах погребального сооружения или за его пределами, но составляющие единый с ним комплекс.

11. Первая публикация об открытии. В этом разделе дается ссылка на первую (первые) публикацию докладов об открытии. Несколько публикаций приводится в том случае, если публикуемые сведения в них не совпадают или если по данному памятнику не существует монографического исследования (см. литературу).

12. Монографическое исследование памятника. В этом разделе дается ссылка на наиболее полное и хорошо иллюстрированное издание материалов, обнаруженных на том или ином памятнике. В некоторых случаях это может быть публикация, в которой археологические, антропологические и другие исследования объединены (см. литературу).

13. Антропологическое описание остатков. В этом разделе даются ссылки на наиболее важные антропологические исследования, начиная от первых наиболее полных описаний и кончая современными публикациями (см. литературу).

14. Тафологическое описание. В этом разделе даются ссылки на наиболее важные для каждого памятника обзоры и исследования, существующие по мустьерским погребениям. В каждом случае упоминаются только те

публикации, в которых фигурирует рассматриваемое погребение (см. литературу).

15. Место хранения и № полевой документации. В этом разделе указываются адрес (если он известен) организации, в которой хранится полевая документация (отчеты, дневники, чертежи и пр.), и регистрационные номера документов.

16. Почтовый адрес хранилища, если он известен, в котором находятся антропологические и археологические коллекции, происходящие из каждого погребения.

КАТАЛОГ

Спи

Спи 1—3

1. Европа. 50°29' Север. 4°43' Восток. Бельгия, провинция Намюр, 460 м к юго-востоку от станции Онос, коммуна Спи, левый берег р. Орно.
2. Грот Бек-о-Рош («Дыра в скалах»). Вход открыт на юг. Перед входом площадка длиной 11 м. Карбоновые известняки.
3. Два погребения (три индивидуума). Спи 1, Спи 2 — 1886: М. Лоэ и М. де Пюи (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 587—755). Спи 3 — 1886/1950³ (Genovés S., 1954. P. 133).
4. Погребения — слой F. Стратиграфия сверху вниз: А — осыпь и коричневая глина (стерилен). В — желтый глинистый туф (верхний ориньяк). С — брекчия красного цвета, щебень (мустье и ориньяк в смешанном состоянии). D — желтая известняковая глина, переходящая в «туф» той же породы, что и в слое В, в основании — прослойка древесного угля (Археологический материал — ? — Ю. С.). F — коричневая глина, местами черная, щебень (мустье). К — скальное основание (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 663; Bordes F., 1950. P. 541).
5. Мустье с ашельской традицией? (Ulrix-Closset M., 1975; Bordes F., 1981. P. 81).
6. *Crocota crocuta*, *Ursus spelaeus*, *Equus caballus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Cervus elaphus*, *Rangifer tarandus*, *Bos primigenius*, *Mammuthus primigenius* (Fraipont J., Lohest M., 1887. P. 664).
- 7₁. Вюрм I, холодная фаза (Zeuner F. E., 1940. P. 8, 18).

³ Костяные остатки Спи 3, принадлежащие ребенку, были идентифицированы в 50-х годах XX в. (Vallois H. V., Mouliis H. L. Jr., 1952).

Спи 1

8. Спи 1. Одинокое ⁴.
9. 1886, июль.
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Iг}. На площадке, в 8 м к югу от входа в грот, в 2,5 м. от Спи 2. глубина от внешней поверхности примерно 3,90 м.
- 10_{IIa}. Мужчина? (Genovés S., 1954).
- 10_{IIб}. Около 35 лет.
- 10_{IIв}. «Классический неандерталец».
- 10_{IIг}. Череп (фф). Нижняя челюсть. Два ребра (фф). Две ключицы (ф). Две плечевые (ф). Две лучевые (ф). Левая локтевая (ф). Пясть: I, III правые, I, III левые. Малоберцовая (фф). I (или же — одна) левая фаланга стопы (Catalogue. . ., 1971. P. 12, 13).
- 10_{IIa}. Головой на восток?
- 10_{IIи}. Поперек «входа» в убежище, лицом к «входу»? ⁵
- 10_{IIк}. Целое.
- 10_{IIл}. 1а — Горизонтальное.
2б — Корпус на правом (?) боку.
3б — Кисть прижата к нижней челюсти.
- 10_{III}. Наличие инвентаря предположительно. Инвентарь не дифференцирован между погребенными: два остроконечника, одна пластина, много ощепов, одна расщепленная кость — на уровне и по бокам от скелетов. Там же находились и кости животных.
- 10_{IV}. _____

Спи 2

8. Спи 2. Двойное (Спи 2+ (условно) Спи 3).
9. 1886, июль.
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Iг}. На площадке, в 6 м к югу от «входа» в грот, в 2,5 м от Спи 1. глубина от внешней поверхности примерно 3,90 м.
- 10_{IIa}. Мужчина (Genovés S., 1954).
- 10_{IIб}. Около 25 лет.
- 10_{IIв}. «Классический неандерталец».
- 10_{IIг}. Череп (фф). Нижняя челюсть (ф). Ребро (ф). Две локтевые (фф). Две лучевые. Пясть: II, IV правые, I—IV левые. Фаланги: I, III, V правые, II левая. Бедренные: правая (ф), левая (фф). Левая малоберцовая (фф). Левая большеберцовая (ф). Левый надколенник. Предплюсна: таранная, пяточная левые. Плюсна:

⁴ Кости ребенка (Спи 3) были обнаружены при пересмотре антропологической коллекции из Спи среди неопределенных костей обоих взрослых. Так как пол Спи 1 и Спи 2 большинством антропологов расценивается как мужской, ребенок Спи 3 условно объединен здесь со взрослым Спи 2.

⁵ В связи с тем, что нам неизвестна локализация древнего входа в убежище (если таковая существовала) не только для навесов и пещер, но и для гротов со сравнительно обширными входными отверстиями, понятие вход взято в кавычки и отсчеты ведутся по прямой от центра к задней стенке.

- I, II левые, I (или же — одна) фаланга правой стопы (Catalogue... , 1971. P. 12, 13).
- 10_{III}. Наличие инвентаря предположительно. Инвентарь не дифференцирован между погребенными: два остроконечника, одна пластина, много отщепов, одна расщепленная кость — на уровне и по бокам от скелетов. Там же находились и кости животных.
- 10_{IV}. _____

Спи 3

8. Спи 3. Двойное (Спи 3+ (условно) Спи 2).
9. 1886, июль.
- 10_{IV}. Культурный слой?
- 10_{IV}. На площадке перед гротом.
- 10_{IIIa}. Ребенок.
- 10_{IIIr}. Два зуба. Правая большеберцовая (фф) (Catalogue... , 1971. P. 12, 13).
- 10_{III}. Наличие инвентаря предположительно. Инвентарь не дифференцирован между погребенными: два остроконечника, одна пластина, много отщепов, одна расщепленная кость — на уровне и по бокам от скелетов. Там же находились и кости животных⁶.
- 10_{IV}. _____

Спи 1—3

11. Fraipont J., Lohest M., 1886. P. 741—784; 1887. P. 587—755; Puydt M., Lohest M., 1887. P. 207—240.
12. _____
13. Rutot A., 1909. P. 225—292; Morant G. M., 1927. P. 337—360; Hrdlička A., 1927. P. 249—274; 1930. P. 178—202; Genovés S., 1954. P. 131—144; Twiesselmann F., 1958. P. 63—71; Бунак В. В., 1959. С. 75—115; Алексеев В. П., 1966. С. 143—181; 1978. С. 38—162; Catalogue... , 1971. P. 12, 13; Хрисанфова Е. Н., 1978; Vandermeersch B., 1981.
14. Замятнин С. Н., 1961a. С. 29—34; 1961b. С. 35—42; Binford S. R., 1968. P. 139—154; Harrold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Смирнов Ю. А., 1985a.
15. _____
16. Institut Royal des Sciences naturelles des Belgique, 31 rue Vautier, Brussels 4, Belgique.

Помимо всего прочего (погребения в Спи не являются «чистым» случаем), проблема отделения инвентаря, предназначенного одному погребенному, от инвентаря, предназначенного другому, встает при описании любого захоронения, содержащего более чем одного умершего. В том случае, если какой-то предмет или предметы инвентаря не «привязаны» жестко к одному из индивидуумов (а в отношении мустьерских погребений такие данные вообще отсутствуют), инвентарь в коллективном погребении, по-видимому, должен признаваться общим.

Ля Шапель-о-Сен

Шапель 1

1. Европа. 44°59' Север, 1°43' Восток. Франция, департамент Коррез, 40 км к юго-востоку от г. Брива, 200 м от селения Ля Шапель-о-Сен, левый берег р. Сурдуар (приток р. Дордонь).
2. Грот (мест. «буффиа») Бонневаль. Вход открыт на северо-запад. Перед входом площадка. Коридорообразная полость длиной 6 м в доступной части; ширина от 2,5 м при входе до 4 м: максимальная высота от скального дна 1,5 м. Известняки лейаса.
3. Одно погребение. Шапель 1 — 1908: А. и Ж. Буиссони и Л. Бардон (Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908a. P. 1414, 1415).
4. Погребение — слой 1. Стратиграфия сверху вниз: 3 — песчано-глинистая почва. 2 — глина. 1 — желтоватая глина со щебнем и известняковыми блоками (мустье). 4, 5 — скала, обвалившиеся блоки, зеленватые глины.
5. Шарантское мустье типа Кина (Vandermeersch B., 1965a. P. 116).
6. *Canis lupus*, *Vulpes vulgaris*, *Hyaena crocuta*, *Meles meles*, *Marmota marmota*, *Equus caballus*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Sus scrofa*, *Rangifer tarandus*, *Bison priscus*, *Bos primigenius*, *Capra ibex*. Птицы (Bouchud J., 1966. P. 133, 134).
- 7₁. Конец Вюрма II (Vandermeersch B., 1965a. P. 116).
- 7₁₁. Кость погребенного: F=0,36 %; 100F/P205=2,2, eU308=12 ppm. N = 1,8 % (Catalogue... , 1971. P. 98).
- 7₁₁₁AIII. 60 000—64 000 лет BP (соответствует в основном концу 3-й и большей части 4-й кислородно-изотопной стадии (60—75 тыс. лет), по Н. Шеклону). Дата получена на основе стратиграфической и археологической корреляции отложений Ле Мустье. Комб-Греналь, Ля Шапель-о-Сен, Ля Кина и Ля Ферраси, вытекающей из термолюминесцентных датировок отложений Ле Мустье (Mellars P., 1986. P. 28, 29).
8. Шапель 1. Одиночное.
9. 1908, 3 августа: П. Буиссони.
- 10_{1a}. Яма.
- 10_{1b}. Очертания прямоугольные?: 1,45×1,00×0,30 м.
- 10_{1a}. Придонная (?) часть ямы — в скальном основании. Заполнена культурным слоем. Камни и кости в области черепа погребенного — конструктивные элементы?
- 10_{1c}. Под кровлей грота, в 3 м от «входа». В центре. Под углом к «входу», восток—запад. Верхний контур могильной ямы на глубине 0,60—0,80 м от поверхности.
- 10_{11a}. Мужчина.
- 10_{11b}. 40—50 лет.
- 10_{11c}. «Классический неандерталец».
- 10_{11d}. Череп. Нижняя челюсть. Позвонки (ф и фф): 1-й, 2-й, 5—7-й шейные; 1—12-й — грудные; 1-й, 2-й, 4-й, 5-й — поясничные. Крестец. Ребра (ф): 4-е левое, 6—10-е правые и левые, 11-е правое. Левая ключица. Две плечевые. Две лучевые (ф). Две локтевые. Запястье:

- ладьевидная и головчатая левые. Пясть: I—III, V правые. Фаланги: III правая, III левая. Две подвздошные (фф), две седалищные (фф), две лобковые (фф). Две бедренные (ф). Две большеберцовые (фф). Правая малоберцовая (фф). Два надколенника. Предплюсна: таранная, пяточная левые. Плюсна: I—III, V правые (фф), II, V левые. Одна фаланга стопы (Boule M., 1911—1913. P. 123, 124).
- 10_{IIa}. У нижнего левого премоляра открыта пульпарная полость. Потеря практически всех зубов — инфекция — из-за их износа до открытия пульпарных полостей. Сенильные (старческие) краевые экзостозы на многих позвонках (Hrdlička A., 1930. P. 256, 259, 260, 263). Позвоночный столб поражен тяжелой формой артрита; повреждения типичны, в особенности сужение соединительных каналов. Врожденная деформация вертлужной впадины левой тазовой кости. Впадина имеет овальные очертания, ее верхний край расширен — врожденный вывих бедра. Суставные поверхности крестца заполированы — разрушение суставного хряща и как следствие — необходимость избегания суставной неподвижности. Выемка на основании одного из надколенников — «patella partita» (раздвоенная пателла). Небольшая костная мозоль на задней стороне одного из ребер — след перелома, происшедшего незадолго перед смертью. Расплющена (écrasé — раздавлена, разможжена) фаланга пальца (Dastugue J., Lumley M.-A., 1976. P. 615, 616).
- 10_{IIb}. Погребенный сдвинут к западной (торцовой) стенке могильной ямы. Голова — в юго-западном углу.
- 10_{IIж}. Под углом к длинной оси ямы.
- 10_{IIз}. Головой на юго-запад, азимут примерно 221°.
- 10_{IIн}. Поперек «входа», головой к боковой стенке грота, лицом к потолку?
- 10_{IIк}. Целое.
- 10_{IIл}. 1б — Горизонтальное скорченное.
2а — Корпус на спине.
3а — Череп на затылочной части.
3б — Правая рука сильно (примерно 25°) согнута в локте; кисть, по-видимому, в состоянии супинации, у правого плеча. Левая рука вытянута вдоль корпуса или слабо согнута; кисть, по-видимому, в состоянии пронации, у левого тазобедренного сустава.
3в — Ноги сильно согнуты в суставах и подтянуты к корпусу, лежат справа от него, левая под правой; бедра и голени примерно параллельно друг другу. Стопы сближены? Углы скорченности в тазобедренных суставах — 30—35°, в коленных — 45—50°.
- 10_{III}. Ретушированные отщепы (кремь, кварц, горный хрусталь). Скребец. Скребок. Галка округленная и уплощенная. Кусочки песчаника, насыщенного железом (охра?). Дистальный конец метатарзальной кости быка с тремя фалангами в сочленении. Связь перечисленных предметов с погребенным проблематична — могильная яма заполнена культурным слоем. Часть позвоночника северного оленя в анатомическом порядке — за головой, на юго-западном бортике могилы. Связь с погребением неясна.

- 10_{IV}. 1. Два кострища в 0,50 м от юго-западного края могилы. 2. Ямка во входной части грота, перекрытая плоскими обломками известняка и содержащая кости бизона (рог, остатки черепа, позвоночного столба и пр.) под ними — кремневый остроконечник. Связь перечисленных структур с погребением предположительна.
11. Bouyssonie A. et J., Bardon L., 1908a. 1414, 1415; 1908b. P. 515—518; 1913. P. 609—634; Bouyssonie A. et. J., 1909. P. 10—14.
12. _____
13. Boule M., 1908. P. 519—525; 1909. P. 257—271; 1911—1913; Morant G. M., 1927. P. 318—381; Hrdlička A., 1930. P. 251—267; Howell F. C., 1951. P. 379; Piveteau J., 1957. P. 412—454; Straus W. L., Cave A. J. E., 1957. P. 348—363; Бунак В. В., 1959. С. 75—115; Le Gros Clark W. E., 1964. P. 50—87; Урысон М. И., 1964. С. 120—148; Алексеев В. П., 1966. С. 143—181; 1978. С. 38—162; Catalogue... , 1971. P. 98, 99; Кочеткова В. И., 1973. С. 203—209; Хрисанфова Е. Н., 1978; Vandermeersch B., 1981; Trinkaus E., 1983b. P. 262.
14. Замятнин С. Н., 1961a. С. 29—34; 1961b. С. 35—42; Vandermeersch B., 1965a. P. 69—126; Binford S. R., 1968. P. 139—154; Harrold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Смирнов Ю. А., 1979a. С. 164—170; 1985a; Defleur-Tanoux A., 1982.
15. _____
16. Musée de l'Homme, Palais de Chaillot, Paris 16, France.

Ле Мустье

Мустье 1, 2

1. Европа, 45°00' Север, 1°04' Восток. Франция, департамент Дордонь, 37 км к юго-востоку от г. Перигё, коммуна Пейзак, территория селения Ле Мустье, левый берег р. Везер.
2. Грот (Навес?. — Ю. С., так называемый Нижний Грот Ле Мустье). Вход открыт на юг. Перед входом площадка длиной около 11 м. Примерные размеры грота: длина около 6 м, ширина около 10—11 м, высота около 8 м. Меловые известняки.
3. Два погребения. Мустье 1 — 1908: О. Хойзер (Hauser O., 1909. P. 1—10). Мустье 2 — 1914: Д. Пейрони (Peugony D., 1930. P. 48—54, 155—176).
4. Погребение 1 — слой J либо слой H; погребение 2 — из слоя J в слой H. Стратиграфия снизу вверх: Скальное основание. А — песок, окрашенный окислами. В — желтовато-красные флювиальные глины (типичное мустье). С — песок и щебень средних размеров. D — щебень мелких размеров. E — красная глина. F — глинистые отложения (мустье с ашельской традицией). G — серая земля со щебнем всевозможных размеров (мустье с ашельской традицией). H — темно-коричневый слой со следами очагов (мустье с ашельской традицией). I — флювиальный песок (зубчатое мустье). J — коричневый слой (типичное мустье). K —

желтый слой, немного опесчаненный (нижний ориньяк); L — желтоватые известняковые пески. Балласт.

5. Погребение 1 — либо мустье с ашельской традицией (ашель — Hauser O., 1909. П. 1—9), либо типичное мустье (Vandermeersch B., 1965a. P. 70—77; Григорьев Г. П., 1968. С. 93—95). Погребение 2 — типичное мустье (Peugony D., 1930. P. 159).
6. *Equus*, олени, включающие *Rangifer tarandus*, быкообразные (Peugony D., 1930).
7. Вюрм II (слой J); Вюрм I (слой H) (Vandermeersch B., 1965a. P. 70).
- 7_{III}AII. Обожженные кремни: 40 300±2600 ВР — термолюминесцентный анализ (далее — термолюм), образец слоя J; 42 500±2000 ВР и 46 300±2000 ВР — термолюм, образцы слоя H (Valladas H. e. a., 1986. P. 31, 32).
- 7_{III}AIII. Обожженные кремни: 42 600±3200 ВР — термолюм, образец слоя K; 40 900±5000 ВР — термолюм, образцы слоя I; 50 300±±5500 ВР и 55 800 ВР — термолюм, образцы слоя G (Valladas H. e. a., 1986. P. 31, 32).

Мустье 1

8. Мустье 1. Одинокое.
9. 1908, 7 марта. Главный смотритель на раскопе. Окончательная расчистка и извлечение скелета 10 августа.
- 10_{Ia}. Яма? (Klaatsch H., 1909. S. 543).
- 10_{Ib}. Культурный слой? Под головой погребенного скопление кремневых отщепов («подушка»).
- 10_{Ic}. Во входной части, на границе карниза и площадки? В центре? Глубина от внешней поверхности примерно 0,80—1,30 м.
- 10_{Ia}. Мужчина, женщина? (Heim J.-L., 1981—1982. P. 193—218; 451—469).
- 10_{Ib}. 16—18 лет.
- 10_{Ia}. «Классический неандерталец».
- 10_{Ic}. Череп. Нижняя челюсть. Позвонки: шейные, грудные и поясничные. Крестец (?). Ребра. Правая лопатка. Левая ключица. Две плечевые. Две лучевые. Две локтевые. Кости правой кисти. Кости таза. Две бедренные. Большеберцовая. Малоберцовая. Кости стопы. Все кости фрагментированы в той или иной степени (Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 291—294).
- 10_{Ia}. Головой на юг? (Hauser O., 1925. S. 119).
- 10_{Ia}. Вдоль «входа» в грот (?), головой в сторону «выхода», лицом в «пол» на ²/₃.
- 10_{Ia}. Целое.
- 10_{Ia}. 1 — Горизонтальное.
2г — Корпус в положении на животе?
3а — Голова на ²/₃ на лицевой части, на ¹/₃ на правом боку.
3б — Правая рука под головой. Сильно согнута в суставах (угол в локтевом примерно 30°). Правая кисть в состоянии прона-

ции (?) на затылочной части черепа. Кисть слабо флексирована. Левая рука вытянута вдоль корпуса. Кисть у левого тазобедренного сустава?

- 10_{III}. Наличие инвентаря предположительно — погребение в культурном слое. В непосредственной близости с костяком отмечены: особо — скребло и остроконечник у левой кисти, а также два скребка, скребло, нож, два остроконечника, пластина, выемчатое орудие, четыре отбойника, более 70 отщепов и кости животных.
- 10_{IV}. Костище либо под, либо над костяком — след обожженности (?) на правом бедре погребенного, возможно, от костра, соприкасавшегося с останками умершего.
11. Hauser O., 1909. P. 1—9; Klaatsch H., Hauser O., 1909. S. 287—297.
12. _____
13. Klaatsch H., 1909. S. 537—584; Weinert H., 1925; Hrdlička A., 1930. P. 279—303; Bourgon M., 1957. P. 1—141; Бунак В. В., 1959. С. 75—115; MacGregor A. B., 1964. P. 151, 162; Hesse H., Ullrich H., 1966. S. 158—160; Алексеев В. П., 1966. С. 143—181; 1978. С. 38—162; Catalogue. . ., 1971. P. 149, 150; Vandermeersch B., 1981; Heim J.-L., 1981—1982. P. 193—218, 451—469.
14. Virchow G., 1939; Vallois H. V. 1939. P. 776—778; Bordes F., 1959. P. 154—157; Замятин С. Н., 1961а. С. 29—34; 1961б. С. 35—42; Vandermeersch B., 1965а. P. 62—126; Григорьев Г. П., 1968. С. 93—95; Harrold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Defleur-Tanoux A., 1982; Смирнов Ю. А., 1985а.
15. _____
16. Staatliche Museen zu Berlin, Museum für Ur- und Frühgeschichte. Berlin (Мустье 1: череп и нижняя челюсть; посткраниальный скелет разрушен в 1945 г.).

Мустье 2

8. Мустье 2. Одиночное.
9. 1914: Д. Пейрони.
- 10_{Ia}. Яма.
- 10_{Iб}. В форме опрокинутого усеченного конуса. Верхний диаметр 0,50 м, глубина 0,40 м.
- 10_{Iв}. Культурный слой?
- 10_{Iг}. Вблизи погребения Мустье 1, на террасе? Верхний контур могильной ямы на глубине примерно 0,90 м.
- 10_{IIa}. Ребенок.
- 10_{IIб}. Новорожденный (Heim J.-L., 1976а. P. 582).
- 10_{IIг}. Череп. Нижняя челюсть. Посткраниальный скелет (Peugony D., 1930; Catalogue. . ., 1971. P. 150).
- 10_{III}. Наличие инвентаря предположительно — яма заполнена культурным слоем. В связи с погребением отмечены «различные предметы, относящиеся к мустье» (Peugony D., 1930. P. 160).
- 10_{IV}. Яма в форме опрокинутого усеченного конуса. Верхний диаметр 0,70—0,80 м, глубина 0,60 м. Впущена из того же слоя, что и яма с костями ребенка. Находилась на расстоянии 1 м к северо-востоку

от внешнего края ямы, содержащей погребение. Перекрыта тремя подогнанными друг к другу плитами известняка. Заполнена землей слоя, из которого впушена. «Яма заполнена разбитыми костями. . . , на которых было сложено несколько прекрасных мустьерских орудий» (Peugny D., 1930. P. 159). Связь этой ямы с погребением вероятна, поскольку она по форме и размерам сходна с погребальным сооружением.

11. Peugny D., 1930. P. 48—54, 155—176.
12. _____
13. _____
14. Vandermeersch B., 1965a. P. 69—126; Harrold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Defleur-Tanoux A., 1982; Смирнов Ю. А., 1985a.
15. _____
16. Местонахождение неизвестно (скелетные остатки утрачены в 1914 г.?).

Ля Ферраси

Ферраси 1—7

1. Европа. 44°57' Север, 0°56' Восток. Франция, департамент Дордонь, коммуна Савиньяк дю Бюг, 40 км к юго-востоку от г. Перигё, 5 км по прямой к западу от г. Эйзи и 3,5 км от д. дю Бюг.
2. Навес (так называемый Большой навес Ля Ферраси, или «Восточное укрытие»). Открыт на юг—юго-запад. Площадь, занимаемая отложениями, примерно 800 кв. м (40×20 м). Козырек навеса, частично обрушившийся в мустьерское время (осыпь и вымостка в слое C/D), первоначально перекрывал отложения примерно на 5—6 м, таким образом, все погребения, кроме 6, были совершены под навесом. Известняки, 3. Семь погребений (восемь индивидуумов). Ферраси 1 — 1909, Ферраси, 2 — 1910, Ферраси 3, 4а и 4б — 1912/1967⁷, Ферраси 5 — 1920, Ферраси 6 — 1921: Л. Капитан и Д. Пейрони (Capitan L., Peugny D., 1909. P. 797—806; 1911. P. 148—150; 1912c. P. 439—440; 1921a. P. 540—542; 1921b. P. 382—388). Ферраси 4б: Ж.-Л. Хейм (Heim J.-L., 1968. P. 576—578). Ферраси 7 — 1973: А. Дельпорт (Delporte H., 1976. P. 8—11)⁸.
4. Погребения — слой C (точнее C/D) с прокапыванием нижележащих слоев В и А). Стратиграфия снизу вверх: Скальное основание. А — глина со щебнем (мустье с ашельской традицией и зубчатое мустье). В — известняковые пески (стерильны) C/D — светлокоричневые культурные отложения с немногочисленным известняковым щебнем, богаты золой, пеплом и красящими материа-

⁷ Кости второго ребенка были идентифицированы Ж.-Л. Хеймом в процессе изучения антропологической коллекции Ля Ферраси среди костей ребенка, происходящих из погребения 4 (теперь обозначаются как Ферраси 4а и Ферраси 4б, или Ферраси 4 и 4 bis).

⁸ Сведения о погребении Ферраси 7, обнаруженном А. Дельпортом, в Catalogue. . . (1971) отсутствуют.

- лами (шарантское мустье). Е — глина со щебнем (шательперон). F — ориньяк I, G, G_I, G_{II} — осыпи. H, H_I, H_{II} — ориньяк II—IV. I — осыпь. J, K, L — перигордьен V₁₋₃. M, N — осыпи, 1968—1973 гг. — новые раскопки (подрезка и зачистка разрезов) Большого навеса в связи с музеефикацией Ля Ферраси: А. Дельпорт. Предложена более дробная стратиграфическая колонка (обобщенно соотносится с традиционной); разрез сверху вниз: А (осыпь, стерильна), В1—7 (осыпь, современные кострища, верхний перигордьен), С1—4 (осыпи), D1—3, E1 (перигордьен V). E1S—4 (ориньяк IV), F1—4 (ориньяк III—IV), G0—3 (ориньяк II—III?, ориньяк III), H1—2 (ориньяк III?), I1—3 (ориньяк III?), J (ориньяк II, финал), K1—4 (ориньяк II), K5—6 (ориньяк I), L1—3 (ориньяк 0?, шательперон), M1—3 (мустье: M1b — типичное, богатое скреблами; M2e, M2c — шарантское, типа Ферраси; M3 — маленький шурф глубиной 0,50 м: археологический материал отсутствует), скальное основание не достигнуто (Le grand abri... , 1984).
5. Шарантское мустье типа Ферраси, фацция леваллуа (Bourgon M., 1957. P. 1—141; Bordes F., 1981. P. 77—87).
6. *Canis lupus*, *Crocota*, *Felis spelaea*, *Ursus spelaeus*, *Vulpes*, *Equus spp.*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Sus scrofa*, *Cervus elaphus*, *Rangifer tarandus*, быкообразные (Peyrony D., 1934); кроме того, *Coelodonta*, *Vulpes cf. alopex*, *Ursus sp.*, *Bison schoetensacki?*, *Bison sp.*, *Bos primigenius?*, *Bupicarpa rupicarpa*, *Equus caballus*, *E. nidruntinus* (Delpech F., 1984. P. 61—89); флора; *Pinus*, *Betula*, *Graminées*, *Cichoriées*, *Tubuliflores*, *Artemisia Galium*, *Ephedra*, *Urticacées*, *Polygonacées*, *Chenopodiaceées*, *Crucifères*, *Plantago* (Paquereau M.-M., 1984. P. 51—59).
- 7_I. Вероятно, Вюрм I (Vandermeersch B., 1965a. P. 82—88, 121); M3 — либо Вюрм I, либо Вюрм II (Laville H., Tuffreau A., 1984. P. 46). M2a—M2b — Вюрм II (Paquereau M.-M., 1984. P. 51, 52).
- 7_{II}. Губчатое вещество кости ноги (стопы?) погребенного Ферраси 1: F=0,06 %, 100F/P205=0,4, eU308=0, N=1,3 % (Catalogue... 1971. P. 112).
- 7_{III}AIII. 68 000—75 000 BP (соответствует в основном концу 3-й и большей части 4-й кислородно-изотопной стадии (60—75 тыс. лет), по Н. Шеклону). Дата получена на основании стратиграфической и археологической корреляции отложений Ле Мустье, Комб-Греналь, Ля Шпель-о-Сен, Ля Кина и Ля Ферраси, вытекающей из термолюминесцентных датировок отложений Ле Мустье (Melars P., 1986. P. 28, 29). 35 000 BP — GIF-4584 — C₁₄, образец (кость) из горизонта M2e; вероятно контаминация в сторону омоложения. 33 200±570 BP — GrN-5751, 35 000 BP — GIF-4279. 31 250 BP — GIF-4279 — C₁₄, образцы (кость) из горизонтов K6 и K5 (Delibrias G., 1984. P. 107).

Ферраси 1

8. Ферраси 1. Одиночное.

9. 1909, 19 сентября: Д. Пейрони и Раво.

№_{1а}. Яма?

№_{1г}. Культурный слой. Над костяком — три плоских камня: 1-й — над черепом, 2-й — снаружи от левого предплечья, 3-й — между правым локтем, правым бедром и торсом.

№_{1г}. В 2 м от задней стенки навеса, у его западного края. Под углом к «входу», восток—запад? Глубина примерно 3 м от внешней поверхности.

№_{11а}. Мужчина.

№_{11б}. Примерно 45 лет.

№_{11в}. «Классический неандерталец».

№_{11г}. Череп (н). Нижняя челюсть (н). Позвонки (н, ф, фф): 1—7-й шейные, 1—11-й грудные, 1—5-й — поясничные. Крестец (фф). Ребра (ф, фф) — 44 фрагмента; идентифицированы: 2—11-е правые, 5—7-е левые. Две лопатки (фф). Ключицы: правая (ф), левая (н). Две плечевые (ф). Две лучевые (ф). Две локтевые (н). Запястье: ладьевидная, трехгранная левые (ф), правая (н) и левая (ф) кость-трапеция, левая трапециевидная (н), головчатая, крючковидная правые (ф). Пясть (н, ф, фф): I—V — правые, I—V — левые. Фаланги (н, ф): проксимальные — I, IV, V правые, I—V левые; медиальные — III или IV правая, III—V левые; дистальные — I правая, I—V левые. Одна левая сесамовидная. Две безымянные (ф, фф). Две бедренные (ф). Две большеберцовые (ф). Малоберцовые правая (фф), левая (ф): Предплюсна: две таранные (н), правая (фф) и левая (ф) пяточные, левая ладьевидная (ф), две медиальные клиновидные (н), промежуточная клиновидная, латеральная клиновидная, кубовидная (ф) левые. Плюсна (н, ф, фф): I—V правые, I—V левые. Фаланги (н, ф, фф): проксимальные — I, II, IV правые (фф), II—IV левые; медиальные — III(?) правая, II, IV левые; дистальные — II(?) левая. Одна сесамовидная (Heim J.-L., 1976b. P. 32—34).

№_{11д}. Сильное стирание зубов, вплоть до открытия пульпарной полости. Инфекция, переносимая нервными окончаниями, — возможная причина смерти (Heim J.-L., 1976b. P. 277—279). Крупная перфорация локтевых отростков на правой и левой локтевых костях. Следы периостита с небольшим остеоитом (как бывает при сифилисе) на нижней части одной бедренной и большеберцовой костях (Hrdlička A., 1930. P. 271—273). Деформация левой крестцово-тазовой поверхности — хроническая артропатия. Вертельная ямка большого вертела правого бедра заполнена неправильным костным блоком — окостенение возможно, посттравматическое) дистального конца сухожилия внешнего запирателя. Верхний правый лучево-локтевой сустав (Очевидно, район лучевой вырезки. — Ю. С.) деформирован — последствия остеофитоза, повлекшие за собой снижение способности к пронации (Т. е. к поворачиванию кисти. — Ю. С.). Возможно, эта

аномалия имеет травматическое происхождение (Dastugue J., Lumley M.-A., 1976. P. 615, 616).

- 10_{IIa}. Головой на запад, азимут примерно 286°.
- 10_{IIa}. Под углом к «выходу», головой к западному углу навеса (к голове погребенного Ферраси 2), лицом к задней стенке.
- 10_{IIa}. 16 — Горизонтальное скорченное.
2а — Корпус в положении на спине.
3а — Череп на левом боку.
3б — Правая рука сильно (примерно 35°) согнута в локте; кисть в состоянии супинации (?), у правого плеча. Левая вытянута: кисть, по-видимому, в состоянии пронации, у левого тазобедренного сустава.
3в — Положение костей правой ноги точно не установлено: согнуты и повернуты вправо. Левая нога сильно (примерно 50°) согнута в коленном суставе и в средней степени (примерно 110°) — в тазобедренном. Ноги справа от корпуса.
- 10_{III}. Остроконечники, скребла, ножи, диски, нуклеусы (число неизвестно). Гальки (ударники). Костяная проколка (?). Кость с регулярными нарезками (отжимник?). Отщепы (некоторые утилизированы). Масса костей; почти все кости несут следы утилизации (регушеры) и/или декарнизации (большая часть костей находилась на корпусе погребенного). Связь перечисленных предметов с погребенным проблематична — могильная яма заполнена культурным слоем. Охристая подсыпка (?) на дне могильной ямы.
- 10_{IV}. Кострище на дне могильной ямы.
11. Capitan L., Peyrony D., 1909. P. 797—806.

Ферраси 2

8. Ферраси 2. Одиночное.
9. 1910, сентябрь.
- 10_{Ia}. Яма?
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Ia}. В 1,5 м от задней стенки навеса, у его западного края. Глубина примерно 2,90 м от внешней поверхности. В 0,5 м к СЗ от Ферраси 1.
- 10_{IIa}. Женщина.
- 10_{IIb}. 25—30 лет.
- 10_{IIb}. «Классический неандерталец»?
- 10_{IIa}. Череп (фф) — черепной свод, один небольшой фрагмент; правая височная кость; правая часть верхней челюсти с шестью зубами. Два нижних зуба. Позвонки (фф) — 11: идентифицированы: 2-й (?). 5—7-й шейные, 10-й(?), 12-й(?) грудные, 1—5-й поясничные. Крестец (фф). Ребра (ф, фф) — 19: идентифицированы: 3—11-е правые и левые, 12-е(?) левое. Лопатки: правая (ф), левая (фф). Плечевые: правая (ф), левая (фф). Правая лучевая (н). Правая локтевая (ф). Запястье: правая и левая ладьевидные, левая гороховидная. правая кость-трапеция, правая и левая трапециевидные, головчатая.

крючковидная правые. Пясть (н, ф): I—V правые, I, III—V левые. Фаланги (н, ф): проксимальные — I—V правые, II—V левые; медиальные — II—V правые, III—V левые, дистальные — I правая, III или IV левая. Две подвздошные (фф). Две седалищные (фф). Лобковая? Две бедренные (ф). Большеберцовые: правая (н), левая (ф). Малоберцовые: правая (фф), левая (н). Два надколенника (н). Все кости правой и левой предплюсны (н, ф, фф). Все кости правой и левой плюсны (н, ф, фф). Фаланги (н): проксимальные — I—V правые, I левая; медиальные — I—IV правые (Heim J.-L., 1976b. P. 34—36).

- 10_{IIa}. Крупная перфорация локтевых отростков на правой и левой локтевых костях (Hrdlička A., 1930. P. 272). Частичная сакрализация 5-го поясничного позвонка. Сильно выраженное вертикальное смещение бедренных мышцелок указывает на то, что эта женщина страдала двусторонним отведением колена (Вывернутые наружу колени. — Ю. С.). Сильное искривление диафиза правой малоберцовой кости, сопровождавшееся вздутием сосудов в районе метафиза, — возможно, следствие остеомиелита в детстве (Dastugue J., Lumley M.-A., 1976. P. 616).
- 10_{IIb}. Головой на восток, азимут примерно 111°.
- 10_{IIa}. Под углом к «выходу», головой к центру (?) поселения (к голове погребенного Ферраси 1), лицом к задней стенке.
- 10_{IIk}. Целое.
- 10_{IIa}. 16 — Горизонтальное скорченное.
 26 — Корпус на правом боку.
 3а — Череп на правом боку.
 3б — Руки сильно согнуты в суставах, правый локоть опирался на бедро, левая кисть в состоянии пронации (?) находилась на колене.
 3в — Ноги сильно согнуты в суставах (правая в коленном суставе примерно 30°, левая — 20°), лежат справа от корпуса. Вероятно, были притянуты к нему так, что колени находились на уровне груди. Кости левой ноги частично опираются на кости правой в области коленного сустава, частично лежат в углу, образованном правым бедром и правой голенью. Положение стоп противоречит положению голеней: голени лежат латерально, стопы — фронтально. Стопы приближены к тазу.
- 10_{III}. Три скребла. Нож. Три резца. Три проколки. Четыре зубчатых орудия. Четыре нуклеуса. Костяной ретушер. Примерно 50 отщепов. Кости животных. Связь перечисленных предметов с погребенным проблематична — могильная яма заполнена культурным слоем.
- 10_{IV}. Кострище на дне могильной ямы.
 11. Caritan L., Peyrony D., 1911. P. 148—150.

Ферраси 3

8. Ферраси 3. Одиночное.
 9. 1912, 8 августа.
 10_{Ia}. Яма.

- 10_{1б}. В форме полусферы. Диаметр 0,70 м, глубина от 0,30 до 0,40 м.
- 10_{1в}. Культурный слой и пещерные отложения. Яма заполнена наполовину подстилающим гравием, наполовину — очажным (зола) слоем.
- 10_{1г}. Примерно в 3 м от задней стенки навеса. В западной части поселения. Приблизительно в 4 м к востоку от погребения Ферраси 1.
- 10_{1а}. Ребенок.
- 10_{1б}. Примерно 10 лет.
- 10_{1в}. «Классический неандерталец».
- 10_{1г}. Череп без нижней челюсти (фф). Лучевые: правая (ф), левая (фф). Локтевые: правая (ф), левая (фф). Запястье: левые головчатая и крючковидная. Пясть: одна правая (фф), I—V левые (н, ф, фф). Фаланги и пальцы (Ядра окостенения? — Ю. С.) — все левые. Предплюсна: правая таранная Ферраси 2? (Heim J.-L., 1976b, P. 36).
- 10_{1к}. Целое? (Плохая сохранность. Возможен постэксгумационный отбор костей в коллекцию.)
- 10_{1л}. Остроконечники. Скребла. Отщеп. Проколка. Связь данных предметов с погребенным вероятно — вещи не были обожжены, хотя и находились в зольной части заполнения могильной ямы. Охристая подсыпка (?) на дне могильной ямы.
- 10_{1в}. 1) Яма без находок рядом с погребениями Ферраси 3, 4а, б.
2) Три ямы, содержавшие многочисленные расколотые кости, в основном быкообразных, большое число отжимников или ретушеров, остроконечники, скребла, диски и т. п., и находившиеся примерно в 3—4 м к югу от погребений Ферраси 3, 4а, б. Связь этих ям с погребениями проблематична.
11. Capital L., Peugony D., 1912c. P. 439—442.

Ферраси 4а

8. Ферраси 4а. Двойное (Ферраси 4а+Ферраси 4б).
9. 1912, 8 августа.
- 10_{1а}. Яма.
- 10_{1б}. В форме полусферы. Диаметр 0,70 м, глубина от 0,30 до 0,40 м.
- 10_{1в}. Культурный слой и пещерные отложения. Яма заполнена наполовину подстилающим гравием, наполовину — очажным (зола) слоем.
- 10_{1г}. Примерно в 3,40 м от задней стенки навеса. В западной части поселения. Приблизительно в 4 м к востоку от погребения Ферраси 1 и в 0,40 м к югу от погребения Ферраси 3.
- 10_{1а}. Ребенок (доношенный зародыш).
- 10_{1б}. 8 месяцев.
- 10_{1в}. «Классический неандерталец?»
- 10_{1г}. Правая плечевая (н). Правая бедренная (н) (Heim J.-L., 1976b, P. 36, 37).
- 10_{1к}. Расчлененное?
- 10_{1л}. Остроконечники и скребла. Связь данных предметов с погребением вероятно — вещи не были обожжены, хотя и находились в зольной части заполнения могильной ямы. Охристая подсыпка (?) на дне могильной ямы.

- 10_{IV}. 1) Яма без находок рядом с погребениями Ферраси 3, 4а, б.
 2) Три ямы, содержавшие многочисленные расколотые кости, в основном быкообразных, большое число отжимников или ретушеров, остроконечники, скребла, диски и т. п., и находившиеся примерно в 3—4 м к югу от погребений Ферраси 3, 4а, б. Связь этих ям с погребениями проблематична.
11. Capitan L., Peyrony D., 1912с. Р. 439—442; Heim J.-L., 1968. Р. 576—578.

Ферраси 4б

8. Ферраси 4б. Двойное (Ферраси 4б + Ферраси 4а).
 9. 1912, 8 августа.
- 10_{IVa}. Яма.
 10_{IVб}. В форме полусферы. Диаметр 0,70 м, глубина от 0,30 до 0,40 м.
 10_{IVв}. Культурный слой и пещерные отложения. Яма заполнена наполовину подстилающим гравием, наполовину — очажным (зола) слоем.
 10_{IVг}. Примерно в 3,40 м от задней стенки навеса. В западной части поселения. Приблизительно в 4 м к востоку от погребения Ферраси 1 и в 0,40 м к югу от погребения Ферраси 3.
- 10_{IVa}. Ребенок (новорожденный).
 10_{IVб}. 15 дней.
 10_{IVв}. «Классический неандерталец»?
 10_{IVг}. Череп (фф). Два левых нижних моляра. Семь позвонков (ф). Ребра: 10 правых, 11 левых. Правая лопатка (ф). Левая ключица (ф). Плечевые: правая (фф), левая (н). Правая лучевая (н). Правая локтевая (ф). Две подвздошные (ф). Бедренные: правая (фф), левая (ф). Две большеберцовые (фф). Две малоберцовые (фф) (Heim J.-L., 1976b. Р. 36, 37).
- 10_{IVa}. Целое.
 10_{IVб}. Остроконечники и скребла. Связь данных предметов с погребением вероятна — вещи не были обожжены, хотя и находились в зольной части заполнения могильной ямы. Охристая подсыпка (?) на дне могильной ямы.
- 10_{IVг}. 1) Яма без находок рядом с погребениями Ферраси 3, 4а, б. 2) Три ямы, содержавшие многочисленные расколотые кости, в основном быкообразных, большое число отжимников или ретушеров, остроконечники, скребла, диски и т. п., и находившиеся примерно в 3—4 м к югу от погребений Ферраси 3, 4а, б. Связь этих ям с погребениями проблематична.
11. Capitan L., Peyrony D. 1912с. Р. 439—442; Heim J.-L., 1968. Р. 576—578.

Ферраси 5

8. Ферраси 5. Одиночное.
 9. 1920, 26 апреля; Д. Пейрони. Окончательная расчистка 24 мая.
- 10_{IVa}. Яма под центром насыпи, полностью ее перекрывавшей.
 10_{IVб}. Яма продолговатой формы. Длина 0,40 м, ширина 0,32 м, прослежен-

- ная глубина 0,05 м. Насыпь полусферической формы. Примерные размеры: диаметр основания 1,30 м, высота 0,60 м.
- 10_{1а}. Культурный слой и пещерные отложения. Придонная часть ямы заполнена глиной. Насыпь из отложений мустьерского уровня.
- 10_{1г}. Примерно в 2 м от задней стенки навеса, в средней (?) части поселения. Приблизительно в 8 м к востоку от погребения Ферраси 1, в 3 м к востоку от погребений Ферраси 3, 4а, б и примерно в 0,60 м к югу от погребения Ферраси 7. Длинной осью яма ориентирована по линии восток—запад, поперек «входа».
- 10_{1а}. Ребенок.
- 10_{1б}. 7—8 месяцев.
- 10_{1в}. «Классический неандерталец»?
- 10_{1г}. Череп (фф) без нижней челюсти? Позвонки (фф). Правая плечевая? (фф). Левая плечевая (фф). Левая локтевая (фф). Бедренные: правая (фф), левая (н). Правая большеберцовая? (фф). Левая большеберцовая (фф). Пяточная? (фф) (Heim J.-L., 1976b. P. 38). Две фаланги (Peugony D., 1934. P. 31).
- 10_{1к}. Целое? (Сохранились только кости, находившиеся в глине основания могильной ямы. Часть костей, залегавшая в культурном слое, заполнявшем яму, истлела полностью или сохранилась в виде отпечатков костного тлена).
- 10_{1и}. Остроконечник и два скребла (Судя по рисунку, три скребла. — Ю. С.) в придонной части ямы на (над?) человеческих остатках. Лежали горизонтально на одном уровне, ориентированы вдоль длинной оси могильной ямы.
- 10_{1в}. Восемь небольших насыпей (диаметр основания ~1,30 м, высота ~0,60 м), сходных по форме с насыпью, перекрывавшей могильную яму погребения Ферраси 5, и созданных из отложений мустьерского уровня; сгруппированы по три, располагались по линии север—северо-восток—юг—юго-запад, одна возле другой. Под самой северной и находилось погребение 5. Площадь, занимаемая насыпями, примерно 18 кв м (6×3 м).
11. Capitan L., Peugony D., 1921a. P. 540—542.

Ферраси 6

8. Ферраси 6. Одиночное.
9. 1921, весна; полная расчистка и извлечение скелета 1 июня.
- 10_{1а}. Яма.
- 10_{1б}. Трапецевидной формы. Длина 1,45 м, наибольшая ширина 1,20 м, наименьшая — 0,40 м; дно наклонное с юга на север, глубина от 0 до 0,35 м.
- 10_{1в}. Культурный слой. Вся яма заполнена культурным слоем. Придонная часть ямы углублена в песчаный (стерильный) грунт подстилающего слоя. Могильная яма частично перекрыта плитой с чашевидными углублениями.
- 10_{1г}. Примерно в 8 м от задней стенки навеса, в средней (?) части поселения. Приблизительно в 12 м к юго-востоку от погребения Ферраси 1 и в 5 м от погребения Ферраси 5. «Вершиной» могильная яма ориен-

тирована на север, т. е. в сторону задней стенки навеса, под углом к «входу».

10_{IIa}. Ребенок.

10_{IIб}. Примерно 3 года.

10_{IIв}. «Классический неандерталец»?

10_{IIг}. Череп (фф) без лицевой части и нижней челюсти (Peugony D., 1934. P. 35). Позвонки (н, ф, фф): шейные — 2-й, 5-й, 6-й, 7-й; грудные — 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 11-й, 12-й; поясничные — 1-й, 2-й или 3-й? → 4-й, 5-й. Крестец (фф). Ребра (н, ф): 1-е, 2-е, 4—9-е левые; 10—12-е правые + неопределенные фрагменты. Плечевые: правая (фф), левая (ф). Лучевые: правая (ф), левая (фф). Локтевые: правая (ф), левая (н). Пясть (н, фф): I—V. Фаланги? (фф). Подвздошная, седалищная, лобковая правые (н). Подвздошная (ф), седалищная (ф), лобковая (фф) левые. Две бедренные (н). Большеберцовые: правая (н), левая (фф). Правая малоберцовая (н). Предплюсна: таранная, пяточная правые (н), пяточная (фф) левая (Heim J.-L., 1976b. P. 38, 39).

10_{IIд}. Череп лишен лицевых костей. Искусственное нарушение до захоронения?

10_{IIе}. У короткой (северной) стенки ямы, частично в небольшом подбое в ее стенке.

10_{IIж}. Поперек длинной оси ямы.

10_{IIз}. Головой на восток.

10_{IIи}. Под углом к «входу», лицом к задней стенке?

10_{IIк}. Расчлененное. Отделение головы с удалением лицевой части (?) и выделением нижней челюсти (лицевая часть и нижняя челюсть в погребении отсутствовали). Черепной свод находился в 1,25 м к югу от остального скелета, выше по наклонному дну, на другом конце ямы, под углом плиты с чашевидными углублениями.

10_{IIл}. 16 — Горизонтальное скорченное.

26 — Корпус на правом (?) боку.

36 — Руки согнуты.

3в — Ноги согнуты.

10_{III}. Остроконечник и два скребла на человеческих костях, у отвесного северного края ямы. Охристая подсыпка на дне могильной ямы?

10_{IV}. Пять неглубоких ям нерегулярной формы, содержавшие мустьерские культурные остатки и как бы полукольцом (с севера, востока и юга) окружавшие могильную яму Ферраси 6, на расстоянии от 0,50 до 2 м. Связь этих ям с погребением проблематична.

11. Caritan L., Peugony D., 1921b. P. 382—388.

Ферраси 1—6

12. Peugony D. 1934. P. 1—92; Heim J.-L., 1976; 1982; Le grand abri. . . , 1984.

13. Boule M., 1911—1913. P. 109—172, 105—192; Hrdlička A., 1930. P. 267—275; Piveteau J., 1957; Бунак В. В., 1959. С. 75—115; 1980. С. 38—67; Алексеев В. П., 1966. С. 143—181; 1978. С. 38—162; Catalogue. . . , 1971. P. 111, 112; Heim J.-L., 1976b; 1982; 1984; Хрисан-

- фова Е. Н., 1978; Vandermeersch В., 1981.
14. Замятнин С. Н., 1961а. С. 29—34; 1961б. С. 35—42; Vandermeersch В., 1965а. Р. 69—126; Binford S. R., 1968. Р. 139—154; Harrold F. В., 1974; 1980. Р. 195—211; Defleur-Tanoux А., 1982; Смирнов Ю. А., 1985а.
15. _____
16. Musée de l'Homme, Palais de Chaillot. Paris 16, France.

Ферраси 7⁹

8. Ферраси 7. Одиночное.
9. 1973, 23—30 августа. 10 зубов обнаружены в 1970 г. в ходе просеивания грунта.
- 10_{1а}. 6. Погребение разрушено солифлюкцией. Остатки сосредоточены на площади 0,80 (по линии запад—восток) × 0,35 (по линии север—юг) м.
- 10_{1а}. Культурный слой?
- 10_{1а}. Примерно в 1 м от задней стенки навеса, в средней (?) части поселения. Приблизительно в 9 м к востоку от погребения Ферраси 1 и в 0,60 м к северу от погребения Ферраси 5.
- 10_{11а}. Ребенок.
- 10_{11б}. 23 месяца.
- 10_{11в}. «Классический неандерталец»?
- 10_{11в}. Череп (фф). Нижняя челюсть (фф). 25 позвонков (фф). Крестец (фф). 25 ребер (фф). Одна фаланга кисти. Две подвздошные (н). Седалищная (н), лобковая (ф) левые. Одна фаланга стопы (Heim J.-L., 1976b. Р. 39, 40; 1984. Fig. 14).
- 10_{11в}. Возможно, головой на восток, азимут приблизительно 99°?
- 10_{11в}. Под небольшим углом к «входу»?
- 10_{11в}. Несколько кремневых отщепов и многочисленные обломки костей животных (некоторые носят следы декарнизации) перемешаны с костями ребенка. В нижележащем уровне — значительное число скребел. Связь перечисленных предметов с погребением проблематична — погребение совершенно в культурном слое и позднее разрушено солифлюкцией.
- 10_{11в}. _____
11. Delporte Н., 1976. Р. 8—11.
12. Le grand abri. . . , 1984.
13. Heim J.-L., 1976а. Р. 580—583; 1976b; 1982; 1984.
14. Смирнов Ю. А., 1979б. С. 286—294; 1985а; Defleur-Tanoux А., 1982.
15. _____
16. Musée de l'Homme, Palais de Chaillot. Paris 16?, France.

⁹ По нумерации Ж.-Л. Хейма данные скелетные остатки значатся как Ферраси 8.

Ля Кина

Кина 5

1. Европа. 45°30' Север, 0°19' Восток. Франция, департамент Шаранта, коммуна Гар, 25 км к югу от г. Ангулем, левый берег р. Вультрон (приток р. Лизона), окрестности Виллебуа-Лявалетт.
2. Навес (так называемое Скальное убежище верховья). Открыт на северо-запад. У подножия ступенчатой скалистой гряды. Туронские известняки.
3. Одно погребение. Кина 5 — 1911: А. Мартен (Martin H., 1911a. P. 728—730).
4. Погребение — слой 3. Стратиграфия сверху вниз (траншея С): 1 — песок с обломками известняка в контакте с осыпью (верхнее мустье). 2 — черноватая глина (развитое (верхнее) мустье). 3 — зеленоватый глинисто-песчаный слой (среднее мустье). 4 — глинисто-песчаный слой, сильно окрашенный окислами железа и местами — марганца (нижнее мустье). 5 — щебень, мелкие фрагменты известняка, хорошо окатанные (нижнее мустье)¹⁰. 7 — гумус наносной под осыпью, очаги (мустье). 10 — осыпь. 11 — черный слой с крупными обломками известняка, стерлен. 12 — красный слой с крупными обломками известняка, окрашен окислами железа, стерлен. 13 — скальное основание (Martin H., 1911b. P. 625; Catalogue. . ., 1971. P. 161, 162).
5. Шарантское мустье типа Кина (Vandermeersch B., 1965a. P. 98, 99).
6. *Vulpes vulpes*, *Canis lupus*, *Hyaena*, *Ursus spelaeus*, *Equus*, *Rangifer tarandus*, *Bison priscus*, *Bos primigenius*, *Cervus*, *Elephas primigenius* (Bouchud J., 1966).
7. Вторая половина Вюрма (Vandermeersch B., 1965a. P. 97, 98); Вюрм I—II (Bouchud J., 1966); Вюрм II (Defleur-Tanoux A., 1982. P. 35).
7_{III} АIII. 35 250 ± 530 ВР — GrN-2626 — C₁₄, образец слоя 1. 64 000—68 000 ВР (соответствует в основном концу 3-й и большей части 4-й кислородно-изотопной стадии (60—75 тыс. лет), по Н. Шекл-тону). Дата получена на основе стратиграфической и археологической корреляции отложений Ле Мустье, Комб-Греналь, Ля-Шапель-о-Сен, Ля Кина и Ля Ферраси, вытекающей из термолюминесцентных датировок отложений Ле Мустье (Mellars P., 1986. P. 28, 29).
8. Кина 5. Одиночное.
9. 1911, 18 сентября: А. Мартен. Обнаружено вечером; выемка монолита со скелетом в ночь с 18 на 19 сентября; расчистка в лабораторных условиях.
- 10₁₆. Поверхность, на которой располагался скелет, горизонтальна.
- 10_{1a}. Культурный слой?
- 10_{1r}. На площадке, перед навесом? Глубина примерно 2,30 м от внешней поверхности.
- 10_{11a}. Женщина. Мужчина? (Hrdlička A., 1930. P. 297).
- 10_{11b}. 30—35 лет.

¹⁰ Подразделы 6, 8 и 9 опущены А. Мартеном.

- 10_{IIк}. «Классический неандерталец».
- 10_{IIг}. Череп. Нижняя челюсть. Позвонки: 1—6-й шейные. Две лопатки (фф). Две ключицы (фф). Две плечевые (фф). Левая¹¹ локтевая (фф). Две бедренные (фф) (Martin H., 1912b. P. 701—704; Catalogue. . ., 1971. P. 162; Vandermeersch B., 1976b. P. 584, 585).
- 10_{IIд}. «Плечевые кости довольно дефективные. Две эти кости настолько разные, что их можно принять за кости разных индивидуумов. Возможно, эти различия объясняются какой-то патологией левой руки. Диафиз правой (Плечевой кости. — Ю. С.) несколько сплюснен. Около питательного отверстия имеется экзостоза, возможно, травматического происхождения» (Hrdlička A., 1930. P. 295, 296).
- 10_{IIа}. Головой на северо-восток?
- 10_{IIк}. Поперек (?) «входа», головой вверх по течению, лицом к долине ручья.
- 10_{IIк}. Расчлененное (экскарнированное?) — отсутствие ног по колено; полное (?) отсутствие грудных и поясничных позвонков (при наличии шейных), полное (?) отсутствие ребер и костей таза (при наличии лопаток и ключиц).
- 10_{IIа}. 1а — Горизонтальное вытянутое?
 2б — Корпус на правом боку?
 3а — Череп на правой боку.
 3б — Правая плечевая вытянута вдоль корпуса? Левая рука сильно согнута в локте. Левая кисть у (на?) нижней челюсти.
 3в — Бедренные кости вытянуты.
- 10_{III}. Несколько осколков длинных костей животных со следами утилизации, большие скребла, крупные остроконечники с утолщенным основанием и сфероид из кремнистого известняка, покрытый насечками (точками?), — выше и вокруг скелета. Связь данных предметов с погребением проблематична — погребение совершено в культурном слое. Охристая подсыпка (?) в районе черепа и за ним (далее от скелета) на протяжении примерно 1 м.
- 10_{IV}.
 11. Martin H., 1911a. P. 728—730; 1911b. P. 615—626. Pl. I—III.
 12. _____
 13. Martin H., 1912a. P. 389—424; 1912b. P. 700—709; 1913. P. 538, 539; 1923; Morant G., 1927; Hrdlička A., 1930. P. 279, 282—297; Piveteau J., 1957; Бувак В. В., 1959. С. 75—115; Алексеев В. П., 1966. С. 143—181; 1978. С. 38—162; Catalogue. . ., 1971. P. 161—163; Кочеткова В. И., 1973. С. 203—209; Хрисанфова Е. Н., 1978; Vandermeersch B., 1981.
 14. Defleur-Tapoux A., 1982; Смирнов Ю. А., 1985а.
 15. _____
 16. Musée de l'Homme. Palais de Chaillot, Paris 16, France.

¹¹ Согласно А. Хрдличке, правая (Hrdlička A., 1930. P. 295—297).

Регурду

Регурду 1

1. Европа. 45°03' Север, 1°11' Восток. Франция, департамент Дордонь, коммуна Монтиньяк-сюр-Везер, 50 км к востоку от г. Перигё, левый берег р. Везер, северо-западная окраина маленького плато, 500 м от пещеры холма Ляско.
 2. Грот Регурду (в мустьерское время — «погребенный грот» с двумя выходами в виде труб («каминов») вверх на плато). Верхнемеловые известняки. Ракушечник потолка грота подстилается более мергелистым ракушечником, в котором образовалась полость.
 3. Одно погребение. Регурду 1 — 1957: Р. Констан (Bonifay E., 1962. P. 136).
 4. Погребение — слой 4. Стратиграфия сверху вниз: S — красный песок (верхний палеолит). 1 — блоки и крупный щебень (обвал кровли). 2 — блоки и крупный щебень, в глубине грота переходящие в мелкий щебень и илстые отложения (мустье). 3 — красные пески, частично аллювиальные; преднамеренные сооружения (мустье). 4 — серые и черноватые пески с золой и углем, обожженный щебень, фрагменты кальцинированных костей; преднамеренные сооружения (мустье). 5 — красноватые пески с включениями золы, древесных углей и кальцинированных костей; преднамеренные сооружения (мустье). 6 — зеленоватый песок. 7 — красные пески, смешанные с желтыми; преднамеренные сооружения (мустье). 8 — красные слоистые пески, стерильны? R — скальные плиты, упавшие с потолка грота.
 5. Шарантское мустье типа Кина (Bonifay E., 1964. P. 49—62).
 6. *Ertaceus europaeus*, *Talpa europaea*, *Sorex araneus*, *Crocidura russula*, *Rhinolophus ferrum equinum*, *Myotis bechsteini*, *Microtus arvalis agrestis*, *M. nivalis*, *M. ratticeps*, *Clethrionomys glareolus*, *Lagurus lagurus*, *Pitymys*, *Arvicola*, *Apodemus sylvaticus*, *Ursus arctos*, олени, (Simard S., 1966).
 7. Вюрм I (Bonifay E., 1964. P. 49—62).
- 7_{III} AII. 45 500 ± 1800 BP — CгN-4308 — C₁₄, образец слоя 4.
8. Регурду 1. Одиночное.
 9. 1957, 22 сентября: Р. Констан с сыновьями. Э. Бонифе и Ж. Лаплас в 1961—1962 гг. (Р. Констаном сняты череп (?)¹² и нижняя челюсть¹³. Посткраниальный скелет вскрыт Э. Бонифе в 1961 г.; им же раскопан и весь памятник).
 - 10_{1а}. Грунтовая яма в сочетании с насыпью (кладкой) из камней.
 - 10_{1б}. Конфигурация сложная: сочетание естественных и искусственных, прямо- и криволинейных элементов. В плане — полусегментовидная форма. Длина южной стенки примерно 3 м, западной — примерно 1,5 м; северо-восточная часть выгнута. Южная и западная стенки относительно вертикальны; северо-восточная — дуго-

¹² Судьба черепа, если, конечно, таковой находился в погребении, неясна.

¹³ Р. Констан — владелец земельного участка, на котором расположен грот Регурду.

образна. Яма углублена в песок. Южная стенка является внешней стороной. «стены Север» дополнительной структуры — преднамеренное сооружение 4С (по Э. Бонифе), западная — естественной стеной грота. Глубина ямы около 0,50 м. По дну выложена плоскими камнями. Насыпь: плиты, булыжники, песок и зола. Высота более 0,50 м. Большая часть камней собрана за пределами грота.

- 10_{1г}. В тылу грота, вплотную к его западной стенке, дугообразной стороной к «выходу» из грота, запад—восток? Погребение — участок FG1—3.
- 10_{11а}. Мужчина. Женщина? (Heim J.-L., 1981—1982. P. 193—218, 451—469).
- 10_{11б}. Примерно 20 лет.
- 10_{11в}. «Классический неандерталец».
- 10_{11г}. Нижняя челюсть (н). Позвонки: 2—6-й шейные, 1-й, 4-й грудные (ф), два поясничных. Крестец (ф). Грудина (н). Две ключицы. Две плечевые (н, ф). Ребра (фф). Кости кисти. Кости таза. Кости стопы (Piveteau J., 1963. P. 8; Vallois H. V., 1965. P. 273). Две лучевые (ф, н). Две локтевые. Надколенник (Catalogue..., 1971. P. 165).
- 10_{11е}. В центре сооружения?
- 10_{11ж}. По диагонали к длинной оси?
- 10_{11з}. Головой на запад?
- 10_{11и}. Поперек «входа», по правому флангу. Головой к боковой стенке. Лицом к входной части.
- 10_{11к}. Расчлененное (?) — отсутствуют череп и атлант. Целое (?) — постэксгумационный отбор.
- 10_{11л}. 1б — Горизонтальное скорченное.
2в — Корпус на левом боку.
3б — Нижняя челюсть на левом боку.
3б — Руки сильно согнуты в локтевых суставах. Кисти у нижней челюсти?
3в — Ноги сильно согнуты в тазобедренных и коленных суставах. (Все сведения данного подраздела — устное сообщение Э. Бонифе).
- 10_{11н}. Две большеберцовые (?) кости бурого медведя — на одном уровне с погребенным возле его стоп. Кости медведя и кремни (скребло типа Кина, нуклеус и два отщепы) — на плите, частично перекрывавшей корпус погребенного. Рог оленя — в верхней трети насыпи — устное сообщение Э. Бонифе.
- 10_{1в}. 1. Кострище на вершине насыпи. 2. Сооружения: 1. Конструкция из камней («скопление камней 4D»), имела удлиненную форму (длина более 4 м) и служила бордюром для других структур. Содержала многочисленные костные остатки медведя. 2. Каменный ящик («яма 4С»), устроенный между двух обвалившихся глыб с прокопом между ними. Дополнен с трех сторон стенками из насухо положенных камней, с четвертой — большой плоской плитой. К «стене Север» этого ящика, имевшей длину около 3 м и высоту 0,70 м, примыкало описанное погребение Регурду 1. Ящик прямоугольных очертаний длиной 1,50 м и шириной около 0,60. Поперечное сечение трапеце-

видное. В ящике — полный, но расчлененный скелет одного медведя и различные части других медведей; камень, «снабженный» отверстиями и, возможно, подправленный, Скелет медведя — по центральной оси ящика, две скрещенные лопатки — у южной стенки и череп — у северной. С обеих сторон (от корпуса?) — длинные кости. Ящик перекрыт плитой размерами 2,20×2 м и весом более 800 кг. 3. Конструкция из камней («скопление камней 4В») — скорее опалубка, тщательно сооруженная, с настилом из камней в основании, тремя сторонами из рядов булыжника (иногда установленных вертикально вдоль стены) и четвертой — из вертикально поставленной плиты. Ее внутренние размеры: длина около 1 м и ширина немногим меньше 1 м. Содержала многочисленные кости медведей (пять или шесть особей) со следами расчленения. Перекрыты настилом из камней. Сверху — черепа двух медведей и одного оленя. 4. Конструкция из камней («скопление камней 4В¹») — настил из булыжников, перекрывавший кости одного медведя. Помимо остатков медведя (все кости принадлежат бурому медведю — *Ursus arctos*), в перечисленных конструкциях найдены рога и стержни рогов оленя и косули, кости ноги быка и клыки кабанов. Последовательность возведения дополнительных структур: «скопление 4D», «яма (ящик) 4С», «скопление 4В». Возможно, что «скопление 4В» сооружено уже после создания человеческого погребения — 4А.

11. Riveteau J., 1959. P. 40—44; Bonifay E., 1962. P. 136—140. Tabl. XXII; XXIII; 1964. P. 49—64; Bonifay E., Vandermeersch B., 1962. P. 1635, 1636.
12. _____
13. Riveteau J., 1963. P. 285—305; 1964. P. 155—194; 1966. P. 163—194; Vallois H. V., 1965. P. 273—289; Алексеев В. П., 1966. С. 143—181; Catalogue. . . , 1971. P. 164, 165; Heim J.-L., 1976a. P. 578—583; 1981—1982; Vandermeersch B., 1981.
14. Vandermeersch B., 1965a. P. 69—126; 1976a. P. 725—727; Harold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Defleur-Tapoux A., 1982; Смирнов Ю. А. 1985a.
15. _____
16. Constant R. Montignac, Dordogne (нижняя челюсть). Institut de Paléontologie humaine, 1 rue René Panhard. Paris 13 (грудина), France.

Рок де Марсаль

Марсаль 1

1. Европа 44°55' Север, 0°55' Восток. Франция, департамент Дордонь, коммуна Шампань дю Бюг, 40 км к юго-востоку от г. Перигё, утес «Рок де Марсаль», долина р. Везер.
2. Грот с двойным входом Рок де Марсаль. Западный зал. Открыт на юго-запад. Длина 9 м, ширина у входа 5,50 м. Известняки.
3. Одно погребение. Марсаль 1 — 1961; Ж. Лафиль (Bordes F., Laffille J., 1962. P. 714, 715).
4. Погребение — из слоя V(?) в слой I. Стратиграфия снизу вверх: С — стерилен. В — угли, обломки костей. А — стерилен. I—III —

- зубчатое мустье. IV—VII — типичное мустье. VIII—XI — мустье типа Кина. XII—XIII — стерильны? XIV — верхний палеолит. неолит.
5. Типичное мустье? (Bordes F., Lafille J., 1962).
6. Предварительные данные по слоям I—XIV (со слоя IV северный олень доминирует): *Lepus sp.*, *Marmota marmota*, *Microtus agrestis*. *M. arvalis*, *Arvicolidae*, *Vulpes vulgaris*, *Equus caballus*, *E. hydruntinus?*, *Sus scrofa*, *Rangifer tarandus*, *Cervus elaphus*, *C. capreolus*, *Bos sp.*, *Capra ibex*, *Rupicapra rupicapra*. Птицы: *Alectoris barbara*. Флора: *Pinus*, *Juniperus*, *Corylus*, *Tilia*, *Populus*, *Fagus*, *Ulmus*, *Acer*, *Pteris*. *Dryopteris*, *Artemisia*, *Centaurea cf. scabiosa*, *Centaurea cf. cyanus*. *Helianthemum*, *Knautia*, *Plantago*, *Saxifraga*, *Ranunculus*, *Poterium sanguisorba* (Van Campo M., Bouchud J., 1962. P. 897—899).
7. Слой V — конец Вюрма I/II или начало Вюрма II (Vandermeersch B. 1965a. P. 93).
8. Марсаль 1. Одиночное.
9. 1961, 15 августа.
- 10_{1а}. Яма.
- 10_{1б}. Овальная? Неправильных очертаний. Примерные размеры 0,90××0,70 м, глубина? Дно наклонное.
- 10_{1в}. Заполнена черной землей (культурный слой?). Перекрыта слоем желтого разложившегося песчанистого известняка толщиной 6—7 см над центром ямы (известняковый блок?).
- 10_{1г}. Под кровлей, в 3 м от «выхода». В центре. Под углом к «входу». север—юг. Квадрат М-18.
- 10_{1а}. Ребенок.
- 10_{1б}. Примерно 3 года.
- 10_{1в}. «Классический неандерталец»?
- 10_{1г}. Череп (ф). Нижняя челюсть. Позвонки: шейные, грудные, поясничные, более 14. Крестец (ф). Ребра. Две лопатки (ф). Две ключицы (н, ф). Две плечевые (н, ф). Одна лучевая (ф). Одна локтевая (ф). Правые и левые кости кисти. Левая тазовая кость (н). Две бедренные (ф, н). Правая (?) большеберцовая (ф). Правая (?) малоберцовая (ф). Таранная (ф). Кости правой стопы (Catalogue... 1971. P. 168 — с некоторыми дополнениями (Ю. С.) по Ф. Борду и Ж. Лафилю). В ходе вскрытия погребения неизвестные похитили часть позвоночного столба, одну лопатку и ребра (Bordes F., Lafille J. 1962. P. 715).
- 10_{1в}. В центре, по длинной оси, но так, что коленные суставы и голени (?) касались южной стенки ямы.
- 10_{1ж}. Вдоль длинной оси ямы.
- 10_{1з}. Головой на север, азимут примерно 358°.
- 10_{1и}. Под углом к «входу», головой к заднебоковой стенке, лицом к полу?
- 10_{1к}. Относительно целое. Частичное рассечение связок?
- 10_{1л}. 16 — Горизонтальное скорченное.
- 26 — Корпус на правом боку. Бедренные кости в горизонтальной плоскости в положении «на животе» (?), заведены за спину.
- 3а — Череп лицевыми костями вниз.
- 3б — Кисть одной руки на уровне черепа.

Зв — Бедрa и таз (?) заведены назад, образуют с позвоночным столбом угол примерно 135° (возможно связывание и/или расчленение связок в области поясницы или тазобедренных суставов). Правая (?) нога согнута в коленном суставе (примерно 90°), дорзальной стороной к спине. Левая нога в сходной позиции?

10_{III}. Многочисленные кремни. Кости животных, в том числе зубы северного оленя и лошади. Из остатков животных только длинная кость и нижняя челюсть гиены, а также предплюсна-плюсна дикого кеклика (*Alectoris barbara*) целы. Все эти остатки находились в яме. Зуб лошади — на боку скелета. Кость птицы — у изолированной (? — Ю. С.) плечевой кости. Связь перечисленных предметов с погребением весьма вероятно — могильная яма перекрыта известняковым блоком (блоками).

10_{IV}.

11. Bordes F., Lafille J., 1962. P. 714, 715; Van Campo M., Bouchud J., 1962. P. 897—899.

12.

13. Legoux P., 1965. P. 4—24; Catalogue. . ., 1971. P. 167, 168.

14. Vandermeerch B., 1976a. P. 725—727; 1982. P. 10—14; Tillier A.-M., 1982. P. 19—22; Defleur-Tanoux A., 1982; Смирнов Ю. А., 1985a.

15.

16. Laboratoire de paléontologie des vertébrés et de paléontologie humaine, Faculté des Sciences, Paris 5, France.

Арси-сюр-Кюр. Грот Волка

Арси 5—7

1. Европа. $47^{\circ}36'$ Север, $3^{\circ}46'$ Восток. Франция, департамент Йона, 35 км к юго-востоку от г. Осер, недалеко от селения Арси-сюр-Эйр, к западу от грота Трилобитов.
2. Грот Волка. Вход открыт на юг. Коридорообразная полость с нишей. Длина 4 м в доступной части, ширина при входе 3 м, западная стенка вертикальна, высота 2 м; на востоке пол поднимается тремя ступенями до свода. Козырек осыпался; в период существования слоя III длина полости составляла 3 м. Верхнеюрские известняки.
3. Одно погребение (два (?), три (?) индивидуума). Арси 5—7 — 1946: А. Леруа-Гуран (Leroi-Gourhan A., 1949. P. 189—192).
4. Погребение — из слоя III в слой IV. Стратиграфия сверху вниз: I — известняк с гумусом (верхний палеолит). II — блоки, упавшие со свода (стерилен; несколько предметов из слоя I). III — коричневая глина со щебнем; вымостка по всей площади пола, за исключением пространства над ямой с погребением (мустье). IV — желтая глина (стерильна); нижние 5 см со щебнем, здесь же — несколько мустьерских изделий. V — желтая глина (почти стерильна). VI — флювиальный песок (несколько отщепов) и ниже — скальное основание с трещинами; декальцинированная глина (несколько отщепов) (Leroi-Gourhan A., 1950. P. 268—280).

5. Зубчатое мустье (Girard C., 1976. P. 1117).
6. Слой III: *Bos, Equus, Rangifer tarandus, Cervus elaphus, Rhinoceros tichorhinus, Elephas primigenius, Canis lupus, Vulpes vulpes, Hyaena spelaea, Ursus spelaeus* (Leroi-Gourhan A., 1950. P. 272, 273).
7. Вюрм I/II (Leroi-Gourhan A., 1950); конец Вюрма II (Defleur-Tanoux A., 1982. P. 35).
8. Арси 5—7. Тройное?
9. 1946. Л. Берно.
- 10_{1a}. Яма.
- 10_{1б}. Прямоугольная (?) «неправильных очертаний» (Leroi-Gourhan A., 1950. P. 276). Примерно 1,00×0,50×0,35 м.
- 10_{1в}. Яма в стерильном слое, подстилающем культурный горизонт. Заполнена стерильным слоем. Над ямой — лакуна в вымостке пола.
- 10_{1г}. Под кровлей, примерно в 1,50 м от «входа». В центре, но ближе к западной стенке. Примерно вдоль «входа», северо-запад—юго-восток. Верхний контур ямы (верхний уровень вымостки) на глубине примерно 1,33 м от внешней поверхности.
- 10_{1а}. Взрослые (взрослый) индивидуумы.
- 10_{1в}. Арси 5: нижний левый M1 или M2 (очень стерт). Арси 6: два фрагмента теменной кости. Арси 7: два резца (Catalogue. . . , 1971. P. 75).
- 10_{1в}. Человеческие остатки сосредоточены в северо-западной части ямы. на участке диаметром примерно 0,30 м.
- 10_{1в}. Расчленение (погребение части вместо целого: части черепа одного индивидуума или, что более вероятно, части от черепов трех (четырех? — резцы не опубликованы) индивидуумов.
- 10_{1в}. Отщепы небольших размеров (кремь) и несколько фрагментов кости (Костей?. — Ю. С.). Связь с погребением вероятна. Однако не исключена интрузия, на возможность которой указывает наклонное и вертикальное положение перечисленных предметов.
- 10_{1г}. _____
11. Leroi-Gourhan A., 1949. P. 189—192; 1950. P. 268—280.
12. _____
13. Leroi-Gourhan A., 1959. P. 87—93, 112, 113, 139, 140; Catalogue. . . , 1971. P. 75.
14. Murawski K., 1979. S. 21—27; Defleur-Tanoux. A., 1982; Смирнов Ю. А., 1985а.
15. _____
16. Musée de l'Homme, Palais Chaillot, Paris 16, France.

Киик-Коба

Киик-Коба 1, 2

1. Европа. 45°03' Север, 34°18' Восток. СССР, Крымская обл. Украинской ССР, 25 км к востоку от г. Симферополь, 7 км к югу от с. Зуя. 500 м к югу от с. Лесное (д. Тау-Кипчак), правый берег р. Зуя.
2. Грот Киик-Коба («Дикая пещера»), он же Киикин-Кобасы («Пещера дикаря»). Открыт на юго-восток. Перед входом площадка. Раковино-

- образная полость с двумя глубокими нишами в задней стенке. Длина от края навеса 9 м, ширина 11 м, высота 9 м. Известняки.
3. Два погребения. Киик-Коба 1 и Киик-Коба 2 — 1924: Г. А. Бонч-Осмоловский (Бонч-Осмоловский Г. А. 1940; 1941).
 4. Погребение 1 — слой VI (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 135—140; Гладилин В. Н., 1979. С. 67—76); погребение 2 — из слоя IV в слой VI (Смирнов Ю. А., 1987а. С. 17—21). Стратиграфия сверху вниз: I — черный слой кизяка, золы и гумуса (средневековье). II — бурая известковистая глина (только на площадке грота), стерильна? IIa — серая щебневатая известковистая супесь (только на склоне), мезолит—неолит? III — надочажный слой: желтый щебневатый суглинок; отдельные находки из слоя IV. IV — верхний очажный слой: темно-бурый щебневатый суглинок; большое количество костей животных, угля, кремня (позднее мустье — Бонч-Осмоловский Г. А., А1924б; поздний ашель — Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 24, 25; мустье, сравнимое с шарантским, — Klein R. G., 1965. P. 63; микромустье двустороннее — Гладилин В. Н., 1976. С. 102, 103; мустье с ашельской традицией — Формозов А. А., 1977. С. 34; мустье белогорское (Аккайское по: Колосов Ю. Г., 1983; 1986. — Ю. С.) — Праслов Н. Д., 1984. С. 105, 106). V — межочажный слой: желтый щебневатый суглинок; отдельные находки из слоя VI. VI — нижний очажный слой: щебневатый суглинок темный, местами черный, с редкими костями животных, кусочками древесного угля и многочисленным кремнем (раннее мустье — Бонч-Осмоловский Г. А. А1924б; доашель или ранний ашель (аморфная стадия) — Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 24, 25; зубчатое мустье — Klein R. G., 1965. P. 38, 39; микромустье зубчатое — Гладилин В. Н., 1976. С. 104, 105; характер индустрии неясен — Праслов Н. Д., 1984. С. 105). VII — подочажный слой (Ю. С.): рыхлая темно-желтая глина с кремнем (Индустрия?. — Ю. С.) и угольками. VIII — заполнение скальных карманов: плотная светло-зеленая листоватая глина (стерильна). IX — скальное основание.
 5. Погребение 1 — зубчатое мустье. Погребение 2 — микромустье двустороннее.
 6. Слой VI: *Lepus*, *Citellus sefescens*, *Canis (Canis)*, *C. lupus*, *Vulpes vulpes*, *Hyuena spelaea*, *Equus (Equus)*, *E. (Asinus) hydruntinus*, *Cervus (Megaceros)*, *C. elaphus*, *Bos* или *Bison*, *Saiga tatarica*. Слой IV: все перечисленные формы, кроме *Canis (Canis)*, и в дополнение к ним *Allactaga jaculus*, *Cricetus cricetus*, *Lagurus luteus*, *Mus sylvaticus*, *Marmota bobac*, *Ursus arctos*, *Vulpes corsac*, *V. lagopus*, *Rhinoceros antiquitatis*, *Sus scrofa*, *Rangifer tarandus*, *Ovis*, cf. *argaloides*, *Elephas cf. primigenius-trogontherii* (Громов В. И., 1948. С. 1—45); травянистые преобладают над древесными: древесные — *Betula sp.*, *Pinus*, *Quercus*, *Corylus*; травянистые — *Chenopodiaceae*, *Gramineae*, *Ephedra* (Любин В. П., 1969. С. 245).
 7. Слой VI — Рисс/Вюрм? (Klein R. G., 1965. P. 62—64); Ранний Вюрм? (Иванова И. К., 1965. С. 73—76); финал Рисс/Вюрма, начало Вюрма I? (Колосов Ю. Г., 1983. С. 151—153); конец Рисс—Вюрма (Праслов Н. Д., 1984. С. 106). Слой IV — ранний Вюрм? (Klein R. G., 1965.

- Р. 62—64); Вюрм, стадиал (Любин В. П., 1969. С. 245); Средний Вюрм I (Колосов Ю. Г. 1983. С. 151—153).
- 7_{II}. Кость погребенного Киик-Коба 1: F=0,36 %, 100F/P205=0,12. Кость *Saiga tatarica*: F=0,7 % 100F/P205=0,22—0,3 (Данилова В. В., 1946. С. 38—45).

Киик-Коба 1

8. Киик-Коба 1. Одиночное.
9. 1924, 23—26 сентября; полная расчистка и извлечение костей — 27 сентября.
- 10_{IA}. Яма.
- 10_{IB}. Овальной формы неправильных очертаний. Максимальные размеры: примерно 2,10×0,80 м по верхнему контуру и 1,80×0,50 м — по нижнему, глубина примерно 0,45 м (согласно разрезу). Дно неровное, вогнуто в средней части, к торцам поднимается уступами: меньшим — в северо-восточной части, большим — в юго-западной. На севере и северо-востоке стенки ямы крутые, на юге и юго-западе — относительно пологие.
- 10_{IC}. Яма: $\frac{1}{2}$ в жилом слое, $\frac{1}{2}$ в скальном основании. На $\frac{2}{3}$ разрушена хозяйственной ямой слоя IV. В сохранившейся части на дне — слой листоватой глины с примазками угля на поверхности. Заполнение: бурая щебневатая засыпка, над ней с прогибом вниз — черная прослойка (слой VI) и выше — желтая прослойка (слой V).
- 10_{IC}. Под кровлей, в центре, но в северо-западной периферии жилой площади нижнего очажного слоя VI. Поперек «входа», северо-восток — юго-запад. Участки: 21, 25, 39. Верхний контур ямы: 0,75 м от нулевого репера; 0,50 м от внешней поверхности.
- 10_{IIA}. Мужчина?
- 10_{IIБ}. 40—45 лет.
- 10_{IIв}. Неандерталец.
- 10_{IIг}. Верхний правый резец? Запястье: большая и малая многоугольная левые. Пясть: IV правая, I левая. Фаланги: проксимальные — II, III. V правые, II левая; медиальные — II, III, V правые, II, IV, V левые; дистальные — I правая, I, III, IV левые. Правая большеберцовая (ф). Правая малоберцовая (ф). Правый надколенник. Предплюсна: две пяточные, две таранные, две кубовидные, две ладьевидные, 1—3-я клиновидные правые и левые. Плюсна: I—V правые, I—V левые. Сесамовидные: латеральные и медиальные правые и левые. Фаланги: проксимальные — I—V правые, I—V левые; медиальные — II, III правые, II—IV левые; дистальные — I—V правые, I—V левые (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; 1941; 1954).
- 10_{IIд}. Сильно выраженные экзостозы на правом надколеннике — патологические изменения? Следы неправильного срастания на проксимальной V фаланге правой стопы — патологическое изменение травматического характера в результате перелома (Бонч-Осмоловский Г. А., 1941. С. 17, 18).
- 10_{IIе}. В центре ямы. Голова — в особом углублении, ступни — на уступе.
- 10_{IIж}. Вдоль длинной оси ямы.

- 10_{IIa}. Головой (?) на северо-восток, азимут примерно 60°.
- 10_{IIa}. Поперек «входа», головой к боковой стенке грота, лицом на северо-запад, к задней стенке грота.
- 10_{III}. Целое? — разрушено поздней ямой.
- 10_{IIIa}. 1а — Горизонтальное вытянутое (В первоначальном положении — кости стоп и правой голени; в положении близком к первоначальному, возможно, находились отдельные кости правой и левой (?) кисти).
- 2б — Корпус на правом боку?
- 3б — Правая рука, вероятно, вытянута, кисть в районе коленных суставов. Левая, возможно, согнута, кисть в районе черепа?
- Зв — Ноги слегка согнуты (правая в несколько большей степени, чем левая).
- 10_{III}. Сломанное орудие на тонкой пластине (на дне, у вероятного местоположения левой голени), 40 отщепов и осколков кремня (на дне — три в районе стоп, два — у левой голени), несколько мелких обломков кости. Связь перечисленных предметов с погребением проблематична. Возможно, они имели отношение к погребальному инвентарю, поскольку находились или непосредственно на дне, или в слое бурой щебневатой засыпки (стерильна), но, возможно, попали в могилу случайно. Вокруг каждой стопы — прослойка волокнистой структуры — остатки органики?
- 10_{IV}. 1. Ямка в 0,20 м к востоку от могилы. Диаметр 0,20 м, глубина 0,15 м, без «каких-либо характерных находок» (Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. С. 96). 2. Кострище в 1 м к северо-востоку от края могилы. Связь ямки и кострища с погребением проблематична.

Киик-Коба 2

8. Киик-Коба 2. Одиночное.
9. 1924, 15 сентября, вскрытие и извлечение костей 15—16 сентября.
- 10_{Ia}. Яма?
- 10_{Iб}. Округлой формы? Примерный диаметр до 1 м, глубина до 0,70 м.
- 10_{Iв}. Яма прорезала межочажный (V) и нижний очажный (VI) слои и здесь, частично, глинистое дно грота. Заполнение: придонная часть — глина, выше — смесь культурных (IV и VI) и стерильных отложений. Костяк полностью (?) перекрыт блоком известняка.
- 10_{Iг}. Под кровлей, в центре грота, но в северо-восточной периферии жилой площадки верхнего очажного слоя IV. Под углом к «входу», север—юг. Участки: 13, 14 в 0,30 м к северу от северного угла могильной ямы погребения Киик-Коба 1, скелет находился на глубине примерно 0,75 м от внешней поверхности.
- 10_{IIa}. Ребенок.
- 10_{IIб}. 5—8 месяцев.
- 10_{IIIa}. Неандерталец.
- 10_{IIIв}. Череп? (Vlček E., 1976. P. 297; Смирнов Ю. А., 1987а. С. 19). 14 позвонков (фф). 20 (?) ребер (фф). Правая лопатка (фф). Правая

плечевая (фф). Две лучевые¹⁴ (ф). Две локтевые (ф). Запястье: малая многоугольная правая. Пясть: I—V левые. Фаланги: проксимальные — III левая; пять правых (Не разобраны. — Ю. С.). Кости таза (фф). Две бедренные (ф). Две большеберцовые (фф). Одна малоберцовая (ф). 12 фаланг (Не разобраны. — Ю. С.) кистей и стоп (?). (ЛЮИЭ АН СССР, Отд. археологии, оп. 5390-960, Отдел антропологии, оп. 5496; Исследования. . . , 1980. С. 183). Согласно дневнику Г. А. Бонч-Осмоловского, на месте находились все кости правого запястья, а также I—V плюсневые и фаланги: четыре проксимальные, две медиальные, две дистальные (Бонч-Осмоловский Г. А., А1924а. С. 186, 19, 336).

- 10_{III} Головой на юг, азимут примерно 185°.
- 10_{III} Под углом к «входу», головой в сторону площадки, лицом на запад, к боковой стенке грота.
- 10_{III} Целое? Отсутствие черепа, нижней челюсти, левого плеча и костей стоп (?) может объясняться постэксгумационным отбором.
- 10_{III} 16 — Горизонтальное скорченное.
2в — Корпус на левом боку.
3б — Руки вытянуты или слабо согнуты. Немного отставлены от корпуса. Правая кисть, в состоянии пронации, — между бедер (?), непосредственно на левом бедре (на мета-дистальной части его диафиза), фалангами в сторону таза. Левая кисть — под левым коленом в состоянии супинации. Кисти не флексированы.
3в — Левая нога согнута в тазобедренном (примерно 100°) и коленном (примерно 110°) суставах в средней степени. Правая нога была, вероятно, согнута таким же образом и находилась над левой.
- 10_{III} Группа мелких костей (животных?) вблизи скелета. Треугольное орудие в 15 см выше костей скелета, в заполнении, соответствующем верхнему (IV) очажному слою. 48 осколков кремня между костями скелета. Соответствуют (? — Ю. С.) кремням нижнего (VI) очажного слоя. Связь перечисленных предметов с погребением проблематична.
- 10_{IV} Яма прямоугольных очертаний (длина 1,40 м, ширина 0,80 м, глубина 0,60 м) рядом с погребением. Заполнена большим количеством крупных костей в основном жвачных животных, имеются кремневые орудия и осколки. Связь с погребением проблематична.

Киик-Коба 1, 2

11. Бонч-Осмоловский Г. А., 1925. С. 391—393; 1926. С. 81—87.
12. Бонч-Осмоловский Г. А., 1940; 1941.
13. Бонч-Осмоловский Г. А., 1941; 1954; Ullrich H., 1958. S. 72—106; Герасимова М. М., 1969. С. 172, 1973; Catalogue. . . , 1971, P. 318.

¹⁴ Кости левой руки (лучевая, локтевая, I—V пястные и III проксимальная фаланга) — в монолите. Существующие указания на нахождение в монолите костей правой руки ошибочны.

- 319; Влчек Э., 1974. С. 104—109; Vlček E., 1976. S. 293—300; 1977. P. 173—179; Якимов В. П., Харитонов В. М., 1979. С. 56—66; Исследования... , 1980. С. 183.
14. Окладников А. П., 1941. С. 125—128; Гладилин В. Н., 1976. С. 67—76; Смирнов Ю. А., 1985а; 1987а. С. 17—21.
15. Ленинград, Дворцовая набережная, 18. ЛОИА АН СССР. Архив. Ф. 71. Д. 1—3, 56, 11, 17, 62—67; Ф. 2. Оп. 1, № 123; 124. Д. 56.
16. Археологическая кол.: Ленинград, Университетская набережная, 3, Музей антропологии и этнографии АН СССР, № 4570, 4571, 5042, 5043, 5390—5393. Антропологическая кол.: Ленинград, 6-я линия Васильевского острова 11, Музей антропологии и этнографии АН СССР, № 5497-1 (Киик-Коба 1); № 5496-1 (Киик-Коба 2), СССР.

Староселье

Староселье 1¹⁵

1. Европа. 44°44' Север, 33°53' Восток. СССР, Крымская обл. Украинской ССР, восточная окраина г. Бахчисарай, пределы с. Староселье, правый борт балки Канлы-дере, левый берег р. Чурук-су.
2. Навес Староселье. Две ниши. Южная ниша. Открыта на запад. Длина более 40 м, ширина около 16 м. Известняки датского яруса.
3. Одно (?) погребение. Староселье 1 — 1953: А. А. Формозов (Формозов А. А., 1958).
4. Погребение — в линзе железистоокрашенного гравия (подраздел 4, здесь стерилен). Стратиграфия в центральной части южной ниши сверху вниз: 1 — гумус (на большей площади стерилен; в квадратах Е-10, Ж-10, 11, З-12, 13, И-13—21 — материал XVIII в.). 2 — белая щебенка, местами брекчирована. 3 — линзы желтоватого суглинка с включениями железистоокрашенного гравия (мустье). 4 — бурый суглинок и гравий, местами в виде линз (отдельные находки мустьерского времени). 5 — известняковые блоки и осыпь, брекчированы — обвальный горизонт. 6 — бурый суглинок и линзы гравия, местами белая щебенка (отдельные находки мустьерского времени). 7 — красноватый суглинок с окатанными камнями и линзы гравия с мелкой галькой (мустье; материал в основном переотложен). 8 — скальное основание (Формозов А. А., 1958. С. 36—45).
5. Стоянка однослойна (Формозов А. А., 1958). Позднее мустье (Формозов А. А., 1954. С. 11—12; 1958. С. 76—110). Позднее мустье, сопоставимо с шарантским мустье типа Кина (Klein R. G., 1965. P. 48, 63). Мустье с ашельской традицией (Формозов А. А., 1977. С. 34). Мустье двустороннее (Гладилин В. Н., 1976. С. 97, 98). Мустье аккайское? (Колосов Ю. Г., 1986. С. 5, 116, 117). Мустье

¹⁵ О вероятности существования второго погребения на стоянке Староселье см. выше главу «Описание и анализ археологических источников».

- белогорское (Аккайское. — Ю. С.) — Праслов Н. Д., 1984. С. 105. 106.
6. *Lepus europaeus, Canis lupus, Crocuta spelaea, Putorius evermanni, Ursus spelaeus, Vulpes vulpes, V. lagopus, Equus caballus, E. (Asinus) hydruntinus, Rhinoceros tichorhinus, Sus scrofa, Capreolus capreolus, Cervus elaphus, C. (Megaceros), Rangifer tarandus, Bos, Bison priscus, Saiga tatarica, Elephas cf. prinigenius*. Птицы — воробьиные и куриные (Формозов А. А., 1958. С. 53).
- 7_I. Ранний Вюрм? (Klein R. G., 1965. P. 63; Иванова И. К., 1965. С. 103—106; Праслов Н. Д., 1984. С. 106).
- 7_{II}. Позвонок погребенного Староселье 1: 100F/P205=0; кость животного: 100F/P205=0,13 (Формозов А. А., 1958. С. 72—75).
- 7_{III} AII. Кости животных из культурного слоя: 26 000—33 000 лет, на основе соотношения 1) актиния и радия и 2) радия и урана: 31 000 лет и 110 000 лет, на основе соотношения изотопов тория. Для всех трех дат подозревается контаминация в результате неразработанности метода, ср. Тешик-Таш (Формозов А. А., 1958. С. 59, 60).
8. Староселье 1. Одиночное.
9. 1953, 24 сентября: Т. И. Алексеева. Окончательная расчистка и извлечение скелета 3 октября.
- 10_{Ia}. Насыпь?
- 10_{Ib}. Поверхность, на которой располагается скелет, горизонтальна.
- 10_{Iв}. Пещерные отложения (здесь стерильны).
- 10_{Iг}. В центральной части площадки перед навесом, в 8 м от задней стенки. Участок К-20. Глубина: 0,70—0,90 м от внешней поверхности; 903 мм от нулевого репера.
- 10_{IIa}. Ребенок. Мужчина. Женщина? (Алексеев В. П., 1985. С. 30).
- 10_{IIб}. 15—19 месяцев.
- 10_{IIв}. Гомо сапиенс с некоторыми неандерталоидными признаками.
- 10_{IIг}. Череп (ф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки. Левая ключица (ф). Ребра (ф). Две плечевые (фф). Левая локтевая (ф). Левая лучевая (ф). Все фаланги левой кисти (ф). Четыре фаланги правой кисти (ф). Правая и левая кости таза (ф). Две бедренные (фф). Фрагменты костей правой и левой голени. Фаланги стоп (фф) (Формозов А. А., 1953. С. 20; 1958. С. 63; Catalogue . . . , 1971. P. 330, 331; Алексеева Т. И. и др., 1986. С. 6).
- 10_{IIд}. Головой на запад, азимут примерно 262°.
- 10_{IIк}. Вдоль «входа», ногами к задней стенке, лицом на юг.
- 10_{IIк}. Целое.
- 10_{IIд}. 1а — Горизонтальное вытянутое.
2б — Корпус на правом боку с некоторым разворотом на спину (разворот вторичен?).
3а — Череп на правом боку.
3б — Правая рука, вероятно, вытянута или слабо согнута в локтевом суставе — остатки кисти в области таза и поясничного отдела. Левая рука согнута в локтевом суставе в средней степени (примерно 110°). Кисть в области таза.
3в — Ноги вытянуты. Левая, возможно, над правой и ей парал-

лельва. Стопы сближены. (Положение ног, зафиксированное в момент вскрытия погребения, вероятно, вторично.)

10_{III}.

10_{IV}.

11. Формозов А. А., 1954. С. 11—12; Герасимов М. М., 1954. С. 22—27; Рогинский Я. Я., 1954. С. 27—41; Алексеев В. П., 1954. С. 158—160.
12. Формозов А. А., 1958.
13. Левин М. Г., 1954. С. 24, 25; Якимов В. П., 1954. С. 61, 62; Герасимов М. М., 1955. С. 201—203; 1964. С. 106—109; Ullrich H., 1955. S. 91—98; 1958. S. 95—106; Vallois H. V., 1955. P. 555—561; Дебец Г. Ф., 1956. С. 4, 5; Gross H., 1956; Бунак В. В., 1959; Успенский С. И., 1969. С. 113—124; Alexeyev V. P., 1976. P. 413—421; Tillier A.-M., 1979. P. 67—85; Алексеев В. П., 1985. С. 22—33.
14. Tillier A.-M., 1982. P. 19—22; Смирнов Ю. А., 1985а.
15. Москва, Дмитрия Ульянова, 19. ИА АН СССР. Архив. Р-1, № 910.
16. Археологические кол.: Бахчисарай, Бахчисарайский историко-археологический музей, МПГ 5800; Москва, пр. К. Маркса, 18, Институт и музей антропологии МГУ, № 487, 490, 506; Красная площадь, 2, Государственный исторический музей, № 87 891; Ленинград, Университетская набережная, 3, Музей антропологии и этнографии АН СССР, № 6128. Фаунистические кол.: Москва, Пыжевский пер., 7, Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР; Ленинград, Университетская набережная, 1, Зоологический музей АН СССР. Антропологическая кол.: Москва, пр. К. Маркса, 18, Институт и музей антропологии МГУ, № 361¹⁶ (Староселье 1: череп, нижняя челюсть, бедренная кость (ф), малая берцовая кость (ф). Местонахождение остальных костей посткраниального скелета, а также костей индивидуума Староселье 2 неизвестно).

Заскальная

Заскальная IV а, б, в¹⁷

1. Европа. СССР, Крымская обл. Украинской ССР, 7 км к северу от г. Белогорск (Карасу Базар), правый берег р. Большая Карасевка (Биюк Карасы), скальный массив Ак-Кая.
2. Навес Заскальная VI. Открыт на юго—юго-запад. Нуммулитовые известняки среднеэоценового возраста.
3. Одно (?) погребение¹⁸. Три индивидуума: Заскальная VIа, б, в — 1973¹⁹: Ю. Г. Колосов (1986).

¹⁶ В каталоге Института и музея антропологии МГУ (Алексеева Т. И. и др., 1986. С. 6) ошибочно проставлен № 364.

¹⁷ Сведения о данном памятнике в Catalogue... (1971) отсутствуют.

¹⁸ О вероятности существования других погребений на стоянке Заскальная VI см. выше главу «Описание и анализ археологических источников».

¹⁹ Кости двух индивидуумов были идентифицированы Е. П. Якимовым в полевых условиях

4. Погребение — слой IIIa (возможно, впущено из слоя III). Стратиграфия сверху вниз: 1 — гумус с мелкой щебенкой. 2 — сильно гумусированный песок. 3 — желтый песок (культурный слой I, мутье). 4 — обвальный горизонт (основной обвал). 5 — пепельно-серый очажный (культурный слой II, мутье). 6 — песок, стерилен. 7 — желтый песок с гравием (культурный слой III, мутье). 8 — на большей части площади желтый песок, стерилен (культурный слой IIIa, участок (примерно 5 кв. м) образован различными структурами погребального комплекса (?), мутье). 9 — желтый песок, в нижней части щебенка и отдельные глыбы известняка, стерилен. 10 — песок углисто-черный (культурный слой IV, мутье). 11 — светло-желтый с зеленоватым оттенком песок с отдельной щебенкой и дресвой, стерилен. 12 — темно-серый, порой коричневатый песок (культурный слой V, мутье). 13 — желтовато-зеленый песок, стерилен. 14 — желтовато-бурый песок (культурный слой VI (?), на некоторых участках в контакте со слоем V, мутье). 15 — зеленоватый песок с глауконитом, стерилен. 16 — скальное основание: мергели верхнего мела и нуммулитовые известняки эоцена (Археология..., 1978. С. 20—37; Колосов Ю. Г., 1986. С. 8—10).
5. Материал всех слоев объединяется в аккайскую мутьерскую культуру (Колосов Ю. Г., 1986). Слои I—V — мутье двустороннее (Колосов Ю. Г., 1986. С. 15, 39, 48, 60, 64).
6. Слой III: *Elephas primigenius*, *Equus caballus*, *Saiga tatarica*. *Cervus (Megaceros) Sp.*, *Rangifer tarandus*, *Lepus*, крупные и мелкие копытные, мелкие грызуны, птицы (Колосов Ю. Г., 1986. С. 11).
7. Слои III—I — первая половина Валдая (Археология..., 1978. С. 30). Слои II, III, IIIa — среднее мутье, Средний Вюрм I (Колосов Ю. Г., 1983. С. 152).
- 7_{III}AIII. 45 000 — КИ-856 — C₁₄, образец слоя II (Колосов Ю. Г., 1983. С. 156).
8. Заскальная VIa, б, в. Тройное?
9. 1973, сентябрь, полная расчистка и извлечение костей 24—25 сентября.
- 10_{1а}. Яма?
- 10_{1б}. Прямоугольной формы неправильных очертаний. Примерные размеры 1,75×0,75×0,25 м.
- 10_{1в}. Погребение в желтом песке. Заполнение — желтовато-серый песок? Над остатками погребенных — два (?) «этажа» скопления костей животных. Нижний — на 6—8 см над костями стопы (Заскальная VIa), лежавшей в относительном анатомическом порядке. Скопление в форме овала, север—юг. Размеры нижнего «этажа» 0,72×0,50 м. Верхний этаж выше нижнего на 3—4 см (?), смещен к востоку. Очертания прямоугольные, север—юг.

в 1973 г. (Колосов Ю. Г. А1973а. С. 62). Кости третьего индивидуума были идентифицированы Е. И. Даниловой в лабораторных условиях (Колосов Ю. Г., 1986. С. 71).

размеры 0,80×0,60 м; небольшой кусок известняка у левого бедра двух-трехлетнего ребенка — конструктивные элементы погребального сооружения?

- 10_{1г} Под кровлей навеса в «привходовой» части. Вероятная ориентировка север—юг. Участки: человеческие кости — 30Г-Д, погребальный комплекс — 29—30Г, 30В-Д, 31В-Д. Глубина залегания костей 2,24—2,42 м от внешней поверхности.
- 10_{1а} Дети.
- 10_{1б} Заскальная VIа: 2—3 года. Заскальная VIб: 1 год. Заскальная VIв: 5—6 лет.
- 10_{1в} Неандертальцы с некоторыми прогрессивными морфологическими признаками.
- 10_{1г} Заскальная VIа: Левая ключица (н). Позвонок: грудные (фф) — четыре, в том числе 12-й; поясничные — 1—3-й (фф). Лучевая? (фф). Запястье (ядра окостенения) правое: головчатая, крючковидная, трехгранная, полудлунная, ладьевидная, кость-трапеция, трапециевидная. Все кости правой кисти, кроме II дистальной фаланги. Бедренные: правая (фф), левая (ф). Правая большеберцовая (ф). Предплюсна: таранная (ф, сторона?); отдельные ядра окостенения правые и левые. Плюсна: I правая, I левая; II—V (фф, стороны?, количество?). Фаланги: дистальные — I правая, I левая. Заскальная VIб: Позвонок: грудной (фф). Левая лучевая (н). Ребра: 1-е (н), 12-е (ф) левые. Кости таза (фф). Фаланги стопы: дистальные — I правая, I левая. Заскальная VIв: Позвонок: грудной (фф). Фаланги кисти: дистальные — четыре (стороны и пальцы?) (Колосов Ю. Г., 1979. С. 44; 1986. С. 69—73; Данилова Е. И., 1983. С. 72—87)²⁰.
- 10_{1г} Ребенок 2—3 лет (Заскальная VIа) «головой» на юг?
- 10_{1в} Ребенок 2—3 лет (Заскальная VIа) вдоль «входа», ногами в сторону задней стенки навеса?
- 10_{1к} Все три (?) индивидуума расчленены (погребение части вместо целого). Степень доингумационных нарушений не устанавливается — большая часть погребения разрушена более поздней ямой (норой землероя?).

²⁰ Фрагмент дистального конца левой плечевой кости ребенка пяти-шестилетнего возраста (Данилова Е. И., 1983. С. 85) исключен из списка, так как он был найден в 5 м от данного погребения и связь его с костями пяти-шестилетнего индивидуума Заскальная VIв проблематична (Ю. С.).

Помимо указанных, в Акте о передаче человеческих остатков из данного погребения на реставрацию в Институт и музей антропологии МГУ им. Д. Н. Анучина значатся: фрагменты примерно 10 позвонков, два фрагмента правой (?) лучевой, фрагмент берцовой и эпифиз берцовой (?), пяточная кость, два эпифиза бедренных или плечевых костей, а также около 30 экз. неопределенных фрагментированных человеческих остатков (Акт, датированный 27 сентября 1973 г., подписан автором раскопок Ю. Г. Колосовым и реставратором М. Н. Елистратовой). Кроме того, М. Н. Елистратовой среди неопределенных фрагментов в процессе реставрации были идентифицированы: фрагмент еще одной берцовой кости, фрагменты двух лопаток и одна кость запястья, а среди позвонков — атлант и еще два шейных позвонка (устное сообщение М. Н. Елистратовой). Возрастные определения для идентифицированных М. Н. Елистратовой остатков проведены не были, и по этой причине они здесь перечислены суммарно.

- 10_{IIa}. Заскальная VIa:
 16 — Горизонтальное скорченное?
 2в — Корпус на левом боку? (в первоначальном положении (?) — остаток стоп и голени; в положении, близком к первоначальному, — левое бедро).
- Положение погребенных Заскальная VIб, в неясно.
- 10_{III}. Расколотые обожженные и необожженные кости животных. костные уголки, клык хищника, отщепы, кремневый скол. чешуйки; несколько каменных изделий, в том числе нож; два костяных изделия (обломок лопаточки, проколка с насечками): плоская галька, округлый кусок известняка; кусок охры — среди и в непосредственной близости от человеческих костей. Два клыка хищника, кости животных (некоторые расколоты и обожжены), обработанная кость (ретушер?), кремневые отщепы и чешуйки — в некотором отдалении от человеческих остатков. Несколько половинок песчаниковых галек, два орудия и кремневые сколы — в нижнем «этаже» скопления костей животных над погребением. Кремневые изделия (Отщепы, чешуйки? — Ю. С.) — в верхнем «этаже» скопления костей животных над погребением. Кусок известняка шириной 5 см и высотой 8 см у левого бедра. Связь перечисленных предметов с захоронением вероятна.
- 10_{IV}. 1. Пять небольших ям рядом с погребением. Две ямы заполнены песком (в одной — несколько кремневых сколов). Три ямы заполнены культурными остатками (в одной — кости животных, в том числе несколько костей нижней части конечности лошади в анатомическом порядке). 2. Две очажных ямки. Одна — непосредственно вблизи погребения, другая — в 0,50 м от него. Одна заполнена пеплом и небольшими обожженными фрагментами костей животных. Связь перечисленных объектов с погребением вероятна.
11. Колосов Ю. Г., 1974. С. 287, 288.
 12. Колосов Ю. Г., 1986.
 13. Влчек Э., 1976. С. 25—37; Якимов В. П., Харитонов В. М. 1979. С. 56—66; Данилова Е. И., 1983. С. 72—87; Колосов Ю. Г. 1986. С. 68—76.
 14. Смирнов Ю. А., 1985а; Колосов Ю. Г., 1986; 1987. С. 61—63.
 15. Киев, Выдубецкая набережная, 40. ИА АН УССР. Архив. 1973/4 — 6635—6637.
 16. Археологические и антропологические кол.: Киев, Выдубецкая набережная, 40. ИА АН УССР, СССР.

Тешик-Таш

Тешик-Таш 1

1. Азия. 38°15' Север, 67°12' Восток. СССР, Байсунский р-н Узбекской ССР, 125 км к югу от г. Самарканд, 18 км к северозападу от г. Байсун, юго-западные отроги Гиссарского хребта.

правый склон ущелья Заутолош-Дара горной гряды Байсун-Тау, верхнее течение р. Ширабад (Тургандарья).

2. Грот Тешик-Таш («Камень (скала) с отверстием»). Открыт на северо-восток. Овальная ниша. Высота 7 м, ширина 20 м, глубина 21 м. Перед входом площадка. Юрские известняки.
3. Одно погребение. Тешик-Таш 1 — 1938: А. П. Окладников (Окладников А. П., 1949).
4. Погребение — частично в основании культурного слоя 1, частично — в подстилающей стерильной глине. Стратиграфия сверху вниз: 1 — глинистый светло-желтый слой, местами глыбы и щебень (стерилен). 2 — глинистый комковатый коричневато-желтый слой, местами обломки сталагмитовой корки и щебень (окатан в верхнем горизонте); в основании количество крупных камней увеличивается, местами слой подстила прослойка ржавчины — первый (1а) культурный слой (мустье). 3 — глина сероватая плотная с мелким окатанным щебнем (стерильна). 4 — глинистый темный слой, насыщен углем, маркирован железистыми прослойками — второй (1б) культурный слой (мустье). 5 — глина, аналогичная вышележащей (стерильна). 6 — буровато-желтая плотная глина с крупными камнями, местами брекчирована — третий (2а) культурный слой (мустье). 7 — глина буровато-желтая тонкослоистая (стерильна). 8 — глинистый насыщенный углями слой со щебнем — четвертый (2б) культурный слой (мустье). 9 — глина плотная мелкослоистая (стерильна). 10 — глинистый, насыщенный углем слой со щебнем — пятый (3) культурный слой (мустье). 11 — щебень и скальное основание (Окладников А. П., 1949. С. 18—32).
5. Материал одновременен — развитое мустье (Окладников А. П., 1949. С. 83). Нижние слои — раннее мустье (Окладников А. П., 1966. С. 45). Ранний этап оби-рахматской культуры (Сулейманов Р. Х., 1972. С. 137, 138). Переднеазиатское мустье с чертами типичного мустье (Ранов В. А., 1978. С. 212). Своеобразное мустье с отдельными элементами (единичны), присутствиями типичному мустье Европы (Григорьев Г. П., 1988. С. 31, 32).
6. Первый культурный слой (1а): *Lepus aff. tolai*, *Ochotona sp.*, *Cricetulus migratorius*, *Ellobius talpinus*, *Marmota sp.*, *Microtus*, *M. (Phaiomys) sp.*, *Rattus turkestanicus*, *Felis pardus*, *Ursus arctos*, *Capra sibirica*. Птицы (Окладников А. П., 1949. С. 67—69; Громов В. И., 1949. С. 87—99; Сулова П. В., 1949. С. 101—108).
7. Ранний Вюрм? (Movius H. L., 1953. P. 11—71; Иванова И. К., 1965. С. 125—127). Рисс—Вюрм или Вюрм I (Окладников А. П., 1966. С. 45). Конец Рисс—Вюрма — начало Вюрма (Сулейманов Р. Х., 1972. С. 136). Ранний Вюрм (Абрамова З. А., 1984. С. 147).

7_{III}АII. Кости животных из культурного слоя: 102 000—107 000 лет на основе соотношения 1) актиния и радия и 2) радия и урана; 184 000 лет на основе соотношения изотопов тория; контаминация (?), ср. Староселье (Формозов А. А., 1958. С. 59, 60).

8. Тешик-Таш 1. Одинокое.
9. 1938, 4 июля.
- 10_{1a}. Яма?
- 10_{1б}. Глубина не менее 0,30 м.
- 10_{1в}. Яма: меньшей частью — в культурном слое, большей — в стерильном. Заполнение: $\frac{1}{4}$ (или $\frac{1}{5}$) культурные отложения, $\frac{3}{4}$ ($\frac{4}{5}$) глина. Не менее 16 небольших (до 21 см) обломков известняка — элементы перекрытия (?). Пять-шесть пар рогов горного козла (*Capra sibirica*), соединенных «в вилку» остатками лобных костей, возможно, образовывали кольцообразное сооружение вокруг останков погребенного — конструктивные элементы? предметы погребального инвентаря?
- 10_{1г}. Под кровлей, справа от «входа», в средней части грота, но у западной стенки. Участок d6—d7. Возможная ориентировка сооружения север—северо-восток—юг-юго-запад (примерно 1,10 м) и северо-запад—запад—юго-восток—восток (примерно 0,80 м). Череп на глубине 0,25 м от внешней поверхности.
- 10_{11а}. Ребенок. Мужчина. Женщина? (Алексеев В. П., 1985. С. 14).
- 10_{11б}. 8—10 лет.
- 10_{11в}. Неандерталец с рядом прогрессивных морфологических признаков.
- 10_{11г}. Череп (ф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки: шейные — 1-й, 4/5-й (фф); грудные — 1-й (ф); поясничные (?) (фф). Ребра (н, ф, фф): 2-е, 4-е, 5-е, 6/7-е правые; 4-е левое; фрагменты ребер (сторона?). Ключицы: правая (н), левая (ф). Левая плечевая (фф). Седалищная (фф). Правая бедренная (ф). Левая большеберцовая (фф). Две малоберцовые (фф) (Синельников Н. А., Гремяцкий М. А., 1949. С. 123—153; Рохлин Д. Г., 1949. С. 117—121; Алексеева Т. И. и др., 1986. С. 6).
- 10_{11д}. На концах трубчатых костей — следы зубов хищника (Окладников А. П., 1949. С. 37). Глубокие резаные следы на сохранившихся диафизах, в особенности на диафизе левой большеберцовой кости (Ульрих Г., 1982а; 1982б; Ullrich H., 1986. P. 233).
- 10_{11а}. Предположительно юго-запад.
- 10_{11в}. Предположительно вдоль боковой западной стенки, лицом в тыл и к боковой стенке?
- 10_{11г}. Расчлененное. Вероятно, погребена часть вместо целого (череп, нижняя челюсть и отдельные кости посткраниального скелета). Тело, по крайней мере частично, экскарнировано: с отдельных костей путем срезания (декарнизация) сняты мягкие ткани (Ullrich H., 1986. P. 227—236).
- 10_{11д}. Первоначальное положение частей скелета не устанавливается (погребение потревожено хищником). Череп, нижняя челюсть и разрозненные остатки посткраниума залежали в слое на разных уровнях.
- 10_{11е}. Наличие инвентаря вероятно — предметы находились не только в основании культурного слоя, но и в стерильной глине заполнения. Несколько расколотых трубчатых костей козла, лежавших рядом и параллельно друг другу; между ними,

рядом с черепом, но несколько выше, — орудие типа шила из локтевой кости горного козла. Рядом с черепом — фрагмент черепа козла (?), но он мог принадлежать и одной из фрагментированных пар рогов, описанных выше (10_{1а}). Ребро животного, разбитое на три части, — рядом с одним из человеческих ребер. Несколько отщепов вместе с костями человека. Рога козла, обозначенные здесь как конструктивные элементы погребального сооружения, могли входить и в состав погребального инвентаря.

- 10_{IV}. Небольшое временное кострище рядом с рогами козла. Основания одной из пар козлиных рогов были «как будто слегка обожжены» (Окладников А. П., 1949. С. 39). Связь кострища и погребения возможна.
11. Окладников А. П., 1939а. С. 8; 1939б. С. 256, 257; 1940. С. 5—19.
 12. Тешик-Таш. . . , 1949.
 13. Дебец Г. Ф., 1940; 1947; 1948. С. 36—38; Weindenreich F., 1945; Рохлин Д. Г., 1949. С. 109—121; Синельников Н. А., Гремяцкий М. А., 1949. С. 123—182; Бунак В. В., 1951; 1959; Movius H. L. 1953; Якимов В. П., 1954. С. 61; Ullrich H., 1954; 1958. S. 72—106; Герасимов М. М., 1955. С. 187—194; 1964. С. 80—84; Урысон М. И., 1964. С. 120—148; Roginsky Я. Я., 1966а. С. 205—211; Catalogue. . . , 1971. P. 334, 335; Кочеткова В. И., 1973. С. 203—209; Алексеев В. П., 1985. С. 5—22; Успенский С. И., 1969. С. 113—124.
 14. Окладников А. П., 1952. С. 159—180; Tillier A.-M., 1982. P. 19—22; Смирнов Ю. А., 1985а; Ullrich H., 1986. P. 227—236.
 15. Ленинград, Дворцовая набережная, 18. ЛОИА АН СССР. Архив. Ф. 35. Оп. 1, № 206; Ф. 35. Оп. 1, № 107.
 16. Археологические материалы: Музей истории народов Узбекистана, Музей естественнонаучной пропаганды в г. Ташкент, Сурхандарьинский (Термезский) историко-краеведческий музей, Бухарский историко-краеведческий музей. Чирчикский городской музей (Спришевский В. И., 1974. С. 5). 1938 г. — Ленинград, Университетская набережная, 3, Музей антропологии и этнографии АН СССР, № 4727. Антропологическая кол.: Москва, пр. К. Маркса, 18, Институт и музей антропологии МГУ, № 127, СССР.

Шанидар

Шанидар 1—9²¹

1. Азия. 36°50' Север, 44°13' Восток. Ирак, Курдистан, 400 км к северу от г. Багдад, 150 км к северо-западу от г. Хазар-Мерд, 18 км к юго-востоку от г. Зибар, 13,5 км к северо-западу от места слияния рек Большой Заб и Равандуз, левый берег р. Большой Заб. В долине Шанидар, образованной хребтами Бератдаг и Барадост.

²¹ В Catalogue. . . (1975. P. 122) ошибочно указано, что в Шанидаре были открыты остатки семи (Shanidar 1—7) индивидуумов; там же ошибочно указано на наличие нижней челюсти среди остатков индивидуума Шанидар 5.

2. Пещера Шанидар. Открыта на юг. Ширина у входа 25 м, высота потолка у входа 8 м, длина полости 40 м, максимальная ширина 53 м. Среднемеловые известняки.
3. Шесть погребений (девять²² индивидуумов). Шанидар 9 («child», «baby», «ребенок», «дитя») — 1953. Шанидар 1—3 — 1957, Шанидар 4—8 — 1960; Р. С. Солецки (Solecki R. S., 1971; Trinkaus E., 1983a)²³.
4. Погребения — слой D, верхний подраздел (примерно 8,6—4,15 м). Стратиграфия сверху вниз: А — темно-коричневая перемешанная глина и рыхлая гумусированная толща с многочисленными золистыми и углистыми прослойками (современность — неолит). В₁ — темно-коричневая глина (протонеолит). В₂ — светло-коричневая глина (мезолит). С — суглинок от желто-коричневого до темно-коричневого оттенков с прослойками золы и углей; в верхнем и нижнем горизонте — следы двух мощных обвалов (верхний палеолит: ориньяк? барадост.) D — светло-коричневый суглинок в основном в верхних горизонтах, темно-коричневая глина — в средних (мустье). В средней части слоя — сталагмитовая прослойка. В двух этих горизонтах — мощные прослойки золы и угля. Нижний горизонт — глина, лежащая на скальном основании. В слое D — следы минимум трех крупных обвалов (Solecki R. S., 1955a; 1960; 1963).
5. Мустье (Solecki R. S., 1963; Skinner J. H., 1965. P. 197; Коробков И. И., 1966. С. 129—132; Bordes F., 1981. P. 84). Мустье до известной степени напоминает типичное мустье — Р. С. Солецки (Ранов В. А., 1978. С. 211, 212).
6. *Capra aegagrus*, *Testudo graeca*, *Sus scrofa*, *Cervus elaphus*, *Capreolus capreolus*, *Vulpes vulpes* (Perkins D. Jr., 1960. P. 77, 78; Ewins M. A., 1981). Флора: в среднем горизонте слоя D — *Phoenix dactylifera*, в верхнем — *Abies* (Solecki R. S., Leroi-Gourhan A., 1961. P. 729—739).
- 7_I. Верхний плейстоцен (Solecki R. S., 1963). Первая половина Вюрма, до начала «Готвейга» (Иванова И. К., 1965. С. 125). Верхняя часть слоя D и слой С — Готвейгский интерстадиал — Вюрм I—II (Долуханов П. М., 1966. С. 120).
- 7_{II}. Кость погребенного Шанидар 1: F=0,08 %, 100F/P205=0,2, eU308=0, N=0,04 %. Кость животного — F=0,07 %, 100F/P205=0,2, eU308=6ppm, N=0,169 % (Catalogue... , 1975 P. 122).

²² По сообщению Р. С. Солецки, рядом с погребением Шанидар 4, 6—8 находились остатки еще одного (десятого. — Ю. С.) индивидуума (Solecki R. S., 1971. P. 243), оставленного на месте находки.

²³ Нумерация индивидуумов, принятая в данной работе, не полностью совпадает с нумерацией, принятой в Catalogue... (1975. P. 122) и других сводках по Шанидару. Номером 9 здесь обозначена находка костей ребенка, открытых в 1953 г., а номером 7 — один из некомплектных женских скелетов, обнаруженных при разборке монолита «цветочного погребения», здесь — Шанидар 4, 6—8, что соответствует первоначальной нумерации самого Р. С. Солецки, принятой для «цветочного погребения» (Solecki R. S., 1971. P. 237).

- 7_{III}АII. Шанидар 1: 46 900±1500 ВР — GrN-2527 или 50 600±±3000 ВР — GrN-1495 — C₁₄, уголь из кострища слоя D на глубине 5,30 м.
- 7_{III}АIII. Шанидар 2 ~ 60 000 лет; Шанидар 3 ~ 46 000 лет; Шанидар 4,6—8 ~ 60 000; Шанидар 5 ~ 46 000 лет; Шанидар 9 ~ старше 60 000 лет. Все даты этого подраздела — на основе стратиграфического соположения обнаруженных индивидуумов.

Шанидар 1

8. Шанидар 1. Одиночное.
9. 1957, 27 апреля: Ф. Смит.
- 10_{1а}. Насыпь из камней и земли?
- 10_{1б}. Форма нерегулярная. Сооружение вытянуто с севера на юг. Примерные размеры 2,50×1,50 м.
- 10_{1в}. Для насыпи использованы камни обвала. Поверхность, на которой располагался скелет, наклонная. Перепад с востока на запад (от стоп к черепу) 15—20 см. Два плоских камня (конструктивные элементы?). Один небольшой — под нижней челюстью, другой, гораздо крупнее, — под левым плечом.
- 10_{1г}. В средней части пещеры. Квадрат В7, глубина 4,34 м от нулевого репера. Длинной осью север—юг — вдоль осевой линии пещеры.
- 10_{1а}. Мужчина.
- 10_{1б}. По меньшей мере 30, но, вероятно, не более 40—45 лет (Trinkaus E., 1983a. P. 39).
- 10_{1в}. Неандерталец с некоторыми своеобразными морфологическими признаками.
- 10_{1г}. Череп. Нижняя челюсть. Позвонки: 1-й, 5—7-й шейные; 1-й, 2-й?, 12-й, а также фрагменты 7/8-го грудных; 1—5-й поясничные. Крестец. Ребра: фрагменты восьми правых и шести левых. Две ключицы. Две лопатки. Две плечевые. Левая локтевая. Левая лучевая. Пясть: III—V левые. Две безымянные. Правая бедренная. Две большеберцовые. Две малоберцовые. Два надколенника. Предплюсна: две таранные, две пяточные, две ладьевидные, две медиальные клиновидные, две промежуточные клиновидные; латеральная клиновидная, кубовидная правая. Плюсна: I—V правые; I, II, IV левые. Фаланги: проксимальные — I левая (Trinkaus E., 1983a). Почти все кости фрагментированы в той или иной степени.
- 10_{1д}. Следы многочисленных рубцов, сгладивших латеральную часть левой глазницы. Полное отсутствие костей правого предплечья и правой кисти. Атрофия или неправильное развитие правой плечевой кости (паралич Эрба, полиомиелит?) — потеря предплечья в результате несчастного случая или умышленной ампутации. Анормальная форма левой большеберцовой (ранение?). Правый надколенник, коленный сустав и одна из суставных поверхностей стопы изменены артритом (Stewart T. D., 1977. P. 128). Зажившие шрамы на внешней поверхности правой лобной кости — ранение без перелома. Пролом левой глазницы

зажил в течение жизни, но повлек постоянную деформацию левой стороны верхней части лица. Оба слуховых прохода в значительной степени заполнены экзостозами — возрастные изменения. Левый мышечковый отросток нижней челюсти частично изменен дегенеративной болезнью суставов. Небольшой остеофитоз или другая дегенерация позвоночного столба: экзостозы в районе 5-го шейного позвонка и 3-го поясничного. Большая оссификация левой внутренней межпозвоночной связки. Оссификация на локтевом отростке левой локтевой кости, проксимальной части правой бедренной кости, обоих надколенниках и буграх обеих пяточных костей. Прижизненная аномалия (в сторону уменьшения размеров) правой ключицы, лопатки и плечевой кости. Травматизм правой руки — гипоплазия или атрофия ключицы, лопатки и плеча. Многочисленные переломы правой плечевой. Остеомиелит ключицы. Заживший перелом на V правой плюсневой кости — большая костная мозоль и деформация диафиза. Экзостозы на лодыжковой поверхности и оссификация на связочных поверхностях больше- и малоберцовых и на таранной кости. Дегенеративная болезнь суставных поверхностей между правой медиальной клиновидной костью и I и II метатарзальными. Экзостозы вокруг мышц правой бедренной кости и на надколенниковой поверхности — остеоартрит. То же на правом надколеннике. Аномальному развитию правой голени и стопы сопутствует заметный изгиб диафиза левой большеберцовой кости (Trinkaus F., 1983a. P. 401—413).

- 10_{IIe}. Погребенный сдвинут к северному краю сооружения.
- 10_{IIж}. Ориентирован перпендикулярно длинной оси сооружения.
- 10_{IIз}. Головой на запад, азимут примерно 266°.
- 10_{IIи}. Поперек «входа» (череп смещен).
- 10_{IIк}. Целое? (Череп смещен к югу от осевой линии корпуса. Нижняя челюсть сдвинута по отношению к черепу к северо—северо-востоку. Причины несогласованного положения черепа, нижней челюсти и остального скелета неясны.)
- 10_{IIл}. 1а — Горизонтальное вытянутое.
- 2а/б — Корпус на спине с некоторым разворотом на правый бок.
- 3а — Череп на собственном основании. (Отделен от шейных позвонков — район 4-го позвонка — куском известняка, лежавшим там же, на месте погребения.)
- 3б — Правая плечевая приведена к корпусу (предплечье отсутствует). Левая плечевая приведена к корпусу. Левое предплечье сильно (примерно 50°) согнуто в локтевом суставе. Кисть (разрознена) могла находиться в состоянии пронации на правой стороне грудной клетки, в районе правой ключицы.
- 3в — Ноги вытянуты, стопы несколько сближены между собой и, возможно, оттянуты.
- 10_{III}. Два отщепы на уровне человеческих костей (один — с внутренней стороны у дистального конца правой плечевой кости, другой — в 10 см к северу от проксимального конца левой плечевой кости, один из отщепов ретуширован). Многочисленные кости, в том

числе и зубы млекопитающих (часть обожжена) находились под сооружением из камней, перекрывавших скелет, на уровне человеческих костей и частью в соприкосновении с ними и выше них, среди камней и почвы насыпи, а также на ее внешней поверхности. Несколько отщепов — на внешней поверхности насыпи. Связь перечисленных предметов с погребением возможна.

- 10_{IV}. Два кострища. Одно — под правой голенью, другое — к северу от левого предплечья. Связь по крайней мере одного из этих кострищ с погребением вполне вероятна.
11. Solecki R. S., 1957a. P. 59, 60; 1957b. P. 58—64.

Шанидар 2

8. Шанидар 2. Одиночное.
9. 1957, 23 мая — череп. Рабочий Мухамед Амин. 1960 — отдельные части посткраниума. Череп снят в 1957 г. Остальные кости в 1960 г.
- 10_{IA}. Насыпь из камней.
- 10_{IB}. Для насыпи использованы камни обвала? Череп располагался на камне.
- 10_{IC}. В средней части пещеры, но в стороне (к западу) от той линии (приблизительно север—юг), на которой расположены остальные погребения. Квадрат D8, глубина 7,25 м от нулевого репера.
- 10_{IIA}. Мужчина.
- 10_{IIБ}. Возраст между 20—30 годами, но, вероятно, ближе к 20, чем к 30 (Trinkaus E., 1983a. P. 39).
- 10_{IIв}. Морфология — в пределах вариаций, свойственных неандертальцам.
- 10_{IIГ}. Череп (ф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки (ф): 1—7-й шейные; 1—5-й, 10—12-й грудные; 1—4-й поясничные. Две лопатки (ф). Левая большеберцовая (н). Левая (н) малоберцовая (Trinkaus E., 1983a; Catalogue. . . , 1975. P. 122). Три (фф) ребра (Stewart T. D., 1977. P. 144).
- 10_{IIД}. Следы зубов грызуна (грызунов?) на концах левой большеберцовой кости (Stewart T. D., 1977. P. 144). Дегенеративные аномалии в коренных и предкоренных альвеолах верхней челюсти — заметные альвеолярные экзостозы — родовая черта (?), результат функциональной гипертрофии (?), периодонтальное воспаление (?). Небольшие экзостозы на боковом и заднем краях правого затылочного мыщелка. Костные наросты вокруг краев верхних суставных поверхностей и левой нижней суставной поверхности 4-го поясничного позвонка. Эти остеоартритные изменения незначительны (Trinkaus E., 1983a. P. 413).
- 10_{IIE}. Головой ориентирован (ось череп — остатки нижней конечности) на северо-восток.
- 10_{IIЖ}. Под углом к «входу» (?), головой к заднебоковой стенке, лицом к боковой стенке.
- 10_{IIЗ}. Расчлененное? Погребение части вместо целого? (Несмотря на возможность постэкзгумационного отбора и деятельность грызунов и животных-некрофагов, столь странный набор костных остатков

- указывает скорее на антропогенное, чем на природное, воздействие.)
- 10_{III}. 1а — Горизонтальное вытянутое? Положение позвоночного столба находящегося в анатомической связи с черепом, а также левой лопатки неестественно: загнуты на затылок и прижаты к нему. (На каком расстоянии от черепа находились остатки костей левой конечности, неизвестно.)
- За — Череп на правом боку.
- 10_{III}. Кости животных, в частности челюстные, некоторые из них расколоты и обожжены. Связь с погребением проблематична.
- 10_{IV}. 1. Кострище округлой формы 20×25 см и толщиной 10 см непосредственно на поверхности насыпи из камней. Костер был засыпан землей еще во время горения? В этом кострище — несколько остроконечников; один остроконечник располагался непосредственно над другим и в соприкосновении с ним. Там же — фрагменты костей млекопитающих. Связь кострища с погребением вероятна.
2. Кострище. Находилось в 0,30 м к югу от черепа. Связь погребения с кострищем неясна.
11. Solecki R. S., 1957a. P. 59, 60; 1957b. P. 58—64.

Шанидар 3

8. Шанидар 3. Одиночное.
9. 1957, 16 апреля. Рабочий. Человеческие кости вначале приняты за остатки млекопитающего. Идентифицированы в лабораторных условиях в 1958 г.: череп (?), остатки нижних конечностей, нижняя часть торса и четыре изолированных зуба. Остальная часть посткраниума, оставшаяся *in situ*, снята в 1960 г.
- 10_{IV}. Естественная ниша (?) между крупными известняковыми блоками.
- 10_{IV}. Форма нерегулярная. Дно наклонное? Примерные размеры ниши 0,70×0,55 м. Кости залежали в слое толщиной 0,35 м.
- 10_{IV}. Заполнение ниши — почва (культурный слой?) и камни. Для насыпи использован тот же (?) материал.
- 10_{IV}. В средней части пещеры. Пересечение квадратов А8-9 и В8-9. Глубина 5,40 м от нулевого репера. Длинная ось — север—юг — вдоль осевой линии пещеры.
- 10_{III}. Мужчина.
- 10_{III}. 42±8,2 года (Trinkaus E., 1983a. P. 39, 40).
- 10_{III}. Неандерталец.
- 10_{III}. Череп? (Stewart T. D., 1977. P. 123). Зубы: верхний левый С, верхний правый МЗ; нижний левый I2, нижний правый С. Позвонки: 1—12-й грудные; 1—5-й поясничные, Крестец. Ребра: 1—12-е правые; 1—3-е, 6—9-е, 11-е левые. Две лопатки. Две ключицы. Две плечевые. Левая лучевая. Две локтевые. Запястье: две ладьевидные, две полулунные, кость-трапеция, крючковидная правые. Пясть: III правая, II, V левые, IV не определена. Фаланги: проксимальные — II левая (?), III, IV левые; медиальные — III правая, III—V левые (?); дистальные — I левая, III (?), V не определены. Таз. Бедренная (разрушенный фрагмент диафаза). Две большеберцовые. Две малоберцовые. Предплюсна: две таранные.

две пяточные, две ладьевидные, две медиальные клиновидные, две промежуточные клиновидные, правая латеральная клиновидная, две кубовидные. Плюсна: I—IV правые, I, IV, V левые. Фаланги: проксимальные — I правая (?), II правая. Сесамовидные: медиальная и латеральные правые (Trinkaus E., 1983a). Подавляющее большинство костей сильно фрагментировано.

- 10_{IIa}. На верхнем крае левого 9-го ребра, в 60 мм от дистального угла — частично зажившее повреждение: канавка с параллельными краями шириной 1,5 мм, — проникающее ранение между 8-м и 9-м левыми ребрами. Сильная дегенерация суставов правой стопы — заметные костные шпоры на лодыжковых суставных поверхностях. Костные наросты на связочных поверхностях таранной и пяточной кости. Остеоартрит правой стопы вызван зажившим переломом или сильным растяжением. Небольшие экзостозы на обоих венечных отростках локтевых костей. На головке правой лучевой кости (В списке ископаемых остатков (Trinkaus E., 1983a. P. 24, 239) правая лучевая кость не значится; может быть, речь должна идти о левой лучевой кости. — Ю. С.) имеются минимальные экзостозные образования. Остеофитоз в той или иной степени присутствует на всех грудных и поясничных позвонках (Trinkaus E., 1983a. P. 414—419).
- 10_{IIb}. Погребенный занимал всю нишу. Большая часть нижних конечностей (по крайней мере от середины бедер) находилась за пределами ниши на открытом пространстве?
- 10_{IIIж}. Располагался под углом (?) к длинной оси ниши.
- 10_{IIa}. «Головой» на восток? «Верхние конечности были направлены примерно на восток, а нижние на запад» (Solecki R. S., 1960. P. 626).
- 10_{IIIa}. Поперек «входа», «головой» к боковой стенке пещеры, «лицом» к задней стенке пещеры?
- 10_{IIIк}. Расчлененное? Декапитация (?) и возможное замещение головы четырьмя зубами? В анатомическом порядке (?) находились только кости нижней части туловища, до грудной клетки? В связи с плохой сохранностью материала не исключена возможность постэкзугамационного отбора.
- 10_{IIIa}. 16 — Горизонтальное скорченное?
26 — Корпус на правом боку с некоторым разворотом на спину. (Разворот, возможно, произошел под действием обвала.)
Зв — Кости ног согнуты?
- 10_{III}.
- 10_{IV}. Два кострища диаметром 0,70 м и толщиной 5 см находились в 1 м к югу (Solecki R. S., 1960. P. 625; к востоку — Solecki R. S., 1971. P. 226) от погребения и на 10 см над уровнем залегания костей скелета. Предположительно верхнее (?) кострище одновременно погребению, связь их с захоронением проблематична.
11. Solecki R. S., 1960. P. 624—627.

Шанидар 4

8. Шанидар 4. Коллективное (единовременное?, последовательное?: Шанидар 8 → Шанидар 7 → Шанидар 6 → Шанидар 4)
9. 1960, 3 августа. Рабочий.
- 10_{1а}. Ниша, искусственно созданная?
- 10_{1б}. Продолговатой формы. Примерные размеры 1,20×0,70 м.
- 10_{1в}. Устроена между крупными известняковыми блоками. Заполнена культурными отложениями и мелкими камнями.
- 10_{1г}. В средней части пещеры. Квадрат В7. Глубина 7,49 м от нулевого репера. Длинная ось северо-запад — юго-восток (под углом к «входу»). Северо-западная сторона ниши открыта.
- 10_{1а}. Мужчина.
- 10_{1б}. Между 30 и 45 годами (Trinkaus E., 1983a. P. 40, 41).
- 10_{1в}. Неандерталец с некоторыми отличительными признаками.
- 10_{1г}. Череп. Нижняя челюсть. Позвонки: 2-й, 3-й?, 4-й?, 5-й?, 6/7-й шейные; 1—4-й, 12-й — грудные; 1—5-й — поясничные. Крестец. Копчиковый рог: 1-й позвонок. Ребра: 1-е левое; 1-е, 2-е, 4-е, 5-е, 7-е, 11-е, 12-е правые; много не определенных фрагментов. Две лопатки. Две плечевые. Две локтевые. Две лучевые. Запястье: две ладьевидные; полулунная, кость-трапеция правые; трехгранная, гороховидная, трапециевидная, головчатая, крючковидная левые. Пясть: I—V правые, I—V левые. Фаланги: проксимальные — I, III, V правые, I—V левые; медиальные — II, III, V правые, III, IV, V левые; дистальные — I правая, I, III?, IV? левые; V — неопределенной стороны. Две безымянные. Две бедренные. Левый надколенник. Две большеберцовые. Две малоберцовые. Предплюсна: две таранные, две пяточные, ладьевидная правая, две промежуточные клиновидные, две латеральные клиновидные. Плюсна: IV, V правые, II—V левые; II/III неопределенной стороны. Фаланги: проксимальные — I—V правые, I—III, V левые; медиальные — III—V правые, II, III левые; дистальные — II правая, I, II левые; III неопределенной стороны. Сесамовидные: медиальная левая (Trinkaus E., 1983a). Все кости сильно фрагментированы.
- 10_{1д}. Посмертное патологическое сращение между левой II пястной и трапециевидной костями, при жизни это сочленение было нормальным (Stewart T. D., 1977. P. 160; Trinkaus E., 1983a. P. 419). Сильные экзостозы на суставной поверхности левого надколенника: отсутствие желобка вдоль верхнего бокового края (служащего для прикрепления латеральной широкой мышцы бедра) на левом надколеннике. Метафиз правой малоберцовой кости явно сплюсшее в переднезаднем направлении; эта аномалия выражена в большей степени, чем у индивидуума Шанидар 1, у которого эта кость деформирована (Stewart T. D., 1977. P. 160, 161). Костная мозоль возле угла 7-го или 8-го правого ребра — частично заживший перелом. Костные наросты вдоль вентрального края тела 4-го шейного позвонка — средневыраженный остеофитоз. Небольшой остеофитоз на фрагментах тела одного из грудных или верхних поясничных позвонков. Экзостозы на левой стороне трех поясничных поз-

вонков; на их верхних суставных поверхностях и на одной из двух нижних — остеофитоз. Экзостозы на дистальном конце левой лучевой кости вокруг краев ее пястной поверхности. Экзостозы и изъязвление лучевых суставных поверхностей на костях левого запястья: ладьевидной, трехгранной и гороховидной; экзостозы на пястных суставных поверхностях головчатой и крючковой костей — дегенеративная болезнь суставов? Вторичные костные наросты на суставной впадине правой лопатки. Костные шпоры на костях стопы: на подошвенной основе правой проксимальной III фаланги, на дорзальной основе левой медиальной II фаланги, вокруг обоих суставов правой медиальной IV фаланги, вокруг головки правой медиальной V фаланги, на основаниях четырех из пяти дистальных фаланг стопы (Сторона не указана. — Ю. С.) от второго до пятого пальцев — оссификация суставных связок или длинных пальцевых сухожилий. Большие костные шпоры на локтевом отростке левой локтевой кости и на левом надколеннике, в месте прикрепления (? — очевидно, на передней поверхности надколенника. — Ю. С.) четырехглавой мышцы бедра — следствие высокого уровня нормального биомеханического напряжения (Trinkaus E., 1983a. P. 418, 419).

- 10_{11a}. В центре ниши, над остальными погребенными. Голова — менее чем в 10 см от задней стенки ниши. Лицом к боковой стенке.
- 10_{11в}. Ориентирован вдоль длинной оси погребального сооружения.
- 10_{11б}. Головой на юго-восток, азимут примерно 136°.
- 10_{11г}. Под углом к «входу», головой к боковой стенке, лицом к входной части.
- 10_{11к}. Целое.
- 10_{11д}. 1б — Горизонтальное скорченное.
 2в — Корпус на левом боку.
 3а — Череп на левом боку.
 3б — Правая рука сильно (примерно 35°) согнута в локте. Правая плечевая прижата к корпусу. Кисть, в состоянии пронации, флексирована (?) вокруг средней части левого предплечья. Левая рука отставлена от корпуса и согнута в локте в средней степени (примерно 67°). Кисть у лобной кости.
 3в — Ноги согнуты в тазобедренных суставах в средней степени (примерно 65°) и сильно (примерно 30°) — в коленных. Стопы у тазовых костей?
- 10_{11л}. Кремневые орудия, необработанные отщепы и кости животных. Связь перечисленных предметов с погребением проблематична — ниша заполнена культурным слоем. Цветы (не менее семи целых бутонов) и ветви растений, преднамеренно принесенные в пещеру и положенные либо на погребенного Шанидар 4, либо под него. Если погребение единовременное, то данное приношение относилось ко всем захороненным. Выявлены следующие роды цветов: 1 — *Achillea*, 2 — *Centaurea solstitialis*, 3 — *Senecio*, 4 — *Liliaceae* (*Muscari*), 5 — *Ephedra altissima*, 6 — *Althaea*, 7, 8? — род не определен; и древесные породы: 1 — *Pinus halepensis* Mill., 2 — *Juniperus* (предположительно), 3 — *Abies*?, 4 — хвойные, род не определен,

5 — лиственные, род не определен (Leroi-Gourhan Arl., 1968. P. 79; 1975. P. 562—564, Vernet J. L., 1981. P. 141—144).

10_{IV}.
11. Solecki R. S., 1961. P. 690—699.

Шанидар 5

8. Шанидар 5. Одиночное.
9. 1960, 7 августа. Череп и часть посткраниума сняты в 1960 г.: остальные кости оставлены на месте (Trinkaus E., 1977a. P. 34).
- 10_{Ia}. Насыпь (?) из камней и культурных (?) отложений.
10_{Ib}. Костные остатки разбросаны. Площадь примерно 0,60×0,60 м.
10_{Ib}. Камни и суглинок с вкраплениями углей. Череп располагался на камне.
10_{Ic}. В средней части пещеры. Квадрат А9 глубина 4,48 м от нулевого репера.
- 10_{IIa}. Мужчина.
10_{IIb}. 35—50 лет.
10_{IIc}. Неандерталец с некоторыми отличительными признаками.
10_{IIc}. Череп. Позвонки: 5-й, 6/7-й шейные. Ребра: 4—7-е (?) правые: 2-е, 9/10-е (?) левые. Лопатка. Две локтевые. Правая лучевая. Запястье: трехгранная, гороховидная, крючковидная правые. Пясть: II, IV, V правые. Фаланги, все правые: проксимальные — I, V; медиальные — II, IV; дистальные — I, II?, III? Подвздошная кость. Две бедренные. Левые больше- и малоберцовые. Два надколенника. Все кости в той или иной степени фрагментированы (Trinkaus E., 1983a).
- 10_{IIa}. Поверхностный шрам на левой лобной чешуе — зажившее ранение скальпа. Небольшая альвеолярная экзостоза над левым верхним 3-м моляром — патология? Заметные экзостозы на вечноном отростке и лучевой поверхности проксимального конца правой локтевой кости. Несколько меньшие экзостозы вдоль переднего края плечевой поверхности локтевого отростка. Остеоартрит в виде выраженных экзостозов вокруг проксимальных поверхностей правых ребер: 4-го или 5-го и 5-го или 6-го (Trinkaus E., 1983a. P. 419—421).
- 10_{IIa}. Головой к боковой стенке?
10_{IIa}. Расчленение (?) — несогласное положение черепа и осевого скелета. Отсутствие нижней челюсти. Костяк не совсем комплектный. Однако отсутствие по крайней мере части костей посткраниального скелета может объясняться как деятельностью грызунов, так и современным погребению антропогенным воздействием (Solecki R. S., 1971. P. 241, 242). Кроме того, часть посткраниальных остатков была оставлена в стенке раскопа (Solecki R. S., 1961: P. 696) — постэкзгумационный отбор.
- 10_{IIa}. 16 — Горизонтальное (?) скорченное.
2в — Корпус на левом (?) боку.
3а — Череп на правом (?) боку.

3б — Руки согнуты? Кисти (во всяком случае правая) над коленями.

3в — Левая нога согнута в коленном суставе.

- 10_{III}. Нижняя челюсть оленя (?) вплотную к человеческому черепу. Связь с погребением возможна. Остроконечник, отщепы, кости животных среди камней и под ними вместе с костями человека. Связь с погребением проблематична.
- 10_{IV}. Кострище рядом с погребенным. Связь с погребением возможна.
11. Solecki R. S., 1961b. P. 690—699.

Шанидар 6

8. Шанидар 6. Коллективное (единовременное?, последовательное?: Шанидар 8 → Шанидар 7 → Шанидар 6 → Шанидар 4).
9. 1960, 9 августа. Плечевая кость во время расчистки скелета Шанидар 4 и некоторые другие кости позднее, во время снятия монолита с остатками Шанидар 4. Остальные кости идентифицированы Т. Д. Стьюартом в 1962 г. и позднее Э. Тринкаузом в лабораторных условиях.
- 10_{IA}. Ниша, искусственно созданная?
- 10_{IB}. Продолговатой формы. Примерные размеры 1,20×0,70 м.
- 10_{IB}. Устроена между крупными известняковыми блоками. Зополнена культурными отложениями и мелкими камнями.
- 10_{IC}. В средней части пещеры. Квадрат В7. Глубина 7,68 м от нулевого репера. Длинная ось северо-запад—юго-восток (под углом к «входу») северо-западная сторона ниши открыта.
- 10_{IIA}. Женщина.
- 10_{IIБ}. Примерно 25 лет (Trinkaus E., 1983a. P. 41, 42).
- 10_{IIВ}. Череп (фф). Пять нижних зубов правых и левых. Позвонки: 1—4-й поясничные. Грудина (Шанидар 6?). Две плечевые. Две локтевые. Две лучевые. Запястье: ладьевидная правая, трехгранная левая. Пясть: V правая. II—V левые. Фаланги: проксимальные — III правая, I, III левые; медиальные — II, III правые, III, V левые; дистальные — I, II? левые. Безымянная (сторона?). Две бедренные. Правый надколенник. Правая и левая (?) большеберцовые. Две малоберцовые. Предплюсна: таранная правая; промежуточная клиновидная и кубовидная левые. Плюсна: II, IV правые; II, III левые. Фаланги: дистальные — I правая (Trinkaus E., 1983a). Все кости сильно фрагментированы.
- 10_{IIД}. Заметные костные шпоры на правом надколеннике в месте прикрепления четырехглавой мышцы бедра (Передняя поверхность надколенника?. — Ю. С.) — артрит — скорее функциональная (свойственная женщине), чем возрастная, аномалия (Stewart T. D., 1977. P. 163). Небольшой выступ вдоль края вертлужной впадины (Trinkaus E., 1983a. P. 421).
- 10_{IIЕ}. В центре ниши, но несколько ближе к юго-западной стенке, чем Шанидар 4, и под ним.
- 10_{IIЖ}. Ориентирован поперек или под углом к длинной оси погребального сооружения.

- 10_{11a}. Головой в южном (?) направлении.
 10_{11a}. Под углом к «входу»?
 10_{11a}. Целое (по крайней мере часть костей находилась в анатомическом порядке. Stewart T. D., 1977. P. 161.). Возможно, часть костей утрачена во время снятия монолита с остатками Шанидар 4.
 10_{11a}. 16 — Горизонтальное скорченное (поза сходна с положением Шанидар 4. Trinkaus E., 1983a. P. 28).
 2в — Корпус на левом боку.
 3 — конечности полусогнуты.
 10_{11a}. Кремневые орудия, необработанные кремни и кости животных. Связь перечисленных предметов с погребенным проблематична — ниша заполнена культурным слоем. Цветы (не менее семи целых бутонов) и ветви растений, преднамеренно принесенные в пещеру и положенные в могилу. Выявлены следующие роды цветов: 1 — *Achillea*, 2 — *Centaurea solstitialis*, 3 — *Senecio*, 4 — *Liliaceae* (*Muscari*), 5 — *Ephedra altissima*, 6 — *Althaea*, 7, 8? — род не определен; и древесные породы: 1 — *Pinus halepensis* Mill., 2 — *Juniperus* (предположительно), 3 — *Abies*?, 4 — хвойные, род не определен. 5 — лиственные, род не определен (Leroi-Gourhan Arl., 1968. P. 79; 1975. P. 562—564; Vernet J. L., 1981. P. 141—144). Возможно, относились и к погребенному Шанидар 6.
 10_{11a}. _____
 11. Solecki R. S., 1961b. P. 690—699.

Шанидар 7²⁴

8. Шанидар 7. Коллективное (единовременное?, последовательное?: Шанидар 8 → Шанидар 7 → Шанидар 6 → Шанидар 4).
 9. 1960, 15 августа. Часть костей во время снятия монолита с остатками Шанидар 4. Остальные кости идентифицированы Т. Д. Стюартом в 1962 г. и позднее Э. Тринкаузом в лабораторных условиях.
 10_{1a}. Ниша, искусственно созданная?
 10_{1a}. Продолговатой формы. Примерные размеры 1,20×0,70 м.
 10_{1a}. Устроена между крупными известняковыми блоками. Заполнена культурными отложениями и мелкими камнями.
 10_{1a}. В средней части пещеры. Квадрат В7. Глубина, по-видимому, немногим более 7,68 м от нулевого репера. Длинная ось северо-запад—юго-восток (под углом к «входу»), северо-западная сторона ниши открыта.
 10_{1a}. Женщина?
 10_{1a}. Взрослая молодая (Trinkaus E., 1983a. P. 42).
 10_{1a}. Череп (фф). Две плечевые. Правая лучевая. Запястье: ладьевидная правая. Правая малоберцовая. Предплюсна: промежуточная клиновидная правая. Плюсна: III—V правые; I, IV, V левые. Фаланги: проксимальные — I, II, V правые, III левая; медиальные — V неопределенной стороны. Сесамовидные: медиальная

²⁴ По нумерации Э. Тринкауса, Шанидар 8 (Trinkaus E., 1983a).

- правая (Trinkaus E., 1983a). Все кости, за исключением ладьевидной и костей стопы, крайне фрагментированы.
- 10_{11e}. Под скелетами Шанидар 4 и Шанидар 6.
- 10_{11к}. Расчлененное или сильно нарушенное во время погребения Шанидар 6 и, возможно, Шанидар 4 (при условии, если погребения совершались последовательно, а не одновременно). Вполне вероятно и постэксгумационный отбор во время снятия монолита с остатками Шанидар 4 и Шанидар 6.
- 10_{III}. Кремневые орудия, необработанные кремни и кости животных. Связь данных предметов с погребенным проблематична — ниша заполнена культурным слоем. Цветы (не менее семи целых бутонов) и ветви растений, преднамеренно принесенные в пещеру и положенные в могилу. Выявлены следующие роды цветов: 1 — *Achillea*, 2 — *Centaurea solstitialis*, 3 — *Senecio*, 4 — *Liliaceae (Muscari)*, 5 — *Ephedra altissima*, 6 — *Althaea*, 7, 8? — род не определен; и древесные породы: 1 — *Pinus halapensis Mill.*, 2 — *Juniperus* (предположительно), 3 — *Abies?*, 4 — хвойные, род не определен, 5 — лиственные, род не определен (Leroi-Gourhan Arl., 1968. P. 79; 1975. P. 562—564; Vernet J. L., 1981. P. 141—144). Возможно, относились и к погребенному Шанидар 7.
- 10_{IV}.
11. Solecki R. S., 1971.

Шанидар 8²⁵

8. Шанидар 8. Коллективное (единовременное?, последовательное?: Шанидар 8→Шанидар 7→Шанидар 6→Шанидар 4).
9. 1960, 15 августа. Часть костей во время снятия монолита с остатками Шанидар 4? идентифицирована Э. Тринкаузом в лабораторных условиях.
- 10_{1a}. Ниша, искусственно созданная?
- 10_{1б}. Продолговатой формы. Примерные размеры 1,20×0,70 м.
- 10_{1в}. Устроена между крупными известняковыми блоками. Заполнена культурными отложениями и мелкими камнями.
- 10_{1г}. В средней части пещеры. Квадрат В7. Глубина, по-видимому, немногим более 7,68 м от нулевого репера. Длинная ось северо-запад—юго-восток (под углом к «входу»), северо-западная сторона ниши открыта.
- 10_{11a}. Ребенок.
- 10_{11б}. 6—12 месяцев (Trinkaus E., 1983a. P. 42, 43).
- 10_{11г}. Позвонки: 5—7-й шейные; 1-й, 2?—6-й? грудные (Trinkaus E., 1983a. P. 381).
- 10_{11e}. Под скелетами Шанидар 4, 6 и 7? Но возможно, и между 6, 7.
- 10_{11к}. Расчлененное или сильно нарушенное во время погребения Шанидар 7 и, возможно, Шанидар 6 (при условии последовательного

²⁵ По нумерации Э. Тринкауса, Шанидар 9 (Trinkaus E., 1983a).

в средней степени (примерно 90°). Предплечья отставлены от корпуса? Кисти рук в районе коленных суставов? Кисть правой (?) руки, в состоянии супинации, флексирована.

Зв — Ноги сильно согнуты в тазобедренных и коленных (в коленных — приблизительно 40°) суставах и подтянуты к корпусу. Бедрa и голени располагались примерно параллельно друг другу. Стопы сближены.

- 10_{III}. Маленький кусок известняка на левой стопе (пятке). Маленькая конкреция черного каменноугольного вещества в контакте с куском известняка. Большое кремневое изделие в 5,5 см к востоку от черепа. Фрагмент кости млекопитающего в 2,5 см к востоку от левого колена. Маленький фрагмент обожженной кости животного недалеко от правой руки. Связь перечисленных предметов с погребением проблематична — погребение совершено в культурном слое.
- 10_{IV}. 1. Кострище под остатками погребенного, на 7,6 см ниже него. Связь с погребением неясна. 2. Кострище над остатками погребенного, на 40,6 см выше него. Связь с погребением маловероятна.
11. Solecki R. S., 1953b. P. 229—232.

Шанидар 1—9

12. Solecki R. S., 1955c. P. 389—425; 1960. P. 603—635; 1971²⁷.
13. Şenyürek M. S., 1959. P. 1—174; Kurth G., 1960. P. 36—63; Рогинский Я. Я., 1966. С. 200—203; Stewart T. D., 1977. P. 121—165; Алексеев В. П., 1978. С. 38—162; Vandermeersch B., 1981; Trinkaus E., 1983a.
14. Stewart T. D., 1977. P. 121—165; Trinkaus E., 1983a; Смирнов Ю. А., 1985a.
15. _____
16. Iraq Museum, Mathaf Square, Baghdad, Iraq.

Амуд

Амуд 1

1. Азия. Около $32^\circ 52'$. Север, $35^\circ 30'$ Восток. Израиль, Галилея, 10 км к северу от г. Тивериада, 5,3 км выше северо-западного берега Тивериадского озера, правый берег вадии Амуд, 35 м выше тальвега.
2. Грот. Открыт на юго-восток. Перед входом площадка примерно 20×25 м. Ниша длиной 12 м и максимальной шириной 10 м. Вход шириной 10 м и высотой 5,5 м. Меловые известняки эоцена с прослойками мела и аргилитов.

²⁷ Следует иметь в виду, что, во-первых, археологический материал пещеры Шанидар фактически не опубликован; во-вторых, работы Р. С. Солецки 1955 и 1960 гг. монографиями не являются, хотя и содержат сравнительно полные описания данных находок, и, в-третьих, его книга 1971 г. является научно-популярной.

3. Одно погребение. Амуд 1 — 1961: Х. Сузуки (The Amud Man. . . . 1970).
4. Погребение — слой В (горизонт В₁ — верхний уровень слоя В). Стратиграфия сверху вниз: слой А, горизонт А₁ — песчаная рыхлая коричневатая почва, современная; горизонт А₂ — золистое отложение с преобладанием иловатых известняков, особенно на контакте со слоем В; слой А — бронза. Слой В, горизонты В₁, В₂, В₃, В₄ — совокупность различных отложений. Глинистые (иловатые) известняки с большим содержанием известнякового щебня в основном серого цвета, с прослойками черной земли; внутри некоторых горизонтов непрерывные известняковые конкреции толщиной до 5 см; слой В — палеолит. Скальное основание (Chinzei K., 1970. P. 21—51; Boutié P., 1979. P. 26—28).
5. Переходный индустриальный комплекс: сосуществование леваллуа-мустьерских и верхнепалеолитических элементов (Watanabe H., 1970. P. 77—114; Коробков И. И., 1978. С. 74—78).
6. *Gazella cf. subgutturosa*, *Dama mesopotamica*, *Equus caballus*, *Sus scrofa*, *Vulpes vulpes palaestina*, *Carpa*, *Bos sp.*; млекопитающие и насекомоядное (род и вид не идентифицированы); рептилия: *Chelonia*, *Ophidia* (Takai F., 1970. P. 53—76); флора: *Juniperus*, *Quercus* (Sohma K., 1970. P. 432).
- 7₁. Сухая фаза, вероятно, коррелирующая с интерстадиалом последнего оледенения (Chinzei K., 1970. P. 48—51); по-видимому, может быть соотнесен с Вюрмом II/III (Ю. С.). Не древнее конца интерстадиала Вюрм I/II (Коробков И. И., 1978. С. 74). Интерстадиал Готвейг (Boutié P., 1979. P. 27).
- 7₁₁. Ребро погребенного Амуд: F=0,13 %, 100F/P205=0,5, eU308=0, N=0,1 % (BMNH). Амуд 1: 0,05 % F (Tanabe G., 1970. P. 429; Catalogue. . . , 1975. P. 126).
- 7₁₁₁AI. Лучевая кость погребенного Амуд 1: 30 000—35 000 лет основе содержания марганца (Hamaguchi H., 1970. P. 430, 431).
- 7₁₁₁AII. Кости животных из горизонтов В₁—В₄: 18 300±400 лет ВР, (25 900 лет ВР) на основании радиоуглеродного датирования коллагена и карбонатов; контаминация? (Chinzei K., 1970. P. 46—50; Hamada T., 1970. P. 423, 424). 27 000±5 000 лет ВР на основе увеличения содержания иония в костях животных из горизонтов В₁—В₂ (Sakanoue M., Yoshioka M., 1970. P. 425—427). 28 000±±35 %. ВР на основе расщепления следов урана в костях животных из горизонтов В₁—В₂ (Suzuki M., 1970. P. 428).
- 7₁₁₁AIII. Отщепы из Амуд, аналогичные по размерам и типологии отщепам подраздела IX пещеры Табун (слой D): ~75 000 лет на основе «технологической хронологии» — конец 5-й—начало 4-й кислородно-изотопной стадии (Jelinek A. J., 1982. P. 70, 84, 99).
8. Амуд 1. Одиночное.
9. 1961, 14 июля, окончательное снятие остатков 17 июля.
- 10_{1a}. Погребальное сооружение не прослежено. Частично разрушено двумя ямами горизонта А₂; скелет практически не затронут.
- 10_{1b}. Поверхность, на которой располагался скелет, горизонтальна.
- 10_{1c}. Культурный слой? Кусок известняка небольших размеров

у левого колена; около 20 мелких камешков вдоль левой голени и у стопы и по два-три — в районе черепа, правой кисти и таза — конструктивные элементы сооружения (?), случайные предметы в заполнении?

- 10_{1г}. На площадке перед входом; погребальное сооружение, вероятно, заходило под край кровли грота. Пересечение участков: Y=9,8 и X=6,7. Глубина в среднем 1,70 м от нулевого репера и 1,20 м от внешней поверхности.
- 10_{1а}. Мужчина.
- 10_{1б}. Примерно 25 лет (Suzuki H., 1970. P. 124).
- 10_{1в}. Неандерталец с рядом специфических признаков (переходный морфотип от группы Табун — Шанидар к группе Схул — Кафаех).
- 10_{1г}. Череп. Нижняя челюсть. Позвонки: шейные (??), грудные и поясничные. Крестец. Ребра: 8—10 правые; 1-е, 11-е, 12-е левые (масса фрагментов). Две лопатки. Правая ключица. Две плечевые. Две лучевые. Две локтевые. Запястье: ладьевидная левая, две полулунные, две трехгранные, гороховидная правая, две трапециевидные, головчатая и крючковидная левые. Пясть: II, III правые; I, III—V левые. Фаланги: проксимальные — III правая, III левая; медиальные — III правая; дистальные — III правая. Две безымянные. Две бедренные. Две большеберцовые. Левая малоберцовая. Предплюсна (левая): все кости, кроме латеральной клиновидной. Плюсна (левая): все кости. Фаланги: проксимальные — II левая; медиальные — II левая; дистальные — II, III (?) левые (Suzuki H., 1970. P. 123—177; Endo B., Kimura T., 1970. P. 231—289). Все кости фрагментированы в значительной степени.
- 10_{1д}. Отсутствие базальной части черепа. («Ломаный край затылочной кости указывал на значительную ее утрату вокруг большого затылочного отверстия; линия разлома проходила на расстоянии около 10 мм ниже нижней выйной линии в средней части и латеральнее, за пределы нисходящих ветвей той же линии». Suzuki H., 1970. P. 124).
- 10_{1а}. Головой на север, азимут примерно 354°.
- 10_{1в}. Под небольшим углом к «входу», головой к заднебоковой стенке, лицом к боковой стенке.
- 10_{1к}. Расчлененное? Отсутствие базальной части черепа и, вероятно, шейного отдела позвоночного столба могут указывать на обезглавливание с последующим извлечением головного мозга.
- 10_{1а}. 1б — Горизонтальное скорченное.
2в — Корпус на левом боку.
3а — Череп на левому боку.
3б — Руки согнуты в суставах. Правое плечо прижато к корпусу, угол в локтевом суставе примерно 55°, кисть у нижней челюсти. Левая рука отставлена от корпуса, угол в локтевом суставе примерно 105°, кисть в состоянии супинации, примерно на уровне верхней части грудной клетки.
3в — Ноги согнуты. Правая — в тазобедренном суставе, в средней степени; положение голени не установлено. Левая — в тазо-

бедренном суставе, в средней степени (около 90°), в коленном — в сильной (примерно 35°).

10_{III}. Четыре (?) остроконечника, один (?) нуклеус, около 10 отщепов и обломок кости животного. Связь данных предметов с погребением проблематична — погребение совершено в культурном слое.

10_{IV}.

11. Tokyo University. . . , 1962. S. 305.

12. The Amud Man. . . 1970.

13. Suzuki H., 1970. P. 123—177, 182—206, 421, 422; Sakuga H., 1970. P. 207—229; Endo B., Kimura T., 1970. P. 231—406; Ogawa T. a. o. 1970. P. 407—419; Алексеев В. П., 1978. С. 38—162; Бунак В. В. 1980. С. 68—74; Vandermeersch B., 1981.

14. Binford S. R., 1968. P. 139—154; Harrold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Коробков И. И., 1978. С. 74—78; Смирнов Ю. А., 1985а.

15.

16. Rockefeller Museum, Jerusalem, Israel.

Мугарет эт-Табун

Табун С1

1. Азия. Около 32°40' Север, 35°0,5' Восток. Израиль, 19 км к югу от г. Хайфа. Юго-западная оконечность хребта Кармел, правый берег Вадии аль-Мугара («Долина пещер»). 18,70 м выше тальвега, устье Мугарет аль-Вад.
2. Пещера Табун («Печь»). Открыта на север—северо-запад. Перед входом площадка. Внешнее и внутреннее помещения соединены широким аркообразным переходом. Вход в пещеру высотой около 4,50 м²⁸, максимальная ширина 4,60 м. Внешнее помещение примерно 5,70×5,70 м. Внутреннее — 7×7 м. Внутреннее помещение имеет шахтообразную полость («трубу», «камин»), выходящую на плато. Диаметр трубы на площадке утеса 4,30×5 м. Задняя юго-восточная часть внутреннего помещения имеет вид апсиды. Доломитизированные известняки верхнего мела.
3. Одно погребение. Табун С1 — 1932?: Д. А. Е. Гаррод (Garrod D. A. E., 1934. P. 7—11; Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937).
4. Погребение — слой С или В? (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 63—65); слой D? — А. Елинек (Ronen A., 1976. P. 31)²⁹
Стратиграфия сверху вниз: А — темный красноватый грунт (бронза — современность). В — красные песчаные глины.

²⁸ Все приводимые замеры сделаны перед началом раскопок и примерно соответствуют той геоморфологической ситуации, которая существовала к моменту совершения погребения Табун С1. Следует только иметь в виду, что к моменту захоронения мощность отложений была на 2 м с лишним меньше и соответственно размеры помещений — больше.

²⁹ С точки зрения автора данного Каталога, аргументов, приводимых А. Роненом со слов А. Елинека, явно недостаточно для отнесения погребения Табун С1 к слою D. Этому противоречат как документация Д. А. Е. Гаррод, так и абсолютные датировки (Смирнов Ю. А. 1979б. С. 286—294).

менее плотные и более каменистые во внутреннем помещении, с зольниками в юго-восточном арочном своде (верхнее леваллуа—мустье). С — плотные глины чередующихся цветов: от черного в западной части внешнего помещения до красноватого в восточной; при переходе во внутреннее помещение — чередование черного, красного и белого, зольники; на площадке: от темно-красного до черного, там же — крупные известняковые блоки и местами отложения светло-зеленого цвета (как и в слое В); известняковые и железистые конкреции, слой местами брекчирован (нижнее леваллуа—мустье). Слой D — внутри пещеры: плотные песчанистые темно-зеленые глины, местами — красная брекчия в верхней части; менее плотные коричневатые глины с каменистыми красными отложениями у стенок, зольник — в нижней. На площадке: глины коричневые и белесоватые в средней части, с красной брекчией у стенок восточной ниши, многочисленные блоки известняка, зольник (нижнее леваллуа—мустье). Слой E (горизонты E_a, E_b, E_c, E_d) — коричневатые и красноватые, от рыхлых до плотных, мергелистые пески, зольники (микок). Слой F — известковые супеси беловатые, желтые и коричневые (верхний ашель). Слой G — плотные окремненные желтоватые пески (тейяк или табуньев. Howell F. C., 1959. P. 7—10). Отложения в «трубе» (произвольно поделены на подразделы I и II: верхнее леваллуа—мустье) красного цвета и различного состава, влажные в верхней части, местами брекчированы, содержали обломки известняка (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 59—70; Иванова И. К., 1965. С. 117; Jelinek A. J. a. o., 1973. P. 151—183; Коробков И. И., 1978. С. 47—57; Boutié P., 1979. P. 50—54).

1967—1972 гг. — новые раскопки Табун А. Елинека. Предложена более дробная стратиграфическая колонка (14 основных подразделов, 90 горизонтов), соотношенная с традиционной: слой В — подраздел I, горизонты 1—17 (позднее мустье); слой С — подраздел I, горизонты 18—26 (позднее мустье); слой D — подразделы II—IX, горизонты 27—69 (раннее мустье); слой E: E_a — подраздел X, горизонты 70—72 (переход, ашело-мустье), подраздел XI, горизонты 73—77 (ашель, ябруд, амуд, ашель); E_b — подраздел XII, горизонты 78—80 (ашель); E_c? — подраздел XIII, горизонты 81—85 (ябруд, ашель, ябруд); G? — подраздел XIV, горизонт 90А—90 (ашель). Мустьерские отложения в «трубе» (Chimney I—III) моложе отложений подраздела I, объединяющего слои С и В, по номенклатуре Д. Гаррод (Jelinek A. J., 1982. P. 57—62, 81—91).

5. Нижнее леваллуа—мустье (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 74—76; Garrod D. A. E., 1956. P. 39—59); позднее мустье (Jelinek A. J., 1982. P. 61).
6. Слой В: *Hyaena crocuta*, *Canis cf. lupus*, *Vulpes vulpes*, *Panthera pardus*, *Spalax sp.*, *Hystrix sp.*, *Gerbillinae*, *Sus sp.*, *Capreolus capreolus*, *Cervus elaphus*, *Dama mesopotamica*, *Capra sp.*, *Bos sp.*, *Gazella sp.*, *Equus hemionus*, *E. cf. hydruntinus*, *Procapra syriaca*.

В слое С, помимо перечисленных видов (за исключением *Spalax sp.* и *Sus sp.*), идентифицированы: *Myotis cf. baranensis*, *Crocidura xanthippe*, *C. katinka*, *Erinaceus sharonis*, *Hyaena prisca*, *Vulpes vinetorum*, *Ursus mediterraneus*, *Philistomys roachi*, *Ellobius pedorychus*, *Microtus cf. guentheri*, *M. (Chionomys) machintoni*. *Murinae*, *Cricetinae*, *Hippopotamus amphibius*, *Sus gadarensis*. *Rhinoceros cf. hemitoechus*, *Crocodylus sp.*, *Trionyx sp.*, лягушка или жаба (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 139—227; Higgs E. S., 1961. P. 144—154).

- 7_I. Слой В — последний интерплювиал (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 121, 122)³⁰; первый стадиал (эпоха Раннего Вюрма) последнего плювиала (Howell F. C., 1959. P. 8—10, 34); Ранний Вюрм (Higgs E. S., 1961. P. 153); конец Вюрма I (Долуханов П. М., 1966. С. 113); Вюрм I—II (Коробков И. И., 1978. С. 51); слой С и D — климат холодный и влажный (плювиал, первый максимум Вюрма?), для верха слоя С — более сухой, межстадиальный (Boutie P., 1979. P. 54).
- 7_{II}. Левая бедренная кость погребенного Табун С1: F=0,19 %, 100F/P205=0,57, N=0. Фаланга лани (Dama) из слоя С: F=0,3 %, 100F/P205=0,8, N=0,2 % (Catalogue... , 1975. P. 144).
- 7_{III}A I. Неопределенный фрагмент кости погребенного Табун С1: 51 000/53 000 лет — на основе рацемизации аминокислот (Masters P. M., 1982. P. 43—56).
- 7_{III}A II. 40 900±1000 лет ВР — GrN-2729 — C₁₄, образец слоя С. Кость животного предположительно из слоя С — 51 000/53 000 лет ВР; кости животных из нижних горизонтов слоя С: горизонт 19³¹ — 63 000/65 000 лет ВР и горизонт 22 — 68 000/71 000 лет ВР на основе рацемизации аминокислот (Masters P. M., 1982. P. 43—56). Слой С — 51 000 лет ВР или несколько старше на основе современных радиоуглеродных данных (Jelinek A. J., 1982. P. 71).
- 7_{III}A III. 39 700±800 лет ВР — CrN-2534—C₁₄, образец слоя В. Кость животного из слоя В — ?/38 000 лет на основе рацемизации аминокислот (Masters P. M., 1982. P. 43—56). 55 000—45 000 лет на основе «технологической хронологии» (Jelinek A. J., 1982. P. 57—104), соотношенной с хронологической шкалой кислородно-изотопных стадий (Emiliani C., Shackleton N. J., 1974. P. 511—514; Farrand W. R., 1979. P. 376) — слой С соответствует 3-й кислородно-изотопной стадии: 64 000—32 000 лет ВР (Jelinek A. J., 1982. P. 71, 84; Farrand W. R., 1982. P. 106).
8. Табун С1. Одиночное.
9. 1932?
- 10₁₆. Дно наклонное (?) с юга на север.
- 10₁₇. Культурный слой?

³⁰ В Catalogue... для памятников Табун и Схул в разделе 6 («Стратиграфическая дата») приведены неверные сведения (Catalogue... 1975. P. 140, 141, 144).

³¹ Согласно А. Елянцу, горизонт 19 расположен в верхней части слоя С (см. выше).

- 10_{1г}. В приустьевой части пещеры, на пологом склоне в тылу осыпи (по Д. А. Е. Гаррод). Примерно в 1 м от западной боковой стенки пещеры, при «выходе». На глубине 1,35 м от нулевого репера и 0,35 м от поверхности слоя С. Под кровлю не заходит.
- 10_{11а}. Женщина.
- 10_{11б}. Примерно 30 лет.
- 10_{11в}. Неандерталец, близок к неандертальцам Западной Европы.
- 10_{11г}. Череп (фф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки: 1-й, 2-й, 3/4-й (фф) шейные; 3-й, 7—10-й (ф), 4—6-й грудные (н). Ребра: 2—10-е правые (ф), 2—11-е левые (н). Грудина (фф). Левая лопатка (фф). Ключицы: правая (ф), левая (фф). Плечевые: правая (ф), левая (н). Левая лучевая (н). Локтевые: правая (фф), левая (н). Все кости (н) левого запястья, кроме кости-трапеции. Пясть: I—V левые (ф). Фаланги (н, ф) левые: проксимальные — I—III; медиальные — II, III; дистальные — III³². Безымянные (фф): правая и левая. Бедренные: правая (ф), левая (фф). Правый надколенник (ф). Две большеберцовые (ф). Малоберцовые: правая (ф), левая (фф). Предплюсна: две таранные (н), правая (н) и левая (ф) пяточные, две ладьевидные (н), правая кубовидная (н), все правые и левые клиновидные (н?). Плюсна: I—V правые (н), I левая (н), II/III левая (фф). Фаланги правой стопы: проксимальные — I (фф), II—IV (н); медиальные — II (н); дистальные — II (ф) (McCown T. D., Keith A., 1939).
- 10_{11д}. На верхней и нижней челюстях Табун С1 прикус резцов «край в край» (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 288).
- 10_{11е}. Головой на запад, азимут примерно 270°.
- 10_{11ж}. Под небольшим углом к «входу», головой к боковой стенке, в сторону «выхода», лицом к «входу»?
- 10_{11к}. Целое.
- 10_{11л}. 1б — Горизонтальное (слабо)скорченное.
- 2а — Корпус на спине с незначительным разворотом на левую сторону. (Возможно, за счет нахождения на слабопокатом склоне осыпи, идущем в этом направлении или же за счет наклонной (?) поверхности погребального сооружения.)
- 3а — Череп вместе с нижней челюстью на своем основании.
- 3б — Правая рука вытянута вдоль корпуса, либо слабо согнута. Кисть отсутствовала? При наличии кисти она должна была бы находиться у правого тазобедренного сустава. Левое плечо отставлено от корпуса, угол примерно 160°. Левая рука согнута в локтевом суставе, угол примерно 115°. Предплечье, как и плечо, отставлено от корпуса, кисть, в состоянии пронации (?), напротив средней части грудной клетки.
- 3в — Правая нога согнута в суставах в слабой степени: в тазо-

³² В тексте Т. Маккоуна и А. Кيثа на с. 9 данна фаланга не фигурирует, но на ее существование есть указания на с. 158 и на рис. 99. Вообще в списке образцов на с. 9 многие мелкие кости не перечислены (McCown T. D., Keith A., 1939).

бедренном — примерно 150°, в коленном — примерно 135°.
Левая нога согнута в слабой степени (примерно 130°)
в тазобедренном суставе и в средней (примерно 90°) —
в коленном. Положение стоп неясно. Ноги слева от корпуса.

- 10_{III}. Обожженные и сломанные кости животных в значительном количестве и фрагменты древесного угля — в слое вокруг скелета. Связь эти остатков с погребением проблематична.
- 10_{IV}. Крупная глыба известняка, возвышавшаяся на 1 м над уровнем залегания погребенного, непосредственно за его спиной, у боковой стенки пещеры. Возможно, связь между этой глыбой и погребением не случайна.
11. Garrod D. A. E., 1934. P. 7—11.
12. Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937.
13. McCown T. D., Keith A., 1939; Thoma A., 1957. P. 470—502; 1958. P. 30—52; Howell F. C., 1958. P. 185—198; Brothwell D. R., 1961. P. 138, 139; Урысон М. И., 1964. С. 134—148; Рогинский Я. Я., 1966. С. 182—204; Catalogue... , 1975. P. 142—146; Алексеев В. П., 1978. С. 38—162; Хрисанфова Е. Н., 1978; Бунак В. В., 1980. С. 68—74; Vandermeersch V., 1981.
14. Binford S. R., 1968. P. 139—154; Harrold F. V., 1974; 1980. P. 195—211. Коробков И. И., 1978. С. 47—61; Смирнов Ю. А., 1985а.
15. _____
16. British Museum (Natural History), Cromwell Road, London SW7. England.

Мугарет эс-Схул

Схул 1—10

1. Азия. Около 32°40' Север, 35°05' Восток. Израиль, 19 км к югу от г. Хайфа. Юго-западная оконечность хребта Кармел, правый берег Вади эль-Мугара («Долина пещер»), 11 м выше тальвега. устье Мугарет эль-Вад.
2. Грот Схул («Пещера козленка»). Открыт на север. Перед входом площадка. Площадка с востока и запада ограничена скальными бортами. Вход шириной 14 м, за ним — площадка, тянущаяся вглубь на 7 м, из которых последние 5 м горизонтальны. Далее собственно грот, глубина 6 м, максимальная высота от современной поверхности 2,50 м, от скального основания 5 м. В глубине грота — скальный порог высотой 1 м, за ним — округлое нишеобразное помещение диаметром примерно 2,50 м. Верхнемеловые доломитизированные известняки.
3. Десять погребений. Схул 1—1931, Схул 2—10—1932: Т. Д. Маккоун (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937).
4. Погребения — слой В (горизонт В₂ — McCown T. D., 1937а. P. 91—107). Стратиграфия сверху вниз: А — гумусированные отложения от черного до темно-коричневого цвета, рыхлые и сравнительно влажные (леваллуа—мустье — современная арабская керамика). В — песчанисто-глинистые отложения от

- коричневого и серого до темно-серого цвета, твердые в верхней части и сильно брекчированные — в нижней, с тонкими веерообразными прослойками сталагмита на разных уровнях; горизонт В₁ — твердый заполнитель (matrix), материал, как правило, патинизирован (нижнее леваллуа—мустье); горизонт В₂ — брекчия, материал, как правило, не патинизирован (нижнее леваллуа—мустье). С — горизонт окатанных кремней и песчаные карманы в полу с неокатанными орудиями, среди которых ручное рубило (нижнее леваллуа—мустье — Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 94—96, 109—113, 126—128); слой С — 1) эрозивный горизонт с окатым материалом (мустье, отличающееся от материалов слоя В) и 2) песчанистые отложения с неокатанными кремнями (ябруд или ашель, — Ronen A., 1976. P. 31, 32; 1982. P. 21, 22).
5. Нижнее леваллуа—мустье, сравнимое с материалом слоя С в Табун (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 113—124; Skinner J. H., 1965; Boutié P., 1979. P. 49); позднее мустье, сходства со слоем Табун С не наблюдается, горизонт В₂ сопоставим с некоторыми отложениями «трубы» Табун, горизонт В₁ моложе мустьерских отложений Табун (Jelinek A. J., 1982. P. 89—91).
 6. *Hystrix*, *Felis*, *Hyaena*, *Vormela* cf. *peregrina*, *Vulpes vulpes*, *Procapra* cf. *syriaca*, *Equus hemionus*, *E. cf. hydruntinus*, *Rhinoceros* cf. *hemitoechus*, *Phacochoerus garrodae*, *Sus gadarensis*, *Hippopotamus amphibius*, *Capreolus capreolus*, *Cervus elphus*, *Dama mesopotamica*, *Bos*, *Capra*, *Alcelaphus*, *Gazella* (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 148).
 - 7_I. Слой В — последний интерплювиал (Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937. P. 121, 122); первый стадиал (эпоха Раннего Вюрма) последнего плювиала (Howell F. C., 1959. P. 8—10, 34); готтвейгский (Вюрм I—II) интерстадиал (Higgs E. S., 1961. P. 153); Вюрм I—II, бывший «Готтвейг» (Иванова И. К., 1965. С. 117—120); конец Вюрма I (Долуханов П. М., 1966. С. 113); Вюрм I—II (Коробков И. И., 1978. С. 57).
 - 7_{II}. Погребенный Схул 5: F=0,05 %, 100F/P205=0,4, N=0,05 %; погребенный Схул 9: F=0,3 %, 100F/P205=1,0. Кость животного, ассоциирующаяся с мустье: F=0,05 %, 100F/P205=0,17, eU308=0, N=0 (Catalogue. . ., 1975. P. 141).
 - 7_{III}A1. Кость погребенного (обработана эфиром) Схул 5: 39 000/40 000 лет ВР; кость погребенного (обработана эфиром) Схул 6: 52 000/54 000 лет ВР; кость погребенного (обработана эфиром) Схул 7: 45 000/46 000 лет ВР (дата дана по второму образцу; первый показал датировку, близкую к дате Схул 5, т. е. ~39 000/40 000 лет до современности); кость погребенного (не обработана эфиром) Схул 9: 53 000/55 000 лет ВР; кость животного (вероятно, не обработана эфиром; взята в недавнее время из останца на террасе): 33 000/35 000 лет ВР (Masters P. M., 1982. P. 49).
 - 7_{III}AIII. Около 40 000 лет ВР — нижняя часть слоя В в Схул — на основе «технологической хронологии» (Jelinek A. J., 1982. P. 91).

Схул 1

8. Схул 1. Одиночное.
9. 1931, 26 мая. Рабочий: два фрагмента нижней челюсти, правая плечевая и кости кисти, несколько зубов верхней челюсти. Остальные кости сняты в монолите: северная сторона 26,5 см. южная — 31 см, западная и восточная — 36 см. Расчистка в лабораторных условиях с сентября 1931 г. по январь 1932 г. — Э. Смит и Т. Д. Маккоун.
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Ib}. В 1,50 м перед устьем грота, в центре. Участок А. Глубина 2 м от нулевого репера и 1,80 м от внешней поверхности.
- 10_{Ia}. Ребенок. Мужчина?
- 10_{Ib}. 3—4,5 года.
- 10_{Ia}. Смешение черт неандертальского и современного видов *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).
- 10_{Ia}. Череп (ф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки: шейные — 1-й, 2-й (фф), 3—7-й (ф); грудные — 1-й, 12-й (ф); поясничные — 1—3-й (ф), 4,5-й (фф). Крестец (фф). Ребра: 1-е (?), 2—8-е, 10—12-е правые (ф, фф); 3—12-е левые (ф, фф). Грудина (фф). Правая лопатка (фф). Ключицы: правая (фф), левая (н). Плечевые: правая (фф), левая (ф). Левая лучевая (н). Пясть: I правая (ф); II, III левые (фф) и неопределенные фрагменты костей пясти и проксимальных фаланг. Две подвздошные (ф). Первый крестцовый позвонок (ф). Бедренные: правая (фф), левая (ф). Большеберцовые: правая (фф), левая (н). Малоберцовые: правая (фф), левая (н). Предплюсна: таранная и медиальная клиновидная правые. Плюсна: I—V правые (н), I левая (фф). Фаланги: проксимальные — I, II (?) правые (н), I (?) левая (фф); медиальные — IV/V правая (ф); дистальные — I правая (н) (McCown T. D., Keith A., 1939).
- 10_{Ia}. Пролом и трещины во всех направлениях на лобной кости — давление пещерных отложений. В средней части лобной кости — раздробленная, слегка вдавленная область 30×13 мм в районе глабеллы. Повреждение тянется от места перехода в свод до надглазничного края (надглазничной вырезки), разошедшегося на 17 мм, — следы удара тупым орудием (удар снаружи внутрь), нанесенного по свежей кости; удар произошел вскоре после захоронения либо до него, намеренно (?), случайно (?). Прямоугольное отверстие в крыше барабанной полости — след удара остроконечным каменным инструментом. Пролом сделан до того, как череп заизвестковался. Отверстие в левой теменной кости в районе астериона. Удар нанесен сверху вниз. Нижняя челюсть разбита, в частности, восходящие ветви левой стороны. Лицевая часть разрушена. Все эти нарушения, возможно, произведены позднейшими обитателями грота, копавшими вокруг места погребения. На некоторых костях следы зубов мелкого грызуна (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 301, 302, 309—322, 374). «Три верхних поясничных позвонка находятся в естественной связи

и цементированы пещерным отложением. На верхней части позвоночного канала имеется явное резаное отверстие размерами 7,6×9 мм. Острый инструмент, которым нанесено это повреждение, как бы скользнул по верхнему краю пластины дуги третьего позвонка и проткнул пластину дуги второго позвонка. . . Чтобы нанести такое повреждение, орудие должно было войти в брюшную область позвоночника и выйти в спинную». Характер повреждения указывает либо на наличие плоти, либо на существование мягкой почвы вокруг позвоночника. «По крайней мере, повреждение должно было быть нанесено до фоссилизации позвонков» (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 331, 332).

- 10_{Ia}. Предположительно юго-восток, азимут примерно 130°.
- 10_{Iib}. Под углом к «входу».
- 10_{Iic}. Расчлененное. Возможна экскарнация или перезахоронение части вместо целого (отсутствуют: левая лопатка, обе локтевые, кости запястий и часть костей стоп и кистей, а также грудные позвонки со 2-го по 11-й).
- 10_{Iк}. Первоначальное положение устанавливается для части костей (погребение потревожено населением стоянки и мелким грызуном). Вероятно, в относительно первоначальном (анатомически связанном) положении находились кости таза и нижних конечностей. Кости левой ноги неестественно сильно согнуты в коленном и бедренном (связь с безмянной костью нарушена?) суставах, лежат вплотную и параллельно друг другу. Кости правой ноги расположены выше костей левой. Правая голень менее сильно согнута к бедру, чем левая, связь в коленном (?) и тазобедренном суставах правой ноги нарушена. Правые ребра расположены вдоль правой голени; левые — поперек левого бедра и заходят (?) под него. Череп потревожен (?), находился над основным скоплением костей.
- 10_{III}. Шесть широких отщепов без вторичной обработки на уровне нахождения черепа. 15 осколков или отщепов на уровне верхней половины скопления костей посткраниального скелета. Несколько необработанных кремней на уровне нижней половины осевого скелета. Все кремни найдены в 10-сантиметровой толще монолита, в котором содержались кости погребенного (размеры монолита 26,5×31×36 см). Связь перечисленных кремней с погребением проблематична: погребение совершено в культурном слое.
- 10_{IV}. _____
11. McCown T. D., 1932. P. 12—15.

Схул 2

8. Схул 2. Одиночное.
9. 1932, 30 апреля.
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Ib}. У внешнего края восточной половины террасы, слева по линии

«входа», примерно в 2,20 м от боковой стенки. Участок D. Глубина 2,30 м—2,35 м от нулевого репера и 1,40 м от внешней поверхности.

- 10_{IIa}. Женщина.
10_{IIб}. 30—40 лет.
10_{IIв}. Смешение черт неандертальского и современного видов. *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).
10_{IIг}. Череп (ф). Нижняя челюсть (фф). Плечевые: правая (ф), левая (фф). Левая лучевая (фф). Две локтевые (фф) (McCown T. D., Keith A., 1939).
10_{IIд}. Сильный износ зубов. Клыки стерты до половины (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 288).
10_{IIе}. Перезахоронение части вместо целого. (Кости имели старые сломы и не находились в анатомическом порядке.)
10_{IIж}. Кости находились в компактном скоплении.
10_{III}. _____
10_{IV}. _____
11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 3

8. Схул 3. Одиночное.
9. 1932, 30 апреля.
10_{Ia}. Погребение приурочено к естественно образованной нише. Ниша воронкообразная в плане. Ширина «входа» около 2,5 м; прослеженная глубина — примерно 2 м. Погребенный находился частично в нише, но большей частью за ее пределами. Собственно погребальное сооружение не прослежено. Возможно, насыпь из камней.
10_{Iб}. Культурный слой? Кости левой ноги находились под камнями средних размеров.
10_{Iг}. Под кровлей грота в нише юго-восточной стенки. Средняя часть стоянки, слева по линии «входа». Участок D. Глубина 2,50 м от нулевого репера и 2,40 м от внешней поверхности.
10_{IIa}. Мужчина.
10_{IIб}. Взрослый.
10_{IIг}. Левая бедренная (ф). Левая большеберцовая (фф). Левая малоберцовая (ф) (McCown T. D., Keith A., 1939).
10_{IIд}. Под углом к «входу»?
10_{IIе}. Колено направлено в глубокую часть ниши.
10_{IIж}. Предположительно юго-восток.
10_{IIз}. Характер погребения неясен — погребение разрушено почти полностью.
10_{IIIa}. 16 — Горизонтальное скорченное?
3в — Кости левой ноги согнуты в коленном суставе.
10_{III}. _____
10_{IV}. Кострище под останками погребенного?
11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 4

8. Схул 4. Одиночное.
9. 1932, 30 апреля. Рабочий. Вскрыто частично. Снято монолитом. Окончательная расчистка в лабораторных условиях.
- 10_{Ia}. Предположительно яма.
- 10_{Ib}. Яма? Стенки скруглены, дно вогнуто (?), примерные размеры: длина около 1 м, ширина примерно 0,60 м, глубина около 0,50 м (основания: объем, занимаемый погребенным).
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Iг}. На террасе, примерно в 1 м от юго-восточной стенки грота, слева по линии «входа». Участок D. Глубина 2,25 м от нулевого репера и 2,05 м от внешней поверхности.
- 10_{IIa}. Мужчина.
- 10_{IIb}. 40—50 лет.
- 10_{IIв}. Переходный тип от неандертальского вида к современному *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).
- 10_{IIг}. Череп (ф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки (ф, фф): шейные (?)³³: 1—12-й грудные; 1—5-й поясничные. Крестец (ф). Ребра (н, ф, фф): 2—8-е, 10—12-е правые; 1, 6—12-е левые. Грудина (ф). Левая лопатка (н)³⁴. Две ключицы (ф). Плечевые: правая (ф), левая (н). Две лучевые (н). Две локтевые (н). Запястья: правое — головчатая, крючковидная, кость-трапеция, трапециевидная, полулунная (ф), трехгранная, гороховидная (н); левое — головчатая, крючковидная, кость-трапеция, гороховидная (ф), ладьевидная, полулунная, трехгранная, трапециевидная (н). Пясть (н, ф): I—V правые, I—V левые. Фаланги (н, ф, фф): проксимальные — I—V правые, I—V левые; медиальные — II—V правые, II—IV левые; дистальные — I правая, I левая. Две безымянные (н). Две бедренные (н). Два надколенника (н). Две большеберцовые (н). Две малоберцовые (н). Предплюсна: все кости правой, за исключением латеральной клиновидной, кубковидная (ф); все кости левой (н). Плюсна (н, ф): I—V правые; I—V левые. Фаланги (н, ф): проксимальные — I—III правые, I—V левые; медиальные — II—III правые, II—IV левые; дистальные — I правая, I—III левые (McCown T. D., Keith A., 1939).

³³ Учитывая, что костяк Схул 4 был снят монолитом, т. е. постэксплуатационный отбор костей в коллекцию не производился, отсутствие семи шейных позвонков при наличии других практически всех остальных костей скелета вряд ли может быть объяснено причинами естественного характера. Однако, к сожалению, факты, подтверждающие искусственное нарушение в шейном отделе скелета, тоже отсутствуют, и даже если здесь имело место обезглавливание, следы его по публикационным материалам не определяются. Решение этого вопроса может зависеть от установления характера и причин утрат костной ткани, имеющих в основании черепа данного индивидуума. К сожалению, изображение черепа Схул 4, насколько это известно автору, никогда не публиковалось в базилярной норме, и сейчас на этот счет нельзя сделать даже предварительных заключений.

³⁴ Отсутствие правой лопатки в принципе может указывать на след древнего нарушения погребения в этом районе. Впрочем, Т. Д. Маккуэн никак не комментирует утрату данной кости.

- 10_{IIд.} Сильный износ первых моляров. Вершины всех четырех РМ2 направлены наружу — ошибка развития зубов при прорезывании. Утраченный правый верхний РМ2 располагался самым длинным диаметром по оси арки. Аномалия коррелирована на нижней челюсти. Корни нижних моляров обнажены — депрессия альвеолярной кости, вероятно, из-за скопления пищи. Следы косоного перелома с последующим срастанием в виде костных наростов на II и III метатарзальных костях левой стопы (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 202, 208, 374).
- 10_{IIе.} Погребенный занимал все пространство ямы?
- 10_{IIж.} Вдоль длинной оси ямы?
- 10_{IIз.} Головой на юго-восток, азимут примерно 126°.
- 10_{IIа.} Поперек «входа», головой к боковой (восточной) стенке, лицом к «входу».
- 10_{IIк.} Целое? Отсутствуют все шейные позвонки и правая лопатка.
- 10_{IIл.} 1б — Горизонтальное скорченное.
 2б — Корпус в положении на животе.
 3а — Череп развернут к левому плечу, располагается на собственном основании, теменем вверх.
 3б — Правая рука в средней степени (?) согнута в суставах. Плечо под корпусом. Правая кисть в состоянии супинации, возле левой кисти, в 15 см от черепа, несколько развернута в его сторону. Левая рука сильно (примерно 30°) согнута в локте и в небольшой степени (примерно 125°) отведена от корпуса. Плечевой сустав притянут к черепу. Кисть приведена к левому плечевому суставу и черепу. II—III дистальные фаланги — под нижней челюстью. Кисть в состоянии супинации, большой палец по диагонали пересекает ладонь. Руки лежат слева от корпуса.
 3в — Правая нога в средней степени (примерно 100°) согнута в тазобедренном и сильно (примерно 20°) — в коленном суставах. Правая стопа над левой стопой, в то время как правые бедро и голень — под левыми. Таранная кость правой стопы повернута дорзальной стороной к тазу. Левая нога в средней степени (примерно 115°) согнута в тазобедренном и сильно (примерно 25°) в коленном суставах. Левая стопа пяточной костью касалась большого вертела левой бедренной кости. Ноги слева от корпуса. Стопы сближены.
- 10_{III.} Кремневое скребло. Находилось между кистями рук, ближе к правой. Преднамеренное его нахождение в погребении возможно.
- 10_{IV.} _____
11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 5

8. Схул 5. Одиночное.
 9. 1932, 2 мая.
 10_{а.} Предположительно яма. С севера и востока — следы древнего

- нарушения: отсутствуют или сильно повреждены некоторые кости таза и ног.
- 10_{1б}. Яма? Погребенный располагался в нескольких сантиметрах над скальным основанием³⁵.
- 10_{1в}. Культурный слой?
- 10_{1г}. На краю террасы, в центральной части. Участок F. Глубина 2,40 м от нулевого репера и 1,25 м от внешней поверхности.
- 10_{11а}. Мужчина.
- 10_{11б}. 30—40 лет.
- 10_{11в}. Переходный тип от неандертальского вида к современному *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).
- 10_{11г}. Череп (н). Нижняя челюсть (н). Позвонок: 1—7-й шейные (н); 1—12-й грудные (фф); 1—5-й поясничные (ф). Крестец (ф). Ребра: 4—6-е, 8—10-е (фф) правые; 2—10-е (ф) левые. Лопатки: правая (ф), левая (н). Ключицы: правая (н), левая (ф). Две плечевые (н). Две лучевые (ф). Две локтевые (ф). Запястье (н, ф, фф): головчатая, крючковидная, трехгранная, кость-трапеция, трапециевидная правые; трехгранная, кость-трапеция левые. Пясть (ф, фф): I—V правые; III, V левые. Фаланги левые: проксимальные — 2/3 (фф); медиальные — пять фрагментов. Подвздошная и седалищная правые (ф). Бедренные: правая (ф), левая (фф). Большеберцовые: правая (фф), левая (ф). Левая малоберцовая (фф). Предплюсна левая: таранная (н), пяточная (ф). Плюсна правая/левая?: I (фф) (McCown T. D., Keith A., 1939).
- 10_{11д}. Следы ревматических изменений на правом височно-нижнечелюстном суставе. Дополнительный острый выступ на правом верхнем МЗ и деформированная область (выемка) в соответствующем нижнем моляре. Сильный износ первых моляров. Следы абсцессов у корней некоторых зубов на нижней челюсти. Возможная утрата Р1 из-за абсцесса на корне, который обнажил корень соседнего премоляра. Корни правого нижнего М1 отделены от альвеолы — абсцесс (?), плотное скопление пищи? Альвеолярные края низкие, корни обнажены сверх нормы. Правый мышечковый отросток деформирован артритом (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 202, 208, 220, 374).
- 10_{11е}. Погребенный занимал все пространство ямы?
- 10_{11ж}. Вдоль длинной оси ямы?
- 10_{11з}. Головой на юго-запад, азимут примерно 240°.
- 10_{11и}. Под небольшим углом к «входу», головой к боковой (западной) стенке, лицом к «входу».
- 10_{11к}. Целое? Частично разрушено в древности.
- 10_{11л}. 1б — Горизонтальное скорченное.
2а — Корпус в положении на спине.

³⁵ Здесь имеется серьезное противоречие с чертежами. Согласно разрезам отложений (кости ног погребенного находились в 1,35 м от линии разреза I—II, по Т. Д. Маккуну) погребенный залегал не менее чем в 0,70 м от скального дна. Возможно, конечно, тут имело место резкое поднятие пола пещеры, впрочем нигде не отмеченное в тексте.

- За — Череп пригнут к грудной клетке, с некоторым разворотом к левому плечу, теменем вверх.
- 3б — Правая рука сильно (примерно 25°) согнута в локте и в небольшой степени (примерно 130°) отведена от корпуса. Плечевой сустав притянут к черепу. Предплечье с наружной стороны плеча, кисть напротив височной кости, на уровне плечевого сустава. Левая рука слабо (примерно 140°) согнута в локтевом и слабо (примерно 135°) — в плечевом суставах; плечо по диагонали пересекает грудную клетку и покоится на ней. Кисть, в состоянии супинации (?), точно под правым локтем. Плечевые кости лежат параллельно друг другу и вместе с плечевым поясом и левым предплечьем образуют ромбовидную замкнутую линию.
- 3в — Правая нога слабо (примерно 130°) согнута в тазобедренном суставе (голень и стопа отсутствуют). Левая нога в средней степени (примерно 100°) согнута в тазобедренном и сильно (примерно 20°) — в коленном суставах. Левая стопа у проксимального конца левого бедра (артикуляция в коленном суставе нарушена, но положение голени, вероятно, близко первоначальному). Ноги лежат справа от корпуса, левая над правой; правая подвздошная — латеральной поверхностью вниз.
- 10_{III}. Нижняя челюсть кабана с зубами (клыки, от которых остались корни, и восходящие ветви челюсти обломаны до захоронения). Располагалась альвеолярной аркадой вверх, в углу между правой плечевой костью и костями левого предплечья, которые опирались на обломанные восходящие ветви кабаньей челюсти. Ее подбородочный симфиз направлен в сторону правого плечевого сустава. Преднамеренное нахождение челюсти в погребении очевидно.
- 10_{IV}. _____
11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 6

8. Схул 6. Одиночное.
9. 1932, 3 мая. Фрагменты костей сняты в серии блоков.
- 10₁₆. Останки погребенного занимали площадь 1 кв. м.
- 10₁₅. Культурный слой?
- 10₁₇. У внешнего края террасы в центральной части. Участок А. Глубина 2,50 м от нулевого репера и 1,75 м от внешней поверхности.
- 10_{11а}. Мужчина.
- 10_{11б}. 30—35 лет.
- 10_{11в}. Смешение черт неандертальского и современного видов *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).
- 10_{11г}. Череп (фф). Нижняя челюсть (фф). Ребра (фф): 1-е левое, 3/4-е левое? Левая ключица (ф). Левая (?) плечевая (ф). Левая луче-

вая (фф). Левая локтевая (ф). Кости таза (фф). Бедренные: правая (фф), левая (н). Большеберцовые: правая (фф), левая (н). Правая малоберцовая (?фф). Предплюсна (ф) левая: таранная, пяточная, ладьевидная, кубовидная, неопределенные фрагменты (McCown T. D., Keith A., 1939).

10_{IIIa}. Целое? (разрушено в древности?).

10_{IIIa}. 16 — Горизонтальное скорченное?

36 — Левая рука сильно согнута в локтевом суставе?

3в — Левая нога сильно согнута в коленном суставе?

10_{IIIb}.

10_{IV}.

11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 7

8. Схул 7. Одиночное.

9. 1932, 13 мая.

10_{Ia}. Культурный слой?

10_{Ia}. В центральной части террасы, но ближе к ее внешнему краю, справа по линии «входа». Участок F. Глубина 3,04 м от нулевого репера и 2,10 м от внешней поверхности.

10_{IIa}. Женщина.

10_{IIb}. 35—40 лет.

10_{IIa}. Смещение черт неандертальского и современного видов *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).

10_{III}. Череп (фф). Нижняя челюсть (фф). Позвонок (ф): поясничные — 4-й, 5-й. Крестец (фф). Ребра: 8/9-е левое (фф). Левая лопатка (фф). Левая ключица (фф). Грудина (ф). Две плечевые (фф). Локтевые: правая (фф), левая (н). Лучевые: правая (фф), левая (ф). Пясть (фф): II правая; I—III левые. Кости таза (фф). Правая бедренная (ф). Большеберцовые: правая (фф), левая (ф). Две малоберцовые (фф). Предплюсна (фф): таранная правая, пяточная правая/левая?, медиальная клиновидная левая. Плюсна: V левая (ф) (McCown T. D., Keith A., 1939).

10_{IIIa}. Ревматические изменения на левом височно-нижнечелюстном суставе. На диафизе левой бедренной кости — следы зубов крупного плотоядного (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 57, 374).

10_{IIIb}. Приблизительно восток.

10_{IIIa}. Поперек «входа»? головой к краю восточной стенки, лицом к «входу».

10_{IIIa}. Целое? Частично разрушено в древности, потревожено хищником.

10_{IIIa}. 16 — Горизонтальное скорченное.

26 — Корпус на правом боку.

3а — Череп на правом боку.

36 — Правая рука согнута в локтевом суставе в средней степени, кисть перед лицом, несколько впереди левой кисти. Левая рука согнута в локтевом суставе в средней степени (при-

мерно 90°), кисть перед лицом. Руки справа от корпуса, левая над правой.

Зв — Правая нога сильно согнута в суставах (правое колено у левого локтя; большеберцовая параллельна бедренной) и подтянута к телу. Левая нога в сходном положении? Ноги справа от корпуса.

10_{III}.

10_{IV}.

11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 8

8. Схул 8. Одиночное.

9. 1932, 13 мая.

10_{Ia}. Культурный слой?

10_{Iг}. В западной части террасы, в 3,20 м от боковой стенки, справа по линии «входа». Участок F. Глубина 3,75 м от нулевого репера и 1,75—1,85 м от внешней поверхности.

10_{IIa}. Ребенок. Мужчина?

10_{IIб}. 8—10 лет.

10_{IIг}. Правая садиличная (фф). Бедренные: правая (ф), левая (фф). Две большеберцовые (ф). Малоберцовые: правая (фф), левая (ф). Предплюсна: таранная (н), пяточная, ладьевидная (ф) правые; вся левая (пяточная, ладьевидная, медиальная клиновидная — ф, остальные — н). Плюсна (ф): I—V левые. Фаланги (ф): проксимальные — I, II левые (McCown T. D., Keith A., 1939).

10_{IIIк}. Целое? Разрушено в древности. (Вероятная причина разрушения — водоток по естественной ложбине, проходившей в районе погребения.)

10_{IIIн}. Первоначальное положение устанавливается только для костей правой ноги, которая была слабо согнута в коленном суставе.

10_{III}.

10_{IV}.

11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 9

8. Схул 9. Одиночное.

9. 1932, 19 мая. Рабочий. Частичная расчистка — середина июля. Снят монолитом. Окончательная расчистка в лабораторных условиях.

10_{Ia}. Погребальное сооружение? Значительная часть посткраниального скелета погребенного разрушена относительно поздней ямой с черепом большого быкообразного.

10_{Iб}. Культурный слой?

10_{Iг}. У внешнего края террасы в центральной части. Участки А—С.

Глубина 3,06 м от нулевого репера и 2,15 м от внешней поверхности.

- 10_{11a}. Мужчина.
- 10_{11б}. Около 50 лет.
- 10_{11в}. Смещение черт неандертальского и современного видов *Homo sapiens* (Brothwell D. R., 1961).
- 10_{11г}. Череп (ф). Позвонки: 5-й (фф) поясничный. Крестец (фф). Ребра (ф): 6-е, 8—11-е левые. Грудина (фф). Левая лопатка (фф). Пясть: V правая (фф). Кости таза: лобковая, седалищная правые (фф); лобковая, седалищная, подвздошная левые (ф). Левая бедренная (фф). Предплюсна правая: клиновидная медиальная (ф). Плюсна: I, II правые (фф), I левая (ф). Фаланги: медиальные — IV, V правые (ф) (McCown T. D., Keith A., 1939).
- 10_{11д}. Обширные повреждения правой и левой сторон черепа. Слева отсутствуют клиновидная, скуловая и более $\frac{1}{2}$ лобной кости. Справа сосцевидно-затылочная область вдавлена внутрь и вверх, и вся правая сторона уплощена. Соответствующая левая область смещена наружу. В районе темени — три основных поврежденных области: лобная, правая лобно-теменная, затылочно-теменная. Нёбо и зубы отсутствуют. Правая лобная область отделена мощным переломом. На левой стороне отверстие: 75 мм спереди назад и 55 мм сверху вниз; нанесено пробивающим орудием, вошедшим в череп наклонно под левым теменным бугром и вышедшим слева от затылка у основания шеи. Удар нанесен либо при жизни, либо посмертно, но до утраты мягких тканей и начала фоссиллизации. Повреждение левой бедренной и безымянной костей: глубокая полость, проходящая через головку бедра и внутреннюю стенку вертлужной впадины; в тазовой кости — рана прямоугольной формы со слегка скругленными углами: 15×5 мм; входное отверстие — 17×11 мм, глубина отверстия, пробитого до основания таза, — 307 мм. Ранение нанесено деревянным орудием человеку, лежавшему на правом боку либо стоявшему на четвереньках. Острие застряло в ране и зафиксировало бедро в сильно согнутой позиции. Левая седалищная кость разбита в щепы. Задняя часть края истинного (true) таза и крестцово-седалищного района отбита. Повреждение, по-видимому, получено в момент смерти. На месте повреждения левой подвздошной кости — канавообразное углубление — второе ранение, нанесенное, возможно, до первого (McCown T. D., Keith A., 1939. P. 74, 75, 277, 278, 281, 373).
- 10_{11e}. Предположительно северо-восток.
- 10_{11ж}. Под небольшим углом к «входу», головой к северо-восточному углу террасы.
- 10_{11з}. Целое? (Большая часть посткраниального скелета уничтожена относительно поздней ямой).
- 10_{11a}. 1б — Горизонтальное скорченное?
2б — Корпус на правом боку?
3а — Череп на правом боку?
3в — Левая нога сильно (примерно 90°) согнута в тазобедренном

суставе (возможно, данное положение левой бедренной кости зафиксировано до погребения, в момент проникающего удара, нанесенного в район тазобедренного сустава).

10_{III}.

10_{IV}.

11. McCown T. D., 1933. P. 9—15.

Схул 10

8. Схул 10. Одиночное.

9. 1935. Обнаружено в момент вскрытия монолита с костными остатками погребенного Схул 7.

10_{1a}. Погребальное сооружение не прослежено — практически полностью уничтожено погребением 7.

10_{1b}. Культурный слой?

10_{1r}. В центральной части террасы, но ближе к ее внешнему краю, справа по линии «входа». Участок F. Глубина примерно 3,04 м от нулевого репера и 2,10 м от внешней поверхности.

10_{11a}. Ребенок. Мужчина?

10_{11b}. 5—5,5 лет.

10_{11r}. Череп: фрагмент тела верхней челюсти с двумя молочными и коронками трех постоянных зубов. Нижняя челюсть (фф). Правая плечевая (фф) (McCown T. D., Keith A., 1939).

10_{11n}. ? (Разрушено погребением Схул 7.)

10_{II}.

10_{IV}.

11. McCown T. D., 1936. P. 131—140.

Схул 1—10

12. Garrod D. A. E., Bate D. M. A., 1937.

13. McCown T. D., Keith A., 1939; Snow C. E., 1953. P. 5—12; Thoma A., 1957. P. 470—502; 1958. P. 30—52; 1965. P. 519—533; Howell F. C., 1958. P. 185—198; Brothwell D. R., 1961. P. 155—159; Урысон М. И., 1964. С. 83—151; Рогинский Я. Я., 1966. С. 182—204; Кочеткова В. И., 1973. С. 203—209; Catalogue. . ., 1975. P. 140—142; Алексеев В. П., 1978. С. 38—162; Хрисанфова Е. Н., 1978; Бувак В. В., 1980. С. 68—74; Vandermeersch В., 1981; Zubov A. A., 1987. С. 93—143.

14. Binford S. R., 1968. P. 139—154; Harrold F. B., 1974; 1980. P. 195—211; Ronen A., 1976. P. 27—40; Коробков И. И., 1978. С. 47—61; Смирнов Ю. А., 1985a.

15.

16. Rockefeller Museum, Jerusalem (Схул 1, 4). British Museum (Natural History), Cromwell Road, London, SW7, England. Formerly Royal College of Surgeons Collection, с 1955 г. (Схул 9). Peabody Museum, Harvard University, Cambridge, Massachusetts 02138, U. S. A. (Схул 2, 3, 5—8, изолированные зубы).

Джебел Кафзех

Кафзех 3, 6—11, 15³⁶

1. Азия. 32°41' Север, 35°18' Восток. Израиль, в 2,5 км к югу от г. Назарет, юго-западный склон утеса Джебел Кафзех, левый берег вади эль-Хадж, 7 м выше тальвега.
2. Грот Джебел Кафзех (Кафза — «Гора пропасть»). Открыт на юго-запад. Терраса, крытый «вестибюль» и грот. Терраса: 15×12 м; «вестибюль»: 5×4 м, между ним и гротом — скальный порог, высота 2 м; грот: 21×17 м. Свод куполообразный, высота более 10 м от внешней поверхности отложений. Основной вход аркообразный, высота 5 м. Зал грота прямоугольный, в северо-западной части — «труба» с выходом на склон (завалена скальными блоками). Грот узким коридором связан с системой карстовых полостей. Известняки.
3. Восемь погребений. Кафзех 3, 6, 7 — 1934—1935: Р. Невиль и М. Штекелис (Vandermeersch B., 1981); Кафзех 8—11, 15 — 1965—1967, 1969, 1973: Б. Вандермеерш (Vandermeersch B., 1981).
4. Погребения 3, 6—10, 15 — слой L, согласно Р. Невиллю (слой XVII, согласно Б. Вандермеершу); 11 — слой XXII, по Б. Вандермеершу. Все погребения в «вестибюле». Отложения «вестибюля» соответствуют отложениям террасы. Стратиграфия сверху вниз: I—III — брекчированный натек у стенки грота; IV—VII — мустьерские слои, перекопаны; VIII — затвердевший серый слой, позволяет установить корреляцию между гротом и террасой; IX — беловато-серая брекчия, выклиненная VIIa; X — черный слой с мелким щебнем, очаги; XI — коричневое илистое отложение в плотном щебне; XII — плотный щебень, наполнитель — коричневое илистое отложение, слегка глинистое; XIII — состав тот же, что и в XI, но с более крупными известняковыми элементами; XIV — желтоватый слой мелкой щебенки, частично разложившейся; XV — глинистое пловатое отложение со щебенкой; XVa — состав тот же, что и в XV, но более темный, и щебень более плотный и мелкий; XVI — серо-черная или темно-коричневая брекчированная зона (слои с XV по XVIII — границы размыты); XVII (L)³⁷ — щебень с прослойками темно-коричневого глинистого ила, очаги; XVIII (L?) — прослойка желтого известняка, стерильна; XIX (L?) — коричневое илистое отложение с разложившимся щебнем; XX — сильно разложившаяся осыпь; XXI — мелкий щебень в коричнево-серых отложениях, очаги; XXII — мелкий щебень в сероватых отложениях; XXIII —

³⁶ Остатки изолированных черепов Кафзех 1, 2 (верхний палеолит) и Кафзех 4, 5 (черепа и отдельные фаланги кисти), 12—14 (мустье) здесь не рассматриваются. Сведения о Кафзех 15 в Catalogue... (1975. P. 129) отсутствуют.

³⁷ Буква в скобках соответствует стратиграфическим обозначениям Р. Невилля (слои с XX по XXIV отсутствуют в секторе, раскопанном в 1933—1935 гг. Vandermeersch B., 1981. P. 29).

- желтая осыпь; XXIV — щебень в коричневатом илистом отложении, очаги. Слои: XI — типичное мустье; XII—XIII — верхнее леваллуа—мустье; XIV — среднее леваллуа—мустье; XV—XXIV — нижнее леваллуа—мустье (Neuville R., 1951. P. 179—184; Howell F. C., 1959. P. 12, 13, 20; Коробков И. И., 1978. С. 66—73; Vandermeersch В., 1981. P. 21—34).
5. Слои L — нижнее леваллуа (Neuville R., 1951. P. 180; Howell F. C., 1959. P. 20). Слои XVII, XXII — мустье леваллуа-ской фации (Vandermeersch В., 1981. P. 30).
6. *Cervus elaphus*, *Dama mesopotamica*, *Bos primigenius*, *Gazella gazella*, *Alcelaphus boselaphus*, *Capra ibex*, *Sus gadarensis*, *Equus cf. mauritanicus*, *Dicerorhinus hemitoechus*, *Camelus sp.*, *Arvicanthis ectos*, *Rattus nazarensis* (по Ж. Бушу и Г. Хаасу); уровни XVI и XIX более древние, чем Табун С (Boutié P., 1979. P. 41). Слои XVII: *Equus*, *Rhinoceros*, *Dama*, *Bos*, *Gazella*. Слои XXII: *Dama mesopotamica*. Птицы: страус (яйцо) (Catalogue. . ., 1975. P. 129). Нижние слои Кафзех (XIV—XXIV) соответствуют хиатусу ED Табун (Tchernov E., 1986. P. 42—44).
- 7_I. Конец последнего интерплювиала (Howell F. C., 1959. P. 12, 13): слои G—L; Вюрм I и интерстадиал Вюрм I/II (Коробков И. И., 1978. С. 67); первая половина Вюрма (Boutié P., 1979. P. 41): первая половина вюрмского оледенения, немного древнее, чем Табун I и II (Vandermeersch В., 1981. P. 34).
- 7_{II}. Фрагментированный череп ребенка Кафзех 4 (слой XVII (L)) с глубины 2,5 м от вершины мустьерских отложений); клиновидная кость: F=0,01 %, 100F/P205=0,3, eU308=2ppm, N=0 (Catalogue. . ., 1975. P. 128).
- 7_{III}A I. Кость погребенного Кафзех 3: 39 000/45 000 лет BP; кость погребенного Кафзех 6: 40 000/46 000 лет BP (Masters P. M., 1982. P. 49).
- 7_{III}A II. Кость животного из слоя XXII: 68 000/78 000 лет BP (Masters P. M., 1982. P. 49). Обожженный кремль из слоев, имеющих отношение к погребениям: 92 000+/-5000 лет BP (Valladas H. a. o., 1988. P. 614—616). Ряд электронно-парамагнитных резонансов для слоев, имеющих отношение к погребениям, дает в среднем 98 000 лет BP (Schwarcz H. a. o., 1986. P. 733—737).
- 7_{III}A III. Кость животного из слоя XXI: 59 000/68 000 лет BP; кость животного из слоя 9 (грот): 47 000/54 000 лет BP (Masters P. M., 1982. P. 49).

Кафзех 3

8. Кафзех 3. Одиночное.
9. 1934, 22 сентября расчищен и снят череп: Р. Невиль. 1935 — расчищен и снят посткраниальный скелет: М. Штекелис.
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Ib}. Под кровлей, в восточной части «вестибюля», у боковой стенки справа по линии «входа», поблизости от его южног-

- конца. Глубина 3 м от внешней поверхности, в нескольких сантиметрах от скального дна.
- 10_{IIa}. Женщина.
 10_{IIб}. Старше 50 лет.
 10_{IIв}. *Homo sapiens sapiens* (Vandermeersch B., 1972b).
 10_{IIг}. Череп (фф). Зубы: верхние — I2, C1, P3, M3; нижние — M3.
 Позвонки: 2—7-й — шейные; грудные — два (фф); 1—5-й (фф) — поясничные. Ребра: семь фрагментов. Правая лопатка (фф). Левая плечевая (фф). Левая лучевая (ф). Правая локтевая (фф). Запястье: полулунная, головчатая, крючковидная правые (н); полулунная (ф) левая. Фаланги правые: две проксимальные, две медиальные. Две бедренные (ф). Правый надколенник (ф). Две большеберцовые (ф). Две малоберцовые (ф). Предплюсна: таранная правая? (ф); таранная, пяточная, ладьевидная (ф), медиальная, промежуточная клиновидные (н) левые (Vandermeersch B., 1981. P. 39, 267).
 10_{IIк}. M3 (правый? нижний) сильно слошен; корень обломан у шейки (в погребении не обнаружен) (Vandermeersch B., 1981. P. 172).
 10_{IIл}. Целое? (Возможно нарушение базальной части черепа и вычленение нижней челюсти?)
 10_{IIм}. 1а — Горизонтальное вытянутое?
 2в — Корпус на левом боку.
 3а — Череп на левом боку?
 10_{III}. _____
 10_{IV}. _____
 11. Köppel R., 1935. P. 58—75; Vandermeersch B., 1972b. P. 49—54; 1981.

Кафзех 6

8. Кафзех 6. Двойное? (Находилось совсем рядом (вплотную) с погребенным Кафзех 7; последнее обнаружено в ходе расчистки предполагаемого местонахождения посткраниального скелета Кафзех 6. Vandermeersch B., 1972b. P. 50; 1981. P. 32).
 9. 1934, 26 сентября расчищен и снят череп: Р. Невиль. 1936 г. — расчищены и сняты в гипсовом блоке некомплектные посткраниальные остатки: М. Штекелис.
 10_{IV}. Культурный слой?
 10_{IV}. Под кровлей, в восточной части «вестибюля», примерно в 1,5 м к северу—северо-западу от Кафзех 3, справа по линии «входа», у подножия скального порога. Глубина 3 м от внешней поверхности, в нескольких сантиметрах от скального дна.
 10_{IIа}. Мужчина.
 10_{IIб}. 20—40 лет.
 10_{IIв}. *Homo sapiens sapiens* (Vandermeersch B., 1972b).
 10_{IIг}. Череп. Две бедренные (фф). Ладьевидная? Левая плюсна: II и III? Левые фаланги: три или четыре проксимальные, три

- медиальные, одна дистальная (Vandermeersch B., 1981. P. 40, 280). Возможен постэкстугмационный отбор³⁸.
- 10_{IIA}. Пролом в районе затылочного отверстия?
- 10_{IIK}. Расчлененное? (Отсутствует нижняя челюсть. Нарушена базальная часть черепа? На месте предполагаемого нахождения посткраниального скелета — «трудная для понимания куча (скопление — amas) костей». Vandermeersch B., 1981. P. 32).
- 10_{IIA}. За — Череп на левом боку.
- 10_{III}. _____
- 10_{IV}. _____
11. Köppel R., 1935. P. 58—73; Vallois H. V., Vandermeersch B., 1972. P. 71—96; Vandermeersch B., 1972b. P. 49—54; 1981.

Кафзех 7

8. Кафзех 7. Двойное? (Находилось совсем рядом (вплотную) с погребением Кафзех 6, обнаружено в ходе расчистки предполагаемого местонахождения посткраниального скелета Кафзех 6. Vandermeersch B., 1972b. P. 50; 1981. P. 32.)
9. 1935, июнь: М. Штекелис.
- 10_{Ia}. Культурный слой?
- 10_{Ib}. Под кровлей, в восточной части «вестибюля», справа по линии «входа», у подножия скального порога. Глубина примерно 3 м от внешней поверхности, в нескольких сантиметрах от скального дна.
- 10_{IIa}. Взрослый.
- 10_{IIb}. Старше 50 лет.
- 10_{IIc}. Homo sapiens sapiens (Vandermeersch B., 1972b).
- 10_{IIK}. Череп (фф). Нижняя челюсть (фф). Правая локтевая (фф). Правое запястье: трехгранная, кость-трапеция. Правая пясть: III? метакарпальная (фф). Правые фаланги: проксимальные — III и IV?; медиальные — I и II? дистальные — одна (фф). Две малоберцовые (фф) (Vandermeersch B., 1981. P. 40). Постэкстугмационный отбор?
- 10_{IIa}. Характер погребения неясен (данные не опубликованы).
- 10_{III}. _____
- 10_{IV}. _____
11. Neuville R., 1936. P. 199; Vandermeersch B., 1972b. P. 49—54; 1981.

³⁸ В заметках Р. Невилля указано на существование позвонков у остатков индивидуума Кафзех 6 («Нам пришлось оставить скелеты (Очевидно, речь идет о скелетах индивидуумов Кафзех 3 и 6, открытых осенью 1934 г. — Ю. С.), на месте... позвонки, кажется, указывали на то, что скелеты находились в той части, которую не предполагалось раскапывать в этом году». (Vallois H. V., Vandermeersch B., 1972. P. 72)), в то время как в перечне костей они не упоминаются.

Кафзех 8

8. Кафзех 8. Одиночное.
9. 1965, конец августа—4 сентября расчищены и сняты: череп и верхняя часть скелета. 1966, июнь—сентябрь — нижняя часть скелета снята монолитом и расчищена в лабораторных условиях.
- 10_{1а}. Естественная «ниша» (углубление) в скале.
- 10_{1б}. Форма нерегулярная. Дно наклонное. Погребенный занимал площадь 1×0,80 м.
- 10_{1в}. Заполнение ниши — культурный слой? Дно погребального сооружения — известняковая осыпь — результат разрушения скального порога. В западной части ниши, на стопах погребенного, — довольно большая известняковая плита.
- 10_{1г}. Под кровлей, в северо-западной части «вестибюля», у боковой стенки, слева по линии «входа», у подножия скального порога. Квадрат В16. Глубина 3,70 м от нулевого репера. Ниша ориентирована примерно вдоль длинной оси «вестибюля» по линии юго-запад—северо-восток. Примерно в 4,5 м к северо-западу от Кафзех 3.
- 10_{1а}. Мужчина.
- 10_{1б}. Примерно 40 лет.
- 10_{1в}. *Homo sapiens sapiens* (Vandermeersch B., 1972b).
- 10_{1г}. Череп (фф) — обломок верхней челюсти с пятью зубами³⁹. Нижняя челюсть (фф). Позвонки: несколько фрагментов. Правая лопатка (фф). Правая плечевая (ф). Правая лучевая (фф). Правая локтевая (фф). Правое запястье: трехгранная, гороховидная (н), трапециевидная (ф), крючковидная, головчатая, кость-трапеция, ладьевидная, полулунная (фф). Пясть (н, ф, фф): I, III—V правые; II/III? IV левые. Фаланги (н, ф): проксимальные — I, II, IV, V правые, II, III, V левые; медиальные — II—IV правые; I—V левые; дистальные — III, IV правые. Правая подвздошная (фф). Бедренные: правая (фф), левая (ф). Две большеберцовые (ф). Две малоберцовые (фф). Стопа: правая (фф) — отсутствует V медиальная фаланга; левая (ф) — отсутствуют III и IV медиальные и IV дистальная фаланги (Vandermeersch B., 1981. P. 40, 41)⁴⁰.
- 10_{1д}. Типичный перелом левой пяточной кости. В результате — втяжение (западение) трехглавой мышцы икры и как следствие вытяжение стопы и лошадиная («танцующая», «гарцующая») походка (Dastugue J., 1981. P. 135—140).
- 10_{1е}. Погребенный занимал все (?) пространство ниши, находился плотно к задней стенке (спиной к открытой части).

³⁹ Скелет Кафзех 8 сильно разрушен за счет нахождения в непосредственной близости от туннеля размывания, начинающегося у входа в грот на уровне скального порога и идущего к террасе. Кроме того, скелет раздавлен осыпями слоя XVII (Vandermeersch B., 1969. P. 2562—2563).

⁴⁰ В тексте имеются несовпадения относительно числа сохранившихся фаланг стоп и кистей (Vandermeersch B., 1981. P. 40, 41, 233, 286).

- Голова — в наиболее углубленной части ниши.
- 10_{Iвж}. Располагался вдоль длинной оси ниши.
- 10_{IIа}. Головой на северо-восток, азимут примерно 52°.
- 10_{IIв}. Под небольшим углом к «входу»? , головой к заднебоковой стенке, лицом к скале.
- 10_{IIIк}. Целое? (Скелет сильно разрушен водотоком и осыпями.)
- 10_{IIа}. 1б — Горизонтальное скорченное.
 2б — Корпус на правом боку.
 3а — Череп на правом боку? Сильно склонен к корпусу.
 3б — Руки вытянуты вдоль тела или слабо согнуты.
 3в — Ноги в средней степени согнуты в тазобедренных суставах (бедренные кости перпендикулярны оси тела) и сильно — в коленных (большеберцовые параллельны бедренным).
- 10_{III}. Два кремневых орудия (одно — скребок) и два (?) куска красной охры (один — со следами использования) — рядом со скелетом. Связь этих предметов с погребением проблематична.
- 10_{IV}. _____
11. Vandermeersch B., 1965b. P. 247, 248; 1966a. P. 267—269; 1966b. P. 1434—1436; 1969. P. 2562—2565; 1972a. P. 7—15; 1972b. P. 49—54; 1981; 1982. P. 10—14.

Кафзех 9

8. Кафзех 9. Двойное (Кафзех 9+Кафзех 10).
9. 1967, август. Расчищено частично. Снято монолитом и окончательно расчищено в лабораторных условиях.
- 10_{Iа}. Предположительно яма.
- 10_{Iб}. Дно горизонтальное — искусственно выровнено. Погребенные занимали площадь 1,40×0,50 м.
- 10_{Iа}. Культурный слой?
- 10_{Iг}. Под кровлей, в центральной (?) части «вестибюля», прямо (?) по линии «входа». Квадраты А—В 13—14. Глубина 4,70 м от нулевого репера. Возможная ориентировка север—юг. Примерно в 3 м к северо-западу—западу от Кафзех 3.
- 10_{IIа}. Женщина.
- 10_{IIб}. Примерно 20 лет.
- 10_{IIв}. Homo sapiens sapiens (Vandermeersch B., 1972b).
- 10_{IIг}. Череп (ф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки (фф): 1—7-й шейные, 1—12-й грудные, 1—5-й поясничные. Крестец (ф). Грудина (ф). Ребра: правые (минимум со 2-го по 9-е) и левые (фф). Лопатки: правая (фф), левая (ф). Ключицы: правая (ф), левая (н). Две плечевые (ф). Две лучевые (ф). Две локтевые (ф). Запястье: правое — все кости (н); левое — все кости: ладьевидная, полулунная, гороховидная (н), остальные (ф). Пясть (н, ф): I—V правые; I—IV левые. Фаланги (н, ф): проксимальные — I—V правые, I—V левые; медиальные — II—V правые, II—V левые? дистальные — I—V правые, I—V левые. Кости таза (ф). Бедренные: правая (н), левая (ф). Надколенники: правый (н), левый (ф). Две большеберцовые (ф). Малоберцовые:

- правая (ф), левая (фф). Предплюсна: правая — все кости (н); левая — все кости (н). Плюсна: правая — все кости (н); левая — все кости (н). Фаланги (н): проксимальные — I—IV правые, I—V левые; медиальные — II—IV правые, II, III, V левые; дистальные — I—IV правые, I—III, V левые (Vandermeersch B., 1981. P. 41, 42, 226, 228, 285).
- 10_{IIa}. Правая стопа поражена «отведением большого пальца» (hallux valgus. Dastugue J., 1981. P. 135—140).
- 10_{IIb}. Ребенок (Кафзех 10) находился в нескольких сантиметрах от ног взрослого индивидуума (Кафзех 9)⁴¹, перпендикулярно длинной оси расположения последнего, спиной к нему. Ребенок занимал в длину то же пространство, что и взрослый в ширину, — около 0,50 м.
- 10_{IIc}. Головой на север, азимут примерно 21°.
- 10_{IIb}. Под углом к «входу»? , головой к задней стенке, лицом к боковой (восточной) стенке.
- 10_{IIIк}. Целое.
- 10_{IIa}. 1б — Горизонтальное скорченное.
 2в — Корпус на левом боку.
 3а — Череп на левом боку, сильно пригнут к груди.
 3б — Правое плечо прижато к корпусу и лежит на нем. Правая рука в средней степени (примерно 105°) согнута в локте, предплечье — на тазовых костях, кисть, в состоянии пронации, на метафизе левого предплечья, пальцы слабо флексированы. Левое плечо немного отведено от корпуса. Левая рука слабо (примерно 140°) согнута в плечевом суставе и в средней степени (примерно 120°) — в локтевом. Левое запястье под (?) метафизом левого бедра. Кисть, в состоянии супинации (пальцы слабо флексированы), на земле в углу, образованном правыми бедром и голенью.
 3в — Правая нога в средней степени (примерно 100°) согнута в тазобедренном суставе и сильно (примерно 50°) — в коленном. Правый коленный сустав на дистальном конце левого бедра. Левая нога слабо (примерно 135°) согнута в тазобедренном суставе и в средней степени (примерно 85°) — в коленном. Голени параллельно друг другу. Стопы оттянуты? Ноги слева от корпуса.
- 10_{III}. _____
- 10_{IV}. _____
11. Vandermeersch B., 1967. P. 264—266; 1969. P. 2562—2565; 1972a. P. 7—15; 1972b. P. 49—54; 1981; 1982. P. 10—14.

⁴¹ По другим сведениям автора раскопок, ребенок располагался вилотную к ногам взрослого.

Кафзах 10

8. Кафзах 10. Двойное (Кафзах 10+Кафзах 9).
9. 1967, август. Расчищено частично. Снято монолитом и окончательно расчищено в лабораторных условиях.
- 10_{1а}. Предположительно яма.
- 10_{1б}. Дно горизонтальное — искусственно выровнено. Погребенные занимали площадь 1,40×0,50 м.
- 10_{1в}. Культурный слой?
- 10_{1г}. Под кровлей. В центральной (?) части «вестибюля», прямо (?) по линии «входа». Квадрат А—В 13. Глубина 4,60 м от нулевого репера. Возможная ориентировка север—юг.
- 10_{11а}. Ребенок.
- 10_{11б}. Примерно 6 лет.
- 10_{11г}. Полный скелет (Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1097—1100). Отсутствуют полностью кости стоп (Vandermeersch B., 1982. P. 10—14; Tillier A.-M., 1982. P. 19—22).
- 10_{11д}. Ребенок (Кафзах 10) находился в нескольких сантиметрах от ног взрослого индивидуума (Кафзах 9), перпендикулярно длинной оси расположения последнего, спиной к нему. Ребенок занимал в длину то же пространство, что и взрослый в ширину, — около 0,50 м.
- 10_{11е}. Головой на восток, азимут примерно 81°.
- 10_{11ж}. Вдоль «входа»? головой к заднебоковой стенке, лицом к «выходу».
- 10_{11з}. Целое? (Отсутствуют кости стоп.)
- 10_{11и}. 1б — Горизонтальное скорченное.
2в — Корпус на левом боку с небольшим разворотом на спину.
3а — Череп на собственном основании сильно пригнут к груди.
3б — Правая рука вытянута параллельно телу. Левая рука согнута и подложена под голову.
3в — Ноги сильно согнуты, колени подведены к грудной клетке. Ноги слева от корпуса.
- 10_{III}. _____
- 10_{IV}. _____
11. Vandermeersch B., 1967. P. 264—266; 1969. P. 2562—2565; 1972a. P. 7—15; 1972b. P. 49—54; 1981; 1982. P. 10—14; Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1097—1100; Tillier A.-M., 1982. P. 19—22.

Кафзах 11

8. Кафзах 11. Одиночное.
9. 1969, 17 августа (Vandermeersch B., 1970. P. 299) ⁴².
- 10_{1а}. Яма.
- 10_{1б}. Овальных очертаний ⁴³. Примерные размеры 1×0,50—0,60 м. глубина 0,20—0,25 м. Дно горизонтальное.

⁴² По другим сведениям, 16 июля (Vandermeersch B., Tillier A. M., 1977. P. 177).

⁴³ Согласно Б. Вандермеершу, яма имела «в общем прямоугольную форму» (Vander-

- 10_{1а}. Впущена в скальное основание (разложившийся известняк: щебень и песок). Стенки в некоторых местах укреплены твердыми известняковыми блоками, поставленными на ребра. Большой известняковый блок положен горизонтально на погребенного на уровне тазовых костей. Все плиты доставлены со стороны (из грота?). Заполнение — пещерные (культурные?) отложения.
- 10_{1б}. Под кровлей, в центральной (?) части «вестибюля», прямо (?) по линии «входа», рядом с внутренней перегородкой южной стенки «вестибюля». Квадраты А13—В13. Глубина 5,23—5,45 м от нулевого репера⁴⁴. Яма ориентирована под углом к «входу» по линии север—юг.
- 10_{11а}. Ребенок.
- 10_{11б}. 13—14 лет.
- 10_{11в}. Homo sapiens sapiens (Vandermeersch B., Tillier A.-M., 1977. P. 177—182).
- 10_{11г}. Череп. Нижняя челюсть. Части посткраниального скелета (Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1099).
- 10_{11д}. На правой стороне лобной кости, примерно в 3 см позади лобной дуги, — вмятина диаметром 2 см, оканчивающаяся отверстием 8×5 мм. Причина этого нарушения неясна (Vandermeersch B., 1970. P. 299—300).
- 10_{11е}. Погребенный занимал примерно $\frac{2}{3}$ пространства ямы, располагаясь ближе к восточной стенке, череп прижат к северному краю ямы.
- 10_{11ж}. Вдоль длинной оси ямы.
- 10_{11з}. Головой на север, азимут примерно 351°.
- 10_{11к}. Под углом к «входу»? , головой к задней стенке, лицом к «выходу».
- 10_{11л}. Целое? (Часть позвоночного столба, кости таза и ног сильно разрушены известняковой плитой, кроме того, погребение потревожено водотоками.)
- 10_{11х}. 16 — Горизонтальное скорченное.
 2а — Корпус в положении на спине.
 3а — Череп на затылочной части?, слегка наклонен направо. (Нижняя челюсть сползла вперед и не находилась в анатомической связи с черепом.)
 3б — Правая рука сильно (примерно 20°) согнута в локте. Плечо прижато к корпусу или в очень небольшой степени отведено от него. Предплечье с наружной стороны плеча, кисть, в состоянии ротации (?), у черепа. Левая рука в сходном положении.
 3в — Ноги в средней степени согнуты в тазобедренных суставах и сильно — в коленных (одна из ног согнута в тазобедрен-

meersch B., 1970. P. 299), однако этому утверждению противоречит чертеж, на котором яма имеет явно криволинейные очертания, по крайней мере ее северная и северо-восточная стенки плавно скруглены, а на месте южной прошел разрез, по-видимому, от предшествующих раскопок, и она не была прослежена.

⁴⁴ Согласно Б. Вандермеершу (*Vandermeersch B.*, 1970. P. 299), погребение Кафзах 11 находилось на 80 см ниже скелета Кафзах 10, который частично его перекрывал (*Vandermeersch B.*, 1970. P. 300; 1981. P. 32).

ном суставе под углом примерно 100° , в коленном — примерно 30°) Ноги лежат справа от корпуса.

- 10_{III}. Рога лани с частью лобной кости (крупный экземпляр *Dama mesopotamica*) располагались на шее и верхней половине грудной клетки погребенного, находясь в контакте с правой костью, лежавшей поверх лобной кости животного, и, по-видимому, с левой височной костью погребенного. Верхний эпифиз большеберцовой кости лани (крупный экземпляр *Dama mesopotamica*), возможно, намеренно отделенный от диафиза на его границе, находился на (над?) дистальном конце одного из рогов лани. Обожженные фрагменты скорлупы (одного?) страусинового яйца — на груди погребенного. Большое число кусков красной охры, некоторые из них сравнительно больших размеров (местоположение в погребении?). Связь рогов лани с погребением очевидна; эпифиза большеберцовой кости и скорлупы — возможна; кусков охры — предположительна.

10_{IV}.

11. Vandermeersch B., 1970. P. 298—301; 1972a. P. 7—15; 1981; 1982. P. 10—14; Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1097—1100; Tillier A.-M., 1982. P. 19—22.

Кафзех 15

8. Кафзех 15. Одиночное.

9. 1973.

- 10_I. Под кровлей, в западной части «вестибюля», слева по линии «входа». Квадрат С14. Глубина 4,43 м от нулевого репера. Примерно в 4,25 м к северо-западу—западу от Кафзех 3.

10_{IIa}. Ребенок.

10_{IIb}. 8—10 лет.

- 10_{IIc}. Череп. Нижняя челюсть. Части скелета торса (туловища) и верхних конечностей (Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1099).

10_{IIa}. Головой на юго-запад, азимут примерно 225° .

- 10_{IIb}. Под углом к «входу», головой к «выходу», лицом к боковой (юго-восточной) стенке.

10_{IIc}. Расчлененное (погребение части вместо целого?). Отсутствовала вся нижняя часть посткраниального скелета — причины неясны.

10_{III}. 1 — Горизонтальное.

2б — Корпус на правом боку.

3а — Череп на правом боку?

3б — Руки согнуты, лежат справа от корпуса, кисти перед нижней челюстью?

10_{III} —

10_{IV} —

11. Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. P. 1097—1100; Vandermeersch B., 1981; 1982. P. 10—14; Tillier A.-M., 1982. P. 19—22.

Кафзех 3, 6—11, 15

12. Vandermeersch В., 1981. (Краткие заметки об археологическом и тафологическом контекстах и антропологическое описание остатков взрослых индивидуумов Кафзех 3, 6—9.)
13. Howell F. С., 1958. P. 185—198; Рогинский Я. Я., 1966б. С. 182—204; 1977. С. 100—198; Vallois H. V., Vandermeersch В., 1972. P. 71—96; Arensburg В., Nathan H., 1972. P. 301—307; Catalogue. . ., 1975. P. 127—129; Vandermeersch В., Tillier А.-М., 1977. P. 177—182; Алексеев В. П., 1978. С. 38—162; 1987. С. 6—13; Бунак В. В., 1980. С. 68—74; Dastugue J., 1981. P. 135—140; Зубов А. А., 1987. С. 93—143.
14. Harrold F. В., 1974; 1980. P. 195—211; Коробков И. И., 1978. С. 66—73; Vandermeersch В., 1982. P. 10—14; Tillier А.-М., 1982. P. 19—22; Смирнов Ю. А., 1985а.
15. _____
16. Laboratoire de paléontologie des vertébrés et de paléontologie humaine, 4 place Jussieu, 75230 Paris, France.

Мугарет Эль-Кебара

Кебара 1—3

1. Азия. Около 32°33' Север, 34°57' Восток. Израиль, 30 км к югу от г. Хайфа, 1,5 км к югу от населенного пункта Зикхрон Якоб, южная оконечность хребта Кармел, 13—15 км к югу от Мугарет эль-Вад, 15 м выше тальвега.
2. Грот Кебара. Открыт на запад. Перед входом площадка. Форма нерегулярная. Внутренние размеры до раскопок: длина 17 м, ширина 13 м, высота входа 3,6 м. Внутреннее помещение двусводчатое: высота переднего 5 м, заднего 5,6 м. В дальнем восточном углу заднего свода — «камин» высотой 20 м, выходящий на поверхность утеса. Dolomitized известняки.
3. Три погребения. Кебара 1 — 1964: М. Штекелис (Catalogue. . ., 1975. P. 136, 137)⁴⁵. Кебара 2 — 1965: М. Штекелис (Stekelis M., 1977. P. 699—702). Кебара 3 — 1983: совместная францужско-израильская экспедиция (Arensburg В. е. а., 1985. P. 227—230).
4. Погребение 1 — верхние горизонты слоя F (по номенклатуре Д. А. Е. Гаррод — Ф. Тервилл-Питри — М. Штекелиса); погребение 2 — нижние горизонты слоя F (горизонт VII номенклатуры М. Штекелиса); погребение 3 — нижние горизонты слоя F (уровень 12, по современной номенклатуре). Стратиграфия сверху вниз: А — от современности до бронзового века. В — нижний натиф; в верхней части слоя — кострища. С — кебара (верхний палеолит VI). D1—D2 — сухие красноватые пещерные

⁴⁵ В Catalogue. . . (1975. П. 136, 137, 140) погребение Кебара 1 не имеет номера, обозначено «Кебарah»; погребение Кебара 2 обозначено как «Кебарah unplumbered»; сведения о погребении Кебара 3, открытом в 1983 г., отсутствуют.

- отложения, несколько различающиеся по цвету между подразделениями — ориньяк (верхний палеолит IV). E — сухие отложения красного цвета (верхний палеолит III). F (условно разделен на горизонты I—VIII — леваллуа—мустье) — пещерные отложения светло-темно-коричневых тонов (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 98, 99, 103—110). Современные стратиграфические наблюдения: 12 литологических горизонтов (уровней): 1—3 — верхний палеолит; слои наклонены в направлении карстовой воронки, разрушившей значительную часть нижележащих мустьерских отложений. 4—6 — «переходная» фаза — верхний палеолит и мустье; следы водной активности, концентрация фосфатов, локальная брекчификация — отсутствие ясного контакта с вышележащими отложениями. 7—12 — мустье; характерно преобладание мелкозернистых илов и опесчаненных глин; многочисленные следы человеческой деятельности (Bar-Yosef O. e. a., 1986a. P. 63, 64).
5. Леваллуа—мустье (примерно соответствует фазе III Л. Коупленда), в целом поздняя стадия мустье (Arensburg V. e. a., 1985. P. 228—230; Bar-Yosef O. e. a., 1986b. P. 135—137). Мустье-леваллуаской фации, близкое мустье типичному; типологически сходно с мустье Табун — горизонты 1—19, соответствует переходу между слоями В—С и С Табун или, по Дж. Скиннеру, группе С Табун (Boutié P., 1979. P. 35, 36).
 6. Слой F (согласно С. Дейвису): *Gazella gazella*, *Capra? aegagrus*, *Bos primigenius*, *Capreolus capreolus*, *Dama dama mesopotamica*, *Cervus elaphus*, *Sus scrofa*, *Alcelaphus sp.*, *Rhinoceros sp.?*, *Equus caballus*, *E. asinus hydruntinus* (Boutié P., 1979. P. 35). 12-й горизонт Кебары соответствует верхней части нижнего горизонта слоя С Табун (Tchernov E., 1986. P. 42—44).
 - 7₁. Плейстоцен. Последний плювиал (Catalogue. . ., 1975. P. 137, 140). Первый плювиал Вюрма: 45 000 лет; первый интерплювиал: 45 000 — 35 000 — 32 000 лет; второй (Последний здесь. — Ю. С.) плювиал: 34 000—22 000—20 000 лет (Horowitz A., 1979. P. 171, 172).
 - 7_{III}АII. 41 000±1000 лет BP — GrN-2561 и 35 500±500 лет BP — GrN-2551⁴⁶ — C₁₄, образец⁴⁷ слоя F с глубины 2,5 м⁴⁸. > 30 000 (32 000) лет BP L-336D⁴⁹, образец из верхнего леваллуа—мустьерского уровня (Верхние горизонты слоя F. — Ю. С.), глубина? (Catalogue. . ., 1975. P. 137; Broecker W. S., Kulp J. S., 1957. P. 1330).
 - 7_{III}АIII. 50 000 лет BP — нижняя часть отложений грота Кебара, на

⁴⁶ 42 000±1000 лет BP — GrN-2561 и 34 690±500 лет BP — GrN-2551 (Stekelis M., 1977. P. 702).

⁴⁷ Образец GrN-2551 — остаточная фракция образца GrN-2561 (Иванова И. К., 1965. С. 120).

⁴⁸ 41 000±1000 — материал с глубины 6 м и 2,5 м (В тексте опечатка — 1,5 м. — Ю. С.) от линии контакта с верхнепалеолитическими материалами (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 135, 147).

⁴⁹ 37 000±3000 лет BP — L-336D (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 134).

основе средней скорости накопления отложений в сопоставлении с абсолютными датировками других пещерных отложений (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 147).

Кебара 1⁵⁰

8. Кебара 1. Одиночное.
9. 1964.
- 10_{I^r}. Под кровлей, у северо-восточной стенки грота.
- 10_{I^a}. Ребенок.
- 10_{I^b}. 6—9 месяцев.
- 10_{II^r}. Череп (фф). Нижняя челюсть (ф). Позвонки. Ребра. Левая бедренная (фф). Правая большеберцовая (Catalogue..., 1975. P. 137).
- 10_{III}.
- 10_{IV}.
11. Catalogue..., 1975. P. 136, 137.

Кебара 2

8. Кебара 2. Одиночное.
9. 1965, середина полевого сезона. Скелет снят монолитом.
- 10_{I^a}. Яма.
- 10_{I^b}. Неглубокая могильная яма. Размеры?
- 10_{I^b}. Пещерные отложения? Культурный слой? (Погребение совершено ниже жилого горизонта.) Яма покрыта тремя камнями.
- 10_{I^r}. Под кровлей. Слева по линии «входа», в центральной части, примерно в 4 м от боковой (северной) стенки грота. Квадрат А'6, северо-западный угол. Глубина 6,83—6,90 м от нулевого репера.⁵¹ Рядом с зоной концентрации очагов, отмеченной на глубине 6,20—6,60 м.
- 10_{I^a}. Ребенок.
- 10_{I^b}. 7—9 месяцев.
- 10_{I^b}. Морфотип ближе к группе Шанидар—Амуд—Табун, чем к группе Схул—Кафзех (Smith P., Aegensburg B., 1977. P. 175).
- 10_{II^r}. Череп (фф). Нижняя челюсть. Позвонки, идентифицированы: шесть грудных, три поясничных и несколько остистых отростков. Ребра (фф). Левая ключица (фф). Правая (?) плечевая (ф). Правая бедренная (ф). Правая большеберцовая (ф) (Smith P., Aegensburg B., 1977. P. 164, 174). Фаланги (Schick T., Stekelis M., 1977. P. 103).
- 10_{III}. Зуб носорога в могильной яме (? — Ю. С.). Каменные изделия; местонахождение?

⁵⁰ Необходимо отметить, что ни в одной из доступных автору работ, в том числе и в публикациях М. Штекелиса, никаких упоминаний об этом погребении не содержится. Более того, их нет и в публикации Т. Шика и М. Штекелиса (Schick T., Stekelis M., 1977), на выход которой ссылаются Ф. К. Хауэлл и М. К. Фриц — составители раздела «Израиль» в Catalogue... (1975. P. 125—154).

⁵¹ Репер М. Штекелиса примерно на 12 см ниже репера Ф. Тервилл-Питри.

- 10_{IV}. 1. Кострище поблизости от погребения (глубина?, расстояние от погребения?). 2. Несколько скоплений костей, не связанных с зонами кострищ, над погребением. Связь кострища и костных скоплений с погребением проблематична.
11. Catalogue... 1975. P. 140; Stekelis M., 1977. P. 699—702; Schick T., Stekelis M., 1977. P. 97—149; Smith P., Arensburg B., 1977. P. 164—176.

Кебара 3

8. Кебара 3. Одиночное.
9. 1983, октябрь. Первоначально сняты метакарпальные кости.
- 10_{Ia}. Яма.
- 10_{Ib}. Форма вытянутая (западная и юго-западная части разрушены зондажем М. Штекелиса), дно горизонтально. Прослеженная длина около 1,20 м, ширина 0,60 м на уровне грудной клетки, глубина 0,20—0,25 м.
- 10_{Ib}. Выкопана в черном углистом слое, прорезала два очага. Частично заполнена коричнево-желтым грунтом.
- 10_{Ic}. Под кровлей. Прямо или немного левее линии «входа», в центральной части, примерно в 4 м от боковой (северной) стенки под углом к «входу», восток-запад. Квадраты L20b, d—M20a, с (вероятно, квадрат B8, по М. Штекелису). Глубина 7,80 м от нулевого репера? (адекватен реперу М. Штекелиса?).
- 10_{Ila}. Мужчина.
- 10_{Iib}. Молодой. Взрослый.
- 10_{Iib}. Больше сходства с группой Табун, Амуд и Шанидар, чем с группой Кафзах—Схул (Bar-Yosef O. e. a., 1986a. P. 64).
- 10_{Iic}. Правый верхний МЗ. Нижняя челюсть. Все позвонки. Крестец. Все (?) ребра. Грудина. Две ключицы. Две лопатки. Две плечевые. Две лучевые. Две локтевые. Все (?) кости запястий. Все (?) пястные кости. Все (?) фаланги кистей. Две безымянные. Левая бедренная⁵² (перечисление костных остатков дано автором по чертежу. Arensburg B. e. a., 1985. P. 229). Сохранность костей сравнительно хорошая.
- 10_{Iie}. Погребенный располагался вплотную к северной длинной стенке могильной ямы. Головой первоначально упирался в восточную торцовую стенку ямы.
- 10_{Iic}. Вдоль длинной оси ямы.
- 10_{Iia}. «Головой» на восток, азимут примерно 77°.
- 10_{Iia}. Под углом к «входу», «головой» к заднебоковой стенке грота, первоначально лицом к «выходу».

⁵² Сохранность левой бедренной кости плохая. Дистальная треть разрушена полностью, видимо, во время зондажа М. Штекелиса. «Удалось проследить край разрушения, который проходил через левую подвадошную кость. Все, что находилось с внешней стороны этой линии, сильно разрушено. Возможно, это объясняет тот факт, что дистальный конец бедра и остальная часть левой ноги, которые находились (? — Ю. С.) в зоне зондажа, не были обнаружены предыдущими раскопками» (Arensburg B. e. a., 1985. P. 230).

- 10_{III}. Расчлененное. Из погребения удалены череп и, вероятно, все кости правой ноги. (Нижняя челюсть оставлена на месте и занимает примерно свое естественное соположение с костями осевого скелета; между восходящими ветвями — атлант; остальные позвонки в полной анатомической связи. Bar-Yosef O. a. o., 1986b. P. 137.)
- 10_{III}. 1a — Горизонтальное вытянутое?
 2a — Корпус в положении на спине.
 3a — Нижняя челюсть сдвинута к правому плечу, располагается на правой ключице восходящими ветвями вверх.
 3б — Правая рука сильно (примерно 60°) согнута в локтевом суставе. Плечевая прижата к корпусу. Предплечье на грудной клетке. Кисть, в состоянии пронации, на левой стороне грудной клетки, на уровне лопатки. Кисть не флексирована. Возможно, дистальные фаланги лежали на левой плечевой, в районе метафиза или касались его. Левая рука согнута в локте в средней степени (примерно 70°). Плечевая немного (примерно 160°) отставлена от корпуса. Дистальная часть предплечья на грудной клетке. Кисть, в состоянии пронации, на животе, на уровне 2-го и 3-го поясничных позвонков. I—III дистальные фаланги, возможно, касались проксимальной части правого предплечья.
 3в — Левая нога слабо (примерно 145°) согнута в тазобедренном суставе. Направление — влево от корпуса.
- 10_{III}. Многочисленные кремневые отщепы. Связь с погребением проблематична: «Яма вырыта в зоне интенсивного обитания (очаги), и этот уровень характеризуется обильными следами кремневого производства» (Bar-Yosef O. a. o., 1986b. P. 137), — отщепы могли попасть в могилу в ходе ее устройства.
- 10_{IV}. Кострище — непосредственно над захоронением: слой пепла и следы обожженности на костях скелета. Еще несколько кострищ — на уровне обитания, ассоциирующемся с могилкой. Связь последних с погребением проблематична.
11. Découverte d'un squelette humain. . ., 1983. P. 53, 54; Arensburg B. e. a., 1985. P. 227—230; Bar-Yosef O. e. a., 1986a. P. 63, 64; Bar-Yosef O. a. o., 1986b. P. 135—137; Bar-Yosef O. e. a., 1988. P. 17—24.

Кебара 1—3

12. _____
13. Smith P., Arensburg B., 1977. P. 164—176 (Кебара 2).
14. _____
15. _____
16. Institute of Archaeology, Hebrew University, Jerusalem (Кебара 1); Department of Antiquities and Museums, Israel Museum Compound, Ruppin Road, Jerusalem Israel (Кебара 2).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А.*, 1984. Ранний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.
- Алексеев В. П.*, 1954. Находка костных остатков ребенка мустьерского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая // СЭ. М. № 1.
- Алексеев В. П.*, 1966. Гоминиды второй половины среднего и начала верхнего плейстоцена Европы // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. ТИЭ. М. Т. 92.
- Алексеев В. П.*, 1978. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.
- Алексеев В. П.*, 1985. Человек: Эволюция и таксономия (Некоторые теоретические вопросы). М.
- Алексеев В. П.*, 1987. К обоснованию положения черепов из пещеры Джебел Кафаех в системе Гоминид // ВА. М. Вып. 78.
- Алексеева Т. И., Ефимова С. Г., Эренбург Р. Б.*, 1986. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.
- Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: Путеводитель. М., 1978.
- Богаевский Б. Л.*, 1931. Магия и религия // Воинствующий атеист. № 12.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1925. Палеоэтнографическое исследование в Крыму // Новый Восток. № 8/9.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1926. Палеолитическая стоянка в Крыму // Русский антропологический журнал. № 14.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940. Грот Киик-Коба // Палеолит Крыма. М.; Л. Вып. 1.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1941. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба // Палеолит Крыма. М.; Л., Вып. 2.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1954. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба // Палеолит Крыма. М.; Л., Вып. 3.
- Борисковский П. И.*, 1935. Исторические предпосылки оформления так называемого *Номо zariens* // ПИДО. № 5/6.
- Бунак В. В.*, 1951. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Сб. МАЭ. Л. Т. 13.
- Бунак В. В.*, 1959. Череп человека и стадаи его формирования у ископаемых людей и современных рас // ТИЭ. М. Т. 49.
- Бунак В. В.*, 1980. Род *Номо*, его возникновение и последующая эволюция. М.
- Векилова Е. А.*, 1971. Каменный век Крыма: Некоторые итоги и проблемы // МИА. М.; Л. № 173.
- Влчек Э.*, 1974. Пропорции конечностей неандертальского ребенка из Киик-Кобы // СЭ. М. № 6.
- Влчек Э.*, 1976. Морфология первой пястной кости у неандертальцев Крыма // ВА. М. Вып. 53.
- Воробьев В. П., Иванов Г. Ф.*, 1935. Краткий учебник анатомии человека. М.; Л. Т. 1.
- Герасимов М. М.*, 1954. Условия находки костей ребенка в пещере Староселье: Извлечение, консервация и реставрация их // СЭ. М. № 1.
- Герасимов М. М.*, 1955. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. М. Нов. сер. Т. 28.
- Герасимов М. М.*, 1964. Люди каменного века.
- Герасимова М. М.*, 1969. Палеоантропологические находки эпохи мустье и позднего палеолита на территории СССР // Природа и развитие первообытного общества на территории европейской части СССР. М.
- Гладилли В. Н.*, 1971. О датировке раннепалеолитических остатков в гроте Киик-Коба // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. Вып. 7.
- Гладилли В. Н.*, 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев.

- Гладилин В. Н.*, 1979. О культурно-хронологической принадлежности неандертальских погребений в гроте Киик-Коба // Исследование палеолита в Крыму. Киев.
- Гремяцкий М. А.*, 1949. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш // Тешик-Таш: Палеолитический человек. М.
- Григорьев Г. П.*, 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.
- Григорьев Г. П.*, 1972. Взаимоотношения эволюции физического типа человека с прогрессом его материальной культуры // ВА. М. Вып. 41.
- Григорьев Г. П.*, 1977. Палеолит Африки // Палеолит мира. Л.
- Григорьев Г. П.*, 1981. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск.
- Григорьев Г. П.*, 1988. Тешик-Таш и мустье Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: Тез. докл. Ташкент.
- Григорьев Г. П., Леонова Н. Б.*, 1977. Новое об антропологии и археологии Грота детей // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Громов В. И.*, 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР: Млекопитающие, палеолит // Тр. Ин-та геологич. наук. М. Геологич. сер. № 17. Вып. 64.
- Громова В. И.*, 1949. Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш: Палеолитический человек. М.
- Даль В.*, 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. 3.
- Данилова В. В.*, 1946. Содержание фтора в костях ископаемых животных как показатель геологического возраста // БКИЧП. М. Вып. 8.
- Данилова Е. И.*, 1980. О новых находках неандертальцев в Крыму: Предварительное сообщение // ВА. М. Вып. 66.
- Данилова Е. И.*, 1983. Антропологическая характеристика костных остатков неандертальских детей из III культурного слоя мустьерской стоянки Заскальная VI (Крым) // ВА. М. Вып. 71.
- Дебец Г. Ф.*, 1940. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // ТУзФАН СССР. Ташкент. Сер. историч. и археологич. Вып. 1.
- Дебец Г. Ф.*, 1947. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М.
- Дебец Г. Ф.*, 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л. Т. 4.
- Дебец Г. Ф.*, 1956. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР // Тез. докл. на сессии Отд. историч. наук и пленуме ИИМК.
- Дебец Г. Ф.*, 1966. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // СА. М. № 1.
- Долуханов П. М.*, 1966. Палеогеография палеолита Восточного Средиземноморья // Археология Старого и Нового Света. М.
- Долуханов П. М.*, 1979. География каменного века. М.
- Ефименко П. П.*, 1938. Дородовое общество. Л.
- Ефименко П. П.*, 1953. Первобытное общество. Киев.
- Ефремов И. А.*, 1950. Тафномия и геологическая летопись // ТПИ. М.; Л. Т. 24.
- Зайцев Г. Н.*, 1973. Методика биометрических расчетов. М.
- Замятин С. Н.*, 1961а. Палеолитические погребения // Очерки по палеолиту. М.; Л.
- Замятин С. Н.*, 1961б. Мустьерские погребения // Очерки по палеолиту. М.; Л.
- Захарук Ю. Н.*, 1981. Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Зубов А. А.*, 1987. Эволюция рода *Homo* от архантропа до современного человека // Становление и эволюция человека: Сб. ВИНТИ: Итоги науки и техники. М. Сер. антропологич. Т. 2.
- Зыбковец В. Ф.*, 1956. Опыт интерпретации мустьерских погребений: Был ли неандерталец религиозным? // Вопросы истории религии и атеизма. М.
- Зыбковец В. Ф.*, 1959. Дорелигиозная эпоха. М.
- Зыбковец В. Ф.*, 1967. Человек без религии. М.
- Иванова И. К.*, 1965. Геологический возраст ископаемого человека. М.
- Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: Osteологические коллекции // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. 36.
- История первобытного общества: Общие вопросы: Проблемы антропогенеза. М., 1983.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.*, 1975. Анализ археологических источников: Возможности формализованного подхода. М.
- Касавина Б. С., Торбенко В. П.*, 1979. Жизнь костной ткани.
- Клейн Л. С.*, 1978. Археологические источники: Учебное пособие. Л.

- Колосов Ю. Г.*, 1973. Палеоантропологические находки у скалы Ак-Кая // ВА. М. Вып. 44.
- Колосов Ю. Г.*, 1974. Работы Крымской палеолитической экспедиции // АО 1973 г. М.
- Колосов Ю. Г.*, 1977. Белая Скала. Симферополь.
- Колосов Ю. Г.*, 1979. Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования // Исследования палеолита в Крыму. Киев.
- Колосов Ю. Г.*, 1982. Новый метод относительной датировки пещерных археологических памятников // XI Конгресс ИНКВА: Тез. докл. М. Т. 3.
- Колосов Ю. Г.*, 1983. Мустьерские стоянки района Белогорска: К вопросу о периодизации раннего палеолита Крыма. Киев.
- Колосов Ю. Г.*, 1986. Аккайская мустьерская культура. Киев.
- Колосов Ю. Г.*, 1987. Погребения неандертальцев на стоянке Заскальная VI в Крыму // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. М.
- Колосов Ю. Г., Харитонов В. М., Якимов В. П.*, 1974. Открытие скелетных остатков палеоантропа на стоянке Заскальная VI в Крыму // ВА. М. Вып. 46.
- Констабл Д.*, 1978. Неандертальцы.
- Коробков И. И.*, 1963. Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар // ВА. М. Вып. 15.
- Коробков И. И.*, 1966. Исследования палеолита в Ираке // Археология Старого и Нового Света. М.
- Коробков И. И.*, 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.
- Косвен М. О.*, 1957. Очерки истории первобытной культуры. М.
- Кочеткова В. И.*, 1973. Палеоневрология. М.
- Крыжелев И. А.*, 1975. История религий. М.
- Левин М. Г.*, 1954. Палеоантропологические находки 1953 г. // Тез. докл. на сессии Отд. историч. наук АН СССР и пленума ИИМК. М.
- Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А.*, 1977. Погребение как объект формального анализа // КСИА. М. Вып. 148.
- Любин В. П.*, 1969. О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба // СА. М. № 2.
- Международная анатомическая номенклатура. М., 1980.
- Мортилье Г. и А.*, 1903. Доисторическая жизнь: Происхождение и древность человека. СПб.
- Нечаева Л. Г., Попова Т. А., Федоров В. В., Фрадкин Э. Е.*, 1964. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого: Сб. МАЭ. Т. 22.
- Никольский В. К.*, 1923. Очерк первобытной культуры. М.; Пг.
- Обермайер Г.*, 1913. Доисторический человек. СПб.
- Окладников А. П.*, 1939а. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане // КСИИМК. М. Вып. 2.
- Окладников А. П.*, 1939б. Находка неандертальца в Узбекистане // ВДИ. М. 1.
- Окладников А. П.*, 1940а. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии: Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш // СА. М. Т. 6.
- Окладников А. П.*, 1940б. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш: Предварительное сообщение // ТУЭФАН СССР. Ташкент. Сер. 1. Вып. 1.
- Окладников А. П.*, 1941. [Рецензия] // КСИИМК. М. Вып. 9. — Рец. на кн.: *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба // Палеолит Крыма. М.; Л., 1940. Вып. 1.
- Окладников А. П.*, 1949. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш: Палеолитический человек. М.
- Окладников А. П.*, 1952. О значениях захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // СЭ. М. № 3.
- Окладников А. П.*, 1955. Мустьерские погребения // Всемирная история. М. Т. 1.
- Окладников А. П.*, 1958. Становление человека и общества // Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л.
- Окладников А. П.*, 1966. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.
- Палеогеография Европы за последние 100 тыс. лет. М., 1982.
- Плисецкий М. С.*, 1952. О так называемых неандертальских погребениях // СЭ. М. № 2.
- Плисецкий М. С.*, 1957. Еще раз о так называемых неандертальских погребениях // Советская антропология. М. Т. 1, № 1.

- Праслов Н. Д., 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. Природа и древний человек: Основные этапы развития природы, палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене. М., 1981.
- Равдоникас В. И., 1939. История первобытного общества. Л. Т. 1.
- Ранов В. А., 1978. Палеолит Переднеазиатских нагорий // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.
- Розинский Я. Я., 1954. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье: Предварительный очерк // СЭ. № 1.
- Розинский Я. Я., 1966а. Внеевропейские палеоантропы // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. ТИЭ. М. Т. 92.
- Розинский Я. Я., 1966б. Палестинские и близкие им формы гоминид // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. ТИЭ. М. Т. 92.
- Розинский Я. Я., 1977. Проблемы антропогенеза. М.
- Розинский Я. Я., Левин М. Г., 1963. Антропология. М.
- Розалин Д. Г., 1949. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш: Палеолитический человек. М.
- Рубжанский А. Ф., 1978. Определение по костным останкам давности захоронения трупа. М.
- Семенов Ю. И., 1962. Возникновение человеческого общества. Красноярск.
- Семенов Ю. И., 1966. Как возникло человечество. М.
- Синельников Н. А., Гремяцкий М. А., 1949. Кости скелета ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш: Палеолитический человек. М.
- Синельников Р. Д., 1978. Атлас анатомии человека. М. Т. 1.
- Смирнов С. В., 1982. О некоторых методологических принципах решения проблемы антропогенеза // Методологические и методические вопросы археологии. Киев.
- Смирнов С. В., 1983. Становление основ общественного производства: Материально-технический аспект проблемы. Киев.
- Смирнов Ю. А., 1972. Погребения эпохи неолита и раннего металла лесной полосы Восточной Европы: Опыт количественного анализа // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований. М.
- Смирнов Ю. А., 1979а. Погребение в Ля Шапель-о-Сен и проблема «информационного шума» в археологии // ВА. М. Вып. 61.
- Смирнов Ю. А., 1979б. [Рецензия] // СА. М. № 4. — Рец. на кн.: Les sépultures Néandertaliennes // Actes du IXe Congrès de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Proto-historiques. Colloque XII. Nice, 1976.
- Смирнов Ю. А., 1981. Мустьерские погребения: Вариант постановки вопроса // КСИА. М. Вып. 165.
- Смирнов Ю. А., 1983. [Рецензия] // СА. М. № 3. — Рец. на ст.: Binford S. R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic // Southwestern Journal of Anthropology. Albuquerque. 1968. V. 24, N 2. P. 139—154; Harrold F. B. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia // M. A. Thesis. University of Chicago. Chicago. 1974. 63 p.; Harrold F. B. A comparative analysis of Eurasian Paleolithic burials // WA. London. 1980. V. 12, N 2. P. 195—211.
- Смирнов Ю. А., 1985а. Мустьерские погребения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Смирнов Ю. А., 1985б. Тафология: Попытка системного подхода // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Материалы совещания МОИП в 1983 г. М.
- Смирнов Ю. А., 1985в. Неандертальские погребения: История признания и состояние источников // КСИА. М. Вып. 181.
- Смирнов Ю. А., 1985г. Морфология погребения // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку.
- Смирнов Ю. А., 1986. Древнейшие погребения: Год открытия — 1886 // Природа. № 11.
- Смирнов Ю. А., 1987а. К вопросу о стратиграфической позиции детского погребения Кник-Коба 2 // КСИА. Вып. 189.
- Смирнов Ю. А., 1987б. К вопросу о культе черепа и нижней челюсти в раннем палеолите // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.
- Смирнов Ю. А., 1988. Мустьерские погребения // Общественные науки. М. Вып. 1.
- Смирнов Ю. А., 1990. Морфология погребения: Опыт создания базовой модели // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.
- Спришевский В. И. (сост.), 1974. Каталог материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент.
- Столяр А. Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.
- Сулейманов Р. Х., 1972. Статистическое изучение культуры грота Обя-Рахмат. Ташкент.
- Суслова П. В., 1949. Плейстоценовая орнитофауна из грота Тешик-Таш, Южный Узбе-

- кистан // Тешик-Таш: Палеолитический человек. М.
Тешик-Таш: Палеолитический человек. М., 1949.
- Токарев С. А., 1956. Проблема происхождения и ранних форм религии // ВФ. М. № 6.
- Токарев С. А., 1964. Ранние формы религии. М.
- Толстов С. П., 1931. Проблемы родового общества // СЭ. М. Т. 3/4.
- Ульрих Г., 1982а. Искусственные повреждения на ископаемых человеческих костях — проблемы и интерпретации // XI Конгресс ИНКВА: Тез. докл. М. Т. 3.
- Ульрих Г., 1982б. Искусственные повреждения на ископаемых человеческих костях — проблемы и интерпретации [Текст доклада, с которым автор ознакомился с любезного разрешения Г. Ульриха].
- Успенский С. И., 1969. Положение ископаемых детей из пещер Староселье и Тешик-Таш в эволюционной системе гоминид по данным стереоморфологии нейрокранов // ВА. М. Вып. 31.
- Урысон М. И., 1964. Начальные этапы становления человека: Древнейшие и древние люди // У истоков человечества: Основные проблемы антропогенеза. М.
- Формозов А. А., 1954. Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека // СЭ. М. № 1.
- Формозов А. А., 1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. М.; Л. № 71.
- Формозов А. А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.
- Формозов А. А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.
- Формозов А. А., 1983. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. М. № 3.
- Францев Ю. П., 1959. У истоков религии и свободомыслия. М.; Л.
- Хрисанфова Е. Н., 1978. Эволюционная морфология скелета человека. М.
- Хрисанфова Е. Н., 1985. Проблема неравномерности в эволюции Hominoidea // ВА. М. Вып. 75.
- Хрисанфова Е. Н., 1987. Древнейшие этапы гоминизации // Становление и эволюция человека: Сб. ВИНТИ: Итоги науки и техники. М. Сер. антрополог. Т. 2.
- Шмальгаузен И. И., 1926. Проблема смерти и бессмертия. М.; Л.
- Шмальгаузен И. И., 1983. Пути и закономерности эволюционного процесса // Избр. тр. М.
- Якимов В. П., 1954. Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов // СЭ. М. № 3.
- Якимов В. П., Харитонов В. М., 1979. К проблеме крымских неандертальцев // Исследование палеолита в Крыму. Киев.
- Alexeyev V. P., 1976. Position of the Staroselys find in the hominid system // Journal of Human Evolution. London; N. Y.; San Francisco. V. 5 N 5.
- The Amud Man and his Cave Site. Tokyo, 1970.
- Arambourg C., 1955. Sur l'attitude, en station verticale, des Néandertaliens // C. R. Acad. Sci. Paris. T. 240.
- Archeological discoveries in Iraq // Science. N. Y., 1957. V. 126, N 327.
- Arensburg B., Bar-Yosef O., Chech M., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Tchernov E., Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1985. Une sépulture néandertalienne dans la grotte de Kébara (Israël) // C. R. Acad. Sci. Paris. T. 300, N 6.
- Arensburg B., Nathan H., 1972. A propos de deux osselets de l'oreille moyenne d'un néandertaloïde trouvés à Qafzeh // L'Anthr. Paris. T. 70.
- Asmus G., 1965. Zur Datierungsfrage der paläolithischen Menschenreste aus Palästina // Anthr. Anz. Stuttgart. Jg 29.
- Bada J. L., Masters Helfman P., 1976. Application of amino acid racemisation dating in paleo-anthropology and archaeology // Datations absolues et analyses isotopiques en préhistoire: Méthodes et limites. Colloque I, IXe Congrès de l'Union Internationale des Sciences préhistoriques et protohistoriques. Parc Valrose de l'Université de Nice. Nice.
- Bader O. N., 1970. The boys of Sungir // Illustrated London News. London. N 7.
- Bar-Yosef O., 1986. The date of Near Eastern Neanderthals // L'Homme de Néandertal. Liege.
- Bar-Yosef O., Laville H., Meignen L., Tillier A.-M., Vandermeersch B., Arensburg B., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Rak Y., Tchernov E., 1986a. La sépulture de Kébara, Mont Carmel. Israël // L'Homme de Néandertal. Liege.
- Bar-Yosef O., Laville H., Meignen L., Tillier A.-M., Vandermeersch B., Arensburg B., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Rak Y., Tchernov E., 1988. La sépulture néandertalienne de Kébara (unité XII) // L'Homme de Néandertal: La Pensee. Liege.

- Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Arensburg B., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Tchernov E., Tillier A.-M.* 1986b. New data on the origin of modern man in the Levant // *Current Anthropology*. Chicago. V. 27, N 1.
- Bastin B., Lévêque F., Pradel L.*, 1976. Mise en évidence de spectres polliniques interstadiaires entre le Moustérien et la Périgordien ancien de la grotte des Cottes (Vienne) // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 282.
- Behm-Blancke G.*, 1960. Altsteinzeitliche Rastplätze im Travertingebiet von Taubach, Weimar, Ehringsdorf. Weimar.
- Berger R.*, 1975. Advances and results in radiocarbon dating: Early man in America // *WA*. London. V. 7, N 2.
- Bergounioux F. M.*, 1958. «Spiritualité» de l'Homme de Néandertal // *Hundert Jahre Neanderthaler*. Utrecht.
- Binford L.*, 1971. Mortuary practices: Their study and their potential // *Memory of the Society for American Archaeology*. N. Y.; Washington. N 25.
- Binford S. R.*, 1968. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and the Upper Paleolithic // *Southwestern Journal of Anthropology*. Albuquerque. V. 24, N 2.
- Blanc A. M.*, 1939. L'homme fossile du Monte Circeo // *L'Anthr. Paris*. T. 49.
- Blanc A. C.*, 1958. Torre in Pietra, Saccopastore, Monte Circeo: On the position of the Mousterian in the Pleistocene sequence of the Rome area // *Hundert Jahre Neanderthaler*. Utrecht.
- Bonifay E.*, 1962. Un ensemble rituel moustérien à la grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne) // *Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche*. Roma. V. 2.
- Bonifay E.*, 1964. La grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne): Stratigraphie et industrie lithique moustérienne // *L'Anthr. Paris*. T. 68, N 1/2.
- Bonifay E., Vandermeersch B.*, 1962. Dépôts rituels d'ossements d'ours dans le gisement Moustérien du Régourdou (Montignac, Dordogne) // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 255, N 4.
- Bordes F.*, 1950. Stratigraphie des fossiles humains en Belgique // *L'Anthr. Paris*. T. 54, N 5/6.
- Bordes F.*, 1959. Le contexte archéologique des hommes du Moustier et de Spy // *L'Anthr. Paris*. T. 63, N 1/2.
- Bordes F.*, 1962. Sur la chronologie du Paléolithique au Moyen Orient // *Quaternaria*. Roma. T. 5.
- Bordes F.*, 1972. A Tale of Two Caves. N. Y.
- Bordes F.*, 1981. Vingt-cinq ans après: Le complexe moustérien revisité // *BSPF*. Paris. T. 78, N 3.
- Bordes F., Bourgon M.*, 1951. Le complexe moustérien: Moustérien, Levalloisien et Tayacien // *L'Anthr. Paris*. T. 55, N 1/2.
- Bordes F., Lafille J.*, 1962. Découverte d'un squelette d'enfant Moustérien dans le gisement du Roc de Marsal, commune de Campagne-du-Bugue (Dordogne) // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 254, N 4.
- Bouchud J.*, 1966. Essai sur le renne et la climatologie du paléolithique moyen et supérieur. Périgueux.
- Bouchud J.*, 1971. Etude préliminaire de la faune du Djebel Qafzeh près de Nazareth (Israël) // VIIIe Congrès INQUA. Etudes sur le Quaternaire dans le Monde. Paris.
- Boule M.*, 1909. L'Homme fossile de la Chapelle-aux-Saints (Corrèze) // *L'Anthr. Paris*. T. 20.
- Boule M.*, 1911—1913. L'Homme fossile de la Chapelle-aux-Saints // *Ann. Paléont.* Paris. T. 6—8.
- Boule M.*, 1922. [Rec.] // *L'Anthr. Paris*. T. 32. — Rec.: *Peyrony D.* Les Moustériens inhumèrent-ils leurs morts? // *Bulletin de la Société Historique et Archéologique de Périgord*. Périgueux, 1921. T. 48.
- Boule M.*, 1925. Découvertes en Crimée // *L'Anthr. Paris*. T. 35.
- Boule M., Anthony R.*, 1911. L'encéphale de l'homme fossile de la Chapelle-aux-Saints // *L'Anthr. Paris*. T. 22, N 2.
- Boule M., Vallots H. V.*, 1952. Les hommes fossiles: Eléments de paléontologie humaine. Paris.
- Bourgon M.*, 1957. Les industries moustériennes et pré-moustériennes du Périgord // *Arch. Inst. Paléont. Hum.* Paris. Mémoire 27.
- Boutié P.*, 1979. Les gisements moustériens de Palestine // *Paléorient*. Paris. V. 5.
- Bouyssonie A. et J.*, 1909. La sépulture moustérienne de la Chapelle-aux-Saints // *Cosmos*. Paris. N 1275.
- Bouyssonie A. et L., Bardon L.*, 1908a. Découverte d'un squelette humain moustérien à la Chapelle-aux-Saints (Corrèze) // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 147.
- Bouyssonie A. et J., Bardon L.*, 1908b. Découverte d'un squelette humain moustérien à la Bouffia de la Chapelle-aux-Saints (Corrèze) // *L'Anthr. Paris*. T. 19.
- Bouyssonie A. et J., Bardon L.*, 1913. La station moustérienne de la «Bouffia» Bonneval à la Chapelle-aux-Saints // *L'Anthr. Paris*. T. 24.

- Bouyssonie J.*, 1954. Les sépultures moustériennes // *Quaternaria*. Roma. T. 1.
- Bowler J. M., Rhys Jones, Harry Allen, Thorne A. G.*, 1970. Pleistocene human remains from Australia: A living site and human cremation from Lake Mungo, western New South Wales // *WA. London*. V. 2, N 1.
- Braidwood R. J.*, 1943. Note on the age of the Galilee and Mt. Carmel skeletal material // *American Anthropologist*. Menasha. New ser. V. 45.
- Breuil H.*, 1912. Remarques sur les divers niveaux archéologiques du gisement de Spy (Belgique) // *R. Anthr. Paris*. T. 22, N 3.
- Breuil H.*, 1921. Les observations sur les sépultures moustériennes // *L'Anthr. Paris*. T. 31.
- Breuil H., Lantier R.*, 1951. *Les Hommes de la Pierre Ancienne*. Paris.
- Breuil H., Lantier R.*, 1965. *The Men of the Old Stone Age*. London.
- Broecker W. S., Kulp J. S.*, 1957. Lamont Natural Radiocarbon Measurements IV // *Science*. N. Y. V. 126, N 3287.
- Brothwell D. R.*, 1961. The people of Mount Carmel: A reconsideration of their position in human evolution // *Proceedings of the Prehistoric Society*. London; Cambridge, New ser. V. 27, N7.
- Butzer K. W.*, 1969. Geological interpretation of two Pleistocene hominid sites in the Lower Omo Basin // *Nature*. London. V. 222, N 5199.
- Butzer K. W.*, 1971. *Environment and Archaeology*. Chicago.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1909. Deux squelettes humains au milieu de foyers de l'époque moustérienne // *Comptes Rendus de la Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Paris.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1911. Un nouveau squelette humain fossile // *R. Anthr. Paris*. T. 21.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1912a. Station préhistorique de la Ferrassie // *R. Anthr. Paris*. T. 22, N 1.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1912b. Station préhistorique de la Ferrassie // *R. Anthr. Paris*. T. 22, N 2.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1912c. Trois nouveaux squelettes humains fossiles // *R. Anthr. Paris*. T. 22, N 11.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1921a. Nouvelles fouilles à la Ferrassie (Dordogne) // *Association Française pour l'avancement des sciences*. 44me session, Strasbourg, 1920. Paris.
- Capitan L., Peyrony D.*, 1921b. Découverte d'un sixième squelette moustérien à La Ferrassie (Dordogne) // *R. Anthr. Paris*. T. 31.
- Cartailhac E.*, 1912. *Archéologie: Les Grottes de Grimaldi*. Monaco. T. 2.
- Catalogue of fossil hominids*. Ed.: *Oakley K. P., Campbell B. G., Molleson Th. I.* Pt 1: Africa. London, 1977; Pt 2: Europe. London, 1971; Pt 3: Americas, Asia, Australasia. London, 1975.
- Chalma M.-C.*, 1980. Découverte d'un Néandertalien dans un niveau du Paléolithique supérieur en France // *L'Anthr. Paris*. T. 84, N 4.
- Chinzei K.*, 1970. The Amud cave site and its deposits // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Chinzei K., Kiso T.*, 1970. Geology and geomorphology around the Amud cave // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Cooke H. B. S., Malan B. D., Wells L. H.*, 1945. Fossil man in the Lebombo Mountains, South Africa: The 'Border Cave, Ingwavuma district, Zululand // *Man*. London. V. 45, N 3.
- Dastugue J.*, 1981. Pièces pathologiques de la «nécropole» moustérienne de Qafzeh // *Paléorient*. Paris. V. 7/1.
- Dastugue J., Lumley M.-A.*, 1976. Les maladies des hommes préhistoriques du Paléolithique et du Mésolithique // *La Préhistoire Française*. Paris.
- Day M. H.*, 1969. Omo human skeletal remains // *Nature*. London. V. 222, N 5199.
- Découverte d'un squelette humain dans les niveaux moustériens de la grotte de Kebara (Israël) // *Paléorient*. Paris, 1983. V. 9/2.
- Defleur-Tanoux A.*, 1982. Nouvel inventaire des sépultures néandertaliennes françaises // *Travaux du Laboratoire d'Anthropologie et Préhistoire des Pays de la Méditerranée Occidentale*. Université de Provence. Aix-en-Provence. Etude 1.
- Delibrias G.*, 1984. La datation par le carbone 14 des ossements de La Ferrassie // *Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires*. Aix-en-Provence. Mémoire 7.
- Delpèch F.*, 1984. La Ferrassie: Carnivores, Artiodactyles et Périssodactyles // *Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires*. Aix-en-Provence. Mémoire 7.
- Delporte H.*, 1976. Les sépultures moustériennes de La Ferrassie // *Les sépulture néandertaliennes*. Colloque XII, IXe Congrès. Parc Valrose de l'Université de Nice. Nice.
- Delporte H.*, 1984. Situation et historique // *Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires*. Aix-en-Provence. Mémoire 7.
- Duport L.*, 1966. Les gisements préhistoriques de la vallée des Eaux-Clares IX — Le gisement

- moustérien de Torsac (Charente), grotte E. Castaigne // *Mémoires de la Société Archéologique et Historique de la Charente*. Angoulême.
- Emilliani C., Shackleton N. J.*, 1974. The Brunhes Epoch: Isotopic paleotemperatures and geochronology // *Science*. N. Y. V. 183.
- Endo B., Kimura T.*, 1970. Postcranial skeleton of the Amud Man // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Evins M. A.*, 1981. A study of the fauna from the Mousterian deposits at Shanidar cave, northeastern Iraq // M. A. Thesis, University of Chicago. Department of Anthropology. Chicago.
- Farrand W. R.*, 1971. Late Quaternary paleoclimates of Eastern Mediterranean area // *The Late Cenozoic Glacial Ages*. New Haven.
- Farrand W. R.*, 1972. Geological correlation of prehistoric sites in the Levant // *Origine de l'homme moderne. Actes du colloque de Paris, 2-5 septembre 1969*. Paris.
- Farrand W. R.*, 1977. Palaeo-Environment of Pleistocene man in the Levant // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies*. Jerusalem. V. 13.
- Farrand W. R.*, 1979. Chronology and palaeoenvironment of Levantine prehistoric sites as seen from sediment studies // *Journal of Archaeological Science*. London. N. 6.
- Farrand W. R.*, 1982. Environmental conditions during the Lower / Middle Palaeolithic transition in the Near East and the Balkans // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. B. A. R. Int. Ser. 151. Oxford.
- Ferembach D.*, 1962. Esquisse d'un histoire raciale de la Palestine du Paléolithique inférieur au Chalcolithique // *Soc. d'Etudes et de Rech. Préhist.* T. 11.
- Fitzsimons F. W.*, 1915. Paleolithic man in South Africa // *Nature*. London. V. 95.
- Fossils in the Making: Vertebrate Taphonomy and Paleocology. Chicago; London, 1980.
- Fraipont J., Lohest M.*, 1886. La race humaine de Néanderthal ou de Canstadt en Belgique: Recherches ethnographiques sur des ossements humains découverts dans des dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique // *Bulletins de L'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique*. Bruxelles. T. 12.
- Fraipont J., Lohest M.*, 1887. La race humaine de Néanderthal ou de Canstadt en Belgique: Recherches ethnographiques sur des ossements humains, découverts dans des dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique // *Archives de Biologie*. Gand; Leipzig; Paris. T. 7.
- Garrod D. A. E.*, 1934. Excavations at the Wady el-Mughara (Palestine) 1932-1933 // *Bull. Am. Sch. Prehist. Res.* Cambridge. N. 10.
- Garrod D. A. E.*, 1954. Excavations at the Mugharet Kebara, Mount Carmel, 1931 // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Cambridge. New ser. V. 20, N. 2.
- Garrod D. A. E.*, 1956. Acheuléo-Jabroudien et «Pré-Aurignacien» de la grotte du Taboun (Mount Carmel): Etude stratigraphique et chronologique // *Quaternaria*. Roma. T. 3.
- Garrod D. A. E.*, 1962. The Middle Palaeolithic of the Near East and the problem of Mount Carmel Man // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. London; Glasgow. V. 92, pt. 2.
- Garrod D. A. E., Bate D. M. A.*, 1937. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford. V. 1.
- Garrod D. A. E., Bate D. M. A.*, 1942. Excavations at the cave of Shukbah. Palestine, 1928, with an appendix on the fossil mammals of Shukbah // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Cambridge. New ser. V. 8.
- Genovès S.*, 1954. The problem of the sex of certain fossil hominids, with special reference to the Neandertal skeletons from Spy // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. London. V. 84, pt. 1; 2.
- Girard C.*, 1976. Les civilisations du Paléolithique moyen en Basse-Bourgogne (Yonne) // *La Préhistoire Française*. Paris.
- Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968-1973 // *Etudes Quaternaires*. Aix-en-Provence, 1984. Mémoire 7.
- Gross H.*, 1956. Die Umwelt des Neanderthalers // *Der Neanderthaler und seine Umwelt*. Bonn.
- Gross H.*, 1963. Der gegenwärtige Stand der Geochronologie des Spätpleistozäns in Mittel und Westeuropa // *Quartär*. Bonn. Bd. 14.
- Hamada T.*, 1970. Comments on the reliability of bone radiocarbon // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Hamaguchi H.*, 1970. Manganese content of skeleton of the Amud Man // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Harrold F. B.*, 1974. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia // M. A. thesis. University of Chicago. Chicago.
- Harrold F. B.*, 1980. A comparative analysis of Eurasian Palaeolithic burials // *WA*. London. V. 12, N. 2.

- Hauser O.*, 1909. Découverte d'un squelette du type du Néandertal sous l'Abri Inférieur du Moustier // *L'Homme préhistorique*. Paris. 7e an., N 1.
- Hauser O.*, 1911. *Le Périgord Préhistorique*. Le Bugue.
- Hauser O.*, 1925. *Urgeschichte*. Jena.
- Heim J.-L.*, 1968. Les restes Néandertaliens de La Ferrassie: Nouvelles données sur la stratigraphie et inventaire des squelettes // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 266, N 5.
- Heim J.-L.*, 1976a. Les Néandertaliens en Périgord // *La Préhistoire Française*. Paris.
- Heim J.-L.*, 1976b. Les Hommes Fossiles de La Ferrassie // *Arch. Inst. Paléont. Hum.*, Paris. Mémoire 35, T. 1.
- Heim J.-L.*, 1981—1982. Le dimorphisme sexuel du crâne des hommes de Néandertal // *L'Anthr.* Paris. T. 85, N 2; t. 85/86, N 3.
- Heim J.-L.*, 1982. Les Enfants Néandertaliens de La Ferrassie. Paris.
- Heim J.-L.*, 1984. Les squelettes moustériens de La Ferrassie: Principaux caractères et position anthropologique parmi les autres Néandertaliens // *Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires*. Aix-en-Provence. Mémoire 7.
- Henri-Martin G.*, 1958. Relevé altimétrique à la Quina et nouvelles observations // *BSPF*. Paris. T. 55, fasc. 10.
- Henri-Martin G.*, 1964. La dernière occupation moustérienne de la Quina (Charente): Datation par le radiocarbone // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 258.
- Hesse H., Ullrich H.*, 1966. Schädel der «Homo mousteriensis Hauseri» wiederfunden // *Biologische Rundschau*. Jena. N 4.
- Higgs E. S.*, 1961. Some Pleistocene Faunas of the Mediterranean coastal areas // *Proceedings of the Prehistoric Society*. New ser. London; Cambridge. V. 27, N 6.
- Higgs E. S., Brothwell D. R.*, 1961. North Africa and Mount Carmel: Recent developments // *Man*. London. V. 61.
- Horowitz A.*, 1979. *The Qaternary of Israel*. London.
- Howell F. C.*, 1951. The place of Neanderthal man in human evolution // *Am. J. Phys. Anthropol.* Philadelphia. V. 9, N 4.
- Howell F. C.*, 1958. Upper Pleistocene men of the Southwest Asian Mousterian // *Hundert Jahre Neanderthaler*. Utrecht.
- Howell F. S.*, 1959. Upper Pleistocene stratigraphy and early man in the Levant // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia. V. 103, N 1.
- Howell F. C.*, 1961. Stratigraphic du Pléistocène Supérieur dans L'Asie du Sud-Ouest: Âge relatif et absolu de l'homme et de ses industries // *L'Anthr.* Paris. T. 65.
- Howells W. W.*, 1959. *Mankind in the Making*. N. Y.
- Howells W. W.*, 1973. Evolution of the Genus Homo. Reading.
- Howells W. W.*, 1974. Neanderthals: Names, hypothese and scientific method // *American Anthropologist*. Menasha. V. 78.
- Hrdlička A.*, 1927. The Neanderthal phase of man // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. London. V. 57.
- Hrdlička A.*, 1930. *The Skeletal remains of Early Man*. Washington.
- Jelinek A. J.*, 1975. A preliminary report on some Lower and Middle Paleolithic industries from the Tabun Cave (Israel) // *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas.
- Jelinek A. J.*, 1977. A preliminary study of flakes from the Tabun cave, Mount Carmel // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies*. Jerusalem. V. 13.
- Jelinek A. J.*, 1982. The Middle Palaeolithic in the Southern Levant, with comments on the appearance of modern Homo sapiens // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. B. A. R. Int. Ser. 151. Oxford.
- Jelinek A. J., Farrand W. R., Haas G., Horowitz A., Goldberg P.*, 1973. New excavations at the Tabun cave, Mount Carmel, Israel. 1967—1972: A preliminary report // *Paléorient*. Paris. V. 1/2.
- Jullien R.*, 1965. *Les Hommes Fossiles de la Pierre Taillée: Paléolithique et Mésolithique*. Paris.
- Kadić O.*, 1933. A Cserépfalui Mussolini-barláng // *Barlangvilág*. Budapest. K. 3, f. 2.
- Keith A.*, 1931. *New Discoveries Relating to the Antiquity of Man*. London.
- Keith A., McCown T. D.*, 1937. Mount Carmel man: His bearing on the ancestry of modern races // *Early Man*. Philadelphia.
- Klaatsch H.*, 1909. Die neuesten Ergebnisse der Paläontologie des Menschen und ihre Bedeutung für das Abstammungsproblem // *Zeitschrift für Ethnologie*. Berlin. Bd 41, H. 3, N 4.
- Klaatsch H., Hauser O.*, 1909. Homo mousteriensis Hauseri // *Archiv für Anthropologie*. Braunschweig. Bd 7, H. 4.

- Klein R. G.*, 1965. The Middle Palaeolithic of the Crimea // *Arctic Anthropology*. Published by the University of Wisconsin Press. Madison. V. 3, N 1.
- Köppel R.*, 1935. Das Alter der neuentdeckten Schädel von Nazareth // *Biblica*. Roma. N 16.
- Kroeber A. L.*, 1927. Disposal of the dead // *American Anthropologist*. Menasha. V. 29.
- Kurtén B.*, 1965. The carnivora of the Palestine caves // *Acta zoologica fennica*. Helsinki. N 107.
- Kurth G.*, 1960. Les restes humains Würmiens du gisement de Shanidar, nord-est Irak // *L'Anthr.* Paris. T. 64, N 1/2.
- Laville H., Tuffreau A.*, 1984. Les dépôts du grand abri de La Ferrassie: Stratigraphie, signification climatique et chronologie // Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires. Aix-en-Provence. Mémoire 7.
- Leakey R. E. F.*, 1969. Early Homo sapiens remains from the Omo river region of South-West Ethiopia: Faunal remains from the Omo Valley // *Nature*. London. V. 222.
- Legoux P.*, 1965. Détermination de l'âge dentaire de l'enfant Néandertalien du «Roc de Marsal» // *Révue Française d'Odonto-Stomatologie*. Paris. N 10.
- Le Gros Clark W. E.*, 1964. The Fossil Evidence for Human Evolution. Chicago.
- Leroi-Gourhan A.*, 1949. Arcy-sur-Cure (Yonne) // *Gallia*. Paris. T. 6, fasc. 1.
- Leroi-Gourhan A.*, 1950. La grotte du Loup, Arcy-sur-Cure (Yonne) // *BSPF*. Paris. T. 47. N 5.
- Leroi-Gourhan A.*, 1959. Etude des restes humains fossiles provenant des grottes d'Arcy-sur-Cure // *Ann. Paléontol.* Paris. T. 44.
- Leroi-Gourhan A.*, 1964. Les Religions de la Préhistoire: Paléolithique. Paris.
- Leroi-Gourhan A.*, 1968. Le Néandertalien IV de Shanidar // *BSPF*. Paris. T. 65, N 3.
- Leroi-Gourhan A.*, 1975. The flowers found with Shanidar IV, a Neanderthal burial in Iraq // *Science*. N. Y. V. 190.
- Lévêque F., Vandermeersch B.*, 1980. Découverte de restes humains dans un niveau castelperronien à Saint-Césaire (Charente-Maritime) // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 291.
- Lévêque F., Vandermeersch B.*, 1981. Les restes humains de Saint-Césaire (Charente-Maritime) // *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. Paris. T. 8, N 1.
- Lumley M.-A.*, 1976. Les Anténéandertaliens dans le Sud // *La Préhistoire Française*. Paris.
- MacCurdy G. C.*, 1924. Human Origins. N. Y.; London. V. 1.
- MacGregor A. B.*, 1964. The Le Moustier mandible: An explanation for the deformation of the bone and failure of eruption of a permanent canine tooth // *Man*. London. V. 64.
- Martin H.*, 1911a. Sur un squelette humain de l'époque moustérienne trouvé en Charente // *C. R. Acad. Sci. Paris*. T. 153.
- Martin H.*, 1911b. Présentation d'un crâne humain trouvé avec le squelette à la base du moustérien de La Quina (Charente) // *BSPF*. Paris. T. 8, N 10.
- Martin H.*, 1912a. L'homme fossile moustérien de La Quina // *BSPF*. Paris. T. 9, N 6.
- Martin H.*, 1912b. Position stratigraphique des ossements humains recueillis dans le moustérien de La Quina de 1908 à 1912 (1) // *BSPF*. Paris. T. 9, N 11.
- Martin H.*, 1913. Le crâne de l'homme fossile moustérien de La Quina // *Association Française pour l'avancement des sciences*. 41me session. Nîmes, 1912. Paris.
- Martin H.*, 1923. L'homme fossile de La Quina // *Archives de Morphologie, Générale et Expérimentale*. Paris.
- Masters P. M.*, 1982. An amino acid racemization chronology for Tabun // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. B. A. R. Int. Ser. 151. Oxford.
- McCown T. D.*, 1932. A note on the excavation and the human remains from the Mugharet es-Skhul (Cave of the Kids), season of 1931 // *Bull. Am. Sch. Prehist. Res. Cambridge*. N 8.
- McCown T. D.*, 1933. Fossil men of the Mugharet es-Skhul, near Athlit, Palestine, season of 1932 // *Bull. Am. Sch. Prehist. Res. Cambridge*. N 9.
- McCown T. D.*, 1936. Mount Carmel Man // *Bull. Am. Sch. prehist. Res. Cambridge*. N 12.
- McCown T. D.*, 1937a. Mugharet es-Skhul: Description and excavations // *Garrod D. A. E., Bate D. M. A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford. V. 1. Ch. 6.
- McCown T. D.*, 1937b. Excavation of the human burials of the Mugharet es-Skhul // *Garrod D. A. E., Bate D. M. A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford. V. 1, appendix 6.
- McCown T. D., Keith A.*, 1939. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford. V. 2.
- Meignen L., Bar-Yosef O.*, 1986. Variabilité technologique au Proche Orient: L'exemple de Kébara // *L'Homme de Néandertal*. Liège.
- Mellars P.*, 1986. A new chronology for the French Mousterian period // *L'Homme de Néandertal*. Liège.
- Morant G. M.*, 1927. Studies of Palaeolithic man II: A biometric study of Neanderthaloid skulls and of their relationships to modern racial types // *Ann. Eugen.* London. N 2.

- Mortillet G.*, 1885. *Le Préhistorique: Origine et Antiquité de L'homme*. Paris.
- Mortillet P.*, 1914. *Origine de Culte des Morts: Les Sépultures Préhistoriques*. Paris.
- Movius H. L.*, 1953. The Mousterian cave of Teshik-Tash, south-eastern Uzbekistan, Central Asia // *Bull. Am. Sch. Prehist. Res. Cambridge*. N 17.
- Murawski K.*, 1979. Geneza obrzędów pogrzebowych // *Z otchłani wieków*. Warszawa. R. 45, N 1.
- Die Mussolini-Höhle (Subalyuk) bei Cserépfalui [*Bartucz L., Danca T., Holledonner F.* und an.] // *Geologica Hungarica*. Budapest, 1940. Ser. Paleont. F. 14.
- Neuville R.*, 1934a. La préhistorique de Palestine // *Révue Biblique*. Paris. N 43.
- Neuville R.*, 1934b. Nouveaux hommes fossiles en Palestine // *L'Anthr.* Paris. T. 44.
- Neuville R.*, 1934—1935. Excavations in Palestine // *Q. Dep. Antique. Palest. Jerusalem*. N 5.
- Neuville R.*, 1951. Le Paléolithique et le Mésolithique du désert de Judée // *Arch. Inst. Paléont. Hum. Paris. Mémoire* 24.
- Obermaier H.*, 1912. *Der Mensch der Vorzeit*. Berlin.
- Ogawa T., Kamija T., Sakai S., Hosokawa H.*, 1970. Some observations on the endocranial cast of the Amud Man // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Paquereau M.-M.*, 1984. Etude palinologique du gisement de La Ferrassie (Dordogne) // *Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires*. Aix-en-Provence. *Mémoire* 7.
- Perkins D.*, 1960. The faunal remains of Shanidar cave and Zawi Chemi Shanidar: 1960 season // *Sumer*. Baghdad. V. 16, N 1/2.
- Peyrony D.*, 1921a. Une pierre colorée d'époque moustérienne // *Association Française pour l'avancement des sciences*. 44me session. Strasbourg, 1920. Paris.
- Peyrony D.*, 1921b. Les Moustériens inhumain-ils leurs morts? // *Bulletin de la Société Historique et Archéologique du Périgord*. Périgueux. T. 48.
- Peyrony D.*, 1930. Le Moustier: Ses gisements, ses industries, ses couches géologiques // *R. Anthr.* Paris. T. 40, N 4—6.
- Peyrony D.*, 1934. La Ferrassie // *Préhistoire*. Paris. T. 3.
- Pfeiffer J. E.*, 1972. *The Emergence of Man*. N. Y.; Evanston; San Francisco; London.
- Picard L.*, 1937. Inferences on the problem of the Pleistocene climate of Palestine and Syria drawn from flora, fauna and stratigraphy // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Cambridge. New ser. V. 3.
- Piveteau J.*, 1957. *Traite de paléontologie*. Paris. T. 7.
- Piveteau J.*, 1959. Les restes humains de la grotte de Régourdou (Dordogne) // *C. R. Acad. Sci.* Paris. T. 248.
- Piveteau J.*, 1963. La grotte de Régourdou (Dordogne): Paléontologie humaine // *Ann. Paléont.* Paris. T. 49.
- Piveteau J.*, 1964. La grotte de Régourdou (Dordogne): Paléontologie humaine // *Ann. Paléont.* Paris. T. 50.
- Piveteau J.*, 1966. La grotte de Régourdou (Dordogne): Paléontologie humaine // *Ann. Paléont.* Paris. T. 52.
- La Préhistoire Française. Paris, 1976.
- Protsch R.*, 1975. The absolute dating of Upper Pleistocene Subsahara fossil hominids and their place in human evolution // *Journal of Human Evolution*. London; N. Y.; San Francisco. V. 4. N 4.
- Puydt M., Lohest M.*, 1887. L'homme contemporain du mammoth à Spy (Mémoires Congrès archéologique. Namur, 1886) // *Ann. Fed. Archéol. Hist. Belg.* T. 2.
- Quéchon G.*, 1976. Les sépultures des Hommes du Paléolithique supérieur / *La Préhistoire Française*. Paris.
- Riquet R.*, 1972. [Rec.] // *L'Anthr.* Paris. T. 76, N 5/6. — Rec.: *Suzuki H., Takai F.* *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo, 1970.
- Roche J.*, 1976. La découverte de la Chapelle-aux-Saints et son influence dans l'évolution des idées concernant le psychisme des Néandertaliens // *Les sépultures Néandertaliennes*. Colloque XII, IXe Congrès. Parc Valrose de l'Université de Nice. Nice.
- Ronen A.*, 1976. The Skhul burials: An archaeological review // *Les sépultures Néandertaliennes*. Colloque XII, IXe Congrès. Parc Valrose de l'Université de Nice. Nice.
- Ronen A.*, 1982. Mt. Carmel caves — the first excavations // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. B. A. R. Int. Ser. 151. Oxford.
- Rutot A.*, 1909. Coup d'oeil synthétique sur l'époque des cavernes // *Bulletin de la Société Belge de Géologie*. Bruxelles. T. 23.

- Sakanoue M., Yoshioka M.*, 1970. Radiochemical studies on fossil bones from the Amud cave // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Sakura H.*, 1970a. State of the skeletons of the Amud Man in situ // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Sakura H.*, 1970b. Dentition of the Amud Man // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Schick T., Stekelis M.*, 1977. Moustérian assemblages in Kebara cave, Mount Carmel // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies*. Jerusalem, V. 13.
- Schick T., Stekelis M.* [o. J.] Excavations at Kebarah, Mouth Carmel // *Israel Exploration Society*. 13.
- Schott L.*, 1979. Schädelkult im Mittelpleistozän? // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. Berlin. H. 1, Jg 20.
- Schwarcz H., Grun R., Vandermeersch B., Bar-Yosef O., Valladas H., Tchernov E.*, 1988. ESR dates for the hominid burial site of Qafzeh in Israel // *Journal of Human Evolution*. N. Y.; London; San Francisco. V. 17.
- Senyürek M. S.*, 1957a. The skeleton of the fossil infant found in Shanidar cave, northern Iraq // *Anatolia*. Ankara. N 2.
- Senyürek M. S.*, 1957b. A further note on the Palaeolithic Shanidar infant // *Anatolia*. Ankara. N 2.
- Senyürek M. S.*, 1959. A study of the deciduous teeth of the fossil Shanidar infant: A comparative study of the milk teeth of fossil men // *Publications of the University of Ankara*. Ankara. V. 2, N 128.
- Simard S.*, 1966. Etude paléontologique des micromammifères de la grotte du Regourdou (Montignac, Dordogne) // *Thesis*. Paris.
- Skinner J. H.*, 1965. The flake industries of Southwest Asia: A typological study // Ph. O. Thesis, Department of Anthropology, Columbia University. N. Y.
- Smirnov Yu. A.* 1989. Intentional human burial: Middle Palaeolithic (Last Glaciation) beginnings // *Journal of World Prehistory*. N. Y.; London. V. 3, N 2.
- Smith P., Arensburg B.*, 1977. A Mousterian skeleton from Kebara cave // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies*. Jerusalem. V. 13.
- Snow C. E.*, 1953. The ancient Palestinian: Skhul V reconstruction // *Bull. Am. Sch. Prehist. Res.* N 17.
- Sohma K.*, 1970. Palynology of the Amud cave site // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). The Amud Man and his Cave Site. Tokyo.
- Solecki R. S.*, 1953a. A palaeolithic site in the Zagros mountains of northern Iraq: Report on a sounding at Shanidar cave, pt 2 // *Sumer*. Baghdad. V. 9, N 1.
- Solecki R. S.*, 1953b. The Shanidar cave sounding, 1953 season, with notes concerning the discovery of the first palaeolithic skeleton in Iraq // *Sumer*. Baghdad. V. 9, N 2.
- Solecki R. S.*, 1954. Palaeolithic child found in Iraq // *Archaeology*. Columbia; Brattleboro; Cambridge. V. 7, N 1.
- Solecki R. S.*, 1955a. Shanidar cave, a palaeolithic site in northern Iraq and its relationship to the Stone Age sequence of Iraq // *Sumer*. Baghdad. V. 11, N 1.
- Solecki R. S.*, 1955b. The Shanidar child: A palaeolithic find in Iraq // *Archaeology*. Columbia; Brattleboro; Cambridge. V. 8, N 3.
- Solecki R. S.*, 1955c. Shanidar cave, a palaeolithic site in northern Iraq // *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1954*. Washington. Publ. 4190.
- Solecki R. S.*, 1957a. Two Neanderthal skeletons from Shanidar cave // *Sumer*. Baghdad. V. 13, N 1/2.
- Solecki R. S.*, 1957b. Shanidar cave // *Scientific American*. N. Y. V. 197, N 5.
- Solecki R. S.*, 1960. Three adult Neanderthal skeletons from Shanidar cave, northern Iraq // *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1959*. Washington. Publ. 4392.
- Solecki R. S.*, 1961a. Three adult neanderthal skeletons from Shanidar cave, northern Iraq // *Sumer*. Baghdad. V. 17, N 1/2.
- Solecki R. S.*, 1961b. New anthropological discoveries at Shanidar, northern Iraq // *Transactions of New York Academy of Sciences*. N. Y. Ser. II. V. 23, N 8.
- Solecki R. S.*, 1963. Prehistory in Shanidar valley, northern Iraq: Fresh insights into Near Eastern prehistory from the Middle Palaeolithic to the Proto-Neolithic are obtained // *Science*. N. Y. V. 139, N 3551.
- Solecki R. S.*, 1971. Shanidar: The First Flower People. N. Y. .

- Solecki R. S.*, 1975. Shanidar IV, a Neanderthal flower burial in northern Iraq // *Science*. N. Y. V. 190, N 4217.
- Solecki R. S., Leroy-Gourhan A.*, 1961. Palaeoclimatology and archaeology in the Near East // *Annals of the New York Academy of Sciences*. V. 95, N 1. N. Y.
- Stekelis M.*, 1977. Kebara cave // *Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Oxford. V. 3.
- Stewart T. D.*, 1958. First views of the restored Shanidar I skull // *Sumer*. Baghdad. V. 14, N 1/2.
- Stewart T. D.*, 1959. Restoration and study of the Shanidar I Neanderthal skeleton in Baghdad. Iraq // *Year Book of the American Philosophical Society for 1958*. Philadelphia.
- Stewart T. D.*, 1960. From of the public bone in Neanderthal man // *Science*. N. Y. V. 131.
- Stewart T. D.*, 1961. The skull of the Shanidar II // *Sumer*. Baghdad. N 17.
- Stewart T. D.*, 1962a. Neanderthal cervical vertebrae with special attention to the Shanidar Neanderthals from Iraq // *Bibliotheca Primatologica*. Basel. N 1.
- Stewart T. D.*, 1962b. Neanderthal scapulae with special attention to the Shanidar Neanderthals from Iraq // *Anthropos*. Freiburg. N 57.
- Stewart T. D.*, 1963. Shanidar skeletons IV and VI // *Sumer*. Baghdad. V. 19, N 1/2.
- Stewart T. D.*, 1977. The Neanderthal skeletal remains from Shanidar cave, Iraq: A summary of findings to date // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia. V. 121, N 2.
- Straus W. L., Cave A. J. E.*, 1957. Pathology and posture of Neanderthal man // *Q. Rev. Biol.* Baltimore. N 32.
- Suzuki H.*, 1968. A Paleolithic fossil man from Amud cave, Israel // *Tr. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*. М.
- Suzuki H.*, 1970. The skull of the Amud Man // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Suzuki H., Takai F., Watanabe H.*, 1962. Ein neuers Neanderthaler Skelett in Galiläa entdeckt // *Anthr. Anz*. Stuttgart. Jg 25.
- Suzuki M.*, 1970. Preliminary report on fission track date of animal bone from the Amud cave // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Takai F.*, 1968. The geological age of the Amud Man and the associated mammalian fauna // *Tr. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*. М.
- Takai F.*, 1970. Fossil Mammals from the Amud cave // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Tanabe G.*, 1970. Fluorine content of the skeleton of the Amud Man // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Thoma A.*, 1957; 1958. Métissage ou transformation?: Essai sur les hommes fossiles de Palestine // *L'Anthr.* Paris. T. 61; 62.
- Thoma A.*, 1965. La définition des Néandertaliens et la position des hommes fossiles de Palestine // *L'Anthr.* Paris. T. 69, N 5/6.
- Tillier A.-M.*, 1979. Restes crâniens de l'enfant moustérien Homo 4 de Qafzeh (Israël): La Mandibule et les Maxillaires // *Paléorient*. Paris. V. 5.
- Tillier A.-M.*, 1982. Les inhumations d'enfants en Paléolithique ancien et moyen // *Les dossiers histoire et archéologie*. Paris. N 66.
- Tillier A.-M., Vandermeersch B.*, 1976. Les enfants moustériens de Qafzeh (Israël) // *C. R. Acad. Sci.* Paris. T. 282.
- Tokyo University Scientific Expedition to Western Asia (1962): Ein neues Neanderthaler Skelett in Galiläa entdekt // *Anthr. Anz*. Stuttgart, 1962. Jg 25, N 4.
- The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. B. A. R. Int. Ser., 151. Oxford, 1982.
- Trinkaus E.*, 1977a. An inventory of the Neanderthal remains from Shanidar cave, northern Iraq // *Sumer*. Baghdad. V. 33, N 1.
- Trinkaus E.*, 1977b. The Shanidar 5 Neanderthal skeleton // *Sumer*. Baghdad. V. 33, N 1.
- Trinkaus E.*, 1982. Evolutionary continuity among archaic Homo sapiens // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. B. A. R. Int. Ser. 151. Oxford.
- Trinkaus E.*, 1983a. The Shanidar Neanderthals. N. Y.; London.
- Trinkaus E.*, 1983b. Pathology and posture of the La Chapelle-aux-Saints Neanderthal // *Am. J. Phys. Anthr.* Philadelphia. N 60.
- Tschernov E.*, 1986. Mamalian communities in the Middle Palaeolithic of the southern Levant: Biostratigraphical and palaeoecological implications // *L'Homme de Néandertal*. Liege.

- Tuffreau A.*, 1984. Les industries monstériennes et castelperroniennes de La Ferrassie // *Le grand abri de La Ferrassie: Fouilles 1968—1973. Etudes Quaternaires. Aix-en-Provence. Mémoire 7.*
- Turville-Petre F.*, 1932. Excavations in the Mugharet el-Kebarah // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London. V. 62.*
- Twisselmann F.*, 1958. Les Néanderthaliens découverts en Belgique // *Hundert Jahre Neanderthaler. Utrecht.*
- Ucko P. J.*, 1969. Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains // *WA. London. V. 1.*
- Ullrich H.*, 1954. Das Neanderthaler-Kind aus der Grotte Techik-Tasch (Uzbekistan) // *Urania. Leipzig. Bd 17, N 2.*
- Ullrich H.*, 1955. Paläolithische Menschenreste aus der Sowjetunion. I: Das Mousterien-Kind von Staroselje (Krim) // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Stuttgart. Bd 47.*
- Ullrich H.*, 1958. Neanderthalerfunde aus der Sowjetunion // *Hundert Jahre Neanderthaler. Utrecht.*
- Ullrich H.*, 1986. Manipulations on human corpses, mortuary practice and burial rites in palaeolithic times // *Anthropos. Brno. V. 23.*
- Ulrix-Closset M.*, 1975. Le Paléolithique moyen dans le bassin Mosan en Belgique // *Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liege. Liege.*
- Valladas H., Geneste J. M., Meignen L., Texier P. J.*, 1986. Datations par la thermoluminescence de gisements mousteriens du sud de la France // *L'Homme de Neandertal. Liege.*
- Valladas H., Reyss J., Joron J., Valladas G., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.*, 1988. Thermoluminescence dating of Mousterian «Proto-Cro-Magnon» remains from Israel and the origins of modern humans // *Natura. London. V. 331.*
- Vallois H. V.*, 1939. La découverte du squelette du Moustier // *L'Anthr. Paris. T. 49, N 6.*
- Vallois H. V.*, 1955. Un nouvel homme moustérien en Crimée: Le squelette d'enfant de Staroselje // *L'Anthr. Paris. T. 59.*
- Vallois H. V.*, 1962. Un nouveau Néandertaloïde en Palestine // *L'Anthr. Paris. T. 66.*
- Vallois H. V.*, 1965. Le sternum néandertalien du Régourdou // *Anthr. Anz. Stuttgart. Jd 29.*
- Vallois H. V., Vandermeersch B.*, 1972. Le crâne moustérien de Qafzeh (Homo VI) // *L'Anthr. Paris. T. 76, N 1/2.*
- Vallois H. V., Movius H. L. Jr.*, 1952. Catalogue des Hommes Fossiles. Alger.
- Van Campo M., Bouchud J.*, 1962. Flore accompagnant le squelette d'enfant moustérien découvert au Roc de Marsal, commune du Bugue (Dordogne) et première étude de la faune du gisement // *C. R. Acad. Sci. Paris. T. 254, N 5.*
- Vandermeersch B.*, 1965a. Position stratigraphique et chronologie relative des restes humains du Paléolithique Moyen du Sud-Ouest de la France // *Ann. Paléont. Paris. T. 51.*
- Vandermeersch B.*, 1965b. Jebel Qafzeh // *Israel Exploration Journal. Jerusalem. V. 15, N 4.*
- Vandermeersch B.*, 1966a. Jebel Qafzeh // *Israel Exploration Journal. Jerusalem. V. 16, N 4.*
- Vandermeersch B.*, 1966b. Nouvelles découvertes des restes humains dans les couches Levalloiso-Moustériennes du gisement de Qafzeh (Israël) // *C. R. Acad. Sci. Paris. T. 262, N 13.*
- Vandermeersch B.*, 1967. Jebel Qafzeh // *Israel Exploration Journal. Jerusalem. V. 17, N 4.*
- Vandermeersch B.*, 1968. Deux squelettes d'âge moustérien en Israël // *Atomes. Paris. T. 252.*
- Vandermeersch B.*, 1969. Les nouveaux squelettes moustériens découverts à Qafzeh (Israël) et leur signification // *C. R. Acad. Sci. Paris. T. 268, N 21.*
- Vandermeersch B.*, 1970. Une sépulture moustérienne avec offrandes découverte dans la grotte de Qafzeh // *C. R. Acad. Sci. Paris. T. 270, N 2.*
- Vandermeersch B.*, 1972a. Ce que révèlent les sépultures moustériennes de Qafzeh en Israël // *Archeologia. Paris. N 45.*
- Vandermeersch B.*, 1972b. Récentes découvertes de squelettes humains à Qafzeh (Israël): Essai d'interprétation // *The origin of Homo sapiens. Proceedings of the Paris symposium 2—5 September 1969. Paris.*
- Vandermeersch B.*, 1976a. Les sépultures néandertaliennes // *La Préhistoire Française. Paris.*
- Vandermeersch B.*, 1976b. Les Néandertaliens en Charente // *La Préhistoire Française. Paris.*
- Vandermeersch B.*, 1981. Les Hommes Fossiles de Qafzeh (Israël). Paris.
- Vandermeersch B.*, 1982. Les premières sépultures // *Les dossiers histoire et archéologie. Paris. N 66.*
- Vandermeersch B., Tillier A.-M.*, 1977. Etude préliminaire d'une mandibule d'adolescent provenant des niveaux moustériens de Qafzeh, Israël // *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies. Jerusalem. V. 13.*
- Vernet J. L.*, 1981. Les fragments ligneux wurmiens de la grotte de Shanidar (Iraq) // *Paléorient. Paris. V. 7/1.*

- Virchow G.*, 1939. (Sur le Moustier) // *Anatomischer Anzeiger*. Jena. T. 88. N 11—15.
- Vlček E.*, 1976. Remains of an Neanderthal child from Kiik-Koba in the Crimea // *Anthropologia*. Bratislava. Publ. 22.
- Vlček E.*, 1977. Rekonstruktion des Postkranial-Skeletts eines Säuglings des Neandertalers aus Kiik-Koba in der UdSSR // Sonderabdruck aus *Ärztliche Jugendkunde*. Leipzig. Bd 68, H. 3.
- Watanabe H.*, 1968. A Paleolithic industry from the Amud cave, Israel // *Tr. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*. М.
- Watanabe H.*, 1970. A Palaeolithic industry from the Amud cave // *Suzuki H., Takai F.* (Eds.). *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- Watanabe H., Suzuki H., Takai F., Chinzei K.*, 1965. Amud cave // *Israel Exploration Journal*. Jerusalem. V. 15, N 4.
- Weaver K. F.*, 1985. The search for our ancestors // *National Geographic*. Washington. V. 168. N 5.
- Weindenschil F.*, 1945. The Palaeolithic child from the Teshik-Tash cave in southern Uzbekistan (Central Asia) // *Am. J. Phys. Anthr. New ser. Philadelphia*. V. 3, N 2.
- Weinert H.*, 1925. Der Schadel der eiszeitlicher Menschen von Le Moustier in neuer Zusammenfassung. Berlin.
- Wernert P.*, 1948. Le culte des crânes à l'époque paléolithique // *Histoire Générale des Religions*. Paris. T. 1.
- Woldstedt P.*, 1962. Über die Gliederung des Quartärs und Pleistozans // *Eiszeitalter and Gegenwart*. Öhringen. Bd 13.
- Wreschner E. E.*, 1982. Red ochre, the transition between Lower and Middle Palaeolithic and the origin of modern man // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. B. A. R. Int. Ser. 151. Oxford.
- Wright H.*, 1955. Geological aspects of the archeology of Iraq // *Sumer*. Baghdad. V. 11, N 2.
- Zeuner F. E.*, 1940. The age of Neanderthal man, with notes on the Cotte de St. Brelade, Jersey // *Occasion Papers of the Institute of Archaeology of the University of London*. London. N 3.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Бонч-Осмоловский Г. А.*, А1924а. Полевой дневник Крымской экспедиции об археологических разведках в Киик-Коба и Кизил-Коба // *Архив ЛОИА*. ф. 71. Д. 1.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, А1924б. Черновик доклада в Симферополе о раскопках грота Киик-Коба // *Архив ЛОИА*. Ф. 71. Д. 1.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, А1924в. Предварительный отчет о палеоэтнографических исследованиях в Крыму // *Архив ЛОИА*. Ф. 2. Оп. 1. № 123.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, А1925а. Полевой дневник археологических раскопок Крымской экспедиции палеолитической стоянки Киик-Коба // *Архив ЛОИА*. Ф. 71. Д. 2.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, А1925б. Черновик письма к А. Хрдличке с изложением результатов раскопок грота Киик-Коба // *Архив ЛОИА*. Ф. 71. Д. 56.
- Замяткин С. Н.*, А1933. Палеолитические погребения // *Архив ЛОИА*. Ф. 35. Оп. 2. № 339. Кол. оп. материалов раскопок грота Киик-Коба // *Архив МАЭ (Отд. археологии)*, № 5390. 960—966.
- Кол. оп. антропологических находок грота Киик-Коба // *Архив МАЭ (Отд. антропологии)*. № 5496, 5497.
- Колосов Ю. Г.*, А1973а. Дневник раскопок стоянки Заскальная VI // *Архив ИА АН УССР*. 1973/1а. № 6637.
- Колосов Ю. Г.*, А1973б. Отчет о работе Крымской палеолитической экспедиции в Белогорском р-не Крымской обл. // *Архив ИА АН УССР*. 1973/1б. № 6635, 6636.
- Окладников А. П.*, А1938а. Краткий отчет о работе в Узбекистане // *Архив ЛОИА*. Ф. 35. Оп. 1. № 206.
- Окладников А. П.*, А1938б. Список фауны из раскопок А. П. Окладникова пещер Тешик-Таш и Эмир-Темир (определение В. И. Громовой), Узбекистан // *Архив ЛОИА*. ф. 35. Оп. 1. № 107.
- Формозов А. А.*, А1953. Отчет об археологических исследованиях в Крымской обл. // *Архив ИА*. Р-1. № 910.
- Смирнов Ю. А.*, А1985. Мустьерские погребения: Дис. . . канд. ист. наук // *Архив ИА*. Р-2. № 2334, 2334а.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
М.
ВА — Вопросы антропологии. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИНИТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации
ВФ — Вопросы философии. М.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИА — Институт археологии АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИНКВА — Международный союз по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР. Л.
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МОИП — Московское общество испытателей природы
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
СА — Советская археология. М.
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.
ТПИ — Труды Палеонтологического института АН СССР. М.
ТУзФАН СССР — Труды Узбекского филиала АН СССР. Ташкент

Am. J. Phys. Anthr. — American Journal of Physical Anthropology

Ann. Paléont. — Annales de Paléontologie

Ann. Eugen. — Annals of Eugenics

L'Anthr. — L'Anthropologie

Anthr. Anz. — Anthropologischer Anzeiger

Arch. Inst. Paléont. Hum. — Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine

B. A. R. Int. Ser. — British Archaeological Reports, International Series

Bull. Am. Sch. Prehist. Res. — American School of Prehistoric Research. Bulletin

VSPF — Bulletin de la Société Préhistorique Française

C. R. Acad. Sci. — Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences

Q. Dep. Antiqs. Palest. — Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine

Q. Rev. Biol. — Quarterly Review of Biology

R. Anthr. — Revue anthropologique

WA — World Archaeology

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Предисловие	5
Предисловие	5
Постановка проблемы	10
Цели и задачи исследования	12
Географические, хронологические и культурологические рамки работы	13
Глава первая	
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ	17
Соотношение тафономии и тафологии	17
Способы обращения с умершими: Системный подход	23
Погребальный комплекс: Формальный анализ	24
Принципы отбора материала	28
Костные остатки ископаемых гоминидов и критерии оценки преднамеренного характера погребения	30
Позиция погребенных и критерий оценки преднамеренного характера погребения по способу «ритуального» размещения тела умершего	53
Погребальный инвентарь и критерии оценки его преднамеренного нахождения в погребении	55
Дополнительные структуры и критерии оценки их связи с погребениями	59
Глава вторая	
ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ МУСТЬЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ	61
История изучения	61
Зарубежная историография	69
Советская историография	92
Глава третья	
ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	107
Мутьерские погребения как археологический источник	107
Описание памятников	111
Анализ источников	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
КАТАЛОГ МУСТЬЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЕВРАЗИИ	231
Предварительные замечания	231
Система описания	232
Каталог	237
ЛИТЕРАТУРА	324
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	338
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	339

Научное издание

Смирнов
Юрий Александрович
МУСТЬЕРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ЕВРАЗИИ:

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
И ОСНОВЫ ТАФОЛОГИИ

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина
Редактор издательства Н. И. Сергиенская
Художник Л. А. Рабенац
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры Н. А. Несмеева, Ф. Г. Сурова

ИБ № 39039

Сдано в набор 15.05.90

Подписано к печати 04.07.91

Формат 70×90¹/₁₆

Бумага офсетная № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 25,15. Усл. кр.-отт. 25,15. Уч.-изд. л. 27,6

Тираж 600 экз. Тщ. зак. 394

Цена 11 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12